

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ

ПРОТОИЕРЕЯ

ЮАННА
ВОСТОРГОВА

ТОМЪ 2

Серия: "Духовное возрождение Отечества"

**ПРОТОИЕРЕИ
ИОАНН ВОСТОРГОВ**

**Полное собрание сочинений
в 5-ти томах**

**Санкт-Петербург
1995 г.**

*По благословению митрополита
Санкт-Петербургского и Ладозжского Иоанна*

**Издатели приносят искреннюю благодарность ПРОМЫШ-
ЛЕННО-СТРОИТЕЛЬНОМУ БАНКУ Санкт-Петербурга, без
материальной поддержки которого было бы невозможно изда-
ние серии "Духовное возрождение Отечества".**

В настоящий том вошли проповеднические труды о. Иоанна Восторгова периода его пастырского служения в г. Тифлисе (с 1901 г. по 1905 г. вкл.) в должности Окружного Наблюдателя церковных школ в епархиях Грузинского экзархата.

Прот. I. I. Восторговъ.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ.

Т. II-й.

ПРОПОВѢДИ И ПОУЧИТЕЛЬНЫЯ СТАТЬИ
НА РЕЛИГИОЗНО-ПРАВСТВ. ТЕМЫ.

1901—1905 гг.

МОСКВА.

1914.

Новый годъ и новый вѣкъ.*

За длинной вереницей минувшихъ столѣтій уходитъ теперь въ вѣчность вмѣстѣ со старымъ годомъ и старый XIX вѣкъ. Но столѣтія въ жизни человѣчества не отдѣляются одно отъ другого механически; между ними остается органическая связь, хотя, конечно, на протяженіи ста лѣтъ, при смѣнѣ нѣсколькихъ поколѣній, всегда можно выдѣлить одно или нѣсколько вѣяній вѣка, которыя можно назвать его характеристическимъ признакомъ. Последнее изъ нихъ есть какъ бы завѣтъ отходящаго въ невозвратную вѣчность столѣтія его юному преемнику.

Минувшій вѣкъ по справедливости можно назвать много пожившимъ и много испытавшимъ, въ смыслѣ разнообразныхъ направленій и теченій мысли; слишкомъ сложна была его духовная жизнь, слишкомъ много разнообразныхъ наслоеній заключаетъ она въ себѣ, чтобы возможно было легко и безошибочно подвести ихъ подъ одно всеобъемлющее начало. Основные запросы человѣческаго духа не измѣняются съ перемѣной столѣтій; все тѣ же они, эти вопросы вышшаго порядка, вопросы о смыслѣ и цѣли бытія, нерѣдко затѣняемые ежедневною суетолокою жизни, но никогда не умирающіе: такъ, среди калейдоскопическихъ перемѣнъ въ окружающей природѣ, среди явленій временныхъ, иногда мгновенныхъ, существуютъ длительные, вѣковые, относительно вѣчные процессы жизни. И какъ

* Статья „Кавказъ“ 1 января 1901 г.

въ природѣ во всѣ вѣка, возвышаясь надъ всѣми переменами ея жизни, неизмѣнно дѣйствуетъ вложенный Богомъ законъ всемірнаго тяготѣнія, такъ въ человѣческомъ богоподобномъ духѣ, не умирая, дѣйствуетъ всечеловѣческое и всемірное тяготѣніе его къ безконечному центру міра...

Отшедшій отъ насъ XIX вѣкъ въ движеніяхъ мысли не далъ окончательнаго разрѣшенія великихъ вопросовъ о смыслѣ и цѣли бытія. И къ нему приложимо слово поэта: „Старѣясь въ сомнѣннѣяхъ о великихъ тайнахъ, идутъ невозвратно вѣка за вѣками; у cadaго вѣка вѣчность вопрошаетъ: чѣмъ кончилось дѣло? Вопросы другого, каждый отвѣчаетъ“. Но справедливость требуетъ сказать, что минувшій вѣкъ нельзя упрекнуть въ недостаткѣ пыливости и энергіи въ этой вѣковѣчной работѣ. И нужно отказаться совсѣмъ отъ вѣры въ обладаніе истиной и осудить, такимъ образомъ, духъ человѣка на невозможное для него самоубійство, нужно совсѣмъ отказаться отъ вѣры въ человѣка, чтобы не видѣть глубоко важнаго значенія въ этой тяжелой духовной работѣ вѣка. Плоды ея не сразу вмѣстимы въ разумъ и не сразу могутъ броситься въ глаза, но во всякомъ случаѣ эта сложная духовная работа не прошла даромъ.

Не станемъ ни скрывать, ни умалять самыхъ ошибокъ вѣка: онѣ были, и были ошибки дѣйствительно горькія и печальныя, но и онѣ послужатъ, да уже и послужили къ концу столѣтія къ оздоровленію мысли.

Въ наслѣдіе отъ своего предшественника истекшій вѣкъ получилъ разложившійся рационализмъ философіи энциклопедистовъ, быстро облетѣвшей Европу и затѣмъ выродившейся въ мистическій піетизмъ. Отклоненіе маятника вправо даетъ затѣмъ такое же отклоненіе влево: и мистицизмъ, какъ реакція противъ недавнихъ увлеченій вольномысліемъ энциклопедистовъ, получилъ сильное распространеніе въ Европѣ: захватилъ онъ и высшіе слои нашего отечества, и въ лицѣ г-жи Крюднеръ, г-жи Гюйонъ, франъ-масоновъ отразился въ умственныхъ теченіяхъ и русскаго общества.

Слѣдующая, особенно замѣтная ступень въ направленіи умственной жизни вѣка,—это идеализмъ Гегеля. Въ крайно-

стяхъ гегельянства все бытіе низведено было на чистую идею, и между духомъ и матеріей, Творцомъ и твореніемъ, идеей и дѣйствительностью исчезли всѣ отличія. Но реальные запросы мысли и жизни не могли быть подавлены отвлеченною теоріей, и вотъ, какъ это ни странно, съ одной стороны, подъ влияніемъ этихъ запросовъ, съ другой стороны, въ логическомъ развитіи самого гегельянства—его крайняя лѣвая, какъ выражаются историки философіи, неожиданно вырождается въ грубый матеріализмъ... Можно сказать, это послѣднее міросозерцаніе, упростившееся до крайности и спустившееся съ верховъ философіи въ самыя низины толпы, прошумѣло въ Европѣ болѣе всѣхъ другихъ. Временно оно связало себя съ успѣхами естествознанія, получившаго въ нашъ вѣкъ небывалое развитіе, и, опираясь на открытія и изобрѣтенія въ области матеріальной культуры, горделиво и самоувѣренно предъявило претензію сказать послѣднее слово въ области мысли. Необыкновенное, невиданное увлеченіе наукою охватило всю мыслящую Европу; но подъ влияніемъ матеріализма самая наука, принявъ форму позитивизма, слишкомъ сузила свою сферу и предъявила попытку совсѣмъ выбросить изъ своей области всѣ вопросы, касавшіяся собственно духа человѣческаго; поколѣніе, выросшее и воспитавшееся подъ влияніемъ этого міросозерцанія, считало себя въ правѣ безнаказанно отрицать все недоступное нашимъ вѣшнимъ чувствамъ—религію, совѣсть, нравственность и проч.; уничтоженіе вопросовъ оно считало ихъ разрѣшеніемъ, и свои ограниченные стремленія и свои смѣлыя вѣрованія оно резюмировало въ слѣсивой фразѣ, которая свидѣтельствовала только объ ограниченности: „Въ мірѣ нѣтъ болѣе тайнъ“... Трудно представить, какіе чудовищные для нравственной и религіозной жизни человѣчества выводы были сдѣланы изъ открытій биологіи и физиологіи—изъ закона сохраненія вещества, естественнаго подбора и борьбы за существованіе... Казалось, наступаетъ крушеніе всѣхъ идеаловъ, и матеріализмъ, потворствуя чувственности, потакая низменнымъ стремленіямъ толпы, будучи „дешевымъ міросозерцаніемъ“, доступнымъ самой обыкновенной ограниченности, подорветъ всѣ высшія идеальныя стремленія. Дѣйствительно, никогда не совершалось столько пре-

ступлений, никогда не было такого разлива чувственности, какъ во время господства этого жалкаго міровоззрѣнія; конечно, эти явленія преступности бывали и бываютъ при всѣхъ условіяхъ жизни, но теперь они не скрывались, открыто показывались на свѣтъ, не стыдились себя, а находили себѣ оправданія въ господствующихъ теоріяхъ и ложныхъ ссылкахъ на науку. Къ счастью, духовную жизнь человѣка нельзя подавить въ конецъ. Какъ теорія, матеріализмъ скоро началъ терять свое обаяніе, обнаруживая свою несостоятельность, и истинная наука скоро открыто и безповоротно отказалась отъ услугъ этого мнимаго союзника. Невѣроятною становилась послѣ всѣхъ этихъ огульныхъ отрицаній всего сверхъестественнаго та жажда невѣдомаго и таинственнаго, которая стала замѣчаться повсюду. Но не сразу она нашла себѣ исходъ и удовлетвореніе тамъ, гдѣ она давнымъ-давно указана Тѣмъ, Кто вложилъ намъ въ душу эту жажду... Въ „Плодахъ просвѣщенія“ нарисована картина этого исканія... Въ мрачныхъ сеансахъ спиритизма, въ постукиваніяхъ и движеніяхъ бездушнаго стола, часто бессмысленныхъ и смѣшныхъ, въ безцѣльныхъ вызываніяхъ умершихъ, въ письменныхъ сношеніяхъ съ духами— вотъ гдѣ искали удовлетворенія требованіямъ проснушагося духа... Чувственная сторона оказывалась далеко не единственной въ человѣкѣ, но долговременное удовлетвореніе одной чувственности и забвеніе о другой сторонѣ человѣческаго существа естественно произвело утомленіе, разочарованіе въ тѣхъ свѣтлыхъ надеждахъ, которыя возлагались на науку, принесло уныніе,—и на испещренной фizioноміи нашего вѣка появилась еще глубокая и рѣзкая морщина... Мы говоримъ о пессимизмѣ. Культурный человѣкъ, способный наблюдать и оцѣнивать явленія жизни и мысли, дѣйствительно терялся въ безвыходныхъ противорѣчіяхъ вѣка.

Укажемъ на нѣкоторыя изъ этихъ противорѣчій.

Горячая вѣра въ науку окрылила мыслителей нашего вѣка свѣтлою надеждою устроить рай на землѣ, создать путемъ естественнаго гуманизма общеніе народовъ, въ общей дружной культурной работѣ имѣющихъ вступить въ вѣчный миръ. Извѣстный Бокль уже смѣло объявлялъ крымскую войну послѣд-

нимъ остаткомъ отживавшаго варварства. И какъ бы въ насмѣшку надъ всѣми этими чаяніями, тягостный милитаризмъ, „вооруженный миръ“,—вотъ что служило отвѣтомъ смѣлому пророчеству. Милитаризмъ обращаетъ Германію, эту страну философовъ и поэтовъ, въ сплошную казарму, истощаетъ экономическую жизнь народовъ; войны слѣдуютъ за войнами, человѣческая изобрѣтательность и самые выводы науки обращаются на измышленіе новыхъ орудій истребленія людей, и въ настоящія минуты, когда мы пишемъ эти строки, Европа находится въ полномъ напряженіи военныхъ силъ и ведетъ брань въ двухъ отдаленныхъ мѣстностяхъ земного шара.

Рядъ открытій и изобрѣтеній, открывшихъ человѣку возможность пользоваться такими силами, какъ паръ и электричество, развитіе промышленности, усиленное производство всѣхъ предметовъ міровой торговли,—все это, повидимому, обѣщало цѣлый переворотъ въ области социальна-экономической жизни народовъ, въ смыслѣ смягченія и даже полного уничтоженія бѣдности. Мечтателямъ рисовались заманчивыя картины всеобщаго матеріальнаго довольства, — и, какъ бы въ насмѣшку, никогда не бросалась въ глаза такъ рѣзко разница между богатствомъ и бѣдностью, никогда капиталъ не былъ такимъ всесильнымъ господиномъ, никогда плутократія не обособлялась такъ отъ бѣдности и нищеты. Повидимому, весь культурный прогрессъ оказался выгоднымъ только ничтожной горсти милліонеровъ, и промышленность, желѣзныя дороги, пароходство, электрическія и паровыя машины,—все это сдѣлало жизнь рабочихъ классовъ гораздо бѣдственнѣе, чѣмъ была она прежде.

Какъ бы усиливая это противорѣчіе, капиталистическая промышленность создала изъ рабочихъ цѣлое царство своихъ подданныхъ, надъ которыми она господствуетъ страхомъ голодной смерти,—и это въ тотъ вѣкъ, когда болѣе, чѣмъ когда-либо, возглашались идеи о всеобщемъ равенствѣ, о правахъ демократіи и проч., когда старательно разбивали всѣ стѣсныя, идущія отъ традиціи вѣры, государственной и церковной жизни минувшихъ вѣковъ, традиціи, называемыя рабствомъ, несоотвѣтствующимъ свободному духу человѣка XIX столѣтія. Власть денегъ захватила не одни рабочіе классы: она порабо-

тила газету, книгу, подчинила себѣ и учителя, и чиновника, и общественнаго дѣятеля...

Сумма знаній увеличилась въ минувшемъ столѣтіи, и наука одѣлалась общедоступной; множество учебныхъ заведеній, безчисленныя газеты, особыя просвѣтительныя учрежденія расширили кругъ распространенія и первоначальной грамотности и научныхъ свѣдѣній. Казалось, что подъ вліяніемъ просвѣщенія жизнь людей будетъ, если не совершенно, то во всякомъ случаѣ болѣе, чѣмъ въ прежнее время, свободна отъ проявленной дикости, жестокости и преступленій. И вотъ, опять какъ бы въ насмѣшку, раздается возгласъ, что Европа „одичала“ въ нравственномъ отношеніи. Коварство въ политикѣ, подлоги, обманы, измѣны характеризовали международныя отношенія (стоитъ вспомнить только Бисмарка); множество самыхъ дикихъ преступленій, жестокихъ и безсмысленныхъ убійствъ, случаевъ воровства цѣлыхъ милліоновъ рублей, принадлежащихъ бѣднотѣ, злостныхъ банкротствъ, небывалыя проявленія наглаго до циничности эгоизма,—все это омрачало жизнь нашу въ послѣднія десятилѣтія.

Удлинять ли эти параллели противорѣчій? Говорить ли о томъ, что, несмотря на всеобщее стремленіе къ удовольствіямъ, на ненависть ко всякому виду аскетизма, несмотря на то, что мѣста увеселеній увеличились до возможной степени, что доступъ къ нимъ открытъ самый широкій, такъ что явилась даже такъ-называемая „увеселительная благотворительность“, — несмотря на все это, истинная жизнерадостность нисколько не повысилась, людямъ стало жить печальнѣе и скучнѣе. Здѣсь одно изъ самыхъ рѣзкихъ противорѣчій истекшаго вѣка, дающаго, по статистическимъ свѣдѣніямъ, до 50.000 самоубійствъ въ годъ въ одной Европѣ и до 500 самоубійствъ въ годъ *среди учащихъся дѣтей* только въ одномъ изъ учебныхъ округовъ Франціи...

Немудрено, что, подъ вліяніемъ этихъ бросающихся въ глаза противорѣчій, возникъ и развился мрачный пессимизмъ, и представители его въ философіи и въ литературѣ стали пользоваться замѣтнымъ вліяніемъ. Небытіе лучше бытія, и самый міръ есть нѣчто такое, что не должно бы быть совсѣмъ,—

таково послѣднее слово этого міровоззрѣнія. Но если бы пессимизмъ удержалъ за собою господствующее положеніе среди настроеній вѣка, это бы значило, что человѣчество истощило свои жизненные силы. Къ счастью, пессимизмъ всегда былъ явленіемъ временнымъ. И къ концу вѣка европейское человѣчество возвратилось снова къ болѣе отрадному міросозерцанію, которое въ состояніи удовлетворить никогда не умирающія въ человѣкѣ высшія духовно-нравственные потребности. Мы разумѣемъ тотъ благотворный духъ религіозно-нравственнаго возрожденія, который въ послѣднее десятилѣтіе минувшаго вѣка наложилъ такую замѣтную печать на всѣ стороны жизни. Необыкновенно возросъ интересъ къ исторіи религіи; необыкновенно возросъ интересъ къ христіанству, къ его Основателю, къ исторіи его Церкви, къ разрѣшенію нравственныхъ вопросовъ. Это явленіе замѣчено всюду, какъ „возрожденіе спиритуализма“ и, къ чести нашей сказать, во Франціи, напримѣръ, въ значительной степени приписывается вліянію „русскаго романа“. Правда, подъ вліяніемъ пережитаго ряда смѣняющихся міровоззрѣній, подъ вліяніемъ воѣхъ указанныхъ противорѣчій вѣка, въ современномъ культурномъ человѣкѣ остались осадки пережитаго и перечувствованнаго; онъ потерялъ цѣльность своего существа, непосредственность отношеній къ вопросамъ высшаго порядка, и даже болѣе: эти осадки нерѣдко затемняютъ въ немъ самыя простыя истины. Море, взволнованное бурей, не сразу успокоится, хоть буря и перекатится; экипажъ, выбитый изъ колеи бѣшеною скачкою, не сразу опять попадетъ въ колею: такъ и въ религіозныхъ исканіяхъ современности, напримѣръ, и у нашего „учителя“ графа Толстого, даже при добромъ желаніи осмыслить для себя и для другихъ жизнь человѣчества, обнаруживается иногда чудовищное непониманіе христіанства въ его основныхъ истинахъ. Отрѣшенные отъ исторической живой связи съ христіанствомъ, эти искатели видятъ вдали свѣтъ его, но усталость духовнаго зрѣнія, съ одной стороны, мѣшаетъ имъ найти къ нему дорогу; съ другой стороны, гордость, какъ настѣдіе прошлаго увлеченія рационализмомъ, мѣшаетъ имъ взять протянутую руку помощи отъ Церкви, которая одна

хранила и хранить живое, не умиравшее и не умирающее христианство.

Мы глубоко вѣримъ, что это отмѣченное патаніе религиозной мысли есть явленіе временное и скоропреходящее. Мы глубоко вѣримъ, и теперь ужь видимъ, что лучшіе представители мысли и жизни предостерегаютъ человѣчество отъ неразумнаго увлеченія механическимъ міровоззрѣніемъ и стараются уяснить себѣ и другимъ взглядъ на жизнь человѣка и на смыслъ историческихъ судебъ съ высшей точки зрѣнія нравственнаго міроуправленія. Недаромъ одно научное общество въ Гаагѣ недавно назначило премію за лучшее сочиненіе по вопросу о „нравственномъ міроуправленіи“ въ смыслѣ его научно-философскаго оправданія.

Поворотъ къ религиозному міросозерцанію есть какъ бы завѣтъ минувшаго вѣка новому XX столѣтію, и смиренное усвоеніе, правильное развитіе и осмысленное, здоровое направленіе его по руслу вѣковой религиозной жизни въ нѣдрахъ Церкви составляетъ обязанность тѣхъ, кому дано жить и мыслить и дѣйствовать въ наступающемъ новомъ вѣкѣ.

Священство — первородство духовное.*

„Въ законѣ сѣни и писаній образъ видимъ, вѣрніи: венъ мужескій полъ, ложесна развѣрзавъ, святъ Богу“...
(9 глѣсъ канона праади.)

Если всѣмъ вѣрнымъ въ ветхозавѣтномъ законѣ сѣни и писаній дается нынѣ особо поучительный образъ, то тѣмъ болѣе это касается васъ, духовные юноши. Припомните обстоятельства, послужившія въ Ветхомъ Завѣтѣ ближайшимъ поводомъ появленія того закона, по которому нынѣ Богочеловѣкъ Иисусъ Христосъ Матерію приносится въ храмъ Господень.

По закону Моисея (Лев. XII, 2—8), каждая мать, родившая ребенка, въ 40-й день послѣ рожденія должна была явиться въ храмъ и принести жертву очищенія. Но если младенецъ

* Слово въ день Срѣтенія Господня, 2 февраля 1901 г. Сказано въ церкви Тифлисскаго духовнаго семинаріи.

былъ перворожденнымъ мужскаго пола, то, кромѣ обряда очищенія матери, совершался еще другой знаменательный обрядъ посвященія младенца Господу Богу, обращавшій мысли народа къ первымъ временамъ его самостоятельной жизни,—жизни, всецѣло протекшей подъ водительствомъ Божиимъ. Вчера читалось въ первой вечерней пареміи: въ воспоминаніе чудеснаго событія, когда въ ночь предъ выходомъ Израиля изъ Египта ангель-истребитель избилъ первенцевъ египетскихъ, оставивъ еврейскихъ невредимыми, законъ Моисеевъ повелѣлъ посвящать Богу всѣхъ первородныхъ въ Израилѣ. Посвященные (евр. *кадош*, что значитъ: выдѣленный, отданный въ полную и безусловную собственность) становились полною собственностью Божіею и могли быть употреблены на служеніе въ скинии и храмѣ (Исх. XIII, 2, 15, XXII, 29; Числ. III, 13, VIII, 17). Впослѣдствіи вмѣсто этихъ первенцевъ было избрано для особаго служенія Богу *священство* Израилево — колѣно Левіино (Числ. III, 12; VIII, 18), а за первенцевъ должны были родители давать особый выкупъ, который, какъ видимъ въ евангеліи, былъ внесенъ и Іосифомъ съ Маріею за Младенца Іисуса.

Итакъ, что же прежде всего мы видимъ въ законѣ сѣни и писаній?

Видимъ, что въ древнемъ Израилѣ, по повелѣнію Божію, священство замѣнило первенцевъ по плоти и сдѣлалось само духовнымъ первородствомъ и духовною всенародною жертвою передъ Богомъ; такъ велико было это служеніе священства, что Самъ воплотившійся Богочеловѣкъ благоволилъ исполнить законъ этой замѣны и, такимъ образомъ, освятить и подтвердилъ духовное первородство священства.

Судите же теперь сами, мои юные слушатели,—судите, не правда ли, что въ законѣ сѣни и писаній сегодня вы, какъ подготовляемые къ священству и рожденіемъ и воспитаніемъ, должны видѣть для себя особо поучительный и знаменательный образъ?

Да, возлюбленные юноши, священство есть собственность Господа попреимуществу, Его клиръ — удѣлъ и достояніе; священство есть духовное первородство въ народѣ,—и къ этому первородству готовитесь вы въ завѣтѣ новомъ, вышнемъ и со-

вершениѣшемъ, въ которомъ и священство, какъ слышали вы сегодня въ апостольскомъ чтеніи, настолько выше ветхозавѣтнаго, насколько тѣло выше тѣни, исполненіе выше ожиданія... Да не подумаетъ кто, что въ нашихъ словахъ звучитъ обыкновенная, мірская, такъ-называемая сословная гордость. Нѣтъ, волюбленные, священство, подобно царству и пророчеству, не есть сословіе; оно выше этого обычнаго дѣленія общественной жизни. Если же мы, носители священства, говоримъ о немъ, какъ о духовномъ первородствѣ, то, какъ видите, говоримъ на основаніи слова Божія, и говоримъ съ чувствомъ трепетнаго смиренія и признанія своего недостойнства. Съ другой стороны, да не смутится кто-либо при этомъ опредѣленіи священства и тѣмъ бѣднымъ, часто убогимъ, а то и презираемымъ и забытымъ положеніемъ, которое оно нерѣдко занимаетъ въ мірѣ и которое многихъ малодушныхъ и мелкодушныхъ духовныхъ юношей отвращаетъ отъ дороги ихъ отцовъ и праотцевъ. Мысли и пути Божіи—не то, что мысли и пути человѣческіе... Духъ выше тѣла и духовное выше плотскаго,—это основная истина христіанства. Но и въ законѣ сѣни и писаній найдемъ мы въ этомъ отношеніи руководственное указаніе. Издревле, на зарѣ жизни человѣчества, святыя патріархи одному изъ сыновей своихъ давали права первородства. Но въ то время, какъ у всѣхъ народовъ языческихъ права первенства заключались въ обладаніи нажитымъ богатствомъ отца и властью надъ своимъ родомъ,—въ племени богоизбранномъ эти права прежде всего заключались въ обладаніи духовнымъ сокровищемъ—въ обѣтованіи Спасителя міра. Ной, вдохновленный свыше, Іафету, младшему сыну своему, обѣщаетъ многолюдное потомство и расширеніе предѣловъ обитанія,—то, что обычно завѣщалъ бы отецъ сыну старшему; а Симу, первенцу своему, обѣщаетъ онъ то, что непонятно плотскому уму, но что выше всего: обѣщаетъ его потомству рожденіе Спасителя міра, истинное боговѣдѣніе и чрезъ это, послѣ подчиненія внѣшней силѣ іафетидовъ,—духовное господство надъ ними истинною вѣрой. Исаву достается въ обладаніе не большая часть, а рѣшительно все имущество отца его Исаака, и онъ, нѣкогда продавшій первородство свое за чечевичную

похлебку, усвоивъ себѣ чувственныя воззрѣнія хананеянъ, вполне успокоился, получивъ стада и серебро отцовскія. Благословеніе Іакова, однако, чрезъ это не умалилось. Іакову, и одинокому и гонимому братомъ, обѣщано было духовное первородство въ рожденіи отъ него Спасителя, и обѣщаніе сбылось съ изумительною точностью и содѣлало потомство Іакова славою міра, свѣтомъ для язычниковъ, какъ нынѣ торжественно вѣщаетъ о томъ св. Симеонъ Богопріимецъ. Такъ духовное первородство у Бога выше, чѣмъ земное первенство въ воззрѣніяхъ людей міра. То же нужно сказать и о священствѣ.

И донынѣ, и до конца временъ, и на вѣчныя вѣки священство въ Христовой Церкви имѣетъ значеніе, подобное первородству Іакова: оно есть первенецъ духовный, оно есть залогъ жизни духа, оно есть сѣмя святое, которымъ обусловлено самое стояніе міра; оно есть жертва Богу всенародная, всемірная, хотя бы, подобно изгнаннику-Іакову въ пустынѣ, и не высоко и не знатно было положеніе его въ такъ-называемой мірской жизни. Вѣдь и самъ Спаситель, родившись, благоволилъ записаться въ число подданныхъ Августа, принесенъ въ храмъ и жертвою выкупленъ, какъ сынъ бѣдныхъ родителей. Но какой же другой младенецъ, въ часъ срътенія Іисуса Симеономъ, вмѣстѣ съ Нимъ принесенный въ храмъ, могъ сравняться съ Богомладенцемъ Христомъ, хотя бы за него, какъ выкупъ, даны были въ храмъ горы золота и священныя сиклей, тысячи жертвъ и всесожженій?

Окончательная цѣль жизни народовъ и челоуѣчества есть *богоуправленіе*, вселенская теократія, въ высшемъ смыслѣ этого слова, какъ осуществленіе божественнаго закона въ мірѣ челоуѣческомъ, воплощеніе небснаго въ земномъ,—все то, чему начало пророческими очами увидѣлъ старецъ Симеонъ, нося на руку Христа-Богомладенца, увидѣлъ и возрадовался... Этотъ союзъ неба и земли, этотъ новый завѣтъ Бога съ твореніемъ, этотъ совершенный кругъ и вѣнецъ всемірнаго дѣла, называемый *царствомъ Божиимъ*,—все это есть созданіе Божіе вѣковѣчное, и никакимъ силамъ зла не поколебать того, что утверждено и наадано кровію Бога-Искупителя. Къ сліянію съ этимъ царствомъ Божиимъ стремиться должна и жизнь царствъ

человѣческихъ, и всякая вообще личная или общественная жизнь. И вотъ здѣсь-то и великъ и незамѣнимъ священникъ Божій, въ широкомъ значеніи этого слова,—священникъ, какъ учитель и проповѣдникъ богопреданной истины, священнодѣйствователь и молитвенникъ въ посредствѣ божественнаго съ человѣческимъ, духовный управитель жизни вѣрующихъ на пути къ соединенію земнаго съ небеснымъ. Не блестяща, можетъ-быть, его дѣятельность по внѣшнему виду; но русло жизни намъ не дано видѣть тѣлесными очами, какъ не дано видѣть и замѣтить въ настоящій моментъ, какимъ образомъ когда я говорю, а вы слушаете, совершается духовный обмѣнъ мыслей и чувствъ нашихъ, какимъ образомъ въ насъ и внѣ насъ неуклонно дѣйствуютъ законы природы, вращается земля около своей оси и вокругъ солнца. Но несомнѣнно, эти явленія невидимыя устойчивѣе, постояннѣе и важнѣе многого изъ видимаго.

Къ чему говоримъ мы вамъ обо всемъ этомъ? А къ тому говоримъ, возлюбленные юноши, чтобы и поучать, просить, и умолять васъ проникнуться сознаниемъ вашего духовнаго первородства, вашего будущаго высокаго призванія. Народъ васъ ждетъ, юноши,—вашъ родной, близкій вамъ народъ, это дитя Божіе, еще малое, еще часто неразумное, ждетъ къ себѣ васъ, своихъ первенцевъ, ждетъ и въ храмъ, и въ школу, и въ свою темную жизнь, на духовную ниву свою, ждетъ съ простертыми руками, ища духовной милостыни и участія. Неужели положите вы въ эти съ мольбою простертыя руки камень вмѣсто хлѣба? Неужели подадите вмѣсто рыбы змію, вмѣсто яйца скорпіона?

Увы, увy! духъ мірскихъ мечтаній, прикрываемыхъ громкими фразами, убаюкивающими совѣсть, отвращаетъ многихъ духовныхъ юношей отъ этой службы народу,—и мчатся эти юноши, одни въ мечтахъ, а другіе уже въ дѣйствительности, мчатся мимо колѣнопреклоненныхъ младшихъ по духу братьевъ своихъ, мчатся далеко-далеко, созидавая личное благо, къ тысячнымъ окладамъ, къ обогащенію, къ власти и чинамъ, любя народъ свой только на словахъ, а не на дѣлѣ, готовые быть въ средѣ этого народа хотя бы врачами скотовъ, оставляя на

гибель и обрекая на тьму человѣческія души... Повторяется старая исторія Исавовой продажи первородства за чечевичную похлебку...

Въ ветхомъ завѣтѣ священство соединено было, какъ неизбѣжная обязанность, съ рожденіемъ отъ колѣна Левіина, и такимъ образомъ являлось принудительнымъ. Законъ новаго завѣта есть законъ свободы: но помните, что по закону свободы мы и судимы будемъ (Іак. II, 12).

Въ законѣ сѣни и писаній образъ видимъ, вѣрніи... Пусть же эти многоговорящіе образы, то устрашающіе, то поучающіе, вдохнуть въ васъ, наши родные, духовные юноши, любовь къ вашему будущему званію, рѣшимость отдаться ему всецѣло и безраздѣльно, чтобы, не измѣнивъ позорно призванію своему, не продавшись за чечевичную похлебку мірскихъ выгодъ, напротивъ, тпачаніемъ не лѣниви, духомъ горяще, Господеви работающе (Римл. XII, 11), послужили вы каждый своему народу и вмѣстѣ всему міру въ духовномъ первородствѣ священства Божія! Аминь.

Союзъ пасомыхъ съ Архипастыремъ.*

Сія вѣра апостольская, сія вѣра отеческая, сія вѣра православная, сія вѣра вселенную утверди. (Изъ „Чина Православія“.)

Въ жизни мірской, обычной нерѣдко наблюдается печальное явленіе: во дни торжества и радости, во дни силы и благосостоянія общества забываются тѣ давно умершія лица, заслугамъ, а иногда и страданіямъ которыхъ общество обязано своимъ процвѣтаніемъ. Часто ли, на примѣръ, при восхваленіяхъ современной цивилизаціи и успѣховъ Европы вспоминаютъ о томъ, чѣмъ она обязана христіанству и его проповѣдникамъ? Часто ли въ патріотической гордости при видѣ

* Слово въ недѣлю Православія и въ день тезоименитства высокопреосвященнѣйшаго Флавіана, екаарха Грузіи.

шири и мощи нашего отечества сознають и признають неизмѣримыя заслуги Православной Церкви, этой силы зиждительной Россіи, и ея служителей? Чувство личной радости такъ увлекаетъ человѣка, что онъ чаще всего въ минуты удачи и благополучія, удовлетворяя своему самолюбію, готовъ все приписать себѣ самому, забывая о другихъ.

Не то мы видимъ въ Церкви Божіей. Священное достояніе ея—Божественная истина хранится въ ней нерушимо, какъ богодарованное сокровище; не люди создали его и не отъ людей мы его получили. Однако, истина эта дана была *людямъ*, и хотя и при высшей, Божественной помощи, но хранилась она людьми и людямъ же передавалась изъ рода въ родъ. Тьма всегда вооружалась на свѣтъ, злоба и нечестіе всегда возставали противу правды,—и людямъ, носителямъ истины христіанства, суждено было, суждено и теперь и навѣки охранять эту истину и личнымъ, и цѣлокупнымъ подвигомъ, твердымъ стояніемъ въ вѣрѣ, какихъ бы это усилій и страданій ни стоило. И какъ не забыта предъ Богомъ ни единая капля слезная, ниже капли часть нѣкая, такъ не забыта въ Церкви ни единая капля ревности къ вѣрѣ и усердія, ни единая душа, ревновавшая по правдѣ Божіей, въ мѣру силъ и разумѣнія. Память въ Церкви есть воистину *вѣчная память*,—и какъ радостно, какъ отрадно сознавать, что жить и дѣйствовать въ средѣ церковной—значить найти въ ней и вѣчную жизнь съ удовлетвореніемъ вѣковѣчныхъ запросовъ духа нашего въ духовномъ общеніи съ Творцомъ и съ Главою Церкви—Христомъ Иисусомъ, и вѣчную память молитвы и ходатайства, непрестающей любви и участія въ материнскомъ лонѣ Церкви! Можно сказать, что не только каждый членъ, а каждое слово нашего священнаго символа вѣры выстрадано въ упорной борьбѣ съ врагами истины, каждая черта церковной жизни вошла въ міръ путемъ страданія и мученической стойкости вѣрныхъ сыновъ Церкви. Не забыто все, что они отстаивали кровью, слезами и горестью душъ; не забыто это выстраданное дорогое ученіе, не забыты и эти страдальцы, подвижники, вѣрные сыны Церкви! Въ торжественный праздникъ православія, въ первое воскресенье Великаго поста, Церковь

ежегодно, возглашая устрашающую анагему лжеучениямъ и лжеучителямъ не изъ мести, конечно, а въ огражденіе чадъ своихъ отъ пагубныхъ ошибокъ и заблужденій, въ то же время ублажаетъ вѣчною памятю всѣхъ ревнителей вѣры и благочестія ¹⁾. Въ этотъ день, оглядываясь на прошлыя судьбы свои, видитъ Церковь, какъ возникали и воздымались враждебныя ей теченія, шумѣли, грозили, нарушали всеобщій миръ, колебали спокойствіе Церкви, силились все затопить грязными волнами своими, казались страшными, всесокрушающими, но, какъ иней отъ вѣянія животворнаго тепла, какъ туманъ предъ лучами солнца, таяли и гибли они предъ лучами животворной истины. Оглядываясь назадъ, Церковь съ утѣшеніемъ видитъ, что изъ великихъ испытаній и страданій она вышла, какъ золото изъ горнила,—чище, дороже, достойнѣе. Оглядываясь назадъ на прошлыя судьбы свои, видитъ Церковь ясно торжество свое надъ невѣріемъ, зловѣріемъ, неправовѣріемъ, и благодарная Богу и Его водительству, благодарна она и тѣмъ великимъ сынамъ своимъ, которые не пали духомъ въ годину искушеній и, насколько дано дѣйствовать въ исторіи Церкви силамъ людей, подготовили ей торжество православія. Среди нихъ, какъ духовныя свѣтила, сіяютъ на тверди церковной великіе отцы Церкви, пастыри душъ, прославленные дарованіями духа и личною святостью жизни. Благословенъ Господь, воздвигавшій отъ временъ апостоловъ эти великіе свѣтильники! Они свѣтили для вѣрныхъ душъ среди тьмы язычества и всякаго лжемудрованія, они согрѣвали холодныя сердца огнемъ своей любви и ревности, они истолковывали слово истины, они возвѣщали ее во всемъ мірѣ, они на вселенскихъ соборахъ навѣки изложили ее въ удобопріемлемыхъ и незыблемыхъ символахъ и вѣроопредѣленіяхъ, они же и отстаивали истину отъ всѣхъ на нее нападеній. И благодарная имъ, почитающая память ихъ Церковь, воздвигая нынѣ

¹⁾ Еще не такъ давно до 1787 года, т.-е. до пересмотра „Чина Православія“, митрополитомъ Гаврииломъ съ одобренія Св. Синода) въ „Чинѣ Православія“ число ладъ, которымъ возглашалась вѣчная память, доходило до четырехъ тысячъ. См. Семеновъ: „О чинѣ Православія“. (Кіевъ, 1856 г.) и прот. К. Никольскій „Анагематствованіе, совершаемое въ 1-ю недѣлю Великаго поста“ (Спб., 1879 г.).

широко-вѣющую хоругвь православія надъ міромъ, да видима будетъ и просвѣтится предъ человѣки, во всеуслышаніе вѣща-етъ: *сія вѣра отеческая!*

Это не значитъ, что православіе сводитъ истину къ формуламъ, изобрѣтеннымъ человѣками; это не значитъ, чтобы наша вѣра, такъ-сказать, очеловѣчившись, потеряла свой высшій авторитетъ, или чтобы Церковь изъ учрежденія неизмѣннаго, вѣковѣчнаго и божественнаго обратилась въ человѣческое. Отцы Церкви не заслоняли и не заслоняютъ отъ вѣрующихъ Христа, какъ заслоняетъ Его собою на Западѣ въ католическомъ христіанскомъ мірѣ обоженный земной первосвященникъ; съ другой стороны, Церковь наша не кончаетъ своего бытія, своей исторіи и устройства только временемъ апостоловъ, оставаясь послѣ нихъ въ состояніи анархіи вѣрованій и управленія, какъ это мы видимъ въ другой—протестантской части западнаго христіанства. Истина въ срединѣ: Церковь православная сильна взаимнымъ союзомъ пастырей и пасомыхъ, ихъ взаимоподвигомъ вѣры, сильна своею *народностью*,—и дай Богъ ей остаться народною во вѣки вѣковъ! По словамъ представителей восточной православной Церкви, „у насъ ни патріархи, ни соборы не могли ввести что-либо новое, потому что хранитель благочестія у насъ есть самое тѣло Церкви, т.-е. народъ церковный, который всегда желаетъ содержать вѣру свою неизмѣнно и согласно съ вѣрою отцовъ своихъ“ ¹⁾. Древніе пастыри, свѣтила Церкви, и были сильны любовію паствы и союзомъ съ нею. Эта любовь ограждала ихъ нерѣдко отъ смерти и мученій; она же давала имъ и мужество въ страданіяхъ, когда они, эти страданія, становились неизбѣжными, и надежду, что не тщетно будетъ и самое ихъ мученичество. Эта любовь дѣлала и ученіе пастырей доступнымъ для паствы и охраняла православіе народа, который, не всегда ясно понимая и различая истину въ тонкихъ діалектическихъ спорахъ востока или въ хитросплетенныхъ умствованіяхъ еретиковъ, объединялся около любимыхъ пастырей и держался православія изъ довѣрія и любви къ его носителямъ.

¹⁾ Послан. восточн. патріарховъ къ папѣ Пію IX-му въ 1849 году.

Наглядное подтвержденіе сказанному находимъ въ жизни и дѣятельности одного изъ святителей-пастырей, память котораго, въ порядкѣ годичнаго церковнаго круга воспоминаній, совпадаетъ съ нынѣшнимъ торжествомъ православія, именно святителя Флавіана, патріарха Константинопольскаго († 449 г.). „Мужъ православія“, „по духу пастырскому достойный замѣститель престола великаго Іоанна Златоуста“¹⁾, онъ въ годину смуты церковной, въ борьбѣ православія противъ лжеученій несторіанства и монофизитства, съ великою ревностью и мужествомъ отстаивалъ истину, и избитый, оскорбленный, неправедно осужденный неправеднымъ соборомъ, по справедливости получившимъ въ исторіи названіе „разбойничьяго“, предалъ духъ свой Пастыреначальнику Христу, удержавъ въ православіи и вѣренную ему паству. Всего два года онъ не дожилъ до радости IV вселенскаго собора, оправдавшаго и его ученіе и подвигъ его пастырства, привѣтствовавшаго его святость на радость всему православному народу. Достоинъ нынѣ восхваляться блаженный сей пастырь въ числѣ святыхъ и великихъ отцовъ Церкви, сохранившихъ намъ ту вѣру, о которой нынѣ мы возглашаемъ: *сія вѣра отеческая, вѣра православная, сія вѣра вселенную утверди.*

Но, братіе мои, уваженіе къ древнимъ отцамъ налагаетъ на насъ священную обязанность и нынѣ жить въ общеніи любви, преданности и послушаніи отцамъ современнымъ, пастырямъ Церкви. По волѣ Божіей, они суть носители неумирающаго преданія церковнаго, неумирающей связи прошлаго съ настоящимъ и будущимъ, значить, носители самой жизни Церкви. Оттого великая сила, величайшая сила въ общеніи пастыря и паствы и въ ихъ взаимной любви; эта сила любви и въ наше время, полное искушеній вѣры, равнодушія, колебаній, сомнѣній, отрицаній, полное религіознаго разномыслія и сектантства, сохранить народъ нашъ отъ блужданія по распутіямъ лжи и религіозныхъ патаній. Образъ пастыря, только и исключительно чиновника-администратора, и образъ отношеній пасомыхъ къ пастырю только внѣшнихъ, административ-

¹⁾ См. А. Лебедевъ: „Исторія вселенскихъ соборовъ“, т. II-й, стр. 200—232.

ныхъ—совершенно чуждъ представлѣніямъ восточной православной Церкви, которая усвоила своимъ верховнымъ пастырямъ не жесткое названіе „князей церкви“, а трогательное наименованіе отцовъ... Одинъ изъ ученѣйшихъ епископовъ нашей Церкви поучительно рассуждаетъ объ этомъ такимъ образомъ: „Что такое епископъ—пастырь Церкви въ истинномъ смыслѣ слова? Не учитель только въ предметахъ вѣры и благочестія, не совершитель только торжественнаго богослуженія и рукоположитель священства, не судія только главный дѣлъ совѣсти и дѣлъ церковныхъ, наконецъ, не начальникъ только духовнаго сословія. Пастырь - епископъ есть высшій руководитель народа на всемъ пути духовной жизни; блюститель общественной нравственности, хранитель и защитникъ высшихъ духовныхъ потребностей и пользы народа, представитель за его душу и совѣсть и благо вѣчное предъ Богомъ и человѣками, на небѣ и землѣ; это, наконецъ, представитель Церкви православно-каволической въ данномъ мѣстѣ, ея законовъ, ея правъ, ея силъ, ея цѣлей. Что такое и паства? Не опредѣленный только кругъ населенія, подчиненнаго въ церковномъ отношеніи мѣстному пастырю, не собраніе только молящихся людей въ церкви, не просто—стадо овецъ, безмолвно слушающихъ своего пастыря, когда онъ научаетъ, и такъ же молча принимающихъ отъ него благословеніе, когда того сами захотятъ, вообще же безгласныхъ въ дѣлахъ вѣры и Церкви и только въ случаяхъ особенной надобности относящихся къ нему со своими просьбами. Нѣтъ! и паства должна быть союзъ—союзъ, нераздѣльное множество душъ, духовно-управляемыхъ по одной нравственно-религіозной идеѣ, которую онѣ не въ отдѣльности только, каждая сама про себя, но и въ цѣлостномъ соединеніи своемъ должны сознать, осуществить и проявить соответственнымъ ей направленіемъ своей частной и общей жизни; паства—это живое тѣло Церкви, это также дѣятель въ Церкви, котораго нравственная сила должна воздѣйствовать не къ одному внѣшнему благоустроенію Церкви, но и ко внутреннему утвержденію религіозныхъ началъ и стремленій въ цѣломъ народѣ; это почва, въ которой должны виѣдриться и оплодотвориться жизнь и сила Церкви въ ея

истинномъ духѣ и дѣятельныхъ, спасительныхъ для человѣчества стремленіяхъ; паства—это, наконецъ, крѣпость, которая должна быть оплотомъ для самой религіи и Церкви противу разнообразныхъ враждебныхъ ей силъ и вліяній въ мірѣ“¹⁾.

Дай Богъ, чтобы такія отношенія пастыря и паствы остались навѣки въ нашей Церкви не только какъ отвлеченныя добрыя пожеланія, но и въ живой дѣйствительности! Нынѣ, въ день памяти святителя Флавіана, страдальца за вѣру, сильнаго любовью народною, празднуемъ мы тезоименитство и нашего богоданнаго архипастыря и отца высокопреосвященнѣйшаго архіепископа Флавіана. Да не оскорбится глубокое смиреніе нашего владыки, если мы, въ дерзновеніи любви, здѣсь засвидѣтельствуемъ, что имя благостнаго архипастыря нашего пребываетъ въ благословеніяхъ у сопастырей его и паствы, что любовь народная прозрѣла духовную красоту его и окружила его высокимъ почитаніемъ. Да не смутится смиреніе нашего владыки, если мы въ день торжества православія засвидѣтельствуемъ здѣсь объ его великихъ трудахъ на пользу православія, понесенныхъ имъ на широкомъ пространствѣ святой Руси и даже далеко за ея предѣлами: отъ страны еще нехристіанской—отъ языческаго Китая, еще такъ недавно удивившаго міръ своею ненавистью къ имени Христову, гдѣ требовалось столько мужества и умѣнья въ дѣлѣ служенія Церкви и гдѣ архипастырь нашъ, однако, пользовался любовью и почитаніемъ,—и до страны, хотя и христіанской, но извѣстной исконною фанатическою ненавистью къ православію, на западѣ Россіи, гдѣ нашъ архипастырь силою кроткаго духа и благодатной мудрости хранилъ наше дорогое православіе въ мірѣ и благостояніи ввѣренной ему Божіей Церкви. Пусть же здѣсь, въ древлеправославной Грузіи, среди завѣтныхъ святынь сѣдой христіанской древности, среди народа, напоеннаго отъ лѣтъ древнихъ духомъ православія и въ немъ находившаго спасеніе свое и духовное и тѣлесное, пусть здѣсь маститый архипастырь нашъ, утрудившись отъ долгаго подвига многотруднаго дѣланія на нивѣ Божіей, увидитъ дни радости

¹⁾ Изъ слова Іоанна, епископа Смоленскаго.

и спокойствія душевнаго, любовь къ Церкви, къ ея уставамъ и богослуженію, вѣрность православію; пусть порадуется и нашею любовью къ нему и усердною о немъ молитвою. А любовь имѣетъ дерзновеніе; во имя этого дерзновенія любви къ тебѣ, архипастырь нашъ, обращаемся мы нынѣ съ нашими сердечными привѣтствіями и горячими благопожеланіями: да хранить Христосъ-Пастыреначальникъ дни твоего горѣнія на свѣщницѣ Церкви во здравіи и крѣпости силъ; да живешь ты въ любви твоей паствы, храня святыню вѣры нашей; да пошлетъ тебѣ Господь въ богохранимой паствѣ твоей много часовъ радости и утѣшенія и да видимъ мы тебя въ предстояніи молитвы и въ управленіи Церкви нашей яко отца о чадѣхъ веселящася! Аминь.

Нравственный обликъ Царя-Миротворца.*

Нѣкогда царственный пророкъ древняго Израиля въ порывѣ священнаго вдохновенія, созерцая будущія судьбы своего народа, рисовалъ для него образъ желаннаго царя въ одномъ изъ псалмовъ своихъ. „Онъ сойдетъ,—говорилъ онъ,—какъ дождь на скошенный лугъ, какъ капли, орошающія землю... И будетъ жить..., и будутъ молиться о немъ непрестанно, всякій день благословлять его..., и будетъ имя его благословенно во вѣкъ; доколѣ пребываетъ солнце, будетъ передаваться имя его“.

(Пс. 71, 6, 15, 17.)

Не находите-ли, достопочтенное собраніе, въ этихъ чертахъ царя древняго Израиля поразительное сходство съ Царемъ Израиля новаго—народа святорусскаго, съ Царемъ, котораго сейчасъ, въ день его земнаго рожденія, мы помянули зауспокойною молитвою? Отошли теперь отъ насъ на разстоя-

* Рѣчь въ торжественномъ собраніи Тифлискаго отдѣла Общества ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память Императора Александра III 26 февраля 1901 г.

ніе дни жгучей скорби, охватившей всю Русь и весь міръ при вѣсти о смерти Царя-Миротворца, смягчилась и самая жгучесть скорби, но на разстояніи же и самый образъ Государя Александра III становится еще цѣлостнѣе, величавѣе, прекраснѣе и обаятельнѣе, и чувствуется при воспоминаніи о немъ та же тихая, бодрящая радость, радость за то, что жить въ наши дни такой человѣкъ на землѣ, и человѣкъ этотъ былъ намъ родной, былъ нашъ, былъ Царь на Руси...

И теперь, въ собраніи членовъ Общества, которое существуетъ въ его память и имя его выставляетъ своимъ знаменемъ, естественно чувствуется потребность воскресить въ душѣ его образъ, остановиться на немъ мыслью, отдохнуть сердцемъ, оживиться нравственно отъ духовнаго прикосновенія къ этому дивному Царю и человѣку нашего времени. Нравственный образъ поминаемаго Царя не напрасно называютъ удивительно цѣлостнымъ, потому что онъ дѣйствительно сливается со всѣми проявленіями его жизни и дѣятельности. Не въ искусной политикѣ и дипломатіи, не во внѣшнихъ условіяхъ и пособіяхъ объясненіе его успѣховъ и его мірового значенія, не здѣсь первоисточникъ всего, что такъ или иначе привлекаетъ насъ въ дѣятельности почившаго Царя: великое дѣло его, дѣло умиротворенія Европы, подъема русскаго самосознанія, расцвѣта внутренней мощи Россіи,—это всецѣло есть плодъ высоко-христіанской личности Государя и прекрасныхъ качествъ его русской души. Поэтому и неудивительно, если и наше Общество, по существу назначенное къ тому, чтобы содѣйствовать изученію и уясненію отечественной исторіи въ духѣ русскихъ началъ, проявленныхъ въ славное царствованіе покойнаго Государя, не можетъ отнестись къ этимъ началамъ только отвлеченно и теоретически, но неразрывно хранить связь съ самою личностью покойнаго Государя, и изученіе его жизни, его характера, его вѣрованій и взглядовъ, его думъ и надеждъ ставить одною изъ первыхъ задачъ своихъ.

Покойный Государь жилъ, какъ умеръ, и умеръ такъ же, какъ жилъ,—и здѣсь сказалась та же цѣлостность его духовнаго склада. Помнится, когда впервые огласились несложныя,

но глубоко-трогательныя подробности его кончины, когда въ часъ смерти, какъ отъ послѣдняго удара рѣза гениальнаго мастера-художника, окончательно выросъ предъ нами во всей духовной красотѣ его величавый образъ,—тогда-то подъ живыми впечатлѣніями сказано было мѣткое слово о немъ въ правительственномъ извѣщеніи его народа: „Кончина Государя Александра Александровича была праведная, какъ праведна была жизнь Его, исполненная *вѣры, любви и смиренія*“. Этими словами, дѣйствительно, кратко и ярко охарактеризована вся жизнь покойнаго Государя.

Воистину глубока и трогательна была его религіозная вѣра, чистая, ясная, цѣльная, какъ у ребенка; по выраженію одного изъ близко знавшихъ покойнаго Царя иностранцевъ, „вѣра была основнымъ фондомъ его души“¹⁾. Нашему Обществу мы обязаны тѣмъ, что въ его изданіяхъ недавно напечатаны выдержки изъ переписки покойнаго Государя съ его Супругой во время прошлой войны съ Турціей. Письма писаны къ самому близкому лицу и не были назначены для оглашенія: тѣмъ болѣе они дороги для характеристики Государя. Вотъ что мы читаемъ въ одномъ изъ писемъ: „Во всемъ, что дѣлается на землѣ, есть воля Божія, а Господь, безъ сомнѣнія, ведетъ судьбы народовъ къ лучшему, а не худшему, если они, конечно, не заслужили полнаго Его гнѣва. Поэтому да будетъ воля Господня надъ Россіей, и что ей слѣдуетъ исполнить и что ей дѣлать, будетъ указано самимъ Господомъ. Аминь“. Вотъ съ этимъ-то несокрушимымъ и мощнымъ „Аминь“ во святыхъ сердцахъ своего сердца онъ и провелъ всю свою жизнь и какъ человекъ, и какъ Царь. Глубоко онъ былъ проникнутъ сознаниемъ иного, высшаго, незримаго міра, который насъ окружаетъ; можно сказать, онъ жилъ въ предощущеніи этого міра и всегда былъ къ нему готовъ²⁾,—и дѣйствитель-

¹⁾ Стѣдъ—въ книгѣ «Правда о Россіи».

²⁾ Послѣ одного неудавшагося покушенія на его жизнь, только что избавившись отъ смертельной опасности, онъ остался совершенно спокойнымъ и въ первые же минуты совершенно просто замѣтилъ своей пораженной Супругѣ: „Я готовъ. Свой долгъ я исполню, а тамъ будь, что Богу угодно!“ Въ другой разъ онъ сказалъ: „Господь лучше знаетъ, какъ устраивать міръ; что касается меня, то если Богу угодно завтра положить конецъ моей жизни, я готовъ“.

но, въ послѣдній разъ сказалась эта вѣра въ часъ его кончины, величавой и торжественной, въ предсмертныхъ словахъ этого Царя—богатыря по духу—къ его Супругѣ: „Чувствую конецъ. Будь спокойна, Я же совершенно спокоенъ“. Какъ Государь, вѣрилъ онъ въ Россію, въ свое Богомъ врученное ему дѣло—въ свою Царскую власть, какъ въ религиозный долгъ, въ самодержавіе, какъ Божье посланничество. И такъ глубоко, такъ искренна, такъ проникновенна и всепокоряюща была его вѣра, что въ годину тяжелой смуты, когда, казалось, колебался Царскій престоль, когда будущее Россіи представлялось безнадежно-безпросвѣтнымъ, когда все металось въ отчаяніи, онъ не поникъ главою, но перелилъ эту свою могучую вѣру и въ насъ, въ своихъ подданныхъ, и,—дивное дѣло,—въ короткое время упрочилъ древній Царскій престоль въ самомъ сердцѣ, въ твердыняхъ самой души своего народа, умиротворилъ Россію и, поднявъ ее высоко-высоко въ глазахъ всего свѣта, поднялъ ее и въ ея собственныхъ глазахъ, въ ея собственномъ самоуваженіи...

«Въ томъ царская Его заслуга предъ Россіей,
 Что—Царь—Онъ вѣрилъ Самъ въ устои вѣковые,
 На коихъ зиждется Россійская земля;
 Ихъ громко высказалъ,—и какъ съ высотъ Кремля
 Ивановъ колоколь ударять, и во мгновенье
 Всѣ сорокъ сороковъ въ Христово Воскресенье
 О свѣтломъ праздникѣ по Руси возвѣстять,—
 Такъ слово Царское, летя изъ града въ градъ,
 Откликнулось вездѣ народныхъ силъ подъемомъ,—
 И какъ живительнымъ, весеннимъ первымъ громомъ
 Вдругъ въ жизни призыванъ, очнутся доль и лѣсъ,—
 Воскресла Русь, сомгбній мракъ исчезъ,
 И то, что было въ ней лишь чувствомъ и преданьемъ,
 Какъ кованой броней, закрѣплено сознаньемъ».

(А. Майковъ).

Такая живая и мощная вѣра всегда бываетъ, по апостолу, любовію споспѣшествуема... Только въ этомъ святомъ чувствѣ вѣры и любви могъ Царь почерпнуть силы для своего колоссальнаго, непрерывнаго труда, который свелъ его въ раннюю могилу, надломивъ, наконецъ, его богатырскую нату-

ру. Сломленный уже тяжелым недугомъ, прикованный къ одру болѣзни, среди мучительныхъ бессонныхъ ночей, среди тягостныхъ дней не оставлялъ онъ своихъ державныхъ трудовъ, и Россія, одна его возлюбленная Россія была предметомъ его предсмертныхъ заботъ и мыслей. А въ годы правленія не было рѣшительно ни одной области государственнаго хозяйства, куда бы не взглянулъ онъ любящимъ и заботливымъ окомъ. И вездѣ онъ хочетъ облегчить жизнь, утѣшить, отереть слезы. Самодержецъ всесильный, вступившій на престолъ среди такихъ тяжелыхъ обстоятельствъ, ни разу не проявился онъ въ гнѣвѣ или мстительности, но всегда являлся народу своему въ ласкѣ, милости и привѣтѣ: прокормилъ миллионы голодныхъ, облегчилъ бѣдствія холеры, каждому сословію даровалъ какія-либо облегченія, льготы, милости. Говорить ли о любвеобильной, чистой и безупречной его семейной жизни, въ которой явилъ онъ идеальный образъ любящаго отца и мужа? Говорить ли о томъ, какъ много разъ мелкія и крупныя интриги, кровныя обиды и отъ враговъ и отъ облагодѣтельствованныхъ лицъ и народовъ какъ бы искушали и силились поколебать это величіе и долготерпѣніе любви, взывали о мщениі, готовомъ разразиться кровавыми войнами,—и какъ любовь же побѣждала въ немъ естественное самолюбіе, подавляла личныя чувства, торжествовала надъ ними во имя христіанскаго долга и общаго блага?

Здѣсь любовь граничитъ со смиреніемъ. Смиреніе на тронѣ Самодержца, повелителя величайшей въ мірѣ Имперіи,—это ли не диво нравственнаго мужества и самообладанія?! Не любилъ онъ проявлять свое Царское величіе внѣшнимъ великолѣпіемъ и повелительностью, удалялся пышныхъ выходовъ и парадовъ,—зато безъ счета провелъ онъ часовъ въ уединеніи своего рабочаго кабинета. Въ вѣкъ всеобщаго стремленія къ роскоши и излишеству поражалъ онъ всѣхъ своею простотою и довольствомъ малымъ. Онъ не выдавался рѣчами, не рисовался подвигами, не бряцалъ оружіемъ, не шумѣлъ вызывающими горделиво-витіеватыми рѣчами, грозя миру всего міра, какъ это видимъ мы и слышимъ иногда на недалекомъ Западѣ... Въ немъ не было ничего приподнятаго, ни-

чего кричащаго, не было того картиннаго, показнаго героизма, который всецѣло занять и любитъ собою, занять мыслью о произведенномъ имъ впечатлѣніи, о томъ, что подумаютъ и скажутъ о немъ другіе. Его жизнь была исполнена другого героизма: русскаго, народнаго, смиреннаго и неблестящаго, но безцѣннаго нравственно, героизма труда и подвига отъ дня мученической смерти его благороднѣйшаго отца, когда онъ взошелъ на окровавленный престолъ посреди смуты умовъ, унынія сердецъ и ужаса народнаго и взялъ тяжкое бремя правленія, воспрянувъ оживить надежды народа,—и до дня смерти, когда онъ оставилъ сыну своему царство въ такомъ порядкѣ, въ какомъ не оставлялъ его своему преемнику ни одинъ изъ вѣнценосцевъ русскихъ. Но это былъ особый героизмъ, близкій и понятный сердцу народа, какъ родственныи его духовному складу и христіанскимъ идеаламъ, молча и твердо исполняющій свой долгъ и не подозревающій даже своего величія.

Въ нашихъ народно-мистическихъ представленіяхъ святая Русь рисуется, какъ край великаго долготерпѣнія; по народнымъ вѣрованіямъ, всю родимую землю нашу „съ крестной ношей Царь вселенной исходилъ, благословляя“... По народному воззрѣнію, въ жизни христіанина непремѣнно должна проходить черта аскетизма. И жизнь *народнаго* Царя нашего, въ которомъ отразились лучшія свойства русской души, была жизнью крестоносца, жизнью подвижническою, путемъ трудовымъ и тернистымъ. По своему положенію, какъ никто другой, могъ онъ избрать себѣ путь жизни широкой и пространной, себялюбиво-безпечальный, ведущій, по слову евангелія, въ пагубу; но вольною волею, хотѣніемъ вѣрующаго и любящаго сердца избралъ онъ себѣ путь узкій и прискорбный: подъявъ крестъ царственнаго долга, онъ несъ его до могилы въ смиреніи и самоотреченіи. Въ торжественную минуту смерти, когда созерцалъ онъ оба міра, на рубежѣ которыхъ находился, вдругъ оживился потухающій взоръ, забилось ослабѣвшее сердце... Что увидѣлъ онъ тогда предъ собою? Велико и неизгяснимо священное таинство смерти, но вѣримъ съ дерзновеніемъ и отрадою, что не мимо его прошло слово Боже-

ственного призыва въ молитвѣ церковной: „Въ путь узкій ход-
щій прискорбный, всѣ въ житіи крестъ свой, яко яремъ возме-
нїи и Мнѣ послѣдовавшѣ вѣроу, прїидите, насладитесь иже
уготовахъ вамъ почестей и вѣнцевъ небесныхъ!“

Да будетъ же благословенъ покой твой, боголюбивая, чистая душа! Нашъ родимый, нашъ незабвенный, милый сердцу народному русскій Царь! Ты сошелъ, какъ дождь на скопennyй лугъ, какъ капли, орошающія землю! Пока будутъ биться наши сердца, доколѣ будетъ стоять твоя святая Русь, за которую ты въ трудѣ и подвигѣ любви положилъ свою душу, и доколѣ будетъ сіять на землѣ святая Божія Церковь, которой ты служилъ, какъ добрый сынъ, въ смиренїи на высотѣ царства,—дотолѣ будешь ты жить въ благодарныхъ сердцахъ; дотолѣ имя твое будетъ въ благословенїяхъ и дотолѣ будетъ возглашаться тебѣ и о тебѣ вѣчная, вѣчная память!

Геосиманскій подвигъ Господа Іисуса Христа.*

Св. апостоль Павель въ посланїи къ ученику своему Тимоею, какъ предсмертный завѣтъ, даетъ ему такое наставленїе: „*поминай Господа Іисуса*“ (2 Тим. II, 8).

Св. Церковь православная всегда старалась и старается, какъ можно чаще вводитъ чадь своихъ въ исполненїе этой апостольской заповѣди. Но если каждый день и въ каждое

* Сказано по порученїю Совѣта Епархіального миссіонерскаго духовно-просвѣтительнаго Братства въ г. Тифлисѣ въ нед. крестопоклонную во 2-й Тифлисской миссіонерской церкви.

При составленїи настоящаго чтенїя авторъ пользовался слѣдующими пособїями: Иннокентїй, архїеп. Херсонск.: „Послѣднїе дни жизни Господа Іисуса Христа.“

Сочиненїя, посвященныя жизнеописанїю Спасителя: протоіер. Буткевича, прот. Иванова, архїеп. Филарета (Гумилевскаго), прот. Е. Попова, Фаррара, Дидона, К. Гейки. Лопухинъ: „Виблайск. Исторїя“, т. III (Нов. Зав.).

молитвенное собраніе она поставляетъ предъ духовнымъ взоромъ вѣрующихъ образъ Господа Иисуса, то во дни Великаго поста она прилагаетъ къ этому особое усердіе. Въ эти дни она обращаетъ вниманіе наше преимуществу на образъ Иисуса Христа *Страждущаго*. Мысль о Святѣйшемъ Искупителѣ нашемъ, пострадавшемъ и умершемъ въ несказанныхъ мукахъ за грѣхи человѣчества, способна и сильна и каменное сердце обратить къ размышленію о гибельности грѣховъ и расположить къ покаянію, къ которому и призываемся мы во дни поста. Совершая нынѣ теченіе св. поста, считаемъ сегодня умѣстнымъ и благовременнымъ остановить вниманіе ваше, благочестивые слушатели, на одномъ изъ скорбныхъ событій послѣднихъ, скорбныхъ дней жизни Господа Иисуса, именно на Его Геесиманской молитвѣ. Событіе это всегда особенно привлекало благоговѣйныя взоры вѣрующихъ и любящихъ Господа Иисуса Христа: христіанское сердце не можетъ безъ трепета и умиленія представить себѣ въ Геесиманскомъ саду, въ сумракѣ ночи, Божественнаго Страдальца, одинокаго, скорбнаго, изнемогающаго подъ страшною тяготою какихъ-то непостижимыхъ внутреннихъ мукъ духа.

Съ другой стороны, Геесиманскій подвигъ Спасителя по своей таинственности и непостижимости вызывалъ не разъ и недоумѣнія, а иногда, какъ это ни скорбно, и возраженія враговъ христіанства. Въ собраніи вѣрующихъ не будемъ повторять и смущать себя этими возраженіями маловѣрія; будемъ смотрѣть на молящагося въ Геесиманіи Господа Иисуса не очами соглядатая іудейскаго, такъ-сказать, изъ-за деревьевъ Геесиманскаго сада, а очами вѣры и любви, преданности и благоговѣнія, очами апостоловъ, въ свѣтѣ Божественнаго Откровенія, въ свѣтѣ христіанской тайны искупленія. Тогда многое станетъ намъ и ближе, и понятнѣе, и поучительнѣе.

И если страданія всегда поучительны, всегда имѣютъ неотъемлемое право на вниманіе, то не особенно ли нужно сказать это о страданіяхъ безгрѣшнаго Сына Человѣческаго и въ то же время Сына Божія Иисуса Христа? Вѣдь страданія Его составляютъ сущность искупленія, сущность христіанства, осно-

ву Церкви, основу спасенія и, вслѣдствіе этого, совершили, такъ-сказать, переломъ въ жизни всего міра.

Что же это за страданія?

Евангелисты рассказываютъ о нихъ съ необыкновенною простотою и краткостью, но съ величайшимъ благоговѣніемъ, которое невольно приковываетъ вниманіе всякаго читающаго евангеліе: чувствуется, что совершается предъ нами что-то дѣйствительно великое, что было однажды и никогда не повторится.

Сопоставляя сказанія всѣхъ четырехъ евангелистовъ, дополняющія одно другое, получимъ слѣдующее повѣствованіе. (Матѣ. XXVI гл.; Марк. XIV гл.; Лук. XXII гл.; Іоан. XVIII гл.; ниже будутъ указываться только стихи.)

„Послѣ тайной вечери и прощальной бесѣды съ учениками, ночью (Іоан. XIII, 30) пришелъ съ учениками Іисусъ (Мѣ. ст. 39) за потокъ Кедронъ, гдѣ былъ садъ (Іоанн. ст. 1), на мѣсто, называемое Геесиманіей, и сказалъ ученикамъ: посидите здѣсь, пока Я пойду, помолюсь тамъ. И взявъ съ собою Петра и обоихъ сыновей Зеведеевыхъ (т.-е. Іоанна и Іакова), началъ скорбѣть и тосковать (Матѣ. ст. 36, 37) и ужасаться (Марк. ст. 83). Тогда говоритъ имъ Іисусъ: душа Моя скорбитъ смертельно, побудьте здѣсь и бодрствуйте со Мною (Матѣ. ст. 38); молитесь, чтобы не впасть въ искушеніе (Лук. ст. 40). И отошедъ немного (Матѣ. ст. 39), на верженіе камня (Лук. ст. 41), палъ на лицо Свое (Матѣ. ст. 39), на землю (Марк. ст. 35), молился и говорилъ (Матѣ. ст. 39): Отче Мой! все возможно Тебѣ (Марк. ст. 36); о, если бы Ты благоволилъ пронести чашу сію мимо Меня (Лук. ст. 42)! впрочемъ, не какъ Я хочу, но какъ Ты. И приходитъ къ ученикамъ, и находитъ ихъ спящими, и говоритъ Петру: такъ ли не могли вы одинъ часъ бодрствовать со мною? Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть въ искушеніе. Духъ бодръ, плоть же немощна. Еще отошедъ, въ другой разъ молился, говоря: Отче Мой! если не можетъ чаша сія миновать Меня, чтобы Мнѣ не пить ея, да будетъ воля Твоя! И пришедши, опять находитъ ихъ спящими, ибо у нихъ глаза отяжелѣли. И оставивъ ихъ, отошелъ опять и помолился въ третій разъ, сказавъ то же слово (Матѣ.

ст. 39—44). Явился же Ему ангель съ небесъ, укрѣпляя Его; и, находясь въ бореніи (*factus in agonia*, т.-е. почти при смерти), прилежниѣ молился, и былъ потъ Его, какъ капли крови, падающія на землю. Вставъ отъ молитвы, Онъ пришелъ къ ученикамъ и нашель ихъ спящими отъ печали (Лук. ст. 43—45) и говорить имъ: вы все еще спите и поживаете (Мате. ст. 45); кончено (Марк. ст. 41); вотъ приблизился часъ, и Сынъ Человѣческій предается въ руки грѣшниковъ. Встаньте, пойдѣмъ; вотъ приблизился предающій Меня“ (Мате. ст. 46).

Такъ повѣствуютъ евангелисты о Геесиманской молитвѣ. Несомнѣнно, они сохранили для насъ только основной смыслъ ея и не передали намъ ея въ буквальной точности и полнотѣ содержанія. Это видно изъ упрека Спасителя, обращеннаго къ Петру: „такъ и *одного часа* вы не могли побыть со Мною“ (Мате. XXVI, 40), тогда какъ для произнесенія словъ молитвы, приведенныхъ въ евангеліи, требовалось гораздо менѣе времени ¹⁾. Согласимся, что въ этомъ упрекѣ Спасителя слово: „часъ“ нужно понимать не буквально. Во всякомъ случаѣ, объятые непонятною сонливостью, предоставивъ Учителя полному и страшному, болѣе страшному, чѣмъ когда-либо, одиночеству, апостолы, конечно, могли слышать только начальныя или болѣе громкіе возгласы молитвы. Впрочемъ, Духъ Святой, обѣщанный ученикамъ Христовымъ для наставленія ихъ „на всякую истину“ (Іоанн. XIV, 16, 17—26; XV, 26; XVI, 13), несомнѣнно, сообщилъ бы намъ ихъ устами и болѣе подробностей о Геесиманскомъ моленіи, если бы это было для насъ нужно. Но и краткое повѣствованіе, дошедшее до насъ, рисуетъ предъ нами событіе во всемъ его поражающемъ и таинственномъ величій.

Господь Іисусъ, по Его собственнымъ словамъ, для того и пришелъ на землю, чтобы спасти людей *путемъ страданій* (Іоанн. III, 17, ср. 15 и 16; Мрк. X, 45). Еще въ началѣ служенія Своего Онъ встрѣтилъ въ одиночествѣ пустыни искушителя, который предлагалъ Ему войти въ міръ не путемъ униженія и смиренія, а путемъ славы и властительства. Тогда

¹⁾ Мѣнѣе архіеи. Иннокентія.

Сынъ Человѣческой мужественно и рѣшительно противопоставилъ искусительнымъ рѣчамъ повиновеніе волѣ Отца и отвергъ соблазнъ (Матѣ. IV, 1—11; Лук. IV, 1—13). Діавольгь ошелъ отъ Него „до времени“, какъ сказано въ евангеліи (Лук. IV, 13). Затѣмъ въ бесѣдѣ съ Никодимомъ, когда Спаситель выяснилъ сущность Своего мессіанскаго служенія, Онъ указалъ на крестъ, какъ на орудіе Его искупительнаго подвига: «какъ Моисей вознесъ змія въ пустынь», сказалъ Онъ, отвѣчая на тайныя мысли Никодима о Мессіи, какъ оземномъ царѣ-завоевателѣ, „такъ подобаеъ вознесену быть и Сыну Человѣческому“ (Іоанн. III, 14). Много разъ потомъ въ теченіе послѣдующаго времени Своего открытаго служенія говорилъ Онъ и апостоламъ наединѣ, и всѣмъ слушателямъ Своимъ открыто о предстоящихъ Своихъ страданіяхъ, и говорилъ всегда увѣренно, спокойно, какъ о рѣшеніи безповоротномъ (напримѣръ, Матѣ. XVI, 21; Марк. VIII, 31; IX, 12 и друг.): Иногда Спаситель прямо называетъ предстоящія Свои страданія „часехо“ (Марк. X, 38; Мѣ. XX, 23) и высказываетъ желаніе скорѣе испытать ее (Іоанн. XVIII, 11, ср. Лук. XII, 50). Наконецъ, мы видимъ Спасителя на тайной вечери всего за нѣсколько часовъ до Геэсманской молитвы. Здѣсь, по словамъ евангелиста Іоанна, „вѣдый Іисусъ, яко приде Ему часъ, да преидеть отъ міра сего ко Отцу“ (Іоанн. XIII, 1), прямо заявляетъ ученикамъ о скоромъ предательствѣ, о томъ, что время Его близко (Матѣ. XXVI, 21, 18), что Онъ желаніемъ возжелалъ сію пасху ясти съ ними, „дондеже не приметъ мукъ“ (Лук. XXII, 15) въ послѣдній разъ вкушаетъ здѣсь, на землѣ, хлѣбъ и вино „отъ плода лознаго“ (ст. 18). Когда Онъ говоритъ объ этомъ, какое спокойствіе чувствуется во всѣхъ словахъ Его, какая готовность идти на страданіе, какая увѣренность въ ихъ необходимости!

„Примите, ядите, сіе есть тѣло мое...“; „пійте отъ нея вси, сія есть Кровь Моя...“,—эти слова сказаны съ такимъ Божественнымъ спокойствіемъ, что, можетъ-быть, вслѣдствіе этого-то спокойствія ученики не представляли себѣ ясно, какой несказанно-тяжкій подвигъ предстоитъ ихъ Учителю. Мысль о скорой смерти не оставляетъ Спасителя и послѣ вечера. „Дѣти“, слышится Его голосъ въ прощальной бесѣдѣ,

„дѣти, уже не долго мнѣ быть съ вами. Заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга“ (Іоанн. XIII, 33—34). „Всѣ вы соблазнитесь о мнѣ въ эту ночь“, предсказываетъ Онъ ученикамъ, уже вышедши къ горѣ Елеонской послѣ вечери (Мате. XXVI, 31); „ты трижды отречешься отъ Меня“, говоритъ Онъ любимому апостолу въ отвѣтъ на увѣренія въ преданности и готовности положить за Него свою жизнь (Іоанн. XIII, 38). Такимъ образомъ, не подлежитъ сомнѣнію, что Спаситель послѣ тайной вечери шелъ въ Геесиманію, зная вполне и совершенно ясно, что тамъ совершится Его преданіе врагамъ. Но страданія Иисуса Христа, какъ вольныя и сознательныя, должны были начаться не насиліемъ враговъ, не позорнымъ преданіемъ Іуды, а возвышеннымъ *самопреданіемъ* Сына Человѣческаго въ волю Божию. Послѣ всего, что Онъ Самъ говорилъ о Своемъ призваніи, послѣ тайной вечери, гдѣ Онъ съ такимъ спокойствіемъ предрекалъ событія грядущей страшной ночи, можно было бы ожидать, говоря по-человѣчески, что это *самопреданіе* совершится безъ вопля, безъ слезъ, безъ кроваваго пота... Случилось не такъ. Послѣдуемъ мысленно, слушатели, за нашимъ Спасителемъ въ садъ Геесиманскій.

На восточной сторонѣ Іерусалима, по склонамъ горы Елеонской, за городомъ расположены были виноградные и масличныя сады. Въ одномъ изъ нихъ, такъ-называемомъ „Геесиманія“, что съ еврейскаго языка значитъ „масличный домъ“, или точило для маслинъ (т.-е. мѣсто, гдѣ изъ маслинъ выжимаютъ масло), Спаситель любилъ уединяться и молиться во время Своихъ посѣщеній Іерусалима (Іоанн. XVIII, 2) ¹⁾. Мѣсто это невольно располагало къ сосредоточенности и религіозному настроенію. Съ западной стороны ничего не видно, кромѣ высокихъ стѣнъ Іерусалима и вершукъ священныхъ зданій храма, да мрачной башни Антонія. Направо печально

¹⁾ Есть мнѣніе, что садъ Геесиманія принадлежалъ тому же хозяину, вѣроятно, тайному ученику І. Христа, въ домѣ котораго была совершена и тайная вечеря (см. прот. Попова: „Жизнь І. Христа“). Садъ этотъ сохраняется донынѣ, и среди многолѣтнихъ деревьевъ его, можетъ-быть, и нынѣ еще есть нѣмые свидѣтели молитвы и муки Богочеловѣка (см. Лопухина Вибл. истор. Нов. Завѣта). Англ. ученый Гейки въ сочиненіи „Св. Земля и Библия“, напротивъ, рѣшительно отвергаетъ это.

высится лишенная растительности гора (Скопусь); налѣво стелется долина Иосафатова съ ея могилами и надгробными памятниками ¹⁾.

Здѣсь, вдали отъ города, среди полного безмолвія, въ таинственномъ сумракѣ тѣнистаго сада захотѣлъ провести Исусъ послѣднюю ночь, здѣсь „восхотѣлъ Онъ пережить весь гнетъ охватившей Его скорби, подобно плоду маслины подъ гнетомъ точила Геесиманіи“ (Дидонъ). Вмѣстѣ съ одиннадцатю учениками Онъ вошелъ въ ограду сада. Ночь покрыла землю; затихла природа. Послѣ дневныхъ трудовъ и заботъ является потребность отдыха и успокоенія. Но успокоительный сонъ не смежаетъ очей Исуса. Онъ знаетъ, что грядущая ночь должна совершить переломъ въ Его жизни... Завтрашній день принесетъ Ему незаконный судъ и осужденіе, оплеваніе, осмѣяніе, всевозможныя пытки и издѣвательства, бичеваніе, позоръ креста, мучительную смерть и гробъ. Готовится страшное безпримѣрное злодѣяніе. „Тьма вооружится противъ свѣта, незаконіе посмѣется надъ добродѣтелью, лицемеріе и коварство восторжествуютъ надъ правдою; черная неблагодарность, низкая измѣна покроютъ многочисленныя и великія дѣла любви и милосердія“... (арх. Иннокентій). Христось Спаситель стоитъ здѣсь предъ завершеніемъ того дѣла, для котораго Онъ пришелъ на землю, и былъ здѣсь *во дняхъ плоти* (Евр. V, 7), во глубинѣ искупительнаго уничтоженія.

И вотъ наступило время, когда ученикамъ Исуса можно было, по предреченію Учителя, *соблазниться о Немъ*, и не только ученикамъ, еще не видѣвшимъ воскресенія и вознесенія, но и многимъ позднѣйшимъ послѣдователямъ Его, уже видѣвшимъ славу Распятаго: Богочеловѣкъ скорбитъ, и мучится, и ужасается... Ученики никогда не видѣли такимъ своего Учителя. Спокойствіе, которое только передъ этимъ наполняло все существо Исуса, вдругъ оставило Его; взоръ омрачился и наполнился слезами, Онъ весь тужить, тоскуетъ, трепещетъ. По Его собственнымъ словамъ, душа Его прискорбна до смерти... Въ такомъ состояніи духа Онъ восхотѣлъ мо-

¹⁾ Дидонъ: „Жизнь І. Христа“, ч. 2, стр. 314.

литвы, общенія съ Отцомъ Своимъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ никогда, быть-можетъ, человѣческая душа Иисуса, возжаждавшая теперь общенія съ Богомъ, не нуждалась также и въ общеніи съ людьми. Здѣсь во всей силѣ сказалась истинно-человѣческая природа Иисуса Христа. „Показуя *человѣческое*“, какъ выражается нерѣдко св. Церковь (см. кан. Андр. Критск.), Иисусъ страшится одиночества, проситъ дружественной поддержки и участія учениковъ: „побудьте со Мною“; мало этого,—Онъ проситъ: „*молитесь со Мною*“, ибо ни въ чемъ такъ не проявляется взаимно укрѣпляющее дѣйствіе любви, какъ въ совместной молитвѣ. Затѣмъ Онъ избираетъ трехъ любимыхъ учениковъ и съ ними идетъ въ глубь сада на молитвенный вопль, на внутреннія терзанія духа: они были нѣкогда свидѣтелями славы Его на Фаворѣ, они видѣли Его владыкою смерти при воскресеніи дочери Іаира,—они и теперь болѣе другихъ способны были видѣть, не соблазняясь, Его муки въ Геесиманіи. Попросивъ ихъ участливой молитвы, Иисусъ, страшась полного одиночества, въ то же время не захотѣлъ быть и въ непосредственномъ общеніи съ учениками и, углубившись въ чашу деревьевъ на верженіе камня, такъ что могъ видѣть Своихъ апостоловъ, здѣсь отдался первому порыву молитвы. Глубокая скорбь объяла душу Страдальца. „Царила страшная сугубая ночь: одна въ окружающей природѣ, другая—въ душѣ Иисуса; эта ночь какъ бы вышла изъ бездны мрака со всіми своими ужасами, и страхомъ облегла малое стадо Христово въ Геесиманіи совместно съ Нимъ, Божественнымъ Пастыремъ“ (Инокентій). Въ молитвѣ они должны были проглянуть мракъ этой ночи и въ горнемъ мірѣ найти укрѣпленіе и помощь. Но, увы! ученики засыпали *отъ печали*, по мѣткому и психически глубоко вѣрному замѣчанію евангелиста ¹⁾. Молится одинъ Иисусъ. То повергаясь лицомъ на землю (Мѡ. XXVI, 39; Мрк. XIV, 35), то стоя на колѣнахъ (Лук. XXII, 41), Онъ всецѣло от-

¹⁾ Сильная печаль иногда вызываетъ крѣпкій сонъ. Общеизвѣстенъ фактъ, что преступники, съ ужасомъ и скорбью ожидавшіе на другой день утромъ смертной казни, нерѣдко ночью предъ этимъ утромъ засыпали такъ крѣпко, что ихъ приходилось будить непосредственно предъ отправленіемъ на торжмы на казнь. Помните, нѣчто подобное случилось съ Казеріо, убійцею президента французск. республики Карно.

дается молитвенному обращенію къ Отцу, съ воплемъ крѣпкимъ и слезами (Евр. V, 7), ища успокоенія мукъ душевныхъ. Но какое-то неизмѣримое бремя пало на духъ Его, и Онъ не можетъ успокоиться: и разъ, и другой, и, наконецъ, въ третій разъ обращается Онъ къ молитвѣ, доходить до послѣднихъ предѣловъ изнеможенія, доходитъ, наконецъ, до кроваваго пота, явленія чрезвычайно рѣдкаго, предсмертнаго, такъ что, по выраженію одного изъ евангелистовъ, Онъ былъ въ агоніи,—но и въ этомъ состояніи Онъ только прилежнѣе молился, и тогда, наконецъ, просвѣтлѣлъ духомъ, разогналъ обложившую Его тьму и получилъ то ясное спокойствіе, которымъ Онъ поражаетъ насъ на судѣ и на крестѣ.

Что же за тайна Его смертельной скорби, что привлекла Его къ этой молитвѣ? Что за причина Его мукъ душевныхъ, Его ужаса и скорби и туги сердечной? Враги еще не коснулись Его тѣла, чтобы пригвоздить Его ко кресту. Неужели же Онъ такъ страдалъ отъ одного представленія смерти? Неужели Онъ боялся ея? Вотъ здѣсь-то и является возможнымъ и для насъ предреченное Господомъ *соблазненіе* о Немъ (Мѣ. XI, 6; XXVI, 31; Іоанн. XVI, 1). Исторія вѣдь знаетъ тысячи примѣровъ, когда люди невинные, встрѣчая смерть лицомъ къ лицу, благословляли свои страданія, бодро шли на истязанія палача, когда, зная предстоящія муки, они спокойно, иногда даже съ радостью, ждали рокового удара. Сами ученики Христа,—Стефанъ, побитый камнями, Петръ, распятый внизъ головою, Андрей, Іаковъ, Павелъ и много, много другихъ,—развѣ не удивили міръ своимъ безстрашіемъ въ виду смерти? А тысячи мучениковъ? тысячи героевъ не одного только христіанскаго міра? Язычники считали презрѣніе къ смерти особеннымъ геройствомъ, и Неронъ, можетъ-быть, не столько своими злодѣяніями, сколько малодушіемъ предъ смертью внушилъ къ себѣ презрѣніе современниковъ.

Двѣ мысли мы постоянно должны имѣть въ виду при разсмотрѣніи Геэсиманскаго подвига: первая изъ нихъ—та, что Иисусъ Христосъ есть не только совершенный Богъ, но и *совершенный, истинный человекъ*, какъ это ясно исповѣдала всегда Церковь, притомъ человекъ, пречистый по тѣлу, без-

грѣшный по духу, „во всемъ намъ подобный, кромѣ грѣха“¹⁾; вторая мысль—та, что Христосъ Иисусъ есть Искупитель чело-вѣковъ, взявшій на Себя наши грѣхи, а за нихъ и наказа-нія—наши болѣзни (Ис. ЛIII, 4; чит. всю главу); слѣдовательно, кромѣ представленія мукъ грядущей смерти, было на душѣ Иисуса другое, несравненно большее бремя,—бремя Искупителя, которое подавляло Его своею тяжестью до кроваваго пота, до крайняго изнеможенія.

Какъ чело-вѣкъ, Спаситель не могъ быть совершенно рав-нодушнымъ къ смерти. Онъ былъ совершеннѣйшимъ чело-вѣ-комъ; но если для грѣшника мысль о смерти является всегда страшною и противоестественною, то тѣмъ болѣе она должна была казаться такою для безгрѣшнаго Иисуса. „Богъ смерти не сотворилъ“ и чело-вѣкъ созданъ „въ неистлѣннѣ“ (Прем. III, 23); смерть явилась, какъ наказаніе, явилась насильственно черезъ грѣхъ въ родъ чело-вѣческой (Римл. V, 12—15). Древній толкователь евангелія св. Іоаннъ Златоустый и потомъ другой толкователь, широко пользовавшійся трудами перваго, св. Теофилактъ, архіеп. болгарскій, такъ рассуждаютъ объ этомъ: „Смерть вошла въ чело-вѣческой родъ не по природѣ, и по-тому природа чело-вѣческая боится ея и бѣжитъ отъ нея“. Новѣйшій толкователь евангелій, извѣстный богословъ еп. Ми-хаиль, разъясняетъ эту мысль по отношенію къ лицу Иисуса Христа: „Смерть“, говоритъ онъ, „есть слѣдствіе грѣха; посему безгрѣшная природа, какова природа Богочело-вѣка, не должна бы подлежать смерти; смерть для нея—явленіе, такъ-сказать, неестественное. Оттого чистая природа Христова естественно возмущается противъ смерти, скорбитъ и тоскуетъ при видѣ ея“²⁾. Эту особенность полной безгрѣшности и непорочности

¹⁾ Замѣчательно, что догматы о чело-вѣческомъ естествѣ Иисуса Христа древ-ніе Отцы Церкви въ спорахъ съ монофизитами часто подтверждали именно упоми-наніемъ евангелія о кровавомъ потѣ Спасителя въ Геосиманіи. Извѣстно, что ар-мянская Церковь, не чуждая монофизитскихъ тенденцій, пыталась дерзновенно вычеркнуть изъ евангелія это мѣсто. См. докторскую диссертацию профес. И. Тро-ицкаго: „Изложеніе вѣры Церкви армянской“... Спб. 1875 г. Стр. 251. Впрочемъ, въ современномъ арм. еванг., по крайней мѣрѣ въ изд. Брит. библ. Общ., это мѣсто—Лк. XXII, 44—читается правильно.

²⁾ Толков. Еванг. еп. Михаила, ч. I (Мѣ. XXVI, 36—8).

Иисуса нельзя забывать, рассматривая Его тоску смертельную. Не нужно забывать, что здѣсь Онъ не можетъ быть приравняемъ ни къ одному изъ людей, среди которыхъ нѣтъ безгрѣшнаго, а изъ грѣшныхъ всякій, во-первыхъ, долженъ умереть по смертности своей природы, во-вторыхъ, въ силу грѣховности, никто не можетъ быть названъ въ полномъ смыслѣ невинно страдающимъ. Только страданія Иисуса были вполне и въ собственномъ смыслѣ невинными: только Онъ, по слову древняго пророка, беззаконія не сотворилъ и не обрѣтется лезть во устѣхъ Его (Ис. LIII, 9; ср. 1 Петр. II, 22). Больше того: вся Его жизнь и дѣятельность, Его чудеса, Его ученіе, Его любовь къ людямъ—все вызывало и къ Нему Самому одну любовь, одну преданность, одно благоговѣніе, а не позоръ, не бичеваніе, не крестъ. Можно ли послѣ этого приравнивать страданія кого-либо изъ людей, хотя бы и невинно осужденныхъ, къ силѣ горечи и мукъ Спасителя? Самыя страданія, наконецъ, становятся привычными нашей грѣховной природѣ, для безгрѣшной же и чистѣйшей плоти Иисуса они, конечно, были совершенно чужды и, такъ-сказать, несказанно отвратительны. Не легко страдать за дѣйствительныя преступленія; не легко, слушатели, посмотрѣть въ глубину ненависти другихъ къ намъ, если даже мы ее вполне заслужили, тяжело сознавать, что насъ презираютъ, ненавидятъ, желаютъ всякаго зла; но никто изъ насъ не можетъ сказать, что сами мы повинны въ зложелательствѣ, а иногда правда заставляетъ насъ признать и то, что окружающіе въ своихъ отношеніяхъ къ намъ лучше, чѣмъ мы къ нимъ... Но вотъ Иисусъ въ предчувствіи близкаго будущаго: Онъ видитъ и знаетъ, что Его хотятъ убить, надъ Нимъ будутъ издѣваться, оплевывать, зашарать, бичевать немилосердно, съ адскою изобрѣтательностью придумаютъ насмѣшки надъ Нимъ и издѣвательства. Иродъ, первосвященники, книжники, народъ, воины, разбойники и этотъ Иуда... что сдѣлалъ всѣмъ имъ Божественный Страдалецъ? За что къ Нему такая злоба? За что измѣна и предательство? За что крестъ и смерть? И вотъ предъ взоромъ Иисуса рисуется и переживается эта недалекая картина ужаснаго завтра: каково Ему было взглянуть въ эту бездну

ненависти, которою Онъ, невинный и непорочный, былъ окруженъ отовсюду?! Такъ, если принять во вниманіе только человѣческую природу Иисуса, то и въ этомъ случаѣ страданія Его представляются въ буквальномъ смыслѣ безпримѣрными, невиданными, настолько тяжкими, что представить ихъ во всей ужасающей горечи мы не можемъ: для этого нужно быть совершеннымъ человѣкомъ, какимъ былъ Иисусъ Христосъ. „Иисусъ разоблачился здѣсь отъ всѣхъ сверхъестественныхъ силъ“ (Иннокентій) и приблизился къ послѣднимъ предѣламъ человѣческой немощи. Иначе быть не могло. Если бы Его самопреданіе совершилось иначе,—могъ ли Иисусъ, совершеннѣйшій человѣкъ, быть образцомъ для всѣхъ человѣковъ? Безстрастный могъ ли быть примѣромъ для страстныхъ, Сильный могъ ли быть образцомъ для слабыхъ? Тогда всѣ, у кого не хватаетъ мужества исполнить до конца долгъ, всѣ, у кого нѣтъ рѣшимости подчинить свою волю иной, высшей Божественной волѣ, развѣ могли бы въ своемъ подвигѣ смотрѣть на Иисуса, какъ на Начальника подвига? Въ отвѣтъ на убѣжденіе послѣдовать Его примѣру не сказали ли бы они, что Ему подвигъ обошелся безъ борьбы, достался легко? Не легко, слушатели, не легко! Потому-то и глаголетъ Писаніе, заповѣдуя вѣковѣчный урокъ: „Христосъ, пострадавъ, оставилъ намъ образъ, да послѣдуемъ стопамъ Его“ (1 Петр. II, 21). Какой глубокой смыслъ получаютъ послѣ этого вдохновенныя слова ап. Павла о Христѣ: „Видимъ, что за претерпѣніе смерти увѣнчанъ славою и честію Иисусъ..., ибо надлежало, чтобы Тотъ, для Котораго все и отъ Котораго все, приводящаго многихъ сыновъ въ славу, Вождя спасенія ихъ—совершилъ чрезъ страданія... Онъ принялъ тѣло и кровь, чтобы смертію лишить имущаго державу смерти, т.-е. діавола, и избавить тѣхъ, которые отъ страха смерти чрезъ всю жизнь были подвержены рабству... Посему Онъ долженъ былъ во всемъ уподобиться братіямъ, чтобы быть милостивымъ и вѣрнымъ Первосвященникомъ предъ Богомъ, для умилостивленія за грѣхи народа, ибо какъ Самъ Онъ претерпѣлъ, бывъ искушенъ, то можетъ и искушаемымъ помочь“ (Евр. II, 9—10; 14—15; 17—18).

Но мы жестоко бы ошиблись, если бы Геесиманскія стра-

данія Спасителя объясняли исключительно однимъ представленіемъ и ожиданіемъ Голговы, если бы имѣли въ виду Іисуса Христа только какъ человѣка, забывая о Немъ, какъ объ Искупителѣ. Мало того, что одна мысль объ этомъ недостойна Іисуса,—такое объясненіе слишкомъ недостаточно и непонятно: Тотъ, Кто отъ одного представленія смерти приходилъ въ такой страхъ, могъ ли проявить то Божественное спокойствіе, которое не оставило Іисуса и во время суда, и въ униженіяхъ, и на самомъ крестѣ, когда Онъ отказался отъ напитка, затемняющаго сознаніе и притупляющаго ощущеніе боли. Одинъ богословъ, рассказывая о жизни Спасителя и останавливаясь на Его Геесиманской молитвѣ, говоритъ: „Находились люди, которые по странной привычкѣ оскорблять все святое, усматривали въ Геесиманскомъ страданіи малодушіе и робость... Малодушіе и робость! Могъ ли въ такой мѣрѣ утрашиться смерти Тотъ, Кто проповѣдывалъ жизнь и безсмертіе, терпѣніе и мужество среди всякихъ злоключеній и съ первыхъ шаговъ Своей общественной дѣятельности говорилъ о Своей смерти, какъ о неизбежной необходимости? Могъ ли въ такой мѣрѣ утрашиться смерти Тотъ, Кто въ продолженіе 15 часовъ послѣдующихъ страданій сохранилъ невозмутимое спокойствіе духа, величественно молчалъ во время незаконнаго суда, безъ малѣйшаго ропота и жалобъ переносилъ издѣвательства враговъ, позоръ и муки креста, съ небесною благодатью сердца молился о своихъ мучителяхъ и открылъ врата рая покающемуся разбойнику? Могъ ли въ такой мѣрѣ утрашиться смерти Тотъ, во имя Котораго шли безбоязненно на казнь девяностолѣтніе старцы, слабыя женщины и юные отроки? Смерть не такъ страшна и для людей, которые правильно смотрятъ на жизнь, какъ на преддверіе неба, какъ на ступень къ вѣчности“ (Фарраръ). Но бываютъ состоянія мучительнѣе смерти. И такое состояніе испыталъ Спаситель въ саду Геесиманскомъ. Чтобы уразумѣть его, насколько это для насъ возможно, нужно вспомнить ту мысль, которую мы поставили выше рядомъ съ мыслью о человѣчествѣ Іисуса Христа. Мысль эта заключается въ томъ, что Христосъ Іисусъ есть нашъ Искупитель. Безгрѣшный долженъ былъ за грѣшныхъ понести весь гнѣвъ Божій,

всѣ наказанія, которыя заслужило грѣховное человѣчество. То, что долженъ былъ потерпѣть за грѣхи весь міръ, всѣ наказанія, весь гнѣвъ небесный,—все это долженъ былъ вынести на себѣ одинъ Искупитель человѣковъ... Древній пророкъ за 700 лѣтъ до Христа говоритъ объ Его искупительномъ служеніи: „наказаніе міра нашего было на Немъ“ (Ис. LIII, 5), т.-е. то наказаніе, которое должно было возратить и принести намъ потерянный людьми міръ съ Богомъ, было на Немъ. А міръ былъ нарушенъ грѣхомъ Адама первозданнаго, увеличеннымъ и повтореннымъ потомъ личными грѣхами миллионовъ людей. Правда Божія требовала наказанія за грѣхи, и это наказаніе принялъ на Себя Искупитель, Сынъ Божій. Наказаніе же за грѣхъ бываетъ двоякое: одно внутреннее, въ совѣсти грѣшника, другое—внѣшнее, въ физическихъ мукахъ. Внутреннее страданіе, ужаснѣйшее и мучительнѣйшее, и претерпѣлъ Христосъ въ Геосиманіи. Вся совокупность грѣховъ отъ всѣхъ временъ, отъ всѣхъ людей неизмѣримо и несказанно-тяжкимъ бременемъ отяготѣла на совѣсти Иисуса, и въ мукахъ совѣсти Онъ долженъ былъ пережить все, какъ-будто въ грѣхахъ этихъ Онъ Самъ былъ повиненъ. По слову апостола, „Богъ Его, невѣдѣвшаго грѣха, по насъ грѣхъ сотвори, да мы будемъ правда Божія о Немъ“ (2 Кор. V, 21). Все безбожіе и невѣріе, вся гордость и злоба, все коварство и черная неблагодарность, ложь и обманъ, чувственность и отвратительнѣйшее себалюбіе во всѣхъ его видахъ,—все, что есть въ грѣхѣ мерзкаго и отталкивающаго, въ прошломъ, настоящемъ и будущемъ, отъ паденія Адама до послѣдняго момента существованія міра,—все это легло на безгрѣшную душу Богочеловѣка. Несомнѣнно, Онъ видѣлъ и впредь гоненіе добра, преслѣдованіе Его учениковъ, рѣки крови мучениковъ, издѣвательство надъ вѣрующими, вражду противъ Его Церкви; Онъ видѣлъ всю бездну злобы, страсти и пороки, которые до конца времени будутъ безобразить и исказить богозданную и искупленную душу человѣческую, будутъ „второе распинать Сына Божія и ругаться Ему“ (Евр. V, 16). Вотъ горькая и ужасная чаша, которую нужно было испить, которую уготовали Сыну Божію все зло, всѣ грѣхи человѣчества. Это—нѣчто „безконечно

высшее, чѣмъ все, что могутъ представить намъ самыя напряженныя усилія нашего воображенія. Это было нѣчто смертельное смерти“ (Фарраръ). „Это, говоря безъ всякаго преувеличенія, совмѣщеніе всѣхъ страданій, всѣхъ смертей всѣхъ людей. Одни страданія совѣсти должны были имѣть лютость страданій адскихъ. Ибо, если самый грубый человѣкъ изнемогаетъ нерѣдко подъ страданіемъ совѣсти (Каинъ, Іуда), мучимый представленіемъ *своей только* грѣховной жизни, то какое мученіе должно быть для пречистой души Богочеловѣка, когда она покрыта была грѣхами всего міра, и въ такомъ видѣ со всею тяжестью ихъ должна была идти для искупленія ихъ своею кровію на крестъ?“ (Иннокентій).

Но грѣхъ тяжелъ не одними муками совѣсти: грѣхъ породилъ *проклятіе*, отверженіе отъ Бога, къ Которому, однако, человѣкъ всегда стремился и стремится. И это отверженіе, оставленіе Отцомъ перенесъ Геесиманскій Страдалецъ, и для Его безгрѣшной души, которая привыкла къ постоянному единенію съ Богомъ, вкусила и познала всю сладость, всю красоту и полноту этого единенія, такое отверженіе было, конечно, невыразимо тяжело; оно было тѣмъ адомъ, которымъ угрожаетъ Господь нечестію, и который состоитъ, главнымъ образомъ, въ удаленіи отъ жизни Божіей; тѣмъ адомъ, котораго мукъ во всей ихъ тяжести представить мы себѣ не можемъ; оно, это отверженіе, вырвало у Страдальца на крестѣ душу-потрясающій крикъ: „Боже мой, Боже мой! вскую Мя еси оставилъ!“ (Матѣ. XXVII, 46). Такъ Христось искупилъ насъ отъ клятвы, бывъ по насъ клятва... (Гал. III, 13).

Итакъ, Исусъ, какъ бы послѣдній и тягчайшій изъ грѣшниковъ (2 Кор. V, 21), оставленъ Отцомъ; какъ новый Израиль, одинъ Онъ на подвигѣ, подобно Израилю древнему. Горькая чаша Его растворена, наконецъ, проклятіемъ Божиимъ, тяготѣвшимъ надъ человѣчествомъ.

Исусъ одинъ... Съ воплемъ крѣпкимъ, по слову апостола (Евр. V, 7), прибѣгаетъ Онъ къ Отцу, покрытый воспринятыми на Себя грѣхами человѣчества, изнемогающій подъ нравственными муками за эти грѣхи...; а вокругъ — наводящія страхъ и ужасъ темнота сада и безмолвіе ночи, а около спятъ

апостолы, общенія съ которыми просила и жаждала душа Его; они спятъ, какъ бы знаменуя немощь человѣческой природы. Иисусъ одинъ... Слышатся Его глубочайшіе, тоскливые вздохи, Его ослабѣвшій отъ душевной борьбы голосъ, и горитъ, пламенѣетъ Его молитва. Опять и опять Онъ зоветъ: „Отче! Отче!“... Нѣтъ отвѣта... „Симонъ! спишь ли?“ (Марк. XIV, 37). Нѣтъ отклика... Какъ до конца исполнились предреченія пророка: „Одинъ истопталъ Я точило гнѣва Божія, отъ языкъ не оъ мужа со Мною“ (Ис. LXIII, 3). „Ждахъ соскорбящаго и не оъ, и утѣшающихъ—и не обрѣтохъ!“ (Ис. LXVIII, 21).

И среди этого ужаса страданій, здѣсь-то, въ этомъ уединеніи сада и произошла вѣроятная встрѣча Христа, какъ новаго Адама, съ древнимъ искушителемъ. Говоримъ: встрѣча вѣроятная, потому что евангельскія повѣствованія не упоминаютъ о ней прямо; но, сопоставивъ различныя мѣста евангелія, можно говорить о возможности искушенія въ Геесиманіи почти съ увѣренностью. Послѣ перваго искушенія въ пустынѣ диаволь, какъ сказано въ евангеліи, оставилъ Иисуса *до времени* (Лк. IV, 13), а въ бесѣдѣ Своей непосредственно предъ самыми Геесиманскими страданіями Иисусъ Христосъ говоритъ ученикамъ Своимъ прямо: „идетъ міра сего князь, и во Мѣѣ не имѣетъ ничего“, и загѣмъ указываетъ, въ чемъ именно будетъ состоять и искушеніе и, соотвѣтственно съ нимъ, побѣда: „чтобы міръ зналъ“, продолжаетъ Свою рѣчь Спаситель, „чтобы міръ зналъ, что Я люблю Отца и, какъ заповѣдалъ Мнѣ Отець, такъ и творю“ (Іоанн. XIV, 30—31). Гдѣ же, какъ не здѣсь, въ Геесиманіи, князь грѣховнаго міра—диаволь встрѣтилъ Иисуса, искушая Его, и былъ побѣжденъ Его любовью и преданностью волѣ Отца? Здѣсь, въ этомъ ужасномъ положеніи и искушеніе могло быть особенно сильнымъ...

Два вида искушеній человѣческихъ: слава и страданія. Первое Сынъ Человѣческой отвергъ въ пустынѣ, второе надлежало побѣдить въ Геесиманіи. Горька, несказанно горька Его чаша... Всѣми силами отвращается Богочеловѣкъ и отъ этого совершенно противоестественнаго для Него позорища смерти, и отъ этого непривычнаго, но взятаго на Себя грѣ-

хознаго бремени, невыносимаго для чистой и безгрѣшной души. И вотъ, молніей могла пронестись въ человѣческомъ сознаниі Его мысль: „Въ премудрости и всемогуществѣ Отца неужели же нѣтъ и не можетъ быть средства спасти людей, не вознося на крестъ Сына? Неужели нельзя отсрочить часть этихъ лютыхъ мукъ, если уже невозможно совсѣмъ пронести мимо чашу?“ Эта мысль въ уединеніи Геесиманскомъ въ Сынѣ Человѣческомъ, изнемогающемъ подъ бременемъ неописуемыхъ мукъ, могла произвести намѣреніе оставить подвигъ: она слышится въ первомъ, самомъ тяжкомъ моленіи: Отче, *все, все возможно Тебѣ!*.. Возможно, значитъ, и избавленіе Сына отъ этихъ ужасныхъ мукъ: „о, если бы Ты благоволилъ пронести чашу эту мимо Меня!“ Во второмъ моленіи мысль эта ослабляется: „Отче, если не можетъ чаша сія миновать Меня, чтобы Мнѣ не пить ея,—буди воля Твоя!“ Третье моленіе, произнесенное тѣми же словами, окончательно укрѣпило Иисуса въ Его духъ, хотя привело тѣло Его въ состояніе, близкое къ смерти, выражающееся въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ кровавымъ потомъ ¹⁾. Онъ могъ умереть отъ такого напряженія духа еще до суда и креста,—и вотъ является къ Нему, уже побѣдившему искушеніе, укрѣпляющій ангель. Но духомъ Иисусъ былъ бодръ, и возсталъ отъ молитвы, увѣренный въ необходимости и благотворности того, что надлежало Ему испить. Духъ бодръ, плоть же немощна... Гдѣ же источникъ этой бодрости?

Мысли о всемогуществѣ противопоставлена другая мысль, которая яснѣе всего, какъ громъ, слышится во всѣхъ трехъ моленіяхъ: „буди воля Твоя“. „Чаша, угодная Отцу, какъ единственно предопредѣленная чаша спасенія людей, стала угодна теперь и Сыну“ (Иннокентій). Осуществилось то, о чемъ Иисусъ говорилъ всю жизнь: что Онъ пришелъ творить волю не Свою, а волю Пославшаго Его Отца. Свободно, непоколебимо и безвозвратно Онъ приносить Себя въ жертву. „Буди воля Твоя“—,этого именно не исполнилъ Адамъ первый, подверг-

¹⁾ Отдѣлъ объ искушеніи І. Христа въ Геесиманіи наложенъ по вышесказанному сочин. архіеп. Иннокентія.

нубъ за свое преслушаніе страданію весь родъ человѣческой; теперь выполнилъ это Адамъ второй, и послушаніемъ Своимъ спасъ людей, открывъ имъ двери заключеннаго рая. Геесиманскій подвигъ кончился. Но кто измѣритъ его глубину? Кто постигнетъ всю его потрясающую безграничную муку? Выше было сказано, что для пониманія его съ одной только стороны, нужно быть самому совершеннымъ человѣкомъ; чтобы понять его во всецѣлости, этого мало: нужно быть Богочеловѣкомъ. Много слезъ, много стонувъ и бѣдствій видѣлъ міръ, но всё они вмѣстѣ не составляютъ той чаши, которую испилъ Іисусъ. Чаша эта была выпита однажды, и уже болѣе не повторяется.

Геесиманскій подвигъ кончился. Предатель приблизился. Сынъ Человѣческой отдается въ руки грѣшниковъ. Начинается подвигъ Голгоескій, который кончится для Іисуса вкушеніемъ смерти. И теперь, въ Голгоескомъ подвигѣ, Онъ — тотъ же представитель грѣшнаго человѣчества; и теперь Онъ будетъ страдать духомъ и тѣломъ за грѣхи міра, какъ бы за Свои собственные; но, выражаясь по-человѣчески, можно быть вполне увѣреннымъ за исходъ подвига: послѣ Геесиманіи Страдалецъ все перенесетъ, все исполнитъ и все до конца совершитъ...

„Теперь ваше время и господство тьмы“, сказала Онъ, предаваясь въ руки враговъ (Лук. XXII, 53). Но среди этой ужасной тьмы до нашего времени и до скончанія вѣковъ свѣтитъ и будетъ свѣтить образъ Страждущаго Іисуса... „Се человѣкъ!“ Се образъ того, чѣмъ долженъ быть человѣкъ. Въ Его страданіи нѣтъ дѣланнаго презрѣнія къ смерти, нѣтъ ожесточенной ненависти къ мучителямъ, нѣтъ холодной, застывшей гордыни стойка, нѣтъ и слабости, отрекающейся отъ долга, нѣтъ экзальтаціи, восторженныхъ порывовъ и самозабвенія, похожихъ на фанатизмъ... Все такое было бы или неестественно или недостойно Его. „Безчувствіе всегда ниже самоотверженія“ (Августинъ). Іисусъ, напротивъ, является намъ въ образѣ истинно страждущаго *человѣка*: Онъ видитъ, что чаша Его горька, и прямо говоритъ объ этомъ; Онъ всецѣло чувствуетъ весь ужасъ ея, но въ молитвѣ и единеніи съ От-

цомъ почерпаетъ мужество и твердую рѣшимость испить до дна эту чашу, исполнить до конца высшую волю. Его страданія были непримѣрными и невиданными въ мірѣ, какъ великое, таинственное священнодѣйствіе, какъ чудо безмѣрной любви Божіей и состраданія къ человѣчеству; они болѣе и не повторятся; но всѣмъ другимъ страдальцамъ Онъ служитъ поддержкою, утѣшеніемъ и образцомъ вѣрности долгу, своей задачѣ и Богу, образцомъ самоотреченія и любви. Слабости Своихъ учениковъ Онъ не осуждаетъ, и въ ней не укоряетъ ихъ, сострадательно относится къ этой немощи плоти, но тѣмъ настойчивѣе напоминаетъ имъ и намъ, что бодрствованіе духа, молитва и преданность Богу и волѣ Его никогда не должны оставлять человѣка. Все это Онъ, какъ Начальникъ и Вождь, прежде всего показалъ на Себѣ Самомъ. Геесиманскія страданія—это апогей нравственнаго величія человѣчества въ Иисусѣ, это и вершина Его личной заслуги и совершенства, и основаніе Его права спасать грѣшниковъ (Евр. II, 17—18). Въ немъ мы имѣемъ Ходатая къ Богу и Первосвященника, Который можетъ сострадать намъ въ немощахъ нашихъ (Евр. IV, 15). Восшедши чрезъ страданія къ славѣ (Іоанн. XVII, 1—5), Онъ показалъ путь къ ней Своимъ послѣдователямъ (Римл. VIII, 11, 34, 37). Апостоль Павелъ, особенно разумѣвшій силу креста, т.-е. смыслъ страданія Спасителя, такъ говоритъ о Немъ: „Онъ во дни плоти Своей съ сильнымъ воплемъ и со слезами принесъ молитвы и моленія Могущему спасти Его отъ смерти, и услышанъ былъ за Свое благоговѣніе; хотя Онъ и Сынъ, однако, страданіями навывкъ послушанію, и совершившись, сдѣлался для всѣхъ, послушныхъ Ему, виновникомъ спасенія вѣчнаго“ (Евр. V, 7—9).

Россія и Востокъ.*

И придуть отъ востока и запада, и съвера и юга и возлягутъ въ царствіи Божіемъ (Лк. XIII, 29).

Говорить о Востокѣ, о восточномъ вопросѣ, о движеніи на Востокъ, по общему понятію, значитъ—непремѣнно вторгаться въ область сложныхъ вопросовъ политическихъ, неумѣстныхъ въ устахъ служителя Церкви. Говорить же о Востокѣ, какъ священнику, значитъ, по установившемуся мнѣнію, поднимать вопросы религіозные, входить въ разсмотрѣніе и разрѣшеніе старыхъ, неоконченныхъ счетовъ христіанства и мусульманства въ ихъ прошломъ и настоящемъ, переходя, такимъ образомъ, на почву споровъ и взаимнаго раздраженія.

И то и другое, и политическіе виды, и религіозные счета, не имѣются въ виду Обществомъ, дѣйствія котораго открываются въ настоящія минуты въ нашемъ краѣ и которое въ первомъ пунктѣ своего устава говоритъ намъ, что оно имѣетъ цѣлью *содѣйствовать сближенію Россіи съ восточными странами.*

Но не говоря уже о томъ, что всякое сближеніе странъ и народовъ между собою на почвѣ мирныхъ отношеній, взаимной любви и уваженія не можетъ не входить въ задачи и не можетъ не вызывать благословенія той Церкви, которая ежедневно возсылаетъ моленія о мирѣ всего міра и соединеніи всѣхъ,—не говоря уже объ этомъ, къ счастью, въ самомъ историческомъ призваніи и географическомъ положеніи Россіи самимъ Промысломъ указаны ей особыя отношенія къ Востоку, отношенія мира, согласія, сближенія и соединенія.

Въ поздній, сравнительно, часъ исторіи Россія призвана къ историческому бытію. Но съ тѣхъ поръ, какъ восточныя

* Речь при открытіи Тифлискаго Отдѣленія Общества Востоконвѣдѣнія. Прочитана 5 апрѣля послѣ молебствія, совершеннаго высокопреосвященнѣйшимъ Флавіаномъ, епископомъ Грузіи.

славянскія племена — поляне, вятичи, древляне и проч., отрѣшившись отъ племенного опредѣленія, подъ вліяніемъ христіанства, получаютъ форму бытія болѣе широкую, возводящую племенные виды къ высшему единству и, по замѣчанію лѣтописца, прозываются Русью, сливаясь, такимъ образомъ, въ одинъ народъ—русскій, слагая одну землю русскую; съ тѣхъ поръ, какъ на берегахъ Днѣпра и Ильменя образовалось русское княжество и послѣ принятія христіанства отъ одряхлѣвшей и умирающей Византіи сдѣлалось наслѣдникомъ ея исторической задачи и мірового призванія,—съ этихъ поръ предъ новымъ народившимся членомъ семьи историческихъ народовъ—предъ Русью и въ даль временъ, и въ ширь безпредѣльнаго на Востокъ простора развернулась перспектива величайшей міровой исторической роли: естественнаго посредничества между искони враждебными Западомъ и Востокомъ и высшаго ихъ синтеза въ области религіозной, культурно-соціальной, политической... Эта задача Россіи не можетъ быть названа ни искусственно-придуманной, ни намѣренно, съ какими-либо тайными, себялюбиво-государственными цѣлями созданною. Она, какъ естественная и неизбежная, властно толкалась въ двери нашего историческаго сознанія въ тѣ моменты, когда мы о ней, подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ условій жизни, забывали; она жила въ культурныхъ формахъ жизни нашего народа, въ которыхъ сохранилось много остатковъ когда-то бывшей непосредственной близости нашей съ Востокомъ, этою колыбелью религій и удивительно живучихъ въ связи съ религіей культуръ, отъ временъ доисторическаго переселенія нашихъ индо-европейскихъ предковъ изъ таинственныхъ восточныхъ странъ; она жила и мощно проявлялась въ смутныхъ порываніяхъ нашихъ старинныхъ удалцовъ сначала къ восточной Европѣ—къ Волгѣ, Окѣ, Камѣ, къ Хлынову, Уралу, къ морю Хвалынскому, потомъ къ странамъ сопредѣльной Азіи въ такой ширинѣ и просторѣ, что этому не помѣшали ни великій океанъ-море, ни далекая и невѣдомая Америка... И всему этому стихійному движенію нашего народа къ Востоку какъ бы вторило присущее всѣмъ странамъ и народамъ Востока сознаніе обаятельнаго величія Бѣлаго Царя...

Географическая сопредѣльность, историческое призваніе даютъ Россіи такое положеніе по отношенію къ Востоку, что здѣсь ей мѣсто по самому положенію вещей, по самой истинѣ ея историческаго бытія, по переданнымъ завѣтамъ древней Византіи, которой она преемствовала въ міровомъ дѣланіи. На Западѣ Россіи дѣлать нечего: на своемъ полѣ онъ поработалъ для человѣчества довольно, совершилъ рядъ величайшихъ подвиговъ въ области мышленія, знанія, жизненнаго опыта, благодѣянїями которыхъ и мы пользуемся, да и должны воспользоваться во всей полнотѣ, какъ общечеловѣческимъ достояніемъ. Притязанія наши къ Западу только въ томъ и заключаются, чтобъ онъ самъ призналъ наши права на историческое существованіе и мировую дѣятельность. Россія не всегда встрѣчала и встрѣчаетъ это признаніе, оттого и положеніе наше по отношенію къ Западу есть положеніе оборонительное; ни для кого не тайна,—и это особенно нужно подчеркнуть въ настоящія минуты для выясненія отношеній Россіи къ Востоку,—ни для кого не тайна, что, конечно, не ради азіатскихъ народовъ Востока мы содержимъ нашу громадную армію, а ради отпора притязаніямъ Запада...

Но если на Западѣ намъ собственно искать нечего и мы стоимъ къ нему силою вещей въ положеніи оборонительномъ, то по отношенію къ Востоку мы искони находились и находимся въ положеніи наступательномъ, не въ страшномъ воинственномъ смыслѣ, нѣтъ,—мы воевали только поневолѣ, — но въ смыслѣ культурнаго воздѣйствія, всесторонняго возвышенія жизни, въ смыслѣ мирнаго посредничества и мирныхъ сношеній. Здѣсь съ Востока, дѣйствительно, открывалось широкое поприще для зиждительства нашему національному духу. И потянуло насъ сюда давнымъ-давно. Сначала, конечно, цѣли и побужденія были исключительно религіозныя, которыя сказались въ многочисленныхъ хожденіяхъ нашихъ древнихъ предковъ на Востокъ ко святымъ мѣстамъ, давшихъ сильный толчокъ древне-русской письменности ¹⁾. Но съ теченіемъ вре-

¹⁾ Въ XI в. хожденіе преп. Антонія Печерскаго на Афонъ, порыванія въ св. землѣ Феодосія Печерскаго, странствованія инока Варлаама; въ XII в. хожденіе

мени, уже съ XIV вѣка, русскіе люди ходятъ на Востокъ не по однимъ религіознымъ побужденіямъ, стараются и знакомиться съ нимъ болѣе подробно. Въ XV—XVI вв. такія путешествія все болѣе и болѣе учащаются. Здѣсь мы уже видимъ знакомство нашихъ путешественниковъ и съ Кавказомъ, и съ Персіей, и съ Малой Азіей. Но свѣдѣнія, доставляемыя ими о Востокѣ, отличаются характеромъ басенъ, представляя иногда собраніе непостижимыхъ нелѣпостей,—и это отсутствіе точныхъ и вѣрныхъ свѣдѣній было обоюдно невыгодно и для Россіи, и для Востока ¹⁾. Въ XV вѣкѣ, однако, мы видимъ путешествіе

игум. Даніила, путешествіе Новгородскаго архіепа. Іоанна, „Сорокъ каликъ новгородскихъ“ въ половинѣ XII в., въ концѣ этого вѣка хожденія Антонія, архіепа. Новгородскаго; въ XIII в. опять „Дружини каликъ“, путешествіе Новгор. архіепа. Василія, новгородца Стефана; въ XIV в. хожденія архимандрита Грефенія, Игнагія Смольянина, Александра дьяка, который, впрочемъ, по его словамъ, „ходилъ кулею“, а не по однимъ религіознымъ побужденіямъ; въ XV вѣкѣ путешествіе Троицкаго монаха Зосимы (такъ-называемый „Ксеносъ“), гостя Василія, инока Варсонофія и другихъ многочисленныхъ паломниковъ.

¹⁾ См. Хожденіе Трифона Коробейникова и Юрія Грекова (XVI в.), казанскаго купца Василія Гагары съ его слугою Гаранькомъ, чернаго діакона Іоны Маленькаго, Арсенія Суханова, Сергія Черкашенина и друг. Какъ примѣръ тогдашнихъ навѣстій, наприимѣръ, о Кавказѣ, приводимъ рассказъ вышеупомянутаго Гагары о Тифлисѣ: „Вблизи тое рѣки Куры есть гора, а на ней просѣчены четыре окна большіе, а жиль въ той горѣ людодыя, а ѣль на всякой день по человеку“. У самаго Тифлиса оказываются енаменитые Гогъ и Магогъ, которыми наша лѣтопись интересовалась еще съ XI вѣка. „Да въ той же грузинской землѣ межъ горами высокими свѣзными и въ непроходимыхъ мѣстахъ есть щели земныя, а въ нихъ загнаны и заключены дверьми желѣзными цари (въ другомъ вариантѣ: дикія звѣри) Гогъ и Магогъ, а загналъ ихъ въ древнемъ законѣ царь Александръ Македонскій. И мнози мнѣ о тѣхъ звѣрехъ повѣдоша, что де недавно тѣ звѣри было, тотъ Гогъ и Магогъ, изъ тѣхъ щелей вонъ выдралися, и дадіанскій де царь приходилъ со своею грузинскою землею, и тѣ щели велѣлъ каменіемъ завалати сверху горы; а кои были у тѣхъ щелей двери желѣзныя, тѣ двери въ землю ушли. А про тѣ щели мнѣ слыывали грузинской митрополитъ и архіепископы: ходилъ де ихъ грузинець за зайцы съ собакою, и заецъ ушелъ въ тѣ щели, и за зайцемъ забѣжала собака. И тѣ было звѣри въ той пещерѣ тое собаку изъ щели начали хватати, выбиватца, и отъ дверей внизу камень отбити, и тое собаку хотѣли ухватити, и собака завизчала, и отъ нихъ ушла, и тѣ звѣри начали выдиратца, и тотъ грузинець подалъ вѣсть грузинскому же, и пришедъ тѣхъ звѣрей заклали великимъ каменіемъ. А въ прежнихъ годѣхъ тѣхъ звѣрей не слышетъ было и въ двери не талкавалися“. По такимъ свѣдѣніямъ можно судить, какъ велика была наша безпомощность въ сношеніяхъ съ Востокомъ, что потомъ такъ печально случилось на судьбѣ русскаго путешественника по Востоку Ае. Никитина. Былъ Гагара и около „Ровани (Фривани), на порубежьи земли Турской и Кизилбашской“. Арсеній Сухановъ также былъ въ Тифлисѣ и въ Мцхетѣ, гдѣ подъ столбомъ „риза Христа Бога нашего цѣла вся не ру-

на Востокъ замѣчательнаго русскаго человѣка Аванасія Никитина, имя котораго должно быть дорого для нашего Общества. Нужно замѣтить, что онъ совершилъ свое путешествіе на Востокъ чрезъ Персію, къ Персидскому заливу, въ Индію до о. Цейлона и обратно чрезъ Персію и Турцію до Трапезунда за 25 лѣтъ до открытія пути въ Индію европейцами, а записки его, по обстоятельности, по точности и вѣрности свѣдѣній, могутъ съ полнымъ правомъ быть поставлены если не выше, то во всякомъ случаѣ наряду съ отчетами знаменитѣйшихъ европейскихъ путешественниковъ ¹⁾. Но и этотъ наблюдательный, необыкновенно умный и энергичный русскій человѣкъ потерпѣлъ въ своемъ путешествіи много невгодъ и полное разореніе въ торговыхъ дѣлахъ отъ причины, которая и донинѣ тяготѣетъ надъ нами въ нашихъ отношеніяхъ къ Востоку: „*Меня залгали*“, говоритъ онъ въ объясненіе своихъ неудачъ. Вотъ это-то „залгали“ не окончилось и до настоящаго времени, и разсѣять тьму всякаго рода „залганья“, которое нерѣдко является средостѣніемъ между Россіей и Востокомъ, и призвано „Общество Востоковѣдѣнія“. Смутныя времена нашей исторіи, домашнія тяжкія заботы государственнаго строенія на нѣкоторое время отдалили насъ отъ Востока. Государственный гений Петра Великаго, прозрѣвая историческое призваніе Россіи, вновь обратилъ ея вниманіе на Востокъ, но послѣдующія поколѣнія болѣе занялись Западомъ, и надолго невѣжество и косность сдѣлали то, что мы мало знали Востокъ, и Востокъ мало зналъ насъ, а враги воспользовались всѣмъ этимъ, чтобы сгустить еще больше

шена“. „Католикось, архирей той церкви, мужъ честенъ, браду имать бѣлую, яко свѣгъ и житіемъ добрымъ украшенъ, и епископъ тифлискій, и иніи мнози“. Отсюда на Русь шель онъ чрезъ Шемаху, Дербентъ и Тарки.

¹⁾ Разумѣемъ: „Написаніе Офонаса Тфертина купца, что былъ въ Индіи четыре года, а ходилъ, сказываютъ, съ Васильемъ Папинымъ“, оно внесено въ полномъ видѣ въ „Софійскій временникъ“ подъ 1475 годомъ. Отрывъ о высокомъ достоинствѣ этого „Написанія“ данъ извѣстнымъ Н. Н. Срезневскимъ. См. А. Н. Пыпина „Истор. русск. литерат.“, т. II, стр. 259. По словамъ этого ученаго, записки Ав. Никитина не ниже дневника Васко-де-Гама и отчетовъ Де-Ковти. Имя Ав. Никитина для нашего Общества имѣетъ такое же значеніе, какъ имя Васко-де-Гама для „Азиатскаго Общества“, основаннаго въ 1783 году въ Калькуттѣ, также главнымъ образомъ съ цѣлями востоковѣдѣнія.

эту тьму невѣдѣнія посредствомъ всякаго рода „залганья“, съ которымъ боролся еще Аванасій Никитинъ. Въ наше время міровыя событія властно и рѣшительно вдвинули Востокъ и ближній и дальній въ сферу интересовъ Россіи и западной Европы. Кому изъ нихъ ближе по праву и обязанности, кому естественнѣе стать лицомъ къ лицу къ Востоку, кому исторически суждено послужить естественнымъ мостомъ между Востокомъ и Западомъ и отношенія ихъ направить не къ разрушенію, а къ созиданію всемірнаго спокойствія,—въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія ни у одного благоразумнаго и безпристрастнаго человѣка. И дѣятельность Россіи въ китайскихъ событіяхъ воочію убѣдила міръ, что не захваты, не корысть, не поработеніе, не разбойничьи инстинкты руководили здѣсь Россіей, а миръ и благожелательность и сознаніе своего историческаго призванія въ дѣлѣ мирнаго объединенія Востока и Запада.

То же, конечно, нужно сказать и по отношенію къ ближнему Востоку—мусульманскому. Здѣсь, въ Тифлисѣ, въ Закавказьѣ, которое непосредственно граничитъ съ этимъ Востокомъ, Отдѣленію Общества Востоковѣдѣнія какъ нельзя болѣе подходящее мѣсто для плодотворной дѣятельности: здѣсь именно нужно дать восточнымъ народамъ точныя и правильныя свѣдѣнія о Россіи, объ ея желаніяхъ и стремленіяхъ, съ другой стороны, нужно ознакомить и русское общество съ матеріальными нуждами и духовною жизнью Востока; тогда сама собою обрисуется правдивая картина жизни Востока въ ея многообразныхъ проявленіяхъ, правдиво опредѣлится и роль Россіи на азиатскомъ Востокѣ и ея общечеловѣческое призваніе, вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлятся нужды, потребности и задачи дѣятельности русскаго общества на окраинѣ. А въ правдѣ великая сила: *стоитъ ее только показать*, и облако всякаго „залганья“ разсѣется само собою. Смутнымъ порываніямъ русскаго народа къ Востоку и смутнымъ влеченіямъ Востока навстрѣчу Россіи, не погибшимъ въ теченіе вѣковъ, при всякаго рода враждебныхъ вліянійхъ сознательной клеветы и бессознательнаго невѣжества, нужно теперь дать укрѣпиться въ разумѣ, нужно дать освѣщеніе и проясненіе въ добросовѣстной

научной работѣ, посвященной взаимному всестороннему и правдивому знакомству Россіи и Востока. И мы вѣримъ и надѣемся, что указанный Россіи Промыслѣмъ историческій долгъ будетъ ею выполненъ. Тому порукою многовѣковая, исполненная безкорыстія и высокаго благородства работа ея на Востока, которая въ наши дни не только не умалилась, но въ трудахъ Вѣнценоснаго Вождя Россіи приобрѣла новый блескъ и явилась предъ міромъ въ полной красотѣ и обаятельности. Мы сильны историческою правдою.

Не будемъ скрывать, что съ точки зрѣнія нѣкоторыхъ одностороннихъ ученій граничащаго съ нами Востока мы представляемъ собой такъ-называемый „даръ-уль-харбъ“, т.-е. міръ вражды,—міръ, съ которымъ нужно воевать... Но и самый враждебный человекъ опуститъ руки при видѣ ближняго, который долгимъ путемъ, правдивою и благожелательною дѣятельностью ясно, какъ Божій день, показалъ и доказалъ свои мирныя и добрыя намѣренія. Обратитъ этотъ „даръ-уль-харбъ“ изъ міра вражды въ міръ благоволенія и согласія, это—задача „Общества Востоковѣдѣнія“, достойная благословенія Церкви и сочувствія всѣхъ добрыхъ и мыслящихъ людей.

Духъ народный.*

„Духа не угашай!“ (I Фес. V, 19).

Въ свѣтлый день благодатной весны, при свѣтлыхъ пасхальныхъ воспоминаніяхъ, съ радостными пасхальными пѣс-

* Слово при закладкѣ храма въ селеніи Голицыно, Елисаветпольской губ. 22 апрѣля 1901 г. Произнесено въ присутствіи главнначальствующаго гражданскою частью на Кавказѣ князя Г. С. Голицына.

Селеніе Голицыно—первый опытъ русскаго православнаго поселенія въ Елисаветпольской губерніи, въ которой до сего времени образовывались русскіе поселки только изъ смѣльныхъ сектантовъ. Прежнее село Ново-Троицкое, оставленное духоборами, выселившимися въ Канаду, заселено православными крестьянами, вызванными изъ Черниговской губерніи, и названо „Голицыно“ въ честь князя Г. С. Голицына, главнначальствующаго гражданскою частью на Кавказѣ, принявшаго въ судьбѣ поселенія самое горячее участіе. Селеніе находится въ Елисавет-

нями, въ ожиданіи праздника изліянія Св. Духа на новозавѣтныхъ чадъ Божіихъ, совершаемъ мы нынѣ знаменательное торжество среди этихъ русскихъ новопоселенцевъ. Повидимому, нѣтъ у насъ сейчасъ особенныхъ причинъ предаваться отраднымъ и свѣтлымъ надеждамъ: все здѣсь только въ зачаточномъ состояніи, все только устраивается; не собрались еще всѣ новоселы, не привыкли къ условіямъ мѣстной жизни вновь прибывшіе; много здѣсь недостатковъ и бѣдности и предстоитъ много труда, много терпѣливыхъ усилій, можетъ-быть, неудачъ и разочарованій, предстоитъ, можетъ-быть, получить немало горькихъ уроковъ... И вотъ, смотря на эту устраивающуюся жизнь, на этотъ усиленный здѣсь трудъ, предъ смутнымъ и неизвѣстнымъ будущимъ, хочется призвать всѣхъ васъ къ свѣтлымъ пасхальнымъ чувствамъ надежды и радости и, въ виду грядущаго праздника въ честь Духа Святаго, обратиться ко всѣмъ вамъ съ великими апостольскими наставленіями: „Исполняйтесь Духомъ“ (Еф. V, 18) и „Духа не угашайте“ (1 Тес. V, 19).

Вспомнимъ, что было и что случилось, когда впервые „исполнились духа“ ученики Христовы. Ихъ было малое стадо, но малому стаду благоизволилъ Отецъ Небесный даровать царство. Ихъ было всего двѣнадцать простецовъ, робкихъ, бѣдныхъ и неизвѣстныхъ поселянъ Галилеи, а передъ ними, какъ поприще дѣятельности, разстился огромный, необъятный міръ, богатый и сильный... И все въ мірѣ казалось, такъ-сказать, *духоборнымъ*... все какъ будто клонилось къ тому, чтобы побороть и угасить духъ новыхъ проповѣдниковъ новой истины.

польскомъ уѣздѣ, въ горной мѣстности, въ 45 верстахъ отъ линіи Закавказской желѣзной дороги (отъ станціи Далларъ), отстоитъ въ 15 верстахъ отъ Кедабегскаго мѣдноплавильнаго завода; окружено духоборческими поселеніями. Здѣсь уже открыта церковно-приходская школа, назначенъ причтъ, совершающій богослуженіе во временномъ молитвенномъ домѣ. На постройку храма Государь Императоръ пожертвовалъ 5.000 руб. и изъ суммъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ отпущено 3.000 руб. Въ селеніи предположено образовать 90 дворовъ; въ настоящее время налицо 42 двора. Около селенія „Голицыно“ предположено образовать еще два русскихъ православныхъ селенія (въ 5 и 9 верстахъ отъ Голицына). Торжество закладки церкви почтили своимъ присутствіемъ князь-главноначальствующій, Елисаветпольскій губернаторъ и представители администраціи. Постъ чина закладки князь-главноначальствующій внесъ на постройку новаго храма свою жертву въ 1.000 рублей.

Кровавыми гоненіями, страшными преслѣдованіями, всѣми уси-
ліями злобы и издыхающаго жречества, и грубаго народа, и
утонченной науки, и могучей, привыкшей къ побѣдамъ госу-
дарственной власти, вооруженной не однимъ мечемъ, но и
знаніями, и искусствомъ,—вотъ чѣмъ встрѣтилъ міръ появле-
ніе новыхъ вѣстниковъ евангельской истины. Казалось, зада-
вить онъ малое стадо Божіе; казалось, не было никакой на-
дежды на торжество дѣла Христова... Но *духъ животворитъ*,
плоть же не пользуется ни мало... (Іоан. VI, 63). Въ этомъ
мірѣ, ополчившемся на малое стадо Божіе, не было уже духа,
а проповѣдники царства Божія были именно сильны тѣмъ,
чего не было у древняго міра: они были исполнены духа, духа
крѣпкаго, убѣжденнаго, духа просвѣщеннаго и окрыленнаго
вѣрою, духа, союзнаго съ Духомъ Божіимъ... И вотъ гордый
міръ склонился предъ этими скромными служителями Христа;
мрежи рыбарей исполнились ловитвы, и возвѣщенное ими цар-
ство Божіе широкимъ разливомъ захватило вселенную въ сво-
бодный и святой плѣнъ вѣры. Склонились цари и царства, за-
молкли вражда и озлобленные крики,—и гонимый, и поруган-
ный Крестъ Іисуса Христа засіялъ всюду отъ драгоцѣнной ко-
роны царя до убогой хижины крестьянина...

Пришла пора, и могучія волны царства Божія всколыхнули
нашихъ отдаленныхъ предковъ. Малъ и неустроенъ былъ въ
то время русскій народъ; раздѣлялся онъ на нѣсколько от-
дѣльныхъ, враждебныхъ между собою, племенъ; кругомъ его
жило множество враговъ; топкія непроходимыя болота, разли-
вныя рѣки, широкія стени, дремучіе лѣса, огромныя простран-
ства, суровая природа, малоплодная земля, рѣдкое населеніе,
отсутствіе путей сообщенія, при внутреннихъ раздорахъ, при
множествѣ враговъ,—все это мѣшало правильному устройству
жизни нашихъ предковъ. Казалось, погибнетъ народъ нашъ
подъ ударами враговъ; казалось, никогда не выйти ему изъ
состоянія неустройства, мрака и дикости.

Но воистину—духъ животворитъ... Вѣра Христова при-
несла нашему народу этотъ *духъ животворящій*. Исполненный
духа, совершилъ онъ многовѣковой и многотрудный подвигъ
своей исторіи, и предъ крѣпостью и величіемъ этого духа таяло,

какъ снѣгъ подъ солнцемъ, все духоборное,—все, что боролось противъ духа русскаго народа, всё препятствія, всё невзгоды нашей исторической жизни. Славянскія разрозненныя племена силою единой православной вѣры слились въ единый могучій народъ; окружавшія насъ мелкія инородческія племена дѣлались родными съ нами по вѣрѣ и едиными по отечеству. Были и тяжкія времена,—были нашествія враговъ, страшныя жестокости войнъ, избіенія тысячъ людей, разоренія селъ и городовъ; были засухи, голодъ, моръ, болѣзни, бѣдность страшная, но все вынесъ крѣпкій духъ русскаго народа. Слезами, скорбью, трудомъ, и многими страданіями, и многою молитвою строилась русская земля.

Подобно тому, какъ вы теперь здѣсь, наши новопереселенцы, такъ и прежде, въ старину, и на дальнемъ сѣверѣ, и на югѣ, и на востокѣ, и западѣ русскаго государства являлись исполненные духа русскіе люди и вездѣ безъ блеска, безъ крика, постепенно, понемногу, повидимому, медленно, но прочно устраивали русскую жизнь, русскую государственность на основѣ евангельской любви, справедливости и порядка. Это было нашей міровой задачей, указанной Россіи Промысломъ. Бывали времена чрезвычайно опасныя; но сильный духъ постоянно неизмѣнно оживлялъ народное тѣло—государство; среди опасностей оно возставало въ новой силѣ; исполненное духа, вдругъ изумляло міръ своею мощью и властно и громко говорило ему свое слово. Пережитыя опасности дѣлали его еще болѣе крѣпкимъ. То же вѣдь видимъ и въ жизни отдѣльныхъ лицъ: для души мелкой испытанія служатъ къ унынію, къ слабости и паденію; для души твердой, для духа сильнаго всякое страданіе, перенесенное терпѣливо и вдумчиво, является драгоцѣннѣйшимъ вкладомъ въ душевный капиталъ и силою укрѣпляющею и созидающею. Тяжелый молотъ дробитъ и уничтожаетъ хрупкое стекло, но куетъ и дѣлаетъ болѣе прочнымъ и твердымъ крѣпкое желѣзо...

Наслѣдниками живого дѣла живого русскаго народа явились сюда и мы, русскіе люди, на далекой окраинѣ. Что же? Будемъ ли обижать другихъ, будемъ ли отнимать что-либо чужое, будемъ ли жить на чужой счетъ, будемъ ли преслѣ-

довать другіе народы? Нѣтъ, это не русское дѣло! Этимъ никогда не занималось наше царство! Опасаются этого только тѣ, кто мѣрять народъ нашъ на собственный аршинъ. Нѣтъ, Промыслъ Божій призвалъ сюда насъ, въ этотъ разноязычный край, еще недавно раздираемый кровавыми смутами, не для захватовъ и корысти, а для того, чтобы внести сюда свѣтъ и жизнь: однимъ сообщить свѣтъ христіанства, другимъ—блага государственности, а всѣмъ—обезпечить порядокъ и тихое и мирное житіе во всякомъ благочестіи и честности. Не смущайтесь, что мало насъ, что кругомъ видимъ скудость: не эта скудость страшна, *ужасна скудость духа*. Наши предки совершили великій, міровой подвигъ, *исполненные духа*. Заброшенные сюда, мы должны, какъ вѣтка съ деревомъ, оставаться въ неразрывной связи съ нашимъ великимъ русскимъ народомъ, съ его могучимъ духомъ... Итакъ, братіе мои, *духа не угашайте!*

Духъ угашается уныніемъ, малодушіемъ: будьте же, поселенцы, бодры и мужественны; вѣрьте, братья, въ лучшіе дни, въ лучшее будущее; вѣрьте, что не оставятъ васъ помощью Богъ и Царь и добрые люди; смотрите, Самъ Государь даетъ жертву на вашъ храмъ: Государевъ полномочный правитель всего нашего края здѣсь, среди васъ, прибылъ сюда утѣшить и поддержать васъ; здѣсь и представитель Царя въ этой губерніи, и другія начальствующія лица. При ихъ помощи, при поддержкѣ и сочувствіи добрыхъ людей, да при вашемъ собственномъ трудѣ и стараніи, малое сѣмя, посѣянное здѣсь въ видѣ вашего скромнаго поселка, разроснется, дастъ Богъ, въ большое дерево.

Духъ угашается раздорами, несогласіями, ссорами, завистью, взаимною неприязнью. Будьте же мирны, будьте единомушны, живите ладно, любовно, помогайте другъ другу, живите мирно и любовно съ окружающими васъ иновѣрцами и инородцами. Гдѣ миръ и ладъ, тамъ и кладъ; гдѣ миръ и ладъ, тамъ и Божья благодать.

Духъ угашается грѣхами и пороками. Будьте же трезвы, будьте честны, будьте трудолюбивы. Берегитесь губительнаго пьянства, берегитесь всякаго вида разврата. Не давайте никому повода осудить васъ, посмѣяться надъ вами и, въ вашемъ

лицѣ, надъ русскимъ человѣкомъ. И безъ того являлось сюда немало такихъ, которые позорили русское имя и нашу дорогую родину.

Духъ угашается, когда сыны родины разобщаются съ нею и забываютъ ее. Помните же, братья, Русь святую; помните, что вы—русскіе люди; помните и любите русскаго Царя-Батюшку. Пусть имя Его у васъ будетъ честно и славно; пусть и молитва ваша будетъ возноситься о Немъ непрестанно, чтобы Господь подалъ Ему силу и премудрость въ нелегкомъ дѣлѣ вести народъ нашъ къ славѣ и счастью.

Духъ угашается, духъ гибнетъ, исчезаетъ у русскаго человѣка, когда онъ теряетъ свою святую православную вѣру и отдѣляется отъ родимой матери-Церкви. Лишить его вѣры и Церкви—все равно, что подрубить ему обѣ ноги; это значитъ сдѣлать его слабымъ, безсильнымъ, беспомощнымъ. О, храните здѣсь, въ странѣ разновѣрія и всякаго вида сектантства, храните, братья, нерушимо наше чистое и святое православіе, завѣщанное дѣдами и прадѣдами! Вотъ совершаемъ закладку вашего будущаго храма. Еще немного времени—и здѣсь, среди этихъ хатокъ, зажжется новая свѣча Господу Богу—домъ молитвы, а около него пусть растетъ и крѣпнетъ и школа для вашихъ дѣтокъ, чтобы церковь и школою созидался и укрѣплялся духъ вашъ. Храните святыя наши церковныя обычаи; не забывайте молитвъ и праздниковъ; не забывайте поста и говѣнія и святыхъ таинъ причастія; учите дѣтей вѣрѣ и благочестію; не слушайте ничего, противнаго православію. Помните и не забывайте: кому Церковь не мать, тому Богъ не Отецъ! Помните: какъ песчинка на рѣчномъ берегу, какъ былинка въ полѣ, затеряетесь вы здѣсь безъ вѣры и Церкви; и, какъ яркая звѣздочка, будете сіять и свѣтить, и свѣтиться здѣсь, если будете хранить вѣру, какъ бы густа ни была кругомъ васъ тьма, какъ бы ни силился поглотить васъ мракъ вражды, или преслѣдованій, или бѣдности, или жизненныхъ испытаній.

Духа не угашайте!

Позвольте обратить слово и къ вамъ, представители власти и почетные гости! Мнѣ нечего напоминать вамъ, что мы присутствуемъ здѣсь при скромномъ торжествѣ русской идеи...

Но въ этой мѣстности, какъ бы заброшенной и затерявшейся среди горъ, въ этомъ убогомъ поселеніи, гдѣ все говорить о бѣдности, о недостаткахъ, умѣстно ли это высокое слово о русской идеѣ? Братіе мои, *духа не угашайте!* Да не смущается сердце ваше! Не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ, и духъ живо творить, плоть же не пользуется нимало (Іоанн. VI, 13). Русская идея никогда не выступала ярко, крикливо, картинно и показано. Это свойство не наше... И даже въ такихъ случаяхъ, какъ нынѣшнее торжество, когда естественны были бы и ликованія, и шумные возгласы радости,—когда умѣстно было бы видѣть хоть нѣкоторое возмѣщеніе вѣковой исторической неправды въ жизни народа-крестonosца, своею кровію стяжавшаго землю... для другихъ,—наша Церковь призываетъ насъ только къ тихой молитвѣ. *Но блаженни кроткіе, они наслѣдуютъ землю!* Кто видѣлъ и кто записалъ о томъ, какъ среди финновъ, Чуди, Меря и Веси, среди вогуль и мордвы, перми и другихъ инородцевъ возникали такіе же вотъ поселки, такія же маленькія ячейки государственной жизни, которая отъ береговъ Ильменя и Днѣпра докатилась до Великаго океана? Кто подмѣтилъ и кто подсмотрѣлъ, какъ нѣкогда инородческія Ока и Волга обратились въ рѣки, воспѣваемые въ нашихъ народныхъ пѣсняхъ, и до того русскія, до того родныя, что теперь и представить ихъ трудно иными? А югъ Россіи, Приазовье, Донъ, Кубань и Сѣверный Кавказъ при какихъ кликахъ русской идеи, при какихъ торжественныхъ и картинныхъ проявленіяхъ ея сдѣлались русскими и упорядоченными?

Къ тебѣ, сіятельный князь, полномочный представитель возлюбленнаго Государя, наше послѣднее слово. Ты прибылъ сюда, пожертвовавъ дорогимъ временемъ среди многосложныхъ трудовъ,—прибылъ невзирая на дальній и неудобный путь; чтобы утѣшить, обласкать русскихъ людей на рубежѣ русской земли, чтобы поднять и ободрить унывающія души и сердца, чтобы они не угасали духа... Отъ имени этихъ поселянъ и, въ правѣ сказать, отъ русскаго имени бьемъ тебѣ челомъ на привѣтъ и ласкѣ! Поклонъ тебѣ благодарный до сырой земли! Благословеніе тебѣ отъ Господа, Его же имени создаешь ты здѣсь домъ молитвы!

Пусть же и въ этотъ тихій часъ молитвы соединить всѣхъ насъ съ этими простыми сердцами нашихъ поселянъ единый духъ вѣры и надежды на свѣтлое будущее, на успѣхъ новаго дѣла русскаго переселенія, и да будетъ здѣсь надъ нашими склоненными главами и сильно и дѣйственно слово царя-пророка: „Призри съ небесе, Боже, и виждь и посѣти виноградъ сей, охрани то, что насадила десница Твоя“ (пс. 79, 15, 16); и утверди, и укрѣпи, и плодотворнымъ сотвори до вѣка! Аминь.

Единеніе Россіи и Грузіи.*

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.
Аминь.

Мы стоимъ у порога великаго и знаменательнаго праздника нашего края и открытіемъ этой выставки предназначаемъ юбилейное торжество... Итакъ, въ эти торжественныя минуты да будутъ прежде всего повторены и устами, и сердцами нашими только-что сказанныя молитвенныя слова благословенія начала всякаго добраго дѣла: Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

„Хваляйся о Господѣ да хвалится“ (1 Кор. I, 31). Такъ заповѣдуетъ намъ слово Божіе. Да будетъ же благословенъ Господь, умалившій человѣка малымъ чѣмъ отъ ангеловъ, вѣнчавшій его славою и честію и мощи духа его покорившій природу (Пс. 8); эту побѣдную мощь, это торжество человѣка надъ природой мы и видимъ прежде всего въ собранныхъ здѣсь на выставкѣ разнообразныхъ произведеніяхъ труда, знанія и искусства человѣка. Да будетъ благословенъ Господь, сто лѣтъ назадъ призавшій на дружную и совмѣстную жизнь

* Рѣчь на молебствіи при открытіи Кавкасской юбилейной выставки сельскаго хозяйства и промышленности, 2 сентября 1901 года.

и работу два родные по вѣрѣ и духу народа—русскій и грузинскій и соединившій ихъ неразрывными узами братства; плоды этого единенія не только русскихъ и грузинъ, но и всѣхъ народностей Кавказа въ общей мирной культурной работѣ подъ охраною великой Россіи мы также воочію видимъ на нашей юбилейной выставкѣ.

Сто лѣтъ назадъ намѣченъ и указанъ былъ Кавказу этотъ путь жизни словомъ приснопамятнаго Государя, возвѣстившаго подданнымъ о присоединеніи Грузіи къ Россіи въ знаменательномъ и вѣчно памятномъ для Кавказа манифестѣ 12-го сентября 1801 года: „Не для приращенія силъ, не для корысти, не для распространенія предѣловъ и безъ того обширнѣйшей въ свѣтѣ Имперіи пріемлемъ Мы на Себя бремя управленія царства Грузинскаго. Единое достоинство, единая честь и человѣчество налагаютъ на Насъ священный долгъ, внявъ моленію страждущихъ, въ отвращеніе ихъ скорбей, учредить въ Грузіи правленіе, которое могло бы утвердить правосудіе, безопасность и каждому дать защиту закона“. И вотъ, чрезъ сто лѣтъ мы видимъ теперь, что великодушное рѣшеніе Царя и русскаго народа принесло больше, чѣмъ предполагалось: оно принесло не одно правосудіе и защиту закона, но и расцвѣтъ просвѣщенія и промышленности, успѣхи знаній и искусствъ и общій подъемъ во всѣхъ областяхъ внутренней жизни края, какъ наглядно свидѣтельствуешь объ этомъ наша выставка.

Чтобъ имѣть справедливую мѣру для оцѣнки этихъ успѣховъ, нужно считаться съ условіями жизни нашего края, какъ о нихъ говоритъ намъ безпристрастная исторія. А исторія говоритъ намъ, что появленіе Россіи въ предѣлахъ Закавказья на призывъ изнемогавшей въ геройской, но неравной борьбѣ Грузіи не простили ей враги ея и Грузіи, и много десятковъ лѣтъ раздавались здѣсь грома войны, жизнь текла въ непрерывныхъ бранныхъ тревогахъ, много крови, много матеріальныхъ средствъ и безъ того небогатой Россіи, у которой были и свои неотложныя дѣла и нужды, ушло на защиту Грузіи и борьбу изъ-за нея, такъ что только вторая и притомъ далеко не полная половина истекшаго столѣтія соединенной жизни Россіи и Грузіи могла быть всецѣло посвящена дѣлу внутрен-

няго упорядоченія нашего края, его мирному и успѣшному культурному развитію. Нельзя не принимать этого во вниманіе при сужденіи о представляемой на выставкѣ картинѣ современной внутренней жизни Кавказа. Всего 37 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ закончилась совершенно геройская кавказская война при незабвенномъ для Кавказа Августѣйшемъ Намѣстникѣ Великомъ Князѣ Михаилѣ Николаевичѣ; еще меньше— всего 25 лѣтъ—прошло со времени русско-турецкой войны, когда подавлены были послѣднія вспышки и возстанія горцевъ противъ Россіи, обеспечены были береговыя границы Закавказья и оно приняло въ территоріальномъ отношеніи современный видъ; въ эти сравнительно недолгіе протекшіе послѣ того мирные годы сколько сдѣлано успѣховъ во всѣхъ отрасляхъ внутренней жизни Кавказа! Выставка наглядно покажетъ это и вмѣстѣ съ тѣмъ дастъ намъ вразумительные и ясные уроки.

И прежде всего, какъ бы ни высоки были указанные успѣхи въ развитіи внутренней жизни нашего края за послѣднія десятилѣтія мира и спокойствія, однако, не чувства гордыни и самодовольнаго превозношенія они должны будить и питать въ насъ. Время должно не умалять, а увеличивать владычество человѣка надъ природой, дарованное ему Богомъ при самомъ сотвореніи, какъ неотъемлемое право и какъ царственное отличіе среди прочихъ тварей міра; съ каждымъ годомъ должны расширяться предѣлы этого владычества человѣка и успѣхи его въ употребленіи силъ и тайнъ природы, какъ средства удовлетворенія разнообразныхъ его нуждъ и потребностей. Всякая гордыня, въ какой бы сферѣ она ни была, несетъ съ собою ограниченіе жизни и задержку въ ея развитіи: и самодовольное превозношеніе достигнутыми результатами въ разнообразныхъ областяхъ жизни, представляемыхъ выставкою, можетъ послужить только къ задержкѣ этой жизни. Но выставка есть не только показатель того, что сдѣлано, но и практической живой и наглядной урокъ народу и вмѣстѣ съ тѣмъ непремѣнное поощреніе дальнѣйшаго роста производительности, какъ условіе постепеннаго и правильнаго развитія народнаго богатства,—этого важнѣйшаго источника силы народной и государственнаго могущества.

Не отрицая за человѣкомъ права владычества надъ природою, не какъ самодовлѣющей цѣли, но какъ средства для развитія и свободы человѣческаго духа, христіанская Церковь указываетъ намъ и условіе, при которомъ единственно возможны и успѣхи въ этомъ дѣлѣ, и самое пользованіе достигнутыми успѣхами, ежедневно, за каждымъ богослуженіемъ учить она насъ молиться о *благораствореніи воздуховъ, о изобиліи плодовъ земныхъ*, но вмѣстѣ съ тѣмъ она какъ бы съ усиленною настойчивостію прибавляетъ сюда и моленіе о *временахъ мирныхъ*... Путь злобы, вражды и взаимнаго недоверія еще никогда не давалъ положительныхъ результатовъ въ жизни. И прошлая исторія нашего края заповѣдуетъ настоящему и будущему въ этомъ отношеніи великіе завѣты. Смотри на картину жизни, представляемую нашей выставкой, вдумываясь въ причины и условія успѣшнаго развитія внутренней жизни нашего края, невольно вспоминаешь слова древняго царя-пророка, съ горячею любовью отдававшася заботамъ о благосостояніи своего народа: „*Се что добро и что красно, но еже жити братіи окупъ.*“ „Какъ хорошо и какъ пріятно жить братьямъ вмѣстѣ! Это—какъ драгоценный елей на главѣ, стекающій на брану, брану Аарона, стекающій на края одежды его, — какъ роса Ермонская, сходящая на горы Сіонскія, ибо тамъ заповѣдалъ Господь благословеніе и жизнь до вѣка“ (Пс. 132).

„*Жить братьямъ вмѣстѣ!*“ Вотъ завѣтъ и народностямъ Кавказа,—завѣтъ мирной жизни, взаимнаго доверія, взаимной поддержки, объединенія въ мирномъ трудѣ,—могучаго внутреннего объединенія при благодѣтельномъ объединеніи и внѣшнемъ подѣ скипетромъ великаго Русскаго Царя! И все прошлое нашего края и эта юбилейная наша выставка говорятъ намъ яснѣе Божьяго дня: все, что способствовало разьединенію нашего края съ Россіей, губило его, и все, что способствовало миру, любви и доверію народностей Кавказа къ Россіи, было благодѣтельно для него и приносило великіе плоды изумительно быстро.

Да будетъ же это и впредь основою жизни нашего края! Богъ нашъ не есть Богъ вражды и неустройства, но Богъ мира

(1 Кор. XIV, 33); Господь крѣпость людямъ Своимъ дастъ, Господь благословить люди Своя миромъ (Пс. 28, 11). Посему, послушные наставленіямъ слова Божія, будемъ хранить единеніе духа въ союзѣ мира (Еф. IV, 3), будемъ искать мира и стремиться къ нему (1 Петр. III, 11), будемъ держаться правды, любви и мира со всѣми (2 Тим. II, 22).

Болѣе ста лѣтъ назадъ, когда между Россіей и Грузіей еще не было полного политическаго сліянія, Императрица Екатерина II, въ знакъ покровительства Грузіи и благоволенія къ ея царю Ираклію, въ честь его приказала приготовить особую медаль съ надписью: „Вѣра и Вѣрность“. Вѣра и вѣрность по отношенію къ Россіи, дѣйствительно, спасли Грузію отъ полного порабощенія злыми врагами и окончательной гибели и привели ее къ полному сліянію съ Россіей. Теперь, по истеченіи столѣтія нашего народнаго единенія, при видѣ этой разстилающейся передъ нами на выставкѣ картины мирной жизни и расцвѣта нашего края, смотря въ грядущее вѣка, ища для нихъ основы будущаго счастья и благоденствія на Кавказѣ,— къ этимъ великимъ словамъ о вѣрѣ и вѣрности мы должны присоединить другія, не менѣе великія слова: *взаимная любовь, благодатный миръ и полное взаимное довѣріе народовъ Кавказа и великой Россіи. Аминь.*

Грузія и Россія.*

Исторія знаетъ и помнитъ много союзовъ между народами. Бывали союзы, основанные на интересахъ минуты, не скрѣпленные искренностью, вызванные своекорыстными намѣреніями той или другой стороны: всѣ они носили въ себѣ сѣмена разложенія и гибели и, дѣйствительно, скоро распались. Знаемъ союзы племенъ и народовъ во имя родства по крови, ради объединенія, какъ средства для приобрѣтенія боль-

* 25 сентября 1901 года. По поводу юбилея столѣтія со дня присоединенія Грузіи къ Россіи.

шей силы и господства надъ другими народами; на нашихъ глазахъ совершилось такое именно объединеніе Германіи, Италіи... Принято считать, что здѣсь-то, въ такихъ союзахъ, и заключается самая прочная основа взаимнаго единенія народовъ.

Въ нынѣшній день воспоминаемъ мы иной союзъ,—союзъ двухъ православныхъ народностей, подобный которому трудно найти въ исторіи. Основною чертою православія, несомнѣнно, служить то, что оно всякому обществу человѣческому, а потому и государству, силится придать значеніе нравственнаго союза и указываетъ его дѣятельности цѣли этическія. И вотъ сто лѣтъ назадъ соединились два православные народа на основѣ именно этой особенности православія. Нравственныя идеи преобладали въ единеніи двухъ народовъ. Россія прямо въ извѣстномъ манифестѣ Императора Александра I 12 сентября 1801 года заявляла, что она присоединила Грузію „не для корысти“: она сознавала, что ей предстоитъ тяжелая борьба за Грузію въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ, сопряженная съ величайшими народными жертвами. Понятно, почему вопросъ о присоединеніи Грузіи такъ заботилъ Императора Александра I и при обсужденіи въ Государственномъ Совѣтѣ прошелъ и рѣшенъ былъ не единогласно. Восторжествовали, однако, не соображенія государственной пользы и исключительности, а другіе интересы: „достоинство“, „честь и чело-вѣчество“, „священный долгъ“. Грузія, присоединяясь къ Россіи добровольно, правда, многое приобрѣла, но не надо забывать, что она теряла: она теряла самостоятельность существованія, какъ отдѣльнаго государства,—то, что служило и служить предметомъ горячихъ желаній и кровавой борьбы и доселѣ у многихъ народовъ и что сама Грузія съ высокимъ героизмомъ, которое можетъ быть поставлено въ доблесть любому народу, извѣстному въ исторіи, отстаивала въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ, какъ неоцѣненное сокровище. Почему она теперь добровольно отдала это сокровище въ чужія руки и передала его не могущественнымъ въ то время Персіи и Турціи, а Россіи? Гдѣ глубочайшая причина этого союза?

Признаемъ ли мы или не признаемъ провиденціальное значеніе народовъ въ исторіи, мы во всякомъ случаѣ должны

согласиться, что по крайней мѣрѣ историческія и географическія условія поставляютъ предъ тѣмъ или другимъ народомъ тѣ или другія *міровыя задачи*. Только съ этой точки зрѣнія получаютъ смыслъ и высшее оправданіе горячіе порывы патріотизма, горячія желанія и заботы доставить своей родинѣ величіе и могущество: ея величіе и могущество суть не цѣль, а средство служенія всемірному, всечеловѣческому благу. Что же суждено Россіи на всемірно-историческомъ поприщѣ? Не будетъ ни преувеличеніемъ, ни искусственною выдумкою указать на то, что ей, какъ стоящей на рубежѣ Востока и Запада, суждено посредствовать между ними и для началъ жизни Востока и Запада, часто противорѣчивыхъ, враждебныхъ, толкающихъ ихъ на путь озлобленной борьбы, выработать въ своей исторіи высшій синтезъ, примиривъ ихъ въ единствѣ высшаго, объединяющаго культурнаго типа. Эта задача—великая, колоссальная, единственная—получена Россіей въ наслѣдіе отъ умершей Византіи, которая въ свою очередь наслѣдовала древней Греціи съ ея восточно-персидскими войнами, съ ея могучимъ эллинизмомъ, побѣдоносно занесеннымъ еще при Александрѣ Великомъ въ самое сердце Востока.

Но гораздо раньше Россіи эту великую задачу сознала и приняла Грузія... Въ дни борьбы древней Греціи и Персіи въ духовномъ складѣ Западъ характеризовался религіями антропоморфизма, Востокъ—парсизмомъ. Грузія, равно какъ и Арменія, стояла въ то время всецѣло на сторонѣ послѣдняго. Персы наложили доселѣ замѣтную печать на одежду, нравы, обычаи грузинъ, на ихъ царскія династіи, на языкъ, на ихъ религію, потому что въ глубокой древности вытѣснили народное грузинское язычество почитаніемъ Армазда, въ названіи котораго, несомнѣнно, слышится имя персидскаго Ормузда. Новое, могучее вѣяніе прошло по міру, когда Западъ принялъ христіанство и поставилъ его на знамени своего историческаго бытія. И ранѣе появленія христіанства, при Цезарѣ и Помпеѣ, мы видимъ въ Грузіи начало тяготѣнія къ Западу, но окончательно опознала она свое міровое назначеніе только при свѣтѣ христіанства: при императорѣ Адріанѣ это сказывается еще нерѣшительно и носить характеръ нѣкотораго принужде-

нія, но при Константинѣ Великомъ это сознается окончательно и безповоротво.

Недаромъ годъ побѣды Константина Великаго подъ Адрианополемъ (323 г.) и объявленія христіанства не только дозволенною (какъ это было въ 312 и 313 гг.), но и господствующею въ Римской имперіи религіею есть вмѣстѣ съ тѣмъ и годъ крещенія грузинъ въ Мцхетѣ... Совпаденіе знаменательное! Царь Миріанъ, родомъ изъ персидской династіи, немало колебался, пока рѣшился, побуждаемый историческимъ призваніемъ своего народа, вопреки родственнымъ связямъ съ Персіей, сдѣлать этотъ шагъ, безповоротво опредѣлившей судьбу Грузіи. Скоро и Востокъ, въ свою очередь, замѣнилъ древній парсизмъ исламомъ,—и начался великій поединокъ двухъ міровъ. Отзывалась, и мощно отзывалась на этотъ поединокъ и Западная Европа своими крестовыми походами. Но жизнь и исторія Грузіи, можно сказать, были сплошнымъ крестовымъ походомъ, сплошнымъ геройствомъ и мученическимъ подвигомъ! Арена великой борьбы все расширялась, поднимаясь къ сѣверу: отъ древней Греціи къ Византіи, къ Грузіи, къ южнославянскимъ народамъ. Когда же Византія стала клониться къ упадку, на поприще мірового подвига съ X вѣка, еще дальше къ сѣверу, призванъ былъ молодой народъ русскій съ печатью великихъ силъ и великой судьбы. Но пока онъ возрасталъ, выбиваясь изъ множества путей, которыми связаны были его младенчество и юность, пока онъ проходилъ воспитательное страданіе въ борьбѣ съ дикими ордами, съ инородцами, въ горнилѣ татарщины, въ домашнихъ неурядицахъ,—Грузія была одинока. Трудно представить и описать ея неизмѣримыя страданія, ея вѣрность Кресту, ея достойное вѣчной памяти геройство, ея заслуги предъ христіанскимъ міромъ.

Скоро татарщина сдѣлалась синонимомъ ислама; Россія, сбросивъ татарское иго, все болѣе и болѣе надвигалась на мусульманскій міръ, все болѣе и болѣе усиливалась, и вотъ, наконецъ, пробилъ часъ воли Божіей: она подала руку помощи и полного единенія изнемогающей Иверіи, дошедшей до послѣднихъ предѣловъ изнеможенія въ неравной борьбѣ. Народы,

имѣвшіе одинаковую міровую задачу, естественно, слились во едино и въ государственномъ отношеніи. По словамъ поэта,

«... Божья благодать сошла на Грузію:
Она цвѣла съ тѣхъ поръ въ тѣни своихъ садовъ,
За гранью дружескихъ штыковъ,
Не опасаяся враговъ.»

Но этого мало: сразу же измѣнилось положеніе міровой борьбы ислама и христіанства, Востока и Запада. Россія, укрѣпившись въ Закавказьѣ, немедленно же стала грозой Персіи и Турціи; съ небывалою силою и быстротою она отбросила знамя ислама далеко отъ предѣловъ истерзанной Грузіи. Прошло только одно столѣтіе со времени соединенія Россіи и Грузіи, а между тѣмъ какой огромный, невиданный пробѣгъ совершился въ ростъ христіанской Россіи и, обратно, въ паденіи мусульманскихъ Турціи и Персіи! Это очевидно для всякаго, и вмѣстѣ очевидно, сколько добра въ исторіи міра принесло сто лѣтъ назадъ исполненное рѣшеніе двухъ народовъ слиться воедино на основѣ общности міровыхъ задачъ.

Понимали ли и понимаютъ ли эти задачи оба народа?

Если бы и не понимали ясно, они стремились бы къ нимъ полусознательно: если народъ есть организмъ, то въ немъ должны быть и инстинкты, по которымъ, и помимо сознанія, цѣлесообразно и безошибочно направляется жизнь, имѣющая впереди жизнь же, а не смерть. Но есть сила, которая и тому и другому народу дала и пониманіе своихъ міровыхъ задачъ, и средствъ ихъ осуществленія. Эта сила — *православіе*. Оно единственно, заключая въ себѣ начала истинной каволичности, и не подавляетъ народностей, предоставляя каждой духовную свободу, не привязывая духовной жизни къ лицу, мѣсту или внѣшней дисциплинѣ, и въ то же время оно стоитъ и выше народностей. Путемъ неумирающаго преданія оно предохраняетъ вмѣстѣ съ тѣмъ челоуѣка отъ смѣшенія свободы съ произволомъ, отъ губельной духовной анархіи, и обусловливаетъ въ немъ постоянную жизненность и непрерывность роста, какъ духовнаго организма. Не привязанное къ мѣсту и времени, заключая въ себѣ начала истинной демократіи и здра-

ваго, добраго космополитизма (въ православномъ пониманіи Церкви), православіе—и только одно православіе—служить религіей, имѣющей вѣчное и міровое значеніе, объединяющей человѣчество внутренне, а не внѣшне. Не подавляя національностей, оно можетъ въ то же время сдѣлаться и религіей общенародной въ полномъ смыслѣ слова. И, дѣйствительно, оно сдѣлалось зиждительной силою и народною религіей одинаково и для русскаго, и для грузина. Внѣ православія и русскій, и грузинъ перестаютъ быть самими собою, а въ немъ они находятъ вѣрный залогъ сохраненія своей духовной личности при всѣхъ враждебныхъ нападеніяхъ. Оттого оно стало безконечно дорого сердцу того и другого народа; оттого же оно такъ скоро и такъ прочно соединило оба народа неразрывнымъ, невиданнымъ въ исторіи союзомъ, государственнымъ и церковнымъ, несмотря на отсутствіе племенного родства, ибо родство по вѣрѣ выше родства по крови, единеніе по духу выше единенія племенного, прочнѣе союзовъ съ государственнымъ своекорыстными цѣлями. Это—союзъ на жизнь и смерть, на настоящее и будущее, какъ покоящійся на основаніяхъ духовныхъ, вѣковѣчныхъ. А вѣчное и духовное осмысливаетъ временное и дѣлаетъ его истинно-плодотворнымъ. Оттого и союзъ народовъ, которому нынѣ мы празднуемъ столѣтіе, явился такимъ крѣпкимъ и такимъ плодотворнымъ. И дай Богъ ему расти и крѣпнуть и успѣшно выполнить свою міровую задачу ко благу народовъ, къ осуществленію единого царства Божія на землѣ.

Еже буди, буди!

1902 г.

Служеніе родному народу.*

Отъ избытка сердца уста глаголютъ.

И только во имя этой, неистребимой потребности человѣческаго сердца вылиться въ словѣ отъ преизбытка чувствъ, только во имя этого присущаго природѣ души нашей свойства и стремленія подѣлиться полнотою жизни своей съ окружающими,—только во имя этого я осмѣливаюсь въ настоящія минуты занять мѣсто на церковномъ амвонѣ.

Вчера позднимъ вечеромъ возвратился я въ городъ изъ служебной поѣздки моей по школамъ,—и вотъ сегодня, подъ влияніемъ прочитаннаго апостольскаго чтенія, въ которомъ апостолъ горячо призываетъ пастырей къ усердному дѣланію на нивѣ Христовой (1 Тим. IV, 12—16), подъ влияніемъ евангельскаго чтенія нынѣшняго воскреснаго дня (Лук. XIX, 1—10), мнѣ хочется предъ вами, духовные питомцы, будущіе сопастыри и сослужители, сказать нѣсколько словъ, подѣлиться мыслями и чувствами, сейчасъ только навѣянными на меня словомъ Божиимъ... Поэтому не будьте строги ко внѣшней формѣ моей неожиданной и непосредственной рѣчи, а примите ее за исповѣданіе сердца, простое, чуждое витійства и искусственности.

Я возвратился изъ той страны нашего края, а вашей родины, гдѣ, можно сказать, земля спорить съ небомъ въ избыткѣ желанія удивить человѣка красотой и безмолвною

---

* Сказано воспитанникамъ Тифлисской духовной семинаріи въ недѣлю о Закхѣѣ.

проповѣдью о Богѣ. Благословенная Кахетія предстаетъ предъ лицомъ человѣка, впервые увидѣвшаго ее, дѣйствительно, въ полномъ и величайшемъ благолѣпіи Божьяго творенія, какъ Божьяго рая. Въ виду этихъ воздымающихся снѣжныхъ горъ, уходящихъ въ высь небесную, въ виду этихъ лежащихъ у подножія горъ прекрасныхъ равнинъ, покрытыхъ лѣсами и садами, прорѣзанныхъ излучистыми рѣчками и ручьями, въ виду этой чудной красоты, этого чуднаго края, народъ, его населяющій, долженъ былъ *искать Бога* и, дѣйствительно, *искать Его*.

А такъ какъ это народъ христіанскій, отъ лѣтъ древнихъ принявшій слово о Христѣ изъ устъ равноапостольной дѣвы, преславной Нины, въ томъ же краѣ и почившей и донынѣ мощами своими почивающей во благоуханіи святыни,—то о немъ съ полнымъ правомъ можно сказать словами нынѣшняго евангельскаго чтенія, что онъ *искаше видѣти Іисуса*. И во истину, искалъ онъ и ищетъ Іисуса; можно сказать, Имъ однимъ онъ жилъ и живетъ, служилъ и служитъ, и въ защиту Его имени, Его Церкви онъ отдалъ въ борьбѣ противу враговъ Креста Христова все, что имѣлъ, всѣ свои дарованія, всѣ свои богатства, всѣ силы духовныя и физическія. Искалъ онъ Іисуса... Духъ поднимается, духъ загорается восторгомъ, когда съ какой-либо возвышенности видишь предъ собою эти разстилающіяся безъ конца села и деревни—и храмы, храмы безъ конца, которые бѣлѣютъ и сверкаютъ на этой чудной равнинѣ, какъ чистыя и свѣтлыя звѣзды на чудномъ небѣ. И какіе это храмы! Одинъ, какъ храмъ Алавердскій, привлекаетъ своею величавою красотою, своею грандіозностью, и говоритъ о томъ подвигѣ изумительнаго труда, который нѣкогда понесли грузины ради прославленія Бога, знаменуя свое исканіе Іисуса; другой храмъ удивляетъ тѣмъ глубокимъ благоговѣніемъ, которое онъ и доселѣ внушаетъ народу; иной храмъ и теперь, какъ во времена былыя, и по днямъ, и по ночамъ, во исполненіе священнаго обычая, собираетъ подъ кровъ свой сотни и тысячи богомольцевъ... Въ одномъ мѣстѣ выстроены храмътновый, а въ старомъ помѣстили школу; но вся алтарная стѣна стараго храма и доселѣ испещрена слѣдами и уставлена налѣпками свѣчей:

то приходятъ сюда молиться тѣ, которые въ этомъ храмѣ крестились и вѣнчались... Такова удивительная любовь народа къ своимъ святынямъ. Это ли не исканіе Іисуса? Это ли не стремленіе къ небу и вѣчности? Народъ, ищущій неба, достоинъ жить на землѣ!

Но, возлюбленные, въ этомъ исканіи своемъ народъ тысячелѣтній часто бываетъ ребенкомъ, и о немъ, объ его духовномъ состояніи также словами нынѣшняго евангелія можно сказать: *яко возрастомъ малъ бѣ*. Наряду съ трогательными христіанскими обычаями, держится онъ обычаевъ, напоминающихъ язычество; вмѣстѣ съ прекрасными свойствами чистой и духовной молитвы удерживаетъ онъ нерѣдко стороны и свойства жизни мірской и ее вноситъ въ священную тишину своихъ древнихъ храмовъ; многое въ религіи хранитъ онъ только, какъ обрядъ, не придавая ему осмысленнаго значенія; многое исполняетъ онъ, какъ воспоминаніе старины, не согрѣвая и не осмысливая его жизни настоящей; часто эти взрослые дѣти не знаютъ первоначальныхъ молитвъ, не имѣютъ понятія о словѣ Божіемъ, не разумѣютъ самаго главнаго въ совершаемомъ богослуженіи.

Надобно просвѣтитъ этого взрослого ребенка во имя глубокой любви, которую онъ невольно вызываетъ къ себѣ. Да, нельзя не любить его за его прекрасныя душевныя свойства — общія черты народной души: за его добродушіе, гостепріимство, способность къ доброму порыву, къ самоотреченію, за неизмѣнную доброту, за постоянную религіозность. Надобно въ просвѣщеніи указать ему средства къ улучшенію и житейскаго положенія, къ его матеріальному обезпеченію, въ нашъ вѣкъ, при современныхъ условіяхъ, немислимому безъ образованія.

И благодареніе Господу! Видѣлъ я и свидѣтельствую, что есть среди вашего родного вамъ народа, есть пастыри, тщаніемъ не лѣниви, духомъ горяще, Господеви работающе, не высококая мудрствующе, но смиренными ведущеся (Римл. XII, 11, 16); они служатъ народу, въ тишинѣ и во смиреніи совершая свой великій, но незамѣтный подвигъ. Благодареніе Богу! Видѣлъ я и свидѣтельствую, что начала добраго обученія и воспитанія, истинно-христіанскаго просвѣщенія прочно прививаются въ

нашихъ церковныхъ школахъ, которыя выдвинули многихъ такихъ тружениковъ и труженицъ, что предъ ними нужно почтительно встать въ глубокомъ благоговѣннн и благодарности.

Но наряду съ этимъ, какъ мало еще сдѣлано, и какъ много остается сдѣлать; какъ много еще людей, стоящихъ у кормила духовной жизни народа, способныхъ и обязанныхъ внести лучи свѣта въ его темную среду,—и остающихся еще въ спячкѣ, небреженнн и бездѣятельности!

Къ вамъ, духовные питомцы, къ вамъ ваша чудная родина отъ всѣхъ странъ духовнаго исканнн Иисуса и духовнаго маловозрастнн безмолвно простираетъ молящнн руки! О, если бы вы видѣли эти школы, наполненныя дѣтьми; если бы вы слышали ихъ отвѣты, говорящнн о раскрывающемся разумѣ, о горячей вѣрѣ,—эти стройныя возглашеннн и пѣннн молитвъ, эти отвѣты о Богѣ, Его дѣлахъ, Его волѣ, Его заповѣдяхъ!.. О, если бы вы видѣли эту радость отцовъ и матерей, когда они хоть однимъ ухомъ услышатъ въ открытое окно разумныя отвѣты ихъ дѣтей! „Зачѣмъ я не теперь родился“, сказалъ мнѣ одинъ старикъ-крестьянинъ, котораго я пригласилъ зайти въ школу. „Зачѣмъ меня не учили всему этому“, говорилъ онъ и прибавилъ: „но слава Богу за дѣтей нашихъ!“ Если бы видѣли вы и слышали все это, какимъ бы восторгомъ и упованннмъ на будущее забилась бы ваши молодые сердца, и съ какою любовнн лобызали бы вы духовно это высокое, и чистое, и святое дѣло служеннн народу!

Туда направьте ваши помыслы, туда понесите для умноженнн и приращеннн богоданныя вамъ таланты образованнн, полученныя отъ Церкви и ей принадлежащнн! Туда понесите весь священныя огонь молодыхъ душъ, весь запасъ юной энергнн, жаждущей осмысленнаго труда; туда обратите благородныя порывы молодости, жаждущей не только труда, но и осмысленнаго подвига! Кромѣ васъ, никто другой этого сдѣлать не можетъ. Да, повторяемъ, что, кромѣ васъ, некому пойти на служеннн народу! Не оставьте его одинокимъ въ святомъ исканнн Иисуса, Его воли, закона и заповѣдей; не оставьте его безпомощнымъ въ его духовномъ маловозрастнн! Объ этомъ и просимъ, и молимъ васъ и повелѣваемъ и лю-

бовью пастырскою, и властью Божіей Церкви, и завѣтами прошлаго и вопіющими нуждами настоящаго. И если вы пойдете этимъ путемъ служенія народу, можемъ мы вамъ обѣщать одно: глубокое нравственное удовлетвореніе въ настоящемъ и отрадное право сказать въ будущемъ, въ неотступный часъ разлученія съ земнымъ бытіемъ, словами апостола: *не воще трудихся, не воще текохъ* (Филип. II, 16). А выше и радостнѣе этого сознанія нѣтъ ничего на свѣтѣ! Аминь.

Святые завѣты дѣтямъ.*

Въ жизни святыхъ имѣемъ мы неизживаемое духовное наслѣдство, которое ежедневно въ церковныхъ воспоминаніяхъ, въ церковномъ богослуженіи раскрывается предъ нами во всемъ его дивномъ богатствѣ. Безчисленные сонмы этихъ святыхъ украшаютъ небо церковное и сіяютъ на немъ, какъ звѣзды небесныя. Взирая на нихъ, освѣщаемъ мы ими свой путь земной жизни, направляя его къ небу и вѣчности; взирая на нихъ, мы и сами заимствуемся отъ свѣта ихъ.

Такова же и жизнь святителя Алексіа, митрополита Московскаго, память котораго, ради небеснаго его покровительства архипастырю нашему, собрала насъ сегодня во святой храмъ.

Воистину, память праведнаго съ похвалами... Имя святого Алексіа извѣстно всей Россіи; можно сказать, оно воспоминается за всѣми важнѣйшими богослуженіями церковными въ ряду тѣхъ великихъ именъ великихъ дѣятелей, Михаила, Петра, Іоны, Филиппа и друг., которымъ Церковь русская и народъ русскій обязаны вѣчною благодарностью.

* Слово въ день памяти св. Алексіа, митрополита Московскаго, по случаю тезоименитства высокопреосвященнѣйшаго Алексіа, еказарха Грузіи. Сказано при священнослуженіи владыки-еказарха въ Крестовой еказаршеской церкви къ учащимся въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ и церковно-приходскихъ школахъ города Тифлиса 12 февр. 1902 г.

Благодѣтели и друзья оцѣниваются, главнымъ образомъ, въ тяжкія години жизни, во времена горестей и несчастій. Въ такое именно время, въ тяжкое для Россіи время, жилъ и дѣйствовалъ святитель Алексій; оттого, конечно, онъ особенно и дорогъ русскому народу. Это было болѣе 500 лѣтъ тому назадъ. Нашествія татаръ, разорявшихъ и грабившихъ землю русскую; раздѣленія и распри въ средѣ князей; церковное нестройство и раздоры и, въ довершеніе всего, губительная зараза, извѣстная подъ именемъ „черной смерти“, отъ которой вымирали цѣлые города, обращались въ безлюдныя пустыни цѣлыя области,—вотъ каковы были обстоятельства того далекаго времени.

Неудивительно, что въ такое тяжкое время даже дѣтство, этотъ возрастъ жизни, обыкновенно безпечальный и радостный, омрачалось заботами и тревогами. Святой Алексій, называвшійся до принятія монашества Елевееріемъ, былъ сынъ богатыхъ и знатныхъ родителей; юные годы его могли протекать, какъ одинъ сплошной непрерывный праздникъ. Но съ дѣтства онъ упреждалъ мыслью будущій подвигъ жизни; задумывался не о радостяхъ и забавахъ настоящаго, но о трудахъ будущаго; пытливая душа его неотступно размышляла, какой избрать ему путь для служенія Богу, ближнимъ и родинѣ, страдающей отъ несчастій и бѣдствій. Надъ дѣтскою вдумчивою душою никогда не дремлетъ всеильная предваряющая благодать Божія... И вотъ однажды, когда отрокомъ, на 12 году жизни, Елевеерій разставилъ сѣти для ловли птицъ и, въ ожиданіи добычи, задремалъ, вдругъ онъ услышалъ невидимый таинственный голосъ, назвавшій его новымъ именемъ; голосъ говорилъ: „Алексій! что напрасно трудишься? Тебѣ предстоитъ ловить человѣковъ“. Отрокъ проснулся, и въ этихъ словахъ, которыми нѣкогда Спаситель призвалъ апостоловъ къ пастырскому служенію въ Церкви Христовой, онъ увидѣлъ призваніе своей жизни, то призваніе, надъ которымъ не разъ останавливалось въ тревожномъ размышленіи его пыливое сердце. Съ тѣхъ поръ произошла большая перемѣна въ душѣ отрока; онъ сдѣлался задумчивымъ, молчаливымъ, сталъ уединяться, предавался молитвѣ и

чтенію слова Божія, посѣщенію церкви. На 15 году жизни онъ рѣшилъ принять монашество, а чрезъ 5 лѣтъ уже былъ постриженъ въ одномъ изъ Московскихъ монастырей, получивъ ранѣе указанное ему въ таинственномъ видѣніи имя: Алексій. Благочестіемъ, умомъ и ревностью ко славѣ Божіей и служенію ближнимъ онъ скоро обратилъ на себя вниманіе митрополита всея Руси св. Феогнosta, и былъ избранъ имъ себѣ въ помощники по управленію Церковью. Алексій не имѣлъ тогда и 40 лѣтъ жизни: но, несмотря на молодость, ни высокое положеніе, ни почести, ни власть, ни окружающая его шипящая злоба и зависть къ нему не смутили и не озлобили его кроткой и боголюбивой души, не ослабили его трудовъ, которымъ онъ отдавался день и ночь. Когда же умеръ св. Феогностъ, то, по завѣщанію усопшаго архипастыря и по волѣ великаго князя, Алексій былъ возведенъ въ званіе митрополита Московскаго и всея Руси. Въ этомъ высочайшемъ служеніи онъ показалъ все величіе святой души своей, все богатство дарованій естественныхъ и благодатныхъ: ради устройства дѣлъ Церкви два раза, съ опасностью жизни въ пути, ѣздилъ онъ въ далекій Константинополь ¹⁾, дважды путешествовалъ въ Орду къ дикимъ татарамъ, испрашивая милостей у хановъ для земли русской; въ личной своей жизни, по выраженію пѣсни церковной, онъ былъ „питателемъ вдовъ, отцомъ сиротъ, помощникомъ скорбящихъ, утѣшителемъ плачущихъ, для всѣхъ — пастыремъ и наставникомъ“ (Сѣдалень 12 февраля). Во дворцѣ князей онъ пользовался почетомъ, и слово его останавливало княжескія, гибельныя для Россіи, распри. Въ своей церковной и государственной дѣятельности поистинѣ онъ былъ ангеломъ-хранителемъ Россіи. При всемъ томъ онъ находилъ время и строить церкви и монастыри, и уединяться для подвиговъ иноческихъ и молитвы, и исправлять священныя книги, и разсылать поученія своей обширной паствѣ по всей Россіи. Имя его было славно въ родной землѣ, славно было далеко и за предѣлами ея, даже у татаръ, поработителей Россіи.

¹⁾ Оттуда во второй разъ вернулся онъ, умиротворивъ Церковь, получивъ отъ Константинопольскаго патріарха, отъ котораго тогда была въ зависимости Русская Церковь, званіе митрополита и энзарха Великой Россіи.

У татарскаго хана заболѣла любимая жена Тайдула и потеряла зрѣніе. Ханъ послалъ въ Москву къ князю и приказывалъ ему прислать въ Орду святого митрополита русскаго. „Мы слышали, писалъ ханъ, что есть у васъ служитель Божій, который если о чемъ попроситъ Бога, Богъ слушаетъ его. Пришли его, пусть онъ исцѣлитъ жену мою. Если не приплещь, пойду я опустошать землю вашу“.

Смутился смиренный Алексій, когда ему князь передалъ волю хана. Но вѣра въ Бога, любовь къ Церкви и отечеству превозмогли все, дали ему силу совершить чудо. Въ смущеніи духа, предъ отправленіемъ изъ Москвы къ хану, пошелъ онъ молиться во храмъ ко гробу святого митрополита Московскаго Петра; здѣсь во время молитвы, въ знаменіе свыше, въ рукахъ св. Алексія сама зажглась церковная свѣча. Подкрѣпленный этимъ знаменіемъ, святитель отправился въ далекое и опасное путешествіе. Прибывъ въ Орду, онъ отслужилъ молебень надъ болящей Тайдулой, совершилъ водоосвященіе и окропилъ святой водой потухшія очи царицы. И внялъ Господь его молитвѣ: Тайдула прозрѣла и съ тѣхъ поръ неизмѣнно покровительствовала землѣ русскаго. Святитель возвратился со славою, съ богатыми милостями хана къ Россіи ¹⁾ и отвратилъ отъ родины грозящую бѣду.

Св. Алексій почилъ отъ тяжкихъ трудовъ жизни въ глубокой старости, имѣя около 80 лѣтъ отъ роду. Черезъ 50 лѣтъ открылись нетлѣнными святыя мощи его и источаютъ доселѣ чудеса милости Божіей всѣмъ притекающимъ къ нимъ съ вѣрою и молитвою. Предъ ними, отправляясь сюда экзархомъ Грузіи, и нашъ архипастырь, высокопреосвященнѣйшій Алексій, склонившійся въ молитвѣ до праха земнаго, просилъ себѣ небесной помощи въ дѣлахъ своего служенія. Да поможетъ ему Господь утрѣ и завтра.

Отъ обстоятельствъ дѣтства и юности святителя Алексія возьмите себѣ уроки вы, юноши и дѣти, питомцы школъ церковныхъ. Да будутъ радостны и безпечальны ваши дѣтскіе

¹⁾ «Какъ благодарить тебя, святитель Божій! Ты даришь намъ мирную жизнь». Такими словами встрѣтилъ св. Алексія въ Москвѣ по возвращеніи отъ хана князь Дмитрій Ивановичъ, будущій герой Куликовской битвы.

годы, да будетъ свѣтла и полна веселіемъ ваша юность! Но въ пору нѣжной весны вашей жизни помните, дорогіе, что наступитъ лѣто—время труда и жатвы. Лѣнивый земледѣлецъ, не посѣявшій весною ничего на своей пашиѣ, останется безъ жатвы лѣтомъ и безъ хлѣба зимой. Жалкимъ и ничтожнымъ тунеядцемъ, лишнимъ и никому ненужнымъ человѣкомъ, общою тяготою для всѣхъ останется онъ въ жизни. Берегитесь, дѣти, этой печальной судьбы! Растите, трудитесь, богатѣйте вѣрою, молитвою, познаніями и, какъ отрокъ Елеверій, вдумывайтесь въ будущее призваніе жизни. Жизнь—не безпечальный праздникъ, не сплошное веселье: она есть путь приготовленія къ вѣчности, она—время нашего созрѣванія духовнаго для неба; она есть время труда и подвига и искупляющаго страданія. Блаженъ, кто, по слову пророка, возьметъ яремь свой отъ юности своей! Блаженъ, кто въ годы молодые вѣрой, молитвой и трудомъ привлекъ къ себѣ благодать Божию. Съ нимъ будетъ то, что мы наблюдаемъ въ знойныхъ странахъ юга: хозяинъ весною, пользуясь обиліемъ воды, старательно собираетъ и берегаетъ ее, чтобы лѣтомъ, въ знойные дни, въ дни засухи и бездождія, оросить жаждущія нивы живительной влагой. Забирайте же теперь дары естественные и благодатные, забирайте во дни дѣтства и юности: послѣ не поднимете.

Вы—дѣти Церкви, вы, ея воспитываемыя и обучаемыя, имѣете и теперь тѣхъ руководителей на этомъ пути, въ число которыхъ нѣкогда таинственнымъ голосомъ призванъ былъ отрокъ Елеверій. „Духовные ловцы человѣковъ“—пастыри и учителя церковные остаются въ Церкви и нынѣ, останутся въ ней и до скончанія вѣка. Они своими трудами поддерживаютъ школы, въ которыхъ вы учитесь; они являются хранителями вашего дѣтства; да будутъ они хранителями и руководителями всей вашей жизни, чтобы уловить васъ въ сѣти Царства Божія! И никто изъ нихъ самъ себѣ пріемлетъ честь, токмо званый отъ Бога, якоже Ааронъ (Евр. V, 4). Святитель Алексій любилъ повторять слова святого Григорія Богослова: *„не легко украсть овецъ, на которой положенъ знакъ“*. Знаки же для овецъ стада Божія суть знаки церковности: святые таинства, священные обряды, посты и молитвы, Тѣло и Кровь Христовы...

Такая отмѣченная овца не затеряется въ мірѣ, такую овцу не украдетъ врагъ спасенія. А если эта овца не отходить и отъ пастыря, то она вдвойнѣ безопасна. Храните же, дорогіе, вашу связь съ Церковью Христовой, храните на всю жизнь связь съ пастырями и служителями Церкви. „Повинуйтесь наставникомъ вашимъ и покоряйтесь,“ слышали вы сегодня въ апостольскомъ чтеніи. Надъ ними же, надъ пастырями и учителями,—архипастыри Церкви, къ которымъ обыкли православные люди относиться съ благоговѣнною любовью, поминать ихъ ежедневною молитвою. Сегодня—день нарочитой и особой молитвы о нашемъ архипастырѣ. Вы видѣли, какъ сегодня въ молитвѣ за васъ изливалась въ слезахъ умиленія душа архипастыря въ тотъ мигъ, когда онъ молилъ Господа призрѣть съ небесе и посѣтитъ васъ—виноградъ, который насадила десница Божія. Помолимся и мы о немъ Пастыреначальнику Иисусу Христу, будемъ просить ему небесной помощи святителя Алексія, его небеснаго покровителя. Такъ поступая, мы исполнимъ завѣтъ святителя: въ дни своей жизни онъ въ поученіяхъ своихъ придавалъ великое значеніе взаимнымъ церковнымъ молитвамъ. „Оставивъ всё дѣла свои, писалъ святитель Алексій, безъ лѣности собирайтесь на церковную молитву. Не говорите: помолимся дома. Какъ комната безъ огня отъ одного дыма не можетъ нагрѣться, такъ и домашняя молитва безъ церковной. Если такъ будете дѣлать, то и молитва церковная за васъ дойдетъ къ Богу“.

Да вознесется же нынѣ наша молитва за архипастыря, да услышитъ ее Господь предстательствомъ святителя Алексія и да видимъ мы нашего владыку - архипастыря среди васъ, дорогія дѣти, воистину *яко отца о чадехъ веселящася!* Аминь.

Усердіе ученя и твердость вѣры.*

Когда вы, дѣти, нѣсколько дней тому назадъ были въ церкви въ день ангела нашего архипастыря, то, помните, въ проповѣди церковной вамъ было указано, какое великое духовное богатство мы имѣемъ въ жизни святыхъ. Что это значитъ? Это значитъ, что святые на всѣ вѣка для всѣхъ христіанъ оставили вѣчные уроки и примѣры для подражанія, образцы святой, богоугодной жизни; они самымъ дѣломъ показали, что можно исполнить ученіе Спасителя, заповѣди Божіи. И сами святые, когда жили на землѣ и еще не были прославлены, учились всему доброму и высокому у тѣхъ праведныхъ людей, которые жили раньше ихъ. Такъ, о преподобномъ Антоніи, который жилъ болѣе 1500 лѣтъ тому назадъ и за подвиги святости названъ Великимъ, извѣстно, что онъ любилъ изучать жизнь святыхъ: у одного онъ учился вѣрѣ и молитвѣ, у другого любви и терпѣнію, у иного кротости и незлобію, у иного трудолюбію и послушанію и т. д.

То же самое, дѣти, можемъ и должны дѣлать и мы; для этого васъ и учатъ въ школахъ, чтобы вы читали добрыя, хорошія книги, въ которыхъ описывается жизнь святыхъ; для того и предлагаютъ вамъ здѣсь нерѣдко слово поученія церковнаго. Каждый день Церковь творитъ память какого-либо священнаго событія, какого-либо святого угодника! Если вы захотите посмотрѣть въ церковныя книги, то вы увидите, что сегодня, на примѣръ, Церковь празднуетъ память святого священномученика Памфила. Расскажу вамъ объ его жизни; вмѣстѣ и поучимся у него. Св. Памфилъ жилъ 1500 лѣтъ тому назадъ, въ то тяжелое время, когда христіанъ за вѣру всячески преслѣдовали. Родиною его была Палестина,— та страна, въ которой жилъ Иисусъ Христосъ. Съ дѣтства Памфилъ много трудился надъ своимъ образованіемъ, много и прилежно учился.

* Рѣчь, сказанная ученикамъ Кууійскихъ церковно-приходскихъ школъ во время всеобщаго бдѣнія 16 февраля 1902 г., въ канунъ недѣли мясопустной.

Такъ полюбили онъ ученіе, что мало ему показалось знаній, пріобрѣтенныхъ въ школахъ и у людей ученыхъ на родинѣ, и онъ для продолженія образованія ѣздилъ въ далекія страны (Александрія). Вернувшись потомъ на родину, онъ сдѣлался священникомъ. Но, исполняя пастырскій долгъ, попрежнему не оставлялъ онъ ученыхъ занятій: переписывалъ книги, читалъ усердно Священное Писаніе. Книгъ тогда было мало, потому что печатать ихъ не умѣли: приходилось переписывать каждую отдѣльно; нерѣдко при этомъ допускались невольныя ошибки, и вотъ св. Памфилъ, пользуясь своими познаніями, провѣрялъ книги, исправляя мѣста, испорченныя переписчиками, разсыпалъ правильныя рукописи по церквамъ, раздавалъ ихъ всѣмъ желающимъ. Такъ дѣлалъ онъ потому, что, получивъ образованіе, онъ хотѣлъ передать блага этого образованія и своимъ ближнимъ. Послѣ него въ родномъ городѣ осталась очень большая бібліотека книгъ, а это въ древности было очень, очень рѣдко. Въ то же время, отличаясь искреннимъ благочестіемъ, Памфилъ все свое имѣніе роздалъ нищимъ и всецѣло посвятилъ себя служенію ближнимъ.

Понятно, такой ученый и благочестивый священникъ, какъ св. Памфилъ, имѣлъ большое вліяніе на христіанъ, поэтому и язычники, гонители христіанъ, знали его, какъ одного изъ главныхъ христіанскихъ учителей. Вотъ почему злобный царь языческій (Діоклетіанъ) обратилъ на него вниманіе, потребовалъ къ суду и предалъ его страшнымъ истязаніямъ, заставляя отказаться отъ вѣры во Христа. Ужасныя это были истязанія: христіанъ били палками, сдирая съ нихъ кожу, строгали живое тѣло ножами и острыми орудіями, ломали руки и ноги и искалѣченныхъ, съ выколотыми глазами и съ подрѣзанными жилами на ногахъ, гнали на казнь, сжигали живыми или отправляли на тяжелыя каторжныя работы... Два года мучился такъ св. Памфилъ, но онъ остался твердъ и непоколебимъ въ вѣрѣ. Тогда его присудили къ смерти, и онъ претерпѣлъ казнь вмѣстѣ съ другими двѣнадцатью мужественными христіанами. Такъ какъ онъ былъ священникомъ и мученикомъ, то и называется священно-мученикомъ. Вотъ вамъ, дѣти, короткое сказаніе о жизни св. Памфила.

Чему же онъ учить васъ, дѣти, эту святую свою жизнь? Онъ учить васъ *усердію въ ученіи и твердости въ вѣрѣ*.

Не для насъ нужно ваше ученье, а для васъ самихъ; не намъ оно полезно и нужно, а прежде всего и главнѣе всего—вамъ. И ученье ваше особенное: васъ учать знать Бога, Его дѣла, Его волю и заповѣди; вамъ говорятъ о томъ, что такое человѣкъ на землѣ, какъ онъ явился, кѣмъ созданъ, для чего назначенъ и какъ онъ долженъ жить на землѣ, чтобы угодить Богу, чтобы исполнить свое назначеніе, чтобы быть достойнымъ званія человѣка, а не быть похожимъ на животное. Вамъ внушаютъ, что за исполненіе Божественной воли и заповѣдей человѣка ожидаетъ добро на землѣ, и главное—счастье на небѣ и оправданіе на страшномъ судѣ Божию, о которомъ завтра вы услышите за литургіей во святомъ евангеліи.

Всему этому учить насъ святая вѣра наша. Какъ же намъ не любить ея? Какъ не быть твердымъ въ вѣрѣ? Помните, милые, что вѣра есть самое великое наше сокровище; помните, и подобно великомученику Памфилу, будьте тверды и непоколебимы въ вѣрѣ Христовой. Можетъ-быть кто скажетъ: „но вѣдь теперь нѣтъ такихъ гоненій за вѣру, какъ прежде“. Это правда, но и равнодушіе къ вѣрѣ еще опаснѣе гоненій и преслѣдованій. Да кромѣ того, и теперь можно слышать насмѣшки надъ вѣрою, соблазны отъ разныхъ враговъ Церкви, напимѣръ, отъ сектантовъ, иновѣрцевъ, которыхъ и въ нашемъ краѣ очень много; не имѣйте противъ нихъ зла, любите и ихъ, но пусть никто и ничто не поколеблетъ васъ въ вѣрѣ. Она принесена Христомъ, проповѣдана апостолами, утверждена кровію безчисленныхъ мучениковъ: если отъ такихъ свидѣтелей мы откажемся, то воистину отвергнется отъ насъ Самъ Богъ на страшномъ судѣ Его. Такъ и сказалъ Самъ Спаситель: кто постыдится Меня и Моихъ словъ въ родѣ семъ грѣшномъ, того и Сынъ Человѣческій постыдится, когда придетъ во славу Своей со ангелами святыми. Завтра, когда вы будете слушать въ евангельскомъ чтеніи изображеніе суда Божія, попомните объ этомъ.

Вотъ какія мысли и чувства внушаетъ намъ жизнь нынѣшняя поминаемаго Церковью святаго священномученика Памфила! Аминь.

Любовь къ ближнему—одинъ изъ путей богообщенія.*

Когда придетъ Сынъ Человѣческій во славу Своею и всѣ святые ангелы съ Нимъ, тогда сядетъ на престолѣ славы Своей, и соберутся предъ Нимъ всѣ народы. И скажетъ имъ Царь: „истинно говорю вамъ: такъ какъ вы сдѣлали это одному изъ сихъ братьевъ Моихъ меньшихъ, то сдѣлали Мнѣ“ (Мате. XXV, 31, 40).

Въ постепенномъ подготовленіи вѣрующихъ къ покаянному настроенію и къ подвигамъ приближающагося Великаго поста св. Церковь, послѣ трогательныхъ увѣреній въ Божественной благодати въ евангельскихъ чтеніяхъ двухъ предыдущихъ воскресныхъ дней, въ нынѣшнее воскресенье напоминаетъ намъ о будущемъ отчетѣ предъ Богомъ и страшномъ судѣ. Безъ конца глубоко, безъ конца поучительно, и страшно, и въ то же время отрадно образное сказаніе евангелія объ этомъ грядущемъ судѣ Христовомъ, имѣющемъ завершить мировую исторію человѣчества. Но среди всего этого сказанія, какъ солнце, немеркнущимъ блескомъ сіяютъ двукратно повторяемыя и какъ бы съ особою силою, намѣренно подчеркиваемыя слова Судии Христа: *понеже сотвористе единому изъ сихъ братій Моихъ меньшихъ, Мнѣ сотвористе...* На основаніи словъ этихъ совершится судъ, рѣшится и участь подсудимыхъ.

* Слово въ недѣлю мясопустную предъ сборомъ пожертвованій въ пользу пострадавшихъ отъ землетрясенія въ гор. Шемахѣ.

Въ воскресенье, 17 февраля 1902 г., владыка-эказархъ совершилъ Божественную литургію въ Тифл. военномъ Александро-Невскомъ соборѣ, при огромномъ стеченіи народа, причемъ въ концѣ службы, послѣ приводимой проповѣди былъ произведенъ сборъ пожертвованій въ пользу пострадавшихъ отъ землетрясенія въ гор. Шемахѣ и его окрестностяхъ.

Вдумаемся въ эти слова всё мы, здѣсь предстоящіе, люди различныхъ возрастовъ, званій и положеній; вдумаемся съ точки зрѣнія общихъ всёму душевныхъ запросовъ и стремлений, міровыхъ и всеобъемлющихъ. *Человѣкъ ищетъ Бога*—вотъ самое главное, всёму сродное истинно человѣческое стремленіе. *Человѣкъ ищетъ Бога*: это изреченіе можно надписать на исторіи міра, потому что исканіе Бога составляетъ ея основу и сокровенный смыслъ. Въ тайнахъ древнихъ басенъ и мифовъ, подъ покровомъ народныхъ сказаній, въ повѣстьяхъ о таинственныхъ боговоплощеніяхъ, въ глубинѣ лѣсовъ, которые воображеніе человѣка населяло божествами, на вершинахъ горъ, которыя украшаемы были жертвенниками, въ величественныхъ храмахъ, въ драгоценныхъ изваяніяхъ, въ грубыхъ кумирахъ, въ омовеніяхъ и очищеніяхъ, въ тысячахъ жертвъ, которыя курились по лицу всей земли,—воздымая руки къ небу и падая ницъ, обливаясь слезами и радуясь духомъ, безъ конца многообразно, безъ конца многократно древній и новый человѣкъ высказалъ одно свое стремленіе, одно завѣтное желаніе: искать и найти Бога. Сама Божественная Премудрость засвидѣтельствовала объ этомъ устами великаго апостола народовъ: Богъ отъ одной крови произвелъ весь родъ человѣческій для обитанія по всему лицу земли, назначивъ предопредѣленные времена и предѣлы ихъ обитанію, *дабы они искали Бога, не ощутятъ ли Его, не найдутъ ли Его, хотя Онъ и недалекъ отъ каждаго изъ насъ* (Дѣян. XVII, 26—27).

На этомъ исконномъ и сродномъ духу человѣческому исканію Бога вѣковѣчными и незыблемыми основами утверждается религія вообще—Божественное откровеніе, промыслъ, искушленіе, Церковь, молитва, священныя таинства, вѣра въ безсмертіе, въ будущій судъ и въ блаженную вѣчность.

На этихъ же основахъ утверждаются и истинно-нравственная жизнь, истинно-нравственныя отношенія людей между собою.

Человѣкъ ищетъ Бога. Представьте же себѣ, даже въ области чисто-человѣческихъ отношеній, какъ должно быть тягостно не имѣть возможности вступить въ общеніе съ тѣмъ, кого любишь и уважаешь, къ кому стремишься всею душою.

какъ должно быть тягостно не имѣть возможности подѣлиться бесѣдою и мыслію, выразить чувства любви и преданности любимому и уважаемому существу, и какъ, напротивъ, радостно найти выходъ къ этому общенію, даже и не непосредственному. Понятна радость сына, радость дочери, разлученныхъ долго отъ близкихъ, милыхъ и любимыхъ, если къ нимъ на чужбину съ родной стороны даже кто-либо посторонній придетъ вѣстникомъ изъ отчужаго дома, вѣстникомъ ласки и привѣта родителей. При свѣтѣ этого примѣра представьте себѣ истинное состояніе человѣчества по отношенію къ его вѣчному дому Отчому—къ дому Отца Небеснаго. На всѣхъ ступеняхъ жизни, на всякомъ уровнѣ образованія, подъ различными формами и обнаруженіями, отъ самыхъ возвышенныхъ до самыхъ простыхъ и даже наивныхъ и грубыхъ, человѣкъ ищетъ Бога, желаетъ единенія и общенія съ Нимъ, хочетъ выразить Ему свои чувства. Тому свидѣтели древнѣйшія книги древнѣйшихъ народовъ отъ „Книги мертвыхъ“ Египта до „Ведь“ Индіи, „Кингъ“ Китая, религіозныхъ гимновъ вавилонянъ, „Зендавесты“ Персіи... Нужно ли упоминать еще и о священныхъ книгахъ богоизбраннаго Израиля? Бываютъ моменты, когда эти желанія пріобрѣтаютъ такую властную силу, что подавляютъ и захватываютъ все существо человѣка. Въ избранныхъ людяхъ они вырывали вопль Давида: *когда явлюся лицу Божию?* (пс. 41) или душевное стenanіе Іереміи: *былъ во мнѣ какъ бы нѣкоторый огонь, и я истомился, удерживая его* (Іерем. XX, 9). Но и въ рядовыхъ людяхъ эти желанія сказываются съ силою многою...

Ищетъ человѣкъ Бога. Но Богъ въ существѣ Своемъ непостижимъ для человѣка; природа Божества не допускаетъ непосредственнаго, какъ мы понимаемъ его на землѣ, общенія съ человѣкомъ: такъ глазъ нашъ, хотя и созданный для свѣта, тѣмъ не менѣе не можетъ прямо и непосредственно смотрѣть на солнце... „Яви мнѣ славу Твою“,—просилъ самъ Моисей Господа на Синаѣ, и эта просьба его по всей справедливости можетъ быть названа міровою, общечеловѣческою. Господь отвѣчалъ: не можетъ человѣкъ видѣть Меня и не умереть... (Исх. XXXIII, 18—20).

Подумайте же, что было бы съ человѣчествомъ, если бы оно, дѣйствительно, при всемъ желаніи, при всѣхъ усиліяхъ и стараніяхъ, никакимъ образомъ не могло войти въ общеніе съ Богомъ, не могло бы служить Ему своею жизнью и дѣятельностью, и такъ бы и оставалось съ безплодными запросами, съ неудовлетворенными порывами, съ желаніями захватывающими, неистребимыми, но вмѣстѣ съ тѣмъ и невыполнимыми! Древній міръ выразительно воплотилъ его гнетущее, скорбное состояніе въ извѣстномъ баснословіи относительно мукъ Тантала, вошедшихъ въ поговорку.

Но вотъ Самъ Господь идетъ навстрѣчу желанію человѣка, и въ ряду другихъ средствъ богообщенія, въ богооткровенной религіи указываетъ еще одно, всѣмъ доступное и для всѣхъ равно обязательное. Онъ говоритъ: „Что вы сдѣлали одному изъ братій Моихъ меньшихъ, *то вы сдѣлали Мнѣ*“. Такъ Господь Самъ снисходитъ къ нашему ограниченному естеству и даетъ намъ возможность въ ближнихъ нашихъ видѣть Его образъ, Его подобіе и Его достоиніе; даетъ намъ право и возможность любовь нашу къ Нему выразить посредствомъ любви къ человѣку, и даже чашу холодной воды, поданную во имя Христа или ученика Христова, считаетъ поданною Ему, Самому Богу, и обѣщаетъ не оставить безъ награды, *т.-е. богообщенія*. Какъ отрадно, какъ осмысленно и возвышенно становится служеніе наше людямъ! Какъ отрадно, на примѣръ, отцу или матери въ своихъ трудахъ, въ своихъ лишеніяхъ и горестяхъ изъ-за дѣтей видѣть служеніе Богу и знать, что потаенные вздохи, невидныя жертвы, незримыя слезы, невидимыя лишенія, ежедневныя, ежечасныя, приняты Богомъ, какъ жертва Ему Самому въ этихъ малыхъ дѣтяхъ! Какъ отрадно и осмысленно служить церковному собранію людей, или семьѣ, или школѣ, или обществу, — служить и знать, что въ этихъ ближнихъ просвѣчиваетъ образъ Божества, что чрезъ трудъ и стараніе, чрезъ подвигъ въ пользу меньшихъ братій ты служишь Самому Богу и Ему чрезъ это несешь свою любовь, свою преданность, свои святые чувства! Какъ радостно благотворить несчастному — и знать, что твое благотвореніе приметъ Самъ Богъ, одною

рукою приметъ, другою благословить! Благодареніе Божественному милосердію за то, что немощному и тварному, ограниченному и конечному естеству нашему чрезъ подвиги дѣятельной любви къ ближнимъ указанъ путь къ возвышенному и возвышающему общенію съ Совершеннѣйшимъ и Безконечнымъ и тѣмъ исполнены вѣчные порывы нашего духа, за вѣчныя желанія нашего сердца!

И какой широкій путь открывается предъ нами! Вездѣ и всегда мы можемъ сдѣлаться друзьями человѣчества, даже если бы мы оказались полезны только одному человѣку; вездѣ и всегда мы можемъ послужить благу ближняго—и чрезъ это, послужить Самому Богу. Ибо много, братіе, много на свѣтѣ страданія, много нуждъ, много горя. Тяжкая бѣдность, горькое сиротство, слезы беззащитнаго страданія невыплаканныя, неотертыя, неисходное горе, непроходимая умственная и нравственная темнота,—все взываетъ о помощи, вездѣ здѣсь—младшая братія Христова.

И не разсудочной благотворительности, а только горячей ревностной вѣрѣ дано будетъ способствовать уменьшенію зла и страданія на землѣ; не разсудочной мірской благотворительности, которая часто наивно веселится „въ пользу несчастныхъ“, а только горячей религіозной вѣрѣ даны средства указать людямъ самыя могучія и чисто-нравственныя побужденія къ тому, чтобы служить безкорыстно и беззавѣтно меньшей братіи, потому что только эта религіозная вѣра можетъ съ полнымъ правомъ сказать: что вы сдѣлали одному изъ меньшихъ братій Христа, то сдѣлали Самому Христу. Отсюда вѣковое слово народное: подайте милостыню *Христа ради*.

Братіе возлюбленные! Подайте милостыню Христа ради! Предъ вами нынѣ стоитъ меньшая братія, многочисленная, скорбная, и въ безпомощности протягиваетъ къ вамъ съ мольбою руки. Дыханіе смерти пронеслось надъ нашимъ краемъ; страшное предзнаменованіе суда Божія грозно предстало предъ нами. Погибъ отъ землетрясенія цѣлый многолюдный городъ, сравнялись съ землею дома и улицы, пострадали болѣе 30 селеній; разрушены тысячи домовъ, остались безъ крова и пристанища десятки тысячъ человѣкъ; многіе разорились, многіе

лишились близкихъ, осиротѣли дѣти... Сколько голодныхъ и безпріютныхъ, сколько раненыхъ и больныхъ посреди этого города, въ которомъ то, что не успѣло разрушить землетрясеніе, истребилъ огонь. Среди несчастныхъ большинство мусульманъ; но евангеліе въ дѣлѣ благотворенія велить намъ различать только нуждающагося и нуждающагося... Правда, уже оказывается помощь несчастнымъ; во главѣ благотворителей стоятъ Государь съ Государыней и членами Царскаго Дома. Но какъ ни велика помощь, однако, неизмѣримо бѣдствіе. Вѣдь пострадали болѣе всего люди бѣдные, у которыхъ погублено буквально все, что они имѣли: нужны и хлѣбъ, и одежда, и теплый кровъ, и лѣкарства, и перевязочныя средства, и пособіе на выѣздъ съ семьями... Нужда воистину вопіющая!

Поможемъ бѣднымъ Христа ради! И блаженны будемъ мы и въ радостномъ сознаніи нашего духа, и во славѣ возлюбленнаго нашего Іисуса—Господа, если въ день оный, въ день страшный, когда дѣла наши пойдутъ вслѣдъ за нами, егда книги разгнутся и судитися имутъ человѣцы, егда тварь вострепещетъ отъ лица Сѣдящаго на престолѣ,—за любовь, за добро, за трудъ, за подвиги и жертву во благо ближняго, какъ брата Христова, мы услышимъ отрадное слово: *понеже сотвористе единому братій сихъ меньшихъ—Мнѣ сотвористе.* Аминь.

Дѣтямъ—о Н. В. Гоголь.*

Сейчасъ, дѣти, мы будемъ молиться объ упокоеніи души умершаго 50 лѣтъ назадъ, вѣчной памяти достойнаго, знаменитаго русскаго писателя Николая Васильевича Гоголя. Онъ былъ достойнымъ ученикомъ другого знаменитаго писателя—А. С. Пушкина, который задачу и дѣятельность поэта и писателя на землѣ сравнивалъ со служеніемъ пророка. Глубоко воспринялъ эту мысль Николай Васильевичъ Гоголь. Онъ, дѣй-

* Рѣчь памяти Н. В. Гоголя передъ панникой въ церковно-приходской школѣ 21 февраля 1902 г.

отвѣтительно, смотрѣлъ на свое призваніе, какъ на служеніе Богу и людямъ. Подобно пророку, онъ призывалъ людей слѣдовать добру и волѣ Божіей. И данъ ему былъ отъ Бога среди другихъ дарованій талантъ — изобличать зло, бичевать его, представлять порокъ въ отталкивающемъ, отвратительномъ видѣ. Онъ смѣялся надъ зломъ въ своихъ произведеніяхъ, смѣялся такъ, что и другихъ заставлялъ смѣяться надъ порокомъ и видѣть все его безобразіе. Но онъ самъ говорилъ, что онъ „смѣялся сквозь слезы“; онъ страдалъ, видя пороки людскіе; онъ плакалъ, видя, что люди не таковы, какими они должны быть, и онъ вмѣстѣ съ тѣмъ вѣрилъ, глубоко вѣрилъ, что въ самомъ закоренѣломъ злодѣѣ, въ самомъ дурномъ человѣкѣ сохраняется „искра Божія“, остается голосъ совѣсти, остаются стремленія къ Богу, къ добру и къ вѣчности. Вотъ почему его обличенія имѣли цѣлью не унижить, не озлоблять человѣка, а вести его къ исправленію. Вотъ почему обличенія Гоголя были особыми обличеніями: это не пустая болтовня, это не пустое смѣхотворство, это не гордость своимъ превосходствомъ предъ людьми. Напротивъ, великій писатель нашъ отличался искреннимъ смиреніемъ, и смиреніе считалъ „лучшимъ украшеніемъ человѣка“.

Надъ могилою Н. В. Гоголя написаны слова пророка Іереміа: „Горькимъ смѣхомъ моимъ посмѣюся“. Это горе, при видѣ зла въ окружающей жизни, это смиреніе, заставлявшее его видѣть въ себѣ одни недостатки, такъ усилились къ концу его жизни, что послѣдніе дни его были сплошною скорбію, преувеличеннымъ самоукореніемъ и самобичеваніемъ. Однако, онъ былъ чуждъ грѣховнаго отчаянія. Гоголь былъ человѣкомъ глубоко-вѣрующимъ и былъ истиннымъ христіаниномъ и покорнымъ сыномъ Церкви: въ числѣ его произведеній есть „Размышленіе о Божественной литургіи“. Какъ истинный христіанинъ, онъ вѣрилъ въ Божіе милосердіе, вѣрилъ въ молитвы и предстательство святой Церкви, просилъ о себѣ молитвъ пастырей церковныхъ, къ которымъ относился съ великимъ уваженіемъ. Такъ онъ жилъ, такъ онъ и умеръ. Это былъ писатель-христіанинъ, писатель-подвижникъ, писатель-страдалецъ за людей. И хорошо, хорошо, дѣти, что васъ учатъ наряду съ великими

дѣятелями міра помнить и любить писателей земли русской, почитать ихъ и слѣдовать тому доброму, чему они учили насъ въ своей жизни и главное—въ своихъ произведеніяхъ. Помолимся же о приснопамятномъ рабѣ Божиѣмъ Николаѣ да пошлетъ ему Господь прощеніе грѣховъ, миръ и отраду душѣ его и блаженную вѣчность! Аминь.

Палестина для Россіи и Грузіи.*

Съ настоящаго дня св. Церковь начинаетъ поставлять предъ духовными очами вѣрующихъ послѣдніе дни жизни нашего Спасителя. Трудно, невозможно оторваться христіанскому сердцу отъ этихъ священныхъ воспоминаній. Предъ нами проходятъ и ежегодно повторяются, обновляясь въ нашемъ сознаніи, величайшія и единственныя въ міровой исторіи событія; съ дѣтства сроднились мы съ ними, и какъ только помнимъ себя, вмѣстѣ съ тѣмъ помнимъ и священные для насъ слова: Іерусалимъ, Виванія, Елеонъ, Геесиманія, Голгова... Можно сказать, гораздо ранѣе знакомства съ городами и мѣстностями своей родины мы уже знакомы по наслышкѣ съ названіями городовъ, селеній и мѣстностей Святой Земли, гдѣ родился, жилъ, училъ, страдалъ и умеръ Богочеловѣкъ, гдѣ совершилась тайна спасенія человѣчества, гдѣ была мать всѣхъ церквей—Церковь Іерусалимская, откуда свѣтъ христіанства возсіялъ надъ землею. И по естественному, неистребимому влеченію, всегда христіанамъ хотѣлось не только слухомъ услышать о Святой Землѣ, но и очами созерцать ее, побывать въ ней, поклониться святынямъ. Велико, неизмѣримо велико всегда было для христіанъ значеніе этого непосредственнаго знакомства со Св. Землею. Здѣсь благочестивый поклонникъ обновлялъ въ духѣ образъ Христа Спасителя „и

* Рѣчь въ прадникъ Входа Господня въ Іерусалимъ предъ сборомъ пожертвованій въ пользу Православнаго Палестинскаго Общества 7 апрѣля 1902 г.

Сего распята“ (1 Кор. II, 2), по вѣчной и сладостной для христіанина заповѣди апостола: „поминай Господа Іисуса“ (2 Тим. II, 8); здѣсь все непосредственно говорило поклоннику о томъ, какъ тяжекъ грѣхъ падшаго человѣка, если за него потребовалась необычная и единственная жертва—смерть Сына Божія; здѣсь при неизбѣжной мысли о собственной грѣховности, отрѣшенный отъ обычной, часто грѣховной обстановки и житейской суеты, весь отдавшійся мысли о спасеніи, поклонникъ обновлялся духомъ, перерождался нравственно, очищался и омывался слезами покаянія на мѣстѣ, гдѣ милосердый Спаситель изрекъ прощенье и обѣщалъ рай покаявшемуся разбойнику. Не одна Марія Египетская здѣсь нашла спасеніе и изъ величайшей грѣшницы сдѣлалась равноангельною подвижницею: неисчислимыя сонмы святыхъ и праведныхъ отсюда, изъ земного Іерусалима, подъ вліяніемъ священныхъ воспоминаній, начали свое восхожденіе къ Іерусалиму небесному, — восхожденіе духовное къ нравственному совершенству.

Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что отъ лѣтъ древнѣйшихъ, тотчасъ же послѣ прекращенія гоненій на христіанство, Палестина стала привлекать къ себѣ великое множество христіанъ-поклонниковъ; она сдѣлалась обѣтованною землею христіанъ, а Іерусалимъ—ихъ духовною родиною, увидѣть которую составляло завѣтное желаніе cadaго вѣрующаго. Пока не постигло Св. Землю иго мусульманское, она была какъ бы однимъ великимъ всехристіанскимъ храмомъ: по свидѣтельству древнихъ писателей, звонъ колоколовъ и гимны христіанскіе раздавались немолчно отъ Синаи до Ливана, по всей шири Святой Земли Палестинской. Царственные Константинъ и Елена, учевѣйшій Іеронимъ, люди знатные и простые, богатые и бѣдные, монахи и мірскіе, люди всѣхъ возрастовъ, званій и состояній,—всѣ стремились сюда изъ Испаніи, Рима, Африки, Греціи, Малой Азіи, изъ Аравіи и Индіи, со всѣхъ концовъ міра. Какъ бы вновь сбывалось слово священнаго дѣписателя о днѣ сошествія Св. Духа на апостоловъ, когда въ Іерусалимѣ были „парезяне, и мидяне, и еламиты, и живущіе въ Месопотаміи, во Іудеѣ же и Каппадокіи, въ Понтѣ и Асіи, во Фригіи же и Памфиліи, во Египтѣ и странахъ Ливіи... и римляне, и критяне, и

аравляне“ (Дѣян. II, 9—11). Можно было сказать словами пѣсни церковной:

„Возведи окрестъ очи твои, Сионе, и виждь: се бо приидоша къ тебѣ, яко богосвѣтлая свѣтила, отъ запада и сѣвера и моря и востока чада твоя, въ тебѣ благословляюще Христа во вѣки“.

И сынамъ священной церкви Иверской памятни Іерусалимъ и Палестина съ первыхъ дней ихъ христіанской жизни: туда отправились, ища спасенія, Завулонъ и Сусанна, родители св. Нины; тамъ святительствовалъ св. патриархъ Ювеналій, дядя св. Нины по плоти и отецъ ея по духу; тамъ и воспиталась при храмѣ іерусалимскомъ равноапостольная просвѣтительница Грузіи...

И какъ только ея устами проповѣдана была святая вѣра въ Грузіи, отъ дней перваго грузинскаго царя-христіанина—Мириана, началось отсюда, изъ Грузіи, непрерывное стремленіе народа къ Палестинѣ и Іерусалиму: обители Святой Земли наполняются иноками-грузинами, подвиги которыхъ далеко по Востоку разносятъ славу о благолюбивомъ народѣ грузинскомъ; благочестивые грузинскіе цари посылаютъ богатые вклады въ церкви и монастыри Палестины, считаются „защитниками и ктиторами Св. и Живоноснаго Гроба и прочихъ пречестныхъ поклоненій“¹⁾, строятъ свои собственныя обители, путешествуютъ туда сами²⁾, посылаютъ туда своихъ подданныхъ. Около двадцати грузинскихъ монастырей сіяли во Св. Землѣ; среди нихъ, какъ звѣзда, блистала обитель св. Креста (Цмида-Джварисъ) въ сосѣдствѣ знаменитой лавры Саввы освященнаго, основанная еще царемъ Мирианомъ (IV в.) и затѣмъ украшенная и благоустроенная царями Вахтангомъ Горгославомъ (VII в.) и Багратомъ III (X в.); грузины поселились около самаго Іерусалима (сел. Малхи, вблизи монастыря Цмида-Джварисъ) и составляли охранную стражу Гроба Господня; имъ долго принадлежала высокая честь обладанія Святѣйшею Голгофою, гдѣ и совершали они свое богослуженіе. Отъ временъ

¹⁾ Посланіе Доскеев, патр. Іерус., къ груз. царю Ираклію I (XVII в.).

²⁾ Груз. царевичъ Петръ (Мурчанъ) въ V в. былъ возведенъ даже во епископа Маіумскаго и святительствовалъ въ Палестинѣ (г. Газа).

святыхъ подвижниковъ Палестины знаменитыхъ Илларіона и Харитона, Евѣмія Великаго и Θεоктиста, Саввы освященнаго и Θεодосія, Герасима Іорданскаго, Іоанна Молчальника, отъ времени вѣчно памятнаго Іоанна Дамаскина грузины-богомольцы, грузины-иноки постоянно посѣщали Св. Землю и были тамъ въ почетѣ даже и послѣ порабощенія ея невѣрными. Оттуда приходили они на родину и адѣсь знакомили своихъ единоплеменниковъ со святынями Палестины. И, видно, хорошо вѣдома была древнимъ грузинамъ Святая Земля, если и храмы свои они любили называть Сіонами, по образу Іерусалима, какъ и этотъ древнѣйшій Сіонскій соборъ, въ которомъ мы сейчасъ молимся, и монастыри свои они называли то Виѣанскимъ (Бетанія) въ память Палестины, то Кобинскимъ, въ память сопредѣльной съ Палестиной Сиріи, и т. п. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что эта живая связь церкви грузинской съ Матерью церковей — Іерусалимомъ питала благочестіе народа, роднила его духовно со Христомъ, поддерживала въ немъ общеніе съ христіанскимъ Востокомъ, сохраняла въ тяжкія годы страданій, постигавшихъ землю Иверскую. Одни были эти страданія у Грузіи съ Палестиной; одинъ врагъ—мусульманство черною тучею обложило небо и Грузіи и Палестины. Общность страданій сроднила и соединила ихъ между собою неразрывными духовными связями. Грузія нашла теперь спасеніе, покой и процвѣтаніе въ полномъ сліяніи съ православною Россією, но Палестина и донинѣ во власти невѣрныхъ. Это не умаляетъ, а еще болѣе возбуждаетъ духъ сочувствія къ поращенной мусульманами Святой Землѣ.

Нужно ли говорить о постоянныхъ порываніяхъ и русскаго благочестиваго сердца ко Св. Землѣ? Со времени св. Ольги и князя и народъ постоянно и мысленно, и самымъ дѣломъ обращались къ Іерусалиму. Сюда, несмотря на неизмѣримыя трудности пути, направлялись благочестивые русскіе богомольцы „святому граду поклониться“. Такъ пѣвалось въ старинныхъ духовныхъ стихахъ. Съ первыхъ дней христіанства на Руси образовались цѣлыя общества паломниковъ, „каликъ переходящихъ“, которые ходили въ Іерусалимъ и составляли потомъ по возвращеніи пѣсни и сказанія о Св. Землѣ.

Эти пѣсни, духовные стихи и сказанія сдѣлались любимыми въ народѣ; ими доселѣ заняты ученые люди, изучающіе древнюю русскую письменность. Преподобный Феодосій, какъ видно изъ его житія, въ дѣтствѣ пошелъ за паломниками, шедшими въ Іерусалимъ (1022 г.). Преподобная Евфросинія, княжна Полоцкая, путешествовала во Св. Землю; игумень Даниль (въ 1106 г.) описалъ свое путешествіе въ Іерусалимъ, и трогательно и донынѣ читать, какъ онъ тамъ молился за всѣхъ, оставшихся на святой Руси, и какъ онъ у Гроба Господня возжегъ лампаду „за землю русскую“. Любили русскіе люди въ Іерусалимѣ и „каменіе разоренное, и персть, распанную ратными, ради содѣянныхъ въ немъ великихъ тайнъ и благодатей“¹⁾...

И донынѣ русскій народъ, удивляющій весь міръ необыкновенною любовью своею къ святынямъ, склонностью къ паломничествамъ, стремится къ Іерусалиму. Возвратятся поклонники изъ Палестины и разойдутся по всему широкому простору родной русской земли. Въ долгіе зимніе вечера тихо и мѣрно, благоговѣнно и вдохновенно въ кругу близкихъ льются ихъ рассказы о видѣнномъ и слышанномъ; часто изъ дома въ домъ, изъ села въ село переходятъ эти рассказчики и принимаютъ всюду, какъ самые желанные гости: и наполняютъ эти рассказы души слушателей благочестивыми образами, знакомятъ и роднятъ ихъ со Христомъ и Его жизнью, обновляютъ въ душахъ память объ Его искупительныхъ страданіяхъ, согрѣваютъ религиозное чувство, зовутъ къ подвигу и покаянію, воспитываютъ слушателей въ чувствѣ братства христіанскихъ народовъ, дѣлаютъ близкими для русскаго народа интересы православія, возбуждаютъ сочувствіе къ страдающимъ на Востоку единовѣрцамъ.

Такъ неизмѣримо важно значеніе, такъ высока духовная польза этихъ благочестивыхъ путешествій во Св. Землю. Но если такъ, то можно ли имъ не сочувствовать, можно ли отказать отъ помощи богомольцамъ, идущимъ во Св. Землю, можно ли не заботиться о томъ, чтобы облегчить имъ трудъ

¹⁾ «Книга о вѣрѣ» XVII в.

путешествія, чтобы привлечь больше поклонниковъ, чтобы дать имъ какъ можно болѣе возможности и способовъ получить духовное утѣшеніе и назиданіе во Св. Землѣ? Неудивительно, что издавна у насъ заведенъ святой обычай подавать такимъ поклонникамъ милостыню, оказывать помощь матеріальную. Но эта помощь была единичной, разрозненной. Нужна была помощь упорядоченная,—сильная общественная помощь. И вотъ державною волею покойнаго незабвеннаго Царя - Праведника Александра Александровича образовалось Православное Палестинское Общество (въ 1882 году), предсѣдателемъ котораго и донинѣ состоитъ братъ покойнаго Государя Великій Князь Сергій Александровичъ, самъ побывавшій богомольцемъ въ Іерусалимѣ ¹⁾.

Всего 20 лѣтъ назадъ возникло это Общество и начало свое дѣло только съ 50 рублями. За это короткое время какъ много сдѣлано! Общество прежде всего удешевило проѣздъ во Св. Землю до послѣдней степени: трудно повѣрить, что за нѣсколько десятковъ рублей можно теперь проѣхать изъ Россіи въ Палестину и обратно съ удобствами; Общество построило русскія церкви, воздвигло миллионныя зданія для пріюта 1.500 богомольцевъ, оно поитъ и кормитъ ихъ, оказываетъ имъ медицинскую помощь, даетъ имъ надежныхъ проводниковъ, содержитъ духовенство, открываетъ религіозныя чтенія,—однимъ словомъ, дѣлаетъ все, чтобы облегчить поклонникамъ путь во Св. Землю и сдѣлать пребываніе ихъ тамъ и удобнымъ, и полезнымъ для души. Въмѣстѣ съ тѣмъ много сдѣлано имъ и для научной разработки древностей Палестины: произведены дорого стоящія раскопки, сдѣланы важныя открытія, доказавшія подлинность чтимыхъ святыхъ мѣстъ въ Іерусалимѣ и успокоившія христіанское чувство, смущенное клеветою, сомнѣніями и насмѣлками невѣрующихъ, нерѣдко отвергавшихъ, якобы по научнымъ основаніямъ, подлинность того или дру-

¹⁾ Еще раньше—въ 1847 г.—основана была въ Іерусалимѣ русская духовная миссія; въ 1858 г. учреждено тамъ же российское консульство, а въ 1860 году учреждена была особая Палестинская коммиссія, которая имѣла цѣлью пріобрѣтеніе земельныхъ участковъ въ Палестинѣ. Палестинское Общество задалось цѣлью прежде всего помогать самимъ паломникамъ русскимъ во Св. Землѣ.

гого священнаго мѣста. Все это сдѣлало Общество на сборную копѣйку со всей Россіи, и сборы свои оно производитъ въ нынѣшній праздникъ, когда духовные взоры вѣрующихъ устремлены на Господа, входящаго во Іерусалимъ. И сегодня будетъ произведенъ такой сборъ, къ которому мы и приглашаемъ всѣхъ васъ, возлюбленные братіе,—приглашаемъ потому, что нуждъ у Общества много, и еще много-много ему нужно сдѣлать, чтобы помочь русскимъ богомольцамъ въ Палестинѣ, которыхъ тамъ къ одному дню Пасхи набирается болѣе 5.000, тогда какъ пріютъ устроенъ только на 1.500 человекъ.

Но сказаннаго мало, чтобы оцѣнить по достоинству дѣятельность Православнаго Палестинскаго Общества. Не одни турки наложили свое иго на Св. Землю, и не одно мусульманское нашествіе заставляеть насъ и нынѣ продолжать плачь объ Іерусалимѣ,—плачь, предначатый Спасителемъ въ день торжественнаго входа Его во святой градъ (Лук. XIX, 41). Турецкое иго—иго внѣшнее. Есть иго другое, безошибочно скажемъ,—худшее, опаснѣйшее, чѣмъ всё звѣрства турокъ. Мусульмане убивали только тѣло; есть враги, которые губятъ самую душу православныхъ. Болѣе ста лѣтъ назадъ появились въ Святой Землѣ инославные миссіонеры—латиняне, протестанты и друг. Подкупомъ, обманомъ, лестью, хитросплетенными проповѣдями расхищаютъ они достояніе православной Церкви и переманиваютъ простодушныхъ и бѣдныхъ православныхъ туземцевъ въ свои общества. Задавленные двойнымъ и тройнымъ игомъ—и турками, и инославными миссіонерами, похожими на тѣхъ обличаемыхъ Спасителемъ фарисеевъ, которые обходятъ море и сушу, чтобы обратить единаго пришельца на его духовную гибель (Матѣ. XXIII, 15),—задавленные и бѣдностью и невѣжествомъ, забытые и безпомощные православные туземцы Палестины; эти потомки нѣкогда славнѣйшей Церкви, сами, безъ посторонней помощи, не могутъ избавиться отъ опасностей и тагутъ въ числѣхъ подъ напоромъ враговъ.

Стыдъ и позоръ христіанскому міру, что Іерусалимъ доселѣ „попираемъ языки!“ (Лук. XXI, 24). Стыдъ и позоръ будетъ православнымъ народамъ, если православіе будетъ поглощено въ Святой Землѣ отпавшими отъ истиннаго христіанства

и отъ единой святой Церкви православной инославными обществами, враждебными православію не меньше турокъ. Стыдъ и позоръ будетъ намъ, если по нашей небрежности и бездѣятельности отъ древней, святѣйшей и православной Церкви Іерусалимской останется одно воспоминаніе. А между тѣмъ, горько сказать и признаться, за послѣднія 50 лѣтъ число православныхъ туземцевъ въ Палестинѣ уменьшилось почти вдвое! ¹⁾

Взоры христіанскаго Востока обращены къ Россіи, вѣковой защитницѣ православныхъ народностей. Не разъ проносился и отдавался въ сердцахъ могучій кличъ по землѣ русской: „Идемъ за страдающихъ православныхъ! идемъ за грековъ, болгаръ, сербовъ! идемъ за Гробъ Господень!“ Въ историческихъ восточныхъ войнахъ русско-турецкихъ, когда съ мусульманами не постыдились вступить въ союзъ противъ Россіи и противъ Креста Господня западные инославные народы, святая Русь шла на бой не ради злобной жестокости, не ради воинской славы или своекорыстія, а именно за Гробъ Господень, за православіе, ради торжества Креста Господня надъ полумѣсяцемъ.

И теперь, въ безкровной борьбѣ западнаго инославія противъ православія, Россія же явиться должна защитницею его въ Св. Землѣ. Это дѣло русское, православное и взяло на себя Палестинское Общество. Оно устраиваетъ церкви и приходы для православныхъ туземцевъ, содержитъ ихъ духовенство, даетъ ему образованіе; оно открываетъ школы, и еще недавно мы были порадованы ободряющимъ извѣстіемъ, что турецкое правительство признало и утвердило, наконецъ, законность 85 русскихъ школъ въ Палестинѣ и Сиріи. То, что судилъ Господь Россіи и Грузіи—защиту православія на Востокѣ,—это дѣло, этотъ подвигъ и совершаетъ Палестинское Общество: его дѣло—общецерковное, общеправославное, всенародное, всероссійское дѣло. Можно сказать, что оно, подобно древнему паломнику игумену Данилу, зажгло и поддерживаетъ въ Палестинѣ и у Гроба Господня неугасаемую лампаду за великое царство русское... Помочь ему,—значитъ показать любовь ко Христу,

¹⁾ Въ 40-хъ гг. числилось ихъ 40.000, теперь же всего 28.000 человѣкъ.

любовь къ православной Церкви,—значить показать любовь къ Россіи и понимать ея задачу на православномъ Востокѣ и ея міровое призваніе. Сейчасъ начнется сборъ въ пользу этого Общества.

Рука просящаго, братіе, къ вамъ протянута: да не оскудѣетъ рука дающаго! Аминь.

Праздникъ свѣта и радости.*

Да, это воистину праздникъ свѣта и радости, праздникъ праздниковъ и торжество изъ торжествъ. Отчего же такое значеніе придано этому дню? Отчего слово церковнаго краснорѣчія въ пѣснопѣніяхъ богослужебныхъ, достигая высшаго и, можно сказать, единственнаго воодушевленія и вдохновенія, все-таки какъ бы истощается и чувствуетъ себя бессильнымъ выразить все величіе радости? Отчего служба этого дня такъ торжественна и вмѣстѣ проста, такъ радостна, что нѣтъ ни одинаго человѣка въ мірѣ, вѣрующаго или невѣрующаго, чтобы онъ, увидавъ ее, не тронулся сердцемъ? Отчего нынѣ вся исполнилася свѣта: небо же и земля и преисподняя? Отчего именно народности православно-восточныя, повинуюсь какому-то бессознательному влеченію, общимъ голосомъ нарекли этотъ день торжествомъ изъ торжествъ, въ то время какъ на христіанскомъ Западѣ предпочтеніе отдается празднику Рождества Христова?

Чтобы понять все величіе нынѣшняго всемірнаго торжества, приведемъ одну историческую, весьма вразумительную параллель. Никто не станетъ отрицать, что жизнь христіанской Европы отмѣчена въ исторіи печатью особенной энергіи, бодрости и силы и оставила въ вѣкахъ минувшихъ рядъ величайшихъ побѣдъ человѣческаго генія, касающихся рѣшительно всѣхъ областей жизни. Безпристрастный изслѣдователь, не

* Пасхальная статья.

отрицающій значенія религіи въ жизни людей вообще, не можетъ поэтому отрицать значенія и христіанства въ опредѣленіи и направленіи жизни христіанской Европы. Ученіе христіанской религіи такъ глубоко проникаетъ собою во всѣ формы этой жизни, что европеецъ, даже отказавшійся теоретически отъ христіанства, тѣмъ не менѣе мыслить, жить, дѣйствуетъ въ семьѣ, въ обществѣ и государствѣ, какъ христіанинъ; въ этомъ случаѣ, по мѣткому выраженію Джона Стюарта Милля, случается то же, что мы видимъ вечеромъ, по заходѣ солнца: оно зашло, но свѣтитъ отраженнымъ свѣтомъ... Что же въ содержаніи христіанства имѣло такое огромное вліяніе на жизнь его послѣдователей? Въ наше время нерѣдко встрѣтить мнѣніе, что здѣсь все зависѣло отъ моральнаго ученія Христа, которое и положило такой неизгладимый отпечатокъ на жизнь народовъ: разумѣемъ чудныя предписанія любви, смиренія, милосердія и справедливости, заповѣди братства, духовнаго равенства людей и ихъ духовной свободы. Нерѣдко встрѣтить мнѣніе, что это и есть не только главное, но исключительно дѣиное въ христіанствѣ, все же прочее въ немъ будто бы не существенно и не важно. И вотъ фактъ Воскресенія Христова разрушаетъ это одностороннее объясненіе.

Есть далеко отъ насъ страна,—страна чудная, богатая естественными дарами, драгоценная жемчужина міра; съ незапамятныхъ временъ исторіи она густо населена народами—способными, духовно-одаренными и въ свое время имѣвшими огромное значеніе въ міровой жизни. Гораздо раньше Иисуса Христа въ средѣ этихъ народностей, въ этомъ чудномъ краѣ, которому сказочная роскошь природы судила только долгіе вѣка расцвѣта, оживленія и кипучей жизни, явился учитель, проповѣдывавшій,—по признанію современныхъ ученыхъ,—высокое нравственное ученіе. Его слова такъ были непохожи на воззрѣнія самыхъ образованныхъ народовъ древности, что могли казаться какъ бы чудною бѣлою лиліей, выросшею на грязномъ болотѣ. Въ вѣкъ жестокостей, насилій и несправедливости, въ вѣкъ господства одной грубой физической силы онъ проповѣдывалъ покорность, милосердіе, смиреніе; онъ предписывалъ любовь, терпѣніе и прощеніе обидѣ. Глубоко

онъ проникся скорбью міра... Будучи богатымъ, добровольно онъ сдѣлался бѣднякомъ; будучи правителемъ, захотѣлъ онъ обратиться въ невольника, чтобы спасти своихъ братьевъ. Это былъ Будда, основатель религіи, носящей его имя.

И, однако, что произвело его ученіе вездѣ, гдѣ только оно было принято?

Потерю энергіи, утрату надежды, какое-то неистребимое желаніе уничтоженія, медленное самоубійство и самое страшное рабство, которое когда-либо тяготѣло надъ человѣчествомъ. Точно дыханіе смерти пронеслось надъ всею странюю и обратило ее въ огромное духовное кладбище; подъ вліяніемъ ученія Будды, какъ это ни странно, остановилась и замерла жизнь сотенъ милліоновъ людей, обитавшихъ въ прекрасномъ краѣ, который могъ обѣщать безграничный расцвѣтъ силъ и способностей богато одаренному племени. Гдѣ причина такого удивительнаго явленія? Отчего такая страшная роковая печать мертвенности?

Оттого, что ученію этому недоставало истинно-религіозной основы и высшаго Божественнаго авторитета; оттого, что мораль его не основывалась ни на какой догмѣ; оттого, наконецъ, что ему недоставало слова, объясняющаго зло, недоставало и слова побѣды надъ зломъ. А послѣднее зло—есть смерть; если не побѣждена смерть, если она царствуетъ во всей силѣ, если она есть единственный и неумолимый владыка жизни,—то не остается уже мѣста ни бодрости, ни радости. Къ чему энергія? Зачѣмъ трудъ? Зачѣмъ борьба? Впереди смерть, конецъ всего, потеря сознанія навѣки... Самый міръ и земная жизнь есть миражъ и обманъ, нелѣпое и лживое сновидѣніе... Такъ было въ буддизмѣ: его окончательнымъ словомъ было уничтоженіе въ смерти, а не жизнь въ воскресеніи.

Недоставало, значитъ, всей высокой моральной системѣ одного слова: *воскресеніе*.

Приведемъ замѣчательный и характерный разговоръ, который мы находимъ въ одномъ изъ литературныхъ памятниковъ буддизма.

Молодой человѣкъ по имени Пурна, горячій неофитъ буддизма, рѣшается идти проповѣдывать новую вѣру дикимъ на-

родамъ. Отправляясь въ путь, онъ ведетъ такую бесѣду со своимъ учителемъ въ вѣрѣ:

— Жители Хронопаранта, въ которомъ ты идешь,—говоритъ учитель,—вспыльчивы, жестоки, бѣшены и наглы. Что, если эти люди, о, Пурна, встрѣтятъ тебя злыми, грубыми и наглыми словами? Что, если они придутъ въ ярость и оскорбятъ тебя?

— Если жители Хронопаранта,—отвѣчаетъ Пурна,—обратятся ко мнѣ съ такими словами, придутъ въ ярость противъ меня и оскорбятъ меня, то я подумаю: значить, эти люди добры и кротки, когда они не поднимаютъ на меня руку и не бросаютъ въ меня камнями.

— Но если жители Хронопаранта поднимутъ на тебя руки и возмутся за каменья, тогда что подумаешь ты о нихъ?

— Я подумаю: значить, они добры и кротки, когда они не трогаютъ меня ни жезломъ, ни мечемъ.

— Но если... тогда что подумаешь о нихъ?

— И тогда подумаю, что они добры и кротки, потому что не лишаютъ меня совершенно жизни.

— Но еслибы твоя жизнь была въ полной опасности отъ нихъ, что тогда подумалъ бы ты?

— Я подумалъ бы: все-таки эти люди добры и кротки, освобождая меня съ такою легкою скорбію отъ этого тѣла, исполненнаго нечистоты.

— Хорошо, Пурна; ты благочестивъ; съ такимъ совершеннымъ терпѣніемъ ты можешь идти въ страну Хронопаранта. Иди, Пурна; освобожденный, освобождай; достигшій другого берега, помогай достигнуть его другимъ; утѣшенный, утѣшай; достигшій нирваны, веди къ ней и другихъ ¹⁾.

Неправда ли, нельзя отказать молодому миссіонеру и въ любви къ людямъ, и въ терпѣніи, и въ самоотверженіи? Но что же онъ несетъ своимъ слушателямъ? Только одно убѣжденіе, что жизнь есть бремя, а смерть и нирвана, небытіе и потеря сознанія есть счастье; что небытіе—выше бытія. И

¹⁾ Этотъ разговоръ можно читать вполнѣ въ „Введеніи къ исторіи индійскаго буддизма“ Вюрнфа, стр. 262 и слѣд. См. Навиль: „Христосъ“.

мысль буддизма была по-своему и права, и послѣдовательна, потому что впереди жизни стоитъ смерть, тайну которой могъ изъяснить только Богъ воплощенный, и Онъ только одинъ могъ указать, что за смертью будетъ жизнь. Эта жизнь и указана въ христіанствѣ и основывается она на воскресеніи Христа.

Воскресеніе Христа есть *фактъ*; безъ него все христіанство падаетъ и какъ религія, и какъ мораль. Ибо если бы Христосъ не воскресъ, если бы Каиафа былъ правымъ, и Иродъ и Пилать мудрыми, то міръ оказался бы бессмыслицею, царствомъ зла, обмана и смерти ¹⁾. Дѣло шло не о прекращеніи чьей-то жизни, а о томъ, прекратится ли *истинная жизнь* въ ея полномъ воплощеніи, жизнь Совершеннаго Праведника. Если бы *такая* жизнь не могла одолѣть врага, то какая же оставалась надежда въ будущемъ? Если бы Христосъ не воскресъ, то кто бы могъ воскреснуть?

Но Онъ воскресъ—и разрушена страшная тайна смерти; мало того, по выразительному слову апостола, „послѣдній врагъ упраздненъ—смерть“. За смертью видна жизнь, видно небо, видно безконечное общеніе съ Богомъ: и добро оказалось побѣдоноснымъ, и уныніе удалено изъ сердецъ вѣрующихъ навѣки, и жизнь человѣка стала полна смысла. Все ясно; зло не побѣдитъ и не побѣдило добра: можно жить, можно трудиться, можно и должно слѣдовать за Тѣмъ, Кто побѣдилъ зло—смерть, Кто сущимъ во гробѣхъ животъ даровалъ. И можно другимъ проповѣдывать Его ученіе, потому что это значитъ—*давать имъ жизнь*, а не смерть, какъ въ буддизмѣ. Оттого бодрить, живить, поднимаетъ духъ этотъ праздникъ праздниковъ; оттого столько бодрости въ христіанскихъ народахъ и столько духовной мощи въ ихъ жизни; оттого нынѣ вся исполнилася свѣта—небо же и земля и преисподняя. Но это потому, что Христосъ *воистину* воскресъ. Отнимите у христіанства *фактъ* Христова воскресенія, и вы отнимете у него все: мораль христіанская, какъ она ни высока, одна сама по себѣ останется и беспочвенною, и бесплодною, какъ въ буддизмѣ, и не спасетъ человѣчества отъ развѣдающаго песси-

¹⁾ В. Соловьевъ: „Пасхальныя письма“.

мизма. Сердцем позналъ это вѣрующій народъ, и поэтому такъ радостенъ онъ въ нынѣшній праздникъ. Да, это воистину торжество изъ торжествъ, праздникъ свѣта, радости и бодрости душевной, ибо Христосъ воскресъ, *воистину* воскресъ! Аминь.

Церковь.*

Уже недѣлю мы слышимъ радостный привѣтъ Церкви, торжествующей Воскресеніе Христова, и вмѣстѣ съ тѣмъ внимаемъ радостному отвѣтному возгласу вѣрующихъ сердецъ: воистину, воистину Христосъ воскресъ!

Да, братіе, воистину Христосъ воскресъ, и въ этой свѣтлой радости нашей, въ этой свѣтлой нашей вѣрѣ сегодня убѣждаетъ насъ самое невѣріе Ѳомы, одного изъ ближайшихъ учениковъ Господнихъ.

Я прошу васъ припомнить читанное сегодня за литургіей евангельское сказаніе въ связи съ предшествующими событію Воскресенія Христова обстоятельствами. Всего за три дня до Своего Воскресенія молилъ Сынъ Божій Отца Небеснаго объ апостолахъ и о тѣхъ, кто увѣруетъ по слову ихъ, т.-е. о Церкви Своей,—*да вси едино будутъ* (Іоанн. XVII, 20—21). Но въ первыя же минуты испытанія человѣческая слабость, страхъ и уныніе разсѣяли апостоловъ: по сказанію евангелія, когда враги схватили Господа и повели на судъ и смерть, ученики, оставивъ Его, всѣ бѣжали.... (Марк. XIV, 50.) И пока были они разъединены, они испытывали только чувства страха, робости и смущенія. Но вотъ воскресъ Господь. Приходитъ первую Марію Магдалина, прибѣгаютъ послѣшно жены-мученицы возвѣстить о семъ апостоламъ; приходятъ и апостолы: одинъ—изъ сада Іосифа, другіе—поочередно отъ гроба Христова, изъ

* Слово, сказанное въ Сіонскомъ кафедральномъ соборѣ по случаю хиротоніи новоназначенныхъ иерарховъ Грузинской епархіи—епископовъ Веніамина и Димитрія, 21-го апрѣля 1902 года, въ недѣлю о Ѳомѣ.

Эммауса приходитъ Петръ, приходитъ Іаковъ (1 Кор. XV, 7),— всѣ несутъ одну вѣсть о воскресеніи, всѣ объединяются, собираются вмѣстѣ: и апостолы, и жены-мученицы, и другіе вѣрующіе (Лук. XXIV, 33),—и чѣмъ болѣе они составляютъ изъ себя *едино*, тѣмъ болѣе сердца ихъ становятся доступными и вѣрѣ, и упованію, такъ что, когда путники эммаусскіе съ радостною поспѣшностью предстали предъ собраніемъ *апостоловъ и бывшихъ съ ними* (Лук. XXIV, 33) и возвѣстили, что видѣли Господа, они въ отвѣтъ услышали то самое слово, которое и доннѣ, потрясая сердца, оглашаетъ весь міръ христіанскій также въ отвѣтъ на привѣтъ пасхальный: *Воистину воскресе* Господь (ст. 34). Однако, еще не было полнаго мира и полной радости въ ихъ сердцахъ, потому что не было среди этого собранія вѣрующихъ Самого Главы ихъ, Главы этой малой первенствующей Церкви, которой Отецъ Небесный благоизволилъ дать царство (Лук. XII, 32). Еще въ страхъ, *страха ради Іудейска*, собрались они *дверемъ затвореннымъ* (Іоанн. XX, 19). И вотъ сушу поздѣ, къ нимъ прииде Іисусъ и ста посредь... Кто способенъ изъяснить, кто можетъ выразить словомъ, что почувствовали ученики, увидѣвъ Господа? Великіе дары принесъ Онъ имъ съ Собою: Онъ принесъ имъ *миръ* (ст. 19, 20), миръ глубокій и неотъемлемый принесъ мятущимся и сумнящимся душамъ; Онъ принесъ имъ радость неизглаголанную: возрадовашася же ученицы, видѣвши Господа (ст. 20); Онъ принесъ имъ обѣтованіе Духа Святаго и великія, величайшія, невиданныя на землѣ, единственныя полномочія и обязанности,—скажемъ дерзновенно,—полномочія выпія, чѣмъ ангельскія: *„Рече имъ Іисусъ паки: миръ вамъ: якоже посла Мя Отецъ, и Азъ посылаю вы. И сіе рекъ, дуну и глагола имъ: примите Духъ Святъ. Имъ же отпустите грѣхи, отпустятся имъ: и имъ же держите, держатся“* (Іоанн. XX, 21—23). Такъ обрадована была эта первая Церковь Христова въ день Воскресенія Господа.

Не раздѣлялъ съ нею мира и радости только одинъ ученикъ Тома, и не раздѣлялъ потому, что былъ въ разъединеніи съ обществомъ вѣрующихъ: *„не бѣ ты съ нами, егда прииде Іисусъ“* (ст. 24),—замѣчено въ евангеліи. Радостные проводили

апостолы первую недѣлю Пасхальную, и только Фома среди нихъ былъ въ скорби, уныніи и сомнѣніи, переживая тяжкіе томительные дни, еще болѣе тяжкіе и скорбные потому, что для другихъ, ему близкихъ, они были исполнены несказанной радости. Но это былъ Фома, тотъ самый, который нѣкогда выразилъ любовь ко Христу до готовности умереть за Него (Іоан. XI, 16). Это не былъ озлобленный невѣръ; онъ искалъ вѣры, онъ страдалъ безъ нея; его любовь ко Христу только пламенѣла желаніемъ удостовѣриться въ воскресеніи Возлюбленнаго. Прошла такъ недѣля; опять апостолы были все вмѣстѣ въ память Воскресенія ихъ Учителя, на этотъ разъ и Фома не отчуждилъ себя отъ ихъ собранія. И какъ только онъ вошелъ въ это единеніе вѣрующихъ—и онъ обрѣлъ ихъ миръ, приобщился къ ихъ радости. Опять явился Господь, опять преподать миръ Своей Церкви (Іоанн. XX, 26). Милосердый, Онъ снизошелъ къ сомнѣнію ученика, искавшаго не невѣрія, а вѣры, далъ ему осязать перстомъ и „любопытною десницею“ язвы гвоздинныя, увѣрилъ его въ Своемъ возстаніи изъ мертвыхъ. Радостнымъ возгласомъ: „Господь мой и Богъ мой!“—засвидѣтельствовалъ Фома свою вѣру, которую нашелъ онъ въ единеніи со всеми вѣрующими (ст. 28—29). Позднѣе и онъ съ другими апостолами получилъ повелѣніе итти въ міръ весь, учить, священнодѣйствовать и духовно управлять Церковью, вмѣстѣ съ другими получивъ и дары Св. Духа.

Апостольское чтеніе нынѣшняго дня (Дѣян. V, 12—20) изображаетъ намъ учениковъ Христовыхъ уже въ трудахъ ихъ великаго посланничества въ мірѣ: руками ихъ совершаются дивныя знаменія и чудеса, умножается съ каждымъ днемъ число вѣрующихъ, растетъ и ширится Церковь Христова, посрамляются ея враги. Но во главѣ чтенія указано опять обстоятельство, которое является исполненіемъ первосвященнической молитвы Главы Церкви (Іоанн. XVII, 21) и обуславливаетъ ея силу и расцвѣтаніе: *блгу единодушно вси* (Дѣян. V, 13). Такова сила единенія церковнаго.

Братіе возлюбленные! *Христосъ Іисусъ*, по слову апостола (Евр. XIII, 8),—*вчера и днесь той же и во вѣки*, и Церковь Христова пребываетъ во все роды вѣка (Еф. III, 21); она

устойть до самаго дня суднаго, до второго пришествія Господня. Не изсякнетъ въ ней никогда могучее чувство вѣры, не прекратится Божественная благодать спасенія, не прекратится и великое служеніе апостольства,—служеніе тѣхъ, кому говоритъ Христось: „Примите Духъ Святъ. Якоже посла Мя Отець, и Азъ посылаю вы“.

Сегодня на нашихъ глазахъ торжественно совершается это преподаваніе Духа Святаго одному изъ преемниковъ апостольскаго служенія въ нашей мѣстной церкви, на-дняхъ и еще повторится это рѣдкое тайнодѣйствіе. Что же, неужели одно праздное любопытство привлекло это множество народа на торжество рѣдкаго священнодѣйствія? Неужели только внѣшняя обстановка его занимаетъ нашу мысль и чувство? Неужели мы не унесемъ отсюда уроковъ важныхъ, размышленій глубокихъ?

Нѣтъ, возлюбленные! Здѣсь, въ этомъ видимомъ торжествѣ церковнаго священнодѣйствія, въ совершеніи тайны хиротоніи епископовъ мѣстной Церкви,—для насъ побужденіе вдуматься и сердцемъ проникнуть въ великій смыслъ существованія Церкви Божіей на землѣ и епископства, какъ величайшаго въ ней служенія,—служенія *примиренія* людей съ Богомъ (2 Кор. V, 18) и духовнаго водительства ихъ отъ земли къ небу, отъ Церкви земной къ Церкви небесной. При видѣ этого многочисленнаго сонма іерарховъ Церкви, при этомъ ихъ величавомъ и благолѣпномъ священнослуженіи, самъ собою напрашивается вопросъ о значеніи Церкви въ прошломъ человечества, и въ его настоящемъ, и будущемъ.

Припомните, о чемъ мы только-что говорили: о единодушій апостоловъ въ ихъ вѣрѣ, въ ихъ дѣятельности. И вотъ, отъ первыхъ дней Церкви, представьте себѣ, что въ одну мысль, въ одинъ голосъ, въ одни уста, въ одну душу, въ одно существо, въ одно исповѣданіе на пространствѣ 19-ти минувшихъ вѣковъ христіанскихъ сливались и сливаются въ Церкви миллионы мыслящихъ существъ отъ всѣхъ странъ, отъ всѣхъ временъ, отъ всѣхъ народовъ міра, отъ всѣхъ возрастовъ, званій, половъ и состояній вѣрующихъ. О, какое это еλικое, могучее, несокрушимое единство! Представьте себѣ, далѣе, что выше этого сліянія во Христѣ, въ Его Церкви, вѣ-

рующіе не знаютъ и не хотятъ никакого другого счастья ни на землѣ, ни на небѣ, и скорѣе согласны вынести, какъ и дѣйствительно выносили цѣлые миллионы изъ нихъ, всякаго рода пытки, истязанія и мучительныя, позорныя казни и смерть, чѣмъ измѣнить этому религиозно-нравственному союзу, называемому Церковью, этому великому и вѣчному соединенію всѣхъ и всего въ религиозное единство вѣры, любви, упованія и жизни. О, какой прекрасный союзъ!

И было время, когда, дѣйствительно, все, что было лучшаго среди людей, служило такъ или иначе Церкви. Ея поэты посвящали свои вдохновенія и сложили и оставили навѣки въ ней свои чудныя и дивныя молитвословія; ея мыслители отдавали богатыя силы своего ума и оставили сокровища христіанской письменности, изъяснившей и исчерпавшей ученіе Церкви со всѣхъ сторонъ и до возможной глубины; ей служили литература, искусство, архитектура, художество, музыка, пѣніе, облачившія Церковь чудными произведеніями учительнаго слова, прекрасными, горѣ возносящими духъ, храмами, художественными изображеніями, сладостью и красотою пѣснопѣній, неподражаемою и дивною ризою священныхъ обрядовъ церковнаго богослуженія. Ея, наконецъ, отдавались мощныя силы воли, и въ подвигахъ святости, въ дѣятельномъ служеніи добру, въ устроеніи и управленіи Церковью извѣстные и безвѣстные труженики угождали Христу и были истинными благодѣтелями человѣчества.

Пока было это „любодружное и благое единство, спѣшное во изящныхъ“, Церковь дѣйствовала въ мірѣ съ изумительно-побѣдоносною силою: цѣлыя страны, цѣлые народы и царства во всѣхъ концахъ міра присоединились ко Христу,—среди нихъ и благословенная Грузія; каждое новое христіанское столѣтіе расширяло предѣлы Церкви настолько, что, казалось, близится время, когда евангеліе будетъ проповѣдано всѣмъ языкамъ. За это время сколько свѣта внесла Церковь въ жизнь людей! Сколько дарованій вызвала къ жизни! Сколько разбитыхъ сердець и унылыхъ душъ возвратила она къ миру и радости; сколькимъ бездомнымъ духовнымъ скитальцамъ указала смыслъ и назначеніе жизни и направила ихъ къ плодо-

творной дѣятельности во славу Бога, во благо ближнихъ; сколькихъ людей соединила она съ Богомъ и Христомъ Его вѣчными и неразрывными узами! Процвѣла прежняя пустыня язычества, яко кринь—прекрасный цвѣтокъ, утучнѣла богатыми плодами. Ни одинъ самый заклятый врагъ Церкви не дерзнетъ отрицать этого ея великаго дѣйствія въ мѣрѣ.

Сила Церкви ослабѣла при первомъ въ ней раздѣленіи, при первомъ отъ нея *отдѣленіи*. Лукавый умъ, злая воля человѣка, земные расчеты, самолюбіе и страсти толкали многихъ въ ереси и отступничества; отпадали отъ единенія церковнаго отдѣльныя партіи, племена, государства,—въ Арменіи Египтѣ, Сиріи, Месопотаміи, отпалъ цѣлый западъ Европы,—и прежде побѣдоносная Церковь, попущеніемъ Божиимъ, ослабѣла; двѣ трети человѣчества, къ стыду христіанъ, доселѣ коснѣеть внѣ Христа и Его Искупленія; пята лженорока, несмотря на внутреннюю очевидную несостоятельность его ученія, доселѣ занесена надъ православнымъ Востокомъ...

Всякое зло, по Божественному закону возмездія, въ себѣ самомъ носить сѣмена разрушенія и идетъ къ саморазложенію и гибели. Испытай это на себѣ и раздѣлившійся мѣръ христіанскій. Какъ въ Ветхомъ Завѣтѣ человѣкъ, гордынею отпадшій отъ союза съ Богомъ, горькимъ опытомъ въ теченіе 5.000 лѣтъ долженъ былъ убѣдиться, какъ тяжело быть безъ Бога, и, уразумѣвъ это, возжелалъ Его, наконецъ, въ смиреніи и молитвѣ,—такъ, повидимому, и въ новозавѣтномъ христіанскомъ мѣрѣ нуженъ горькій опытъ, который убѣдилъ бы вѣрующихъ, какъ безусловно нужно единство церковное, о которомъ въ тягчайшій часъ жизни, въ виду Геесиманіи и Голгофы, умолялъ Отца Небеснаго Единородный Сынъ Божій.

Измѣнилось ли нынѣ положеніе вещей? Не ослабѣло ли даже самое религіозное чувство въ людяхъ, не грозитъ ли опасность его полнаго вырожденія?

Нѣтъ, оно во-вѣки живо и несокруσιμο; оно нестѣлимо отъ человѣческой природы, которая въ духовной первоосновѣ своей останется всегда одна и та же: человѣкъ всегда будетъ существомъ, способнымъ и стремящимся къ религіи и нравственности. Но нужно помнить, что религіозное чувство глох-

нетъ и извращается въ-одиночку. Какъ здоровая и правильная жизнь общественная возможна только въ государствѣ, а внѣ его—одно бродяжничество и дикость, такъ здоровая и правильная религіозная жизнь возможна только въ Церкви, а внѣ ея—извращеніе религіи, шатаніе въ сектахъ, пока не наступитъ религіозное вырожденіе и одичаніе... Церковь—это символъ единенія вѣрующихъ и самое это единеніе; Церковь—это воплощенная совѣсть народовъ; Церковь—это сосудъ любви Бога къ людямъ и людей къ Богу. Церкви поэтому вѣрена охрана всего возвышеннаго, чистаго и истиннаго въ религіозныхъ исканіяхъ и стремленіяхъ человѣка. Во всѣхъ смыслахъ она есть *столпъ и утвержденіе истины* (1 Тим. III, 15). Служить Церкви и быть въ единеніи съ нею—это значить служить Богу, свѣту, добру и счастью человѣчества, это значить способствовать расцвѣту духовной жизни, осуществленію Царства Божія и Божественнаго плана міроуправленія. Отступитъ отъ Церкви,—какъ бы ни были благовидны причины и поводы отступленія,—это значить служить не добру, а злу, не свѣту, а тьмѣ, не Христу, а діаволу; это значить враждовать на Бога, это значить препятствовать осуществленію на землѣ воли Божіей и спасенію людей.

Многимъ думается, однако, что усложнившаяся жизнь переживаемаго нами времени выдвинула такіе вопросы, указала такія нужды..., съ которыми Церкви не справиться...

Но если Церкви не справиться съ ея Богоучрежденнымъ строемъ, съ ея благодатными сверхъестественными силами, съ ея опытомъ двухъ тысячелѣтій,—то кому же подъ силу справиться? *Вся могу о укрѣпляющемъ мя Исусѣ*,—можетъ сказать она словами апостола (Фил, IV, 13), и въ вѣкахъ минувшихъ, въ томъ глубокомъ и всесторонне-полномъ переворотѣ, который она нѣкогда внесла въ древній языческой міръ, въ томъ исцѣленіи язвъ общественныхъ, которымъ сопровождались первые вѣка жизни Церкви, она имѣетъ подтвержденіе и вѣчное свидѣтельство своей Богодарованной силы. Но благодать не дается насильно и внѣшне; какъ лѣкарство не помогаетъ мертвому, а живому, хотя и больному, такъ и Божія сила идетъ навстрѣчу живымъ стремленіямъ людей, хотя и бессильныхъ въ отдѣле-

ни отъ Божества. И наше единство въ Церкви, наша жизнь въ ней, наше ей довѣріе скажутся величайшими благодатными плодами. Сколько язвъ въ современной нашей жизни! Этотъ разливъ зла, паденіе семьи, множество преступленій, часто безмысленныхъ по жестокости, эти бунты, жаждущіе крови, эти безмысленныя противогосударственныя ученія, убійства общественныхъ и государственныхъ дѣятелей и прочая и прочая,—все говоритъ, что радость и миръ оставили современное человѣчество. Но каковы бы ни были наши язвы,—будетъ ли это капитализмъ, возникшій въ новомъ мірѣ на мѣсто издохшаго рабства, будетъ ли анархія въ государствахъ и одичаніе нравовъ въ людяхъ, жестокости, войны и мятежи,—ведѣ и всюду только Церковь явится благодѣтельною и исцѣляющею силою. При условіи полнаго единенія вѣрующихъ она побѣдитъ всѣ препятствія; она, подобно Своей Главѣ—Христу, пройдетъ *дверемъ затвореннымъ*; пройдетъ затворенныя двери невѣрія и сомнѣнія, какъ Христосъ у Фомы; пройдетъ затворенныя двери гоненія и ожесточенія, какъ Господь у Савла; пройдетъ затворенныя двери всѣхъ нестроеній, какъ и пробила ихъ въ древнемъ языческомъ мірѣ. Да и всѣ язвы современной жизни—онѣ и явились именно потому, что передовые классы общества въ нашъ вѣкъ въ дѣлѣ устроенія жизни народовъ стали сторониться отъ Церкви, а иногда и прямо враждовать съ нею, захотѣли обойтись безъ нравственной помощи религіи и своими силами возмечтали устроить человѣческое счастье. И се—оправдися премудрость въ чадѣхъ ея! (Матѣ. XI, 19; Лук. VII, 35).

Мы же, служители Церкви, не престанемъ проповѣдывать,—и за насъ голосъ вѣковъ позади, и, вѣримъ, за насъ же и голосъ вѣковъ грядущихъ; не престанемъ проповѣдывать, что умственное образованіе, которымъ кичится наше время и на которое возлагаетъ всѣ упованія, безъ религіи и нравственности есть острый ножъ въ рукахъ сумасшедшаго; что благотворительность безъ христіанства и религіи есть бессмыслица; что нравственность внѣ религіи есть обманъ, пустослово; что жизнь общественная и государственная, исключаящая руководство религіи и не поставляющая себѣ религіозное нравственныхъ цѣлей, есть путь къ гибели; что братств

людей, свобода и духовное равенство ихъ возможны только въ Церкви; что миръ міра можетъ быть только на религіозно-нравственной основѣ; что обновленіе нашей общественности,—мечта современности,—и исцѣленіе язвъ, разъѣдающихъ нашу жизнь, принесетъ попрежнему только Церковь—и она одна, и что надъ всѣми союзами, надъ всѣми обществами, превыше ихъ, не по силѣ внѣшняго властительства, а по силѣ и высотѣ и цѣнности нравственной, стоитъ и будетъ стоять Церковь Христова, какъ единый союзъ всѣхъ вѣрующихъ съ великимъ Кормчимъ—Христомъ во главѣ.

О, вѣрьте, братіе, въ Церковь Божию! Храните нерушимо благодатный союзъ съ нею паче зѣницы ока! Съ дѣтской до-вѣрчивостію прикиньте любовно къ ея материнскому лону! Тверже держитесь за ея спасительную руку! Отдайтесь безза-вѣтно ея водительству! О, не за Церковь страшимся мы, когда горячо призываемъ васъ къ полному единенію съ нею! Церковь—неодолима вратами ада; устоитъ она до окончанія вѣковъ и не останется безъ сыновъ и дочерей. Свято мѣсто пу-сто не будетъ, и Господь наполнитъ Свою Божественную ве-черю. Но за нашъ народъ, за нашу родину, за себя самихъ страшимся мы: мы погибнемъ временно и вѣчно, на землѣ и на небѣ, погибнемъ безъ Церкви.

Къ ней прильнемъ, ища спасенія!

Взирая на этотъ величественный сонмъ епископовъ, кото-рый еще восполнится на нашихъ глазахъ двумя носителями высшей благодати; слушая эти трогательныя исповѣданія вѣры вселенской новопосвященными епископами, эти клятвы и обѣты ихъ пребывать вѣрными ученію Церкви,—станемъ послушно подъ знамя церковное, пребудемъ съ нею въ единеніи до по-слѣдняго вздоха жизни, не отступимъ отъ Богоданныхъ ду-ховныхъ вождей въ дѣлѣ нашего спасенія, отъ архипастырей Церкви, окружимъ ихъ любовью и послушаніемъ, да съ радо-стью творятъ дѣло свое, а не воздыхающе, нѣсть бо полезно намъ сіе.

Въ Церкви—наше спасеніе; въ Церкви—миръ, радость, счастье и жизнь; безъ нея не стоитъ работать, не къ чему стремиться, безъ нея — скажемъ дерзновенно — не стоитъ и

жить, ибо бессмысленно жить. Итакъ, будемъ въ послушаніи Церкви.

Пусть послужить намъ въ этомъ руководствомъ прекрасное слово древняго библейскаго мудреца: „Подставь послушанію плечо твое и, нося его, не тяготись узами его. Пути его будутъ тебѣ крѣпкою защитою, и цѣпи его славнымъ одѣяніемъ“ (Сир. VI, 30—31). Будемъ постоянно добрыми овцами Иисуса Христа и не останемся глухи къ голосу добраго Пастыря, Который даетъ глаголь Своей Церкви.

Кому Церковь не мать, тому Богъ не Отецъ! Аминь.

Поэтъ-христіанинъ.*

ПАМЯТИ В. А. ЖУКОВСКАГО.

Нынѣшній, ежегодно совершаемый общій праздникъ церковно-приходскихъ школъ, посвященный памяти первоучителей славянскихъ свв. братьевъ Кирилла и Меѳодія, по распоряженію высшаго учебнаго начальства, соединяется съ торжественнымъ воспоминаніемъ пятидесятилѣтія со дня смерти одного изъ великихъ поэтовъ русскихъ Василія Андреевича Жуковскаго.

Есть ли связь между этими воспоминаніями? Есть ли родство между святыми славянскими учителями и позднѣйшимъ поэтомъ-писателемъ, отстоящимъ отъ нихъ по времени своей дѣятельности на цѣлое тысячелѣтіе?

Духовныя сокровища вѣчны и неглѣбны; оттого въ духовномъ преемствѣ и наслѣдствѣ часто ничего не значать вѣка и тысячелѣтія. Вѣчное не старѣеть. А свв. братья Кириллъ и Меѳодій, обладая сами высокимъ по своему времени мірскимъ образованіемъ, соединеннымъ съ великими дарованіями духа,

* Сказано на актѣ церковно-приходскихъ школъ въ Тифлисѣ 11 мая 1902 г.

принесли, однако, славянскому племени не это образованіе, измѣнчивое и не всегда вѣрное, а вѣчныя сокровища вѣры и евангелія Господа Иисуса Христа. Сѣмена, ими посѣянные въ далекой Моравіи, перешли въ другія славянскія страны, привились и пышный ростъ дали въ благословенной Россіи. Черезъ тысячелѣтіе послѣ смерти свв. братьевъ является въ Россіи поэтъ, чествуемый сегодня. Вѣренъ ли онъ остался этому духовному сокровищу?

Да, В. А. Жуковскій былъ воистину поэтъ-христіанинъ и человѣкъ-христіанинъ. И правдою слова, и правдою жизни онъ показалъ, что служилъ для родины на томъ самомъ пути, который нѣкогда указанъ равноапостольными творцами нашего русскаго письменнаго слова. Его поэзія—чиста и безупречна; въ ней нѣтъ ничего грубаго, ничего нечистаго. Недаромъ во времена увлеченій нехристіанскими началами жизни, среди людей грубыхъ, непризнающихъ ничего, кромѣ плоти и ея потребностей, Жуковскій и его поэзія подвергались и подвергаются осмѣянію: это лучшая похвала для поэта. Вѣрно: въ сочиненіяхъ Жуковскаго безбожникъ и нечестивецъ не найдутъ для себя ничего пріятнаго, подтверждающаго ихъ желанія и убѣжденія. Зато души набожныя, сердца чистыя зачитываются стихотвореніями этого поэта; любятъ его существа, отрѣпленные отъ злободневныхъ интересовъ, способныя въ невинномъ сердцѣ ощутить вѣяніе всего возвышеннаго,—разумѣемъ дѣтей, и не напрасно въ дѣтскихъ книгахъ и хрестоматіяхъ стихотворенія Жуковскаго всегда занимаютъ видное мѣсто.

Родство духовное съ первоучителями славянскими сказалось у Жуковскаго и въ томъ, что онъ много потрудился надъ переводомъ на русскій языкъ всего новозавѣтнаго Священнаго Писанія; здѣсь сказалось какъ бы прямое продолженіе просвѣтительныхъ трудовъ свв. Кирилла и Меѳодія. Онъ служилъ слову русскому, какъ служили слову славянскому свв. наши первоучители; подобно имъ, поэтъ нашъ старался обогатить родную письменность святыми образами, чистыми мыслями, возвышенными чувствами; подобно имъ, письменнымъ словомъ своимъ поэтъ звалъ людей къ Богу. Рѣдко можно встрѣтить среди писателей всего міра такой возвышенный

взглядъ на поэзію, какой мы видимъ у В. А. Жуковскаго. По его словамъ:

«Поэзія—небесной
Религія сестра земная; свѣтлый
Маякъ, самымъ Спасителемъ зажженный,
Чтобъ мы среди житейскихъ бурь не сблнсь
Съ пути...
Поэзія есть Богъ въ святыхъ мечтахъ земли».

Чѣмъ долженъ быть поэтъ, по воззрѣніемъ В. А. Жуковскаго?

«Крыломъ могучимъ,
Подъемающимъ родныя (ему) сердца
На высоту, зарей, побѣду дня
Предвозвѣщающей, великихъ думъ
Воспламенителемъ, глаголомъ правды,
Лѣкарствомъ душъ, безвѣріемъ крушимыхъ,
И сторожемъ негнѣнной той завѣсы,
Которою предъ нами горній міръ
Задержутъ, чтобъ порой для смертныхъ глазъ
Ее приподнимать и святость жизни
Являть во всей ея красѣ небесной—
Вотъ долгъ поэта, вотъ мое призванье!»

Эти слова отдаленнаго ученика достойны его святыхъ учителей—Кирилла и Меѳодія.

Вѣра въ Бога, смиренная и радостная покорность Его Промыслу, ожиданіе радостей и утѣхъ загробной жизни, любовь къ „родинѣ святой“, любовь къ людямъ,—вотъ что занимало поэзію Жуковскаго. По справедливости, можно сказать, это же наполняло и всю его жизнь.

Глубокая религиозная настроенность поэта съ особенною силою сказалась въ послѣдніе дни его жизни. Окруженный семьею, съ глубокою вѣрою причастился онъ св. таинъ и вдохновленный вѣрою, весь просіявшій, сказать своимъ дѣтямъ чудныя слова, вылившіяся изъ вѣрующей души:

„Дѣти мои, дѣти! Вотъ Богъ былъ съ вами! Онъ Самъ пришелъ къ вамъ! Онъ въ насъ теперь! Радуйтесь, мои милыя!“

Прошло нѣсколько часовъ; Василій Андреевичъ почувствовалъ приближеніе смерти. Онъ подозвалъ къ себѣ маленькую

дочь и сказалъ ей: „Пойди, скажи матери, что я нахожусь въ ковчегѣ и посылаю ей перваго голубя: это моя вѣра; другой голубь мой—это терпѣніе“.

Такъ предъ самою смертію поэтъ призывалъ всѣхъ къ вѣрѣ, радости и терпѣнію,—къ этимъ возвышеннымъ христіанскимъ чувствамъ.

Къ тому же призываетъ онъ и читателей своими произведеніями.

Не такъ давно укоренился и прочно привился на Руси добрый обычай—помянуть писателей словомъ молитвы всенародной. Но В. А. Жуковскаго воспоминаетъ русское общество уже второй разъ. Да будетъ это добрымъ знакомъ. Въ наше смутное и тяжелое время, въ дни господства грубости, паденія любви къ родинѣ земной и родинѣ небесной, забвенія возвышенныхъ стремленій души человѣческой къ небу и вѣчности,—поэзія Жуковскаго, чистая, возвышенная и христіанская, должна быть особенно дорога нашему сердцу.

Тѣмъ болѣе она говоритъ душѣ нашей въ такомъ знаменательномъ совпаденіи именъ и воспоминаній, которое мы видимъ сегодня въ настоящемъ нашемъ собраніи; дѣтямъ-школьникамъ, этой духовной нивѣ, этимъ носителямъ надеждъ будущаго, дорогому достоянію родины, да будутъ близкими и родными завѣты свв. первоучителей славянства и христіанскихъ постовъ: завѣты вѣры, любви и смиренія, радости и любовной покорности волѣ Промысла ¹⁾).

«Какъ звѣзды въ синевѣ далекой,
Какъ солнце ясное во дни,—
Изъ тьмы вѣковъ сѣдой, глубокой,
Святые братья въ наши дни
Нетлѣнной славой сіяютъ.»

Хвала апостоламъ славянства
И нашей грамоты творцамъ!
Въ красѣ духовнаго убранства,
Они по всѣмъ земли концамъ
Языкъ нашъ чудный прославляютъ.

¹⁾ Приводимъ стихотвореніе-гимнъ, который пѣли дѣти въ этотъ день.

Слава вамъ, Мессодій и Кирилль,
 Слава вамъ изъ рода въ родъ!
 То, что Богъ черезъ васъ совершалъ,
 Не забудеть нашъ народъ.

Слава! Слава!

И въ Грузіи единовѣрной
 Сыны единого Царя,
 Любовью къ намъ нелицемѣрной,
 Святою, братскою, горя,

Хвалу вамъ, братья, возсылають.

Мы, ваши дѣти, съ дѣтьми Няны,
 Единой родины сыны,
 Въ единствѣ вѣры исполнены,
 Въ единствѣ вѣры лишь сильны.

Такъ пусть же здѣсь вамъ возглашаютъ

Хвалы въ одномъ согласномъ хорѣ
 Дѣтей Кавказскихъ голоса
 И съ ними, въ ширинѣ и просторѣ
 Святой Руси—ся краса—

Всѣ дѣти пѣснь свою сливаютъ.

Слава вамъ, Мессодій и Кирилль,
 Слава вамъ изъ рода въ родъ!
 То, что Богъ черезъ васъ совершилъ,
 Не забудеть нашъ народъ!

Слава, слава!!

Царская милость духовенству.*

По благословенію владыки, нашего архипастыря, сейчасъ будетъ отслужено благодарственное Господу молебствіе по случаю радостнаго извѣстія для пастырей и паствы Русской Цер-

* Рѣчь предъ совершеніемъ благодарственнаго Господу Богу молебствія по случаю объявленія Высочайшаго повелѣнія о дарованіи пенсій православному духовенству Россійской Имперіи. Сказана въ гор. Душетѣ, въ городской церкви, 7 іюля 1902 г., при священнослуженіи высокопреосвященнѣйшаго Алексія, епарха Грузіи, обоаръваващаго церкви Душетскаго уѣзда. Архипастырю сослужили 16 священниковъ изъ горскихъ приходовъ Душетскаго уѣзда.

кви,—разумѣемъ высокую милость Государя Императора—дарованіе правъ пенсій за службу всему православному духовенству Россійской Имперіи, а слѣдовательно, и нераздѣльной съ нею Грузіи. Святѣйшій Правительствующій Синодъ, извѣстясь объ этомъ радостномъ событіи, повелѣлъ во всѣхъ церквахъ Имперіи въ первый воскресный день по полученіи Высочайшаго указа о пенсіяхъ духовенству вознести благодарственное къ Богу моленіе о здравіи и долгоденствіи милосердаго Государя.

Мы сказали, что событіе это радостно и для пастырей и для пасомыхъ Всероссійской Церкви. Радостно оно прежде всего для пастырей: слава Богу, за трудъ девяти столѣтій, за постоянную неизмѣнно-общую жизнь съ народомъ, за всѣ невзгоды исторіи, за труды просвѣщенія, за молитвы, за слезы нашихъ вдовъ и сиротъ, голодныхъ, бездомныхъ и безпріютныхъ, призрѣлъ Господь и призрѣло сердце Царево на великое и смиренное въ подвигѣ духовное сословіе! Увидѣло око Царево, какъ при усложнившейся жизни мало-по-малу обезпечивались въ безбѣдномъ существованіи воѣ государственныя служенія и только пастыри Церкви оставались въ иномъ положеніи, съ тревожнымъ и неяснымъ будущимъ, со взоромъ, безпокойно устремленнымъ въ даль неизбѣжно грядущаго, гдѣ рисовались ему образы безпомощной старости и лишеній, гдѣ слышались ему вопли страдающимъ вдовъ и дѣтей. Въ великомъ служеніи Церкви и Небу, по естественной немощи, духовенство раздвоялось между землею и Небомъ, между міромъ и царствомъ Божіимъ, и нерѣдко никло духомъ, уташало священную ревность свою отъ этого раздвоенія. Теперь не то... Слава Богу нашему, слава великому Царю на святой Руси! Какой вадохъ облегченія пронесется нынѣ по лицу нашей родной земли, сколько тревогъ успокоится, сколько слезъ отрется, сколько скорбей и печалей претворится въ радость!

И эту радость, несомнѣнно, раздѣлять съ пастырями всѣ добрые пасомые,—всѣ, у кого есть хоть искра сочувствія къ людямъ, хоть малая способность проникнуться чужою радостью, хоть капля заботы о благѣ и нуждахъ Церкви Христовой, хоть немного благодарной заботливости о тѣхъ, кто Самимъ Хри-

стомъ поставлены и молитвенниками, и учителями, и воспитателями народа, кто, при всѣхъ неизбѣжныхъ человѣческихъ слабостяхъ и недостаткахъ, все же являются воистину носителями благодати и въ широкомъ смыслѣ истинно общественными дѣятелями. Ибо если необезпеченное будущее духовенства было тяжело для самихъ пастырей, то не легко оно было, не безразлично оно было и для пасомыхъ. Они не могли не сознавать, какъ много ограничена Церковь въ пользахъ своихъ, какъ много теряетъ она, имѣя служителей, подавленныхъ и связанныхъ постоянною мыслью о тревожныхъ дняхъ неизбѣжной старости и грядущей смерти... „Никтоже бо воинъ бывая обязуется куплями житейскими, да воеводѣ угоденъ будетъ“ (2 Тим. II, 4). Но слава Господу! Слава великому Государю! Не сразу, не быстро, но несомнѣнно прочными и благими плодами скажется эта Царская милость духовенству, и несомнѣнно, это—только первый шагъ, только начало большого дѣла обезпеченія духовенства. Воочію видна милость эта особенно здѣсь, среди заброшенныхъ въ горахъ бѣдныхъ служителей Церкви. Воистину, въ нынѣшній день, въ настоящемъ нашемъ собраніи, воля Высшей Власти совпадаетъ всецѣло съ потребностями и запросами нашего сердца, и да будетъ отъ души и сердца вознесено наше теплое благодарное моленіе о здравіи Царя и Царствующаго Дома, о процвѣтаніи Церкви Христовой и великаго нашего отечества. Тотъ, Кто обѣщалъ не оставить безъ награды даже чаши холодной воды, поданной во имя ученика, Кто сказалъ, что пріемый, его же пошлю, Мене пріемлетъ, Кто миръ обѣщалъ тому дому, въ который войдутъ принятые любовно и гостепріимно служители Христа,—да воздастъ Царю и царству русскому миромъ, великими и богатыми педротами. Въ вѣкъ разлива невѣрія, посреди государствъ, нерѣдко враждебныхъ Церкви, въ то время, когда въ одномъ изъ нихъ,—во Франціи,—и самомъ образованномъ, совершаются насилія надъ клиромъ Христовымъ во имя мнимой свободы, въ это время съ высоты Самодержавнаго Престола царства русскаго изречено знаменательное слово милости къ служителямъ Церкви. Исполнена древняя заповѣдь, пятая въ законѣ Божіемъ...

Да будетъ же дано и обѣтованіе заповѣди мѣрою полною:

да будетъ благо царству русскому и да долготѣтно будетъ оно на землѣ! Да хранить Господь Царя нашего во славѣ и долгоденствіи! Сильно на земли будетъ сѣмя Его, и родъ правыхъ да благословится! Аминь.

Свѣтъ духовный.*

Свѣтильникъ гѣлу есть око... и далѣе чтеніе воскреснаго евангелія Мс. VI, 22—34.

Не нарочно для васъ, возлюбленные, читалось это евангеліе сегодня, оно положено уставомъ церковнымъ въ порядкѣ воскресныхъ евангельскихъ чтеній. Но такъ широко и всеобъемлюще слово Божіе, что кажется, будто прочитанное мѣсто евангелія прямо и непосредственно и даже нарочно предназначено въ поученіе вамъ, народные учителя.

Ваше служеніе—*просвѣтительное*: и вотъ вамъ образное ученіе Спасителя о просвѣщеніи. Нуженъ источникъ свѣта; въ мірѣ физическомъ, насъ окружающемъ, такимъ источникомъ является солнце на небѣ и особый, какъ утверждаетъ наука, свѣтовой эфиръ, разлитый въ мірѣ,—таинственный, неуловимый, но несомнѣнно сущій. Но и свѣтъ этого эмира, и свѣтъ солнца—все это совершенное ничто для человѣка, если у него нѣтъ органа и орудія для воспріятія свѣта. Слѣпому—не свѣтитъ солнце, слѣпому не чувствителенъ свѣтъ. Око человѣка воспринимаетъ этотъ свѣтъ и проводитъ его во всю широту и физической и духовной жизнедѣятельности нашей.

Перенесите сказанное въ область духовную: ибо не о физическихъ законахъ свѣта бесѣдовалъ Спаситель съ учениками въ прочитанномъ евангеліи, а о духовномъ свѣтѣ, для изображенія котораго Онъ только взялъ и указалъ подобія изъ видимаго и наблюдаемаго міра.

* Въ недѣлю 3-ю; поученіе слушателей учительскихъ курсовъ въ гор. Тифлисѣ.

Нынѣ всѣ заняты заботами и думами о просвѣщеніи. Станемъ же прямо и честно у этого вопроса, задумаемся надъ нимъ, пользуясь только-что приведеннымъ евангельскимъ образомъ.

Итакъ, міръ твердитъ о просвѣщеніи духовномъ. Спрашиваемъ: откуда и гдѣ оно? И еще спрашиваемъ: есть ли у человѣка органъ и орудіе для воспріятія его? Ибо свѣтъ духовный можетъ существовать, но при отсутствіи органа его воспріятія, онъ можетъ оказаться тѣмъ же, чѣмъ является солнце для слѣпого.

Труденъ вопросъ: откуда и гдѣ свѣтъ духовный. Но легче вопросъ второй. Человѣкъ изъ всѣхъ тварей только одинъ рвется къ этому свѣту духовному: различаеетъ добро и зло, ищетъ нравственнаго совершенства, ищетъ томительно, напряженно, помимовольно. И сколько въ этомъ исканіи его, сколько въ этихъ порывахъ и благородства, и усердія, сколько радости и горя, слезъ и молитвы! На всѣхъ ступеняхъ жизни, на всѣхъ ступеняхъ развитія, во всѣхъ положеніяхъ съ первыхъ дней раскрытія сознанія онъ разбираетъ и различаеетъ добро и зло, и даже служа послѣдному по слабости своей, все же силится прикрыть его хоть видомъ добра.

Да, одинъ человѣкъ на землѣ есть *существо нравственное*, въ томъ смыслѣ, что онъ способенъ къ нравственности, и эта способность, вмѣстѣ съ другою—способностью быть религіознымъ, служить коренною, отличительною, существенною и прирожденною его чертою, рѣзко отдѣляющею его отъ міра животнаго. Одинъ человѣкъ на землѣ имѣетъ прямое положеніе своего тѣла, направленное вверхъ, и недаромъ только его разумное чело обращено къ небу... Ясно, что какъ для воспріятія свѣта солнца ему дано око, такъ и для различенія добра ему дано духовное око, духовный органъ: это—совѣсть человѣческая.

Чисто твое око, и ты видишь путь, знаешь, куда направить руку и ногу, не оступишься, не упадешь, не искалчишься. Повреждено твое око: и ты неуверенно движешься, часто попадаешь не туда, куда нужно, не видишь вдаль, не замѣтишь во-время опасности. Ослѣпло твое око: ты совсѣмъ

беспомощный человекъ, которому ежеминутно грозитъ несчастье, увѣще, погибель.

То же самое и съ совѣстью. Чиста эта совѣсть, правильно она различаетъ добро и зло, не смѣшиваетъ перваго со вторымъ, сильна побужденіемъ къ добру, ограждаетъ страхомъ и муками отъ зла, помогаетъ человеку въ его нравственномъ восхожденіи: и тогда вся жизнь его будетъ чиста и свѣтла и правильна. Испорчена совѣсть, померкъ ея свѣтъ духовный, закралась ложь и неправильность въ ея указующую и судящую дѣятельность: тогда и жизнь человека исполнена лжи и смѣшенія добра и зла. Но горе, если совѣсть становится, по слову апостола, сожженою; горе, если свѣтъ ея обратится въ тьму! Тогда—какова же тьма! Тьма слѣпца и его положеніе, близкое къ опасности, погибели, является только слабымъ побдіемъ духовной гибели и тьмы безсовѣстнаго человека, лишеннаго духовнаго свѣта.

Вотъ здѣсь-то и вопросъ тревожный и роковой: откуда и гдѣ этотъ свѣтъ духовный?

Совѣсть должна различать добро и зло. Кто же этому ее научить? Кто дастъ точное и ясное и правильное понятіе о томъ, что—добро и что—зло? Выходите, люди міра, отвѣчайте на этотъ вопросъ!

Сошлетесь на природу? Но она знаетъ холодное, теплое, высокое, низкое и т. д., но не знаетъ добраго и злого.

Сошлетесь на науку? Но она знаетъ полезное и вредное, да и здѣсь-то часто противорѣчитъ и ошибается, а въ области нравственнаго и безнравственнаго, на законахъ математики и химіи немного узнаешь. Да и почему для меня обязательенъ голосъ ученыхъ людей, такъ часто противорѣчившихъ другъ другу? Да и всемъ ли доступна наука? А вѣдь совѣсть есть у всехъ. Сошлетесь на общее согласіе людей? Но гдѣ оно, это общее согласіе, если мусульманинъ считаетъ мечь подвигомъ, многоженство правомъ, а христіанинъ то и другое почитаетъ за грѣхъ? Гдѣ это общее согласіе, если послѣ звѣрскаго убійства беззащитныхъ короля и королевы въ наши дни среди христіанскаго народа одни считаютъ это убіеніе позоромъ и преступленіемъ, а другіе—геройствомъ и похва-

лою? Очевидно, нуженъ такой источникъ различенія добра и зла, который былъ бы всѣмъ доступенъ, всегда одинаковъ и неизмѣненъ, который къ тому же утверждался бы на непрекаемомъ основаніи и авторитетѣ, для всѣхъ обязательномъ. Гдѣ такой источникъ? Онъ не отъ людей, а отъ Бога: онъ скажетъ: это—добро, это—зло, и такому высшему голосу отвѣтить тайнымъ созвучіемъ и согласіемъ и голосъ нашей совѣсти, ибо и она—отъ Бога. Такъ свѣтъ духовный, какъ и свѣтъ физическій, есть нѣчто таинственное, неуловимое, но онъ ощутителенъ властно, онъ присутствуетъ въ мірѣ.

Но, предположимъ, мы знаемъ твердо и ясно въ голосѣ и словѣ Бога добро и зло. Довольно ли, однако, только одного знанія? Не часто ли мы дѣйствуемъ вопреки знаній? Не слабы ли мы и не подвержены ли грѣховности и паденіямъ, какъ чему-то роковому и мощному? Не вымощено ли дно адаво благими намѣреніями? Нужны сильныя *побужденія* къ добру, нужна помощь и поддержка для самой совѣсти, поврежденной и малосильной. Откуда же эта помощь? Не отъ людей ли? Но бессильный не дастъ мощи другому бессильному, слѣпой не укажетъ свѣта другому такому же слѣпому... Здѣсь нужна помощь высшая, отъ Существа Вышшаго.

Возблагодаримъ же Бога, что мы являемся дѣтьми Его Церкви святой! Возрадуемся, что мы—дѣятили не иной какой-либо, а *церковной* школы. Церковь, опираясь на слово Божіе и на все Божественное Откровеніе, ясно и безошибочно и властно говорить нашей совѣсти и совѣсти просвѣщаемого нами народа, что—добро и что—зло. Церковь, въ руководствѣ тѣмъ же Откровеніемъ и въ своемъ вѣковомъ педагогическомъ опытѣ, правильно укажетъ *побужденія* къ добру, для всѣхъ цѣлесообразныя: и для высшихъ душъ и вышшаго развитія нравственнаго сознанія, и для низшаго нравственнаго развитія, однимъ словомъ, для всѣхъ возрастовъ духовной жизни.

Церковь же, соединяя насъ съ Богомъ, усвоивъ намъ плоды искупленія Сына, преподавая намъ даръ Духа Святаго въ таинствахъ, даетъ намъ и всеильную помощь свыше, восполняющую нашу естественную немощь: здѣсь грѣшнику дается прощеніе грѣха, поднимающее его душевную бодрость, окрыляю-

шее его надеждою, здѣсь спасеніе отъ отчаянія, здѣсь спасеніе отъ гнетущаго чувства безсилія и одиночества, ибо мы видимъ, *яко съ нами Богъ*.

Будемъ же сообщать народу этотъ свѣтъ духовный въ глубокой, убѣжденной вѣрѣ, что мы даемъ ему чистое и свѣтлое око для жизненнаго пути его. Будемъ, не раздвоаясь, не смѣшивая Бога и мамоны, свѣта и тьмы, міра и неба, будемъ вести себя и другихъ по пути, который, какъ столпомъ облачнымъ въ пустынѣ, освѣщается Церковью Божіею.

Только въ Церкви, въ церковномъ сознаниі, въ церковной жизни, въ церковномъ ученіи, въ этомъ церковномъ благоуханіи—наше и народное спасеніе. Въ Церкви, и только въ Церкви осуществится истинная задача добраго обученія и воспитанія, путемъ церковной школы; только здѣсь совершенъ будетъ Божій человѣкъ, на всякое дѣло благое уготованъ. Аминь.

Г р ѣ х ѣ . *

Въ порядкѣ евангельскихъ чтеній св. Церковь въ нынѣшнее воскресенье предложила намъ повѣствованіе объ исцѣленіи Спасителемъ нашимъ разслабленнаго въ Капернаумѣ, спущеннаго сквозь кровлю. Вѣрные сыны Церкви, внимательные къ ея богослуженію, знаютъ и помнятъ, что это евангельское чтеніе предлагается вѣрующимъ дважды въ году. Уже это одно обстоятельство показываетъ намъ, какъ полна назиданія предлагаемая священная повѣсть и какъ важно для христіанина остановиться на ней вниманіемъ. И дѣйствительно, что-то особенно властно, особенно глубоко и поучительно говорить нашему духу при чтеніи и слышаніи предложеннаго намъ сегодня евангелія.

Не ошибемся, если скажемъ, что главное вниманіе наше

---

* Недѣля 6-я.

въ немъ привлекають кроткія и милостивыя слова Господа, сказанныя Имъ въ отвѣтъ на молчаливую, но трепетную и горячую мольбу разслабленнаго объ исцѣленіи: „чадо, отпускаются тебѣ грѣси твои“. И дѣти, и взрослые, слушая въ первый разъ эту священную повѣсть, всегда и неизмѣнно останавливаются здѣсь съ вопросомъ: развѣ этого искалъ больной? развѣ за этимъ спустили его къ ногамъ Іисуса?

Но Спаситель зналъ и видѣлъ, чего искалъ и хотѣлъ больной: и намѣренно, въ поученіе присутствующимъ, въ поученіе намъ, Его послѣдователямъ, изрекъ это слово прощенія грѣха прежде словъ исцѣленія болѣзни.

Здѣсь подходимъ мы къ самому существу христіанской вѣры, христіанскаго ученія, христіанскаго міропониманія. Намъ указываетъ здѣсь, какъ тяжелъ грѣхъ и какія опустошенія сдѣлалъ онъ въ жизни всего человѣчества. Грѣхъ отравилъ чашу блаженства, приуготовленную Богомъ первозданному человѣку; грѣхъ лишилъ его рая сладости, отторгъ отъ Бога, сдѣлалъ *странникомъ и скитальцемъ* на землѣ, принесъ голодь, болѣзни, несчастья, поставилъ человѣка предъ страшнымъ лицомъ смерти; грѣхъ перешелъ, какъ печальное наслѣдіе грѣхопаденія Адамова, во всѣхъ людей—его потомковъ, обратился для человѣка какъ бы во вторую его природу, сдѣлалъ человѣка какъ бы по естеству чадомъ гнѣва и потребовалъ для своего исцѣленія величайшей и всемірной жертвы—смерти Сына Божія. Грѣхъ и нынѣ отравляетъ намъ всякую радость, лежитъ смертельною горечью на днѣ всякаго удовольствія и, какъ тяжкія гири на крыльяхъ нашего духа, влечетъ насъ долу, отъ неба къ землѣ, отъ Бога къ міру и діаволу. Это—именуемый въ христіанскомъ ученіи *грѣхъ первородный*.

Съ дѣтства извѣстна эта истина каждому христіанину, хоть сколько-нибудь вкусившему отъ христіанскаго ученія. И все-таки, къ сожалѣнію, она забывается людьми совершенно и до конца, и ее часто-часто нужно напоминать людямъ во всѣхъ поприщахъ жизни.

Присмотритесь къ окружающему насъ міру, прислушайтесь къ тому, что говорятъ и пишутъ. Какая всегда и вездѣ слышится у всѣхъ глубокая вѣра въ силы человѣка и въ его

нравственные достоинства! Послушаешь много—какъ легко всёхъ обратить въ святыхъ, а людскую жизнь сдѣлать раемъ! Послушаешь Толстого, новаго лжеименнаго учителя жизни, напумѣвашаго на всю Россію: не суди, не сажай въ тюрьмы, не наказывай, никого и ни къ чему не принуждай; по мнѣнію этого учителя, стоитъ только человѣка предоставить себѣ, стоитъ только обратиться къ нему съ добрымъ словомъ, и въ немъ непремѣнно восторжествуютъ добрыя начала, и только они одни. Послушаешь какого-либо новомоднаго воспитателя: зачѣмъ говорить, стѣсненія для юныхъ, зачѣмъ правила, предписанія, наказанія? Предоставьте, молъ, юнымъ полную свободу, и въ нихъ заговорятъ сами собою добрыя стремленія, добрыя порывы.

Послушаешь политика или общественнаго дѣятеля, говорящаго или пишущаго въ газетѣ: опять тѣ же рѣчи о свободѣ, о врожденныхъ добрыхъ свойствахъ человѣка, которыя непремѣнно въ немъ воздѣйствуютъ и дадутъ ему рай на землѣ, лишь бы его не стѣсняли. Какая односторонность, какое заблужденіе, какое упорное нежеланіе видѣть самыя очевидныя истины! Точно какая-то слѣпота обуяла современныхъ дѣятелей и мыслителей, точно не видятъ они, какъ рядомъ съ добромъ живетъ и зло, какъ всё идемъ мы въ жизни среди заблужденій, ошибокъ и паденій вольныхъ и невольныхъ; точно не чувствуютъ они въ себѣ самихъ, какъ что-то тянетъ насъ на зло при полномъ сознаніи и признаніи, что зло—противно, грѣховно, отвратительно. Это знали и чувствовали даже древніе язычники, наиболѣе вдумчивые, но особенно хорошо познали это и показали людямъ истинные и искренніе христіане, наблюдавшіе за своею духовною жизнью. Павелъ ли апостолъ не былъ великъ? Но какъ онъ горько и пагубно заблуждался, когда гналъ Церковь Божию! Онъ ли не обладалъ силою воли, онъ ли не могъ подавить въ себѣ всё дурныя влеченія? Но онъ-то именно и говоритъ: „Знаю, что не живетъ во мнѣ доброе; желаніе добра есть во мнѣ, но чтобы сдѣлать его, того не нахожу. Доброе, которое люблю, не дѣлаю, а злое, которое ненавижу, дѣлаю... По внутреннему человѣку соусаждаюсь закону Божию, но въ членахъ моихъ вижу иной законъ,

противорѣчащій закону ума моего и связующій меня закономъ грѣховнымъ, сущимъ въ членахъ моихъ. Окаяненъ есмь чело-вѣкъ!“ (Римл. VII гл.) Этотъ вопль апостола есть вопль всего грѣшнаго человѣчества. И пока человѣкъ будетъ пить грѣхъ, какъ воду, дотолѣ онъ будетъ въ отчужденіи у Бога, отъ истинной жизни, отъ истиннаго счастья, и всѣ эти преувеличенныя надежды, и эта вѣра въ добрыя силы человѣка,—все, что такъ льститъ нашему самолюбію, все разлетится въ прахъ и останется бесплоднымъ. Тому свидѣтельство и доказательство—опытъ вѣковъ.

Спаситель нашъ въ нынѣ читанномъ евангеліи и даетъ всѣмъ вѣкамъ знаменательный урокъ: *грѣхъ* есть начало и корень всѣхъ болѣзней и несчастій.

Кто хочетъ добра себѣ и другимъ, кто хочетъ истинно служить благу общества, государства,—тотъ паче всего долженъ бороться съ грѣхомъ. Поставимъ мы себѣ это за правило: будемъ бѣгать грѣха, будемъ вдумчиво и зорко стоять на-стражѣ своего нравственнаго восхожденія, будемъ работать Богу и правдѣ: ибо „скорбь и тѣснота на всякую душу человѣка, дѣлающаго злое!“ (Римл. II, 9).

И напротивъ: блаженъ, кому отпущено беззаконіе и прикрытъ грѣхъ. Блаженъ мужъ, которому не вмѣнить Господь грѣха его! (Пс. 31.) Какова была бы жизнь человѣка, если бы Господь не обѣщалъ этого помилованія? Что было бы съ человѣкомъ, если бы каждый грѣхъ, содѣянный имъ отъ временъ дѣтства, тяготѣлъ надъ нимъ справедливымъ Божиимъ гнѣвомъ? *Мы бы утонули* въ этихъ беззаконіяхъ, и они превзошли бы главу нашу. Тогда преимуществомъ добраго было бы только сплошное и безконечное страданіе. Ибо чѣмъ утонченнѣе совѣсть, чѣмъ глубже вдумчивость и самонаблюденіе, тѣмъ тяжелѣе было бы человѣку вспоминать всѣ свои грѣхи и паденія.

Но вотъ за покаяніе и вѣру въ искупительныя страданія нашего Спасителя намъ даруется прощеніе грѣховъ. Какое забвеніе прошлаго, какое облегченіе совѣсти, какая бодрость, одушевленіе, подъемъ духа для большаго и большаго нравственнаго восхожденія! Тогда-то вырывается слово великаго и

глубокаго, но не горделиваго, а смиреннаго сознанія челоуѣкомъ своей нравственной силы,—силы, невиданной въ мірѣ. *Вся могу*, говорить апостоль, *все могу*, но, прибавляетъ,—о укрѣпляющемъ меня Исусѣ!

Будемъ же больше всего на свѣтѣ бояться грѣха и будемъ въ покаяніи о содѣянномъ грѣхѣ искать бодрости и силы: и тогда мы, грѣхами разслабленные, уподобимся евангельскому вѣрующему разслабленному: милосердый Спаситель и намъ скажетъ, видя вѣру нашу: прощаются тебѣ грѣхи твои. И укрѣпятся разслабленные колѣна, чудо свершится: разслабленный встанетъ и жизнь его, свободная отъ грѣха, будетъ полна и благословенна. Аминь.

Духовная слѣпота и духовное просвѣщеніе.*

„Вся елика преднаписана быша—въ наше наученіе преднаписашася.“

Эти слова мы слышали сегодня въ апостольскомъ чтеніи; по-русски они означаютъ, что все написанное,—разумѣется, въ словѣ Божіемъ,—написано, и даже преднаписано въ наше поученіе.

Такъ ли мы относимся къ этому слову Божію? Ищемъ ли въ немъ руководства жизни? Слушаемъ ли даже внимательно? Любимъ ли читать его, или слушать чтеніе его въ церкви и дома? Какъ часто при чтеніи апостола или евангелія въ церкви мы стоимъ, повидимому, безмолвно, въ молчаливомъ благоговѣніи, повидимому, внимательно, а на самомъ дѣлѣ священныя слова скользятъ по нашей душѣ, какъ вода по стеклу, не проникая вглубь, не трогая сердца. А между тѣмъ, недаромъ предъ всякимъ чтеніемъ слова Божія намъ говорить: „Пре-

* Поученіе въ недѣлю 7-ю; сказано за богослуженіемъ на родинѣ—въ станціи Ново-Александровской, Кубанской области.

мудрость!" Это значить, что въ словѣ Божіемъ—высшая мудрость,—мудрость не человѣческая, а Божественная, не земная, а небесная. Намъ говорятъ: „Премудрость *прости*“; „прости“—это значить: будемъ стоять благоговѣнно, насторожившись слухомъ и сердцемъ. Намъ говорятъ: „*Вонмемъ*“, т. е. будемъ внимательны. Это все показываетъ намъ, что слово Божіе потому и называется такъ, что чрезъ него говоритъ намъ Самъ Богъ. Оно есть свѣтильникъ стопамъ нашимъ,—свѣтильникъ, сіяющій въ темномъ мѣстѣ, оно есть зеркало, въ которомъ мы видимъ свою душу, свои грѣхи, свою жизнь; оно есть свѣча яркая и блестящая, съ которой мы спускаемся въ глубину нашего духа, нашей совѣсти. Весь годъ мы слышимъ и читаемъ слово Божіе; каждый годъ въ извѣстные дни, въ извѣстные праздники и воскресенья мы слышимъ въ церкви одно и то же евангеліе. Но удивительное дѣло,—всегда въ словѣ Божіемъ есть что-то новое. Мѣняемся мы сами, старѣемъ, улучшаемся, или ухудшаемся, переносимъ то страданія, то болѣзни, то радость, и въ каждомъ возрастѣ, въ каждомъ душевномъ настроеніи—въ евангеліи и въ прочихъ святыхъ писаніяхъ мы находимъ все новые отклики, объясненія, наставленія. Мы должны читать и слушать евангеліе, какъ говорили древніе наши отцы, не по чернилу, а подъ черниломъ, и тогда оно станетъ постояннымъ зеркаломъ души. Итакъ, что же намъ сегодня предложено въ евангеліи? ¹⁾

Тяжело положеніе слѣпцовъ, и великое благодѣяніе оказалъ имъ милосердый Спаситель. Но есть, братіе мои, другая слѣпота, которая гораздо опаснѣе, гораздо тяжелѣе, чѣмъ слѣпота нашихъ глазъ. Былъ въ древнее время одинъ мужъ святой и очень ученый—старецъ Дидимъ. Онъ былъ слѣпой. Однажды онъ горько жаловался на свою слѣпоту, на свое несчастіе. Преп. Антоній сказалъ ему въ отвѣтъ: „ты жалуешься, что у тебя нѣтъ глазъ, которые имѣютъ и безсловесныя животныя и даже самыя маленькія мошки. Оставь жалобы: вѣдь ты имѣешь глаза херувима, ибо ты знаешь Бога, ты знаешь

¹⁾ Повтореніе по евангелію всего евангелійскаго сказанія (Мѡ. IX, 27—35) объ исцѣленіи слѣпцовъ.

Его законъ, ты видишь ангеловъ, ты видишь то, что не увидить самый зрячій обыкновенными человѣческими глазами“. Такимъ образомъ, можно при слѣпотѣ тѣлесной быть зрячимъ духовно, но и наоборотъ,—можно быть зрячимъ тѣлесно, имѣть глаза и видѣть свѣтъ, и въ то же время быть духовнымъ слѣпцомъ. И Господи,—сколько такихъ слѣпцовъ на свѣтѣ! Всѣ эти невѣрующіе, маловѣрные, незнающіе Божественнаго закона, незнающіе добра и нелюбящіе Его—все это слѣпцы духовные! Смотрите, какъ сжалился Спаситель надъ слѣпцами: Онъ привелъ ихъ въ домъ, Онъ исцѣлилъ ихъ. Но еще болѣе Онъ жалѣлъ слѣпцовъ духовныхъ, ихъ Онъ училъ цѣлыми днями и ночами по каждому поводу, для нихъ избралъ апостоловъ, для нихъ объяснялъ Свящ. Писаніе, за нихъ пострадалъ, для нихъ основалъ Церковь Свою, далъ пастырей и учителей. И намъ, пастырямъ и учителямъ, Онъ прежде всего повелѣлъ: „идите и учите всѣ народы, крестите ихъ во имя Отца и Сына и Св. Духа, учите ихъ соблюдать все, что Я заповѣдалъ вамъ“. Итакъ, если мы хотимъ подражать нашему Спасителю, то мы должны всею душою возненавидѣть тотъ грѣхъ, который живетъ въ насъ, то невѣріе и маловѣріе, которымъ мы страдаемъ; мы должны всеми силами души стремиться къ свѣту,—къ тому, чтобы просвѣтить себя и другихъ. Справедливо говорить пословица, что ученье есть свѣтъ, а неученье —тьма. Но справедлива, братіе, и другая пословица, что не всякое ученье душѣ во спасенье; да, не всякое ученье душѣ во спасенье... Гдѣ же найдемъ настоящее и доброе ученье? Прежде всего въ Церкви Христовой и въ храмѣ Божиёмъ. Здѣсь священники говорятъ не свое, а Божественное, здѣсь мы, пастыри, хотя сами мы люди простые, часто грѣшныя, недостойныя, дурныя,—изъ нихъ же первый я,—но мы передаемъ вамъ слово Христово, вѣчное, небесное слово. Итакъ, сюда приходите чаще, сюда приводите своихъ дѣтей, здѣсь учитесь всему доброму и душеполезному ученію. Какъ однимъ дымомъ не натопишь дома, такъ отдѣльными собраніями, безъ церкви и пастырей, не согрѣешь души. Камень холодный, но когда станемъ бить камень о камень, и онъ станетъ горячимъ. Такъ и люди, когда всѣ вмѣстѣ въ церкви. И помните, что согласно

съ уроками слова Божія только то, что не противъ Церкви и что ею благословлено, что согласно съ ея наставленіями,—это и есть настоящее ученіе. Такому ученію помогайте и сочувствуйте. Будутъ ли читать хорошую книгу, откроютъ ли библіотеку, читальню, будутъ ли народныя чтенія,—если все, что тамъ видите и слышите согласно съ ученіемъ нашей вѣры, если тамъ не подрывается христіанство, всему этому сочувствуйте всею душою и всему помогайте¹⁾. Вамъ внушаютъ, что никогда не поздно учиться и надо учиться всю жизнь: это вѣрно. Но все же трудно учиться взрослому. Поэтому особенныя заботы надобно прилагать о дѣтяхъ. Ихъ надо приучать къ церкви, ихъ надо посылать въ школы. Вамъ, взрослые, вамъ, станичники - общественники, надобно помнить это. Не нужно щадить средствъ, грѣшно скупиться, когда дѣло идетъ объ обученіи дѣтей, о содержаніи школы. Вотъ была бы вамъ честь и хвала, если бы по краямъ вашей многолюдной станицы (до 10.000 населенія) основаны были вами церковныя школы, если бы вы помогли своими жертвами отъ общества церкви и духовенству устроенію этихъ школъ ради вашихъ собственныхъ дѣтей! И здѣсь относительно школы помните, что не всякое ученье душѣ во спасеніе и не всякая школа заслуживаетъ участія и поддержки. Если дѣтей учать знать Бога и Его законъ, почитать власть, уважать пастырей духовныхъ, любить и уважать родителей и старшихъ, то это истинная школа и истинное ученье. И пусть ребенокъ хотя и меньше знаетъ, меньше разовѣетъ свой умъ, но выйдетъ хорошимъ сыномъ и честнымъ человѣкомъ. Но если въ школѣ не учать страху Божію, если все вниманіе обращается только на умъ, то, право, лучше совсѣмъ остаться безъ ученья! Отъ того, что онъ умный, да злодѣй, никому не будетъ тепло, напротивъ, умный злодѣй опаснѣе глупаго. Это надобно помнить въ заботахъ о просвѣщеніи. Но самое главное—въ заботахъ о просвѣщеніи дѣтей надобно помнить, что настоящее воспитаніе, настоящее просвѣщеніе ребенокъ получаетъ дома, въ сво-

¹⁾ Сказано въ виду напряженной нигилистической пропаганды образовавшагося, къ сожалѣнію, около школы кружка духовныхъ развратителей народа...

ей семьѣ. Что изъ того, если въ школѣ его учать молитвамъ, а дома у него никто не молится? Что изъ того, что въ школѣ ему говорятъ, какъ дурно пьянствовать, а дома онъ видитъ отца и братьевъ пьяными, а мать распутницу? Что изъ того, что ребенку въ школѣ будутъ говорить „любѣ ближняго“, будь кротокъ, обходителенъ, будь терпѣливъ, а дома онъ видитъ, какъ извергъ-отецъ колотить жену—его мать, или какъ дома всѣ живутъ въ ссорѣ, въ злобѣ, въ постоянной распрѣ? Что изъ того, что ребенку въ школѣ будутъ говорить „не укради“, а дома онъ видитъ, что вокругъ всѣ воруютъ и отъ воровства наживаются? Что изъ того, что ребенку въ школѣ говорятъ „не обманывай“, а дома онъ слышитъ сквернословіе, обманъ, клевету и всякое гнилое слово; если въ школѣ учать: „чти отца“, а дома его отецъ обижаетъ дѣда, бабуку, своихъ братьевъ и сестеръ? ¹⁾ Вотъ о чемъ, вотъ объ этомъ домашнемъ и семейномъ просвѣщеніи надо позаботиться!

Мы должны просвѣщать себя и другихъ, какъ Спаситель просвѣтилъ слѣпыхъ, о которыхъ мы сегодня читали въ евангеліи. И слѣпцы исцѣленные признали Бога и Спасителя. И для насъ самый вѣрный путь просвѣщенія есть наши дѣла и вѣрность ученію Спасителя. Самый вѣрный путь слова апостола: „братіе, ходите, какъ чада свѣта“, и слова Христа: „такъ да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла и прославятъ Отца вашего, Который на небесахъ“. Аминь.

¹⁾ Все взято изъ жизни, по указанію мѣстнаго духовенства.

Поклоненіе святынѣ.*

Чесо изыдoste въ пустыню видѣти?
(Ме. XI, 7).

Впервые эти слова были сказаны Господомъ Спасителемъ въ той бесѣдѣ Его съ учениками и народомъ, въ которой Онъ воздалъ высокую похвалу великому пустыннику древности—святому Предтечѣ Іоанну, привлечшему своею проповѣдью въ пустыню множество народа.

Чесо изыдoste въ пустыню видѣти?—можно было обратить вопросъ къ народу, приходившему съ незапамятныхъ временъ, въ теченіе минувшихъ 14 вѣковъ, и къ этому священному мѣсту, къ одному изъ послѣдователей житія Іоанна Предтечи—къ преподобному Антонію Мартмопскому—и при его жизни, и послѣ его смерти ¹⁾.

Чесо изыдoste въ пустыню видѣти и вы, возлюбленные братья, гости и богомольцы обители преподобнаго, сошедшіеся нынѣ на торжество обновленія его храма?

Воистину, предъ нами вѣчно-поучительное явленіе! Вотъ

* Слово при освященіи храма въ обители преподобнаго Антонія Мартмопскаго.

Монастырь Мартмопскій, основанный въ VI вѣкѣ, около 200 лѣтъ назадъ былъ совершенно разоренъ лезгинами. Бывшій ексархъ Грузіи Исидоръ обратилъ вниманіе на разрушенную святыню и на пожертвованія благочестивыхъ почитателей преподобнаго Антонія, основателя обители, воздвигъ каменный храмъ надъ гробомъ преподобнаго. Пожертвованія поступали не только отъ православныхъ, но и армянъ, которые и донынѣ нерѣдко посѣщаютъ обитель. Храмъ былъ оконченъ и освященъ 22-го августа 1855 года. Древнѣйшій же храмъ обители посвященъ памяти великомученика Георгія и преподобнаго Антонія Мартмопскаго. Съ теченіемъ времени возсозданная обитель и ея храмы достаточно обветшали. Въ настоящее время заботами высокопреосвященнаго Алексія монастырь приведенъ въ обновленный видъ. Освященіе обновленнаго храма высокопреосвященный Алексій, ексархъ Грузіи, совершилъ лично 14-го августа 1902 года, при большомъ стеченіи народа. Найденныя древнія пѣсногѣнія въ честь святаго на грузинскомъ языкѣ переведены на славянскій языкъ, напечатаны на обонхъ языкахъ и раздавались богомольцамъ.

¹⁾ И въ пѣсняхъ церковныхъ (I-я пѣснь параклиса) преп. Антоній уподобляется св. Іоанну Предтечѣ.

почти полторы тысячи лѣтъ назадъ, среди народа еще недавно христіанскаго, еще не успѣвшаго стряхнуть съ себя грубость язычества, въ пустынь, на уединенной горѣ явился здѣсь смиренный инокъ, пришлецъ изъ далекой земли. Изможденный тѣломъ отъ пустынныхъ подвиговъ, отчужденный отъ общенія съ людьми, незнакомый съ дѣлами житейскими ¹⁾, онъ, однако, сдѣлался свѣтильникомъ, сіяющимъ въ темномъ мѣстѣ, онъ умѣлъ вліять на окружающій міръ, разбудить спящія души, зажечь холодныя сердца, вдохнуть обаяніе добра и святости. Къ нему, жителю пустыни, приходятъ за указаніями люди житейскіе, искушенные долговременнымъ и многообразнымъ опытомъ, сложными жизненными отношеніями, нерѣдко зачерствѣвшіе въ порокъ, въ служеніи себялюбію, приходятъ и, подобно слушателямъ Предтечи, спрашиваютъ у него: „Что намъ дѣлать?“ И каждой душѣ разсказалъ онъ ея печальную исторію, въ каждой душѣ зажегъ онъ священный огонь покаянія, указалъ путь ко Христу,—къ небу, вѣчности и спасенію. Совершается странное, повидимому, явленіе: отшельникъ, ищущій уединенія, человѣкъ, живущій внутреннею жизнью, весь отдавшійся тихому созерцанію духовному, затворившійся отъ суеты міра въ уединенномъ столпѣ, влечетъ къ себѣ оставленный міръ, приковываетъ властно суетныя, житейскими заботами стягченныя сердца.

Умеръ этотъ инокъ, но ни имя, ни образъ его, ни могила не остались забытыми. Со времени его смерти, въ теченіе полторы тысячи лѣтъ, сколько пронеслось событій надъ этимъ краемъ и народомъ, сколько было великихъ и славою увѣнчанныхъ царей, правителей, полководцевъ!.. И что же: народъ забылъ ихъ имена, изгладились слѣды и памятники ихъ жизни и смерти, а гробъ преподобнаго Антонія, смиреннаго инока-молитвенника, подвизавшагося на уединенномъ столпѣ, хранится съ благоговѣйнымъ почитаніемъ, имя его славно, обитель его какъ бы недоступна ни врагамъ, ни сокрушающему времени, постоянно возникая и обновляясь изъ развалинь. Что

¹⁾ Самое слово Мартыкоп(ели) съ грузинскаго значить: уединенно живущій, амазхортъ.

это значить? Присмотритесь къ исторіи, къ окружающей жизни, къ литературѣ—выразительницѣ жизненныхъ теченій... Изъ мрака пустынныхъ пещеръ, изъ уединенія горъ и лѣсовъ не возсіяли ли надъ міромъ великіе подвижники? Перенеситесь отъ благословенной Грузіи къ благословенной Россіи. Въ лицѣ небезызвѣстнаго старца, выведеннаго въ послѣднемъ произведеніи нашего знаменитаго писателя (Достоевскаго) и, говорятъ, списаннаго съ дѣйствительности, въ укромныхъ, пустынныхъ мѣстахъ богомоленій, въ людныхъ центрахъ общенародныхъ паломничествъ не повторяется ли постоянно и теперь отмѣненное явленіе? Не наблюдается ли оно съ особенною силою и въ нашемъ православномъ русскомъ народѣ, который отличается изумительною склонностью къ поискамъ святыни, стремленіемъ къ идеаламъ, который не нашелъ лучшаго и болѣе высокаго прозванія своей родинѣ, какъ *святая Русь*? И теперь старцы, затворники и подвижники (Серафимъ Саровскій, Амвросій Оптинскій, Теофанъ Вышинскій и друг.), люди религіознаго склада, совершенно отказавшіеся отъ заботъ о себѣ, въ родѣ извѣстнѣйшаго пастыря Кронштадтскаго,—всѣ они влекутъ къ себѣ сердца, собираютъ около себя множество людей самыхъ разнообразныхъ положеній и состояній. Палестина и Афонъ, Кіевъ и Москва, Сергіева лавра и Почаевъ, Соловки и Валаамъ, Черниговъ, Задонскъ, Воронежъ и Иркутскъ, Саровъ и Оптино,—всѣ сколько-нибудь замѣчательные монастыри постоянно наполнены богомольцами. Изъ далекихъ русскихъ губерній идутъ богомольцы и къ намъ на Кавказъ, въ Новый-Афонъ, ко св. Нинѣ въ Бодбійской обители. Еще такъ недавно и здѣсь, у преподобнаго Антонія, побывали дорогіе, издалека пришедшіе богомольцы—тамбовскіе крестьяне... ¹⁾).

Отъ многихъ, и притомъ часто отъ образованныхъ людей, можно услышать то холодное, то озлобленное осужденіе этого явленія, признаніе его бесполезнымъ или даже вреднымъ. А между тѣмъ, эти богомоленія, эти хожденія ко святымъ мѣстамъ и къ благочестивымъ людямъ не прекращаются, а, по-

¹⁾ Русскіе и задолго до присоединенія Грузіи къ Россіи приходили въ нашъ край для поклоненія святымъ. См., наприм., „Проскинитарій“ Арсенія Суздальскаго, путешествіе казанскаго купца Василія Гагары и друг.

видимому растутъ и заставляютъ признать явленіе это жизненнымъ и необходимымъ.

Что же, въ самомъ дѣлѣ, оно означаетъ?

А означаетъ оно, братіе, безсмертную и несравненную и превосходнѣйшую красоту добродѣтели и святости, которая влекутъ къ себѣ сердца людскія властно и неудержимо, которыя, по самой природѣ человѣческой души, дарованы и назначены ей, какъ блага высочайшія и для нея единственно желанныя. И пока человѣкъ останется человѣкомъ, онъ будетъ всегда искать святости, искать напряженно и томительно, будетъ кланяться святынѣ, будетъ стремиться жить въ ея духовномъ благоуханіи. Ибо лучше день единъ во дворѣхъ Бога паче тысящъ во дворѣхъ грѣшничихъ (пс. 83, 11), ибо и воля Божія о каждомъ изъ насъ есть святость наша (1 Сол. IV, 3). Въ нравственномъ величіи, въ духовной силѣ и красотѣ—разгадка того, что пустынники, подобные преподобному Антонію, отрѣшенные отъ міра, собираютъ вокругъ себя и при жизни и по смерти несмѣтныя толпы народа.

Урокъ всѣмъ намъ: урокъ цѣнить и любить не внѣшній блескъ силы и власти, не внѣшнюю приманку успѣха и мірской славы, а внутреннюю, неувыдаемую и вѣчную красоту добра и святости, предъ которыми всякія земныя отличія являются ничтожнымъ тряпьемъ, жалкимъ и негоднымъ, ничтожною и дешевенькою мишурою. Учитъ и святой апостоль: не внѣшніе уборы, не золото и серебро, не красота одежды, но потаенный сердца человѣкъ въ нетлѣнной красотѣ непорочнаго духа—сіе есть угодно предъ Богомъ (1 Петра III, 3—4).

И благо намъ, если и насъ влечетъ къ себѣ неудержимо всякая духовная красота, безъ тѣни разлагающаго критиканства, тайной зависти и недоброжелательства; благо намъ, если мы не потеряли чутья и вкуса духовнаго, не потеряли этого возвышающаго и облагораживающаго стремленія поклониться нравственному величію, радоваться виду святости, искать ее, ей кланяться, жаждать ея общенія и въ ея предстояніи спрашивать, въ голосъ сердца, въ глубинѣ совѣсти: что намъ дѣлать? Умрутъ эти стремленія, замолкнутъ, ослабнутъ, порвутся эти душевныя струны—умретъ тогда и человѣкъ, какъ чело-

вѣкъ, и останется въ немъ только умный звѣрь, останется одна пищеварительная машина. Горькое, устрашающее знаменіе въ томъ, что почитаемая всенародно святыня не удерживаетъ алчности грабителя, что святая обитель не останавливаетъ поднятой руки разбойника; недаромъ ужасъ объялъ сердца при вѣсти о недавнемъ ограбленіи этой святой обители и о возмутительномъ насиліи во время богослуженія надъ беззащитными иноками и богомольцами. И напротивъ—добрый знакъ, что православный людъ нашъ такъ приверженъ къ богомоленіямъ и паломничествамъ.

Добрый знакъ, что и вы, братья, пришли сегодня къ преподобному.

Ищите же всю жизнь святости, кланяйтесь ей духомъ и тѣломъ, какъ пришли поклониться сегодня! И да будетъ у насъ предъ духовными очами образъ преподобнаго Антонія, великаго носителя святости, нравственного величія, красоты духовной и благодати. Такіе люди, умирая тѣломъ, живы вѣчно духомъ, побѣждаютъ самое время и чрезъ тысячелѣтія освѣщаютъ и согрѣваютъ людскія сердца. Одинъ изъ учителей церковныхъ (Симеонъ Матафрастъ) говоритъ о нихъ: „это звѣзды путеводныя на небѣ духовномъ“.

Взирая на звѣзды эти, позаимствуемся и мы отъ свѣта ихъ. Аминь.

Женщина и женское образованіе.*

Не безъ чувства смущенія услышалъ я призывъ со стороны достопочтенныхъ устроителей этого вновь открываемаго учебнаго заведенія—совершить сегодня здѣсь священнодѣйствіе молитвы и учительнаго слова. Не безъ чувства смущенія я

---

* Рѣчь на молебствіи при открытіи Карсской женской прогимназіи 8-го сентября 1902 года.

выступаю для проповѣданія слова христіанской истины и въ настоящія глубоко важныя и торжественныя, а для открываемой прогимназіи—поистинѣ историческія минуты. Въ эти минуты, столь важныя, въ этомъ собраніи, столь необычайномъ, хотѣлось бы коснуться и вопросовъ не временныхъ и случайныхъ, не частныхъ и мелочныхъ; хотѣлось бы затронуть основныя и важные интересы современности, въ ихъ отношеніяхъ къ образованію и воспитанію вообще, и въ частности—къ образованію и воспитанію женскому. Но въ наше тревожное время, при господствующей среди насъ прискорбной разноголосицѣ мнѣній и воззрѣній, кто способенъ достойно сказать объ этихъ вопросахъ, сказать и съ должною силою авторитета, и съ должною силою одушевленія и покоряющей убѣдительности? Религія и наука; религія и воспитаніе; религія и школа; стремленія сдѣлать человѣка сыномъ неба—со стороны однихъ, а со стороны другихъ—ожесточенно настойчивыя желанія указать человѣку мѣсто только на землѣ и заставить его совершенно забыть о небѣ; христіанство и современность; духъ царства Божія и духъ міра; евангельское ученіе о нравственномъ достоинствѣ и назначеніи женщины и стремленія современнаго феминизма,—всѣ эти вопросы какъ бы сразу тѣснятся въ сознаніи при открытіи новаго женскаго учебнаго заведенія у всякаго, кто вдумчиво прожилъ послѣднія десятилѣтія нашей общественной жизни. Вопросы тревожныя, насущныя, глубоко важныя!

Вотъ только-что мы прослушали сейчасъ старую и извѣстную, но вѣчно юную и трогательную исторію благословенія Спасителемъ дѣтей, возобновили въ сознаніи Его благостныя слова о малыхъ сихъ. Въ пору полного и, повидимому, окончательнаго паденія семьи, въ вѣкъ, когда воспитаніе дѣтей считалось занятіемъ унижительнымъ и передавалось въ руки раба, какъ бы новый токъ жизни внесенъ былъ въ одряхлѣвшій и гибнувшій общественный строй древняго человѣчества прочитанными сейчасъ евангельскими словами. Дѣти въ христіанскомъ мірѣ стали не только равноправными членами царства Божія, но и предметомъ особо нѣжныхъ заботъ и попеченій. Первые христіане рѣзко отдѣлились отъ языческой жизни прежде всего своимъ семейнымъ строемъ и воспитаніемъ

дѣтей. Но и въ составѣ семьи, и въ общемъ строѣ жизни никто не почувствовалъ такой замѣтной и благодѣтельной пере-мѣны, какъ женщина. Ея возвышеніе, признаніе за нею духовной цѣнности и ея равноправность съ мужчиной въ области духа,—все это впервые и провозглашено и осуществлено было христіанствомъ. Мы проходимъ намѣренно молчаніемъ попытки греческихъ философовъ поднять до себя женщину (гетеры) Эти попытки, притомъ единичныя и исключительныя, имѣли въ виду только умственное развитіе женщины, отъ которой требовалась при этомъ слишкомъ тяжкая жертва: потеря стыдливости, нарушеніе цѣломудрія и чистоты, оскорбленіе общественной нравственности. Лучшая часть женскаго міра не въ силахъ была рѣшиться на такую жертву, которая, въ концѣ-концовъ, могла и должна была принести обратные желаемымъ результаты и унизить женщину еще болѣе. Не то было въ христіанствѣ. Инстинктивно почувствовала это женщина, и пошла навстрѣчу небесному благовѣстію, новому ученію жизни съ тою горячностью чувства, съ тою беззавѣтною преданностью, на которую способно только женское сердце. И откуда только брались силы у этого слабаго, доселѣ презрѣннаго и какъ бы стоящаго внѣ жизни и дѣятельности существа? Она пропо-вѣдуетъ христіанство наравнѣ съ апостолами; она первая спѣшитъ на церковное собраніе; она же первая въ благотвори-тельности и служеніи ближнимъ; она безтрепетно умираетъ за Христа на крестахъ и публичныхъ казняхъ; она тихою и непримѣтною работою воспитанія молодыхъ поколѣній подготов-ляетъ будущиѣхъ крѣпкихъ и надежныхъ воиновъ *царствія Божія*. „Ахъ, какія женщины у этихъ христіанъ!“—вырвался невольно восторженный кликъ у одного изъ самыхъ ярыхъ и притомъ образованныхъ враговъ христіанства (философъ Ливаній). Равная мужамъ въ трудѣ и подвигѣ, равная имъ въ обязанностяхъ, женщина, естественно, становится равною имъ и въ духовно-нравственныхъ правахъ. Уступая мужчинѣ въ физической силѣ, уступая ему въ тѣхъ поприщахъ общественной дѣятельности, которыя, естественно, были недоступны для нея въ силу физическаго ея неравенства съ мужчиной, женщина въ главномъ и существенномъ является равною мужчи-

нѣ великимъ религіозно-нравственнымъ равенствомъ предъ Богомъ,—равенствомъ своей духовной природы, богозданной и богородной, имѣющей тѣ же силы и средства, то же достоинство искупленія и благодатныхъ даровъ и тѣ же нескончаемые, вѣковѣчные идеалы, которые дарованы и мужчинѣ. Ярче всего нравственное достоинство и духовное равенство женщины съ мужчиной выступаетъ въ образѣ той Препоблагословенной Дѣвы, рожденіе Которой сегодня свѣтло празднуетъ св. Церковь. У насъ мало вдумываются въ Ея образъ и въ значеніе Ея жизни и особенно—дѣвическаго обѣта. Среди народа, который указывалъ женщинѣ только одну обязанность и одно достоинство—чадородіе, въ вѣкъ, когда внѣ семьи, внѣ рожденія дѣтей, какъ будущихъ воиновъ и гражданъ, женщина считалась и называлась „праздною“, существомъ лишнимъ и негоднымъ,—является Дѣвушка, Которая безъ шума, но твердо, вопреки общимъ взглядамъ и обычаямъ, отказывается отъ замужества и посвящаетъ Себя особому роду духовной жизни, который избирали только лучшіе изъ мужчинъ. Обѣтъ былъ выполненъ до конца, и этимъ наглядно и для всѣхъ ясно показана была полная духовная равноправность женщины съ мужчиною, какъ существа духовно-нравственнаго; стало ясно, что и внѣ семьи, независимо отъ какихъ-либо внѣшнихъ опредѣленій, сама по себѣ, по своей духовной сущности, женщина имѣетъ цѣну и достоинство предъ людьми и Богомъ. Когда же Благословенная въ женахъ по окончаніи земного поприща исповѣдуема была вселенскою Церковью, какъ честнѣйшая херувимъ и серафимъ; когда Она достигла той высоты святости, до которой не достигалъ никто изъ земнородныхъ: тогда предъ лицомъ всего міра, предъ лицомъ всѣхъ вѣрующихъ было поднято значеніе женщины и ея нравственное достоинство до высоты поистинѣ невиданной, невообразимой, недосыгаемой. Не мужчина, а женщина достигла этой высоты, и посему Дѣва Пречистая есть украшеніе, защита, хвала и радость для женщины всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ.

Не то ли говорить намъ все прошлое христіанскихъ народовъ? Посмотрите на европейскіе народы, смѣнившіе въ историческомъ преемствѣ одряхлѣвшій міръ греко-римскій:

сколько вѣковъ держалось и держится тамъ особо-благоговѣйное почитаніе Мадонны! И развѣ это всеобщее, особенное почитаніе ея не отразилось на положеніи женщины? Посмотрите на нашъ народъ святорусскій! Вотъ среди тьмы его языческой жизни забрезжилъ впервые свѣтъ христіанства. Что же мы прежде всего видимъ въ народѣ, жившемъ въ грубости и многоженствѣ, строившемъ свой семейный бытъ на умыканіи женъ и дѣвицъ? Въ Кіевѣ, матери городовъ русскихъ, первый и главный храмъ, святыня всенародная, устраивается въ честь Богоматери; это фактъ огромной важности въ отношеніи къ предмету, о которомъ у насъ рѣчь. Отливаетъ потомъ русская жизнь къ сѣверо-востоку, — опять и стольные Владимірѣ съ Москвою, и другіе постепенно возникающіе центры русской государственности и гражданственности (Кострома, Нижній, Казань) имѣютъ главными святынями храмы Богоматери, и призывъ: „постоимъ за домъ Пресвятыя Богородицы“ становится всенароднымъ кличемъ на святой Руси. Нетрудно понять, что это означало и какое дѣйствіе производило на семейную жизнь народа, и нетрудно видѣть, какъ постепенно, подъ вліяніемъ христіанства, должно было подниматься значеніе женщины, по крайней мѣрѣ, въ сознаніи лучшихъ представителей общества.

Что бы ни говорили ярые послѣдователи феминизма, женщина, внѣ духовнаго своего склада, духовной красоты и нравственнаго достоинства, предоставленная только животной, безпощадной борьбѣ за существованіе, какъ несомнѣнно слабѣйшая физически, должна была бы уступить мужчинѣ поле жизни. Внѣ религіознаго освѣщенія, внѣ духовной своей равноправности, она быстро низвелась бы до положенія первобытнаго рабства и униженія, изъ котораго никогда не могла бы подняться. Сила ея—нравственная, духовная сила. И чѣмъ выше въ духовномъ отношеніи то или другое общество, чѣмъ болѣе оно способно цѣнить силу и красоту духовную, тѣмъ выше и почетнѣе будетъ среди него положеніе женщины. Но духовныя сокровища, дающія женщинѣ цѣну и возможность не только сравняться съ мужчиной, но, какъ нерѣдко бываетъ, и превзойти его этими духовными сокровищами, вообще впервые оцѣ-

нило и, въ частности, ярко освѣтило ихъ въ женщинѣ христіанство. Отсюда понятно: и въ томъ, что есть несомнѣнно вѣрнаго въ современной борьбѣ за права женщины, существенное и главнѣйшее принадлежитъ христіанству; чтобы окончательно убѣдиться въ этомъ, стоитъ только вспомнить о положеніи женщины въ древнемъ и современномъ язычествѣ и мусульманствѣ; послѣднее въ своей религіозной догмѣ даже не отводитъ женщинѣ мѣста въ загробной жизни. Правда, многіе изъ современныхъ защитниковъ правъ женщины отошли отъ христіанства и въ своихъ воззрѣніяхъ исходятъ какъ-будто изъ другихъ началъ, но это только повидимому: въ томъ, что есть истиннаго и цѣннаго въ ихъ воззрѣніяхъ, они только повторяютъ то, что давно провозглашено христіанствомъ; только повторяютъ они это въ иной, нерѣдко изуродованной формѣ. Это—рѣка, объ источникѣ которой забыли; это—сумерки, что свѣтять отраженнымъ свѣтомъ солнца, которое уже скрылось и невидно за горизонтомъ...

Каково же поэтому должно быть отношеніе женщины къ религіи и вѣрѣ Христовой? Каково же должно быть по направленію образованіе и воспитаніе, которое дается женщинѣ и дома, и въ назначенной для нея школѣ? И каково безуміе, и какова неблагодарность, обуявшая нѣкоторыхъ ревнителей женскихъ правъ и образованія, которые указываютъ женщинѣ путь къ равноправности и возвышенію въ безрелигіозности и отпаденіи отъ Церкви!

Есть научный законъ, непреложно и неизмѣнно наблюдаемый въ природѣ,—законъ согласованія съ образцомъ, съ типомъ. По этому закону каждое существо воспроизводитъ въ жизни то, что могутно заложено въ его типѣ; слѣдованіе этому закону обезпечиваетъ существу жизнеспособность; отступленіе отъ него влечетъ неминуемое вымирание. Тотъ же законъ и съ тою же непреложностью повторяется и въ мірѣ духовномъ; отступленіе отъ основныхъ началъ человѣческаго духа, сущность котораго есть богоподобіе, дѣятельно развиваемое и осуществляемое, влечетъ за собою медленное, но неуклонное вырожденіе... Примѣните это къ женщинѣ. Ея сила и сродная сфера—область чувствъ, живыхъ и глубокихъ; среди этихъ

чувствъ главныхъ вездѣ и всегда—чувство религіозное и чувство нѣжной любви, доходящей до самоотверженія. Выполненіе этихъ началъ дѣлаетъ женщину сильною и бодрою, потому что она чувствуетъ себя тогда въ сродной и естественной сферѣ, какъ птица въ воздухѣ или рыба въ водѣ; отступленіе отъ этихъ началъ, напротивъ, влечетъ за собою слабость, безсиліе, вырожденіе и душевное уродство. Трудно представить себѣ что-либо противнѣе этого уродства—безрелигіозной женщины... Къ несчастью, встрѣчается оно нынѣ нерѣдко. Зло, какъ и добро, и даже иногда болѣе, чѣмъ добро, отличается стремленіемъ подчинять себѣ окружающее и какъ можно шире распространяться... И вотъ, въ виду этого-то и тѣснится въ душѣ тревожный вопросъ: что-то принесетъ обществу это новое учебное заведеніе? Радость или горе? Свѣтъ или тьму? Станетъ ли оно на сторонѣ добра или зла? Время вѣдь переживаемъ мы, поистинѣ, тяжелое!

Пожелаемъ же, чтобъ отмѣченное уродство духовное далеко было отъ этихъ стѣнъ и чувствовало бы себя здѣсь чуждымъ и одинокимъ. Пожелаемъ, чтобы бѣсъ невѣрія и противогосударственныхъ возрѣній, къ прискорбію, нынѣ слишкомъ близко подходящій къ нашей молодежи, находилъ себѣ здѣсь постоянный могучій, побѣдоносный отпоръ въ твердыхъ религіозно-патріотическихъ чувствахъ какъ учащихъ, такъ и учащихся. Пожелаемъ, чтобы свѣтъ религіозной вѣры никогда не померкъ въ этомъ новомъ разсадникѣ знаній научныхъ. Пожелаемъ, чтобъ образъ Богоматери, лучшей и святѣйшей изъ женщинъ, былъ бы не только изображенъ здѣсь художествомъ на этой иконѣ, но чтобъ онъ былъ глубоко начертанъ и въ сердцахъ тѣхъ дѣвочекъ, которыя будутъ получать здѣсь образованіе и воспитаніе.

Мы переживаемъ знаменательное время. Во дни, когда въ одной и притомъ передовой націи во имя свободы грубымъ насиліемъ изгоняютъ религіозныхъ женщинъ изъ религіозныхъ школъ, въ это время съ высоты самодержавнаго престола русскаго раздался призывъ къ руководителямъ школьнаго дѣла вести воспитаніе подростящихъ поколѣній на твердомъ основаніи христіанской вѣры. Мы разумѣемъ послѣдній рескриптъ

Государя Императора министру народнаго просвѣщенія. Во истину, благовременное сказано слово; тревожныя событія послѣднихъ лѣтъ властно заставляютъ въ него вдуматься. Да будетъ благословенно имя боголюбиваго Царя, да будетъ сильно и дѣйственно Его благое слово, и пусть оно отрезвить неразумныхъ. Ибо есть, безъ сомнѣнія, и въ средѣ нашего образованнаго общества лица, которыя не прочь выразить сочувствіе и словомъ и дѣломъ отмѣченному проявленію европейской лже-свободы и воздвигнуть мечъ и въ жизни и въ школѣ противъ Христа и Его служителей. Если гдѣ, то ужъ около школы и въ школѣ таковымъ *нѣтъ мѣста!* Въ русскомъ царствѣ, гдѣ *элементы религиозныя и государственныя* переплелись и срослись между собою, какъ нѣчто цѣльное и единое, у кормила правленія школьнаго не могутъ стоять люди безрелигиозные и враждебно настроенные противъ Церкви. Да, имъ здѣсь не мѣсто, и слава Богу, что словомъ царскимъ властно сказано этимъ одушевленнымъ служителямъ зла: руки прочь!.. Если въ нихъ есть хоть немного самой простой порядочности; если они не обратились въ совершенно безчестныхъ людей; если они не лукавые и низкіе предатели, самымъ фактомъ службы дѣлу народнаго образованія показывающіе принадлежность тѣмъ началамъ, которыя на дѣлѣ они предательски разрушаютъ; если въ нихъ есть хоть сколько-нибудь добросовѣстности,—они должны отойти отъ святаго дѣла обученія и воспитанія дѣтей. Да воскреснетъ Богъ, и расточатся врази Его, яко таетъ воскъ отъ лица огня! Ибо на всѣ вѣка сказано народамъ христіанскимъ слово Спасителя: „оставьте дѣтей приходить ко Мнѣ и не препятствуйте имъ“...

Милыя дѣти! Къ вамъ послѣднее слово: Поздравляемъ васъ съ открытіемъ прогимназіи и съ началомъ учебныхъ занятій! Радуюемся за васъ и молимъ и желаемъ вамъ радостей и свѣтлаго будущаго. Растите, милыя, Богу нашему во славу, родителямъ на утѣшеніе, Церкви святой Божіей, дорогому отечеству нашему на славу! Вотъ сегодня миллионы христіанъ воспоминаютъ рожденіе маленькой дѣвочки Маріи, Дочери Іоакима и Анны. Смотрите, это была такая Дочь, что за Нее и доселѣ, почти 2000 лѣтъ, христіане прославляютъ Ея свя-

тыхъ родителей; мало того: о рожденіи Ея говорится въ пѣсняхъ церковныхъ, что оно возвѣстило радость всей вселенной. Вотъ и сейчасъ предъ вами, дѣти, Ея образъ; онъ будетъ здѣсь постоянно у васъ предъ глазами. Будьте же подражательницами Пречистой Дѣвы! Несите радость всѣмъ окружающимъ васъ; вырастайте и учитесь для того, чтобы всѣмъ около васъ было радостно, тепло и свѣтло. Но помните, что одними знаніями наукъ вы этого не достигнете. Оттого, что вы хорошо выучите грамматику или ариметику, никому около васъ не станетъ ни свѣтлѣе, ни теплѣе. Нужно, чтобы ваши знанія были согрѣты вѣрой Христовой, любовью къ Богу и Его закону, усердною молитвою. Видѣли ли вы зимою солнце? Оно ярко свѣтитъ, да не грѣетъ. Это вамъ подобіе науки безъ вѣры. Видѣли ли вы лѣтомъ знойное солнце въ безводной мѣстности. Оно и грѣетъ, оно и знойно, но безъ влаги вмѣсто того, чтобы оживлять растеніе, оно убиваетъ его. Это вамъ подобіе человѣка, очень умнаго, много знающаго, но не имѣющаго добраго сердца, не знающаго и не исполняющаго закона Христова, закона любви къ ближнимъ.

Растите же, милыя, учитесь и учитесь, богатѣйте познаніями и становитесь все болѣе и болѣе умными, учеными; но становитесь вмѣстѣ съ тѣмъ и все болѣе и болѣе вѣрующими, набожными, добрыми, кроткими, любящими! Какъ нѣкогда евангельскихъ дѣтей, да благословить и васъ, дѣти, Христосъ Спаситель и да осѣнитъ васъ Своимъ покровомъ Пресвятая Богородица! Аминь.

Г р у д ь . *

Повторимъ въ сознаніи нашемъ, возлюбленные дѣти, слышанную сегодня за литургіей евангельскую притчу ¹⁾.

* Нед. 22-я; сказано ученикамъ при обозрѣніи школы Грузинской епархіи.

¹⁾ Читается по евангелію (Лук. XVI, 19—22) притча о богатѣ и Лаазарѣ.

Такъ погибъ богачъ для вѣчности и спасенія. За что же ему такое наказаніе? За что онъ пострадалъ и удаленъ отъ Бога навѣки? Когда вдумашься въ притчу, то видишь, что изображенный въ ней богачъ былъ лучше многихъ другихъ: ничего не сказано, чтобъ онъ нажилъ богатство нечестно, чтобъ онъ былъ убійца, или грабитель, или обманщикъ; не сказано, чтобъ онъ обижалъ своихъ ближнихъ. Многіе ли изъ современныхъ богачей позволили бы нищему Лазарю лежать у воротъ ихъ роскошныхъ домовъ и питаться крошками отъ ихъ стола? Богачъ евангельскій былъ добрѣе ихъ и ничего злого бѣдняку онъ не сдѣлалъ. За что же, однако, онъ осужденъ? Неужели за то только, что онъ былъ богатъ? Такъ нерѣдко думаютъ и говорятъ большею частью бѣдняки въ порывѣ завистливаго озлобленія.

Но такъ разсуждать, значитъ—разсуждать не по-христіански. Слово Божіе нигдѣ не говоритъ намъ, чтобы богатство было само по себѣ грѣхъ, а бѣдность—добродѣтель. Если бѣдность не порождъ, то и богатство—не укоризна; если бѣдные не спаслись въ царствѣ Божіемъ только за свою бѣдность, то и богачи не погибнутъ только за свое богатство. Яркій примѣръ и наглядныя тому доказательства представлены въ притчѣ же: Авраамъ былъ богатъ при жизни, очень богатъ, имѣлъ стада,—много скота, имѣлъ много серебра и сотни рабовъ; однако, по изображенію разсказа, онъ утѣшается въ раю, а богачъ притчи—въ аду.

Было бы долго выяснять подробно вины богача, но для назиданія и наученія, особенно вашего, дѣти, остановимся только на одной мысли. То правда, что Господь не запрещаетъ богатства, не запрещаетъ радости, веселья и ликованья. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Господь заповѣдуетъ человѣку трудъ и трудъ: шесть дней дѣлай и твори въ нихъ всѣ дѣла твои. А въ другомъ мѣстѣ слово Божіе говоритъ: кто не трудится, тотъ пусть и не ѣстъ. Такимъ образомъ право на радости и удовольствія даетъ трудъ. Итакъ, не за то осужденъ богачъ, что роскошно одѣвался и имѣлъ богатство, не за то, что веселился, а за то, что онъ веселился каждый день, непрерывно, за то, что не снималъ съ себя никогда порфиры, за то, что не трудился на

землѣ, и поэтому прожилъ жизнь человѣкомъ лишнимъ, ни для кого не нужнымъ и для всѣхъ бесполезнымъ. Онъ укралъ у міра и у бѣдныхъ ту огромную пользу, которую могъ бы принести своимъ трудомъ и добрымъ употребленіемъ богатства.

Такъ, дѣти: трудиться—это долгъ всякаго. Отъ этого долга не свободенъ никто: ни богатый, ни бѣдный, ни знатный, ни убогій; всѣ должны работать, каждый имѣетъ обязанности, сообразныя возрасту, званію и положенію. Праведный Іовъ былъ очень богатъ, богаче всѣхъ въ своей землѣ, но вотъ что говоритъ онъ: „какъ птица создана летать, такъ человѣкъ созданъ трудиться“. Только невозможность и безсиліе освобождаютъ отъ этой обязанности; таковы: люди старые и маленькія дѣти, больные, калѣки. Но тѣмъ болѣе должны трудиться молодые и здоровые, чтобы доставить все нужное не только себѣ, но и для тѣхъ несчастныхъ, которые сами не могутъ своими трудами заработать хлѣба.

Сильнымъ и здоровымъ оставленъ нищій, сиротѣ они должны быть помощниками,—такъ говоритъ слово Божіе (Пс. IX, 35). И вотъ, лѣность производитъ другой страшный порокъ, за который осужденъ и богачъ: немилосердіе къ бѣднымъ, нуждающимся въ нашей помощи.

Вы, дѣти, теперь подростаете и готовитесь къ жизни. Сами видите, что жизнь готовитъ человѣку трудъ, и въ трудѣто и будетъ заключаться жизнь. Приучайтесь же теперь къ труду. И дома, въ своей семьѣ, каждый трудись чѣмъ можешь и на что указываютъ старшіе, и въ школѣ старайся трудиться и трудиться. Удовольствія, игры и радости не уйдутъ, есть и на нихъ время; да и самый вашъ возрастъ, ваше здоровье есть уже удовольствіе и радость. Радость еще увеличится отъ труда: чѣмъ болѣе потрудитесь, тѣмъ радостнѣе будутъ ваши игры, забавы и удовольствія. Если же теперь не приучитесь къ труду, то, помните, на всю жизнь останетесь бездѣльниками, а отъ бездѣлья—голодь и несчастье, отъ бездѣлья—всѣ пороки. Но предположимъ, что отъ родителей получите вы богатство, которое и при лѣности дастъ вамъ возможность прожить и безбѣдно и радостно. Такимъ устрашеніе и урокъ въ богачѣ, о которомъ рассказано въ сегодняшнемъ евангеліи. Не

угодна Господу и влечетъ погибель бездѣльная жизнь; люди бездѣльные—лишніе люди.

Вы знаете, многіе уходили и уходятъ отъ міра для постоянной молитвы и спасенія въ обителяхъ, или, какъ было въ старину, въ пустыни. Но и тамъ нуженъ трудъ и трудъ. Однажды величайшій изъ подвижниковъ—преподобный Антоній, подвизаясь въ пустынѣ, спросилъ Господа: что мнѣ дѣлать, чтобы спастись. И тотчасъ онъ увидѣлъ предъ собою человѣка, очень похожаго на себя: человѣкъ этотъ молился, потомъ трудился, снова молился, и снова принимался за трудъ. Изъ этого св. Антоній понялъ, что Богъ требуетъ отъ насъ постоянного труда и постоянной молитвы.

Молитесь, дѣти, и трудитесь, трудитесь и молитесь, и тогда вы будете не лишними людьми въ жизни, тогда вы будете угодны Богу и избѣгнете той тяжелой участи, которой подпалъ евангельскій богачъ, изображенный въ слышанной сегодня притчѣ.

Господь говоритъ намъ: Блаженъ человѣкъ, который возьметъ яремъ свой—трудъ свой отъ юности своей. Аминь.

Воинское дѣло и званіе.*

„Приходили къ нему войны и спрашивали: что намъ дѣлать?“ (Лук. III, 14).

Священное писаніе рассказываетъ намъ, что на предразсвѣтной зарѣ христіанства явился великій пророкъ-проповѣдникъ, приготовлявшій людей къ принятію Спасителя. Какъ только вышелъ онъ изъ своего пустыннаго уединенія и сталъ на великомъ и людномъ пути іорданскомъ, тотчасъ же огненное слово его потрясло сердца слушателей, и „приходили къ

* Рѣчь на панихидѣ на братской могилѣ воиновъ, павшихъ при взятіи Карса 6-го ноября 1877 года. Произнесена при священнослуженіи высокопреосвященнѣйшаго Алексія, ексарха Грузіи, 26 сентября 1902 года, въ день св. ап. Іоанна Богослова.

нему и Иерусалимъ и вся Іудея и вся окрестность іорданская“ (Матѣ. III, 5), приходили люди всѣхъ возрастовъ, званій и состояній, повинуваясь врожденному и неистребимому въ человѣкѣ влеченію къ нравственному и совершенному; приходили и вопрошали пророка о пути жизни, богоугожденія и спасенія. Въ числѣ другихъ приходили къ нему и подобные вамъ, братіе,—воины и также спрашивали Іоанна Крестителя: „а намъ что дѣлать?“ Простые жизненные и удобопонятные отвѣты давалъ пророкъ всѣмъ искавшимъ у него наставленія; такой же отвѣтъ далъ онъ и воинамъ, примѣняясь къ ихъ тогдашнему быту и господствовавшимъ въ то время среди нихъ порокамъ и недостаткамъ: „никого ни обижайте, не клеветайте и довольствуйтесь оброками вашими“. Это означало: „не употребляйте во зло вашей силы, не употребляйте ее для низкой корысти, исполняйте вашъ долгъ и призваніе, а призваніе ваше—защищать другихъ отъ обидъ, а не быть обидчиками, способствовать порядку и устройству, а не разстройству жизни“.

Окончилъ свое земное поприще великій пророкъ, и вотъ вышелъ на дѣло учительства и спасенія людей Самъ Господь Спаситель, имъ проповѣданный. Во дняхъ Его плоти, въ трудахъ Его земного служенія, въ числѣ первыхъ послѣдователей около Него стали прежде всего ближайшіе ученики Іоанна Крестителя, какъ наиболѣе подготовленные къ слушанію и проповѣдыванію новаго завѣта и царства Божія на землѣ. Въ ихъ числѣ и однимъ изъ первыхъ былъ впослѣдствіи любимѣйшій апостолъ Іисуса Христа Іоаннъ Богословъ, память котораго сегодня празднуетъ св. Церковь. Божественный Учитель всегда былъ окруженъ ищущими глаголовъ живота вѣчнаго; были среди нихъ, несомнѣнно, и воины, и о нѣкоторыхъ такихъ ищущихъ правды вѣчной войнахъ, въ назиданіе намъ, сохранились указанія въ евангеліяхъ. Такъ, сотникъ къ Капернаумѣ проявилъ такіа нравственныя силы, такую вѣру, любовь и смиреніе, что предъ всѣмъ народомъ удостоился высокой и рѣдкой похвалы изъ устъ Спасителя, причемъ здѣсь же Господь благоволилъ указать на него, какъ на образъ безчисленныхъ избранныхъ изъ всѣхъ народовъ, которые придутъ и возлягутъ на пиршествѣ вѣры въ новомъ и вѣчномъ

царствѣ Христовомъ. Знаемъ изъ евангелія и о другомъ сотникѣ, который стоялъ на-стражѣ у Креста Иисусова и въ часъ Его смерти исповѣдалъ вѣру свою въ Спасителя міра.

Прошли съ тѣхъ поръ вѣка христіанской исторіи, и на протяженіи всѣхъ этихъ вѣковъ христіанское воинство водружало кресты на своихъ знаменахъ, сражалось и умирало за вѣру и изъ своихъ рядовъ дало и исповѣдниковъ, и мучениковъ за Христа. И Церковь, благословляя воинство, молилась о немъ и въ лики святыхъ внесла многихъ, многихъ, которые были добрыми воинами и слугами царей земныхъ и въ то же время добрыми воинами и слугами Царя Небеснаго.

Но вотъ уже въ наше время пронеслось надъ умами и сердцами иное вѣяніе, которое объявило воинство, любовь къ отечеству и защиту родины позоромъ, разбоемъ и преступленіемъ. Мы не стали бы о немъ и говорить, но оно прикрывается именемъ христіанства, а одинъ изъ его провозвѣстниковъ, авторъ новой вѣры и новаго евангелія, объявившій себя самозванно учителемъ міра, можно сказать, забросалъ насъ текстами изъ евангелія и священнаго писанія и всего болѣе изъ посланій апостола любви—св. Іоанна Богослова, нынѣ нами прославляемаго. Прельстившись этимъ видомъ благочестія, забывъ, что и дьяволъ, искушая Спасителя, тоже ссылался на священное писаніе, и, однако, былъ далекъ отъ истины, забывъ, что можно быть великимъ художникомъ слова, но плохимъ мыслителемъ и религіознымъ учителемъ, къ новому, лжеименному учителю приходили многіе и многіе и, странное дѣло,—онъ увѣренно и властно давалъ имъ отвѣты о пути и смыслѣ жизни, которую онъ, по собственному признанію, самъ провѣлъ безумно и безпутно, и о волѣ Бога, въ Котораго, какъ въ личное и волящее существо, онъ, лжеименный учитель, самъ не вѣрилъ... Приходили къ нему, въ числѣ другихъ, и воины, и готовящіеся быть воинами, вопрошая его: „Что намъ дѣлать?“ И вотъ раздался отвѣтъ, который скоро обратился въ озлобленную и страстную проповѣдь по всему міру; проповѣдь гласила: „не нужно самаго воинства, воинство есть позоръ и преступленіе; воинъ есть разбойникъ, а защита родины есть разбой“. И здѣсь, въ предѣлахъ этой страны, въ виду разсѣянныхъ

здѣсь всюду могилъ славныхъ и безвѣстныхъ героевъ, кровью полившихъ этотъ рубежъ Россіи, не среди враговъ нашихъ или инородцевъ, а среди коренныхъ русскихъ людей раздалась эта смутительная и въ государственномъ отношеніи самоубійственная рѣчь; она поколебала темную, невѣжественную массу, и 8.000 русскихъ людей ушли изъ Русскаго царства, навсегда погибли для Церкви, для родной страны ¹⁾).

Не знаемъ, можетъ-быть, вы, воины, занятые своимъ дѣломъ, своимъ долгомъ, не замѣчаете и не слышите озлобленнаго отрицанія, направленнаго противъ васъ и самаго вашего существованія, но мы видимъ и слышимъ его въ окружающей жизни и въ оразительницѣ жизненныхъ явленій—въ литературѣ. Впрочемъ, не могло оно пройти мимо васъ незамѣтнымъ, и мы знаемъ воиновъ, которые перенесли много нравственныхъ пытокъ, много мучительныхъ сомнѣній и колебаній, разрѣшая роковой для нихъ вопросъ: быть или не быть имъ въ рядахъ защитниковъ родины; мы знаемъ многихъ вашихъ родныхъ и близкихъ, которые страдали за васъ, разрѣшая все тотъ же вопросъ, въ который внесено столько тьмы и смуты новымъ лжеименнымъ учителемъ жизни.

Не смущайтесь, возлюбленные! Воинство—не шайка разбойниковъ, защита родины—не разбой, смерть за вѣру и отечество—не позоръ, какъ бы красно, какъ бы искусно ни силился опровергнуть эту истину нашъ барствующій философъ, возмнившій и объявившій себя учителемъ жизни! Если справедливо присловье: „скажи мнѣ, кто твои друзья, и я скажу тебѣ, кто ты“, то не менѣе справедлива и обратная мысль: „укажи мнѣ твоихъ враговъ, и я тебѣ скажу, кто ты“.

Посмотрите же, откуда идетъ это отрицательное, озлобленное вѣяніе? Откуда идетъ эта страстная проповѣдь противъ воинства, это стремленіе подорвать въ основѣ любовь къ отечеству и сдѣлать невозможною защиту родины? Идетъ это изъ лагеря враговъ всякаго порядка, изъ кружковъ анархистовъ, которые силятся уничтожить всякія крѣпкія организаціи, чтобы

¹⁾ Разугнѣмъ уходъ духоборовъ въ Америку изъ Карсской области; они заволновались и были нафанатизированы письмами графа Л. Толстого и проповѣдью его приспѣлшниковъ.

на развалинахъ порядка создать свое личное благо. Среди этихъ организацій Церковь въ духовной области и воинство въ области внѣшняго устроенія жизни являются главными и основными. И это вполне естественно. Не только всемірная, но и предмірная исторія въ горнемъ мірѣ духовъ открывается борьбою добра и зла; борьба эта переходитъ и въ міръ разумно-нравственной твари на землѣ, и съ тѣхъ поръ борьба добра и зла красною нитью проходитъ въ исторіи человѣчества и составляетъ одушевляющее и движущее ея начало. Для борьбы съ мировымъ зломъ приходилъ на землю Самъ Сынъ Божій, да разрушить дѣла дьявола, и въ первые же дни Своей земной жизни Онъ былъ пророчески объявленъ знаменемъ, около котораго до скончанія вѣковъ будетъ происходить ожесточенная борьба вѣрныхъ и невѣрныхъ. Въ сокровенной и невидимой области духа эту борьбу добра и зла ведетъ Христова избранница и продолжательница Его дѣла на землѣ—святая Божія Церковь; ведетъ она борьбу и изъ окружающаго мрака зла видитъ въ свѣтломъ грядущемъ побѣду; бодрость, силу и вѣру даютъ ей отрадные и вѣчныя слова обѣтованія ея Главы—Христа: „созижду церковь Мою и врата адовы не одолѣютъ ея“ (Мѣ. XVI, 18).

А въ области внѣшняго и видимаго обнаруженія зла ведетъ съ нимъ борьбу христіолюбивое, христіоименитое воинство. Естественно, если оно хочетъ быть побѣдоноснымъ, если оно желаетъ осмыслить высшимъ смысломъ свое существованіе, оно должно быть въ единеніи съ тою несокрушимою духовною силою, которой обѣтована навѣки побѣда и неодолимость силами зла и низъ вратами ада.

Неудивительно поэтому, что Іоаннъ Креститель далъ обычныя наставленія воинамъ, заповѣдалъ имъ избѣгать пороковъ, распространенныхъ въ ихъ средѣ, но не отрицалъ самаго званія воинскаго и не приказывалъ имъ оставить его. Неудивительно, что и Спаситель, похваливъ нравственные достоинства капернаумскаго сотника, не повелѣлъ ему сложить воинскіе доспѣхи, не повелѣлъ ему даже, какъ другимъ, оставить дѣла житейскія и слѣдовать за Собой, но оставилъ его у долга его служенія. И было бы, напротивъ, удивительно, если бы уче-

никъ Іоанна Крестителя и ученикъ Іисуса Христа—Іоаннъ Богословъ, какъ хотеть навязать намъ современный лжеименный учитель и авторъ самоизмышленной вѣры и евангелія, былъ, вопреки голосу двухъ своихъ Учителей, врагомъ воинства и противникомъ защиты вѣры и родины. Неудивительно, далѣе, что первые христіане охотно и во множествѣ служили въ рядахъ войскъ и если оставляли воинское званіе, то въ томъ только случаѣ, если ихъ заставляли кланяться кумирамъ и признавать за божество цезаря; неудивительно, что при императорахъ-язычникахъ состояли цѣлые легионы изъ воиновъ-христіанъ и среди нихъ знаменитый *legio fulminatix* при Маркѣ Авреліи; извѣстно, что изъ воиновъ вышло много мучениковъ за Христа, много великихъ благотворителей, много святыхъ, которыхъ донинѣ чтить св. Церковь. Одинъ изъ недавно умершихъ русскихъ писателей, мыслитель-христіанинъ ¹⁾, дѣлаетъ даже такое замѣчаніе: „Посмотрите,—говоритъ онъ,—въ числѣ нашихъ святыхъ все больше или монахи или воины“. И дѣйствительно, цари, князья-воители, умиравшіе за вѣру, сражавшіеся за вѣру и отечество, и Константинъ Великій, и Владиміръ Свѣтлой, Борисъ, Глѣбъ, Игорь, Довмонтъ, Андрей Боголюбскій, Михаилъ Черниговскій, Михаилъ Тверской, Александръ Невскій и друг.,—все эти воины почитаются въ Церкви, какъ святые, наравнѣ съ величайшими преподобными подвижниками.

Неудивительно, наконецъ, что и донинѣ Церковь благословляетъ христіанское воинство. Великая, величайшая, несокрушимая сила въ этомъ единеніи Церкви и воинства: когда Церковь воодушевляетъ и подкрѣпляетъ воина въ исполненіи долга его званія, въ его готовности умереть и пострадать за избранную идею, и когда воинъ эту идею беретъ у Церкви и въ своей жизни и дѣятельности исполняетъ задачи Церкви на землѣ. Это—тѣло, соединенное съ духомъ, живое, дѣйствительное и мощное; это—мощь, способная побѣдить все препятствія, страшная для царства зла ²⁾. Знаютъ это темныя силы зла, и

¹⁾ Вл. Соловьевъ въ сочин. „Три разговора“.

²⁾ Мысль эту вполне разделяютъ оба лагера—и защитники, и отрицатели воинства. Помнится рѣчь одного изъ героев послѣдней русско-турецкой войны,

поэтому со всею злобою и страстностью возстают противъ союза христіанства и государства, Церкви и воинства и объявляютъ его противоестественнымъ.

Противоестественный союзъ христіанства и государства! Но кто же ратуетъ здѣсь за христіанство? Или потомки и единомышленники распявшихъ Христа, или люди, которымъ по безрелигіозному направленію такъ же пристало распинаться за христіанство, какъ Іудѣ пристало бы отстаивать вѣрность и безкорыстіе.

Противоестественный союзъ Церкви и христіолюбиваго воинства! Но не противоестественно ли было бы обратное явленіе? Возьмемъ самый простой и наглядный примѣръ. Вотъ предъ нами разбойникъ, грабитель и многократный убійца, приведенный и представленный на судъ, и вотъ предъ нами георгіевскій кавалеръ, проливавшій кровь на полѣ брани, со слѣдами ранъ, увѣчий и пережитыхъ страданій. Неужели въ нравственномъ отношеніи ихъ можно поставить на одну доску? Отчего противъ такого сопоставленія возмущается здоровое нравственное чувство? Отчего оно никакъ не укладывается ни въ головѣ, ни въ сердцѣ? Дѣло очень простое. Оттого, что одинъ шелъ убить, а другой шелъ и умереть; одинъ идетъ во имя свое, во имя личной пользы, узкой корысти и себялюбія, а другому, напротивъ, личное-то себялюбіе подсказывало убѣждать съ поля брани, но онъ шелъ во имя Бога, за Церковь, за родину, за другихъ, за ближнихъ прежде всего, а не за себя. Просто и убѣдительно выяснилъ это различіе одинъ изъ святыхъ первоучителей славянскихъ, равноапостольный Кириллъ, въ мірѣ Константинъ-философъ. Когда въ спорѣ съ невѣрными послѣдніе указывали ему на видимое противорѣчіе христіанства, заповѣдующаго любить ближнихъ и въ то же время допускаю-

---

выдающагося русскаго полководца (генер. Драгомирова) на обѣдѣ въ день церковнаго торжества, при открытіи мощей святителя Феодосія. Ораторъ заявилъ, что онъ не чужой на этомъ духовномъ торжествѣ, и что въ лицѣ присутствовавшихъ высшихъ церковныхъ іерарховъ онъ видитъ собратій въ великой борьбѣ со зломъ, только въ другой, болѣе важной области. А въ современной Франціи новая жидовствующая ересь, породившая и питающая анархическую влиску, злобно кричитъ, что сабли и яса подали другъ другу руку и вступили между собою въ союзъ. Что же: гора, аще добръ рекутъ о васъ все человѣци...

шаго войну, св. Кирилль спросилъ ихъ: „какую, по вашему мнѣнію, заповѣдь нужно прежде всего исполнить: большую или меньшую?“ Ему отвѣтили: „большую“. Тогда святой сказалъ: „правда, Христось заповѣдалъ любовь къ ближнимъ, но Онъ далъ и другую заповѣдь, которую Самъ же и назвалъ наибольшою: „больше сея любви никто же имать, да кто душу свою (жизнь свою) положить за други своя“ (Іоанн. XV, 13).

И гдѣ же, какъ не здѣсь, на этихъ окружающихъ насъ въ эти минуты удолияхъ и высотахъ, поучаться этой истинѣ? Не здѣсь ли мы стоимъ, воистину, на „кровяхъ“, какъ выражались наши предки? Не здѣсь ли полегли костями тысячи и десятки тысячъ безвѣстныхъ героев-мучениковъ, страдальцевъ за вѣру и отчизну, не здѣсь ли они обагрили кровью эту чужбину, эти скалы и камни, эту негостепрѣимную землю? Они шли, готовые на смерть, невѣдомые безвѣстные герои, совершая подвигъ въ тайнѣ своего духа только предъ лицомъ Бога, шли умирать и знали, что тамъ за ними стоитъ благословляющая ихъ родная Церковь, которая безъ ихъ подвига померкнетъ и поникнетъ предъ невѣрнымъ полумѣсяцемъ, стоитъ и родимая Россія, которая привела ихъ сюда, исполняя богоуказанную міровую свою и христіанскую задачу на Востока. Развѣ ихъ не тянуло домой? Развѣ не тянуло ихъ къ свѣту, теплу и покою, въ мирныя и дорогія семьи? Развѣ въ послѣднія предсмертныя минуты не представлялись имъ близкіе и родные образы?

О, не забыть мнѣ до гробовой доски тѣхъ чувствъ и впечатлѣній, которыя я испыталъ на другомъ такомъ же братскомъ кладбищѣ, въ нашемъ многострадальномъ Севастополѣ. Вотъ на историческомъ холмѣ раскинулась и разрослась зеленая роща—жизнь на мѣстѣ смерти. Какая священная тишина, какой царитъ миръ! Идешь въ этомъ безмолвіи посреди безчисленныхъ могилъ и въ онѣмѣніи чувствъ читаешь знаменательныя и поражающія надписи: такой-то и тамъ-то убитъ, смертельно раненъ, разорванъ на части... Братская могила въ 100, 200, 300 человѣкъ... Братская могила въ 500, 700 человѣкъ... Да, кто хочетъ учиться уваженію къ воинству,

кто хочетъ понять и оцѣнить его трудъ, подвиги и заслуги, тотъ долженъ идти на братское воинское кладбище!

Вотъ оно и сейчасъ передъ нами. Двадцать пять лѣтъ минуло съ тѣхъ поръ, какъ засѣяна эта Божія нива. Кругомъ уже не чужбина, а святая Русь, кругомъ уже не громы войны, не бранные клики, не шумъ оружія, не залпы орудій, а тихая и мирная молитва о почившихъ. Надвинулась русская государственность, закипаетъ мирная гражданская работа, насаждается просвѣщеніе, блистаютъ кресты на храмахъ, и стройно клирное несется пѣніе, и дымъ кадила, и еиміамъ молитвы возносятся къ этому ясному и прекрасному небу, и первосвяtitель обширнаго края, представитель великой и славной русской Церкви, мирно свершаетъ архипастырскій путь по умеренному краю и въ сослуженіи сонма священнослужителей свершаетъ сейчасъ молитву о васъ, почившіе здѣсь, доблестные воины...

О, спасибо вамъ, спасибо съ доземнымъ поклономъ вамъ, православные воины, родимые герои-мученики безвѣстные! Все, что мы видимъ здѣсь кругомъ, это—пышные всходы и плоды на нивѣ, которую вы полили потомъ и кровью! Въ небесныхъ селеніяхъ, въ странѣ невечернаго свѣта и незаходимаго солнца, слышите ли вы, родимые, наши благодарныя хвалы? Согрѣютъ ли васъ въ сырой землѣ, въ холодныхъ могилахъ наши слезы, наша любовь, наши молитвы? Пожнете ли радостью вы, сѣявшіе слезами и горестями? Чувствуете ли вы, что кругомъ васъ ужъ не чужбина, а Русь святая, православная раздвинулась надъ вами, что склонилась надъ вами съ нѣжною любовью, съ материнскою молитвою родимая Церковь, съ ходатайствомъ о васъ предъ Вѣчною Правдою, предъ Христомъ, вашимъ Господомъ? Чувствуете ли вы, что вокругъ васъ все, что вы любили въ жизни, что было вамъ близко, дорого, за что въ трудъ и смертномъ подвигѣ на этомъ самомъ полѣ чести вы нѣкогда положили ваши души?

О, Боже духовъ и всякія плоти! Ты скорбящихъ миръ и труждающихся отрада, дыханіе живыхъ и мертвыхъ жизнь и воскресеніе! Призри съ небесе, Боже, и виждь на ниву эту, на которой еще такъ недавно косила неумолимо страшная

коса смерти, и всѣмъ почившимъ здѣсь, ихъ же имена Ты, Господи, вѣси, пошли небесную радость, миръ, упокоеніе и вѣчную память! Аминь.

„Домашняя церковь“.*

Поздравляю васъ съ совершившимся надъ вами священнымъ таинствомъ брака. Знаю, что вы оба—люди, глубоко въ смиреніи сердца вѣрующіе, и поэтому увѣренъ, что и вы сами въ томъ, что надъ вами совершилось, видите не одинъ обрядъ, не исполненіе только требованія закона или общественныхъ условій жизни, а воистину священное таинство. Во имя этой-то вѣры вашей, во имя излитанной на васъ сейчасъ благодати Духа Святаго, я обращаю къ вамъ въ настоящія минуты слово нашего Господа: *„гдѣ двое или трое во имя Мое, тамъ и Я посреди ихъ.“* Вотъ вы двое соединились теперь вмѣстѣ на жизнь совмѣстную навсегда, во образъ союза Христа и Его Церкви, и, по слову обѣтованія Господня, Христосъ теперь посреда васъ. Велико это обѣтованіе, великое, величайшее значеніе дано браку: онъ уподобляется Церкви Христовой. И апостоль въ писаніяхъ своихъ брачную жизнь и семью прямо называетъ *„домашнею церковью“*.

Домашняя церковь!... Этимъ сказано все и этимъ опредѣляются и наши вамъ благожеланія. Да будетъ у васъ въ вашей жизни, въ вашей предначатой семьѣ домашняя церковь! И какъ въ Церкви все полно вѣры и упованія, все полно благоуханія молитвы такъ пусть будетъ свѣтло и отрадно въ вашей жизни. И какъ въ Церкви все основано на любви, на любви ея ко Христу, безконечной любви къ ней Спасителя, положившаго за Церковь душу Свою, такъ и у васъ начало и, главное, все продолженіе вашей жизни да исполнится духомъ любви взаимной. Люди мірскіе видятъ любовь въ началѣ брака,

* Рѣчь при браковѣчаніи.

и «бракъ по любви» есть идеаль брака. Не такъ думаютъ люди церковные. Они не удовлетворяются этой любовью и полагаютъ ее только въ первую ступень дальнѣйшаго и безграничнаго восхожденія любви. Это потому, что въ ней есть на первыхъ порахъ много страстнаго, плотскаго, односторонняго, иногда затемняющаго, а не просвѣщающаго жизнь духа. Въ брачной жизни, послѣ таинства Духа Божія, любовь должна чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе одухотворяться, очищаться, проясняться и возвышаться; завершеніе ея—въ словѣ апостола: „тайна сія велика есть, азъ же глаголю во Христа и въ Церковь.“

Живите же въ такомъ христіанскомъ восхожденіи любви. Пошли вамъ Богъ, по мудрому присловью русскаго народа, миръ, любовь и совѣтъ! Восходите въ мѣру возраста исполненія Христова. Храните данную вамъ тайну благодати въ вѣрѣ, чистотѣ и цѣломудріи.

Отецъ, Сынъ и Святой Духъ да благословитъ васъ.... и да сподобитъ васъ обѣщанныхъ благъ воспріятія молитвами Богородицы и всѣхъ святыхъ! Аминь.

Единеніе всѣхъ положительныхъ силъ жизни.*

Сынове вѣка сего мудрѣйши паче сыновъ свѣта въ родѣ своемъ. (Лук. XVI, 8).

Во дни торжествъ церковно-общественныхъ, — а таковъ именно день нынѣшній, — естественно, предъ сознаніемъ и слушателей церковно-поучительнаго слова, и въ сознаніи его проповѣдника сами собою встаютъ вопросы о благѣ, устройствѣ и интересахъ общественныхъ, государственныхъ. Поэтому не будетъ безвременнымъ или излишнимъ въ настоящемъ собраніи мужей, облеченныхъ полномочіями и довѣриемъ отъ Верховной власти и поставленныхъ трудиться на различныхъ по-

* Слово въ день рожденія Государыни Императрицы Маріи Феодоровны, 14 ноября 1902 года.

прицахъ служенія благу отечества, коснуться въ церковномъ словѣ одного изъ условій этого блага,—такого условія, безъ котораго невозможна никакая плодотворная работа и которое, въ виду особыхъ знаменій переживаемаго нами времени, требуетъ настойчиваго напоминанія и глубокаго размышленія. Оно всѣмъ извѣстно и не представляетъ какой-либо новости; о немъ говорятъ и повторяютъ намъ съ дѣтства: но слово церковное и не задается цѣлью представлять уму и сердцу нашему только одно новое и невѣдомое. Подобно тому, какъ на службѣ государственной требованія закона не только объявляются вновь, но весьма нерѣдко напоминаются къ свѣдѣнiю и исполненiю, точно также и вѣчное слово закона Божія и наставленія Церкви преподаются намъ чаще всего для напоминанія и предостереженія въ потребныхъ случаяхъ.

Какъ ни странно это, и какъ ни больно сознаться, но и намъ иногда бываетъ полезно учиться приемамъ борьбы со зломъ въ лагерѣ совершенно противоположномъ, въ лагерѣ самаго зла. Впрочемъ, и въ исторiи нашего отечества бывали случаи, когда воины одной стороны учились воинскому искусству у стороны противоположной, учились у враговъ ихъ приемамъ успѣшной и побѣдоносной брани, учились горькими уроками—пораженiями и разочарованiями. Въ высшей степени образно и поучительно говорить объ этомъ явленiи и святое евангелiе въ извѣстной и глубокой притчѣ о неправедномъ домоправителѣ (Лук. XVI, 1—9). Нельзя было похвалить неправеднаго домоправителя за его нечестныя дѣянiя, но его догадливость и находчивость, его усердiе и одушевленiе въ дѣланiи и сокрытiи зла поставлены сынамъ свѣта въ образецъ ихъ служенiя добру и вообще въ сродной имъ дѣятельности (Лук. XVI, 8).

Борьба служителей тьмы и сыновъ свѣта—борьба вѣковѣчная. Слово Божiе, прозрѣвая тайны вѣковъ и приподнимая завѣсу грядущаго, насколько можно и полезно знать и видѣть его сотворенному оку, говоритъ намъ, что *тайна беззаконiя дѣется* (2 Сол. II, 7) непрерывно, и что *лукавыя челоуки будутъ преуспѣвать во злѣ, вводя въ заблужденiе и заблуждаясь* (2 Тим. III, 13).

Правда и то, что добро также явить силу устойчивости и одушевленія; оно также найдетъ себѣ служителей, и вечера царствія Господня не останется пустою. Но соразмѣрно росту добра будетъ усиливаться зло; такъ будутъ расти вмѣстѣ на нивѣ міра и плевелы, и пшеница до послѣдней жатвы, до послѣдняго суда Божія. Необходимо сынамъ свѣта слѣдить за сынами тьмы.

Что же дѣлаютъ нынѣ и какъ дѣйствуютъ нынѣ предъ-указанные апостоломъ *лукавыя челоѵци*?

Одинъ изъ глубокихъ русскихъ мыслителей и вдумчивый наблюдатель всемірной и нашей отечественной жизни (В. Соловьевъ) такъ былъ пораженъ открывшеюся предъ его взорами силою зла, отрицанія, разрушенія и безумно-горделивой, сатанински-злой борьбы противъ Бога, что открыто и мужественно выступилъ предъ извѣрившимся образованнымъ нашимъ обществомъ съ проповѣдью о близкомъ времени пришествія антихриста, а предъ смертью заявилъ: „магистраль всемірной исторіи, видимо, приближается къ своему концу“. А сила зла и тайна успѣха беззаконія—въ томъ единеніи носителей зла, которымъ они проникнуты. Не станемъ слѣдить за исторіей и жизнью всемірной; довольно наблюденій для выводовъ мы видимъ у себя дома, въ нашемъ отечествѣ. Только слѣпой или не желающей быть зрячимъ не видитъ, какъ на нашихъ глазахъ слятся объединиться всѣ отрицательныя и разрушительныя теченія жизни. Они явно желаютъ сплотить все недовольное и всѣхъ недовольныхъ и озлобленныхъ, безъ различія причинъ недовольства; явно желаютъ слить отдѣльныя ручейки зла въ огромную и бущующую рѣку, которая съ бѣшеною и всеокрушающею силою должна пронестись по лицу Россіи и снести, уничтожить всѣхъ сторонниковъ и защитниковъ положительныхъ началъ жизни: религіи, нравственности, твердаго и устойчиваго порядка жизни, твердой и несокрушимой власти, исторически-зидательныхъ условій нашего церковнаго и гражданскаго строя. И посмотрите, съ какимъ лукавствомъ, съ какой изворотливостью и лицемѣріемъ все это дѣлается! Евангельскій неправедный домоправитель кажется ребенкомъ предъ этими одушевленными служителями зла и

„карьеристами смуты“, какъ выразился о нихъ одинъ современный писатель. Какъ ночные пернатые хищники, они видятъ только во тьмѣ; ихъ сродная стихія—злоба, смута, измѣна и возмущеніе; здѣсь они, какъ рыбы въ водѣ; ихъ время—ночь; ихъ промыслъ—хищничество и духовный разбой; ихъ враги—солнце и свѣтъ, которые рѣжутъ имъ глаза и заставляютъ прятаться въ темныя гнѣзда и норы. Они присосутся всюду, гдѣ только есть поводъ для чьего-либо озлобленія; они какъ изъ земли вырастутъ вездѣ, гдѣ только представляется удобная почва для сѣянія недовольства, возмущенія, измѣны и грязной клеветы на все высокое и положительное въ жизни. Они среди возмущенныхъ рабочихъ,—эти люди, которые сами никогда не работали: здѣсь они представляются глашатаями гуманности, защитниками угнетенныхъ; они среди недовольной учащейся молодежи—безразлично, права ли она, или неправа, лишь бы было недовольство,—эти люди, никогда и ничему серьезно не учившіеся: здѣсь они защитники свободы, защитники науки. Безбожники—они представляются и религіозными, если это только полезно въ ихъ цѣляхъ и стремленіяхъ.

Какое имъ дѣло до крестнаго знаменія, до двухъ или трехъ перстовъ, до сугубаго или трегубаго аллилуіа? Но они присосутся и къ старообрядцамъ-раскольникамъ, чтобы воспользоваться ими, чтобъ обратить наивныхъ и простосердечныхъ людей въ орудіе борьбы противъ ненавистнаго имъ государства. Нужно ли водное крещеніе или не нужно, нужны ли молитвы за умершихъ, нужны ли храмы и какія нужно принимать таинства? Они давно умерли для этихъ вопросовъ, но охотно идутъ къ сектантамъ, и въ то время, какъ послѣдніе часто искренно и глубоко болѣютъ всѣми этими запросами, томительно ищутъ ихъ разрѣшенія, и безъ авторитета Церкви остаются безсильными и беспомощными,—они и здѣсь совершаютъ свое черное дѣло озлобленія и смуты... Допускается ли евангеліемъ присяга, допустима ли война, допустима ли брачная жизнь, яденіе мяса, употребленіе вина и табака, оправдываются ли евангеліемъ собственность, судъ, государство... Все это для нихъ—пустые звуки и до евангелія имъ нѣтъ дѣла. Но они, проживая съ блудницами, играя въ карты, поядая мясо, упи-

ваясь виномъ, пользуясь государственнымъ строемъ, войскомъ, судомъ, полицией, деньгами, послѣдними иногда отъ службы тому же государству,—однако, проповѣдуютъ сочувствіе духовнымъ и толстовцамъ, для которыхъ перечисленные вопросы суть вопросы жизни; они идутъ къ сектантамъ, пишутъ имъ, шлютъ имъ ободреніе, возстановляютъ противъ власти, противъ отечества, тайно помогаютъ ихъ бѣгству изъ родины, агитируютъ, пропагандируютъ... Они забыли, когда посѣщали храмъ, когда слышали богослуженіе; но какъ они будутъ распинаться за права того или другого языка или порядка богослуженія, лишь бы внести смуту въ среду различныхъ народностей и повредить государству! Они давно утратили всякое чувство патриотизма и бичуютъ его всѣми видами насмѣшки и презрѣнія, но они готовы поддержать всякій лже-патриотизмъ, если только онъ гибеленъ для положительныхъ сторонъ жизни и способенъ внести раздоръ въ умы и сердца, раздѣлить сторонниковъ и защитниковъ родины и ея верховнаго управленія. Зло извивчиво, зло желаетъ приспособиться вездѣ и ко всему, лишь бы объединить все темное и выдвинуть его на борьбу со свѣтомъ.

Что же дѣлаютъ сыны свѣта? Что же дѣлаемъ мы, желающіе остаться вѣрными сынами отечества и сынами православія? Объединяемся ли мы въ виду врага злобнаго? Неужели все такъ же относится къ намъ слово Господа Иисуса Христа, почти 2000 лѣтъ назадъ со скорбью засвидѣтельствовавшего, что „сынове вѣка сего мудрѣйши паче сыновъ свѣта въ родѣ своемъ“? (Лук. XVI, 8.) Къ сожалѣнію, къ несчастію, это такъ; вѣрно мѣткое слово одного изъ нашихъ архипастырей-проповѣдниковъ: „Зло организовано, а добро кустарно“. Нѣтъ словъ, нѣтъ слезъ, чтобъ осудить и оплакать это явленіе! Мы раздѣлены, мы не понимаемъ другъ друга, мы въ постоянной борьбѣ и взаимныхъ распряхъ, если не изъ-за мелочей, то во всякомъ случаѣ изъ-за вопросовъ второстепенныхъ и третьестепенныхъ. А вѣдь по существу всѣ мы служимъ одному дѣлу, одной идеѣ. Но мы не умѣемъ объединиться принципиально въ единствѣ идеи, мы взаимно ослабляемъ другъ друга, на радость нашимъ врагамъ. Говорить ли о низменныхъ мотивахъ

этого раздѣленія: объ оскорбленномъ самолюбіи, о мелкихъ счетахъ, объ озлобленной зависти при видѣ чужихъ способностей и чужого возвышенія, о корыстолюбіи, этой язвѣ, которая подрываетъ подъ человѣкомъ почву и толкаетъ его на рядъ униженій и позорныхъ сдѣлокъ съ совѣстью? Оставимъ этотъ потокъ зла и грѣха личнаго, но и въ вопросахъ высшихъ, въ принципиальной области, мы не умѣемъ слѣться, и среди насъ царить такая разногласица мнѣній, понятій, стремленій и намѣреній, что удивительно еще, какъ мы держимся. Воистину, своя своихъ непознаша, свои въ бесѣдахъ и совмѣстной работѣ со своими же не знаютъ, „какому Богу“, какой идеѣ они служатъ! Сочувствуютъ врагамъ; прельщаются блестящею фразою, идущей изъ лагеря зла; топчутъ и преслѣдуютъ своихъ, вѣрятъ всякой лжи и клеветѣ, пущенной о нихъ врагами,— вѣрятъ охотно и злорадно; осуждаютъ, безславятъ, обезсиливаютъ ихъ давленіемъ общественнаго осужденія... Улыбкою и одобреніемъ привѣтствуютъ враговъ, если только они прикрылись модной фразой и моднымъ теченіемъ мысли. Не научившись у враговъ единенію, мы научились только одному раздѣдающему критиканству, которое способно погубить всякую жизнь въ корнѣ, потому что носить въ себѣ источникъ постояннаго раздѣленія людей.

При разногласіи и отсутствіи единодушія что же выйдетъ? Выйдетъ то, что люди истинно добрые, дѣятели искренніе, горячіе, даже самоотверженные, при всѣхъ благородныхъ усиліяхъ принести пользу обществу и государству, останутся не только безплодными въ работѣ, но принесутъ даже вредъ. Вообразите себѣ, что за деревомъ ухаживаютъ нѣсколько садовниковъ и усердныхъ, и ученыхъ, но несогласныхъ между собою въ вопросѣ о культурѣ дерева; каждый будетъ по-своему его пересаживать, обрѣзывать до тѣхъ поръ, пока оно не погибнетъ ¹⁾. Представьте себѣ, что больного, даже не тяжело больного, лѣчатъ нѣсколько врачей и умѣлыхъ, и ученыхъ, и горящихъ желаніемъ помочь страждущему, но несогласныхъ между собою ни въ діагнозѣ болѣзни, ни въ способахъ вра-

¹⁾ Взято изъ поуч. Амвросія, епископа Дмитровскаго.

чеванія. Можно сказать съ увѣренностью, что дѣло ихъ будетъ не только бесплодно, но и вредно: чѣмъ усерднѣе они будутъ лѣчить больного и чѣмъ охотнѣе и исправнѣе больной будетъ принимать лѣкарства, ему предлагаемыя то однимъ, то другимъ врачомъ, тѣмъ ближе и неминуемѣе будетъ для него смерть.

Не то же ли самое можетъ случиться и съ обществомъ, и съ государствомъ? Не подобны ли слуги его упомянутымъ сейчасъ врачамъ, если не будутъ объединены и согласны между собою? Не даромъ и слово Царское всего нѣсколько лѣтъ назадъ съ высоты престола во всеуслышаніе всѣхъ слугъ Царевыхъ призывало ихъ къ единодушію и взаимному согласію всѣхъ вѣдомствъ. Да, нужно, чтобы, по примѣру теченій отрицательныхъ, силъ тьмы и зла, всѣ силы положительныя,— а ихъ у насъ много, очень много,—объединились между собою. И Церковь, и государство, а въ частности и отдѣльности и служители Церкви, и дѣятели школы, семья, общество, судъ, администрація, воинство, — всѣ должны взаимно поддерживать другъ друга, всѣ должны сознавать, къ какой единой цѣли, къ какому единому благу стремятся, съ какимъ врагомъ злобнымъ и опаснымъ борются. Апостолъ насъ умоляетъ: „дополните мою радость: имѣйте однѣ мысли, имѣйте ту же любовь, будьте единодушны и единомысленны“ (Филип. II, 2). Неужели ждать, что насъ образумятъ только грозные удары судьбы? Неужели терять добровольно свою собственную силу? А сила эта, сила наша—воистину велика и мощна при согласіи и единодушіи всѣхъ сторонниковъ и защитниковъ религіи, нравственности и государственнаго порядка. Этихъ сторонниковъ и защитниковъ положительныхъ началъ жизни—великое множество: вся Россія; сыны тьмы—это только болѣзненный наростъ на здоровомъ организмѣ народномъ, стоитъ только всѣмъ положительнымъ теченіемъ жизни объединиться: и какъ воскъ отъ лица огня, какъ легкій иней, какъ утренній туманъ при первыхъ лучахъ теплаго солнца, расточатся враги общества и служители тьмы.

Но гдѣ же, спросите, сила объединенія? Гдѣ источникъ единодушія—сильный, властный, авторитетный для совѣсти,

могущій дать человѣку рѣшимость подавить въ себѣ собственную самость, подчиниться общему и единому во имя высшаго блага и высшихъ вѣдній?

Не обинуясь, скажемъ, что сила эта—въ насъ и среди насъ; это—религія и Божія Церковь. Здѣсь и источникъ безошибочнаго вѣдѣнія добра и зла; здѣсь, въ церковномъ исповѣданіи, и сила авторитета, предупреждающая, подавляющая безконечныя и безпокойныя блужданія мысли и чувства по распутіямъ и самоизмышленнымъ теоріямъ; здѣсь и побужденія, истинныя и самыя глубокія побужденія къ одушевленному служенію добру; здѣсь же, наконецъ,—и это главное,—въ вѣрѣ, въ священныхъ таинствахъ дается намъ и помощь свыше, даются силы благодатныя, *вся божественныя силы, яже къ животу и благочестію* (2 Петр. I, 3), столь нужны намъ при нашей слабости въ борьбѣ съ себялюбіемъ, грѣхомъ и соблазномъ.

Нужно ли еще выводить и нравоученіе изъ сказаннаго? Но оно безъ словъ, само собою и слышимо, и понятно!... Аминь.

Пустите дѣтей ко Христу.*

Нынѣшній день есть по преимуществу праздникъ дѣтей и праздникъ семьи. Посмотрите только, братіе и дѣти, на эту икону празднуемаго нынѣ священнаго событія, перенеситесь къ нему мысленно, и вы увидите умиленное, трогательное зрѣлище, чисто-семейную картину. Престарѣлые родители Іоакимъ и Анна приносятъ въ даръ Богу то, что сами они получили, какъ даръ,—единственную малолѣтнюю Дочь свою. Юная Марія, пока еще разумѣющая только разумомъ родителей, раѣлучается съ близкими родными и послушно вступаетъ въ церковь Божію *воспитатися предъ Господемъ*, какъ сказано въ пѣсни церковной. Ее окружаютъ юныя дѣвы—подруги. Мститый первосвященникъ

* Слово въ день Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы, 21 ноября 1902 года, въ церкви Тифлискаго Іоанниціевскаго епархіальнаго женскаго училища.

ее приѣмлетъ и, весь объятый святымъ вдохновеніемъ, благословляетъ и родительскій объѣтъ и дѣтское послушаніе и вводитъ богоизбранную Отроковицу въ неприступное и таинственное святая святыхъ.

Но святая семейная радость выступаетъ за тѣсныя предѣлы семьи и охватываетъ весь міръ и видимый и невидимый: горніе ангели вхожденіе Пречистыя зряще удивившася, и Церковь земная доселѣ славить и празднуетъ его свѣтло и радостно. И есть чему и удивляться и радоваться. Кто могъ знать, кто могъ подумать, что здѣсь, въ тиши храма, въ скромномъ семейномъ торжествѣ, совершается событіе, величайшее по своимъ неисчислимымъ благотворнымъ послѣдствіямъ для челоувѣчества? А между тѣмъ здѣсь было *благволенія Божія предображеніе*, здѣсь уже и предносилась и предчувствовалась несказанная тайна боговоплощенія. Одинъ изъ святыхъ отцовъ Церкви образно говоритъ, что не можетъ корабль, нагруженный безцѣнными сокровищами, пристать къ берегу, если не найдетъ удобной пристани: такъ и безцѣнное сокровище искупленія и боговоплощенія какъ бы искало въ Дѣвѣ Маріи пристани, достойной святыни, чтобы быть переданнымъ людямъ и принятымъ на землѣ. И вотъ, нынѣ *одушевленный храмъ—Богородица въ храмъ Господень* *приводится Тому воспитатися въ Божественное жилище*, какъ говорится въ словѣ пѣсни церковной; здѣсь, во храмѣ, достигла Она той нравственной чистоты, которая привлекла къ Ней милость Бога и содѣлала достойною быть Матерью обѣтованнаго Спасителя. Съ тѣхъ поръ исторія міра движется по другому пути, чѣмъ какимъ она шла до сего времени; съ тѣхъ поръ небо и земля соединились, челоувѣчество примирено съ Богомъ, входъ на небо открытъ и вѣчное спасеніе людямъ даровано. Понятно теперь, почему событіе введенія во храмъ Богородицы радостно и торжественно празднуется святою Церковью, какъ одно изъ величайшихъ проявленій Божія смотрѣнія—божественнаго промысленія о мірѣ.

Но если отдѣльное событіе изъ жизни одной семьи можетъ вырасти до значенія всемірнаго и премірнаго, то и наоборотъ: событіе всемірное можетъ быть полно уроковъ и на-

зиданій для всякой отдѣльной семьи. Иначе говоря, сегодня — не только праздникъ родителей и дѣтей, но вмѣстѣ съ тѣмъ и наставленіе имъ, подаваемое свыше.

И прежде всего къ вамъ обращаемъ слова, дорогія дѣти-дѣвочки. Въ отдаленной древности, сквозь таинственный сумракъ грядущихъ вѣковъ богоотецъ Давидъ пророчески видѣлъ славнаго и великаго Царя-Бога, высшаго царей земныхъ, видѣлъ около Него и превознесенную предъ всѣми Царицу— Матерь Божію и такъ говорилъ о Ней: *Приведутся Царю дѣвы вслѣдъ Ея, ближнія Ея приведутся въ храмъ царицы, внутрь скинии Божіей* (Пс. 44.)

Ближнія Ея, дѣвы грядущія вслѣдъ Ея, это—вы, милыя дѣти! И вы посвящены Богу, по образу Приснодѣвы; и вы введены внутрь скинии Божіей, Церкви Христовой; и вы поставлены здѣсь, у алтаря Господня, *воспитатися предъ Господемъ*. Вспомните же каждая вашихъ Іоакима и Анну—вашихъ отцовъ и матерей, вспомните ихъ молитвы, ихъ слезы, ихъ заботы, труды, лишенія, воздыханія о васъ, и по образу юной отроковицы Маріи, явите дѣтское послушаніе ихъ волѣ. Вспомните, что въ эти свѣтлыя минуты вашего храмового и школьнаго праздника тамъ вдали, въ селахъ и деревняхъ, въ горныхъ поселеніяхъ, среди снѣговъ, среди непроходимыхъ ущелій, по всему лицу вашей родины ваши отцы и матери ждуть отъ васъ добраго плода ученія. Исполните же любовно и охотно то, за чѣмъ они привели васъ сюда. Учитесь въ наказаніи и ученіи Господнемъ, со страхомъ Божіимъ, вырастая не въ ожиданіи грядущихъ благъ, не въ сознаніи вашихъ будущихъ правъ и преимуществъ, а въ предвѣдѣніи и предчувствіи приближающихся къ вамъ великихъ и святыхъ обязанностей. Какъ будущія работницы въ Церкви, какъ будущіе и наиболѣе образованные члены общества, какъ будущіе члены семьи, какъ будущія и наиболѣе сознательныя носительницы завѣтовъ отшедшихъ и отжившихъ поколѣній, завѣтовъ вѣры, любви, чистоты, смиренія, скромности,—вы намъ милы и дороги, вы привлекаете къ себѣ надежды не только вашихъ родителей, но и общества, и государства. Не оттого ли съ такою чуткостью, съ такимъ болѣзненно-напряженнымъ вниманіемъ

относятся къ дѣлу воспитанія дѣтей люди самыхъ различныхъ направленій. Печально зрѣлище борьбы этихъ направленій около школы и невинныхъ дѣтей, когда однимъ хочется воспитать ихъ, по примѣру Богоматери, подъ крыломъ Церкви, напоить ихъ благочестіемъ, ввѣдрить и вдохнуть въ нихъ начала любви къ Богу, къ ближнимъ, отечеству, любви и послушанія Матери-Церкви,—а другимъ хочется оторвать дѣтей отъ родной почвы, воспитать на началахъ чуждыхъ и для этого прежде всего отчуждить и оторвать отъ Церкви. Печально зрѣлище этой борьбы; но да будетъ благословенно имя незабвеннаго почившаго Царя-Миротворца, да будетъ благословенно имя нашего здравствующаго возлюбленнаго Государя: Ихъ воля о воспитаніи дѣтей въ нашемъ отечествѣ ясно и твердо высказана. Отечество нуждается въ такихъ дѣятеляхъ, которые воспитаны будутъ въ духѣ православія и подъ кровомъ храмовъ Божіихъ. Растите же и вы, дѣти, подъ этою благодатною сѣнью, живите, по примѣру Богоматери, здѣсь, у храма Божія. Она провела свои дѣтскіе годы при храмѣ въ трудахъ и молитвѣ: молитесь и вы, трудитесь и вы, не будьте бѣлоручками, обузой семьи и общества; Она начала свое воспитаніе полнымъ послушаніемъ волѣ родителей: сдѣлайте то же и вы; Она закончила свое воспитаніе обѣтомъ всецѣло посвятить Себя Богу: общайтесь и вы отдать *сами себе и другъ другу и весь животъ свой* Христу Господу—служить добру, бороться со зломъ, отдаться долгу, какой Господь укажетъ въ жизни, всецѣло, безраздѣльно. „*Никто, возложившій руку на плугъ и озирающійся назадъ, не благонадеженъ для царствія Божія*“ (Лук. IX, 62).

А вамъ что сказать, родители, старшіе, воспитатели? Предъ вами Іоакимъ и Анна, приведшіе Дочь свою ко храму Господа. Ему они ввѣрили и отдали выпрошенное и вымоленное сокровище, безцѣнное, бесконечно дорогое, какъ только можетъ быть дорого дитя отцу и матери. Слышите ли и вы голосъ нашего Спасителя: „*пустите дѣтей приходить ко Мнѣ и не препятствуйте имъ*“? (Марк. X, 14.) Видите ли кругомъ въ жизни, что народились или, лучше сказать, выродились люди, къ которымъ прямо и буквально обратитъ можно это гнѣвное предостереженіе Господа?

О, пустите дѣтей приходите ко Христу, и во имя истинной любви къ нимъ, во имя ихъ блага не препятствуйте имъ. Вступить нѣкогда ваше дитя въ возрастъ, окружить его многошумная и многосложная жизнь людская,—и придуть, придуть дни печалей и скорбей, настануть дни горя и туги сердца и будутъ надрывать молодую грудь; зависть вокругъ него сплететъ свои сѣти, ненависть наточитъ свой ножъ.... Пустите ребенка теперъ ко Христу, и онъ въ будущемъ не озлобится, не останется одинокимъ безъ утѣшенія; онъ будетъ знать, куда и къ кому обратиться: въ храмъ, въ которомъ услаждался онъ дитятей, обратится онъ къ Богу, хранителю своего дѣтства; во святыхъ алтаряхъ Его, какъ безпріютная птица, найдетъ онъ себѣ хранилище успокоенія, и какъ бездомная горлица—гнѣздо свое... (Пс. 83, 4). Будутъ скорби, будутъ болѣзни и страданія,—онъ скажетъ съ царственнымъ пророкомъ: *ты скроешь меня, Господи, въ селеніи Твоемъ въ день золь моихъ* (Пс. 25, 5). *Объяли меня муки смертныя, и потоки беззаконія устрашили меня; цѣпи ада облегли меня и сѣти смерти опутали меня; въ тѣснотѣ моей я призвалъ Господа и къ Богу моему помоллся, и Онъ услышалъ отъ чертога Своего голосъ мой и вопль мой дошелъ до слуха Его.* (Пс. 17, 5—7).

Уходили многіе отъ вѣры и Церкви и долго, и много бродили по распуціямъ міра; но въ кладенцахъ сокрушенныхъ—въ безводныхъ колодцахъ міра они не могли утолить жажды своего бессмертнаго духа, не находили утѣшенія, не могли заполнить пустоты души и сердца и въ тоскѣ, въ уныніи на пути своихъ скитаній иногда случайно попадали въ Божій храмъ.... И вдругъ мановеніемъ чудной власти открывалось предъ ними все прошлое, вспоминалось имъ далекое и милое дѣтство съ его горячею вѣрою, осѣняла ихъ тихая радость, въ душу входило чувство близости къ Богу¹⁾: и не разъ бы-

¹⁾ Приведемъ захватывающее стихотвореніе Добролюбова, столь близкое по изображаемой обстановкѣ дѣтямъ духовенства:

Гимновъ божественныхъ пѣніе стройное
Память минушаго будить во мнѣ;
Видится мнѣ мое дѣтство спокойное
И безпечальная жизнь въ тишинѣ.

вало, что плакали сладко скорбныя очи, трепетали молитвой закрытыя для нея прежде уста, сами собою сгибались непослушныя прежде колѣна, и приходили опять къ вѣрѣ и истинѣ блудныя дѣти Церкви..

А мы съ вами, братіе? Счастливы мы, если сохранили чистоту дѣтской вѣры, дѣтскихъ чувствъ, если умѣемъ молиться по-дѣтски! Дѣтскими чувствами, въ samozабвеніи слышимъ и мы тогда здѣсь, во храмѣ, какъ бы безшумный шелестъ чыхъ-то ризъ, какъ бы вѣяніе и трепетаніе чыхъ-то крылъ, чье-то невидимое, но осязательное и сладостное присутствіе: то Христосъ коснулся души нашей, воспламененной дѣтскою вѣрою, то ангелы глянули намъ въ душу и приникли въ тайники ея... Хотите ли дѣтямъ этого счастья на всю жизнь, хотите ли, чтобъ они не испытывали никогда ни мрачнаго отчаянія, ни ужасовъ мертвящаго безвѣрія, ни страха духовнаго одиночества, ни мукъ и терзаній блуднаго сына: тогда пустите ихъ приходить ко Христу и не препятствуйте имъ! Пустите ихъ, по примѣру Іоакима и Анны, къ вѣрѣ, ко храму Божію и молитвѣ, къ религіозному наученію и воспитанію; не препятствуйте, напротивъ, помогайте имъ въ этомъ дѣлѣ и словомъ, и лаской, и примѣромъ собственной жизни!

Милыя дѣти! Счастливы вы, что введены во храмъ вашими родителями и воспитателями, по образу Приснодѣвы. Ея именемъ и радостью нынѣшняго праздника мы просимъ васъ и молимъ: останьтесь дѣтьми предъ Богомъ навѣки! Сохраните дѣтскую вѣру, дѣтское послушаніе Церкви, дѣтскія чувства и

Въ ризахъ священныхъ отецъ мнѣ мечтается
Съ словомъ горячей молитвы въ устахъ,
Умъ мой невольно раздумьемъ смущается,
Душу объемлетъ таинственный страхъ,

Въ воспоминаніяхъ, въ samozабвеніи
Дѣтскими чувствами вновь я горю.....
Только уста ужъ не шепчуть моленія,
Только рукой я креста не творю!

Что было въ тайникахъ души писателя при концѣ жизни, это—вѣдомо Единому, но несомнѣнно, если бы онъ пожилъ долѣе, властныя воспоминанія и впечатлѣнія дѣтства привалили бы его, какъ привали многихъ, и къ открытому исповѣданію возвратившейся вѣры...

дѣтское умиленіе молитвы, и, введенныя во храмъ Господень, останьтесь въ немъ духомъ навсегда, до послѣдняго вздоха вашей жизни! Аминь.

Православные народы во всемірной исторіи.*

Мы переживаемъ годъ знаменательныхъ воспоминаній. Ардаганъ, Карсъ, Баязеть, Эрзерумъ, Плевна, Шипка, Адриано-поль, Софія и Санъ-Стефано—это только особо выдающіяся и памятные имена, говорящія объ исключительно блестящихъ страницахъ изъ исторіи минувшей четверть вѣка назадъ славной русско-турецкой войны.

Удивительно быстро живетъ русское общество, движется русская жизнь! Четверть вѣка—небольшой промежутокъ времени, но за эти годы какъ много мы пережили, какъ много видѣли и на печальной памяти берлинскомъ конгрессѣ, и на Балканахъ, среди болгаръ и сербовъ, и у себя дома, во внутренней жизни Россіи... Довольно сказать, что за это время мы переживаемъ третье царствованіе; довольно сказать, что тотъ мощный, всеувлекающій объединительный взрывъ благороднѣйшихъ чувствъ русскаго народа, предъ объявленіемъ войны Турціи всколыхнувшей сердца, заставившей смолкнуть всѣ домашніе мелкіе счеты и неурядицы,—все это теперь представляется намъ въ чудной идеализаціи какъ бы давнымъ давно пережитаго прошлаго.

Да, мы многое пережили послѣ знаменитой войны и, можно сказать, уже отходимъ отъ нея вдаль исторической перспективы. При такихъ условіяхъ и наши сужденія о ней, и наши впечатлѣнія отъ нея будутъ, если не такъ живы и непосредственны, зато болѣе глубоки и осмысленны: мы

* Слово предъ молебствіемъ по случаю двадцатипятилѣтняго юбилея со дня ваятія Плевны, 28 ноября 1902 года. Сказано въ Тифлисскомъ военномъ соборѣ при священнослуженіи Его Высокопреосвященства.

имѣемъ возможность теперь смотрѣть на нее въ связи событій, въ общемъ планѣ исторіи, съ высшихъ, объединительныхъ точекъ зрѣнія.

Вчера помянули мы молитвою на брани убѣжденныхъ плененскихъ героевъ. Сегодня благодаримъ Бога браней и Господа воинства за дарованную 25 лѣтъ назадъ побѣду; еще разъ благодарно вспоминаемъ почившихъ героевъ; воздаемъ хвалу оставшимся въ живыхъ; хвалу благодарную свидѣтельствуемъ русскому воинству; радостно сознаемъ, что есть чѣмъ утѣшиться, есть чѣмъ питаться и возрастать нашему законному патріотическому чувству. Все это прекрасно и всему этому надлежитъ быть.

Но то, что случилось послѣ войны: и берлинскій конгрессъ, и событія среди балканскихъ народовъ, успѣвшихъ удивить міръ неблагодарностью, не омрачаютъ ли нашей радости? Всеобщій подъемъ духа въ Россіи предъ войною не смѣнился ли уныніемъ и разочарованіемъ? Стоила ли война тѣхъ жертвъ, что она поглотила? Не напрасно ли мы и доннынѣ несемъ въ области экономической жизни ея тяжкія послѣдствія?.. Раздавались и раздаются вѣдь нерѣдко эти голоса унынія и разочарованія!...

И вотъ, стоя теперь на отдаленіи, намъ виднѣе, намъ понятнѣе событія прошлаго. Нѣтъ, истинно великаго дѣла и истинно высокаго подвига никто и ничто не умалитъ: ни кажущіяся неудачи, и никакія осужденія! Нѣтъ, не напрасно русскій народъ предпринялъ свой подвигъ! Нѣтъ, не обмануло его сердце! И не даромъ принесли вы жертвы жизнью и кровью, почившіе герои наши!

Надъ жизнью временною властны законы вѣчности; надъ событіями мѣстными, единичными высятся планы и законы исторіи всемірной. Во имя этихъ-то законовъ, во имя своей міровой задачи, повинуюсь своему высшему долгу, своему всемірному призванію, и подъялъ русскій народъ всѣ тяготы минувшей войны.

Къ глубокому, къ глубочайшему прискорбію, при несовершенномъ порядкѣ жизни, въ которомъ мы живемъ, войны неизбѣжны. Но есть войны корыстныя, предпринимаемыя ради узкаго блага народнаго, ради захвата, ради обогащенія. Этими

войнами полна исторія Западной Европы. Есть другія войны— войны идейныя; онѣ не несутъ народу корысти, онѣ часто, съ точки зрѣнія выгодъ государственныхъ, понимаемыхъ въ грубомъ, матеріальномъ смыслѣ, повидимому, вредны для народа; но онѣ поднимаютъ духъ, онѣ осмысливаютъ существованіе народа, онѣ даютъ ему право на почетное мѣсто въ общечеловѣческой жизни. Такими войнами богата русская исторія, и особенно исторія всего минувшаго девятнадцатаго столѣтія. Осуждать ли за это народъ, съ вышихъ, нравственныхъ точекъ зрѣнія? Считать ли это, по-просту говоря, нашею глупостью, какъ это нерѣдко повторяемъ мы, русскіе люди, вообще слишкомъ склонные къ самоосужденію? Но тогда и въ жизни отдѣльныхъ лицъ нужно признавать умными только людей холоднаго разсчета, а глупыми—всѣхъ, способныхъ на порывъ, на великодушіе и самопожертвованіе. Противъ этого, однако, возмутится всякая здравая совѣсть.

Глубоко воспитало православіе въ русскомъ народѣ эти благородные порывы самопожертвованія, жалости къ обездоленнымъ братьямъ. И не даромъ Провидѣніе изъ всѣхъ народовъ, исповѣдующихъ православіе, избрало Русь во главу ихъ, чтобы чуткое сердце ея болѣзненно отзывалось на всякое страданіе въ православномъ мірѣ. Мы намѣренно говоримъ, что воспитало въ этомъ духѣ народъ нашъ именно православіе. Давно протоптана русскою ногою дорога и на Дунай, и къ Черному морю, и къ самому Цареграду. Болѣе тысячи лѣтъ мы знаемъ эту дорогу; она усѣяна костями, напоена кровью нашихъ предковъ. Но иначе ходили туда Олегъ и Святославъ—язычники; и иначе ходили новые наши витязи и благовѣрные Императоры, кончая приснопамятными Николаемъ I, Александромъ II, Александромъ III. Не споримъ, у людей государственныхъ было историческое желаніе „овладѣть проливами“, но о немъ если и думали, то думали единицы, а милліоны народа въ теченіе столѣтій посылали на смерть лучшихъ сыновъ своихъ, жертвовали кровными копѣйками, проливали слезы въ молитвахъ, чуждые всякой мысли „о проливахъ“, руководясь исключительно возвышенными христіанскими чувствами. Это не кличъ „объединеніе Германіи“; это не желаніе

обладать золотыми рудниками въ Африкѣ или выгодными морскими путями и судовыми стоянками... Нѣтъ, здѣсь была вѣковая борьба свѣта и тьмы, креста и полумѣсяца, началъ христіанства, несущихъ жизнь міру и спасеніе, и началъ мусульманства, несущихъ ему дикость и озвѣреніе.

Стоитъ только бросить безпристрастный взглядъ на прошлыя судьбы міровыя, на судьбы культурнаго и образованнаго человѣчества, чтобъ убѣдиться въ сказанномъ, чтобъ увидѣть, какое великое, всечеловѣческое значеніе имѣло наше святое, безконечно дорогое намъ православіе. Въ знаменательную пору исторіи его приняли славянскіе народы. То было время, когда восточная половина міра христіанскаго, исповѣдующая православіе, освященная стопами Христа и Его апостоловъ, съ древними и славными церквами, стала видимо склоняться къ упадку предъ налетѣвшею страшною грозой; она лишается силы, теряетъ область за областью и, наконецъ, совсѣмъ подпадаетъ власти турокъ. Но умирающая Византія изъ нѣдръ своихъ изводитъ равноапостольныхъ братьевъ Кирилла и Меодія, и сокровище вѣры и истины находитъ новое хранилище среди молодыхъ народовъ славянскихъ, полныхъ жизни, силъ и способностей. Они должны были вступить въ міровое призваніе православія, они должны были и креститься огненнымъ и кровавымъ крещеніемъ, которое судилъ Господь Своей избранницѣ—Церкви православной отъ первыхъ дней ея существованія, въ залогъ ея славы и величія. Ибо что мы видимъ въ дальнѣйшей исторіи?

Западный міръ, свободный отъ враговъ, удаленный отъ Турціи, развивается и зрѣетъ умственно, принявъ отъ гонимаго турками Востока всё сокровища образованности (въ эпоху возрожденія наукъ и искусствъ); народы его совершенствуются, постепенно формируются въ благоустроенныя государства, развиваютъ науки и искусства, вырабатываютъ социальныя отношенія: все то, что называется европейскою культурою, европейскою цивилизаціей. Какая, скажете, завидная доля! Какое захватывающее духъ зрѣлище пышнаго расцвѣта и духовной жизни, открытій, изобрѣтеній, успѣховъ! И какое невыгодное сравненіе съ восточными православными народностями, отстав-

шими отъ этого умственнаго движенія, отъ этой блестящей цивилизаціи!

Да, это вѣрно. Но, братіе возлюбленные, не спѣшите про-
износить укоризненный судъ надъ нашимъ дорогимъ право-
славіемъ. Оно было велико въ другой области, — въ области
терпѣнія, страданія и подвига; оно, чуждое гордыни, вѣками
доказавшее умѣнье воспитывать въ своихъ сынахъ духъ само-
отреченія и смиренія, приготовило въ православныхъ народ-
ностяхъ то, безъ чего погибла бы на зарѣ жизни блестящая
культура Западной Европы. Мы, православные народы, спасли
ее своею кровью, своими вѣковыми, ужасающими страданіями;
мы отстояли отъ враговъ общечеловѣческое всемірное сокровище
культуры и образованности. Кровавымъ полукругомъ страданій
оградили съ востока и юга европейскую жизнь православные
народы. Прослѣдите мысленно по картѣ міра. Тамъ, на востокъ
и сѣверо-востокъ Европы, своею грудью встрѣтила *православная*
Россія дикія полчища монголовъ, скоро принявшихъ изувѣрный
исламъ; цѣною собственной свободы, цѣною задержки своего
духовнаго роста и внутренней жизни она остановила ихъ на
пути въ Европу у воротъ Кіева и Галицкой Руси. Своею кровью
здѣсь, на югъ-востокъ, залила родную землю *православная* Грузія;
цѣною вѣковыхъ страданій и непрерывныхъ разгромовъ удер-
жала она напоры фанатичныхъ и жестокихъ персовъ и турокъ.
Въ долгой мучительной агоніи умирала *православная* Византія
съ ея *православными* народностями — греками, сирійцами, ара-
бами, коптами; умирала подъ гнетомъ дикаго, изувѣрнаго на-
рода, простирала руки къ Западу, звала на помощь, но оста-
лась одинокою; отдавала она врагу область за область, отдала
и престольный Царь-градъ, красу міра, столицу христіанства,
потомъ умерла, великая и въ самой смерти своей... А дикій
врагъ шелъ все дальше и дальше, къ предѣламъ образованной
Европы. Вотъ онъ уже въ виду Вѣны, у сердца Европы... Что
было бы съ нею, съ этой образованной Европой? Было бы то,
что случилось съ Египтомъ, Сиріей и Малой Азіей, гдѣ вмѣсто
древней блестящей образованности царитъ теперь глубокій
умственный мракъ, гдѣ на мѣстѣ древнихъ цвѣтущихъ горо-
довъ, бывшихъ центрами и родиной просвѣщенія, лежатъ однѣ

развалины... Было бы то, что случилось съ древней Византіей, гдѣ подъ пятой ислама погибли вѣками накопльшіяся духовныя и матеріальныя богатства, гдѣ убита творческая мысль, гдѣ умолкло свободное и образованное греческое слово, гдѣ безжалостно разбита и поникла въ безсиліи главою великая и славная Церковь, краса христіанства, мать величайшихъ отцовъ, глубочайшихъ богослововъ, христіанскихъ философовъ, златословесныхъ учителей. Эта судьба послѣ Византіи постигла бы и Европу, если бы на пути разрушительнаго шествія врага христіанства и цивилизаціи въ мученическомъ подвигѣ не полегли на поляхъ Коссовыхъ, на берегахъ Дуная, подъ стѣнами городовъ и монастырей, въ горахъ и на равнинахъ *православные молдавы, православные болгары, православные сербы, православные черногорцы...*

Они задержали разрушительный потокъ, но надолго потеряли свою политическую самостоятельность. Залитые кровью, задавленные врагомъ, отрѣзанные отъ Европы, народы православныя въ рабской долѣ отстали духовно отъ образованности европейской, но не потеряли ни умѣнья чувствовать по христіански, ни своей духовной самобытности. Это сохранило для нихъ православіе. И пришла къ нимъ пора свѣтлыхъ надеждъ и возрожденія! И пришла бы эта пора къ нимъ и раньше, если бы спасенная ими Западная Европа не вступила въ позорный, противоестественный союзъ съ врагомъ христіанства, если бы она не давала Турціи оружія, войска и денегъ, если бы она не заливала кровью нашего Севастополя, если бы она, напримѣръ, устыдилась хотя бы въ первый день св. Пасхи бомбардировать беззащитную Одессу (11 апрѣля 1854 г.)...

Первою страхнула съ себя рабство Русь. Стала расти она, какъ сказочный богатырь, стала шириться и тѣснить врага христіанства и въ Казани, и Астрахани, и въ дальней Сибири, и на Кавказѣ, и въ Крыму. Все ближе и ближе она подходила къ вратамъ адовымъ, именуемымъ блистательною Портою, и вытѣснила ее съ передняго Кавказа, вытѣснила ее, а вмѣстѣ и Персію изъ Грузіи, огонь и мечъ вносила она въ сердце звѣря — губителя христіанскихъ народовъ. Народъ русскій смотрѣлъ на себя въ этомъ дѣлѣ, какъ на исполнителя воли

Божией; въ теченіе двухъ послѣднихъ столѣтій онъ только и зналъ, что приносилъ жертвы за жертвами на войны съ Турціей за Гробъ Господень, за единовѣрные народы. Русскій народъ не могъ отдѣлится отъ своего бытія этой задачи. И вотъ, всѣ угнетенныя народности Востока къ нему стали протягивать руки, у него привыкли искать защиты; имя Россіи сдѣлалось славно по всему Востоку. И стало завидно образованной Европѣ: и явно и тайно становилась она на пути русскаго богатыря; и явно и тайно, то союзами, то конгрессами, то угрозой войны, то открытою коалиціей державъ, то интригами среди православныхъ народностей, то интригами внутри Россіи среди ея домашнихъ враговъ, получающихъ изъ-за границы поддержку и сочувствіемъ, и деньгами,—она старалась подорвать и ослабить великій подвигъ Россіи. Отсюда савастопольскій погромъ, отсюда берлинскій конгрессъ, отсюда, главнымъ образомъ, и наши внутреннія нестроенія, отсюда и балканская смута даже до дне сего.

Но Россія вѣдь и не искала корысти въ своихъ войнахъ съ Турціей. Россія только исполняла свой долгъ. Въ страданіяхъ—залогъ будущей славы, силы, величія. Вѣчно слово: кто душу свою (жизнь свою) хочетъ спасти, тотъ погубить ее, а кто погубить душу свою (жизнь свою) ради Христа и евангелія, тотъ спасетъ ее (Мрк. VIII, 35). Но и закланные враги наши не посмѣютъ отрицать того, что русскій народъ, дѣйствительно, шелъ въ прошлую войну освободить единовѣрныхъ братьевъ только во имя Христа и Его евангелія.

Поэтому ничто не можетъ омрачить радостнаго юбилея славной войны, безпримѣрной по благородству побужденій къ ней. И въ нынѣшній день, смотря на русскихъ воиновъ, мы чтимъ въ нихъ не только мужественныхъ ратниковъ, не только храбрыхъ защитниковъ отечества: мы чтимъ въ нихъ и видныхъ совершителей невидимыхъ судебъ Божіихъ, исполнителей того, чего въ продолженіе столѣтій пламенно ожидали народы Востока, что составляло вѣру и упованіе ихъ мучениковъ и страдальцевъ. И Церковь православная достойно и праведно радуется сегодня, ибо въ указаномъ нами ходѣ все-

мірної історіі она была одушевляющимъ и объединяющимъ началомъ жизни страдающихъ народовъ Востока.

Пусть же никогда не померкнетъ въ нашемъ сознаниі міровое призваніе Руси православной! Пусть не уныніе, а сознаниі исполненнаго долга и завѣтовъ всей минувшей історіі— вотъ что вдохновляетъ насъ въ переживаемыхъ воспомина- нияхъ минувшей войны; все, что было послѣ войны горькаго и неприятнаго, все это—облачко: пройдетъ оно. Россія стояла на верху высоты всемірной—одна предъ лицомъ Бога и людей; все прочее возлюбило выгоды земныя и водилось недостойными расчетами. Что же удивляться, что это святое призваніе потребоvalo напряженія всѣхъ силъ и средствъ народныхъ? Но отказаться отъ великаго и святаго подвига—значило бы отказаться отъ предопредѣленія Божія и *отъ нравственнаго права на существованіе*. Ясно и твердо это предопредѣленіе, и какъ бы искусственно ни оживляли разлагающійся трупъ ислама, какъ бы народы Западной Европы ни поддерживали знамени Магомета, оно ветшаетъ на нашихъ глазахъ, рвется по частямъ; исламъ разлагается воочію. Это знаетъ и чувствуетъ прежде всего онъ самъ.

Пусть же никогда не умретъ въ насъ и среди насъ способность къ благороднымъ порывамъ, къ идейнымъ начинаніямъ и подвигамъ! Пусть Древо жизни, Крестъ Христовъ, нами подъятый надъ полумѣсяцемъ, останется навсегда нашимъ знаменемъ и вмѣстѣ символомъ спасенія отъ враговъ видимыхъ и невидимыхъ: симъ побѣдиши! Пусть сознаниі цѣны нашего православія растеть и въ ширь и въ глубь въ нашей дорогой родинѣ: оно содѣлало насъ великимъ, *міровымъ* народомъ, пусть же пребудетъ оно во вѣки вѣковъ нашею святынею, источникомъ самыхъ возвышенныхъ и благородныхъ подвиговъ!

Заключимъ наше слово словами св. апостола, преисполненными глубокаго религіознаго трепета и благоговѣнія, — тѣхъ чувствъ, которыя такъ мощно проявлялись въ русскихъ сердцахъ во всѣ наши народныя войны:

Братіе! „Богу благодареніе, всегда побѣдителю насъ творящему о Христвѣ Иисусѣ“ (2 Кор. II, 14). Аминь.

Сѣмя святое.*

Какъ отъ теревинна и какъ отъ дуба,
когда они и срублены, остается корень
ихъ, такъ святое сѣмя будетъ корнемъ ея.
(Ис. VI, 13).

Это—слова Господа, обращенныя нѣкогда къ пророку Исаи при самомъ избраніи его на пророческое служеніе. Въ тяжелую пору жизни древняго Израиля къ нему посланъ былъ великій

* Рѣчь по освященіи храма въ Ахталскомъ древнемъ возобновленномъ монастырѣ Грузинской епархіи, при священнослуженіи Его Высокопреосвященства епископа Грузіи 15 декабря 1902 г.

Въ воскресенье, 15 декабря 1902 года, состоялось торжество освященія возобновленнаго храма въ древнемъ знаменитомъ Ахталскомъ монастырѣ, при священнослуженіи высокопреосвященнаго Алексія, епископа Грузіи. Владыка прибылъ въ монастырь наканунѣ торжества съ поѣздомъ Карсской желѣзной дороги и отъ станціи частью въ экипажѣ, частью пѣшкомъ прибылъ прямо въ новоосвящаемую церковь къ вечернему богослуженію. Расстояніе отъ станціи Ахтала до монастыря не болѣе 3½ версты, но проѣхать его, вслѣдствіе полной неустроенности дороги и крутыхъ подъемовъ, очень затруднительно, особенно въ дождливую погоду. Но какъ бы ни была трудна эта дорога, посѣтитель этой чудной мѣстности вполнѣ вознаграждаетъ себя за трудъ и неудобства пути постигши рѣдкими по красотѣ, восхитительными видами. Прекрасная мѣстность, въ которой расположилась обитель, защищенная со всѣхъ сторонъ высокими горами, всюду лѣсъ, журчащіе ручьи, постоянно мѣняющійся калейдоскопъ видовъ при путешествіи, горный чистый воздухъ,—все это дѣлаетъ путешествіе чрезвычайно пріятнымъ. Недалеко отъ обители расположены оставленные теперь шахты и постройки бывшаго здѣсь французскаго мѣдеплавильнаго завода. Золотые, серебряные и мѣдные рудники разрабатывались здѣсь нестари; говорятъ, содержаніе ихъ столь было богато, что до послѣдняго времени находили выгоду даже въ переработкѣ стараго, отработаннаго шлака, и при этомъ получали достаточное содержаніе металла. Сохранились извѣстія, что грузинскіе цари получали отсюда ежегодно до 100 фунтовъ чистаго золота. Подаренные Иракліемъ II-мъ въ Микетскій храмъ въ 1776 году священные сосуды были, какъ говорятъ, сдѣланы изъ золота, добытаго въ Ахталѣ. Вся мѣстность кругомъ была густо заселена уже въ глубокой древности; кругомъ видны многочисленныя развалины церквей и другихъ строеній; но нашествія арабовъ, монголовъ, а въ послѣднее время легкіе опустошили эту страну. Въ послѣдній разъ Омаръ-ханъ легионскій напалъ на Ахталу; жители въ отчаяніи искали тогда убѣжища въ обители и ея чудномъ храмѣ. Теперь величественный монастырь съ его знаменитымъ храмомъ, этимъ чудомъ стариннаго искусства, лежитъ въ пустынѣ.

проповѣдникъ и глашатай слова Божія. Тяжело было и про-
року исполнить Божественное посланничество. Кругомъ его
въ жизни родного ему края и народа какъ бы развертывался

Кругомъ его нѣсколько жалкихъ деревушекъ грековъ, бывшихъ рабочими на преж-
нихъ заводахъ, — вотъ и все почти христіанское населеніе. Грустное чувство охваты-
ваетъ зрителя при видѣ краснорѣчивыхъ памятниковъ былой жизни, бывшей здѣсь
нѣкогда ключемъ, былого великолѣпія... Что за храмъ! Что за постройка! Предъ
нами величественное зданіе, мало чѣмъ уступающее по величинѣ знаменитому
Микетскому храму, выстроенное съ величайшимъ искусствомъ. Прекрасный порталъ,
чуждая рѣзба по камню, цѣлое плетеніе изъ камня, какъ бы кружевное, цѣлостъ,
крестовъ, фигуръ причудливыхъ рисунковъ; кресты и украшенія надъ алтарной
частью и на боковыхъ фронтонахъ храма просто не поддаются описанію. Торже-
ственная тишина царитъ внутри храма. Войдете въ него — васъ поражаютъ остатки
былого великолѣпія: обширный алтарь, сдѣланные учившаго здѣсь епископа, пре-
красныя фрески, величественныя фигуры, еще сохранившіяся, древнихъ святителей,
огромный образъ Богоматери на алтарной стѣнѣ, что надъ горнимъ мѣстомъ. Ка-
кое это было великолѣпіе въ свое время, и какихъ стоило усилій и жертвъ устро-
ить въ этой неприступной и гористой мѣстности такое чудное зданіе! Куполъ
храма, крыша его, — все было еще недавно въ запустѣніи, непокрытый храмъ поги-
балъ отъ сырости и непогоды. Но, славу Богу, трудами русскихъ инокъ, при-
шедшихъ сюда, очень многое сдѣлано. Устроенъ теперь временный куполъ, сдѣ-
лана прочная крыша: храмъ спасенъ отъ разрушенія и пригоденъ для бого-
служенія.

Теперь братія монастырская насчитываетъ въ своей средѣ болѣе 30 человекъ,
устроены настоятельскіе покои, кельи для монаховъ и послушниковъ, трапезная,
учреждено правильное богослуженіе, заведено хоръ пѣвчихъ. Неудобно было ма-
лочисленному составу братіи служить въ огромномъ и холодномъ храмѣ, особенно
зимой; поэтому иноки возобновили и прекрасную отдѣльную небольшую церковь,
бывшую въ полномъ запустѣніи; церковь устроена теплая, обогащена чудными
иконостазомъ московской работы, ризницею и утварью. Для окружающихъ селе-
ній нужна была школа, иноки нашли средства и для нея, и школа была открыта
въ день освященія обновленной церкви. Торжество освященія прошло прекрасно.
Вечеромъ въ субботу монастырь былъ иллюминированъ. Всенощное бдѣніе совер-
шилъ владыка-епископъ, при пѣніи монастырскихъ пѣвчихъ. На другой день рано
утромъ, до литургіи, архипастырь отправился обозрѣвать всё монастырскія по-
стройки, дѣлать на мѣстѣ указанія, давалъ совѣты относительно будущаго зданія.
За литургіею сопутствовавшій архипастырю протоіерей І. Восторговъ сказалъ рѣчь,
въ которой вылились чувства, навѣянные всѣмъ виданнымъ въ обители и ея
прошломъ трагическою исторіей. Послѣ службы открыта была монастырская шко-
ла, устроена была праздничная трапеза. Владыка затѣмъ еще побесѣдовалъ съ
братіей монастыря и отбылъ въ г. Тифлисъ съ поѣздомъ Карсской желѣзной
дороги. По указанію архипастыря, въ виду станціи Ахтала, на высокой горѣ,
что около монастыря, поставленъ теперь большой, издавна видный крестъ,
какъ обозначеніе расположенной около святой обители.

По линіи желѣзной дороги, по направленію къ Керсу, въ нѣсколькихъ вер-
стахъ отъ Ахталы, находятся развалины прекрасныхъ нѣкогда храмовъ, изъ ко-
торыхъ нѣкоторые еще удѣлѣли, а одинъ даже годенъ къ богослуженію; эта свя-
тыня теперь приписана къ Ахталскому монастырю.

свитокъ, видѣнный нѣкогда другимъ пророкомъ, свитокъ, на которомъ вписаны были роковыя слова: „рыданіе, жалость и горе“. Погибалъ древній богоизбранный Израиль; погибалъ народъ священниковъ и пророковъ,—народъ, который былъ наслѣдникомъ великихъ и святыхъ обѣтованій. Отовсюду, какъ жадные хищники, зачуявшіе добычу, налетѣли на него враги. Съ сѣвера и юга терзали его безбожные язычники, а внутри царила неурядица, измѣна вѣры, побіеніе пророковъ, озлобленіе за всякое слово правдиваго обличенія. При такомъ положеніи чей духъ не предался бы отчаянію, чье сердце оказалось бы твердымъ, полнымъ вѣры и упованія?

И вотъ Господь при посольствѣ пророка на проповѣдь даетъ ему въ напутіе, какъ свѣтлое утѣшеніе будущаго, какъ поддержку среди грядущихъ испытаній и преслѣдованій, радостное указаніе. Какъ бы такъ говорить Онъ: „Не погибнетъ твой народъ, не погибнетъ твоя родина. Какъ отъ терновника, и какъ отъ дуба, когда они и срублены, остается корень ихъ, такъ и святое сѣмя будетъ корнемъ ея“. Срубятъ враги древо Израиля; безжалостно расхитятъ его вѣтви и стволъ, но нужно стараться, чтобы остался корень его. И придетъ пора, наступятъ счастливые дни, когда отъ корня побѣгутъ могучіе отпрыски, обновится какъ бы замершая жизнь; отростутъ снова зеленѣющія вѣтви, вырастетъ и стволъ, радостно зашумитъ воскресшее дерево, заиграетъ въ немъ бодрая и веселая жизнь... И видѣлось пророку сквозь мглу грядущихъ вѣковъ: вотъ обновляется новый Іерусалимъ, крѣпнетъ духовно народъ; отъ него исходитъ слово Божіе, слышимое всей землѣ; явлена будетъ гора Божія, домъ Божій среди него; отъ Сіона исходитъ законъ и слово Господне отъ Іерусалима. Объятый пророческимъ вдохновеніемъ, Исаія восклицаетъ: „Возвеселись неплодная, нерождающая, возгласи, возопій нечревоболѣвшая, ибо много чадь у оставленной,—больше, чѣмъ у имѣющей мужа“ (Ис. главы 2, 54, 60). Свершится это чудо духовнаго умноженія; обновятся алтари, воздвигнутся запустѣвшія святыни!

Не въ смыслѣ плотскомъ исполнилось это завѣтное предреченіе и желаніе пророка, а въ смыслѣ духовномъ; не въ обыкновенномъ политическомъ смыслѣ воскресъ древній Изра-

иль, никогда и прежде не игравшей видной и мировой политической роли, а въ смыслѣ сохраненія и развитія того животворнаго корня, который составляетъ сущность и основаніе бытія и богоизбранія древняго Израиля, т.-е. вѣры истинной и всемірныхъ чаяній боговоплощенія. Не полководцы и завоеватели, не правители, не служители земного устройства народа еврейскаго спасутъ его отъ гибели; это сдѣлаютъ люди, названные выразительнымъ именемъ: *стѣмя святое*. Подъ этимъ именемъ въ священномъ писаніи разумѣются люди благочестивые, для которыхъ воля Бога, исполненіе Его закона составляетъ въ жизни все; это люди религіозные, набожные, согрѣтые святымъ огнемъ горячей, ревнующей вѣры. Они спасутъ Израиля. Они сохранятъ въ немъ жизнь, они дадутъ ему духовное бытіе, заслугу въ очахъ Божіихъ, и славу въ признательной памяти людей, наслѣдниковъ ихъ великаго и святого духовнаго достоянія.

Все это приходитъ намъ на мысль въ настоящія торжественныя минуты возобновленія вѣковой Ахтальской святыни. По широкому раздолью этой прекрасной страны, въ этихъ горахъ и долинахъ издавна жилъ и живетъ народъ—дорогое достояніе Божіе, народъ вѣрующій, древнеправославный. Въ цвѣтущую пору его жизни, въ расцвѣтъ его самосознанія, его духовнаго роста, его вѣры, благочестія, образованности, усиліями благочестивыхъ царей, заботами святыхъ пастырей,—вольнымъ—во имя Бога, во имя высшихъ задачъ человѣческаго существованія,—вольнымъ напряженіемъ всѣхъ силъ благочестиваго народа, яркими свѣчами предъ Богомъ по горамъ и доламъ засіяли величественные храмы, выросли святые обители, устроились тысячи алтарей и освятили эту землю. Нѣтъ человѣка, который не отнесся бы къ этимъ священнымъ памятникамъ съ глубокимъ благоговѣніемъ; нѣтъ человѣка, который не отнесся бы съ почтительнымъ удивленіемъ къ народу грузинскому, который такъ краснорѣчиво, въ назиданіе вѣкамъ, засвидѣтельствовалъ о своемъ благочестіи.

Но пришла для него тяжелая пора—и пусть не смущается этимъ никакая вѣрующая душа: Богъ нерѣдко праведнымъ

посылалъ страданія; Богъ нерѣдко, какъ золото въ горнилѣ, испытывалъ и укрѣплялъ въ испытаніяхъ вѣру преданныхъ Своихъ сыновъ отъ Авраама и Іова до мучениковъ христіанскихъ, отъ первыхъ дней міробытія и до нашихъ дней и до скончанія міра. Пришла для Грузіи тяжелая пора. Какъ древній Израиль, народъ грузинскій погибалъ отъ руки враговъ. Не съ сѣвера только и юга, но и съ запада и востока налетѣли на него монголы, арабы, персы, турки, легины—дикіе сыны ислама, вѣкъ за вѣкомъ заливали кровью эту страну благочестія, избивали ея сыновъ, разрушали ея храмы и обители, оскверняли ея святыни и, наконецъ, до дна и совершенно исчерпали, какъ у древняго Израиля, политическое бытіе народа. Умиращая Иверія могла сказать и жаловаться Богу словами древняго пророка: *„Боже, приидоша язъци въ достояніе Твое, оскверниша храмъ святыи Твой, положиша Іерусалимъ яко овоцное хранилище, положиша трупя рабъ твоихъ брашно птицамъ небеснымъ, плоти преподобныхъ Твоихъ зетремъ земнымъ; проліяша кровь ихъ, яко воду окрестъ Іерусалима—и не бы погребаяи“* (Пс. 78, 1—3).

Одна за другою обрублены были вѣтви древа жизни народной, исчезъ и самый стволъ его: Грузія уже не могла болѣе существовать, какъ политическое тѣло. Но остался отъ нея корень духовной жизни народа,—а духъ вѣдь дороже тѣла! Онъ не умеръ, этотъ корень, и не усохъ; онъ могъ еще дать могучіе отпрыски, еслибы засіяли надъ нимъ теплые и ясные дни, еслибы склонился надъ нимъ кто-либо съ заботливою любовію... И пришли для Грузіи эти свѣтлые дни. Уже было въ смертельной опасности святое святыхъ духовной жизни народа—его вѣра; уже лежали въ развалинахъ его святыни; уже десятки тысячъ его сыновъ, подъ вліяніемъ невыносимаго гнета враговъ, отступили отъ вѣры и потянулись къ черному морю мусульманства... Но отъ сѣвера пришло избавленіе. Пришелъ народъ святорусскій, единовѣрный, и цѣною великихъ жертвъ и геройскихъ усилій вырвалъ Грузію изъ когтей врага, и спасъ народную душу ея. Родство по духу и вѣрѣ выше и крѣпче родства по плоти: Россія и Грузія соединились и срослись навѣки неразрывными узами. Что залѣчить жестокиа

раны этой страны? Что принесть ей спасеніе и обновленіе жизни? Отвѣтомъ служатъ слова пророка: *сѣмя святое будетъ корнемъ ея*. Вся забота внѣшняго устроенія жизни—правленія, суда, воинствованія—взята теперь въ сильныя и надежныя руки. Въ этомъ отношеніи народъ грузинскій гораздо счастливѣе древняго Израиля, покореннаго врагами силою оружія, а не отдавагося, какъ Грузія, добровольно, подчиненнаго языческому государству, а не соединеннаго, какъ Грузія, съ единовѣрнымъ и братскимъ народомъ. Но настоятъ теперь забота объ оживленіи духовнаго корня народной жизни. Да будутъ благословенны святыя усилія тѣхъ, кто желаетъ воскресить вѣру народную въ красотѣ ея древняго здѣсь процвѣтанія, кто хочетъ возвратитъ отпадшихъ отъ Церкви, кто хочетъ путемъ богослуженія, проповѣди, путемъ воспитательной школы внести свѣтъ во тьму невѣдѣнія, въ религіозное сознание народа; кто возстановляетъ древнія святыни и будитъ въ народѣ воспоминанія о древнемъ благочестіи, кто вноситъ въ жизнь этого края начала христіанской вѣры, кто поддерживаетъ здѣсь вѣковую и неустанную денно-нощную труженицу—Церковь святую православную. И слава Богу! Можно воскликнуть съ древнимъ пророкомъ: *„возвеселися неплоды неараждающая, возгласи и возопій... яко многа чада пустыя паче, нежели имущія мужа!“* Совершается и растетъ здѣсь на нашихъ глазахъ дѣло Божіе, несмотря на противодѣйствія его явныхъ враговъ и на іудино окалство его мнимыхъ друзей и радѣтелей! Зеленѣютъ отпрыски духовнаго корня жизни народа, растутъ просвѣтительныя учрежденія. Выходите же, выходите вы, истинное *сѣмя святое*, трудитесь надъ нивою Божіею! Все здѣсь истинно народное, все церковное во всѣхъ областяхъ жизни, все древне-православное, все свято-преданное да будетъ предметомъ нашей заботливой любви, охраненія, нѣжнаго ухода! Здѣсь и сейчасъ—живое свидѣтельство этого. Возстановляется вѣковая святыня Ахтальская, увы, пока еще въ пустынѣ, которая 1000 лѣтъ тому назадъ была раемъ земнымъ, была богата и славна своимъ многочисленнымъ христіанскимъ населеніемъ. Но да не смущается сердце наше! Царство Божіе подобно зерну горчичному; люди благочестивые—сѣмя святое. Велика

жизненная сила зерна или сѣмени. При раскопкахъ древнихъ могилъ въ далекомъ отъ насъ Египтѣ ученые люди находили зерна въ рукахъ засохшихъ труповъ мертвецовъ, положенныя туда по старинному обычаю. Пять тысячъ лѣтъ могильнаго холода и мрака пронеслись надъ этими зернами, но когда ихъ посѣяли въ землю, они въ первый же годъ дали пышные всходы... Еще выше, неизмѣримо сильнѣе и важнѣе значеніе *сѣмени сятаго* въ жизни людей: оно мощно, оно живуче и преимущественно-вѣковѣчно. И смотрите: смолкли здѣсь стоны убиваемыхъ, отошли, отброшены враги—и гдѣ ихъ сила? Отъ монголовъ остались жалкіе останки; Турція и Персія и въ тѣлесномъ и въ духовномъ отношеніяхъ—трупы, надъ которыми уже вѣютъ призраки смерти. А православныя народности, ими нѣкогда задавленные и поработенныя, живы; а вѣра Христова не умерла; а будущее православія и православныхъ народовъ—свѣтло и жизнерадостно. Все это сдѣлало сѣмя святое. И только что оно явилось сюда на развалины этой древней святыни,—какъ немедленно появились молодые и новые его отпрыски: обновленъ и спасенъ отъ гибели одинъ храмъ; освященъ сейчасъ другой; устрояется обитель, пріобрѣтаетъ насельниковъ; замышляется устройство школы. А вчера, въ буквальный смыслъ только вчера, волею архипастыря присоединены къ обители еще окрестныя древнія святыни, чудные памятники расцвѣта здѣсь православія. И кто знаетъ: быть-можетъ, святыни, какъ грады, верху горы стоящія, стянуть къ себѣ окрестныхъ жителей и отсюда изыдетъ законъ и слово Господне во всю страну. Намъ не дожидаться, быть-можетъ, этой поры: но мы сѣмь въ духъ, а не въ плоть, въ грядущее, такъ же, какъ и настоящее.

Да будетъ же благословенно и пріумножено въ нашемъ краѣ сѣмя святое! Истинное счастье Грузіи—ея сохраненная вѣра, истинное отечество ея—православіе, истинный корень ея жизни—Церковь Христова. А въ Церкви нѣсть эллинъ и іудей. Кто бы ни возобновилъ эту святыню—русскій ли монахъ, или природный грузинъ, на русскія ли даянія отъ благочестивыхъ сыновъ внутренней Россіи, или на мѣстныя жертвы,—не все ли равно? *Кто бы ни сѣялъ, кто бы ни поливалъ, возраститъ все Богъ*,—такъ говоритъ апостоль. Лишь бы только

возобновлялись святыни, лишь бы укрѣплялась и възгрѣвалась вѣра, лишь бы росло и ширилось православіе. Кто истинно любить Грузію, кто желаетъ истиннаго добра ей и всему нашему краю, тотъ долженъ служить ей, главнымъ образомъ, именно въ этой духовной области жизни. Ибо сѣмя святое—стояніе народа. Не политики, не завоеватели, не управители и устроители внѣшней жизни обновятъ и укрѣпятъ задавленный историческими невзгодами народъ: корень его жизни—духовныя, а не плотскія сокровища. Пусть сохраняются вѣтви и стволъ дерева. Но если погибъ корень, и они погибнутъ. Иное дѣло, если живъ и силенъ корень. Тогда по отношенію къ этой странѣ дѣйственно будетъ слово пророка, которымъ мы и начали и заключаемъ нынѣшнюю бесѣду: „Какъ отъ теревинеа и какъ отъ дуба, когда они и срублены, остается корень ихъ, такъ святое сѣмя будетъ корнемъ ея!“ Аминь.

На стражѣ народнаго блага.*

Аще не Господь созиждетъ домъ, всеу
грудинася зиждущіи; аще не Господь со-
хранитъ градъ, всеу бдѣ стрегій (Пс. 126, 1).

Это—слова священной библейской мудрости. Глубоко начертаны они на сердцѣ нашего русскаго народа, глубоко усвоены всѣмъ складомъ его жизни. Вѣрить народъ нашъ, что всякое дѣло нужно и начинать, и продолжать, и оканчивать, охраняя его молитвою, не въ самомнительной гордынѣ, не въ самомадѣянномъ упованіи на собственныя слабыя силы, а въ смиренной мольбѣ о помощи Божіей.

Какъ отрадно знать и видѣть, что, послѣдуя этимъ хри-

* Рѣчь на молебствіи по случаю столѣтняго юбилея существованія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и другихъ министерствъ Россійской Имперіи; 30 декабря 1902 года. Сказана въ присутствіи Главноначальствующаго на Кавказѣ и вышнихъ подвѣдомыхъ ему чиновъ.

стіанскимъ убѣжденіямъ нашего народа, въ благочестивомъ усердіи явились нынѣ и вы, достопочтенные мужи совѣта и власти, къ алтарю Господню въ день столѣтія существованія важнѣйшаго въ государственномъ организмѣ Россіи учрежденія, которому вы споспѣшествуете трудами вашими на этой далекой русской окраинѣ! Да благословитъ Господь ваше благочестивое усердіе, ваши входы и исходы, дѣянія, словеса и помышленія!

Христіанство никогда не указывало и не начертывало въ точныхъ и опредѣленныхъ формахъ какого-либо государственнаго порядка или общественнаго устройства. Всемирное, вселенское и вѣчное, сѣющее въ духъ, а не въ плоть, указывающее на небо, а не на землю,—оно было чуждо вопросовъ о государственныхъ учрежденіяхъ или о формахъ общественной жизни. Но, не предписывая въ этомъ отношеніи никакихъ опредѣленныхъ установленій, оно, тѣмъ не менѣе, ясно указало ихъ общій смыслъ и значеніе и тѣмъ возвысило ихъ и одухотворило: оно смотритъ на нихъ, какъ на служебное орудіе для достиженія нравственныхъ цѣлей, какъ на средство проведенія въ жизнь и осуществленія христіанскихъ началъ и заповѣдей евангелія. Здѣсь именно глубокой смыслъ и оправданіе его союза съ государствомъ.

Каково бы ни было это государство, въ какія бы формы ни отливалась жизнь царства человѣческаго,—по ученію христіанства, оно прежде всего и главнѣе всего должно служить задачамъ царства Божія.

Полною мѣрою любви, всею горячностью молитвы Церковь призывала и низводила благословеніе Божіе на главы вѣчныхъ христіанскихъ царей, начиная отъ равноапостольнаго Константина и до нашихъ россійскихъ боголюбивыхъ Монарховъ. Изъ устъ апостоловъ поучалась она воздѣвать на всякомъ мѣстѣ преподобныя руки (1 Тим. II, 8) и творити молитвы, моленія, прошенія и благодаренія не только за царяно и за тѣхъ, иже во власти суть (ст. 2), т.-е. за васъ, возлюбленные братья! Съ проникновенною сердечностью, съ глубокимъ умиленіемъ неизмѣнно поминаетъ она въ священный часъ литургіи даже въ тайныхъ молитвахъ, неслышимыхъ народу,

всякое начало и власть и иже въ палатѣ братію нашу (литург. Св. Василія Великаго); на торжественныхъ и всенародныхъ моленіяхъ вслухъ вѣрующихъ просить она Господа, чтобъ Онъ управлялъ подчиненныя Государю правительства на путь истины и правды.

Всего этого желаетъ Церковь для цѣлей царствія Божія, молится она о царѣ и властяхъ, да и мы въ тишинѣ ихъ тихое и безмолвное житіе проживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ (1 Тим. II, 1). Помнить Церковь Христова, что для этого у власти, по слову Божію, должны быть мужи смысленны, смотрѣливые, добрые совѣтники (Втор. I, 13); помнить она страшныя прещенія Божіи народамъ, которымъ, какъ величайшее наказаніе за грѣхъ и нечестіе, Господь обѣщаетъ поставить юношей въ князья и безумныхъ въ правители, т.-е. грозить наказаніемъ неустройствами государственной жизни (Ис. III, 4).

Итакъ, если служители земной власти ищутъ помощи у Церкви и чрезъ нее, какъ вы сейчасъ, приносятъ смиренныя свои молитвы Богу, то и Церковь не можетъ быть чуждою и холодною къ нимъ не потому только, что они—ея сыны, что они, какъ христіане, ищутъ ея молитвы, но и потому, что они—служители богоустановленной власти и благословеннаго Богомъ государства. И нужно ли долго и много изъяснять, какъ русская Церковь съ величайшими самоотверженіемъ и самоотреченіемъ служила государству, какъ она охраняла Царей и народъ, какъ скорбѣла она ихъ скорбями и радовалась ихъ радостями, какъ непрестанно молилась о Царѣ и царствѣ, какъ показывала въ своихъ сынахъ, въ назиданіе всему міру, здравый образъ вѣрноподданства и благоговѣнія къ Помазанникамъ Божіимъ? Можно сказать, что союзъ русской Церкви и русскаго государства—это единственный и безпримѣрный въ исторіи союзъ непрестанной и вѣрной любви и нерушимаго мира. Союзъ ихъ въ Господѣ и для Господа, и посему къ нему съ полною вѣрою можно приложить слова древняго святого Царя-пророка: „Господь созидаетъ этотъ домъ, Господь сохраняетъ этотъ градъ: оттого не всеу трудишася зиждущи и не всеу бдѣ стрегій“.

Здѣсь бы и конецъ нашему слову. Но оно невольно простирается далѣе, при видѣ современности, и отъ приведенныхъ сейчасъ общихъ соображеній и христіанскихъ чувствованій переходить, въ частности и въ отдѣльности, къ тому учрежденію, представителей котораго мы видимъ передъ собою, разумѣемъ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ. Ни одна другая отрасль государственнаго управленія не служитъ такъ непосредственно и часто задачамъ Церкви, какъ это, облеченное самыми широкими полномочіями въ Россіи вѣдомство. Здѣсь охрана государственной и общественной безопасности; здѣсь борьба съ врагами государства, которые, по тѣсной связи церковнаго и гражданскаго начала въ Россіи, всегда и неизмѣнно въ то же время и враги Церкви; здѣсь охраненіе цѣлости народной вѣры и воспитаніе народа въ духъ православія и заповѣдей евангелія; здѣсь охраненіе народной мысли отъ соблазновъ и растлѣнія печатнаго слова, этого обоюдоостраго орудія, могущаго служить и къ великому созиданію, и къ величайшему разрушенію, смотря по тому, въ чьихъ и въ какихъ рукахъ оно находится; здѣсь попеченіе о храмоустройствѣ, о приходской жизни, о приходскомъ духовенствѣ; здѣсь борьба съ сектантствомъ; здѣсь указаніе нормальнаго положенія неправославныхъ исповѣданій и ихъ отношеній къ господствующей Церкви; здѣсь ясно и неуклонно проводится мысль о томъ, что православіе есть вѣдательная сила Россіи. Если позволительно и умѣстно привести сравненіе какого-либо учрежденія съ указаннымъ въ псалмѣ образомъ бодрствующаго стража, то оно всего болѣе приложимо къ тому вѣдомству, представителями котораго являетесь вы, достопочтенные слушатели.

Но если когда, то въ наше время особенно важно и необходимо и намъ и вамъ стоять во всеоружіи на великой стражѣ церковной и государственной; нужно подать другъ другу руки, нужно соединиться и объединиться въ великой работѣ и борьбѣ противъ грядущей смуты. Смута идетъ и надвигается со всѣхъ сторонъ, отрицательныя теченія усиливаются, враги государства и Церкви не дремлютъ. Да не смущается сердце наше! Предъ соединеніемъ силъ положительныхъ, окрыленныхъ

вѣрою и Божиимъ благословеніемъ, поблѣднѣютъ въ безсиліи служители зла, сокрушатся и демоновъ немощныя дерзости. Не оскудѣли мы и мужами смысленными. Во главѣ Министерства стоитъ теперь мужъ испытанной твердости, умудренный сѣдиною лѣтъ и широкаго государственнаго опыта, уже явившій мощь духа, твердость и непреклонность русскаго дѣла на далекой мятущейся окраинѣ. Не напрасно Державная власть указала ему быть преемникомъ челоуѣка, павшаго отъ руки убійцы кровавою жертвою долга своего важнаго и отвѣтственнаго служенія. Сойдемся же всѣ у алтаря Господня! Возверземъ на Господа упованія, печаль нашу передъ нимъ возвѣстимъ! Разобщенные и раздѣленные внѣ союза во Христѣ и Его Церкви, мы и въ силѣ явимся слабыми; но этотъ часъ молитвы, но это священное настоящее собраніе наше, эти дорогія минуты взаимнаго и совмѣстнаго предстоянія Господу говорятъ намъ о томъ, что мы не раздѣлены, что мы живемъ и мыслимъ въ единой вѣрѣ и единомъ духѣ. Пусть же и впредь въ вѣкахъ грядущихъ въ жизни Россіи будетъ крѣпокъ союзъ Церкви и государства: въ немъ залогъ крѣпости и жизненности нашего царства. Да придетъ оно „все въ достоинство“, какъ выражались наши предки, чтобы Господь созидать домъ его, чтобы Господь охранялъ грады его, чтобы не всеу трудишася зиждущій и не всеу бдѣ стрегій. Аминь.

Значеніе святой вѣры.*

Желаніемъ досточтимой матушки игуменіи я нынѣ, помолвившись съ вами и о васъ, возлюбленныя сестры, и вы, дорогія дѣти, учащіяся призываюсь къ слову поученія церковнаго. Знаю, что и вы, кое-что слышавши обо мнѣ, можетъ-быть, надѣветесь изъ устъ моихъ получить урокъ особенно глубокій,

* Въ вед. 31-ю, въ Ведб. обители св. Нины; сказано сестрамъ обители и учащіяся второкл. учнт. школы.

особенно краснорѣчивый. Таковымъ скажу, что если св. апостоль Павелъ, этотъ величайшій носитель даровъ естественныхъ и благодатныхъ, въ своей проповѣди отказывался отъ блестящихъ словъ человѣческаго краснорѣчія, то тѣмъ болѣе я не стану и не могу никого удивлять искусствомъ слова. Прихожу я къ вамъ, возлюбленные, прежде всего, не только какъ грѣшникъ и во всемъ подобный вамъ человѣкъ, но какъ грѣшникъ, кающійся у вратъ святой обители, какъ грѣшникъ, ищущій обновленія духа и примиренія съ Богомъ, ищущій покоя усталой душѣ и усталому сердцу, осутившемуся въ печаляхъ вѣка сего. Таково мое исповѣданіе, которое я готовъ повторять предъ всѣмъ міромъ. И благодареніе Богу и вашей святой обители: здѣсь я услышалъ въ душѣ моей какъ бы шелестъ крыль Христовыхъ, здѣсь я ощутилъ какъ бы трепетанье крыль ангельскихъ, здѣсь вкусилъ мой духъ отрады и покоя,—и никогда я не чувствовалъ себя столь мирнымъ и радостнымъ, какъ здѣсь, среди васъ, возлюбленные инокини, и среди этихъ милыхъ дѣтей, поучающихся закону Божию. Послѣ этого исповѣданія моей немощи и благодарности вамъ, и слово поученія моего уже будетъ не мое, а ваше. У васъ и отъ васъ возьмемъ его и продолжимъ то самое слово, которое недѣлю тому назадъ говорилъ я въ вашей обители. Тогда у гроба св. Нины говорили мы о томъ, какъ великъ и святъ подвигъ житія монашескаго, и какъ блистаетъ онъ высшею духовною пользою для осутившагося міра. Тогда мы напомнили, что благочестіе, которому вы служите, по слову апостола, на все полезно, имѣя обѣтованіе жизни инынѣшней, и будущей.

Слышите ли, возлюбленные? Каждая вещь въ мірѣ имѣетъ какую-либо пользу, а благочестіе на все полезно, говоритъ апостоль.

Что же такое это благочестіе? Это есть вообще Христова вѣра, раскрывающаяся въ умахъ и сердцахъ, въ мысляхъ и въ чувствахъ, въ дѣлахъ и во всей жизни христіанъ. Нѣтъ званія и состоянія, нѣтъ возраста и положенія, нѣтъ должности, нѣтъ обязанности, куда не входила бы вѣра со своими правилами и со своимъ благотворнымъ вліяніемъ. Монахи и мірскіе, мужчины и женщины, взрослые и дѣти, пастыри и

пасомыя—всѣ мы объединяемся въ вѣрѣ, всѣ въ ней нуждаемся, и всѣ только въ ней находимъ основу нашей жизни. Вотъ почему всѣ мы безъ различія можемъ предаться размышленію о вѣрѣ, особенно здѣсь, гдѣ вѣра Христова, и только она одна, собрала васъ въ монастырь, гдѣ вѣрѣ же Христовой поучаютъ больше всего и васъ, дѣти нашей монастырской школы. О вѣрѣ напоминаетъ намъ сегодня и апостольское чтеніе; апостоль Павелъ напоминаетъ намъ, что онъ былъ нѣкогда гонителемъ Церкви Божіей, но вѣрою прозрѣлъ и сталъ на путь спасенія. О вѣрѣ говоритъ и нынѣшнее евангеліе, которое рассказываетъ, какъ слѣпецъ въ городѣ Іерихонѣ, слыша Христа путемъ мимоходяща, вѣрою сталъ призывать Небеснаго Учителя и, прозрѣвъ духовно, удостоился и тѣлеснаго прозрѣнія.

Былъ нѣкогда святой великій старецъ по имени Дидимъ, который былъ слѣпъ совершенно. Но и слѣпой умудренъ онъ былъ духомъ, изучилъ слово Божіе—и рѣчи изъ устъ его благочестивыхъ лились, какъ рѣки, назидая вѣрующихъ. Разъ въ порывѣ унынія, бесѣдуя съ преподобнымъ Антоніемъ Великимъ, основателемъ монашескаго житія, сталъ Дидимъ горько жаловаться на слѣпоту свою. „Зачѣмъ ты жалѣешь,—сказалъ ему Антоній,—зачѣмъ ты жалѣешь о томъ, что лишенъ глазъ, которые имѣютъ и животныя, и мельчайшія мошки, и насѣкомыя?“ „Но ты имѣешь глаза херувимскіе, которыми видишь духовный, міръ ангельскій, познаешь Бога, разумѣешь славу Божію, зришь туда и къ тому свѣту, который недоступенъ глазамъ обыкновеннымъ.“

Такъ, возлюбленные, вѣра есть свѣтъ, вѣра есть очи души, озаряющія всякую совѣсть, и истинно говоритъ пророкъ: если не увѣруете, то ничего не уразумѣете. Какъ свѣтъ во тьмѣ свѣтится, свѣтитъ и вѣра во тьмѣ жизни, и блаженъ, кто приникъ къ ней духомъ, и стократъ блаженъ, кто вѣрѣ чистой, святой и словомъ, и дѣломъ поучаетъ ближнихъ. Соберите всѣ сокровища земли—они ничто предъ вѣрою; соберите всѣхъ мудрецовъ земли—они ничто предъ вѣрующимъ простецомъ. Какъ ребенокъ днемъ, при яркомъ свѣтѣ солнца, лучше видитъ и находитъ дорогу, чѣмъ взрослый человѣкъ ночью, въ

темнотѣ глубокой, такъ простецъ, необразованный, неумудренный наукой, но вѣрующій, при свѣтѣ вѣры лучше видитъ и понимаетъ путь и смыслъ жизни, чѣмъ множество умнѣйшихъ, но невѣрующихъ мудрецовъ. И въ этомъ — заслуга ваша, честныя сестры, въ этомъ ваша хвала, ваша честь, ваше служеніе міру, что вы, послѣдовавъ всецѣло единой вѣрѣ Христовой, ей безмолвно учите другихъ, какъ бы продолжая подвигъ проповѣди и благовѣстія св. Нины. И въ этомъ же — ваше утѣшеніе, возлюбленныя.

Посмотрите вокругъ себя. Кто не понимаетъ, что міру нужны люди добрые, честные, исполнительные, любящіе, не завистливые, не злобные, однимъ словомъ, — люди нравственные и добродѣтельные? Кто не понимаетъ, что при отсутствіи этихъ людей нравственныхъ наступитъ не человѣческое, а звѣриное существованіе міра? И, однако, что же дѣлаетъ людей нравственными и добрыми? Можетъ быть законъ и постановленія человѣческія? Но какими законами можно установить отношенія мужа и жены, родителей и дѣтей, братьевъ и сестеръ между собою? И что было бы, если бы вмѣсто взаимной любви, взаимной заботливости и послушанія младшихъ старшимъ родители и дѣти справлялись съ законами гражданскими? Далѣе: извѣстно, что дурныя дѣла имѣютъ начало въ дурныхъ мысляхъ, чувствахъ и намѣреніяхъ. Но какими законами можно запретить нечистый помыселъ, какой судья можетъ судить за движенія зависти, зложелательства, какимъ закономъ можно преслѣдовать и покарать нечестивыя пожеланія? Только вѣра Христова можетъ говорить совѣсти; только вѣра можетъ запретить самому желанію, только вѣра можетъ поставить чловѣка на самый страшный судъ предъ своей совѣстью и предъ Богомъ. Такая вѣра вноситъ порядокъ и въ житейскія отношенія, и кто проповѣдуетъ и служитъ вѣрѣ, тотъ, служа жизни вѣчной, дѣлаетъ доброю и жизнь временную

Но можетъ-быть, если не законы, то наука и образованность могутъ одѣлать людей добродѣтельными и нравственными? Вы, учащіяся дѣти, знаете, что и это есть глубочайшее заблужденіе. Помните, что люди великаго ума бываютъ нерѣдко великими злодѣями. Помните, что люди весьма обра-

вованные и просвѣщенные часто бываютъ порочными и ведутъ себя хуже необразованныхъ поселянъ. Отчего? Оттого, что они не подчинили себя благому закону Божию, закону вѣры. Начало премудрости есть страхъ Божій, а гдѣ нѣтъ этого страха Божія, тамъ нѣтъ и истинной мудрости. И даже напротивъ: умный злодѣй гораздо опаснѣе глупаго злодѣя, потому что онъ можетъ и изобрѣсти новыя преступленія, и удобнѣе скрыть ихъ. Образованіе ума безъ образованія сердца—это наостренный ножъ въ рукахъ младенца: неизвѣстно, куда онъ направитъ его. Ножомъ рѣжутъ хлѣбъ и кормятъ дѣтей, ножомъ занимаются въ мастерствахъ и трудятся на благо ближнимъ, и тѣмъ же ножомъ разбойникъ на большой дорогѣ лишаетъ жизни невиннаго прохожаго. Мышькомъ лѣчатъ и иоцѣляютъ болѣзни, и имъ же отравляютъ человѣка. Такъ и образованіе есть благо при добромъ употребленіи, и есть величайшее зло при дурномъ употребленіи. А доброму употребленію научить только вѣра и нравственность. Горе народу, который науки предпочитаетъ добродѣтелямъ! Горе народу, который, желая образовать юношество, заботится только о просвѣщеніи ума его, оставляя въ тѣни и въ пренебреженіи ученіе вѣры и нравственности. Горе народу, если онъ оставилъ свои храмы, пересталъ чтить святыни, пересталъ чтить тѣхъ, кто служить святынѣ и кто проповѣдуетъ вѣру словомъ и жизнью! Вамъ, учащіяся здѣсь дѣти, это—завѣтъ на всю жизнь. Попадете ли вы въ семьи или въ школу,—гдѣ бы вы ни были, чѣмъ бы вы ни были,—прежде всего старайтесь научить вѣрѣ порученныхъ вамъ дѣтей, и знайте, если вы дадите имъ вѣру, вы дали имъ все, а не дадите имъ вѣры,—это значить, вы не дали имъ ничего, и что бы вы ни дѣлали, что бы ни говорили—писали на водѣ и ничему не научили. Это значить—вы послужили гибели своего народа. Ибо безъ вѣры нѣтъ счастья народамъ; объ этомъ громко свидѣтельствуетъ и настоящее и прошедшее,—а вѣдь изъ нихъ родится и будущее!

Нужна народу крѣпкая власть правительства,—только вѣра внушаетъ ему, что власть установлена Самимъ Богомъ и ей нужно повиноваться не только за гнѣвъ, но и за совѣсть; нужно въ народѣ уваженіе и законность,—вѣра учитъ насъ,

что и законъ начертывается подъ вліяніемъ Промысла Божія; нужно народу единеніе, миръ, любовь и согласіе,—вѣра внушаетъ намъ любить другъ друга и даже самихъ враговъ, терпѣливо и кротко сносить непріятности, избѣгать гнѣва, вражды и распрей. Такъ вѣра есть душа общественнаго благоустройства!

Развѣ не о томъ же говорить намъ и прошлая исторія человѣчества? Вѣра Христова прекратила человѣческія жертвы, противныя самой природѣ. Подъ вліяніемъ вѣры князья и цари измѣнялись, дѣлались отцами и попечителями народовъ, уменьшались опустошенія и войны, смягчались военные обычаи, подданные стали покорнѣе, побѣдители—умѣреннѣе и благороднѣе. И все, что есть теперь лучшаго между людьми—въ нравахъ, обычаяхъ, въ законахъ, въ международныхъ отношеніяхъ, въ гражданскомъ и семейномъ быту,—все это сдѣлала вѣра Христова. Но особенно много сдѣлала вѣра для васъ, мои возлюбленныя слушательницы, для васъ—женщинъ. Недавно Богъ привелъ мнѣ побывать въ странахъ чужихъ—въ Персіи и Турціи, въ странахъ мусульманскаго зловѣрія,—и я собственными очами видѣлъ, въ какомъ положеніи находится тамъ женщина.

Безъ преувеличенія можно сказать, что женщина тамъ поставлена хуже собаки, хуже послѣдняго животнаго, она—какъ бы самое негодное изъ всѣхъ существъ. Тамъ даже по ученію вѣры женщина—несчастный, изверженный человѣкъ, ее не пускаютъ въ дома молитвы, ей даже не указано мѣста и въ загробной жизни. А вѣдь Христосъ научилъ насъ почитать женщину, Пречистую Богородицу выше всѣхъ изъ людей и выше херувимовъ и серафимовъ. Вѣра Христова поставила рядомъ съ учениками Христа—женъ-мироносицъ, рядомъ съ апостолами—святыхъ Елену и Нину, рядомъ съ Владиміромъ—Ольгу, рядомъ съ мучениками—Софію, Вѣру, Надежду, Любовь, Екатерину, Варвару, Анастасію, Потамнину, Перепетую, Евфимію и др. Да, только вѣра Христова научила насъ почитать женщину. Да, повторяемъ, только вѣра есть душа общественнаго благоустройства!

Судите же сами, какъ полезны подвиги тѣхъ, кто обрекъ себя служенію вѣрѣ Христовой въ мирныхъ обителяхъ мона-

шескихъ, какъ благотворна школа, въ которой дѣти и сами изучаются Закону Божію и приготавливаются къ тому, чтобы въ будущемъ учить дѣтей своего народа словесамъ спасенія. Судите, какъ благотворно ихъ вліяніе на все окружающее. А ко всему этому прибавьте молитву; если мы—христиане, если мы вѣримъ въ силу молитвы, то какъ же намъ не благоговѣть предъ подвигами тѣхъ, которыя среди суеты міра, среди забвенія Бога и высшихъ интересовъ ежедневно возсылаютъ молитвы о царѣ и царствѣ, о властяхъ духовныхъ и гражданскихъ, о мирѣ всего міра, о благостояніи Божіей Церкви, о плавающихъ, путешествующихъ, недугующихъ, страждущихъ, плѣнныхъ, о всякой душѣ христіанской скорбящей и озлобленной, милости Божіей и помощи требующей?! Посему-то, пока будетъ стоять на землѣ христіанство, пока будетъ стоять Церковь Божія,—будутъ стоять на землѣ и устроятся святыя обители для ищущихъ подвига житія иноческаго. И ничто не можетъ искоренить ихъ!

Возлюбленныя сестры! Небесный Домовладыка насадилъ плодovitую ниву нашей родимой русской земли пшеницей чистой благочестія. Русь во всемъ мірѣ называютъ святою Русью, народъ нашъ среди всѣхъ народовъ славится своимъ благочестіемъ и набожностью, но за грѣхи наши, когда мы, Богомъ поставленные пастыри, спали, пришелъ врагъ и посѣялъ плевелы посреди пшеницы. Разливъ невѣрія въ современной жизни ужасаетъ душу, устрашаютъ растущіе секты и расколы, заставляютъ трепетать увеличивающіеся пороки и преступленія.

Въ такихъ тяжкихъ обстоятельствахъ только отъ вѣры Христовой можно ждать обновленія и спасенія.

Усугубимъ же вѣру свою, возлюбимъ ее всѣмъ сердцемъ; пастыри, увеличимъ ревность служенія; учащіе и учащіяся, будемъ горѣть любовью къ слову Божію, къ ученію вѣры и добродѣтели; граждане, дѣятели народа, понесемъ народу святою вѣру, а въ святыхъ обителяхъ усугубимъ трудъ, усугубимъ усердіе и подвиги, усугубимъ молитвы, да сохранитъ Господь нашу землю святорусскую отъ духовной слѣпоты, отъ помраченія и оскуднѣнія вѣры. Въ томъ задача

обителѣй, задача пастырства и школы, въ томъ наша безсмертная заслуга, чтобы всѣмъ и каждому, всѣмъ всегда и вездѣ напоминать не умолкая, что общество не можетъ стоять безъ законовъ, а законы не сильны безъ нравственности, а нравственности нѣтъ и быть не можетъ безъ вѣры и благочестія!

Благочестіе же на все полезно, имѣя обѣтованіе жизни и нынѣшней и грядущей. Аминь.

1903 г.

Предъ лицомъ прошлаго и будущаго.*

Подъ сѣнью храма Божія, съ этого священнаго мѣста церковнаго проповѣданія, поздравляемъ васъ, братіе, съ новымъ лѣтомъ Божіей благодати! Поздравляемъ и вмѣстѣ призываемъ васъ усердно къ молитвѣ Господу. Ибо чѣмъ приличнѣе начать новолѣтіе, чему отдать и посвятить его первыя мгновенія? Каждое вѣрующее сердце подскажетъ на эти вопросы вѣрный отвѣтъ.

Время само по себѣ всегда одно и то же, и день похожъ на день, и ночь подобна другой ночи: между ними нѣтъ разницы. Но по условленному согласію людей, изъ ровнаго и однообразнаго теченія времени выдѣляются дни особыя, дни святыхъ воспоминаній, дни посвященнаго Богу отдыха, наконецъ, и день новолѣтія, служащій какъ бы поворотнымъ пунктомъ отъ одного года къ другому. Немного такихъ дней новолѣтія переживетъ человѣкъ сознательно въ теченіе своей жизни: пятьдесятъ, шестьдесятъ, и это далеко не всегда. Въ эти дни ближе къ намъ серьезные и глубокіе вопросы жизни; невольно останавливаемся мы на нихъ мыслью и чувствомъ, невольно предстаютъ тогда предъ нами прошлое и будущее, невольно хочется подвести тогда счеты прожитому и опредѣлить, намѣтить планъ предстоящей жизни. Но если прошлое въ нашемъ распоряженіи для суда и поученія, то будущее—кто изслѣдитъ, кто скажетъ, каково оно будетъ, и сколько его

---

* Сказано на полунощномъ молебствіи подъ 1-е января 1903 года въ екавр-
шеской церкви г. Тифлиса при священнослуженіи Его Высокопреосвященства.

осталось? Скажи мнѣ, Господи, кончину мою и число дней моихъ кое есть? Такъ невольно углубляется духъ нашъ въ тайну грядущаго и, предъ нею смиряясь и благоговѣя, разрѣшается въ молитву.

Собрались и мы въ эти минуты предъ лицо Господне. Не станемъ осуждать тѣхъ, которые теперь иные въ весельѣ, иные въ пустотѣ встрѣчаютъ новолѣтіе: мы знаемъ, что въ торжественную и важную минуту встрѣчи новаго года и ихъ сердце затрепещетъ и дрогнетъ смутнымъ чувствомъ, похожимъ на безмолвную и неясную молитву. Да будетъ и съ ними, и надъ ними, и надъ всѣмъ міромъ Божье благоволеніе! Обратимся лучше къ себѣ.

Вотъ мы стоимъ сейчасъ на грани прошлаго и настоящаго. Что говоритъ намъ прошлое, какія чувства оно подсказываетъ намъ для молитвы? Мы живы, мы сохранены для земли, для работы, для покаянія, для спасенія. О, благослови, душе моя, Господа, и вся внутренняя моя имя святое Его! Благослови, душе моя, Господа и не забывай всѣхъ воздаяній Его!

Въ этотъ мигъ новогодней молитвы возблагодаримъ Отца Небеснаго, щедраго и милостиваго, о всѣхъ, ихже вѣмы и ихже не вѣмы, о всѣхъ благодѣяніяхъ, бывшихъ на насъ: за свѣтъ дня, за покой ночи, за каждое біеніе сердца, за радость осмысленнаго труда, за уроки нужды и страданій, за сладость молитвы, за отрадное и свѣтлое чувство, за бодрость духа жизни, за то, что мы видѣхомъ свѣтъ истинный, пріяхомъ Духа Небеснаго, обрѣтохомъ вѣру истинную. Слава Богу за все! Сколько разъ мы были у опасности, сколько разъ занесена была надъ нами коса смерти, каждый день, каждый мигъ могъ быть для насъ роковымъ и смертельнымъ, но добрая невидимая Рука Господня отводила опасность и сохранила насъ для жизни, для будущаго!..

Стоитъ и оно, это будущее, теперь предъ нами. Что же оно говоритъ намъ? Придетъ пора, и будущее станетъ прошедшимъ, тѣмъ прошедшимъ временемъ, о которомъ нѣкто сказалъ выразительно: „О, мое прошлое! заглянешь въ тебя,—засмѣешься радостно, въ другой разъ согласишься,—и закроешь отъ стыда лицо руками.“ Дай же, Господи, дай, Господи,

чтобы будущее наше не сокрывало въ себѣ нашего грѣха, не готовило намъ паденій и позора, чтобы, сдѣлавшись прошлымъ, оно не заставляло насъ отъ стыда закрывать лицо руками. Довольно этого стыда и грѣха было въ прошломъ нашемъ: да проститъ намъ Господь вся грѣхопаденія, въ мимошедшее лѣто злѣ нами содѣянная, и да поможетъ прочее время живота нашего въ мирѣ и покаяніи скончати: вотъ другая молитва новогодняя. А надъ всѣми молитвами—чувство преданности въ волю Божию.

Были и будутъ печали: пусть онѣ пройдутъ по душѣ нашей, какъ плугъ на пашнѣ, разрыхляя сердце къ пріятію дождя небеснаго,—Божьей благодати, къ доброму и вѣчному плодоношенію.

Были и будутъ радости: пусть онѣ будутъ чисты и одухотворены, пусть онѣ окрыляютъ нашъ духъ вѣрою и упованіемъ. Пусть и въ настоящія минуты только чувство радостной вѣры заполняетъ наши души: вѣдь христіанство не есть религія печали и скорби, тоски, унынія и отчаянія, оно—религія радости, свѣтлой вѣры и вѣчнаго упованія, яко съ нами Богъ.

Довѣримся же Ему Единому, и въ торжественныя, много говорящія минуты новолѣтія нашею молитвою пусть управляютъ и руководятъ святыя слова апостола: „Живемъ ли мы,—для Господа живемъ; умираемъ ли мы,—для Господа умираемъ; живемъ ли или умираемъ, всегда мы Господни есмь!“ (Римл. XIV, 8). Аминь.

Старое и новое.*

Неистребима въ человѣкѣ жажда новаго. Надъ нею смѣялись и ее обоготворяли, снова осуждали ее и снова пѣли ей хвалебные гимны; все это показываетъ только то, что стрем-

* Новогодняя статья 1 янв. 1903 г. въ газетѣ „Кавказъ“

леніе къ новому во всѣхъ сферахъ жизни, дѣйствительно, при-
 рождено человѣку. Но, кажется, никогда эта жажда новизны
 не охватывала съ такою силою человѣчество, какъ въ послѣд-
 нія десятилѣтія его жизни. Это понятно: минувшій XIX вѣкъ
 такъ богатъ изобрѣтеніями, открытіями, такъ глубоко, вслѣд-
 ствіе этого, измѣнилъ условія существованія обществъ и госу-
 дарствъ, сравнительно съ еще недавнимъ прошлымъ, что, по
 необходимости приспособляясь къ нимъ, пришлось человѣку
 искать новыхъ и новыхъ формъ жизни. Создавались на этой
 почвѣ самыя разнообразныя теоріи и формулы прогресса,
 который, какъ научная проблема, никогда такъ не зани-
 малъ умы, какъ въ минувшее столѣтіе, особенно во вто-
 рую половину его. Убѣжденія, намѣренія и дѣйствія новато-
 ровъ иногда были столь стремительны, настойчивы и смѣлы,
 если не сказать больше, что готовы были разрушить рѣшительно
 всѣ установившіяся формы жизни и взамѣнъ обѣщанныхъ
 новыхъ и новѣйшихъ установленій, какъ послѣдняго слова
 науки, грозили возвратитъ людей къ очень и очень старому
 строю и къ старымъ временамъ,—къ условіямъ жизни перво-
 бытной дикости. Стоитъ только припомнить здѣсь проповѣдь
 анархическихъ ученій, отрицаніе культуры и науки въ самое
 послѣднее время. Не въ одной области общественныхъ отно-
 шеній и государственной жизни сказались эти стремленія: въ
 философіи, положительной наукѣ они, можно сказать, пода-
 вили насъ разнообразіемъ системъ, положеній и выводовъ; въ
 искусствѣ сказались поисками новой красоты, въ поэзіи выро-
 дились въ декадентство, и въ области нравственныхъ ученій
 создали цѣлый хаосъ теорій, взаимно противоположныхъ. Мы
 остановимся на этой послѣдней области нравственныхъ ученій,
 интересъ къ которымъ, послѣ временнаго ослабленія и упадка,
 за послѣднее время пронесся надъ умами съ необыкновенно
 мощною силою. Человѣкъ нашего времени, прожившій созна-
 тельно послѣднія 30 лѣтъ, слѣдовательно, принадлежащій къ
 поколѣнію, еще не отжившему, могъ наблюдать явленіе, поло-
 жительно невиданное въ исторіи. Нравственные запросы не-
 истребимы въ человѣкѣ; недаромъ философъ, подвергнувшій
 разрушительнѣйшей критикѣ все содержаніе духовной жизни

человѣка, остановился предъ нравственнымъ его инстинктомъ, какъ предъ „императивомъ категорическимъ“. И вотъ, предъ человекомъ, чуткимъ и отзывчивымъ на всѣ вопросы высшаго порядка, проходятъ самыя разнообразныя ученія, изъ которыхъ каждое претендуетъ на новизну и на значеніе послѣдняго слова науки. Стоитъ только подумать о теоріяхъ позитивныхъ, утилитарныхъ, матеріалистическихъ, о законѣ борьбы за существованіе, въ примѣненіи къ нравственной области, присоединить къ этому агностицизмъ Спенсера, обновленное христіанство и „волю Божію“ гр. Толстого, экономическій матеріализмъ Маркса, полный имморализмъ Ницше, пессимизмъ Шопенгауэра и Гартмана, проповѣдь основъ буддизма, обоготвореніе насилія и непротивленіе злу, идеализацію босячества, какъ обновленія общественности, и обоготвореніе культуры, а рядомъ мысль о крушеніи науки и проч. и проч.,—стоитъ только бѣгло перечислить всѣ эти системы и теоріи, чтобы представить себѣ, какая смута, какое хаотическое состояніе умовъ должно было явиться слѣдствіемъ этой погони за новыми и новыми словами въ области нравственныхъ нормъ жизни. Доходили, наконецъ, и до полнаго отрицанія всякихъ высшихъ потребностей человѣческаго духа: религіи, нравственности, метафизическаго мышленія и положительнаго знанія. Кажется, не осталось ничего, что не подверглось бы критикѣ и разрушенію. Въ самое послѣднее время проповѣдь атеизма и автономной морали въ Германіи и Франціи уживается съ призывами къ братству, равенству и свободѣ; въ Англіи утилитаризмъ стоитъ рядомъ съ эволюціонизмомъ и, наконецъ, объявлена новая, подтверждаемая всѣми данными біологіи и даже астрономіи, система нравственности на основѣ „солидарности“. Еще немного времени, и нужно ожидать, что „La Solidarité“, въ качествѣ новѣйшаго „слова“, выставлено будетъ на знамени „научной нравственности“ взамѣнъ отживающихъ: *fraternité, égalité, liberté*. Здѣсь не мѣсто и не время останавливаться на новой теоріи подробно и обстоятельно.

Скажемъ о ней только нѣсколько словъ: краугольнымъ камнемъ ея является аксіома, что внѣ общества человѣкъ не можетъ существовать; онъ никоимъ образомъ не можетъ быть

разсматриваемъ, какъ нѣчто въ отдѣльности цѣнное и самостоятельное, а только какъ часть цѣлаго. Въ общества и его законовъ онъ теряетъ всякую цѣнность, и его жизнь, его личные скорби и радости—это ничтожная ненужность, къ которой почему-то привыкли относиться со вниманіемъ. Законъ солидарности представляетъ государство и общество акціонерною компаніей, а гражданъ—простыми акціонерами. Все мистическое, все сантиментальное—въ томъ числѣ понятіе о добродѣтели, любви, братствѣ, милосердіи—объявляются отжившими тормазами человѣческой жизни... ¹⁾

Обо всемъ этомъ заговорили мы въ день новаго года для того, чтобъ отгнѣить, какъ далеко могутъ завести человѣка стремленія къ новому. Полно, одно ли только дурное въ старомъ? Не безумное ли это возмущеніе листьевъ и вѣтвей противъ якобы ненужнаго и отжившаго корня? Въ величественномъ теченіи жизни природы, на-ряду съ калейдоскопическою смѣною явленій временныхъ и мгновенныхъ, существуютъ явленія длительныя, вѣковыя, вѣчныя: такъ и въ духѣ человѣка, кромѣ временныхъ интересовъ дня, выше текущихъ интересовъ общества и государства есть интересы и запросы вѣчныя. Они не всегда вмѣстимы въ разумъ, но значеніе ихъ безмѣрно.

Измѣнчивы только способы удовлетворенія вѣчныхъ потребностей духа человѣческаго, но не самыя потребности: ихъ ни забыть, ни подавить нельзя. Какъ въ природѣ въ теченіе вѣковъ, среди всѣхъ измѣняющихся явленій ея жизни, дѣйствуетъ неизмѣнно законъ тяготѣнія, такъ въ жизни и отдѣльнаго человѣка, и цѣлыхъ человѣческихъ обществъ, и всего человѣчества дѣйствуетъ тяготѣніе духа человѣческаго къ центру міровъ—Богу... Неподвижны, вѣчны, неколеблемы и законы нравственной правды, исходящей отъ Бога, имѣющей при этомъ условіи всепроникающее и безконечное значеніе. Мы ищемъ абсолютныхъ заповѣдей и принциповъ, и въ этомъ именно и состоитъ сущность нравственныхъ исканій. Иная правда, иная нравственность, условная, относительная, времен-

¹⁾ См. „Журн. журн.“ 1898 г. Ле-Бонъ: „Замѣтки о социализмѣ“, т. II и кн. Bourgeois: „La Solidarité“. Par. 1898.

ная, никогда не удовлетворить человѣка: для прямолинейнаго міросозерцанія она вовсе не нужна, для колеблющагося и приспособляющагося она не обязательна и, какъ таковая, носитъ въ себѣ начала не упорядоченія, а полнаго разстройства и ослабленія нравственныхъ нормъ жизни. Въ высокохудожественную форму облакаетъ эту мысль нашъ безсмертный Н. В. Гоголь: „Какія искривленныя, глухія, узкія, непроходимыя, заносящія далеко въ сторону дороги избирало человѣчество, стремясь достигнуть вѣчной истины, тогда какъ предъ нимъ весь былъ открытъ прямой путь, подобный пути, ведущему къ великолѣпной храминѣ, назначенной царю въ чертоги! Всѣхъ другихъ путей шире и роскошнѣе онъ, озаренный солнцемъ и освѣщенный всю ночь огнями; но мимо него въ глухой темнотѣ текли люди! И сколько разъ, уже наведенные нисходящимъ съ небесъ смысломъ, они и тутъ умѣли отшатнуться и сбиться въ сторону, умѣли среди бѣла дня попасть вновь въ непроходимыя захолустья, умѣли напустить вновь слѣпой туманъ другъ другу въ очи и, влачась вслѣдъ за болотными огнями, умѣли-таки добратъся до пропасти, чтобы потомъ съ ужасомъ спросить другъ друга: гдѣ выходъ? гдѣ дорога?“

Какой чудный образъ, рисующій значеніе христіанства въ исторіи и отношенія къ нему людей! Все лучшее, что было въ появившихся различныхъ теоріяхъ нравственности, созданныхъ людьми, было заимствовано, въ концѣ-концовъ, изъ христіанства. По удачному выраженію даже такого мыслителя, какъ Дж. С. Милль, въ этомъ лучшемъ былъ вечерній свѣтъ, отраженный свѣтъ зашедшаго солнца христіанства, хотя уже и невидимаго для мыслителей. И наоборотъ: все, что было въ новыхъ теоріяхъ „новаго,“ нехристіанскаго, роковымъ образомъ приводило человѣка къ эгоизму, который, по мѣткому старинному выраженію, былъ *primus in orbe*, *ultimus in orbe* во всѣхъ исканіяхъ ихъ, исходомъ и завершеніемъ и, доведенный до конца, обѣщаль человѣку только возвращеніе временъ древняго варварства съ его закономъ: *homo homini lupus*. Все цѣнное здѣсь было не ново, все новое—не цѣнно!.. Не лучше другихъ и новѣйшая нравственная теорія солидарности, съ ея языческимъ взглядомъ на человѣка, не какъ на существо, имѣющее значеніе въ от-

дѣльности, а какъ на вещь, принадлежащую обществу, съ ея проповѣдью о новомъ устройствѣ жизни, при которомъ люди погасятъ въ сердцахъ любовь къ себѣ подобнымъ, въ каждомъ ближнемъ будутъ видѣть не болѣе, какъ выгоднаго или невыгоднаго компаньона, и взаимныя отношенія будутъ опредѣлены только экономическими соображеніями. При такой „солидарности“ человѣкъ останется сугубо одинокимъ... Если же есть что-либо привлекательное въ этомъ ученіи о солидарности, то все лучшее, все симпатичное въ немъ, въ концѣ-концевъ, покоится на христіанствѣ. Покойный К. Д. Ушинскій прекрасно изображаетъ значеніе христіанства, сравнивая его съ облачнымъ и огненнымъ столпомъ въ пустынѣ: подобно этому небесному путеводителю евреевъ въ пустынѣ, въ ихъ поискахъ земли обѣтованной, христіанство въ исторіи идетъ впереди человѣчества, освѣщаетъ ему пути жизни, ведетъ къ обѣтованной землѣ истины, счастья и правды. Оно, правда, не раздѣляетъ вѣры въ спасительное значеніе учрежденій или того или другого строя государственной либо общественной жизни: здѣсь оно не указало идеаловъ, не оставило образца государственнаго устройства, какъ бы намѣренно избѣгая этой области. Многіе ставили ему это въ упрекъ, но на дѣлѣ здѣсь-то и видно его величайшее достоинство: оно не связало жизни людей извѣстнымъ, строго опредѣленнымъ и выработаннымъ до мельчайшихъ подробностей строемъ. Извѣстно, что подобную попытку сдѣлало мусульманство, выработавъ всѣ формы жизни, начиная отъ видовъ власти даже до раздѣла наслѣдства: но народы, выполнивъ съ теченіемъ времени намѣченный идеалъ, или должны были остановиться въ развитіи и замереть, или разорвать пути и отвергнуть свои религіозные устои. Христіанство, напротивъ, какъ Божественное благовѣстіе свободы, открыло человѣку безграничное поле развитія всѣхъ формъ его жизни и настаиваетъ не на устройствѣ общества людей, а на нравственномъ перерожденіи каждаго отдѣльнаго человѣка. Когда человѣкъ преобразуется по образу Богочеловѣка, когда онъ лично отрѣшится отъ зла и себялюбія, когда отдѣльныя личности будутъ проникнуты христіанскими началами и завѣтами,—тогда безъ труда и само собою создается истинная „со-

лидарность“, истинная и христіанская общественная и государственная жизнь— „богочеловѣческое общество“. Обратнаго хода быть не можетъ, какъ не можетъ грѣхъ путемъ повторенія обратиться въ добродѣтель. Путь восхожденія здѣсь безграниченъ; человѣчеству никогда ни изжить, ни исчерпать, ни перерастаи христіанскихъ идеаловъ. Въ постепенномъ углубленіи въ эти идеалы, въ постепенномъ ихъ усвоеніи и осуществленіи въ жизни—вотъ въ чемъ вѣчная, неумирающая *новость* христіанской жизни. Но эта новостъ не глумится надъ прошлымъ и старымъ: она только преобразуетъ его свободно въ духъ по просвѣтленнымъ началамъ глубже понятаго того же прежняго идеала. Такъ въ духовномъ ростѣ человѣка и человѣчества виждется *гармонія стараго и новаго*, какъ виждется она и въ природѣ,—не въ насильственномъ разрушеніи, а въ созданіи путемъ естественнаго роста:

Срывая съ дерева засохшіе листы,
Вы не разбудите заснувшую природу,
Не вызовете вы, сквозь снѣгъ и непогоду,
Весенней зелени, весенней теплоты!

Придетъ пора,—тепло весеннее дохнетъ,
Въ застывшихъ сокахъ жизнь и сила разольется,
И самъ собою листъ засохшій отпадетъ,
Лишь только свѣжій листъ на вѣтвѣ развернется.

Тогда и старый листъ подъ солнечнымъ лучомъ,
Почуявъ жизнь, придетъ въ весеннее броженье:
Въ немъ—новой поросли готовится наземь,
Въ немъ—свѣжій сокъ найдетъ младое поволенье...

Не съ тѣмъ пришла весна, чтобъ гнѣвно разорать
Вѣковъ минувнихъ плодъ и дѣло въ мірѣ новомъ.
Великаго удѣла—творить и исполнять;

Кто разоряетъ,—малъ во царствіи Христовомъ.
Не бытъ творцомъ, когда тебя ведетъ
Къ прошедшему одно лишь гордое презрѣнье,
Духъ создалъ старое: лишь въ старомъ оны найдетъ
Основу твердую для новаго творенья.

Вѣкъ будутъ истинны пророки и законъ;
Въ чертѣ единой—вѣчный смыслъ таится,
И въ новой истинѣ лишь то должно открыться,
Въ чемъ былъ надвеле смыслъ глубокой заключень! ¹⁾

¹⁾ Изъ кн. „Моск. Сборн.“ К. П. Побѣдовосцева.

„Путь для Господа“.*

Гласъ вопиющаго въ пустыни: уготовайте
путь Господень.

Эти слова въ евангеліи и въ книгахъ древнихъ пророковъ относятся къ Іоанну Крестителю, память котораго, въ храмѣ, посвященномъ его имени, мы сегодня съ вами, дѣти, празднуемъ. Остановитесь на этихъ словахъ размысленіемъ: въ нихъ много такого, что прямо и даже преимущественно относится къ вашему юному возрасту и къ вашему положенію учащихся.

Мы прославляемъ нынѣ Іоанна Предтечу. Чѣмъ же его прославить достойно? Похвалами ли? Но если память всякаго праведнаго съ похвалами, то Предтечѣ Господнему дана такая похвала, послѣ которой онъ не нуждается въ человѣческомъ словѣ: ему, какъ вы гѣли сейчасъ, довлѣетъ свидѣтельство Господне, свидѣтельство Самого Іисуса Христа, Который сказалъ, что между рожденными отъ женщинъ не возставало пророка, большаго Іоанна Крестителя. Лучшее прославленіе Іоанна Крестителя—это исполненіе его словъ, послѣдованіе его проповѣди. Вы о ней знаете изъ уроковъ Священной Исторіи. Іоаннъ Креститель потому и называется Предтечей, что предтекъ, т.-е. пришелъ предъ Христомъ и убѣждалъ людей покаяться и приготовить путь Господу, приготовить свои души и сердца, чтобы достойно встрѣтить Бога во плоти—Іисуса Христа Спасителя.

Милыя дѣти! Къ вамъ обращается слово Іоанна Крестителя: уготовайте и вы путь Господень. Жизнь впереди васъ; еще немного—закончится время вашего ученія. Старайтесь же

* Поученіе дѣтямъ 7 января 1903 года, по случаю школьнаго храмоваго праздника.

теперь уготовать себя для Господа. Гостя обыкновеннаго встрѣчаютъ, убрать и очистивъ комнату, а Небеснаго Гостя, а Бога какъ встрѣтить? Нужно убрать и украсить свою душу святою вѣрою, знаніемъ закона Христова, святыми мыслями и чувствами, нужно очистить сердца отъ всего дурнаго, нужно имѣть горячее желаніе и готовность всегда исполнить съ усердіемъ волю Бога. Для того-то васъ здѣсь и учатъ, для того васъ воспитываютъ въ этой школѣ, у этого храма. Приготовьте путь Господу: Онъ вошелъ къ вамъ чрезъ крещеніе, Онъ стоитъ всегда передъ вами; учитесь прилежно, изучайте Законъ Божій, узнавайте волю Божию въ волѣ вашихъ родителей и воспитателей, различайте добро и зло, полюбите добро, служите ему, избѣгайте зла и всего дурнаго, а главное—научитесь всегда молиться, усердно молиться, находить сладость въ молитвѣ, и вы уготоваете путь Господу: Онъ придетъ къ вамъ и вселится въ васъ, Онъ очиститъ васъ отъ всякія скверны, Онъ пошлетъ вамъ благодать Пресвятаго Духа, дарствующаго и укрѣпляющаго душевныя ваши силы, и вы, внимая преподаваемому вамъ ученію, возрастете Ему, Создателю вашему, во славу, родителямъ вашимъ на утѣшеніе, Церкви и отечеству на пользу.

Учитесь, дѣти, учитесь, молитесь, трудитесь,—и пока вы молоды, пока есть время, пока силы ваши юны и свѣжи,—уготовайте путь Господень! Аминь.

Твердый характер.

ПАМЯТИ ПРОТОИЕРЕЯ О. ИОАННА НАЗАРОВА.*

Раздѣленія дарованій суть, а тойжде Духъ.. и раздѣленія дѣйствъ суть, а тойжде есть Богъ, дѣйствующій вся во всѣхъ. Комуждоже дается проявленіе Духа на пользу: оному бо Духомъ дается словопремудрости, иному же слово разума о томъ же Дусѣ; другому же вѣра тѣмъ же Духомъ; иному же дарованія исцѣленій о томъ же Дусѣ; другому же дѣйствія силъ, иному же пророчество... Вся же сія дѣйствуетъ единыи и тойжде Духъ, раздѣляя властію комуждо, якоже хоцеть (1 Кор. XII, 4—11).

Обозрѣвая безконечное разнообразіе званій и служеній человѣческихъ, различіе силъ и способностей, безконечно смѣняющіеся оттѣнки въ направленіяхъ даже въ одной и той же дѣятельности, апостольскій разрѣшаетъ и осмысливаетъ это явленіе

* Скончался 11 января 1903 г. отъ паралича сердца, 66 лѣтъ отъ роду. Сообщаемъ краткія свѣдѣнія объ его жизни и службѣ: протоіерей Іоаннъ Назаровъ—сынъ причетника; по выходѣ изъ Тамбовской духовной семинаріи до окончанія курса, въ 1859 году рукоположенъ во діакона въ городѣ Лебедянь, Тамбовской губ.; въ 1864 году поступилъ для продолженія образованія въ Тамбовскую духовную семинарію, въ 1866 году кончилъ въ ней курсъ и поступилъ въ Московскую духовную академію, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1870 году со степенью кандидата богословія. Возведенный въ санъ священника, онъ до 1873 года былъ преподавателемъ Тамбовской духовной семинаріи и законоучителемъ Тамбовской женской гимназіи; въ 1873 году назначенъ священникомъ въ городѣ Козловѣ, а въ 1874 году—въ г. Борисоглѣбскѣ къ соборной, потомъ къ кладбищенской церкви; здѣсь онъ служилъ до 1890 г., состоя законоучителемъ мѣстной гимназіи; съ 1890 г. по 1894 годъ служилъ въ Крыму законоучителемъ Мелитопольскаго реальнаго училища, откуда и переведенъ былъ высокопреосвященнѣйшимъ Владиміромъ, бывшимъ епископомъ Грузіи, школьнымъ товарищемъ послѣдняго, въ Грузинскій епархіяльскій протоіерейскій и благочинный въ г. Карсъ. Награжденъ былъ всѣми духовными наградами до протоіерейскаго сана включительно и орденомъ св. Анны 3 ст. въ 1910 г.

Печатаемая статья—надгробная рѣчь при погребеніи усопшаго. Отпѣваніе совершено было въ г. Карсѣ, въ епархіяльномъ соборѣ, при участіи до 24 священниковъ, съѣхавшихся изъ благочинія отдать послѣдній долгъ усопшему.

только-что приведенными словами. *Комуждо*, говорит онъ, *дается явленіе Духа на пользу*: и слово премудрости, и слово разума, и вѣра, и дарованія испѣленій, и дѣйствія силъ и пророчество. *Вся же сія дѣйствуетъ единыи и тойжде Духъ, раздѣляя властію комуждо, якоже хочетъ.*

Да, безъ конца разнообразна жизнь міра и человѣка и способы созиданія неизмѣримо разнообразіе видовъ смерти и разрушенія! Одинъ изъ европейскихъ мыслителей, обозрѣвая міръ, уподобилъ его прекрасной картинѣ, въ которой различные цвѣта, отъ самаго свѣтлаго до самаго темнаго, способствуютъ въ своемъ сочетаніи только дивной гармоніи и красотѣ картины. Подведите же все подъ одинъ цвѣтъ, самый пріятный, самый свѣтлый и ласкающій — и все будетъ безобразно, не будетъ картины, не будетъ красоты, не будетъ красоты и художества. Тотъ же законъ проходитъ и въ области духовной дѣятельности человѣка. Не станемъ приводить здѣсь всѣ или многія проявленія жизни, возьмемъ одно: но и въ единомъ найдемъ непремѣнно разнообразіе. Даже въ средѣ Божіихъ избранниковъ, въ одномъ, опредѣленномъ кругѣ свыше указанной имъ дѣятельности, мы видимъ, какъ различно они исполняли свое служеніе. Ревность Иллі — не то, что мягкость Елисея, Давидъ-воитель — не то, что мирный Соломонъ; Исаія, изображающій мирныя картины царства Божія, въ которомъ будутъ пастись вмѣстѣ волкъ и агненокъ, — и Іеремія съ его громовыми обличеніями, съ его потрясающимъ плачемъ; Иона, въ патріотической ревности готовый цѣною смерти отвести милующую руку Бога отъ враговъ его народа, — и Даніиль, служащій царю-поработителю на чужбинѣ ради славы Бога Израилева, — всѣ эти ветхозавѣтные пророки такъ непохожи, повидимому, одинъ на другого, хотя всѣ они служили единому дѣлу Божію. А въ Новомъ Завѣтѣ? Только одинъ Богочеловѣкъ является истиннымъ Сыномъ Человѣческимъ въ дивной и всесторонней гармоніи силъ и дарованій истинно-человѣческихъ: но оттого Онъ и образецъ для подражанія на всѣ вѣка и для всѣхъ людей, изъ которыхъ каждый найдетъ въ Немъ ту сторону, которая въ его собственной природѣ указана Творцомъ, какъ данный талантъ для воздѣлыванія. Всѣ прочіе дѣятели Новаго

Завѣта—люди, и, какъ таковыя, каждый имѣетъ свой опредѣленный обликъ, свою отмѣренную сферу работы, свое „явленіе духа на пользу“. Апостоль Петръ, пылкій и рѣшительный, способный на быстрый порывъ и столько же на быструю реакцію,—не то, что нѣжный и кроткій Іоаннъ, не то, что твердый и настойчивый Павелъ. Четыре всего евангелиста въ христіанствѣ, объ одномъ Лицѣ, объ однихъ событіяхъ они пишутъ, но каждый изъ нихъ относится къ изображаемымъ событіямъ по-своему, и получается въ общемъ единое евангеліе, а въ частностяхъ и въ способѣ отношенія къ описываемымъ событіямъ—четыре различныя евангелія. И въ жизни послѣдующихъ дѣятелей Церкви тотъ же законъ разнообразія. Правитель-епископъ Василій Великій, поэтъ-богословъ Григорій, проповѣдникъ нравственно-практической Іоаннъ Златоустый, борецъ со лжевѣріемъ Аванасій, молчальникъ и подвижникъ Антоній, любитель пустыннаго уединенія Пафнугій, создатель общежительнаго иночества Пахомій,—все это различные работники въ различныхъ областяхъ одного и того же великаго дѣла Божія. Оттого жива и прекрасна исторія прошлаго, что въ ней каждый найдетъ себѣ поученіе въ мѣру своихъ способностей и своего духовнаго склада, въ мѣру своей духовной восприимлемости. Каждому нравится въ этомъ прошломъ то, что въ его вкусъ, т.-е. то, что соотвѣтствуетъ его духовному складу, восполняя его положительно или отрицательно; отъ такой субъективности суда рѣшительно никто не свободенъ. Картина жизни получается только въ общемъ, а частности ея могутъ быть непонятны и даже вызывать осужденія. Но вся сія дѣйствуетъ одинъ и той же духъ, раздѣляя властью коемуждо, якоже хоцетъ

Все это хочется сказать и напомнить надъ гробомъ умершаго собрата нашего въ эти печальныя минуты его погребенія. Намъ, рядовымъ работникамъ на нивѣ Божіей, конечно, нельзя и помыслить о сравненіи съ указанными нами великими сосудами благодати—пророками и апостолами, отцами и учителями Церкви. Но законъ жизни для всѣхъ одинъ и тотъ же, онъ примѣнимъ и къ намъ, и къ усопшему нашему собрату. Жизнь его кончена; его дѣятельности земной положенъ предѣлъ. Что

сказать о немъ и какое мѣсто указать ему среди дѣятелей человѣческихъ?

Чтобы понять его, нужно прослѣдить его жизнь, хотя бы въ краткомъ обзорѣ. Сынъ бѣднѣйшаго стариннаго дьячка, съ дѣтства испыталъ онъ горе, нужду, а скоро, послѣ смерти родителей,—и сиротство и одиночество; учился онъ съ трудомъ; по бѣдности, долженъ былъ оставить ученіе и поступить на бѣдное мѣсто причетника, потомъ діакона въ Тамбовской епархіи (въ 1859 году) въ тяжелое время крѣпостного права. На мигъ согрѣта была его жизнь семейнымъ счастьемъ, радостью мужа и отца, но счастьемъ мимолетнымъ, настолько быстро промелькнувшимъ, что покойный за 40 съ лишнимъ лѣтъ, прошедшихъ со дня смерти жены, сохранилъ объ этомъ времени своей семейной жизни самыя смутныя воспоминанія. Порвалась семейная жизнь, и опять началось одиночество. Молодому вдовцу-діакону что было дѣлать? Былъ моментъ, когда онъ заколебался и, по обычаю многихъ, готовъ былъ утопить горе въ винѣ: но это былъ только моментъ. Онъ отдался самообразованію и здѣсь нашелъ спасеніе; одной своей печатной статьею обратилъ онъ на себя вниманіе епископа, знаменитаго впоследствии писателя-аскета Теофана-затворника. Благодаря его поддержкѣ, вдовецъ-діаконъ уже въ пору зрѣлыхъ лѣтъ поступилъ учиться въ семинарію вмѣстѣ съ юношами, успѣшно кончилъ курсъ, поступилъ затѣмъ и въ академію (Московскую) и по окончаніи ученія вернулся на родину. Здѣсь въ этихъ фактахъ его жизни выступаетъ и выясняется основная черта его духовнаго склада, твердость характера, рѣдкая въ наши дни; настойчивость въ достиженіи намѣченной цѣли, постоянное присутствіе духа во всѣхъ обстоятельствахъ жизни. Эти черты душевнаго склада, въ связи съ суровою обстановкою жизни, съ постояннымъ одиночествомъ и отсутствіемъ тепла и ласки въ окружающей его обстановкѣ, сдѣлали покойнаго человѣкомъ не мягкимъ. Будемъ откровенны: послѣднее обстоятельство создало ему не мало враговъ и поставляемо ему было въ одинъ изъ крупнѣйшихъ недостатковъ: пройдемъ мимо нихъ съ молчаніемъ, памятуя, что у гроба, гдѣ Церковь молить только о прощеніи согрѣшеній, не мѣсто ни враждъ, ни укоризнъ. Здѣсь

умѣстно указать только доброе и положительное. Отмѣченныя особенности духовнаго склада покойнаго нашли себѣ примѣненіе на послѣднемъ мѣстѣ его служенія въ г. Карсѣ и Карсской области, гдѣ послѣ недавняго турецкаго владычества пришлось ему упорядочивать церковно-приходскую жизнь края и вводить твердою рукою начала русскаго церковнаго управленія среди тысячи препятствій, среди постоянного то явнаго, то тайнаго сопротивленія со стороны невѣжества и рутинны. Здѣсь блестяще выяснились способности покойнаго, какъ твердаго и рѣдкаго администратора. Трудна, мелочна, раздражительна была эта работа; трудъ къ тому же усложнился тѣмъ, что борьба принципиальная, какъ это нерѣдко бываетъ, врагами обращена была въ личную озлобленную борьбу, сказавшуюся тяжкими обвиненіями, не брезгавшую клеветою, безчестіемъ, такъ-что имя покойнаго до конца дней было имя пререкаемое. Все это пришлось вынести покойному на склонѣ лѣтъ, страдая тяжкими болѣзнями, въ тѣлѣ, столь немощномъ и слабомъ, что всѣ видѣвшіе дивились, какъ въ немъ еще могла теплииться жизнь. Но духъ его былъ твердъ среди немощей тѣла. Мы видѣли его въ самыхъ тяжкихъ обстоятельствахъ; никогда онъ не унывалъ; настойчиво онъ шелъ къ преднамѣченной цѣли, непоколебимъ былъ въ отстаиваніи всего, что, по его мнѣнію, касалось интересовъ Церкви; это былъ рѣдкій, желѣзный характеръ. Плоды его трудовъ могутъ быть понятны только тому, кто знаетъ, что было въ церковной жизни края до появленія здѣсь покойнаго, и кто посвященъ былъ въ подробности и мелочи его работы.

Мы сказали, что обстоятельства его жизни и служба не могли его сдѣлать мягкимъ. Но это только въ служебныхъ дѣлахъ. Въ личныхъ отношеніяхъ онъ способенъ былъ на безкорыстную и широкую благотворительность, и есть не мало лицъ, которыя получали отъ него помощь.

Нерѣдко, по-евангельски, шуйца его не знала, что дѣлала десница, такъ-что многія его благотворенія остались тайными. При жизни многое говорилось объ его средствахъ, а по смерти оказалось, что едва ли есть на что его похоронить.

Спи теперь въ мирѣ и въ Богѣ, усталый работникъ въ

Божіемъ виноградникъ! Не намъ судить твою работу. Пусть ее оцѣнитъ Небесный Виноградарь, нашъ Пастыреначальникъ Господь Иисусъ Христосъ. Не забыть мнѣ твоего послѣдняго разговора со мною, въ которомъ ты, какъ-то неожиданно, но глубоко убѣжденно выразилъ свою сердечную вѣру въ безсмертіе и твердую,—какъ все было твердо въ твоёмъ словѣ и дѣлѣ,—твердую надежду, что за гробомъ Богъ все завѣситъ, все приметъ во вниманіе, проститъ то дурное, что являлось въ насъ неизбѣжнымъ.

Провожаемъ тебя къ Богу съ этою твоею вѣрою и надеждою. Благословеніе тебѣ передаемъ предъ лицомъ молитвеннаго собранія отъ нашего благостнаго архипастыря; „сыновній привѣтъ уваженія“ — отъ одного изъ епископовъ, сотрудниковъ архипастыря; прими молитвы и послѣднее цѣлованіе и насъ, твоихъ собратій по сану и служенію, и окружающихъ близкихъ, знаемыхъ, пасомыхъ, которые пришли къ тебѣ сейчасъ въ такомъ множествѣ. Иди въ благодатномъ мирѣ туда, куда призвалъ тебя Господь, и да будетъ блаженъ твой путь, охраняемый твоею вѣрою и упованіемъ, и нашими молитвами! Аминь.

Уроки инокинямъ.

I.

ЦАРСТВО БОЖІЕ.*

Отголѣ начать Иисусъ проповѣдати и глаголати: покайтесь, приблизилося царствіе небесное.

О царствѣ Божіемъ, о царствѣ небесномъ говоритъ намъ Иисусъ Христосъ въ Своемъ евангеліи. Въ мирной обители инокинь, отрехшихся отъ земного и мірскаго ради небеснаго и

¹⁾ Въ Водб. женск. монастырѣ за всемошнымъ бдѣніемъ въ нед. по просвѣщеніи въ 1903 г. по случаю освященія храма.

духовнаго, вмѣнившихъ ни во что человѣческое и пріавшихъ взаимнъ его все Божеское, и умѣстно и благовременно слово и размышленіе о проповѣди Христовой, объ Его призывѣ къ царству Божию, къ царству небесному.

Умѣстно и благовременно слово это и ради нынѣшняго торжества—освященія храма, ибо храмъ есть селеніе небесное, ибо всякій храмъ и своимъ видомъ, и своимъ назначеніемъ напоминаетъ о небѣ: въ „храмѣ стояще славы, на небеси стояти мнимъ“... говорится въ пѣсни церковной.

Наконецъ, умѣстно и благовременно слово о царствѣ небесномъ и ради памяти того угодника Божія, въ честь котораго устроенъ и освященъ нынѣ этотъ святой храмъ. Святитель Ювеналій былъ патриархомъ Іерусалимскимъ. Къ нему изъ далекой страны пришла родная сестра Сусанна съ мужемъ Завулономъ, бывшимъ прежде знатнымъ и воинственнымъ полководцемъ, и съ маленькою дочерью Ниною, впоследствиию просвѣтительницею Грузіи. Пришли къ нему родные, цѣлою семьей, въ горячемъ исканіи царства Божія, къ подножію Креста Христова сложили они блага и утѣхи міра, изъ устъ угодника Божія искали услышать благіе совѣты, какъ обрѣсти желанное благо царства Божія и каковъ къ нему путь,—путь отъ земли къ небу.

И путь былъ указанъ—тотъ самый путь, которымъ пошли и идете доннѣ и вы, возлюбленныя сестры, т.-е. путь жизни монашеской: Завулонъ ушелъ въ пустыню Іудейскую и окончилъ жизнь великимъ подвижникомъ, Сусанна скончала дни при храмѣ Іерусалимскомъ, въ служеніи Богу, Нина въ раннемъ дѣвчествѣ избрала себѣ женихомъ Жениха небеснаго—Христа Господа, Ему отдала сердце, съ Нимъ сочеталась навѣки, Его одинаго любила, Его одинаго искала, Ему единому служила, о Немъ отверзала уста и къ Нему привела далекую Грузію.

Изъ многообразныхъ путей жизни, изъ многообразныхъ путей къ царству Божию избрали и вы, возлюбленныя сестры, *этотъ узкій и тѣсный путь спасенія*, указанный святителемъ Ювеналіемъ, который не только говорилъ о немъ другимъ, но и самъ шелъ по нему неуклонно, за что и похваляется Цер-

ковью, какъ монашескаго постнаго житія истовое правило (служба св. Ювеналія). Но не вамъ одѣмъ: всѣмъ проповѣдано нынѣ царство Божіе словомъ Христовымъ. Всегда жаждала его наша душа; ни богатства, ни почести и никакія земныя радости не могли и не могутъ заглушить этой духовной жажды: сердце человѣческое среди земнаго стремится къ небесному, среди временнаго ищетъ оно вѣчнаго, среди видимаго жаждетъ оно невидимаго; какъ дымъ еиміама, возносится къ небу, какъ пламя огня, поднимается кверху, какъ растеніе тянется вѣтвями своими къ свѣту и солнцу,—такъ порывается и стремится душа наша къ Богу. Въ царственной силѣ и славѣ Давидъ предзрѣлъ Господа предъ собою выну и его псалмомъ можетъ говорить о себѣ каждая душа человѣческая: Имже образомъ желаетъ елень на источникъ водныя, сице желаетъ душа моя къ Тебѣ, Боже! (Пс. 41, 1.)

Ты создалъ насъ, Господи, для Тебя Самого, оттого и ищетъ Тебя душа наша и тоскуетъ безъ Тебя,—говоритъ одинъ изъ оо. Церкви (Августинъ). Гдѣ же Ты, Господи, и гдѣ Твое царство, какъ его искать, какъ въ него нужно войти?

Недалече отъ насъ царство Божіе... Не за горами и долами, не за моремъ, не въ дальнихъ странахъ, не въ невѣдомыхъ городахъ; недалече оно отъ насъ,—оно внутри насъ, по слову Христову. И это стремленіе каждой души человѣка къ Богу, и законъ Бога, начертанный на окрижальяхъ совѣсти, и *стра въ Христа, дѣйствующая любовь*, и благодать, и миръ, Имъ ниспосланныя, и радостное сыновство Богу—плодъ Его искупленія, и правда, миръ и радость о Духѣ Святомъ,—все это дары царства Божія. У одного оно, какъ зерно горчичное, у другого разрослось, какъ древо плодовитое и многовѣтвистое, по изображенію притчи Господней, въ иномъ оно только развивается, въ другомъ—возросло, заполнило всю жизнь душевную, такъ что человѣкъ, по изображенію евангелія, все продалъ, все отвергъ, и купилъ себѣ это царство Божіе, какъ единое неоцѣненное сокровище; у однихъ, какъ у Мары, оно еще не выгѣснило другихъ заботъ и попеченій, а у другихъ, какъ у Маріи, оно сдѣлалось единымъ на потребу и благою частью вѣвки. Такъ царство Божіе внутри насъ есть!

И, однако, хотя и внутри насъ и въ насъ находится царство Божіе,—его искать надо, искать усиленно и неуклонно. Оно въ насъ, но мы не видимъ его; оно въ насъ, но мы не знаемъ о немъ. Какъ искра въ кремнѣ, сокрыто оно подъ грубостью нашего сердца; какъ загрязненный алмазь, пылью и грязью, покрыто оно нечистыми мыслями, дурными желаніями, пороками и нечестіемъ. Какъ же не искать его, какъ не заботиться о немъ?

Христіанинъ! Ищи царства Божія! Очищай умъ свой отъ предрасудковъ и заблужденій, чтобы просіялъ въ немъ свѣтъ Божій; очищай сердце отъ грѣховъ, чтобы сила закона чистой, невинной и богоданной совѣсти могла имѣть свое безпрепятственное дѣйствіе; очищай вѣру отъ сомнѣнія, отъ унынія, отъ суевѣрія и заблужденія, а больше всего очищай любовь къ Богу отъ любви къ міру. Тогда сѣмя царства Божія будетъ развиваться и возрастать въ великое древо многовѣтвистое. Христіанинъ! Ищи царства Божія *усиленно*: ибо оно, по слову Христову, силою берется, и только употребляющіе усилія получаютъ его.

Нужно ли проходить путь скорбей и страданій,—не ужасайся ты его: ибо многими скорбями подобаетъ внити въ царство Божіе. Нужно ли умерщвлять плоть и страсти,—помни, что иже Христовы суть, плоть распяша со страстями и похотями. Христіанинъ! Ищи царства Божія неуклонно! Нужно ли отвергнуться собственныхъ удовольствій, благъ, чести: оставь мертвымъ погребать ихъ мертвецовъ, ты же, взявшись за плугъ, не озирайся назадъ, иначе ты не годенъ для царства Божія.

Но смотри, ищи царства Божія не только усиленно, не только неуклонно, но и съ великой осторожностію; берегись, какъ бы не заблудиться; берегись, какъ бы не признать за царство Божіе нѣчто другое, противное истинѣ; берегись, какъ бы не избрать вмѣсто дороги, ведущей къ Богу и къ небу, другой дороги, удаляющей отъ Бога и ведущей въ преисподнюю, во дно адаво... Это именно и случается со всѣми нашими сектантами, раскольниками, лжеучителями, которые, какъ слѣпцы, ведущіе слѣпцовъ, падаютъ въ яму и разбиваются. А ты возьми въ пути къ царству Божію испытанную путеводительницу, испы-

танную наставницу—Церковь Христову. Ей ввѣрено это дѣло Самимъ Царемъ царства Божія, и она почти двѣ тысячи лѣтъ уже ведетъ къ небу и вѣчности ищущихъ Бога, и великое, необъятное множество ихъ она управила въ царство Божіе. А на пути земного шествія Церковь Христова, какъ гостепріимныя покои, устроила храмы Божіи: въ нихъ она напоминаетъ о Богѣ; ихъ возвышенною и святою красотою говоритъ намъ о небѣ, въ нихъ даетъ отдыхъ и спасаетъ духъ нашъ, въ нихъ она очищаетъ насъ отъ прирожденной нечистоты, въ нихъ она врачуетъ насъ тайнствами, въ нихъ она соединяетъ вѣрующихъ съ Богомъ.

Возлюбленныя сестры! И монашескимъ житіемъ, и *этою видимою* красотою храмовъ Божіихъ въ вашей обители вамъ *облегчено шестіе къ царству Божію*. Эта свобода въ употребленіи своего времени на занятія душеспасительныя; эта близость къ храмамъ Божіимъ и удобство находиться при богослуженіяхъ; эта сохранность мысли, невозмущаемая дѣлами житейскими; это мирное и единоедушное сообщество сестеръ, идущихъ къ одной и той же святой цѣли,—все это въ вашихъ рукахъ и въ вашемъ распоряженіи.

Тако тецѣте, о, возлюбленныя,—и достигнете! Возлюбите же всею душою святою и мирною обитель вашу, возлюбите ваши святыя храмы—и вѣрою, и молитвою, и покаяніемъ, отреченіемъ отъ суеты міра, подвигомъ взаимной любви, послушаніемъ ищите, ищите царства Божія, и безъ словъ, но громче и краснорѣчивѣе и убѣдительнѣе всякихъ словъ, примѣромъ святой вѣры и святой жизни всѣхъ призывайте къ царству Божію! Аминь.

II.

ЗНАЧЕНІЕ ПОДВИГА МОНАШЕСТВА ДЛЯ МІРА.*

Сѣмя свято—стояніе его.

Вчера говорили мы вамъ, возлюбленныя сестры этой святой обители, о царствѣ Божіемъ и объ исканіи его путемъ вашего монашескаго житія и подвига.

* Сказано въ Водбійскомъ женск. монаст. въ ту же нед. по просв. за литургіей.

Но вотъ, не слышны ли вамъ долетающіе до слуха вашего буйные и дерзкіе возгласы міра, осуждающіе и вашу образъ жизни, и самыя святыя обители? Не слышите ли вы нерѣдко укору въ томъ, что монашеское житіе бесполезно для земли, бесплодно для человѣка, ненужно и неудобно и Самому Богу? Такъ именно все чаще и чаще говоритъ гордый и осуетившійся міръ, а между тѣмъ слово Божіе увѣряетъ насъ въ другомъ: оно увѣряетъ насъ, что благочестіе на все полезно, имѣя обѣтованіе жизни и будущей и настоящей, что ищущему царствія Божія отдается само собою и царство земное, приложатся всѣ блага его; оно поразительные примѣры указываетъ во святыхъ апостолахъ, которые свидѣтельствовали о себѣ: до нынѣшняго часа мы и алчемъ, и жаждемъ, и наготуемъ, и страждемъ, и скитаемся, и труждаемся, дѣлаяще своими руками, и въ то же время—мы нищи, а многихъ обогащаемъ, мы ничего не имѣемъ, но всѣмъ обладаемъ... Кто изъ богатыхъ міра сего можетъ сказать о себѣ, что онъ всѣмъ обладаетъ? И кто изъ нищихъ, нуждающихся въ пищѣ, питьѣ и одѣяніи, можетъ засвидѣтельствовать, что онъ всѣхъ обогащаетъ?

Такъ говорятъ и могутъ говорить только тѣ, кто искали и нашли царство Божіе. И въ отвѣтъ на злобныя обвиненія людей, непонимающихъ иноческой жизни; въ отвѣтъ на гордыню и укору людей душевныхъ, непостигающихъ людей духовныхъ, въ этотъ торжественный и радостный праздникъ вашей обители и вы можете засвидѣтельствовать, что не бесплодно иночество въ мірѣ, что и вы, если будете вѣрить своему житію и призванію, можете сказать о себѣ словами апостоловъ: мы,—какъ нищія, а многихъ обогащаемъ, мы ничего не имѣемъ, а всѣмъ обладаемъ. И больше того: слово Божіе постоянно и настойчиво увѣряетъ насъ о самомъ мірѣ, что *смыя* свято—стояніе его. Это значить: прекратится на землѣ родъ благочестивыхъ и избранныхъ, прекратятся на землѣ искатели царства небеснаго,—тогда погибнуть и царства земныя, тогда не устоятъ и самому міру, какъ не устояли Содомъ и Гоморра, когда въ нихъ не нашлось 10 праведниковъ.

Да, велика, благоплодна и для земли служба тѣхъ, кто былъ здѣсь земнымъ ангеломъ и небеснымъ человѣкомъ, хотя

бы отъ нихъ не было видимой, грубой земной пользы. Ихъ польза—скрытая, высшая, духовная, и доступна и познается она только чрезъ умъ, особенно вдумчивый, и открыта она для сердецъ чистыхъ, способныхъ къ духовной отзывчивости. И бывали времена, когда сами люди міра не словомъ, а дѣломъ во всеуслышаніе всѣхъ признали эту истину.

Перенеситесь мыслью ко временамъ далекимъ, когда надъ землей только-что почувствовалось предразсвѣтное вѣяніе христіанства. Вотъ на берегу Іордана явился человѣкъ. Тридцать лѣтъ провелъ онъ въ уединеніи и мрачной пустынѣ Іудейской въ святомъ подвигѣ непрестанной молитвы, въ постоянной бесѣдѣ съ Богомъ и въ чтеніи Его слова, въ суровыхъ подвигахъ самоумерщвленія и въ лишеніяхъ пустынной жизни. Онъ вышелъ изъ пустыни и сталъ на людномъ пути Іорданскомъ, и здѣсь раздалось его могучее слово призыва къ обновленію духа и жизни и къ покаянію. Страненъ былъ видъ его—въ одеждѣ изъ верблюжьяго волоса, странно было слово его—суровое, обличительное слово. И самъ онъ, выросшій вдали отъ мірскихъ дѣлъ, незнакомый съ ихъ теченіемъ, казался не на мѣстѣ на этомъ людномъ и шумномъ пути, гдѣ безъ конца взадъ и впередъ двигались толпы людей, занятыхъ своими житейскими счетами и мірскими попеченіями. Но смотрите, что случилось! Какъ властно было его слово, какъ могуче дѣйствовала его проповѣдь!

Каждому сердцу рассказалъ онъ его печальную исторію, въ каждой душѣ зажегъ онъ священный огонь покаянія. Чудо случилось, дивное, непонятное чудо: къ нему, жителю пустыни, удаленному отъ мірскихъ дѣлъ, незнакомому съ ихъ суетою, идутъ люди міра, идутъ и съ тоской и съ тревогой спрашиваютъ: что намъ дѣлать? Идутъ гордые своей мнимой праведностью фарисеи, приходятъ кичливые умомъ и погрязшіе въ чувственности маловѣрные саддукеи, идутъ мытари—сборщики податей, служители позорнаго ремесла, погрязшіе въ нечестивомъ занятіи растовщичества, идутъ воины, привыкшіе къ крови и насилію, идетъ и движется народъ. Іоаннъ не научилъ ихъ, какъ пахать и сѣять, какъ строить города, одерживать побѣды и завоевывать царства: но неужели его под-

вигъ, его слово были бесплодны? Неужели то обновленіе душъ, то глубокое раскаяніе людей, дотолѣ порочныхъ, та проповѣдь о высшей справедливости и то напоминаніе о высшемъ и послѣднемъ судѣ,—все, что говорилъ и сдѣлалъ Іоаннъ, неужели все это было бесполезно? Но въ такомъ случаѣ мы пользу ограничимъ однѣми скотскими потребностями.

Возьмите другой примѣръ. На берегу озера два рыбака могутъ и чинять сѣти: они заняты мірскимъ полезнымъ дѣломъ. Но вотъ приходитъ Нѣкто,—и вы знаете, кто Онъ,—приходитъ и говоритъ: оставьте это, идите за Мною и Я сдѣлаю васъ ловцами человѣковъ. И они, все оставивъ, все бросивъ, и даже лодки, и сѣти, и свои семьи, пошли съ Нимъ. Неужели подвигъ ихъ отреченія отъ міра былъ бесплоденъ и ненуженъ? Но міръ, который оставили рыбаки-апостолы, самъ пришелъ къ нимъ, у нихъ смиренно выслушивалъ уроки небесной мудрости, склонился къ подножію креста, и ими проповѣданнаго вѣчнаго закона слове Крестнаго: и когда міръ исполнилъ эти уроки небесной мудрости, когда исполнилъ онъ законъ слова Крестнаго, *законъ любви*, смиренія, всепрощенія, самоотверженія,—онъ былъ безмѣрно счастливъ и, напротивъ, когда отвращался отъ этихъ законовъ, тогда впадалъ въ бездну золь и страданій. Такъ міръ призналъ благоплодность подвига отрѣкшихся отъ міра.

Не такова ли была и ты, чудная святая равноапостольная дѣва, ради которой мы нынѣ собрались на святомъ торжественномъ праздникѣ у твоей святой гробницы, гдѣ тѣломъ ты опочила нѣкогда въ благоуханіи святыни? И св. Нина все оставила, приняла имя монахини и странницы, покинула родину, привычный кругъ людей, отказалась отъ семьи и мірской жизни. Неужели же жизнь ея оказалась бесполезной для міра и человѣчества? Нѣтъ, свѣтомъ своихъ подвиговъ она просвѣтила всю страну Иверскую, дала ей жизнь духовную, открыла истину, сообщила волю Божию, научила различать добро и зло, украсила жизнь добрыми нравами, упорядочила нравственный укладъ и семьи, и государства, и общества; по слову гѣсни церковной, силою Христовой она содѣлала сильнымъ царство Грузіи, ожививъ ея жизнь и земную—государствен-

ную, и указала ей мѣсто въ семьѣ великихъ народовъ, работавшихъ надъ великимъ, мировымъ дѣломъ. Неужели подвигъ ея отреченія отъ міра былъ безплоденъ для міра? Повторяемъ, это была особая высшая духовная польза, непонятная для грубаго и плотскаго ума, для грубаго и плотскаго сердца. Конечно, невѣжда считаетъ зерно ячменное дороже, чѣмъ зерно жемчужное, но тотъ, кто знаетъ настоящую цѣну тому и другому, тотъ, по слову евангелія, все имѣніе продастъ, чтобы купить одну драгоценную жемчужину царства Божія.

И таковы были безчисленные подвижники и подвижницы и земли русской, и земли грузинской, которые изъ мрака пустынь, изъ ущелій горъ, изъ уединенія лѣсовъ, изъ глубины вертеповъ возсіяли надъ міромъ силою молитвы, славой чудесъ, потокомъ милостей Господнихъ, примѣромъ доброй жизни, утѣшеніемъ разбитыхъ сердець, обращеніемъ грѣшниковъ, спасеніемъ душъ!

Имъ послѣдуя, избрали и вы, возлюбленныя сестры-инокини, этотъ путь житія подвижническаго. О, вѣрьте, вѣрьте, возлюбленныя, что сѣмя свято—стояніе міра. Вѣрьте, что монашество есть цвѣтъ христіанской жизни, ея поэзія, ея украшеніе. Посему великъ подвигъ вашего житія, доходна до Бога ваша молитва, славно и честно званіе иноческое, и спасительно оно для міра осуетившагося. Свѣтите же, свѣтите этому міру добрымъ житіемъ, обращеннымъ къ горнему и духовному: вышнихъ ищите, горняя мудрствуйте, а не земная.

Намъ же влающимъ въ молвѣ и попеченіяхъ града, людямъ мірскимъ, давайте чаще и чаще вдыхать ароматъ жизни духовной, дышать благоуханіемъ святости и вѣчности, предощущеніемъ того немеркнущаго свѣта, незаходимаго солнца, того свѣтлаго, невечерѣющаго дня, гдѣ будетъ всѣхъ веселящихся жилище, и празднующихъ гласъ непрестанный, и безконечная сладость зрящихъ лица Божія доброту неизреченную.

И за этотъ свѣтъ, за этотъ миръ душевный, за ваши молитвы, за труды, за подвиги, за напоминанія о небѣ и вѣчности скажетъ вамъ доброе слово хвалы и благодарности оставленный вами міръ. Аминь.

Правда вѣры и жизни.*

Во едину святую, соборную и апостольскую Церковь...

Достоинно и праведно нынѣ, въ день Православія, съ особымъ чувствомъ радостнаго умиленія воспомануть и исповѣдать эту истину нашего священнаго сѣмвола вѣры. Достоинно и праведно въ этотъ день, когда мы празднуемъ побѣду и торжество православія надъ невѣріемъ и лжевѣріемъ, возблагодарить Бога за то, что мы принадлежимъ къ той единой и спасающей Церкви, которая удержала и содержитъ нынѣ въ чистотѣ и сохранности истину святой вѣры въ томъ видѣ, какъ принесъ ее на землю Христосъ Спаситель, какъ возвѣстили ее міру святые апостолы, истолковали и сохранили на всѣ вѣка богомудрые отцы и учителя Церкви на святыхъ соборахъ: *сія вѣра апостольская, сія вѣра отеческая, сія вѣра православная, сія вѣра вселенную утверди.*

Правда Церкви нашей есть прежде всего правда вѣры и исповѣданія. На нее-то искони и устремлены были козни враговъ истины: и гордыня лжеименнаго разума, и самочинное мудрованіе въ ученіи Божественнаго откровенія, и нравственная распущенность, какъ печальное наслѣдіе издохшаго язычества, и продажныя, мірскіе, недостойныя вѣры разсчеты въ жизни частной или государственной,—всѣ эти враги силились поколебать чистоту вѣры нашей и поставить въ ней на мѣсто Божественнаго начало человѣческое. Сонмы мучениковъ, сонмы отцовъ и учителей Церкви съ величайшими трудами, жертвами и усилиями, своими страданіями, терпѣніемъ, кровью и смертью отстояли для насъ сокровище вѣры: да будетъ имъ вѣчная память предъ очами Бога и людей, въ Церкви земной и небесной!

Велико и неоцѣненно сокровище этой правды вѣры и исповѣданія! Нынѣ принято умалять его; нынѣ раздаются пропо-

* Слово предъ чтеніемъ Дѣяній Св. Синода 29 января 1903 г. о прославленіи старца Серафима Саровскаго. Сказано въ кѣдѣлю Православія 23 февраля 1903 г. въ Сіонскомъ соборѣ при священнослуженіи ексарха Грузіи.

вѣдь новоявленныхъ и самозванныхъ учителей о томъ, что въ христіанствѣ чистота вѣры и догмата будто бы не важна, и что не только главное, но и единственное его сокровище—это правда жизни. Не вѣрьте, братіе, этому обольстительному ученію. Какъ нельзя жить, не родившись; какъ нельзя читать и писать, не зная азбуки: такъ нельзя имѣть правды и жизни, не имѣя правды вѣры. Апостолы завѣщали намъ твердо знать наше упованіе и давать о немъ отвѣтъ вопрошающимъ (1 Петр. III, 15), они завѣщали намъ хранить оставленный ими образъ здравыхъ словесъ (2 Тим. I, 13), чтобы по нему устроить и располагать свою жизнь: иначе зданіе нашей нравственной жизни будетъ построено на пескѣ или, еще хуже, уподобится писанію по водѣ...

Этимъ не унижаетъ Церковь правды жизни. Напротивъ, твердо и неизмѣнно проповѣдуетъ она ученіе апостоловъ, что вѣра безъ дѣлъ мертва есть (Іак. II, 20), что нужно любить не словомъ и языкомъ, но дѣломъ и истиною (1 Іоан. III, 18). И смотрите, поучаясь, какъ оправдываетъ ее исторія вѣковъ минувшихъ. Исторія эта гласитъ намъ ясно и вразумительно, что съ правдою вѣры всегда неразрывно связана и правда жизни; съ возрастаніемъ или паденіемъ одной—непремѣнно возрастаетъ или падаетъ другая. Всѣ общества христіанскія, уклонявшіяся отъ единства и чистоты вѣры, оскудѣвали духомъ и скоро являли печальное зрѣлище нравственнаго разложенія. Гдѣ сонмъ святыхъ въ церкви армянской послѣ отдѣленія ея отъ православія? Она чтитъ только тѣхъ святыхъ, которые жили до раздѣленія церквей, будучи не въ силахъ послѣ потери чистоты вѣры воспитать сыновъ своихъ для святости. Не оскудѣла ли святыми подвижниками и угодниками и ихъ святыми мощами отколовшаяся отъ единства вѣры церковь гордаго Рима? Но вотъ на Западѣ дѣйствіями темной силы явилось новое и великое отступленіе, напумѣвшее на весь міръ, гордо объявившее себя реформаціей, отвергшее и поправшее по началамъ лжеименнаго разума всю древнюю святыню вѣры. Что же вышло? Нашлись ли тамъ дѣятели, напоминающіе хоть сколько-нибудь величавыхъ святителей христіанской древности? Явились ли смиренные подвижники вѣры и молитвы,

осіянные Божіей благодатью? Просіяли ли святые, Богомъ умудренные учителя вѣры, властители думъ, цѣлители больной совѣсти, тѣ, къ которымъ стекались бы люди Божіи, ища назиданія, облегченія измученному сердцу, прощенія грѣховъ, обновленія жизни? Все застыло тамъ въ одной напряженной работѣ холоднаго разума въ дѣлахъ вѣры, которая главнымъ образомъ живетъ въ области сердца, и жизнь видна только въ одномъ головокружительно-быстромъ и страшномъ развитіи крайняго отрицанія, въ этомъ безконечномъ дробленіи сектъ, которыя уже выродились изъ лютеранства въ числѣ болѣе 800..., которыя плодятся и доннынѣ, являясь нагляднымъ и страшнымъ нарушеніемъ предсмертной и завѣтной молитвы Богочеловѣка: да вси едино будутъ.... (Іоан. XVII, 21).

Не ради гордыни и похвальбы, а во славу Бога и Христа Ёго, въ благодарное исповѣданіе Божьей благодати и благодати, свидѣтельствуемъ мы о великомъ сонмѣ святыхъ Божіихъ въ нашей православной Церкви. Не оскудѣваетъ сонмъ этотъ, растетъ изъ вѣка въ вѣкъ, украшая новыми и яркими звѣздами духовное небо славнаго христіанства. Милостію Божіею не оскудѣла носителями святости и наша родимая Россійская Церковь. И на престолахъ благовѣрныхъ князей, и въ средѣ всѣхъ сословій вѣрноподданнаго народа; среди воиновъ и мирныхъ гражданъ; на превознесенныхъ престолахъ святителей Церкви, и въ рядахъ простыхъ мірянъ и иноковъ, въ тиши обителѣй, въ глубинѣ лѣсовъ, въ невѣдомыхъ пустыняхъ, среди льдовъ далекаго сѣвернаго моря,—вездѣ просіяли на землѣ русскіе святые угодники, и стала земля наша воистину землею *святорусскою*.

Истекло 19-е столѣтіе христіанства на нашихъ глазахъ: въ этотъ вѣкъ разлива въ мірѣ невѣрія и нечестія Господь въ русской Церкви четыре раза, какъ бы четверемъ поколѣніямъ, сознательною жизнью пережившимъ столѣтіе, воздвигъ въ назиданіе новыхъ угодниковъ Божіихъ: святителей Иннокентія Иркутскаго, Митрофана Воронежскаго, Тихона Задонскаго, Θεодосія Черниговскаго. Наступилъ XX вѣкъ, и се—у самаго порога его мы видимъ новое знаменіе милости Божіей къ русской Церкви, новое свидѣтельство ея истины, ея православія

и цѣлости ея духовной жизни, новый призывъ къ намъ хранить святыню вѣры и сыновнее послушаніе Церкви: близится время прославленія боголюбиваго старца Серафима, Саровскаго подвижника, нареченнаго въ святыхъ Божіихъ общимъ глазомъ вѣрующаго православнаго народа; нынѣ запечатлѣнъ гласъ этотъ рѣшеніемъ вышшаго церковнаго священноначалія и радостно-умиленнымъ словомъ возлюбленнаго нашего Монарха.

Радуйся, Церковь святая православная! Радуйтесь, духомъ православные люди Божіи! Радуйся, старче Серафиме, смиренный подвижникъ и новый къ Богу молитвенникъ за землю русскую!

Въ этотъ день Православія усугубимъ торжество его, братіе, радостью о новоявленномъ угодникѣ Божіемъ, свидѣтелѣ православія и святости нашей Церкви. Изволеніемъ архипастыря сейчасъ прочитано будетъ Дѣяніе о семъ Святѣйшаго Синода. Выслушаемъ его въ благоговѣйномъ вниманіи. Аминь.

Честный служитель слова.*

Слово ваше будетъ солию растворено.
(Кол. IV, 6).

Неизмѣримо велико значеніе человѣческаго слова. Въ чудно-таинственномъ устройствѣ чловѣка, этого „малаго міра“, его свѣтлая мысль родитъ вдохновенное слово, въ немъ воплощается, увѣковѣчивается; и обратно: слово, въ свою очередь, возбуждаетъ и вызываетъ мысль, развиваетъ ее, совершенствуетъ, вступаетъ въ непостижимую связь съ чувствомъ, дѣйствуетъ на волю,—захватываетъ, такимъ образомъ, всю широкую область человѣческой дѣятельности.

Не напрасно, поэтому, слово представляется глубоко-важнымъ не только въ отношеніи эстетическомъ, литературномъ,

* Рѣчь на панихидѣ по Н. В. Гоголѣ по случаю открытія ему памятника въ гор. Тифлисѣ, сооруженнаго городскимъ самоуправленіемъ.

научномъ и общественномъ: оно преисполнено и какъ бы насквозь проникнуто инымъ, высшимъ значеніемъ,—священнымъ, религіознымъ. Словомъ Бога созданъ міръ изначала, словомъ дано откровеніе, словомъ глашали истину пророки, Словомъ благоволило именоваться Божество въ воплощеніи, словомъ Богочеловѣкъ и Его апостолы повѣдали міру небесную вѣсть спасенія.

И блаженъ тотъ избранникъ Божества, одаренный свѣтлою мыслью и чуднымъ даромъ слова, который не употребить во зло своего дарованія, который не продастъ за жалкую похлебку мірскихъ благъ свое духовное первородство, который не уподобится древнему Валааму, избравшему слово проклятія народу вмѣсто Богомъ заповѣданнаго слова благословенія. Блаженъ всякій служитель слова—писатель или ораторъ, поэтъ или провѣдникъ, и благословенно имя его, если онъ не избралъ это слово орудіемъ лжи, обмана, возбужденія изменныхъ страстей и нравственнаго растлѣнія. Ибо отъ словъ твоихъ оправдашися, и отъ словъ твоихъ осудишися,—говоритъ Господь въ Откровеніи (Мѣ. XII, 37). И не даромъ одинъ изъ нашихъ художниковъ слова, современникъ того, кого мы нынѣ поминаемъ молитвою, приточнымъ изображеніемъ загробной судьбы разбойника и писателя показалъ намъ въ назиданіе, что убійца менѣе вреденъ и скорѣе удостоится прощенія предъ вѣчною правдою, чѣмъ дурной писатель, этотъ духовный разбойникъ, оставившій на землѣ въ своихъ произведеніяхъ сѣмена неисцѣльнаго и непрекращающагося зла.

О, какъ умѣстно и какъ необходимо громко и часто напоминать объ этомъ себѣ и другимъ въ наши тревожные дни! Слово человѣческое нынѣ не хранится, какъ прежде, въ тѣсномъ кружкѣ близкихъ людей, а быстро распространяется по лицу земли; его разноситъ по міру не одна стоустая молва, какъ прежде, но многочисленныя, усовершенствованныя и все болѣе развивающіяся орудія гласности—почта, телеграфъ, телефонъ, газеты, листки, книги, журналы. Увѣковѣчиваются не только слова, но самый тонъ, выраженіе и звукъ голоса... Страшно подчасъ становится за эту изумительно-могучую силу слова. Страшно становится, когда видишь, какъ талантливыя

творцы слова питають изо-дня-въ-день читающую и мыслящую часть общества образами порока, грѣха и соблазна, не вызывая къ нимъ отвращенія, нѣтъ,—часто оправдывая, даже открыто сочувствуя имъ. Страшно подумать, что озвѣрѣвшіе подонки человѣческаго общества возводятся нынѣ въ идеаль, объявляются носителями обновленія нашей общественности; что, подъ вліяніемъ модныхъ мыслителей, добро и зло объявляются условными; когда знаменитое — „все позволено“ предлагается, какъ единственная норма и лозунгъ дѣятельности; когда поле изображаемой литературнымъ словомъ жизни занимають нравственные дегенераты, якобы „сверхчеловѣки“, стоящіе „по ту сторону добра и зла“, а на самомъ дѣлѣ—герои скамьи подсудимыхъ, обыкновенные преступники, съ обыкновенными низменными инстинктами, дерзость которыхъ и нравственное безстрашіе принимаются за нравственную отвагу и силу,—достойные, конечно, и снисхожденія, и сожалѣнія, но никакъ не подражанія. Страшно становится, когда видишь, что всякое преступленіе на общественномъ судѣ находитъ себѣ краснорѣчивую защиту, вознаграждающую вѣщателей зла то крупною платою, часто изъ темнаго источника, то громкою популярностію,—благами, за которыми любители ихъ ѣдутъ издалека, тянутся, какъ-будто къ свѣту, ко всякому виду громкаго преступленія, чтобы защитить его прелюбодѣянїемъ слова лицемѣрно-краснорѣчиваго и ложно-одушевленнаго. Страшно становится, когда разрушительныя для религіи и общественности ученія распространяются словомъ подпольной литературы, проповѣдаются подчасъ между строками и легальныхъ газетъ, книгъ и журналовъ. И прямо ужасно подумать, что все это прививается и усваивается, что всѣмъ этимъ увлекаются нынѣ до потери сознанія границъ добра и зла, нравственно-прекраснаго и безобразнаго, что почва для посѣва и возрастанія такого слова человѣческаго, измѣнившаго своему божественному назначенію, съ каждымъ днемъ становится какъ-будто воспримчивѣе.

Въ такіе дни, дѣйствительно, отрадно остановиться на образѣ писателя, котораго мы нынѣ поминаемъ молитвою и за тѣмъ вѣнчаемъ заслуженною славою—созданіемъ рукотвореннаго

памятника отъ имени нашего города. Вотъ писатель, который объявилъ, что со словомъ нужно обращаться крайне осторожно: „оно, по его выраженію, лучший даръ Бога человѣку“. Вотъ писатель, проникшійся убѣжденнымъ сознаниемъ религіознаго значенія слова, который смотрѣлъ на себя, какъ на орудіе промысла, какъ на библейскаго пророка, глашатая истины; который, рисуя порокъ, не услаждался имъ и не услаждалъ имъ другихъ; который горькимъ смѣхомъ посмѣялся надъ пошлою стороною нашей дѣйствительности не для забавы и глумленія, не для пошлаго остроумія, а „сквозь незримыя міру слезы“: онъ плакалъ надъ язвами нашей жизни, страдалъ и болѣлъ ея страданіями, онъ приобщился къ той міровой скорби лучшихъ писателей-печальниковъ народа своего, которая является какъ бы отблескомъ и соучастіемъ искупительнаго подвига Христова... Вотъ писатель, у котораго сознание отвѣтственности предъ высшею правдою за его литературное слово дошло до такой степени напряженности, такъ глубоко охватило все его существо, что для многихъ казалось какою-то душевною болѣзнью, чѣмъ-то необычнымъ, непонятнымъ, ненормальнымъ. Это былъ писатель и человѣкъ, который правду свою и правду жизни и міропониманія провѣрялъ только правдою Христовой.

Да, отраднo воздать молитвенное поминовеніе предъ Богомъ и славу предъ людьми такому именно писателю въ нашъ вѣкъ господства растлѣннаго слова,—писателю, который выполнилъ завѣтъ апостола: *слово ваше да будетъ солию растворено*. И много въ его писаніяхъ этой силы, предохраняющей мысль отъ разложенія и гніенія, дѣлающей пищу духовную удобопріемлемой и легко усвояемой.

Отраднo и то, что такого писателя цѣнятъ и прославляютъ. Это—доброе знаменіе времени; это—добрый знакъ, что не до конца загрязнена и почва, воспринимающая слово, что многихъ какъ бы тошнитъ отъ той духовной пищи, которую имъ часто преподносятъ въ современной литературѣ, и они ищутъ освѣженія и обновленія въ вѣчныхъ завѣтахъ великихъ творцовъ слова минувшаго времени. Такіе творцы по своему значенію въ исторіи слова подобны святымъ отцамъ въ пра-

вославіи: они поддерживаютъ благочестныя и чистыя литературныя преданія. Въ ихъ завѣтахъ можно и объединиться, и сойтись всѣмъ представителямъ такого окраиннаго и разноплеменнаго города, каковымъ является нашъ Тифлисъ. Честь и хвала и глубокая благодарность представителямъ города за это чествованіе великаго писателя земли русской; вѣдь въ его завѣтахъ высокихъ и благородныхъ мы всѣ воспитались въ годы ученія и духовнаго—умственного и нравственнаго возрастанія; вѣдь эти завѣты, дѣйствительно, сильны объединить всѣхъ, кто ищетъ добра и любитъ его, кто, безъ партій и клечекъ, хочетъ видѣть въ себѣ и въ окружающихъ человека въ истинномъ и высокомъ значеніи этого слова.

Пусть же останутся эти завѣты руководствомъ и для васъ, представители нашего общественнаго самоуправленія! Создавая памятникъ великому писателю, столь честному въ мысли и словѣ, вы тѣмъ самымъ показываете, что раздѣляете уроки, оставленные намъ этимъ учителемъ жизни. Иначе—чествованіе это было бы только жалкимъ и презрѣннымъ лицемѣриемъ, одною бездушною и показною формою. Да будетъ и у васъ слово ваше солию растворено! Благо общественное вручено заботѣ представителей общества, и оно выясняется обыкновенно въ предварительной усиленной работѣ слова вашего въ законныхъ общественныхъ собраніяхъ. Пусть же слово это будетъ всегда чисто, здраво и трезво—и пусть оно будетъ солию растворено, т.-е. не гнило, не губительно. Пусть оно не служитъ для рисовки, игры и тщеславія пустымъ и условнымъ краснорѣчіемъ, пусть не обращается оно въ одно словопреніе, въ орудіе задора и раздора, личныхъ счетовъ, личныхъ или партійныхъ интересовъ, — въ продажный товаръ, къ сожалѣнію, столь часто нынѣ предлагаемый на общественномъ рынкѣ.

Тогда и открытое чествованіе великаго писателя созданіемъ ему памятника будетъ имѣть воистину глубокое общественно-воспитательное значеніе. Аминь.

Переселенческое русское дѣло.*

Царство Божіе подобно тому, какъ если человѣкъ броситъ сѣмя въ землю: и спитъ, и встаетъ ночью и днемъ, и какъ сѣмя всходитъ и растетъ, не знаетъ онъ... (Мрѣ. IV, 26—27).

Въ царствахъ человѣческихъ, въ широкомъ смыслѣ, нерѣдко повторяется и наблюдается то же явленіе. Есть сѣмя и русской государственной жизни; давно оно посѣяно; смѣнялись тѣ, кому было поручено смотрѣть за ними и ожидать урожая и жатвы. И бывало не разъ, что эти приставники и спали, и вставали ночью и днемъ, и часто совсѣмъ забывали о сѣмени. А оно росло въ землѣ, питалось землею и давало ростки, во многихъ мѣстахъ государства достигло и плодоношенія. Мы разумѣемъ здѣсь русскую государственную и національную идею. Печальна ея судьба въ рукахъ приставниковъ народныхъ: то она временно поднимала голову, то никла къ землѣ и казалась обреченною на гибель конечную; но и въ краткіе промежутки ея жизни ей указывали до безконечности разнообразныя и несогласованныя между собою мѣры и средства для существованія и успѣха: то призывали европейскую науку и культуру, то указывали мѣры административнаго устройства, то хотѣли ей помочь усиленіемъ всякихъ инородческихъ элементовъ, то признавали всѣ и всякіе патріотизмы, кромѣ русскаго, то кровью, потомъ, трудомъ и достояніемъ русскаго народа создавали благо другихъ народностей, надѣляя ихъ землями, правами, школами, и думали, что русская идея чрезъ это становится всечеловѣческою, достойною всемірнаго признанія и преклоненія.

Но сѣмя, повторяемъ, было давно-давно брошено. Сѣмя это—живой, не отвлеченный, а дѣйствительно существующій русскій народъ. Куда онъ пришелъ самолично, а не отвлечен-

* Рѣчь при открытіи новаго переселенческаго села Николаевскаго въ Закаркальѣ.

ной идеей, тамъ онъ и насадилъ блага гражданственности, высшей религіи и достойнаго человѣческаго существованія: отъ береговъ Ильменя и Двѣпра проникъ онъ на берега Волги, создалъ города, селенія, княжества, распространилъ христіанство, далъ блага единаго русскаго языка, какъ средства человѣческаго общенія; проникъ потомъ къ морю студеному, къ Вяткѣ, Уралу, переваливъ его, по необъятнымъ пространствамъ Сибири дошелъ до Великаго моря-океана, на югъ спустился къ Каспію, занялъ Приазовскій край, а сѣверный Кавказъ, можно сказать, на нашихъ глазахъ онъ сдѣлалъ богатымъ, люднымъ краемъ,—краемъ настолько русскимъ, что трудно даже и представить, что онъ 100 лѣтъ назадъ былъ чужимъ и инородческимъ. Во всѣ періоды нашей исторіи Русь коренная, порубежная и зарубежная была сильна живымъ народомъ, живымъ нашимъ крестьянствомъ.

О, если бы 100 лѣтъ назадъ эта истина признана была и по отношенію къ Закавказью! Что мы говоримъ? Если бы хоть 40 лѣтъ тому назадъ, съ освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, живую волну вливался русскій элементъ въ нашъ край: какъ бы измѣнилось теперь лицо его, какъ перемѣнилось бы общее положеніе!

Но прочь безплодныя сожалѣнія! Лучше поздно, чѣмъ никогда. И можетъ-быть, и на русскомъ дѣлѣ въ нашемъ краѣ исполнится притча Спасителя: пришедшіе въ одиннадцатый часъ работники получаютъ плату наравнѣ съ пришедшими въ часъ первый. Это зависитъ отъ насъ, приставниковъ къ государственному нашему дѣлу. Не будемъ стыдиться русской нашей идеи, русскаго нашего дѣла. Не будемъ бояться, что въ ней есть что-то эгоистическое и не христіанское. Не будемъ двоиться въ нашихъ убѣжденіяхъ и дѣйствіяхъ, подобно тростнику, вѣтромъ колеблемому, подобно морской волнѣ, вѣтромъ поднимаемой и развѣваемой; ибо во всей широтѣ, во всей совокупности человѣческой жизни исполняется слово апостола: *человѣкъ съ двоящимися мыслями не твердъ во истѣхъ путяхъ своихъ* (Іак. I, 8). Національное самосознаніе въ народѣ—то же, что личное, личное самосознаніе въ каждомъ отдѣльномъ человѣкѣ. Какъ нельзя въ каждомъ изъ насъ убить личности,

и какъ сознание своей личности не уничтожаетъ личности въ другомъ человѣкѣ, мнѣ подобномъ: такъ нельзя убить національное самосознание; такъ сознанныя національная идея не уничтожаетъ другихъ народностей.

Мудрость народа замѣчаетъ, что клинъ клиномъ вышибается. Вражда противъ русскаго дѣла вездѣ и, въ частности, въ нашемъ краѣ опирается на какую-либо національную идею какого-либо мелкаго племени. Не книжкой, не наукой, даже не школой можно бороться противъ этой идеи и смягчать ея крайности; опытъ говоритъ совершенно противное: школа даетъ мелкому племени полуинтеллигенцію, которая, ставши на ноги при помощи русскихъ средствъ, начинаетъ кричать о правахъ своей національности и борется съ русскимъ государственнымъ дѣломъ. Гдѣ отпоръ подобнымъ вождельніямъ? Только въ ясно сознанный и нескрываемо исповѣдуемой русской идеѣ; только въ поддержкѣ живого русскаго потока, направляемаго во всѣ окраины нашего царства; только въ заботахъ, самыхъ горячихъ заботахъ о просвѣщеніи и о культурно-экономическомъ ростѣ нашего русскаго крестьянства. Какъ только эту русскую идею противопоставить идеѣ какого-либо мелкаго племени, такъ сразу самая мысль о борьбѣ между ними становится нелѣпою и смѣшною, и правда исторіи, правда жизни сама бросается въ глаза. Кто здравомыслящій, какого бы племени онъ ни былъ, кто скажетъ, что русскому человѣку нѣтъ и не должно быть мѣста на Кавказѣ? Но тогда гдѣ же ему мѣсто? Куда дѣться стомилліонному народу? Неужели сидѣть около Кіева и Новгорода? Ибо на всякой точкѣ русской Имперіи мелкія народности, начиная отъ печенѣговъ и половцевъ на югѣ до финновъ около Москвы и болгаръ на Волгѣ, могутъ говорить, что и тамъ не мѣсто русскому человѣку.

Нѣтъ, и нѣтъ! Вездѣ въ русскомъ царствѣ ему мѣсто, и въ нашемъ краѣ, въ этомъ новомъ поселеніи, онъ на мѣстѣ, на *своемъ* мѣстѣ; здѣсь онъ ничего ни у кого не отнимаетъ и никому не грозитъ; здѣсь онъ, хотъ и поздно поселенный, хотъ и на остаткахъ богатыхъ земель Закавказья, расхищенныхъ нѣкогда, во дни, когда мы, приставленные свыше стражи земли русской, спали,—онъ принесетъ великую пользу и государству,

и здѣшнему краю. И какъ онъ шелъ въ своей исторіи всюду впередъ, неся въ одной рукѣ крестъ и евангеліе, а въ другой—топоръ и лопату, орудія мирнаго труда: такъ онъ пришелъ и сюда, и мы сегодня имѣли высокое утѣшеніе заложить для здѣшнихъ русскихъ людей домъ Божій. Буди благословенно сіе священное и многознаменательное торжество! Сей день, его же сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся въ оны!

Имя князя Григорія Сергѣевича Голицына, начальника нашего края, съ благодарностью будетъ поминаться въ исторіи русскаго дѣла на Кавказѣ; онъ первый изъ правителей Кавказа въ ясно сознанной и намѣченной системѣ воплотилъ его въ живыхъ людяхъ, русскихъ переселенцахъ, какъ носителей русскаго дѣла, и указалъ тщету и ложность порываній и попытокъ дѣйствовать здѣсь отвлеченными и теоретическими разсужденіями. Не забудетъ исторія и ближайшихъ сотрудниковъ князя Григорія Сергѣевича.

Мы глубоко вѣримъ въ жизненность того дѣла, у начала котораго мы теперь стоимъ. Вспоминается намъ недалекое время. Шесть лѣтъ тому назадъ здѣсь пріютились всего шесть семействъ русскихъ крестьянъ, и мнѣ въ числѣ другихъ частныхъ, а не правительственныхъ дѣятелей, привелъ Богъ не разъ посѣтить первыхъ русскихъ насельниковъ. Сколько невагодъ пронеслось надъ ними! Какъ всё единогласно хоронили ихъ дѣло! Какъ осуждали даже въ большой печати самое намѣреніе поселить здѣсь русскихъ крестьянъ! И какъ мало было основаній надѣяться на то, что здѣсь когда-либо устроится что-либо прочное и крупное въ области русскаго дѣла! И вотъ, какъ вода просасываетъ мощные пласты и глыбы и бьетъ струею поверхъ земли, такъ правда жизни живою струею пробилась наверхъ и посрамила маловѣрныхъ и злобныхъ: мы видимъ здѣсь уже людное поселеніе, которое въ недалекомъ будущемъ вырастетъ въ сотни семействъ, объединенныхъ около храма. Дай Богъ, чтобы все это послужило прообразомъ всего дѣла русскаго переселенія въ Закавказь!

Пусть сѣмя это растеть, пусть зрѣеть, пусть расцвѣтетъ пышнымъ цвѣтомъ и плодъ принесетъ во имя великаго русскаго дѣла, во славу и благо русскаго народа! Аминь.

Ожесточеніе сердца.*

Днесь, аще гласъ Его услышите, не ожесточите сердца вѣшихъ.

Въ величественномъ псалмѣ Давидовомъ, по счету 94-мъ, откуда взято приведенное сейчасъ изреченіе (ст. 7—8), св. царепророкъ вдохновенно призываетъ народъ свой къ прославленію имени Господа. „Придите, воспоемъ Господу, воскликнемъ Богу, твердыѣ спасенія нашего! Предстанемъ лицу Его со славословіемъ, во псалмахъ и пѣсняхъ воскликнемъ Ему! Въ Его рукѣ глубина земли и вершины горъ—Его же; Его море, и Онъ создалъ его, и сушу образовали руки Его. Придите, поклонимся и припадемъ, преклонимъ колѣна предъ лицомъ Господа, Творца нашего. Ибо Онъ—Богъ нашъ, и мы—народъ паствы Его и овцы руки Его“... Вспоминая при этомъ всѣ благодѣянія Бога не только вообще къ міру и людямъ, но, въ частности, и къ народу израильскому въ Египтѣ, въ пустынѣ Аравіи, въ землѣ обѣтованія, вспоминая, какъ народъ еврейскій при всѣхъ милостяхъ Божіихъ являлся часто противникомъ волѣ Господа, ропталъ, возмущался,—царственный пѣвецъ-проповѣдникъ, обращаясь къ народу, вдругъ какъ бы пророчески восклицаетъ: „О, если бы вы нынѣ послушали гласа Его: не ожесточите сердца вашего!“

Сбылось пророческое опасеніе св. псалмопѣвца. Израиль, взысканный щедротами Бога, осыпанный Его благодѣянiami, явилъ на себѣ въ исторіи устрашающій примѣръ того ужаснаго, гибельнаго ожесточенія сердца, которое обратило этотъ народъ избранія и благословеній, великихъ и всемірныхъ обѣтованій въ народъ отверженія и проклятія и привело его—страшно выговорить!—къ ужасу и преступленію богоубійства.

Въ воспоминаніяхъ нынѣшняго дня мы видимъ новое и разительное доказательство этого безумнаго ожесточенія сер-

* Слово въ субботу Лазареву при освященіи храма въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ на станціи „Тифлисъ“ 29-го марта 1903 года.

дець древняго Израиля. Предъ нами единственное въ мѣрѣ, величественное и поразительное чудо воскрешенія Спасителемъ четырехдневнаго, уже погребеннаго мертвеца Лазаря. Голосъ Иисуса Христа, обращенный къ мертвецу и вызывающій его изъ могилы, раздался въ недовѣдомой странѣ смерти, никогда не возвращающей своихъ жертвъ, раздался, какъ голосъ Владыки жизни и смерти,—и Лазарь вышелъ изъ гробовой пещеры, обвязанный погребальными пеленами. Евангеліе, по свойственному ему тону краткости и спокойствія въ повѣствованіи, умалчиваетъ о томъ впечатлѣніи, которое должно было оказать это чудо на всѣхъ присутствовавшихъ: но и безъ словъ оно понятно и живо представляется воображенію. Въ евангеліи упоминается только то, что „многіе при этомъ увѣровали въ Иисуса“ (Іоан. XII, 45), и что въ числѣ свидѣтелей чуда были и враги Спасителя. Что же враги? Казалось бы, что и каменное сердце должно было загорѣться благоговѣніемъ къ Чудотворцу, что послѣ этого чуда должна была смолкнуть вражда противъ Иисуса Христа и, по крайней мѣрѣ, хоть наступающая Пасха должна была пройти для Него спокойно.

Но такова гибельная сила ожесточенія сердца: сердце это не смягчается ничѣмъ, оно не способно уже къ убѣжденію, оно становится слѣпо и глухо ко всякой истинѣ, оно всецѣло отдается злобѣ и сатанѣ. Что мы видимъ послѣ чуда воскрешенія Лазаря? Враги Иисуса не только не были пристыжены этимъ чудомъ, не только не оставили и не умѣрили своей злобы, но еще больше встревожились и говорили на своемъ нечестивомъ совѣтѣ: Что намъ дѣлать? Этотъ Человѣкъ много чудесъ творить. Если оставимъ Его такъ, то всѣ увѣруютъ въ Него. *Съ этого дня,—замѣчаетъ евангелистъ,—положили убить Его* (Іоан. XII, 47—48, 53). Извѣстно, что этотъ приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе чрезъ нѣсколько дней.

Такъ даже чудо Божіей милости и всемогущества не остановило злобы, не отдалило смерти Сына Божія; такъ неисцѣльно-гибельно дѣйствіе ожесточенія, охватившаго человѣческое сердце.

Насытилось ли оно, по крайней мѣрѣ, кровью, муками и смертью Сына Божія? Увѣрилось ли оно въ Его Божество?

послѣ Его воскресенія и цѣлаго облака чудесъ, совершенныхъ Его апостолами? Нѣтъ, оно преслѣдовало Его за гробомъ, оно убило всѣхъ Его апостоловъ и первыхъ послѣдователей, оно гнало дѣло Христово въ мірѣ въ теченіе вѣковъ, преслѣдуетъ его и донинѣ, чтобы подавить его, затмить его ложью, затѣнить вымыслами, покрыть клеветою и позоромъ, чтобы поставить на пути его мечъ, залить кровью его свидѣтелей, похоронить въ ихъ могилахъ, утопить въ водѣ, сжечь въ огнѣ, истребить всѣми видами истребленія. Вотъ оно ожесточеніе сердца! Оно—безумная вражда на Бога, оно—возстаніе твари противъ Творца своего. Поистинѣ, это есть сатанинское состояніе души, нравственный *мертвый сонъ* (Еф. V, 4), упорное, сознательное противленіе истинѣ, при всѣхъ яснѣйшихъ свидѣтельствахъ ея, ненависть къ свѣту и правдѣ,—та *хула на Духа Святаго*, о которой Само воплощенное Милосердіе говорить, что изъ всѣхъ грѣховъ міра только одна эта хула не простится людямъ ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій (Мѣ. XII, 31—2). Это—состояніе, которое отнимаетъ у человѣка даже возможность исправленія.

Братіе возлюбленные! *Все, что написано въ словѣ Божіемъ, въ наше наученіе преднаписано* (Римл. XV, 4). Страшенъ грѣхъ ожесточенія сердца, и онъ стоитъ предъ нами, изображенный въ исторіи Израиля, въ повѣствованіяхъ евангелія, какъ постоянное и грозное предостереженіе. Не сразу дошелъ Израиль до этого гибельнаго состоянія, которое, въ полномъ и окончательномъ своемъ развитіи, привело избранный народъ къ ужасу богоубійства. Будемъ же внимательны къ себѣ, чтобы и съ нами не случилось что-либо подобное! Будемъ внимательны: не впадаемъ ли мы порою въ такое же состояніе, не стоимъ ли мы хоть на первыхъ ступенькахъ того страшнаго пути сердечнаго ожесточенія, который ведетъ человѣка къ Іудину окаянству, къ враждѣ на Бога и зреть во дно адово?

Отчего происходитъ ожесточеніе сердца? Оно начинается постепенно утратою нашимъ духомъ ощущенія близости къ намъ міра высшаго, духовнаго, общенія съ Богомъ, притупленіемъ вкуса духовнаго къ религіозно-нравственнымъ запросамъ и стремленіямъ, потерю чувствительности къ впечатлѣніямъ

и дѣйствіямъ въ насъ благодати Божіей. Происходитъ же эта утрата прежде всего отъ того, что человѣкъ начинаетъ давать въ своей жизни перевѣсъ плоти надъ духомъ: пища, питье, увеселенія, наслажденія, выгоды, деньги, обогащеніе, удобства жизни, забота о себѣ и только объ одномъ себѣ, о своихъ матеріальныхъ интересахъ, о своемъ самолюбіи,—все это выступаетъ на первый планъ, подавляетъ духъ, который безъ развитія, безъ сродной ему пищи начинаетъ замолкать, какъ бы хирѣть и вянуть. Духъ, конечно, не можетъ совсѣмъ умереть, не можетъ совершенно прекратить свою дѣятельность. Но его дѣятельность становится одностороннею—узкою, жесткою, плотскою, или, по выраженію священнописанія, *не духовною*, а *душевною* (I Кор. II, 14), онъ обращенъ тогда только къ землѣ, къ земной заботѣ объ улучшеніяхъ жизни, ея удобствахъ, къ одной только грубой матеріальной пользѣ; онъ становится рабомъ плоти, глухимъ и невнимательнымъ къ вопросамъ о Богѣ, о совѣсти, о нравственномъ совершенствѣ, о небѣ и загробныхъ упованіяхъ. Тогда истинно-духовная жизнь, въ ея возвышенныхъ и благородныхъ стремленіяхъ, постепенно въ насъ замираетъ, человѣкъ обращается просто въ умное животное, управляемое только себялюбіемъ, а не нравственнымъ закономъ, одною выгодою, а не голосомъ долга и совѣсти; естественно, онъ становится черствымъ, жесткимъ, неразборчивымъ въ средствахъ для достиженія своихъ себялюбивыхъ цѣлей; онъ все болѣе и болѣе наклоняется къ землѣ и, не поднимая лица къ небу, не видя тамъ сіяющаго солнца, голубого небосклона и яркихъ звѣздъ, начинаетъ сомнѣваться въ самомъ существованіи солнца. При такомъ настроеніи онъ теряетъ чутье различія добраго и злого, нравственно-прекраснаго и безобразнаго...

Страшная тоска духа охватываетъ иногда человѣка въ такомъ состояніи. Чувство жажды духовной становится столь мучительнымъ, что человѣкъ готовъ удовлетворить ее изъ самаго мутнаго и грязнаго источника, лишь бы хоть чѣмъ-нибудь заполнить пустоту души, лишь бы отвлекъ отъ гнетущей и принижавшей среды съ ея низменными заботами и интересами. Горе, если жажду приходится утолять, за отсут-

ствіемъ здоровой воды, морскою соленою влагой: чѣмъ больше ее пьешь, тѣмъ сильнѣе разгорается жажда. При такомъ положеніи легко дойти до послѣдней степени безумія. Такъ бываетъ и съ тѣмъ, кто жажду бессмертнаго духа хочетъ утолить земными, конечными благами и несовершенными ученіями человѣческими, вмѣсто откровенія Бога, по образу Котораго созданъ нашъ духъ и къ Которому онъ стремится естественно, инстинктивно, помимовольно, какъ дерево тянется къ теплу и свѣту.

Но блаженъ, кто откроетъ въ этой пустынѣ жизни источникъ воды живой, текущей въ жизнь вѣчную, утоляющей души, страдающія жаждой духовною...

Вотъ онъ предъ вами, братіе, этотъ источникъ воды живой—святой Божій храмъ, зовущій къ Богу и небу, дающій пищу и питье духу, освѣжающій его, освѣжающій въ зноѣ земныхъ заботъ и въ угарѣ страстей, очищающій нашу душу отъ праха земного, приразившагося къ ней на жизненной дорогѣ. Гласъ Господень говоритъ намъ здѣсь всѣмъ понятно и доступно. О, братіе, днесите, аще гласъ Его услышите, не ожесточите сердецъ вашихъ! Тяжелъ вашъ трудъ, ежедневный, утомительный, не знающій часто различія дня и ночи, праздника и будней; трудъ, оглушающій быстротою шумно несущейся мимо жизни, постоянною торопливостью, грохотомъ машинъ, множествомъ рабочаго люда; трудъ, обращенный къ землѣ, а не къ небу, въ плоть, а не въ духъ. Легко здѣсь впасть въ односторонность, очерствѣть сердцемъ, озлобить и оземлентить духъ.

Но вспомните, возлюбленные, у кого есть что вспомнить: далекое дѣтство, родныя села и деревни, родныя семьи, родныя наши сіяющіе храмы и въ нихъ отрадный благовѣсть, и въ нихъ святыя Божіи службы... Какъ легко дышалось въ этомъ благоуханіи храма, какъ близокъ былъ къ намъ міръ духовный, какъ спокойно текла окружающая жизнь и какъ легко было на сердцѣ... Придите же сюда, во храмъ, на Божію службу, обновите душу святыми и чистыми воспоминаніями, вдохните ароматъ молитвы, поднимите лица къ небу, поднимите усталыя души къ Богу. Придите сюда ко Христу,—и

чтобы у васъ ни было на душѣ, какая бы тоска жизни или вѣяніе смерти ни давили вашу душу, Онъ скажетъ вамъ, какъ сестрамъ Лазаря: *„Я есмь воскресеніе и жизнь; вѣрующій въ Меня, если и умретъ, оживетъ; и всякій, вѣрующій въ Меня, не умретъ во вѣки“* (Іоан. XII, 25—6). И когда въ сердцѣ твоёмъ раздастся, какъ предъ Мареею, вопросъ Господа: *„вѣришь ли сему?“*—отвѣчай Ему, какъ Марea: *„Такъ, Господи, я вѣрую, что Ты Христосъ, Сынъ Божій, грядущій въ міръ“* (ст. 27).

Тогда въ храмѣ всегда будетъ очищаться и подниматься къ Богу твой духъ, тогда растаетъ здѣсь всякое ожесточеніе и озвѣрѣніе сердца.

Впрочемъ, не одно плотское направленіе жизни можетъ привести разумное существо къ этому ожесточенію сердца: діаволь совсѣмъ безплотенъ, совсѣмъ свободенъ отъ житейскихъ и земныхъ попеченій, и, однако, онъ является изначальнымъ врагомъ Бога, яростнымъ, совершенно ожесточеннымъ и нераскаяннымъ. Такъ же можетъ случиться и съ человѣкомъ, если онъ вступитъ на путь сатанинскій, если духовную жизнь его всецѣло захватитъ и поработитъ какая-либо страсть, какъ это случилось съ діаволомъ. Гордость, зависть и злоба слѣлались господствующими въ сатанѣ и обратили его въ противника Богу, уготовляющаго себѣ вѣчную погибель. Сѣетъ онъ и доннынѣ страшныя сѣмена этихъ страстей въ мірѣ среди людей, и сѣетъ ихъ такъ же, какъ нѣкогда въ саду эдемскомъ предъ первоизданнымъ человѣкомъ: вкрадчиво, льстиво, убаюкивая мнимую убѣдительностью, потакая живущей въ насъ гордости, обѣщая ложное счастье, возбуждая противъ Бога, охудшая Его заповѣди...

Да, раздаются нынѣ всюду эти ооольстительныя рѣчи, обѣщающія свободу отъ всякаго закона, подрывающія уваженіе къ вѣрѣ, къ Церкви и къ Богу, объявляющія уничтоженіе всякой власти, повиновенія, порядка, собственности, сулящія обогащеніе чужимъ достояніемъ... ¹⁾ Трудно иногда разобраться въ этихъ рѣчахъ простому человѣку: такъ онѣ хитро сплетены

¹⁾ Разумѣется усиленная социаль-демократическая пропаганда среди желѣзнодорожныхъ рабочихъ.

и придуманы, такъ онѣ вкрадчивы и краснорѣчивы, такъ заманиваютъ онѣ богатыми обѣщаніями, такъ льстятъ онѣ всему дурному въ душѣ человѣка—гордости, злобѣ, зависти, ненависти, грубому себялюбію. Голова пойдетъ кругомъ, если слушать ихъ ежедневно. И стоитъ только немного отдать себя во власть этимъ рѣчамъ, стоитъ только сдѣлать первый шагъ по пути противленія, зависти и озлобленія къ высшей власти, чтобъ очутиться на наклонной плоскости нравственнаго растлѣнія, падать все ниже и ниже, ожесточаться сердцемъ все болѣе и болѣе. Тогда—одинъ шагъ до Каинова озлобленія, а за нимъ уже кровь и убійство... Тогда легко дойти до очерствѣнія сердца фараона египетскаго и до того душевнаго состоянія нравственной безнадежности, о которомъ Сама воплощенная Любовь сказала: не давайте святыни псамъ, не метайте бисера предъ свиньями (Мѣ. VII, 6). Такихъ людей охватываетъ безуміе грѣха; какъ пьяница требуетъ водки, такъ душа ихъ болѣзненно жаждетъ крови и преступленія. О такихъ Слво Божіе говоритъ, что у нихъ *слава въ стыдѣ ихъ*, т.-е. они даже хвалятся тѣмъ, что на самомъ дѣлѣ стыдно (Фил. III, 19), и что они *не уснутъ, если не сотворятъ зла* (Притч. IV, 16).

Страшное состояніе! Оно нераскаянно и безнадежно, оно можетъ уступить только силѣ, но не убѣжденію, оно, вмѣсто мѣры нравственнаго воздѣйствія, прямо требуетъ только прещеній и наказаній Божіихъ.

Гдѣ же найти спасеніе отъ него?

Вотъ спасеніе—свѣтлой Божій храмъ. Приходили въ него нѣкогда мытари, блудницы, закоренѣлые грѣшники, и выходили изъ него обновленные, очищенные, спасенные. Здѣсь, во храмѣ, въ словѣ священнаго писанія, въ богослуженіи и поученіи раздается передъ нами гласъ Божій. О, братіе! Днесь, аще гласъ Его услышите, *не ожесточите сердцецъ* вашихъ! Здѣсь найдете указаніе истиннаго пути жизни, предохраненіе отъ соблазновъ; здѣсь—проба и провѣрка всякаго человѣческаго слова путемъ сличенія его съ зеркаломъ слова Божія; здѣсь благодатная помощь таинствъ Церкви въ борьбѣ со страстями и естественною немощью нашею; здѣсь и возгрѣваніе

сердца радостью и миромъ о Дусѣ Святѣ; здѣсь непрестающая проповѣдь временнаго и вѣчнаго спасенія. И какъ легко здѣсь разобратъся при всякомъ вѣтрѣ человѣческаго ученія! Стоитъ только подумать и спросить: а можно ли это ученіе проповѣдать во храмѣ? одобрить ли его Церковь? приметъ ли его за Свое и благословить ли его Христосъ?

Если да,—слѣдуй смѣло этому ученію; если нѣтъ,—отвергни его, какъ бы оно ни казалось умнымъ, красивымъ и заманчивымъ. Подъ знаменемъ храма, подъ знаменемъ Христава ученія мира, любви и благодати должна объединиться священная дружина вѣрующихъ, добрыхъ людей и противостоять всякой кучкѣ и партіи вражды, злобы и беспорядка. Ибо заповѣдано христіанину: Богъ не есть Богъ неустройства, но мира (1 Кор. XIV, 33); ищи мира и стремись къ нему (1 Петр. III, 11); держись правды, вѣры, любви, мира со всѣми (2 Сол. III, 16). Не смущайтесь, что многіе изъ васъ просты, некнижны, неучены, что многіе не можете дать достойнаго отвѣта и возраженія словамъ и натиску льстиваго ала. Помните и запомните какъ можно тверже только одно: подобно тому, какъ ребенокъ при дневномъ свѣтѣ яснѣе видитъ и безошибочнѣе покажетъ дорогу, чѣмъ взрослый человѣкъ въ глухую, темную ночь,—такъ простой, некнижный, но вѣрующій человѣкъ, при свѣтѣ вѣры, гораздо яснѣе и безошибочнѣе увидитъ и изберетъ себѣ и другимъ истинный путь жизни, чѣмъ многоученый, но невѣрующій мудрецъ...

Отъ всей души привѣтствуемъ васъ, возлюбленные братья, съ освященіемъ храма Божія, этого источника свѣта жизни, мира и спасенія. Въ новоосвященномъ храмѣ обращаемъ къ вамъ увѣщаніе святаго апостола: „Смотрите, братья, чтобы кто не увлекъ васъ философіею и пустымъ обольщеніемъ, по преданію человѣческому, по стихіямъ міра, а не по Христу“ (Кол. II, 8). Да хранитъ васъ храмъ Божій отъ заблужденій и пороковъ, и отъ губельнаго окаменѣнія и ожесточенія сердець; да очищаетъ онъ ваши души отъ суеты міра, да возноситъ васъ къ Богу и вѣчности.

И пусть звонъ колокола этого храма, призывающій къ молитвѣ, будетъ дѣйствительно, по нашему русскому выра-

женію, отраднымъ *благостью* для душъ и сердець, гласомъ, зовущимъ насъ въ домъ Отца нашего небеснаго. Днесь, аще гласъ Его услышите, не ожесточите сердець вашихъ! Аминь.

Память о предкахъ.*

Христось Воскресе!

Да, воистину воскресе Христось, воистину возсталъ Господь нашъ изъ мертвыхъ, Своею смертію разрушилъ, уничтожилъ смерть и сущимъ въ гробахъ даровалъ жизнь! Смерть и тлѣніе не удержали Начальника жизни, и адъ встрѣтилъ въ Немъ Разрушителя ада. Приходили къ Нему, какъ мертвому, жены-мвроносицы, но встрѣтили Его живого и слышали великое и мировое слово: *радуйтесь* (Мѣ. XXVIII, 9). Приходили ко гробу Его убитые горемъ апостолы,—и видѣли, полные вѣры и радости, что гробъ Его пустъ.

Слышали и мы, братіе, о пустыхъ гробахъ. Слышали—въ свѣтоносный день Пасхи, когда златословесное проповѣданіе міру горнему и дальнему, нѣкогда вылившееся изъ устъ златословеснаго учителя, вѣщало намъ, что съ воскресеніемъ Христовымъ жизнь жительствоуетъ и мертваго нѣтъ ни единого во гробѣ. *Ибо Христось воскресъ изъ мертвыхъ, первенецъ изъ умершихъ* (1 Кор. XV, 20); первенецъ Христось, а за Нимъ мы, Христовы (ст. 23). Онъ—Глава тѣла Церкви (Еф. IV, 15—16), мы—ея члены. Но когда пробудилась къ жизни Глава тѣла, тогда члены его не могутъ быть безжизненными. Онъ—лоза плодовая, какъ Самъ Онъ Себя называлъ, а мы—вѣтви (Іоанна XV, 1). Но когда лоза весною почувствуетъ свѣтъ и тепло, когда въ ней заиграетъ молодая и могучая жизнь.

* Слово во вторникъ 6-миной недѣли въ г. Горц, при священнослуженіи высокопресвященнѣйшаго ексарха Грузин архіепископа Алексія въ городскомъ соборѣ, 15 апрѣля 1903 г., предъ всенародной панихидою объ усопшихъ.

тогда вѣтви живутъ ея жизнью, и не могутъ остаться сухими и мертвыми.

Вотъ почему въ эти свѣтлые пасхальные дни мысль и чувство христіанскія обтекаютъ всю вселенную, зовутъ небо и землю къ веселію, живыхъ и мертвыхъ въ единомъ сонмѣ подвигаютъ на радость и славословіе Богу. Нынѣ вся исполнилася свѣта, небо же и земля и преисподняя; смерти празднуемъ умерщвленіе, адовъ низложеніе, иного житія вѣчнаго начало; нынѣ смертное естество наше облечено въ неувядаемую и несказанную красоту безсмертія (Пасх. гѣсни). И сія провидя чрезъ мглу вѣковъ, Исаія пророкъ возопилъ глаголя: „адъ ужаснулся, встрѣтивъ Тебя въ преисподней,“—огорчился, ибо упразднился, огорчился, ибо поруганъ бысть, огорчился, ибо низложился, огорчился, ибо связася. О, смерть, гдѣ твое жало? адъ, гдѣ твоя побѣда? Послѣдній врагъ—истребится смерть—и воистину, тогда мертваго не будетъ ни единого въ гробѣ, и жизнь вовѣки будетъ житьствовать.... (Изъ слова Іоанна Златоуста.)

И чѣмъ болѣе утончена и изощрена духовная природа христіанина, чѣмъ болѣе развито въ немъ чувство и ощущеніе окружающаго насъ иного, горняго міра, чѣмъ ближе, наконецъ, къ намъ та невѣдомая, но неизбѣжная грань, за которою начинается область иного бытія, неземного: тѣмъ чаще и чаще останавливается на ней наша мысль, тѣмъ ближе и ближе къ намъ тѣ дорогіе покойники, которые упредили наше шествіе въ путь всея земли, тѣмъ опутительнѣе потребность и общенія съ ними. А въ Пасху Господню, въ чудные дни, когда предъ нами Начальникъ жизни, живыми и мертвыми обладая, Своимъ воскресеніемъ осіявшій всѣ гробы и сущимъ во гробѣхъ животь даровавшій, эти сущіе во гробѣхъ, эти дорогіе покойники становятся къ намъ особенно близки, близки до опутительности, они стоятъ у нашего сердца, взываютъ о духовномъ общеніи съ ними.

Откуда самъ собою создался и самъ собою держится глупо трогательный обычай, свойственный рѣшительно всѣмъ православнымъ народностямъ, день радости пасхальной дѣлится съ умершими, и молится о нихъ всенародно и торжественно

непосредственно послѣ свѣтлаго дня Христова. Пойдемъ и мы, возлюбленные, сегодня съ торжествомъ, и съ пѣніемъ и съ молитвами, во главѣ съ архипастыремъ, къ мѣсту вѣчнаго покоя мертвыхъ ¹⁾, пойдемъ, возвѣстимъ имъ о возстаніи Господа, раздѣлимъ съ ними радость нашу, и скажемъ имъ привѣтъ святой пасхальный: Христосъ воскрес!

Неизмѣримо важна въ духовной жизни христіанина память о предкахъ, память о дорогихъ покойникахъ, глубоко заложена въ сердцѣ человѣка потребность общенія съ умершими, проходитъ она рѣшительно во всѣхъ религіяхъ міра и ярко отличаетъ человѣка отъ животныхъ безсловесныхъ, не помнящихъ предковъ, не чтущихъ умершихъ...

И исторія народовъ, и наблюдаемая дѣйствительность въ одинъ голосъ говорятъ намъ, что народы, почитающіе предковъ и не порывающіе съ ними духовной связи чрезъ молитву, крѣпки духомъ и тѣломъ, крѣпки и жизнеспособы. И наоборотъ: признакъ смерти народа, когда его прошлое стало для него чужимъ, древнія святилища стали пусты, и его предки, его покойники отошли отъ него въ область полнаго забвенія. Признакъ хамовой души—презрѣніе къ прошлому, брань и неуваженіе къ старой жизни родины. Кто бы ни были наши предки, какъ бы они ни были малы и незначительны: они наши, они намъ близки, они намъ дороги.

Благодареніе Господу! Вамъ, возлюбленные слушатели, вамъ, сынамъ древне-православной Грузіи, есть кого и есть что вспоминать, есть у васъ прошлое, которое стоитъ предъ вами, не умирая, залогомъ свѣтлаго настоящаго и будущаго; есть предки, есть славные покойники, которыхъ нестыдно называть предъ цѣлымъ свѣтомъ. Страна, издревле христіанская; страна, по благочестивому преданію боголюбиваго народа, избранная въ удѣлъ Пречистой Богородицы; страна, по самому виду своему и горному устройству такъ близко напоминающая благословенную землю обѣтованія,—вся она усѣяна святыми памятниками святой ревности вашихъ благочестивыхъ

¹⁾ Послѣ литургіи крестнымъ ходомъ архипастырь шествовалъ на кладбищѣ и тамъ совершилъ всенародную панихиду.

предковъ. На томъ краткомъ пути, который сдѣлалъ вчера архипастырѣ, направляясь къ вашему городу, онъ съ умиле-
ніемъ взиралъ на многочисленные храмы и обители, пріютив-
шіеся то надъ головокружительными стремнинами, то около
уединенныхъ пещеръ, то среди человѣческихъ жилищъ, то
посреди обитанія иноковъ. Все это памятники благочестія
вашихъ предковъ. Вступайте почаще въ духовное съ ними
общеніе; напитывайтесь ихъ высокимъ духомъ, проникайтесь
ихъ святою ревностью, учитесь ихъ благочестію, храните ихъ
завѣты преданности вѣрѣ и Церкви Божіей. Ихъ спасала во-
одушевленная вѣра, ихъ воспитала и привела въ жизни отъ
земли къ небу святая Церковь,—и были они сильны, и тверды,
и славны посреди множества враговъ, посреди невообразимыхъ
страданій. Ваши дни счастливы: нѣтъ враговъ, нѣтъ борьбы;
миръ и спокойствіе царствуютъ въ градахъ и селеніяхъ, сто-
ять пустыми прежде грозныя крѣпости, не слышно грома
битвы и орудій, и долины, и горы, прежде дымившіяся кровью
сыновъ этой страны, нынѣ вкушаютъ вѣками неиспытанный
покой подъ могучимъ покровомъ и великодушными усиліями
благословенной Россійской Державы. Въ тишинѣ этихъ дней,
по слову апостола, и мы тихое и безмолвное житіе проживемъ,
во всякомъ благочестіи и чистотѣ (1Тим. II, 2), взирая на при-
мѣръ доблестныхъ предковъ крестоносной и боголюбивой Грузіи.

Но, кромѣ этихъ великихъ покойниковъ, праотцевъ, отцовъ
и братій нашихъ, о которыхъ нынѣ трогательныя моленія
возсылаются Церковью, у каждаго изъ насъ есть свои близкіе
покойники, которыхъ мы помнили живыми, которые только
вчера были съ нами и около насъ. Неразрушимъ союзъ любви!
Освятимъ же его вѣрою и радостью воскресенія! Во Христѣ
Воскресшемъ объединимся съ умершими и отрадно будетъ
наше свиданіе съ ними. Помолимся о нихъ; посѣтимъ ихъ у
гробовъ, какъ посѣтили нѣкогда гробъ Христовъ жены-муро-
носицы. Нашъ подвигъ не будетъ ниже подвига ихъ, ибо
Самъ Христосъ обѣщалъ принять всякое усердіе къ братьямъ
нашимъ, какъ бы за усердіе къ Нему, нашему Спасителю:
*„что сотворили вы единому изъ братьевъ Моихъ меньшихъ, то
Мнѣ сотворили“* (Мѡ. XXV, 40). Аминь.

Любовь ко Христу.*

И минувшей субботѣ Марія Магдалина и Марія Іаковла и Саломія купила ароматы, да пришедше помажутъ Іисуса. И вѣло заутра во едану отъ субботы приидоша на гробъ... (Мрк. XVI, 1—2).

По руководству св. Церкви, сегодня, возлюбленные братіе, мы воспоминаемъ этотъ изображенный въ евангеліи подвигъ святыхъ женъ-мученицъ. Достоинно и праведно памяти ихъ и прославленію отведено одно изъ первыхъ воскресеній послѣ свѣтоноснаго дня Пасхи. Великій подвигъ любви и преданности ко Христу, въ назиданіе вѣкамъ, показали онѣ міру и не напрасно объ одной изъ такихъ усердныхъ женъ, помазавшихъ Господа Іисуса драгоценнымъ мвромъ еще при Его жизни, онѣ Самъ засвидѣтельствовалъ: гдѣ только будетъ проповѣдано сіе евангеліе царствія во всемъ мірѣ, сказано будетъ и о томъ, что сдѣлала она въ память ея (Мрк. XIV, 9).

Великъ подвигъ любви св. женъ-мученицъ! Вотъ послѣ позорнаго суда ведутъ Господа на пропятіе. Здѣсь грубые воины-распинатели и палачи, здѣсь кругомъ озлобленная толпа, здѣсь властные, знатные и сильные враги Христовы. Трудно было и мужчинамъ въ это время слѣдовать за Страдальцемъ, опасно было хоть малѣйшимъ знакомъ выразить свое сочувствіе Осужденному; всѣ ближніе и друзья бѣжали отъ Іисуса Христа; оставили Его и апостолы. Но ничто не могло удалить отъ Христа женъ-мученицъ. вмѣсто тѣлесной силы и крѣпости,— у нихъ горящая любовь ко Христу, и эта любовь превозмогаетъ все, и онѣ все время неотступно съ возлюбленнымъ Господомъ. Онѣ оплакиваютъ Его осужденнаго и идутъ вслѣдъ за Нимъ на Голгоу, онѣ стараются всячески облегчить Его страданія, стоятъ безстрашно у Его креста, не боясь выска-

* Слово въ недѣлю женъ-мученицъ въ Пантелеймоновскомъ соборѣ Ново-Афонскаго монастыря Сухумской епархіи, 20 апрѣля 1903 г., при священнослуженіи высокопреосвященнаго епископа Грузіи

зять предъ всѣми сочувствіе Ему; присутствуютъ при Его смерти, безстрашныя и въ тѣ минуты, когда меркло солнце, колебалась земля; онѣ участвуютъ и въ Его погребеніи... Онѣ смотрять на Погребяемаго хоть издали, замѣчаютъ мѣсто Его могилы (Мрк. XV, 47; ср. Мѣ. XXVII, 61), замѣчаютъ каждую подробность погребенія... И при видѣ этого погребенія, въ душѣ онѣ переживаютъ мучительное безпокойство и тревогу: мвромъ Онъ, дорогой и любимый, не помазанъ; вѣковые, священные обычаи погребальныя не всѣ надъ Мертвецомъ исполнены...¹⁾ А завтра — день великой субботы, день безусловнаго покоя, предписаннаго строжайше строгимъ закономъ, когда ни купить, ни достать ничего невозможно. И вотъ, до захода солнца, когда начинается предписанный закономъ покой, онѣ бѣгутъ отъ погребальной пещеры въ городъ купить дорогіе ароматы; онѣ не считаютъ трудовъ, не жалѣютъ никакихъ средствъ, — эти большею частью бѣдныя женщины, богатыя только любовью, оставившія свои дома и семьи и удобства жизни и послѣдовавшія за Христомъ. И только купили онѣ ароматы, и только успѣли возвратиться домой, — надвинулась ночь надъ Іерусалимомъ, и субботній покой на цѣлый день приковалъ ихъ къ мѣсту.

Провели онѣ въ слезахъ и скорби и эту ночь и самый день великой субботы; пришла и опять ночь, и вотъ, вечерняя заря погасла, утренняя на небѣ еще не загоралась, а онѣ бодрствуютъ и вперяютъ нетерпѣливыя очи въ предразсвѣтную мглу, и рвутся сердцами, и трепещутъ отъ мысли, что вотъ-вотъ къ утру онѣ пойдутъ на дорогую могилу, увидятъ Господа любимаго хоть мертвымъ... Придутъ онѣ на гробъ, припадутъ къ холодному могильному камню, обольютъ слезами бездыханное тѣло, помажутъ мвромъ, покроютъ ароматами, — и это одно хоть малое дастъ утѣшеніе ихъ пламенной любви къ Умершему. Утру глубоку, сущей тьмѣ и въ мракъ глубоко идутъ-бѣгутъ мвронесящицы къ гробу Христову. Кругомъ ихъ ужасы и страхи: вотъ безлюдныя улицы, страшныя для робкихъ

¹⁾ Анализъ еванг. текста взять изъ поуч. въ этотъ день архіеп. Одесскаго Никанора.

одинокихъ женщинъ; вотъ дома распинателей Христовыхъ; вотъ стражи римскіе, грубые обидчики; вотъ ужасная Голгова, гдѣ висятся и чернѣютъ во мракѣ ночи три окровавленные креста, гдѣ вѣютъ тѣни умершихъ, гдѣ, можетъ-быть, сидятъ теперь, сокрывшись, разбойники, товарищи казенныхъ... Бѣгутъ-текутъ жены-мурноносицы, подавляя въ душахъ страхъ и ужасъ и смятеніе; еще не знаютъ онѣ, что ко гробу представлена стража, и заботятся только объ одномъ: кто отвалитъ намъ камень отъ дверей гроба? (Мрк. XVI, 3.) Бѣгутъ-спѣшатъ мурноносицы, зоветъ ихъ и окрыляетъ любовь ко Христу, а въ душахъ-то загорается робкая надежда: О, Владыко! Неужели все кончено? Неужели смерть осилила Тебя, воскрешавшаго и другихъ изъ мертвыхъ? Ты же говорилъ, что по тріехъ дняхъ возстану, Ты же говорилъ, что имѣешь и другимъ дать жизнь вѣчную, Ты же—Сынъ Бога Живаго...

Вотъ, наконецъ, темный, весь благоухающій и цвѣтущій весною садъ Іосифа, а въ немъ дорогой гробъ, дорогой Умершій. И видятъ онѣ въ смятеніи и чудятся въ предчувствіи радости: камень взять отъ гроба...

И се,—за любовь, за усердіе, за слезы, за труды и подвиги преданности имъ первымъ свѣтозарный ангелъ приноситъ вѣсть о воскресеніи, и только онѣ побѣжали домой всѣмъ рассказать объ этомъ, явиться апостолами-благовѣстницами для самихъ апостоловъ, къ нимъ первымъ и Самъ Іисусъ приблизился Воскресшій и сказалъ великое и мировое слово: „радуйтесь“ (Мѣ. XXVIII, 9).

Вотъ въ краткихъ словахъ начертанный образъ женъ-мурноносиць.

Всѣ ли и всегда ли умилялись этимъ образомъ безтрепетной и самоотверженной любви, всѣ ли поражались этою готовностью на самозабвеніе, подвигъ и жертву?

Нѣтъ! Когда еще до смерти Іисуса Христа одна изъ преданныхъ Ему женъ, та самая, которой воздалъ Онъ хвалу и общалъ всемірную извѣстность и славу, возлила на Него драгоценнѣйшее муро, уже сказано было о ней слово укорианы и осужденія. Іуда, въслѣдствіи предателя, таившій въ душѣ корыстолюбіе, какъ сѣмя предательства, выступилъ тогда съ

разсужденіемъ, въ которомъ звучали скрытыя зависть и корысть, прикрашенныя мнимою заботою о нищихъ. „Зачѣмъ,—говорилъ онъ,—зачѣмъ такая дорогая трата? Лучше бы масло это продать и деньги отдать нищимъ“... (Іоаннъ XII, 5). Спаситель, мы знаемъ, не одобрилъ этого разсужденія Іуды.

Но какъ въ то время, по сказанію евангелія, нѣкоторые и изъ вѣрныхъ апостоловъ увлеклись мнимо-разумною рѣчью Іуды (ср. Мѡ. XXVI и Мр. XIV), такъ и нынѣ эта рѣчь повторяется даже и среди вѣрныхъ христіанъ на разные лады и приводитъ многихъ въ смущеніе...

Есть и будутъ всегда подражатели святыхъ жень-мυроносиць. Есть и будутъ всегда христіанскія души, горящія любовью ко Христу и ради этой любви все оставившія: онѣ все мірское драгоцѣнное отдають Христу по любви къ Нему; всѣ внѣшніе дары природы, всѣ внѣшніе дары мірскіе, какъ мυроносицы свое драгоцѣнное мυро, онѣ блюдутъ, сохраняють и цѣнятъ, но только для Христа, какъ жертву Ему, Его Церкви, Его царствію, ради Его славы и Его владычества: эти дары для нихъ не цѣль, а только средство для иныхъ, высшихъ и духовныхъ цѣлей.

Не то же ли именно мы видимъ и здѣсь, въ этой чудной обители Новаго Аѡна? Богатыя и прекрасныя храмы; вездѣ дорогое художество и разнообразное искусство: воздвигнуты величественныя постройки, всевозможное мастерство, чудныя сады, образцовое хозяйство... Но всему этому богатству нѣтъ собственника и хозяина среди насельниковъ обители: все это Христово, все Ему отдано и существуетъ ради Его прославленія, ради службы Ему Единому.

Многіе восхищаются всѣмъ этимъ видимымъ довольствомъ, цвѣтущимъ хозяйствомъ, благоустроенными угодіями, мастерствами, ремеслами, но восхищаются по-мірскому, и смотрять на видимое благоустройство монастыря очами мірянъ, какъ будто бы здѣсь какое-то промышленное или хозяйственное заведеніе. Но тогда для чего же насельники обители принимали обѣты иночества? Зачѣмъ тогда эти храмы и службы Божіи? Не явятся ли они второстепенными, а то и совсѣмъ ненужными?

Многіе, напротивъ, осуждаютъ это видимое благоустройство обители и ставятъ ей въ упрекъ якобы неразумную трату времени и средствъ на внѣшнюю сторону жизни, и повторяютъ вслѣдъ за Іудой: Чесо ради трата сія бысть? Не лучше ли все это продать и раздать нищимъ?

Не правы тѣ и другіе. Разъясненіе истины мы и найдемъ въ примѣрѣ св. женъ-муроносицъ. Покупаютъ и хранятъ онѣ драгоцѣнное муро, это благороднѣйшее произведеніе труда рукъ человѣческихъ, но не себѣ, не для своего украшенія или удовольствія, а для Господа любимаго. Этого ищетъ наше сердце,—оно требуетъ жертвы, требуетъ внѣшняго знака служенія и угожденія любимому существу: и пока мы на землѣ и живемъ съ тѣломъ, этой потребности души выражать внутреннее посредствомъ внѣшнихъ знаковъ нельзя ни подавить, ни заглушить никакими разсужденіями.

И Господь не запретилъ благъ мірскихъ и внѣшнихъ, Имъ же для человѣка созданныхъ, но запретилъ злоупотреблять ими, дѣлать ихъ цѣлью жизни, главнымъ предметомъ заботъ и ставить ихъ на первый планъ. Онъ Самъ сказалъ: „ищите прежде всего царствія Божія и правды его, и сія вся приложатся вамъ“ (Мѣ. VI, 33).

Прилагалось „все сіе“ и боголюбивымъ инокамъ земли русской. Сами они жили въ трудахъ и лишеніяхъ, въ простотѣ, часто и въ убожествѣ¹⁾, но Господу Богу они воздвигли богатѣйшія лавры Кіевскую и Сергіеву, Почаевъ, Соловки, Валаамъ и Саровъ со всѣмъ ихъ великолѣпіемъ. Искали они жизни будущаго вѣка и славы небесной, но вѣрою, молитвою, доброю жизнью и благословеннымъ трудомъ рукъ своихъ они благоуукрашили и въ семъ вѣкѣ земное русское царство, населили дальній и дикій сѣверъ и востокъ Россіи, пронесли имя Христова среди дикарей обширной русской равнины, убѣлили

¹⁾ Въ Новомъ Аeonѣ все великолѣпно, что для Бога, и все скромно и просто, что для людей: чудная роспись въ трапезной, но простые и некрашенные столы и лавки для обѣдающихъ; чудные храмы—и скромныя келліи; вездѣ прекрасныя чугунныя рѣшетки въ церквахъ и притомъ собственнаго надѣлія монаховъ, но простые деревянныя перила на лѣстницахъ, ведущихъ въ помѣщенія настоятеля и братскія келліи... Это бросается въ глаза.

и удобрили костями своими въ мученическомъ подвигѣ далекіе предѣлы нашего царства, провели дороги, устроили города, заселили дремучіе лѣса и пустыни, завели промыслы и торговлю, слили въ единствѣ вѣры и исповѣданія съ русскимъ народомъ многочисленныя инородческія племена, воспитали нашъ народъ въ христіанствѣ, выковали его духовный ликъ, показали ему дивныя подвиги, развили вкусъ къ благолѣпію церковному, къ торжественному чину священнослуженія, къ чтенію и пѣнію церковному, хранили самую науку и письменность, создали и сохранили ее въ написанныхъ иноками книгахъ, устроили и первыя школы, воспитали и первыхъ ученыхъ людей.

Вѣримъ: еще немного, и стародавній Аeonъ все болѣе и болѣе будетъ становиться русскимъ; вѣримъ: и Новый Аeonъ сослужитъ на Кавказѣ стародавнюю службу русскаго монашества. Только ищите, возлюбленные братіе, ищите прежде всего царствія Божія и правды его; только не служите міру, не увлекайтесь его духомъ, только храните любовь къ Богу и къ Нему Единому, ту любовь, что привела васъ въ святую обитель, къ обѣтамъ монашескимъ. Растите, ширьтесь, благоустраивайте обитель, воздѣлывайте, по заповѣди Бога первозданному человѣку, воздѣлывайте и храните эту землю, этотъ рай, что разстилается кругомъ обители: *но все для Бога*. Горе, если средство обращается въ цѣль; горе, если внѣшніе дары, внѣшнее благоустройство станутъ идоломъ и кумиромъ жизни. Тогда каменностроительство подавитъ и убьетъ строительство душъ къ царствію Божію, тогда воцарится настоящее язычество и все обратится въ служеніе золотому тельцу; и наоборотъ: любящимъ Бога все поспѣшествуетъ во благое (Римл. VIII, 28), и это видимое довольство и благоустройство только облегчитъ иноковъ въ ихъ служеніи Богу „въ разумѣ и во всякомъ чувствѣ“, при посредствѣ этихъ чудныхъ храмовъ и этого благолѣпія церковнаго.

Растите же духовно; воздѣлывайте и храните вѣру и благочестіе; проливайте свѣтъ духовный на всѣхъ окружающихъ, будьте градомъ, верху горы стоящимъ, будьте подражателями древнихъ русскихъ святыхъ иноковъ. Пусть народъ, несущій

сюда тѣлесное, пріемлетъ отъ васъ въ изобиліи все духовное: вѣру, молитву, поученіе, примѣры доброй настроенности и доброй жизни; пусть и окружающая дикая страна пріобщается къ вашему духовному дѣланію, пріобщается и къ великому русскому народу. Несите ей просвѣщеніе духовное и ученіе Христово: на сіе вы и призваны сюда.

Смотрите, какъ ущедрилъ Господь вашу обитель! Сколько знаменій Его благоволенія за это короткое время существованія обители, выросшей изъ ничтожества въ это великолѣпіе, сколько чудесъ, воистину чудесъ Его милости! Это—за любовь къ Господу вамъ, говоритъ Онъ, какъ древле мурноносцамъ: *„радуйтесь“!*

Да услышимъ оный блаженный гласъ и въ невечернѣмъ дни Его царствія! Аминь.

Единеніе.*

Се что добро или что красно, но еже жити братія вкупѣ (Цс. 132, 1).

Это, братіе, слова сѣдой библейской мудрости. Идутъ они отъ того отдаленнаго времени, когда человѣкъ горькимъ опытомъ ежедневной жизни приходилъ къ сознанію необходимости крѣпкаго единенія между людьми во всѣхъ проявленіяхъ и сферахъ жизни человѣческой—семейной, племенной, общественной, государственной. Идутъ они къ намъ отъ того времени, когда одна физическая сила, не опирающаяся на нравственную связь людей между собою, оказалась несостоятельною, когда одиночная жизнь первобытнаго варварства никакъ не могла возвысить человѣка надъ окружающею природою, когда врожденный человѣку и неистребимый инстинктъ общественности

* Слово въ Сухумскомъ кафедральномъ соборѣ въ день тезоименитства Государыни Императрицы Александры Теодоровны, 23 апрѣля 1903 года. Сказано при священнослуженіи ексарха Грузіи.

заговорилъ въ немъ особенно громко и особенно властно. Живо представляются воображенію эти отдаленныя времена: растутъ сознание необходимости единенія людей между собою, усиливаются связи семейныя, возрастаютъ и крѣпнутъ связи родственныя; долго эти семейныя и родственныя привязанности являются единственными, необычайно сильными, связуя крѣпкими узами родовой бытъ. И чѣмъ дальше развивался этотъ бытъ и выросталъ до союза племенного, государственнаго и общественнаго, тѣмъ могуче и благороднѣе становился чело-вѣкъ, тѣмъ больше восходилъ онъ на высоту царственнаго своего достоинства въ мірѣ, господствовалъ надъ природою, освобождался отъ рабства ей и такимъ образомъ, естественно, все шире и шире развивалъ область проявленія и воздѣйствія своего духа и вмѣстѣ съ этимъ утверждалъ свое могущество въ мірѣ, благоустройство въ своей общественной и государственной жизни.

Неудивительно, что при размышленіи обо всемъ этомъ у священнаго пѣвца древняго Израиля, опытомъ постигшаго благо единства людей и гибель раздѣленія, вырывается этотъ молитвенно-восторженный гимнь: *„Се что добро или что красно, но еже жити братіи вкупу“* (Пс. 132, 1). И затѣмъ псалмопѣвецъ рисуетъ предъ нами благословенныя плоды этого единенія въ образномъ представленіи изобилія благъ духовныхъ и тѣлесныхъ: *„Яко роса аермонская, сходящая на горы Сионскія, яко миро на главь, сходящее на браду, браду Аарону, сходящее на ометы одежды его“* (ст. 2—3).

Въ исторіи древняго Израиля, дѣйствительно, мы можемъ наглядно прослѣдить, какъ осуществлялось и воплощалось приведенное слово псалмопѣвца. *Одинокій* Іаковъ въ пустынѣ, бѣжавшій изъ родного дома, трепещетъ гнѣва брата своего Исава, но тотъ же Іаковъ, возвращающійся обратно не одинъ, но съ семейю, уже принимаетъ почтительный поклонъ отъ недавняго врага, а во главѣ цѣлаго рода онъ съ почетомъ принимается самимъ египетскимъ фараономъ. Рабствовало затѣмъ его потомство, пока не объединилось въ народъ при Моисеѣ; сильно оно, пока вѣрно племенному союзу, своимъ старѣйшинамъ и судіямъ и удѣлъ его—земля обѣтованная и благословенная, земля,

текущая медомъ и млекою; при царяхъ объединенное въ недѣлимомъ союзѣ 12 колѣнъ оно уже властно выступаетъ во всемирной исторіи, и затѣмъ гибнетъ... вслѣдствіе раздѣленія!

Не то же ли и въ области жизни духовной? Вотъ предъ нами первенствующая Церковь въ Иерусалимѣ. Одна страничка изъ жизни этой Церкви сегодня раскрыта предъ нами и предложена вниманію и поученію вѣрующихъ въ литургійномъ апостольскомъ чтеніи изъ XII-й главы священной книги „Дѣяній Апостольскихъ“. Апостоль Петръ заключенъ въ тюрьму, закованъ въ колодки, его стерегутъ воины; его участь рѣшена; опредѣлена казнь и смерти ему не избѣгнуть. Что же дѣлаетъ въ такихъ обстоятельствахъ община христіанская? „Между тѣмъ,—сказано въ священной книгѣ,—*Церковь всю ночь прилежно молилась о немъ Богу*“ (XII, 5). И вотъ, чудомъ милости Божіей апостоль освобожденъ изъ тюрьмы, приведенъ, даже помимо воли и сознанія къ дому Маріи, гдѣ *все собрались вмѣстѣ* и молились о немъ (ст. 12), и спасенъ для дѣла благовѣстія христіанскаго.

Такъ въ единствѣ общенія религіознаго и въ единеніи работы общественной обрѣтали себѣ силы и залогомъ успѣха великіе и святые люди прошлой исторіи человѣчества.

Въ нынѣшній день нашего церковно-гражданскаго торжества, когда мысль невольно останавливается въ раздумьи надъ вопросомъ объ успѣшномъ развитіи нашей общественно-государственной жизни, среди этого торжественнаго собранія лицъ, которымъ Верховною властью поручено охраненіе и устроеніе блага государственнаго и общественнаго; среди жителей города, который переживаетъ напряженную тревогу о своемъ благоустройствѣ въ виду оживленія этого чуднаго края съ его роскошной природой, съ его загорающимся свѣтлымъ будущимъ, исполненнымъ прекрасныхъ надеждъ; наконецъ, въ виду такого собранія учащихъ, этой надежды и опоры будущаго нашей родины: какъ не заговорить о необходимости того единенія, которое служитъ основнымъ условіемъ развитія и расцвѣта жизни всякаго государства и общества?

И какое дано намъ прекрасное въ этомъ именно смыслѣ поученіе, еще такъ недавно,—можно сказать, на-дняхъ, дано

съ высоты Престола царскаго отъ Государя и Государыни, семейный праздникъ Которыхъ мы нынѣ съ вами торжествуемъ. Вотъ Государь съ Супругою и Семейю въ Москвѣ, въ сердцѣ Россіи, со своимъ народомъ.

Здѣсь Онъ посреди вѣковыхъ и завѣтныхъ святынь народныхъ, посреди сѣдыхъ памятниковъ сѣдой старины, охваченный славными историческими воспоминаніями, дѣлилъ съ народомъ Свой молитвы въ минувшіе страстные и пасхальные, великіе для всякаго христіанина дни, и по Его собственнымъ словамъ (въ рескриптѣ на имя Московскаго Августѣйшаго Генераль-Губернатора), „въ этомъ единеніи съ народомъ черпалъ силы“ для несенія Своего царственнаго подвига. Сливается Царь съ народомъ въ единствѣ и покаянной скорби и духовной пасхальной радости... О, крѣпокъ, несокрушимъ этотъ союзъ, отрадно до слезъ это единеніе, и въ такой свѣтозарный и свѣтоносный день вѣрится и чувствуется, что будущее святой Руси отъ этого единенія будетъ и свѣтозарно и свѣтоносно, что расточатся враги ея, яко исчезаетъ дымъ, яко таетъ воскъ отъ лица огня!

Да, велика сила этого единенія, если оно получаетъ отвѣтные отзвуки со всѣхъ сторонъ и изъ всѣхъ слоевъ вѣрно-подданнаго народа, если среди всѣхъ сословій, во всѣхъ сферахъ жизни и дѣятельности царить единеніе и согласіе.

Слуги царскіе! Храните это единеніе въ вашей высокой и отвѣтственной работѣ, въ вашей службѣ государству! Погибнетъ дерево, если за нимъ будутъ ухаживать и усердные и заботливые садовники, но несогласные между собою относительно приемовъ ухода за деревомъ, если они будутъ каждый по своему безъ конца обрѣзывать его и пересаживать съ мѣста на мѣсто. Неминуемо погибнетъ больной, если его будутъ лѣчить нѣскольکو врачей, усердныхъ, даже любящихъ больного и горящихъ желаніемъ поставить его на ноги, но совершенно несогласныхъ между собою и въ опредѣленіи болѣзни, и въ способахъ ея лѣченія. Чѣмъ усерднѣе они будутъ предлагать больному свои лѣкарства и чѣмъ усерднѣе и исправнѣе будетъ онъ принимать предлагаемыя ему пособія, тѣмъ ближе и вѣрнѣе его смерть. То же самое можетъ случиться и съ го-

сударствомъ, если слуги его и дѣятели будутъ каждый по-своему служить отечеству и понимать его благо, не подчиняя своей воли общему закону, не подавляя своихъ личныхъ воззрѣній во имя общихъ и вѣковыхъ воззрѣній народныхъ. Но не напрасно ли слово наше?! Не обращаемъ ли мы обращенныхъ? Не знаемъ.... Знаемъ только, что слово это благовременно въ виду наблюдаемыхъ фактовъ современности.

Когда ребенку въ семьѣ внушаютъ одно, въ школѣ говорятъ другое, а въ жизни требуютъ третьяго: то благовременно пожелать единства воспитанія семейнаго, школьнаго и общественнаго. Когда смѣна лицъ въ той или другой отрасли управленія общественнаго и государственнаго такъ часто знаменуетъ собою и смѣну идей, смѣну направленій и измѣненіе во взглядахъ на задачи дѣятельности: тогда благовременно пожелать единого регулирующаго начала жизни. Когда личныя воззрѣнія и тенденціи даже правящихъ лицъ дерзновенно касаются такихъ основъ жизни, какъ религія, а въ нашей родинѣ—православіе, эта зиждительная сила Россіи и ея краеугольный устой; когда, по вѣянію моды и по слову послѣдней прочитанной книжки, иногда служитель государства начинаетъ свысока относиться къ православной Церкви, полагая и заявляя, что это—его чисто-личное дѣло и касается исключительно его личныхъ воззрѣній, тогда благовременно указать на примѣръ Царственной благочестивой Четы, Которая черпаетъ для себя силы для служенія своему долгу въ молитвенномъ единеніи съ народомъ. ¹⁾

Пусть же государственное дѣло, опираясь на ваше единеніе, растетъ и крѣпнетъ здѣсь и, по старинному русскому выраженію, „да придетъ оно все въ достоинство“. Не стыдясь предъ цѣлымъ свѣтомъ, русскій народъ приобрѣлъ себѣ право на эту благодатную землю, и если сюда пришли во множествѣ и поселились самыя разнообразныя народности, о которыхъ справедливо можно сказать: „ини трудишася, а вы въ трудъ ихъ внидосте“,—то тѣмъ болѣе почетнымъ и первенствующимъ

¹⁾ Все это, къ сожалѣнію, намеки на факты, взятые изъ жизни края....

должно быть здѣсь мѣсто историческому труженику, пролившему здѣсь потъ и кровь,—народу русскому.

Позвольте обратить слово и къ вамъ, разноплеменные представители населенія этого края! Храните единеніе между собою и съ великою Россіей, нашей благословенной общей родиной. Не силою оружія, нѣтъ, сама и вольной волею потянулась эта страна въ объятія великаго русскаго народа, который краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ пролитой крови своихъ сыновъ, истраченныхъ здѣсь миллиардовъ народнаго достоянія доказалъ предъ лицомъ Божиимъ и предъ лицомъ всего міра и безкорыстіе, и плодотворность своей работы на этой окраинѣ. Не понять, не оцѣнить такихъ жертвъ, не полюбить такого народа, не стремиться къ единенію съ нимъ и къ полному политическому и государственному сліянію съ нимъ было бы признакомъ хамовой души и нравственнаго вырожденія.... Не чужда русской исторіи эта страна: ее съ незапамятныхъ временъ посѣщали русскіе витязи, и съ незапамятныхъ временъ она просвѣщена тою самою православною вѣрою, которую впоследствии изъ тѣхъ же устъ и рукъ Византіи приняла Россія, *принявъ вмѣстѣ съ тѣмъ и историческое наслѣдіе и міровое призваніе Византіи*, слѣдовательно, и эту страну, входившую издревле въ область Византіи. Храните же единство съ Русью святою, споспѣшествуйте и помогайте выполненію ея великой міровой задачи на этой окраинѣ: эта задача теперь—и ваша, эта работа—теперь наша работа общая. При такомъ только объединеніи ждетъ этотъ край прекрасная будущность.

Вамъ же, представители города, единеніе между собою—надежный якорь спасенія въ переживаемыхъ вами обстоятельствахъ. Загорается заря новой жизни для вашего края, поднимается его культура, населяется побережье моря, купившее, наконецъ, покой дорогою русскою кровью послѣ вѣковыхъ терзаній и хищничества; появляются новые насельники, несущіе сюда средства и трудъ, ожидаются новые пути сообщенія, имѣющіе дать необыкновенное развитіе всему краю, богато одаренному отъ природы, но не воздѣланному. Нужно вамъ явиться достойными добраго и свѣтлаго будущаго, нужно сумѣть стать выше своекорыстныхъ видовъ и расчетовъ, пред-

почесть общее частному, объединиться во имя блага общественного и государственного. Все создаст единение,—и разительное доказательство этого вы видите в соседней монашеской общинѣ, возбуждающей удивление своимъ благоустройствомъ, достигнутымъ въ короткое время, знающей только трудъ и молитву, духовно сплоченной во имя высшей идеи около единой и твердой власти игумена. Напротивъ, все погибнетъ отъ разъединенія: и тогда готовящееся благополучіе пройдетъ мимо васъ, не заглянувъ къ вамъ въ городъ, какъ корабль, нагруженный сокровищами, не сможетъ подойти къ берегу, на которомъ не имѣется удобной пристани. Только при условіи всеобщаго единенія во имя духа, этотъ духъ человѣка и подчинитъ себѣ окружающую прекрасную природу, и она процвѣтетъ чуднымъ раемъ Божиимъ, даннымъ издревле въ удѣлъ и обладаніе человѣку.

Будемъ же всѣ хранить единеніе духа въ союзѣ мира (Еф. IV, 3); будемъ помнить и хранить древнее слово: братъ отъ брата помогаемъ, аки градъ твердъ! Се что добро или что красно, но еже жити братіи вкупѣ! Аминь.

Истинное благополучіе и счастье.*

Въ порядкѣ евангельскихъ чтеній св. Церковь сегодня предложила нашему вниманію, братіе, повѣствованіе св. Іоанна Богослова о бесѣдѣ Иисуса Христа съ женщиной-самарянккой.

* Слово въ недѣлю о самарянкѣ, въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ на ст. Тифлисъ, при священнослуженіи вкзарха Грузіи, 4 мая 1903 г.

Рабочіе весьма были благодарны архипастырю за вниманіе его къ ихъ религиозно-нравственнымъ нуждамъ и поэтому пригласили владыку на 4 мая служить у нихъ въ день общаго ежегоднаго общерабочаго праздника, съ которымъ совпадало двадцатилѣтіе устройства главныхъ обширныхъ мастерскихъ, гдѣ и устроенъ храмъ (пристроенъ алтарь). Богослуженіе совершено весьма торжественно, при сослуженіи архипастырю 10 священниковъ; присутствовало въ мастерскихъ при богослуженіи болѣе 5000 рабочихъ. Мастерскія внутри были богато убраны цвѣтами зеленымъ съ отмѣннымъ вкусомъ и изяществомъ. Печатаемое слово имѣло въ виду социаль-демократическую пропаганду среди рабочихъ.

Бесѣда эта касалась самыхъ глубокихъ и важныхъ вопросовъ жизни и богоугожденія, и она навсегда будетъ привлекательна и поучительна для каждаго христіанина. И какъ Спаситель нашъ въ оное время, для проповѣди глаголовъ жизни вѣчной, бесѣдовалъ и въ чертогахъ богачей, и въ хижинахъ бѣдняковъ, и въ великолѣпномъ храмѣ Іерусалимскомъ, и въ полѣ, и въ лодкѣ, и у берега моря, и на горѣ, и въ пустынѣ, и на камнѣ около колодца Іаковлева съ женщиной-самарянкой,—такъ и донынѣ, во всѣхъ положеніяхъ, во всѣхъ мѣстахъ, во всякомъ возрастѣ, вездѣ и всегда умѣстно говорить о глаголахъ жизни вѣчной, вездѣ и всегда и самъ человѣкъ хочетъ, напряженно хочетъ узнать о пути жизни, о счастіи жизни, о средствахъ спасенія и богоугожденія. Умѣстно слово объ этомъ и здѣсь, въ этомъ зданіи, гдѣ въ иное время совершается напряженный трудъ, постоянная и неустанная работа для улучшенія общей жизни людей и для приобрѣтенія куска насущнаго хлѣба для усталаго рабочаго.

Жаждетъ человѣкъ лучшей жизни, жаждетъ того, что принято называть счастіемъ, блаженствомъ, благополучіемъ. И никто никогда не осуждалъ этого желанія счастья: оно законно, оно естественно, какъ дыханіе, какъ питье и пища; оно вложено въ человѣка Самимъ Творцомъ его. Весь вопросъ только въ томъ, что почитать за настоящее, а не поддѣльное счастье, что признавать за истинное и дѣйствительное, а не призрачное и обманчивое блаженство? А обмануться въ этомъ дѣлѣ, значить—обмануться во всей жизни, которую, какъ извѣстно, сызнова не начнешь, прожитую—ничѣмъ не вернешь, не повторишь.

Говорила со Христомъ о жадѣ и женщина-самарянка. Она все повторяла одно и то же, все думала объ одномъ: о простой колодезной водѣ, которую ей каждый день приходилось съ трудомъ доставать изъ глубокаго колодца, ходить за нею съ хлопотами изъ дома далеко за городъ. И Спаситель говорилъ ей о водѣ, но иной водѣ—о *водѣ живої*. Женщина обрадовалась и думала, что Іисусъ Христосъ предлагаетъ ей воду *ключевую*, бѣгущую, живую. А Спаситель опять говоритъ ей о другой водѣ: всякій, пьющій воду эту, возжаждетъ опять,

а кто будетъ пить воду, которую Я дамъ ему, тотъ не будетъ жаждать во вѣкъ, но вода, которую Я дамъ ему, сдѣлается въ немъ источникомъ воды, текущей въ жизнь вѣчную (Іоан. IV, 13—14). Что яснѣе этого? И развѣ непонятно, что Спаситель говоритъ образно, иносказательно, разумѣя подъ водою нѣчто другое? Но женщина опять не понимала и думала, что если она теперь напьется предлагаемой воды, то ужъ больше никогда не будетъ приходиться къ колодцу и черпать воду...

То же самое непониманіе и упорство часто повторяется и съ нами, когда мы разсуждаемъ о нашемъ счастьи и благополучіи. Позвольте объяснить это нѣкоторыми примѣрами изъ нашей обыкновенной жизни. Вотъ мы видимъ ребенка на рукахъ у матери. Какъ часто этотъ ребенокъ, прельщенный яркимъ блескомъ свѣчи, тянется къ ней ручками, чтобы взять ее огнемъ въ ротъ! Какъ часто малютка желаетъ обнять и прижать къ себѣ кипящій на столѣ самоваръ, ярко вычищенный и привлекающій своимъ блескомъ неразумнаго ребенка! Какая мать исполнить желаніе малютки? Пусть онъ кричитъ и плачетъ горько-прегорько, не мать, а развѣ только лиходѣйка позволить ему исполнить его желаніе. То же, возлюбленные, часто случается и съ нами въ нашей погонѣ за счастьемъ и благополучіемъ: мы подъ видомъ счастья ищемъ себѣ только погибели, и ропщемъ, и горюемъ, и бранимся, и волнуемся, что насъ удерживаютъ отъ опасности...

Но скажете: одно ребенокъ, а другое—взрослый, понимающій и умный человекъ. Вотъ здѣсь-то чаще всего и терпитъ крушеніе прославленный умъ человекъ. На всякаго мудреца, говорятъ, довольно простоты! Что бы вы сказали о человекѣ, который ѣдетъ къ себѣ на родину на постоянное житье, а на проѣзжей станціи, гдѣ онъ случайно по пути останоуился, вдругъ вздумалъ строить домъ себѣ для временной остановки? Что сказали бы вы о человекѣ, которому предстоитъ отправиться въ далекое морское путешествіе, по глубокому и бурному морю, а онъ, сидя на берегу, оснащаетъ лодочку, годную для плаванья только около берега?

А нѣчто подобное дѣлаемъ и мы, когда разсуждаемъ о нашемъ счастьи.

Земная жизнь наша временна, за нею будетъ жизнь иная, небесная и вѣчная. Земная жизнь есть только приготовленіе къ небесной. Вотъ одна изъ основныхъ истинъ христіанскихъ. Кто думаетъ иначе, тотъ не христіанинъ, не вѣрующій, тому и не мѣсто въ этомъ молитвенномъ собраніи, тотъ пусть и не слушаетъ нашего слова. Скажемъ больше: кто думаетъ иначе, кто всю жизнь ограничиваетъ только землею, тотъ и не человѣкъ; это животное, можетъ-быть, очень умное, смышленное, но все же не человѣкъ, а животное; ему чужды вопросы о добрѣ и злѣ, о нравственномъ и безнравственномъ; онъ знаетъ только вредное и полезное, пріятное и непріятное.

Но мы, христіане вѣрующіе, твердо исповѣдуемъ ученіе апостола: *„не имамы здѣ пребывающаго града, но грядущаго взыскуемъ“* (Евр. XIII, 14); мы и въ нашемъ символѣ вѣры постоянно говоримъ: чаю (ожидая) воскресенія мертвыхъ и жизни будущаго вѣка.

Вотъ если мы будемъ всегда помнить объ этой жизни будущаго вѣка, объ ожидающемъ насъ грядущемъ градѣ,—то мы, сообразно съ этимъ, измѣнимъ и свой взглядъ на земную жизнь и на земное счастье. Ищи, возлюбленный, счастья земного, ищи земного благополучія, но только такого счастья и благополучія, которое не отняло бы у тебя счастья вѣчнаго, обѣщаннаго Богомъ любящимъ Его законъ и Его повелѣнія. Обманомъ, убійствомъ, грабежомъ и насиліемъ, конечно, легко приобрести все нужное для земного благополучія, но угодно ли это будетъ Богу? достойно ли это будетъ христіанина?

Когда насъ много, когда мы сильны, когда мы безнаказанны,—конечно, легко бить всѣхъ, отнимать чужое, захватывать себѣ: такъ разсуждать легко. Но будетъ ли это жизнь человѣческая? Такъ поступаютъ звѣри, которые, и при желаніи знать, не знаютъ ни страха Божія, ни воли Божіей, а люди знаютъ это издѣтства, ибо вѣра въ Бога, страхъ Божій запечатлѣнъ въ насъ, въ нашихъ душахъ и сердцахъ отъ рожденія. Неужели это все для насъ непонятно? Неужели нужно доказывать, что добра нельзя достигать посредствомъ зла, что высокое и чистое нельзя получить посредствомъ низкаго и грязнаго образа дѣйствій? Неужели мы этого не понимаемъ?

Вот Спаситель бесѣдуетъ съ самарянкой; подъ водою живою, текущею въ жизнь вѣчную, Онъ разумѣлъ Свое святое ученье, Свои святыя заповѣди. А самарянка упорно не понимала словъ Христовыхъ.

Что же, неужели и мы будемъ подобны ей? Неужели почти за 2000 лѣтъ, протекшихъ послѣ Христа, люди не научились понимать и любить Его слово?

Нѣтъ, возлюбленные! И самарянка, послѣ долгой бесѣды со Спасителемъ, съ грустью замѣтила: знаю, что придетъ Христосъ; когда Онъ придетъ, то возвѣститъ намъ все. Иисусъ говорить ей: это Я, Который говорить съ тобою (Іоан. IV, 25—26).

Намъ съ вами не нужно повторять этой истины. Въ Христа мы вѣруемъ; Онъ нашъ Учитель, нашъ Богъ, нашъ Спаситель. За Нимъ пойдѣмъ, а не за тѣми, которые вмѣсто пути истины и спасенія предлагаютъ намъ путь лжи и погибели. Его ученіе мы будемъ слушать, ученіе мира, любви, согласія и порядка, а не самозванныхъ учителей, призывающихъ къ раздору, враждѣ, беспорядку и бунтамъ. У Него найдемъ счастье и спасеніе въ жизни земной, временной и въ жизни вѣчной, а не у тѣхъ, которые, уподобляя насъ неразумнымъ животнымъ, указываютъ намъ только на землю и здѣсь, какъ звѣрю въ его берлогѣ, полагаютъ и начало и конецъ жизни и весь смыслъ существованія.

Знаемъ, братіе, что кромѣ слова Христова, и вопреки ему, часто нынѣ раздается слово смуты, и соблазна, и раздора. Не будемъ унывать: всему этому и быть надлежитъ, чтобы намъ, христіанамъ, утвердиться въ добрѣ, сдѣлаться крѣпче, сильнѣе, чтобы въ этой борьбѣ обратиться въ твердыхъ воиновъ Христовыхъ, достойныхъ получить отъ Царя небеснаго и вѣчнаго вѣнцы и награды вѣчныя. И Спаситель говорить: горе міру отъ соблазновъ, ибо надобно придти соблазнамъ, но горе человѣку тому, чрезъ котораго соблазнъ приходитъ, лучше бы ему не родиться на свѣтъ (Мѣ. XVIII, 7; ср. XXVI, 24).

Не будемъ же ни соблазнять, ни соблазняться, но съ твердою вѣрою будемъ отражать искушенія, исполняя въ жизни Законъ Бога и повторяя слово, сказанное Господомъ женѣ-

самарянкѣ: Моя пища есть творить волю Пославшаго Меня и совершать дѣло Его! (Іоан. IV, 31).

Пусть и каждое наше дѣло будетъ—дѣло Божіе!

И если мы уразумѣемъ и полюбимъ ту воду живую, о которой говорить Спаситель самарянкѣ,—Его ученіе, Его заповѣди, Его слово, то съ нами повторится то, что случилось въ концѣ-концовъ съ женщиною-самарянкой. Она пришла къ колодцу за водою, о водѣ простой заботилась, о ней думала и, несмотря на бесѣду съ Христомъ, никакъ не могла отвлечь своихъ мыслей отъ этой грубой и обыкновенной воды. Но въ концѣ бесѣды ея со Спасителемъ что мы видимъ? Она, какъ сказано въ евангеліи, оставила свой водоносъ у колодца, а сама побѣжала въ городъ, чтобы всѣмъ рассказать о Христѣ, и въ послѣдствіи сдѣлалась усердною проповѣдницею имени Христова, и Церковь чтитъ ее доннѣ въ ликѣ святыхъ подъ именемъ Фотины.

То же случится и съ нами. Мы никакъ не можемъ отрѣшиться отъ нашего грубо понимаемаго земного благополучія. Но подъ вліяніемъ ученія Христова, полюбивъ слово Его и Его воду живую, и мы оставимъ пустыми свои водоносы: оставимъ грубыя мечты и стремленія и побѣжимъ, что есть силы, чтобы другимъ возвѣстить о сладкомъ и святомъ ученіи Христовомъ, и сами выполнимъ его въ своей жизни.

Только тогда мы получимъ истинное счастье и истинное благополучіе; тогда наша жизнь вся засіяетъ неземною радостью, и радости нашей, по слову Спасителя, никто и никогда не отниметъ отъ насъ! (Іоан. XVI, 22.) Аминь.

Уроки школьнаго Кирилло-Мееодіевскаго праздника.*

Поздравляемъ васъ, дѣти, съ нынѣшнимъ праздникомъ!
Желаемъ и просимъ васъ, чтобы вы хранили память о свя-

* Сказано учащимся кукиѣскихъ церковныхъ въ г. Тифлисѣ школь въ день памяти свв. Кирилла и Мееодія 11 мая 1903 г.

тыхъ Кириллѣ и Меѳодіѣ не только въ годы школьнаго ученія, но во всю вашу жизнь. Вы, конечно, знаете, кто такіе были Кириллѣ и Меѳодій, что сдѣлали и за что прославляютъ ихъ святая Церковь; вы знаете, что они своими трудами принесли великому славянскому племени свѣтъ правой вѣры Христовой, свѣтъ грамоты, ученія, образованности. Вы видите, что здѣсь, въ православномъ народѣ грузинскомъ, также за равноапостольные труды просвѣщенія вѣрою Христовою почитаютъ и прославляютъ святую Нину.

Итакъ, вотъ вамъ урокъ на всю жизнь: почитайте и любите тѣхъ, кто вамъ сообщилъ и сообщаетъ ученіе вѣры Христовой, кто васъ училъ, учить и будетъ учить и грамотѣ, и знаніямъ. Для васъ это сдѣлали Церковь и церковные пастыри; они продолжали для васъ дѣло святыхъ Кирилла и Меѳодія, подражая, сколько были въ силахъ, ихъ святому подвигу. Почитайте же Церковь православную и ея пастырей, и будьте учениками Церкви до вашей смерти. Тогда вы, дѣйствительно, покажете себя *церковными* и дѣтьми школы *церковной*, тогда вы не окажетесь неблагодарными къ Церкви, вашей матери и благодѣтельница, тогда вы воистину будете учениками и почитателями и подражателями святыхъ Кирилла и Меѳодія.

А затѣмъ, можете подражать святымъ равноапостольнымъ братьямъ и въ ихъ просвѣтительной дѣятельности, въ ихъ трудахъ проповѣди слова Божія. Для этого не нужно идти въ чужія страны на голодъ, опасности, мученія и смерть. Для этого нужно, чтобы вы въ своей жизни были вѣрны ученію Христовой Церкви. Вы знаете, что всегда были дурные люди, враги истины, враги Христа и Его Церкви. Есть они и теперь, они соблазняютъ и смущаютъ многихъ слабыхъ. Вотъ этимъ смутителямъ и этимъ слабымъ нужно наше твердое слово вѣры, наша открытая любовь къ Церкви и наша добрая жизнь по заповѣдямъ Христовымъ. Смотри на насъ, и они укрѣплятся. И какъ враги не могли подавить и уничтожить слова Кирилла и Меѳодія, подкрѣпляемаго ихъ святою жизнью, то же будетъ и съ нами.

Дай, Господи, всѣмъ намъ достигнуть этого! Помолимся, дѣти, святымъ Кириллу и Меѳодію, помолимся и будемъ про-

снть себѣ и всему великому роду славянскому и великому царству славяно-русскому небесной ихъ помощи и покровительства! Аминь.

Смыслъ Царскаго коронаванія.*

Вознесохъ избраннаго отъ людей Моихъ; елеемъ святымъ Моимъ помазахъ его. И истина Моя и милость Моя съ нимъ, и о имени Моемъ вознесется рогъ его. Той призоветъ Мя: Отецъ мой еси Ты, Богъ мой и Заступникъ спасенія моего (Пс. 88; 20, 21, 25, 27).

Немного лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, когда нашъ Царь, какъ бы во исполненіе приведенныхъ словъ царя-псалмопѣвца, въ Своей древней столицѣ, посреди Своего народа, во имя Божіе пріялъ помазаніе на царство и отдалъ Себя и народъ Свой Богу, Его заступничеству и спасенію, Его истинѣ и милости.

Живо у всѣхъ насъ въ памяти это священное торжество Россіи и, видимо, живо и глубоко запечатлѣлось оно въ сердцѣ Царя. За эти немногіе годы, протекшіе послѣ коронаціи, уже два раза Государь являлся въ Москву для царственнаго богомоленія; здѣсь возгрѣвалъ Онъ въ сердцѣ Своемъ святыя помыслы и чувствованія, святыя вѣрованія и моленія,—все, чѣмъ охвачена была душа Его въ ту минуту, когда отъ Бога, а не отъ людей принималъ Онъ царственную державу, и отъ Бога выслушивалъ велѣнія о великомъ православно-христианскомъ народѣ, врученномъ Еще царственному попеченію.

Съ Царемъ вмѣстѣ во время Его пребыванія въ Москвѣ и вѣрноподданные вновь переживали тѣ думы, чувства и моленія о Царѣ, которыя тѣснились въ душахъ и сердцахъ въ день помазанія Его на царство. Еще такъ недавно пере-

* Слово въ день священнаго коронаванія Ихъ Императорскихъ Величествъ 14 мая 1903 г.

живали мы эти чувствованія; еще не смолкли въ храмахъ тѣ дивныя пѣсни церковныя, пѣсни воскресенія, которыя предначаты были въ Москвѣ, въ сердцѣ Россіи, въ личномъ присутствіи Царя, окруженнаго народомъ, и продлились эти пѣсни до самаго дня памяти Его коронаціи.

При такихъ обстоятельствахъ нынѣшнее празднество становится болѣе, чѣмъ когда-либо, знаменательнымъ; память царскаго коронованія является особенно живою и властно *будитъ* въ душѣ пережитыя когда-то мысли и чувства по поводу этого событія.

Ни въ одномъ народѣ, кромѣ русскаго, не сохранилось въ такой торжественности, въ такомъ блескѣ, и,—скажемъ, самое главное,—въ такой полнотѣ смысла и значенія помазаніе царей на царство. Въ томъ видѣ, какъ оно совершается въ Россіи, въ этомъ обилии молитвъ, въ несказанномъ подъемѣ народной вѣры и всенароднаго благоговѣнія, отъ него вѣетъ не только благочестными преданіями цвѣтущей поры христіанства, не только духомъ православной Церкви вселенской въ Византіи и ея благочестивыхъ автократоровъ, начиная отъ равноапостольнаго Константина, но и духомъ сѣдой библейской древности, съ ея богооткровеннымъ пророчествомъ: и мнится, елей царскаго помазанія изливается и донныѣ на царей нашихъ изъ того благословеннаго рога, изъ котораго нѣкогда Давидъ, царь по сердцу Божію, пріялъ помазаніе отъ Святаго посреди братьевъ своихъ: И ношашеси Духъ Господень надъ Давидомъ отъ того дне и потомъ (1 Цар. XVI, 11—13).

Несомнѣнно, только близорукость, невѣжество или тенденціозность могутъ упускать изъ виду тѣсную связь, всегда существовавшую и существующую между государственными и общественными учрежденіями народовъ и ихъ религіозными вѣрованіями.

И несомнѣнно же, глубокой смыслъ и важное значеніе царскаго помазанія въ Россіи обуславливаются ея православіемъ и ея самодержавіемъ. Оттого и сохранился въ этомъ торжествѣ духъ библейской древности и завѣты цвѣтущихъ вѣковъ христіанства, его святыхъ отцовъ и учителей,—оттого, что въ мірѣ одна Россія православна и одна Россія самодержавна.

Не станемъ говорить подробно о государственномъ значеніи самодержавія для нашего отечества, съ его особенной исторіей, географическимъ положеніемъ, огромнымъ пространствомъ, разнообразіемъ климатическихъ условій, этнографическимъ составомъ, разноплеменнымъ, разнокультурнымъ, разновѣрнымъ, съ его государственными границами, инородческими окраинами, съ его положеніемъ по отношенію къ народамъ Европы и Азіи, съ его расовыми славянскими особенностями, съ его міровыми задачами и міровымъ призваніемъ и проч. Здѣсь каждая мысль требуетъ особаго обсужденія, которое увлекло бы насъ слишкомъ далеко, да это и не входитъ прямо и непосредственно въ кругъ проповѣднаго церковнаго слова.

Но есть въ священномъ помазаніи православныхъ царей сторона, тѣснѣйшимъ образомъ связанная съ тѣмъ, что называется религіозною и христіанскою идеей. Ясно, что если міръ не случайно произошелъ и не безсмысленно живетъ, если онъ управляется Промысломъ, то Промыслъ Бога воздвигаетъ въ немъ и царей, избирая потребнаго царя народу въ то или другое время его существованія. Эта мысль, общерелигіозная, прежде всего и исповѣдывается Церковью въ священномъ помазаніи царей. Въ христіанствѣ эта мысль еще болѣе расширяется и углубляется и пріобрѣтаетъ иное, міровое значеніе. Осуществленіе и утвержденіе среди области земной, временной и человѣческой иного царства—царства небснаго, вѣчнаго, царства Божія: это составляетъ завѣтную цѣль христіанства. Объ этомъ чудно предрекали издревле пророки, объ этомъ предвѣщали Предтеча Христовъ, объ этомъ градамъ и весямъ и всему міру проповѣдывали Спаситель и Его апостолы. Достигать чрезъ царство человѣческое цѣлей царства Божія, осуществлять въ жизни государства и посредствомъ государства задачи христіанства,—религіи любви, мира, искупленія; проводить путемъ государственности христіанскія нравственныя начала; обратить царство Божіе въ цѣль, а царство человѣческое въ средство, слить ихъ воедино, какъ душу и тѣло,—вотъ идеаль и завѣты, вотъ сокровенныя стремленія и чаянія наши! Надъ ними задумывались глубоко самыя избранныя и великія, самыя благородныя души изъ міра вѣрующихъ; надъ ними

трудились и въ томъ полагали цѣль своей дѣятельности лучшіе и благороднѣйшіе правители народовъ—равноапостольный Константинъ, великіе Феодосій и Юстиніанъ, святой Владиміръ Великій, Александръ Невскій, благородный Владиміръ Мономахъ, кроткіе Феодоръ, Михаилъ, Алексій, до послѣдняго нашего боголюбиваго Царя-Праведника, Царя-Миротворца. И это же все въ тайникахъ души своей тысячелѣтней исторіи русскій народъ воплотилъ въ свое государственное міровоззрѣніе, содѣлалъ непререкаемымъ членомъ сѣмвола своего государственнаго и народнаго бытія. Мысль, что государство должно служить цѣлямъ религіозно-нравственнымъ, народъ нашъ, конечно, не формулировалъ ясно, но она лежитъ, какъ подпочва, какъ несокрушимый устой и фундаментъ, въ его міровоззрѣніи. Ибо, по народному представленію, праведниками и міръ стоитъ... Зато въ лицѣ носителей и представителей власти русское самодержавіе съ теченіемъ вѣковъ и въ рядѣ поколѣній постепенно какъ бы познавало себя, уяснялось, очищалось отъ всего наноснаго и посторонняго, просвѣтлялось отъ свѣта высшаго. Въ этомъ процессѣ просвѣтленія и созрѣванія русско-православнаго государственнаго міровоззрѣнія величайшее значеніе имѣли торжества священнаго помазанія государей отъ временъ російскихъ князей и царей и до временъ императоровъ и до нашихъ дней. Эти торжества будили мысль, заставляли задумываться надъ существомъ и смысломъ нашего государственнаго строя, озаряя сознаниемъ то, что лежало въ неясныхъ предчувствіяхъ и преданіяхъ народа.

Что такое священное помазаніе царей на царство?

Это не простой торжественный обрядъ для впечатленія на зрителя, не простой знакъ царскаго и государственнаго величія; кто думаетъ такъ, тотъ слишкомъ неглубокъ, слишкомъ легкомысленъ въ сужденіи. Это и не одна молитва царя къ Богу о помощи свыше, о наитіи благодати, о дарованіи силъ къ служенію, о просвѣтленіи царственнаго разума.

Нѣтъ, здѣсь больше того: здѣсь боговѣнчанный царь вступаетъ въ священно-таинственный союзъ со своимъ народомъ, не при посредствѣ избранія или договора, всегда предполагающаго взаимное недовѣріе, а при помазаніи отъ Духа Свя-

того. Чему уподобить этотъ союзъ, какъ его изобразить? Думается, лучше всего изобразить словами древнихъ евреевъ, обращенными къ царю Давиду послѣ его воцаренія: „вотъ мы всѣ предъ тобою—*кости твои и плоть твоя*“ (2 Цар. V, 1). Здѣсь самое сравненіе взято изъ словъ первозданнаго Адама о женѣ своей (Быт. II, 23). Такъ царь и народъ какъ бы сливаются въ одинъ могучій духовно-нравственный союзъ, подобный идеальной христіанской семьѣ, не мыслящей раздѣленія, не допускающей недовѣрія, не допускающей иныхъ отношеній, кромѣ взаимной любви, преданности, самоотверженія и заботливости. И какъ въ семейный союзъ нельзя ввести холодныхъ отношеній договора и учетаванія правъ каждаго изъ членовъ семьи, а все здѣсь зиждется на взаимной любви и довѣрїи родителей между собою, родителей и дѣтей, братьевъ и сестеръ,—такъ точно и въ идеальномъ христіанскомъ государствѣ. Отсюда—истинный христіански-отеческій характеръ власти и властвованія, отсюда же и истинно-христіанскій, не рабскій и принудительный, а сыновній и свободный характеръ повиновенія. Великъ такой союзъ царя и народа; онъ могучъ и несокрушимъ, онъ наслѣдуетъ землю и будетъ исполненъ успѣха мѣрою полною, утрясенною...

Но и сказаннаго мало. Въ помазаніи царя на царство слышится намъ то слово Божіе о царѣ, которое положено нами въ началѣ нашего нынѣшняго поученія: „Вознесохъ *избраннаго* отъ людей Моихъ; елеемъ святымъ Моимъ помазахъ его. И истина Моя и милость Моя съ нимъ, и о имени Моемъ вознесетъ рогъ его. Той призоветъ Мя: Отець мой еси Ты, Богъ мой и Заступникъ спасенія моего“¹⁾. Такъ священное помазаніе для царя является таинственнымъ прїятіемъ непосредственно отъ Бога особыхъ, ему только одному свойственныхъ высшихъ полномочій, отдѣляющихъ его отъ прочихъ людей: царь въ помазаніи становится избранникомъ Бога; ему ввѣряются отъ Бога правда и милость; ему усвоется право сыновства Богу; ему обѣщана и непосредственная помощь свыше въ его цар-

¹⁾ Названіе Бога Отцомъ встрѣчается въ Ветхомъ Завѣтѣ очень рѣдко; замѣчательно, что въ этомъ мѣстѣ (Цс. 88, 27) оно обращено къ Богу отъ лица царя, а въ другомъ мѣстѣ—отъ лица сырыхъ и несчастныхъ (Цс. 67, 6).

скомъ служеніи. Царь является орудіемъ Промысла въ управленіи народомъ и насажденія въ жизни его началъ царства Божія. Эту истину религіозную, таинственную можно принять только вѣрою; ее и принялъ и исповѣдуетъ нашъ народъ, когда говорить издревле на своеобразномъ языкѣ въ народныхъ присловьяхъ: „Царь—отъ Бога приставъ“; „Правда—Божія, а судъ—царевъ“.

Такимъ образомъ, въ священномъ помазаніи царей нашихъ сказалось торжество идей, въ своемъ источникѣ богооткровенныхъ, но до такой степени усвоенныхъ духомъ нашего народа, что ихъ можно назвать истинно-народными, русскими. Здѣсь выразилось все существо русскаго государственнаго строя; его не поколебать никакимъ вѣтромъ занесенныхъ изъ чуждыхъ странъ ученій, и подь красныя знамена съ надписями объ изгнаніи „долой“ этого строя можно привлечь только или гниль и отбросы народные, или сыновъ народа обманутыхъ, введенныхъ въ заблужденіе и кричащихъ „долой“ только по недоразумѣнію...¹⁾

Что же сказать намъ въ заключеніе слова? Вознесемъ прежде всего молитвы о царѣ и царствѣ; возгрѣемъ въ сердцахъ любовь и благоговѣніе къ Царю, Божію Помазаннику! Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы, именно мы, избранные и довѣренные служители государства и слуги царицы, поставимъ у сердца и сознанія библейское и наше народное воззрѣніе на царя, какъ на орудіе Божественнаго управленія народомъ, на государство же,—какъ на средство осуществленія въ немъ и чрезъ него царства Божія на землѣ. Не одной грубой пользы государственной должны мы искать: этого искало и языческое государство. Не одна простая служебная исправность требуется отъ насъ: и это еще не христіанская нравственность. Нѣтъ, завѣты святой вѣры нашей, святыя завѣты христіанства должны проникнуть не только въ наши личныя, но и въ общественныя и государственныя стихіи, народъ нашъ долженъ вырастать въ народъ Божій, и наше царство человѣческое—

¹⁾ Намекъ на явленія предреволюціоннаго времени въ Закавказьи, въ средѣ рабочихъ....

въ царство Божіе. Поэтому и Церковь въ день благодарнаго моленія о Царѣ просить Господа подать въ благословенной державѣ Царя: пастырямъ—святыню, правителямъ—судъ и правду, народу—миръ и вѣрѣ—преуспѣяніе. Истинной же вѣрѣ нельзя указать границъ ея вліянія; она захочетъ проникнуть въ наши семейства, въ суды, въ училища, въ правительственныя учрежденія; она захочетъ все знать и вездѣ быть; нѣтъ закона, который бы остался чуждъ для нея; нѣтъ ни одной стороны жизни, которая такъ или иначе, прямо или косвенно, не подверглась бы суду ея и вліянію. И невозможно себѣ представить, чтобы христіанинъ—судья, учитель, законодатель, государственный или общественный дѣятель оставилъ свою религіозную совѣсть за дверью того мѣста, гдѣ онъ обсуживаетъ дѣла. Ибо слова Христовы—не смерть, не есть нѣчто неподвижное, а начало приснодѣйствующее, они—*духъ и животъ* (Іоанн. VI, 63). Они осмыслили и одухотворили всякую земную жизнь, они же осмыслили, одухотворили государство и государственную дѣятельность. Христіанство достигло этого путемъ возвышенія своихъ религіозно-нравственныхъ цѣлей надъ цѣлями чисто-государственными. Оно, правда, указываетъ государственной жизни второстепенное мѣсто, выдвигая на первый планъ сторону религіозную, духовную; но оно этимъ не отрицаетъ государства, какъ это думаютъ такъ-называемые нынѣшніе „новые христіане“; оно указываетъ государству и положительныя задачи, признаетъ за нимъ дѣятельный, прогрессивный характеръ: призываетъ его къ борьбѣ съ злыми силами міра подъ знаменемъ Церкви; призываетъ его проводить въ политическую, общественную и международную жизнь нравственныя начала и участвовать вмѣстѣ съ Церковью въ великомъ дѣлѣ пересозданія и возвышенія мірскаго общества до высоты христіанскаго идеала.

Пусть же никого не смущаетъ это возвышеніе христіанства; оно благотворно для самого государства, сообщая ему высшій смыслъ и значеніе: „чѣмъ выше солнце надъ землею, гѣмъ болѣе оно согрѣваетъ и освѣщаетъ землю!“ Аминь.

Уроки прославленія святыхъ.*

Праведность возвышаетъ народъ, а
беззаконіе — безчестіе народовъ (Притч.
XIV, 34).

Отраднo намъ исповѣдывать эту истину въ день прославленія праведнаго. Кроткій и смиренный, называвшій себя при жизни не иначе, какъ „убогій“, благоговѣйный старецъ Серафимъ, 70 лѣтъ тому назадъ на крыльяхъ молитвы отъ земли переселившійся къ небу и вѣчности, нынѣ всенародно признается и прославляется въ ликѣ святыхъ, нареченный уже давно угодникомъ Божиимъ общимъ гласомъ вѣрующаго народа, засвидѣтельствованный чудесами и знаменіями.

Въ день, когда гласъ народа нынѣ запечатлѣнъ рѣшеніемъ высшаго церковнаго священноначалія и радостно-умиленнымъ словомъ возлюбленнаго нашего Монарха, въ благочестивомъ усердіи соорудившаго многоцѣнную раку для святыхъ мощей преподобнаго, — въ день, когда сыны Церкви объединены въ признаніи святости угодника Божія и въ общей, впервые торжественно и всенародно возносимой во храмахъ молитвы къ нему, постараемся поставить предъ собою и крѣпко напечатлѣть въ сердцахъ уроки нынѣшняго радостнаго церковнаго торжества.

Праведность возвышаетъ народъ, а беззаконіе — безчестіе народовъ, — такъ говоритъ слово Божіе. Много мы знаемъ и видимъ доказательствъ этой истины въ священныхъ событіяхъ исторіи Ветхаго и Новаго Завѣта.

Вотъ къ Лавану приходитъ гонимый и преслѣдуемый роднымъ братомъ праведный Іаковъ, и здѣсь находитъ себѣ гостепріимный кровъ. Не укрылось отъ Лавана, что съ пришествіемъ праведника видимо благословеніе Божіе почилло надъ всѣмъ домомъ его — въ достаткѣ, въ благополучіи и счастіи, и онъ

* Слово въ день прославленія преподобнаго отца нашего Серафима, Саровскаго чудотворца. Сказано 19 іюня въ Тифл. Сіонск. соборѣ.

прямо заявляетъ Иакову: „*усмотрѣхъ, яко благослови мя Богъ пришествіемъ твоимъ*“ (Быт. XXX, 27 и д.).

Вотъ кроткій и вѣрующій Іосифъ, безжалостно проданный братьями, попадаетъ въ Египтъ рабомъ въ домъ вельможи; самъ господинъ его, невѣрующій язычникъ, видитъ и убѣждается, *яко Господь Богъ съ Іосифомъ, и елика творитъ, Господне благоустраиваетъ въ руку его; и бысть благословеніе Господне Іосифа ради на вѣсмъ имѣніи его, въ дому его, въ семѣхъ его* (Быт. XXXIX, 3, 5). Возьмемъ еще примѣръ.

Долго Господь хранилъ избранный народъ Свой, долго призывалъ его къ покаянію величайшими чудесами милости, голосомъ пророковъ и проповѣдниковъ, долго и много разъ грозилъ народу Своимъ гнѣвомъ, обѣщая разрушить Іерусалимъ, отнять царство, лишитъ родины, наказатъ плѣномъ. Упорнымъ и нераскаяннымъ оставался Израиль, какъ бы смѣялся онъ надъ долготерпѣніемъ Господа, и имя святое Его отдавалъ на позоръ язычникамъ. И приблизились дни гнѣва Божія, приспѣлъ часъ паденія святого города. Но и тогда мы слышимъ великое слово Господне о праведникахъ: *обидите, и воззрите, и познайте и поищите на улицахъ Іерусалима; и если найдете мужа творящаго судъ и ищущаго вѣры, Я милосердъ буду къ Іерусалиму!* (Іерем. V, 1—2; ср. гл. VII).

Такъ велико въ очахъ Божіихъ значеніе одного праведника для цѣлаго народа.

И въ исторіи Новаго Завѣта мы видимъ, какъ ради одного праведника, св. апостола Павла, во время морского путешествія его на кораблѣ, спасены были отъ неминуемой гибели всѣ плывшіе съ нимъ спутники; ангелъ при этомъ сказалъ апостолу: *Богъ даровалъ тебѣ вѣхъ плывущихъ съ тобою* (Дѣян. XXVII, 24).

Почему же такъ важно пребываніе праведныхъ среди народа? Прежде всего потому, что они являются показателями и свидѣтелями духовной жизни и духовнаго роста народа; они своимъ существованіемъ показываютъ, что народъ не умеръ для Бога, для святости и для духовной жизни; что среди него есть люди, достойные благоволенія Господа, — *и что такихъ людей не мало*. Прославленные праведники, угодники, чудо-

творцы,—это какъ бы высочайшія горныя вершины. Здѣсь, въ области духовно-благодатной, наблюдается то же, что и въ области видимой природы на землѣ. Горныя высочайшія вершины никогда не стоятъ совершенно одиноко и особнякомъ на равнинѣ; около нихъ всегда поднимаются меньшія, но все же возвышенныя горы, цѣлыя цѣпи горъ, цѣлыя горныя пространства.

Въ области духовно-благодатной видимъ то же: около великихъ святыхъ есть меньшія, но добрыя и высокія души: ихъ почитатели, ученики, подражатели, люди, напоенные единымъ съ ними духомъ, единою вѣрою, единымъ благочестіемъ. Праведники не бываютъ совершенно одиноки; вотъ почему прославленіе праведнаго есть признакъ, что въ обществѣ, гдѣ онъ жилъ, воцарилось не одно зло, что, напротивъ, въ обществѣ этомъ есть живыя духовныя силы; вотъ почему, далѣе, прославленіе праведнаго есть радость Церкви, которая видитъ, что она не бесплодно молилась о сынахъ своихъ, не бесплодно учила ихъ вѣрѣ и благочестію и, дѣйствительно, ведетъ ихъ къ небу и блаженной вѣчности. Такъ, у св. Серафима была высокаго благочестія мать, щедродательный братъ, были же добрые люди, отъ которыхъ въ дѣтствѣ и отрочествѣ онъ получилъ расположеніе къ вѣрѣ и благочестію и святымъ подвигамъ; были и въ обители Саровской не одинъ, а много-много такихъ людей, которые сочувствовали св. Серафиму: многіе изъ иноковъ обители, и въ ихъ числѣ ея начальники, имена которыхъ сохранились въ житіи св. старца, многіе послушники, монахини сосѣдняго женскаго монастыря, посѣтители и почитатели старца, которыхъ также было великое множество. И то обстоятельство, что память святого старца не умерла въ народѣ, и свято хранилась, что не заросла дорога къ его могилѣ, что имя его изъ скромной обители, изъ лѣсной глуши пронеслось и призывается съ вѣрою на протяженіи всего великаго царства русскаго,—это все приносить сердцу отрадную увѣренность, что родная Церковь наша, Церковь русская православная, спасаетъ своихъ чадъ, что не оскудѣла она духомъ и святынею, что не мертва она, а жива и дѣйствительна, и что *уходяціе отъ нея уходятъ отъ источника жизни и спасенія*. Пусть поду-

мають объ этомъ наши несчастные заблуждающіеся братья, сектанты и отступники, которыхъ, къ прискорбію, такъ много въ нашемъ краѣ и въ нашемъ городѣ, и которые такъ упорно закрываютъ очи и не хотятъ видѣть истины православія нашей святой Церкви.

Почему еще такъ важно пребываніе праведныхъ среди народа?

Потому, что мы въ нихъ имѣемъ предстателей и ходатаевъ предъ Богомъ. Св. апостолъ Павелъ, постигшій глубины таинъ Божіихъ и таинъ духовной жизни человѣка, говоритъ намъ, что изъ всѣхъ духовныхъ дарованій вѣковѣчное и не умирающее есть любовь: „*Любовь,—говоритъ онъ,—никогда не перестаетъ, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнутъ, и знаніе упразднится*“ (1 Кор. XIII, 8).

Но святые Божіи въ земной своей жизни и водились и жили именно любовью къ Богу и ближнимъ. До какой высоты самоотреченія доходила ихъ любовь къ людямъ, видно изъ молитвы Моисея о согрѣшившемъ родномъ народѣ: „*О, Господи, народъ сей сдѣлалъ великій грѣхъ, сдѣлалъ себѣ золотого бога; прости имъ грѣхъ ихъ, а если нѣтъ, то изгладь и меня изъ книги Твоей, въ которую Ты написалъ*“ (Исх. XXXII, 31—32).

Такова же была и молитва апостола Павла о своихъ соплеменикахъ, которые убили Христа и ничего не дали самому апостолу, кромѣ клеветы, преслѣдованій и кровавыхъ гоненій: „*истину говорю во Христа, не лгу, что великая для меня печаль и непрестанное мученіе сердцу моему; я желалъ бы самъ быть отлученнымъ отъ Христа за братьевъ моихъ, родныхъ мнѣ по плоти, т.-е. израильтянъ*“ (Римл. IX, 3).

Вся жизнь св. Серафима также была исполнена дѣятельной самоотверженной любви къ людямъ; она свѣтилась въ его взорѣ; она изливалась въ словахъ его привѣта ко всѣмъ посѣтителямъ: „*радость моя*“; она проявлялась въ его частыхъ поклонахъ до земли своимъ ближнимъ и лобзаніяхъ; она давала ему изумительное терпѣніе при бесѣдахъ съ тысячами посѣтителей, выслушивать ихъ печали, сомнѣнія, исповѣдь грѣховъ, ободрять словомъ утѣшенія, вразумленія и прощенія грѣховъ; она одушевляла святою мудростью его наставленія

тѣмъ простымъ и вѣрующимъ душамъ, что тысячами ежедневно приходили ко св. старцу; она пламенѣла въ его молитвахъ за людей, она, наконецъ, мощно и благодатно дѣйствовала въ томъ дивномъ дарѣ чудесныхъ исцѣленій больныхъ, который ниспослалъ ему Господь въ концѣ жизни.

Неужели эта любовь должна прекратиться послѣ смерти старца? Неужели святые, сильные въ молитвѣ о ближнихъ при жизни, и нѣмы и глухи по смерти? Неужели душа ихъ послѣ смерти тѣла уже не объята любовью, и къ скорбямъ земныхъ братьевъ они вдругъ станутъ равнодушны, они, которые, живя на землѣ, готовы были все свое и себя самихъ принести въ жертву ради блага ближнихъ? Такъ именно рассуждаютъ и наши сектанты, удаляющіе себя отъ почитанія святыхъ и отъ молитвъ къ нимъ.

Но вѣдь противъ этого вопіеть и разумъ и сердце, противъ этого говоритъ и слово Божіе, увѣряющее насъ, что *любовь никогда не перестаетъ*. Вотъ почему апостоль Петръ обѣщалъ христіанамъ заботиться о нихъ и послѣ смерти (2 Петр. I, 14—15); вотъ почему это же обѣщали всѣ святые, обѣщали и нынѣ прославляемый преподобный отецъ нашъ Серафимъ Саровскій: „Когда меня не станетъ“, говорилъ преподобный, „ходите ко мнѣ на гробикъ, ходите, какъ вамъ время есть, и чѣмъ чаще, тѣмъ лучше. Все что ни есть у васъ на душѣ, все, о чемъ ни скорбите, что ни случилось бы съ вами, все, придите, да мнѣ на гробикъ, припавъ къ землѣ, какъ живому, и расскажите. *И услышу васъ, и скорбь ваша пройдетъ. Какъ съ живымъ, со мною говорите, и всегда я для васъ живъ буду*“.

Да, живъ ты у Бога, святой, любвеобильный и благоговѣйный старецъ, живъ ты въ Церкви Божіей, живъ и славенъ, какъ праведникъ, въ родномъ тебѣ многоплеменномъ православномъ русскомъ царствѣ!

Хотите ли, братіе, приобщиться къ этой его жизни? Хотите ли быть сродными его духу, его вѣрѣ, его любви и благочестію?

Хотите ли явить доказательство, что и вы духовно слились съ тою Церковью, въ которой обрѣлъ спасеніе и святость новоявленный угодникъ Божій?

Тогда войдемъ нынѣ всѣ въ радость и молитвы св. Цер-

кви, приблизимся духомъ къ святому Серафиму, перенесемся мыслью и воображеніемъ къ тѣмъ десяткамъ тысячъ богомольцевъ, которые сегодня въ отдаленномъ Саровѣ стоятъ вокругъ мощей преподобнаго, горятъ къ нему любовью, прославляютъ его, и съ ними, и съ Церковью Божіею воскликнемъ отъ всей души: *Преподобне отче Серафиме, моли Бога о насъ!*

Но будемъ помнить, братіе, что бываетъ страшное душевное состояніе и отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ народовъ, такое состояніе грѣха и нераскаянности, что отвращаетъ совершенно отъ людей лице Господа, и дѣлаетъ бездѣйственными о нихъ даже молитвы святыхъ: тогда молитва ихъ, по слову пророка, въ нѣдра ихъ возвращается (Ис. 34, 13). Такъ было съ нераскаянными іудеями, о которыхъ молилъ пророкъ Іеремія; и сказалъ ему Господь: *„Не молися ко Мною о людехъ сихъ во благо. Хотя бы предстали предъ лице Мое Моисей и Самуиль, душа Моя не преклонится къ народу сему; отгони ихъ отъ лица Моего, пусть они отойдутъ“* (Іерем. XV. 1). Такъ случилось, наконецъ, и съ Іерусалимомъ: самъ Господь плакалъ о немъ и жалѣлъ его, но все же осудилъ его за конечное ожесточеніе и упорство его сыновъ.

Это для насъ—устрашающіе образы и примѣры. Будемъ не устами только почитать святого угодника Божія Серафима, но и дѣломъ и всею жизнью являть съ нимъ духовное единеніе: будемъ имѣть его святую вѣру; будемъ всею душой преданы святой Церкви, къ которой онъ принадлежалъ; освящаться ея таинствами, которыми онъ освящался; исполнять въ точности и съ любовью всѣ ея уставы; будемъ искренно почитать его совершенства и добродѣтели и отображать ихъ въ своей жизни, отдавъ ее труду и молитвѣ, по мудрому и мѣткому наставленію старца; „дѣло въ рукахъ, а молитва на устахъ“; будемъ служить, чѣмъ можемъ, съ любовью нашимъ ближнимъ,—однимъ словомъ, будемъ подражать житію угодника Божія, чтобы явиться братьями его не только по плоти, но и по духу! Ибо и апостоль, заповѣдывая почитать праведныхъ, поучаетъ насъ: *„ихъ же взирающе на скончаніе жителства, подражайте еврты ихъ“* (Евр. XIII. 7). Иначе и почитаніе ихъ будетъ бесполезно и лицемѣрно. Въ день прославленія праведнаго заложимъ

крѣпко и поставимъ у сознанія и сердца слово Божіе: *праведность возвышаетъ народъ, а беззаконіе—безчестіе народовъ*. Аминь.

Врачуйся прежде недуга.*

Волюбленные братіе! По долгу христіанской любви и пастьорскаго попеченія, по обязанности согражданъ въ единомъ отечествѣ, обращаемся къ вамъ съ настоящимъ словомъ поученія церковнаго въ переживаемые нами тревожные дни. Наступаетъ тяжкое время общественнаго бѣдствія: въ нашемъ отечествѣ появилась холерная зараза.

Что дѣлать намъ и какъ себя вести? Заботливое правительство уже приняло и будетъ принимать мѣры къ борьбѣ съ нею: очищеніе городовъ и селеній отъ грязи и нечистоты; назначеніе вездѣ врачей и ихъ помощниковъ въ усиленномъ составѣ; оповѣщеніе всего населенія чтеніями, листками, книжками о томъ, какъ обращаться съ пищею, питьемъ и съ жилищами во время холеры; будутъ открыты по мѣстамъ чайныя; во многихъ мѣстахъ можно будетъ получать кипяченую воду; заготовлены будутъ лѣкарства и расширены помѣщенія въ больницахъ. По городамъ и линіямъ желѣзныхъ дорогъ откроютъ дѣйствія такъ-называемыя санитарныя комиссіи, т.-е. особыя совѣщанія лицъ свѣдущихъ, изъ всѣхъ сословій призванныхъ съ цѣлью объединить и упорядочить всѣ мѣры, предпринимаемыя для борьбы съ бѣдствіемъ. Не безъ добрыхъ людей на свѣтѣ: явятся добровольно многія лица изъ городовъ и селеній, которыя примутъ на себя обязанность помогать начальству и врачамъ въ святомъ и общемъ дѣлѣ.

Все это хорошо и все это должно вызывать у насъ только чувства благодарности къ тѣмъ, которые заботятся о благѣ общественномъ, и чувства спокойствія за это благо. Все это

* Поученіе по случаю холерной эпидеміи. Написано по порученію Особаго Совѣщанія по борьбѣ съ холерою въ Закавказья, бывшей въ 1903 году.

вполнѣ согласно и со словомъ Божиимъ, которое говорить намъ вразумительно: прежде недуга врачуйся (Сир. XVIII, 19). Оттого-то люди и научились теперь бороться съ повальными болѣзнями, оттого-то, какъ всё замѣчаютъ, и холера съ каждымъ разомъ теперь все становится слабѣе и ужъ далеко не такъ гибельна и опасна, какъ это было прежде.

Но все это—совѣты и указанія для тѣла; христіанинъ же никогда не можетъ и не долженъ оставлять заботъ и о душѣ своей. Впрочемъ, доброе настроеніе души и доброе христіанское поведеніе, какъ говорятъ и настойчиво увѣряютъ сами врачи, служатъ лучшимъ спасеніемъ и отъ болѣзней тѣла. Врачи увѣряютъ насъ, что во время повальныхъ болѣзней первыми жертвами ихъ падаютъ люди малодушные, унылые, затѣмъ люди невоздержные въ жизни, иначе сказать, тѣ, которые нарушаютъ христіанскія заповѣди. Видите, возлюбленные, какъ до конца исполняется слово Божественнаго Писанія, которое поучаетъ насъ, что *благочестіе на все полезно, имѣя обитованіе жизни настоящей и будущей: слово сіе вѣрно и всякаго пріятія достойно* (I Тим. IV, 8—9).

И воистину, братіе, воистину слово это всякаго пріятія достойно. Чѣмъ спастись отъ унынія, страха и малодушія, столь пагубныхъ во время повальной болѣзни и столь позорныхъ и унижительныхъ для человѣка? Только глубокою и искреннею *вѣрою* въ Бога и горячею къ Нему *молитвою*.

Какія великія утѣшенія даетъ человѣку вѣра! Какія назиданія сообщаетъ ему вѣчное слово Бога! Оно увѣряетъ насъ, что *Господь причиняетъ раны, и Самъ обяыываетъ ихъ, Онъ поражаетъ, и Его же руки врачуютъ* (Іов. V, 18), что *Господь мертвитъ и живитъ, низводитъ во адъ и возводитъ* (I Цар. II, 6), *Онъ убіетъ и жизни сотворитъ, Онъ поразитъ и исцѣлитъ, Онъ наказуетъ и милуетъ* (Товит. XIII, 2). Какъ отрадно слушать исповѣданіе древняго псалмопѣвца-царя: *Щедръ и милостивъ Господь, долготерпѣливъ и многомилостивъ, не до конца прогнѣвается и не во вѣкъ враждуетъ* (Пс. 102, 8—9). Какъ радостно читать увѣреніе библейскаго мудреца, что *милость Божія такъ же безпредѣльна, какъ и Его величество* (Сир. II, 18). И какъ осмысливаетъ настоящія событія святой

апостоль, когда увѣряетъ, что, наказывая наши неправды бѣдствіями, Господь врачуетъ и воспитываетъ наши души, поступая съ нами, какъ нѣжно любящій отецъ со своими дѣтьми: *Господь, кого любитъ, наказываетъ, бьетъ всякаго сына, о которомъ благоволитъ; если вы терпите наказаніе, то Богъ поступаетъ съ вами, какъ съ сынами; ибо есть ли такой сынъ, котораго не наказывалъ бы отецъ?* (Евр. XII, 6—7). И какая увѣренность, какое спокойствіе и какая преданность и покорность волѣ Господа и Его ведущей и воспитывающей десницѣ вливаются въ душу, когда мы, по слову того же апостола, знаемъ и исповѣдуемъ, что *Богъ не попуститъ намъ быть искушаемыми сверхъ силъ, но при искушеніи дастъ и облегченіе, такъ, чтобы вы могли перенести* (I Кор. X, 13).

Итакъ, призовемъ Бога въ день скорби нашей (Пс. 49, 15) и къ Нему обратимся съ молитвою. Ибо, если, по наставленію апостола, мы *всегда должны молиться и непрестанно* (Фессал. V, 17), то тѣмъ болѣе теперь. Такъ поступили въ подобныхъ же обстоятельствахъ, во время страшной моровой язвы въ средѣ еврейскаго народа, царь Давидъ и старѣйшины Израилевы, *павши съ молитвъ предъ Богомъ на лице свое: и послушалъ Господь земли и отнялъ язву отъ Израиля* (2 Цар. XXIV, 25).

Намъ же, сынамъ новаго завѣта, искупленнымъ Кровію Сына Божія, на всякое моленіе, приносимое съ вѣрою, всегда отвѣчаетъ нашъ Спаситель: *„Я съ вами; не бойтесь!“* (Іоан. VI, 20).

И чего въ самомъ дѣлѣ бояться вѣрующимъ? Болѣзней и страданія? Но всякое страданіе, переносимое терпѣливо и вдумчиво, и во имя Бога, есть богатый вкладъ въ нашу душевную сокровищницу и дѣлаетъ духъ нашъ зрѣлымъ и близкимъ къ Богу. Бояться смерти? Но смерти ли бояться христіанину, когда онъ знаетъ, что этотъ врагъ истребленъ Воскресшимъ Спасителемъ, и нынѣ гробъ есть только лѣствица къ небу!

Не убойтесь убивающихъ тѣло (Мѡ. X, 28),—говоритъ нашъ Спаситель. Но вотъ чего нужно бояться: бояться того, что убиваетъ душу и что послужило истинною причиною и смерти тѣла.

Вѣдь Богъ смерти не сотворилъ (Прем. I, 13), но счастливую, безсмертную жизнь человѣка отравилъ и погубилъ грѣхъ. Вотъ почему, братіе, съ вѣрою въ Бога и съ усердною къ Нему молитвою въ эти тяжелые дни несчастья должно быть соединено искреннее покаяніе во грѣхахъ, исправленіе всей нашей жизни. Безъ этого Господь скажетъ намъ такъ, какъ говорилъ нѣкогда древнему Израилю чрезъ Исаію пророка: *„Когда вы простираете ко Мнѣ руки ваши, Я закрываю отъ васъ очи Мои; и когда вы умножаете моленія ваши, Я не слышу“*... (Ис. I, 15).

Не помните ли и изъ евангелія, что Спаситель, когда принесли къ Нему разслабленнаго, не сказалъ ему: *„встань и ходи“*, а отпустилъ ему грѣхи его, и тогда само собою совершилось и чудо исцѣленія (Мѣ. IX, 2). Это урокъ для насъ въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ. Очищая жилища наши отъ всякой грязи и нечистоты, очистимъ прежде всего души наши отъ накопившейся на нихъ нравственной нечистоты; воздерживаясь отъ той и другой пищи ради сохраненія отъ болѣзни, воздержимся болѣе всего отъ грѣховъ и пороковъ; страшась заразы и избѣгая ее всѣми средствами, устранимся духовной заразы—грѣховнаго настроенія ума и сердца; обративъ особое вниманіе на борьбу съ болѣзнью, обратимся особенно къ подвигу борьбы со всякимъ нравственнымъ зломъ, опустошающимъ нашу жизнь и причиняющимъ намъ смерть душевную. По слову апостола, *очистимъ себя отъ всякой скверны плоти и духа, совершая святыню въ страхъ Божіемъ* (2 Кор. VII, 1). Такъ поступили даже древніе язычники въ городѣ Ниневіи подъ влияніемъ проповѣди пророка Іоны: *и Господь помиловалъ ихъ* (Іоан. III, 5—8); тѣмъ болѣе должны это сдѣлать христіане.

Совершимъ же святыню: усугубимъ молитвы; чаще будемъ посѣщать богослуженіе; принесемъ покаяніе во грѣхахъ; соединимся со Христомъ Спасителемъ въ тайнѣ Его Тѣла и Крови; исправимся отъ грѣховъ,—и такъ пріуготовленные станемъ предъ лицемъ Господа въ полной преданности Его волѣ въ полной надеждѣ на Его милосердіе, зная, что Онъ и желаетъ и дастъ намъ гораздо болѣе благъ, чѣмъ мы сами се-

о́бъ пожелаемъ; скажемъ Ему словомъ великой и святой молитвы: да будетъ воля Твоя, *яко на небеси и на земли...*

Но скажутъ и спросятъ: что же врачи и медицинскія пособія? Не лишнее ли это дѣло? Дѣйствительно, бываютъ случаи, когда врачество является лишнимъ, и не только лишнимъ, но и грѣховнымъ: когда люди, изъ ложнаго преклоненія предъ человѣческою силою и человѣческимъ разумомъ, только и надѣются на искусство врачей да на силу лѣкарствъ, забывая и отвергая Бога. Тогда эти безумцы болѣе довѣряются законамъ, чѣмъ Законодателю, болѣе вѣрятъ твари и твореніямъ, чѣмъ Самому Творцу. Тогда гнѣвъ *Божій грядетъ на сыновъ противленія*; тогда и врачеванія, какъ это мы видимъ на примѣрѣ ветхозавѣтнаго нечестиваго царя Асы (2 Парал. XVI, 12), не приносятъ никакой пользы, потому что они въ этомъ случаѣ обращаются въ орудіе невѣрія и въ знамя вражды противъ Самого Бога.

Но мудрое и доброе пользованіе врачевнымъ искусствомъ не только не отвергается, но признается и даже предписывается намъ словомъ Божіимъ. Вотъ что говоритъ намъ библейскій мудрецъ: *Сынъ мой, въ болѣзни твоей не будь небреженъ, но молись Господу, и Онъ исцѣлитъ тебя; оставь грѣховную жизнь и исправь руки твои и отъ всякаго грѣха очисти сердце. И дай мѣсто врачу, ибо и его создалъ Господь, и да не удаляется онъ отъ тебя, ибо онъ нуженъ* (Сир. XXXVIII, 9—12). Господь не требуетъ, чтобы мы отказались отъ своего ума, отъ силъ духовныхъ и тѣлесныхъ, и отъ тѣхъ благъ міра, которыя Самъ же Богъ сотворилъ и даровалъ человѣку въ полное обладаніе (Быт. I, 28). Кто думаетъ, что грѣшно пользоваться лѣкарствами, тотъ долженъ отказываться отъ воды и отъ пищи, потому что питье и питаніе тоже, какъ и лѣкарства, суть средства сохраненія нашей жизни и предохраненія отъ голодной смерти. И какъ разумъ и тѣлесныя силы помогаютъ человѣку въ сохраненіи и поддержаніи его жизни и въ добываніи средствъ для пропитанія себя и своихъ близкихъ, такъ точно разумъ человѣка помогаетъ ему отыскивать и нужныя лѣкарства отъ болѣзней для той же цѣли, т.-е. для сохраненія жизни. Древній библейскій мудрецъ гово-

рить, что *Господь отъ земли создалъ врачеванія, и благоразумный человекъ не будетъ пренебрегать ими* (Сир. XXXVIII, 4). Поэтому тотъ же мудрецъ совѣтуетъ: *Почитай врача честию по надобности въ немъ, ибо Господь создалъ его, и отъ Вышняго врачеваніе, и отъ царя онъ получаетъ даръ. Знаніе врача возвыситъ его голову, и между вельможами онъ будетъ въ почетъ. Для того Господь и далъ людямъ знаніе, чтобы прославляли Его въ чудныхъ дѣлахъ Его: ими Онъ врачуетъ человека и уничтожаетъ болѣзнь его. Приготовляющій лѣкарства дѣлаетъ изъ нихъ смѣсь, и чрезъ него бываетъ благо на лицѣ земли* (1—8). И смотрите, поучаясь, какъ и въ ветхомъ и въ новомъ завѣтѣ люди святые не пренебрегали внѣшними пособіями для исцѣленія ближнихъ отъ болѣзни. Моисей и словомъ чудодѣйственнымъ могъ сдѣлать воду въ пустыни здоровою, но онъ находить для этого особое древо, которое вложилъ въ воду и сдѣлалъ ее сладкою и тѣмъ прославилъ имя Божіе и спасъ народъ отъ смерти (Сир. XXXVIII, 5; ср. Исх. XV, 5); царю Езекии пророкъ, посланный къ нему для исцѣленія, накладываетъ на больное мѣсто *пластырь* и спасаетъ его (Ис. XXVIII, 23; 4 Цар. XX, 7). Ангель, посланный исцѣлить Товита отъ слѣпоты, указываетъ для сего сыну его лѣкарство — желчь отъ рыбы, и ею возвращаетъ больному зрѣніе (Тов. III, 10; VI, 3—9). Спаситель нашъ исцѣлялъ болѣзни словомъ, но нерѣдко употреблялъ и видимыя средства исцѣленія: слѣпому возвратилъ зрѣніе плюнованіемъ и возложеніемъ рукъ на очи; другому помазалъ очи брѣніемъ и повелѣлъ умыться въ купели Силоама; глухому и нѣмому возложилъ перстъ въ ухо и коснулся языка его (Мр. VIII, 22; Іоан. IX, 6). Одинъ изъ евангелистовъ — св. апостоль Лука былъ врачъ; онъ помогалъ врачеваніями другому великому апостолу — Павлу въ его немощахъ (Кол. IV, 14); много святыхъ были врачами: Косьма, Даміанъ, Киръ, Іоаннъ, Пантелеймонъ... Всѣ они, имѣя даръ чудотворнаго цѣленія болѣзней, весьма часто для исцѣленія болящихъ употребляли и земныя врачевства. Такимъ образомъ, служеніе врача есть по преимуществу служеніе милосердія и самоотверженія. Часто и предписанія врачей вполне совпадаютъ съ наставленіями слова Божія; особенно это нужно сказать о *воздержаніи*

въ пищу и питьё, о чистой и цѣломудренной жизни, о подавленіи въ себѣ гнѣва и страстей. Всего этого требуетъ отъ насъ врачебная наука въ полномъ согласіи съ заповѣдями Божиими. Невоздержаніе губительно въ такой болѣзни, какъ холера: но давно за этотъ грѣхъ и Господь наказывалъ евреевъ въ пустынѣ (Числь XI, 33). Вотъ почему поистинѣ слезъ и негодованія достойны тѣ люди, которые, какъ показываетъ опытъ прошлаго, въ тяжелыя годы холерныхъ и другихъ болѣзней стараются возбудить въ народѣ недовѣріе и вражду къ врачамъ, къ этимъ незамѣнимымъ помощникамъ страждущихъ и самоотверженнымъ дѣятелямъ, нерѣдко умирающимъ въ цвѣтѣ лѣтъ на своемъ высокомъ посту отъ заразы и истощенія силъ. Неудивительно, если это дѣлаютъ враги общественнаго порядка, которые всѣмъ готовы воспользоваться, лишь бы внести смуту въ народъ, которые никого и ничего не жалѣютъ, лишь бы достигнуть своихъ преступныхъ цѣлей; ихъ слушать, конечно, не долженъ никакой благоразумный человѣкъ. Но удивительно, когда эти безумныя мысли раздѣляютъ и повторяютъ, разумѣется, по простотѣ и невѣжеству, люди религіозные и благонамѣренные. Это стыдно и грѣшно. Что же ихъ возмущаетъ? Чаще всего то, что заболѣвшихъ обязываютъ непременно идти въ больницы. Но вѣдь за это благодарить надо; это дѣлается для того, чтобы зараза не распространялась. Недовольство высказываютъ и за то, что по распоряженію начальства гробы умершихъ отъ холеры сейчасъ же закрываютъ, не заносятъ въ церковь, заливаютъ въ могилахъ известью; зараженную одежду умершихъ сжигаютъ. Какъ ни тяжело это, но слѣдуетъ съ любовью подчиниться и такимъ распоряженіямъ ради любви къ людямъ, ради общей пользы, ради предохраненія здоровыхъ отъ заразы. Вѣдь все это не вредитъ мертвому: ему нужна милость Божія, наша любовь и наша о немъ молитва, а этого никто и ничто не можетъ отнять у нашихъ дорогихъ покойниковъ.

Итакъ, если слово Божіе повелѣваетъ намъ всегда *повиноваться всякому земному начальству Господа ради* (1 Петра II, 13), то теперь видимо для всѣхъ и ясно,—мы должны повиноваться распоряженіямъ начальства и ради насъ самихъ, и

ради ближнихъ. Въ такія тяжкія времена, когда насъ постигаютъ заразительныя болѣзны и вообще какія бы то ни было общественныя бѣдствія, и долгъ предъ Богомъ, и требованія совѣсти, и долгъ гражданскій, и требованія благоразумія,—все заставляеть насъ быть единодушными, согласными, покорными власти и всѣмъ ея распоряженіямъ относительно мѣръ борьбы съ бѣдствіемъ. Тогда, съ помощію Божіею, мы скоро достигнемъ того, что бѣдствіе прекратится.

Вотъ, возлюбленные братья, все, что намъ хотѣлось сказать вамъ по случаю переживаемыхъ нами тревожныхъ обстоятельствъ. Закljučаемъ слово наше священнымъ словомъ евангельскимъ: *Имѹщій уши слышать, да слышитъ*. Аминь.

Радость міру.*

Рождество Твое, Богородице Дѣво, радость возвѣсти всей вселеннѣй (Троп. праздн.).

Въ день, когда воспоминается рожденіе Пресвятой Богородицы, св. Церковь не находитъ другихъ словъ для восхваленія Ея, какъ эти только-что приведенныя слова: рожденіе Твое, Богородица Дѣва, принесло радость всей вселенной. Не сразу эта радость объяла весь міръ. Первые минуты самой высокой и святой радости были пережиты, какъ и при рожденіи всякаго ребенка, родителями новорожденной. Отецъ и мать Пресвятой Богородицы, праведные Іоакимъ и Анна, въ глубокой старости, послѣ усердной и слезной молитвы удостоились рожденія ребенка. Они первые и радовались этому рожденію. Но скоро радость, которую принесла Новорожденная Марія тѣсному кругу родителей и родственниковъ, все больше и больше расширяется, все больше и больше исполняетъ сердца всѣхъ окружающихъ. Она—радость и утѣшеніе священниковъ

* Слово въ прѣдвѣднѣхъ Рождества Пресв. Богородицы 8 сентября 1903 г. въ церкви станицы Ново-Александровской, Куб. обл.

и благочестивыхъ женщинъ въ тѣ дни, когда росла и воспитывалась при храмѣ Иерусалимскомъ. Она—радость и утѣшеніе старца Іосифа, которому Она была обручена, какъ жена, и которому, не будучи на самомъ дѣлѣ женою его, Она по обычаямъ того времени служила, какъ своему господину, въ его бѣдномъ домѣ, въ его старости, въ его потухающей и умирающей жизни. Она—радость и похвала всей семьи Іосифа, для которой Она трудилась, не гнушаясь никакими работами, ведя бѣдное и незатѣйливое хозяйство своими руками. Она—радость и похвала всѣхъ окружающихъ въ городѣ Назаретѣ, гдѣ Она цвѣла и благоухала чистотою, скромностью, кротостью, милосердіемъ. Она, радость и украшеніе семьи, города, становится радостью для всего міра, когда святостью жизни и чистотой души привлекла къ себѣ милость свыше и избрана Матерью Спасителя міра. И чѣмъ больше сіяла слава Ея Божественнаго Сына, чѣмъ больше и больше расширялось на землѣ Его царство, чѣмъ больше число людей вѣровало въ Него, тѣмъ больше радости приносила міру Богородица. И при жизни Спасителя Она, кроткая и молчаливая, открывала уста свои только тогда, когда нужно было просить милости нуждающимся, на примѣръ, на бракъ въ Канѣ Галилейской. Послѣ же Его смерти Она вся отдалась благотворенію и молитвѣ, а послѣ своего отшествія отъ земли на небо, явившись апостоламъ, Она общала не оставить міръ молитвою, милосердіемъ и заступленіемъ. И понынѣ Она—радость и утѣшеніе христіанскому міру. Сколько Ея храмовъ, сколько чудотворныхъ иконъ, сколько чудесъ милости, особенно въ нашемъ православномъ царствѣ русскомъ! Не напрасно величаютъ Ее, какъ и вы въ каждое воскресеніе величаете: „Заступница усердная, нашихъ одѣяніе, ненадѣющихся надежда, немощствующихъ врачъ, обуреваемыхъ пристанище, христіанъ всѣхъ заступленіе и вспоможеніе“. ¹⁾ Такъ, воистину, рождество Богородицы и жизнь Ея радость возвѣстили всей вселеннѣй.

Братіе возлюбленные! Для каждого изъ насъ, если мы только не напрасно и не лживо почитаемъ Богородицу, для

¹⁾ Въ концѣ литургіи въ станицѣ заведень обычай гдѣ „Всепѣтухъ“ и читать молитву изъ молебствія Богоматери, помѣщеннаго въ Часословѣ.

каждаго изъ насъ поставлена та же задача: и мы должны сѣять кругомъ себя радость, и мы должны жить на радость окружающихъ насъ людей. Конечно, мы не можемъ даровать радости вселенной,—мы для этого слишкомъ слабы и слишкомъ незначительны. Но, по крайней мѣрѣ, въ той средѣ, въ той мѣстности, гдѣ мы живемъ, среди людей, съ которыми мы соприкасаемся, мы должны водворить и насадить радость. Тогда изъ малаго въ общей сложности совершится великое. Если маленькія снѣжинки зимою, падая одна рядомъ съ другой, покрываютъ всю землю снѣжнымъ сплошнымъ покровомъ, если вода, капля за каплей падая изъ тучъ, затопляетъ землю, наполняетъ и образуетъ ручьи, рѣки и моря: то тѣмъ болѣе радость и отрада, добро и любовь каждая изъ насъ, соединяясь вмѣстѣ, наполнять всю землю и обратятся во всемірную радость. Такъ мы всѣ вмѣстѣ сможемъ быть подражателями Богоматери.

Такъ ли бываетъ на самомъ дѣлѣ?

Братіе, каждый изъ насъ въ свое время родился, былъ маленькимъ ребенкомъ, подобно родившейся Богородицѣ. И наше рожденіе въ міръ по большей части внесло радость въ тѣсный семейный кругъ: порадовался отецъ, улыбнулась мать, забывъ муки и скорби рожденія, и радостью наполнилось ея сердце; поздравляли ее и отца родные и знакомые, приходилъ служитель Церкви и именемъ Божиимъ ввелъ насъ въ стадо Христово, нарекъ христіанское имя, крестилъ во славу Пресвятой Троицы. Богъ послалъ каждая изъ насъ въ міръ, окружилъ въ семьѣ любовью и радостью и повелѣлъ, чтобы мы и сами возрастали въ любви на радость нашимъ близкимъ, на радость семьѣ, на радость людямъ, на радость нашей дорогой родинѣ—святой и великой Руси, на радость общей Матери нашей—Церкви Православной. Богъ послалъ насъ въ міръ для этого, и каждому далъ силы и способности, далъ кругъ людей, мѣсто и время жизни и повелѣлъ творить Его волю. Что же сдѣлали мы?

Видѣли ли вы, братіе, богатое поле съ обильнымъ и прекраснымъ урожаемъ? Стоитъ на немъ хлѣбъ стѣною, колосья гнутся до земли, отливая золотомъ, ожидая и призывая жатву

и косьбу. Стоитъ предъ этимъ полемъ хозяинъ его и радостью полно его сердце; онъ ждетъ обильной жатвы, онъ раскидываетъ умомъ будущіе доходы. Но вдругъ пронесится надъ землею жестокая буря, стала градовая туча, полилъ дождь, выпалъ градъ и въ одну минуту избилъ, опустошилъ дорогое поле: полегла на землю богатая нива, избилю градомъ золотые колосья, жалко стоятъ одинокія оставшіяся избитыя былинки... Что чувствуетъ хозяинъ при видѣ этого погибшаго поля, его надежды и кормильца,—вы сами знаете. Наша жизнь—то же избитое и опустошенное поле. Богъ послалъ насъ въ міръ творить волю Его, нести радость людямъ и всему Божьему міру; сколько наедждь возлагали на насъ родные, чего-чего не ждала отъ насъ Церковь Божія!.. Трудиться бы намъ только, да работать, исполняя Божьи заповѣди, сохраняя себя въ чистотѣ и святости: но вотъ пришла юность, пришло мужество, налетѣла буря страстей, пьянства, распутства, злобы, воровства, зависти, сквернословія,—и побило градомъ нашу духовную ниву! Погибли цвѣты нашей жизни—невинность, кротость, смиреніе, незлобіе, и вмѣсто радости вокругъ насъ стеномъ стоитъ горе и злосчастье: плачутъ жены отъ драки и брани пьяныхъ мужей, плачутъ отцы и матери, престарѣлые и слабые, слыша грубость, видя побои отъ дѣтей, повыплачутъ они очи, не хотятъ смотрѣть на свѣтъ, просятъ себѣ смерти и раскаиваются, что породили въ міръ такихъ безпутныхъ дѣтей; плачетъ хозяйство у пьянаго хозяина, плачетъ безъ корма и ухода безсловесный скотъ, плачетъ сама земля-кормилица съ полями и деревьями, которыя являются жертвами дурного обращенія дурныхъ людей. Не жизнь, а смерть и разореніе, не достатокъ, а одну нищету сѣветъ вокругъ себя грѣшникъ. А что въ общественной жизни? Взаимная зависть, злоба, обманъ, недоувѣріе; другъ на друга клеветуютъ, другъ другу завидуютъ; постоянныя ссоры, вездѣ несогласіе, нѣтъ общаго труда, нѣтъ общей заботы о дѣлахъ! Вотъ что сѣемъ мы вокругъ себя, вотъ чѣмъ оплачиваемъ Господу за то, что Онъ призвалъ насъ въ міръ рожденіемъ! А смотря на насъ, въ тѣхъ же грѣхахъ вырастаютъ и дѣти: имъ вѣдь для подражанія нужны не слова, а дѣла наши. Если же дѣла наши—одно зло, то и

дѣти учатся одному злу. Такъ мы не только сами не даемъ радости міру, но отнимаемъ и убиваемъ ее и въ будущемъ въ лицѣ нашихъ дѣтей.

Пусть же все это станетъ у нашего сердца въ нынѣшній день прославленія Богородицы. Она рожденіемъ своимъ принесла радость всей вселенной. Постараемся подражать Ей. Постараемся доставлять радость всему окружающему; будемъ, подобно Богородицѣ, тверды въ вѣрѣ, въ исполненіи заповѣдей Господнихъ, будемъ кротки, трудолюбивы, трезвы, будемъ относиться къ людямъ съ любовью и расположеніемъ,—и тогда мы воистину будемъ подражателями Богородицѣ, тогда и наше рожденіе въ мірѣ и наша жизнь въ мірѣ принесутъ радость и счастье людямъ. Аминь.

Христось и дѣти.*

Вы слышали сейчасъ, дѣти, священный рассказъ евангелія о томъ, какъ Господь Иисусъ Христось любилъ и ласкалъ дѣтей, какъ Онъ Своимъ апостоламъ и всѣмъ вѣрующимъ указывалъ на дѣтей и повелѣлъ, чтобы и взрослые люди были по вѣрѣ, чистотѣ и незлобію похожи на дѣтей. Что же и мы другое можемъ сказать вамъ послѣ этихъ словъ Христовыхъ? Если и взрослымъ приказано подражать дѣтямъ, то дѣти должны быть самими собою, т.-е. именно дѣтьми какъ можно дольше. Что прилично дѣтямъ? Слушать старшихъ, съ довѣріемъ къ нимъ относиться, учиться, и учиться усердно, быть кроткими, незлобивыми. Дѣти охотно шли къ Иисусу Христу отъ своихъ матерей, любили слушать Его, любили быть съ Нимъ, около Него. Идите и вы ко Христу, слушайте Его слово, будьте поближе къ Нему: вы найдете Иисуса Христа въ церкви, въ молитвѣ, вы услышите Его въ евангеліи и въ из-

* Въ тотъ же день въ станічной школѣ на мелеонѣ предъ началомъ ученія.

ученіи Закона Божія въ школѣ, вы не только будете вблизи Иисуса Христа, но соединитесь съ Нимъ въ молитвѣ, въ св. таинствахъ, особенно во святомъ причащеніи. Во дни Иисуса Христа, когда къ Нему подходили дѣти, взрослые имъ препятствовали. Теперь, напротивъ, васъ и сейчасъ привели ко Христу и будутъ постоянно приводить къ Нему. Если же, чего Боже сохрани, кто изъ взрослыхъ сталъ бы мѣшать вамъ, то и власть церковная, и царская твердо скажетъ имъ такими словами Господа: „Оставьте дѣтей приходить ко Христу и не препятствуйте имъ!“

Вы начинаете ученіе въ праздникъ рожденія Богородицы; о Ней церковная пѣснь воспѣваетъ: Рожденіе Твое, Богородице Дѣво, принесло радость всей вселенной.

Отъ души желаемъ и вамъ, чтобы и ваше рожденіе, которое было такъ недавно, и ваше ученіе принесло только радость вашимъ родителямъ, вашей семьѣ, станицѣ, родинѣ нашей и св. Церкви. Будьте добрыми и хорошими дѣтьми, будьте хорошими и добрыми учениками и товарищами другъ другу; тогда вы будете современемъ хорошими и добрыми людьми и дѣятелями, и принесете радость окружающей жизни.

Благословеніе Господне на васъ, Того благодатію и чело-вѣколюбіемъ всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Вѣчная побѣда вѣры.*

Сія есть побѣда, побѣдившая міръ,—
вѣра наша (1 Иоан. V, 4).

Это слова св. апостола Іоанна,—глубокія вѣковѣчныя слова! Остановимся на нихъ сегодня вниманіемъ и ради ихъ глубокаго смысла, и ради примѣненія къ переживаемому времени, и ради памяти св. апостола, изрекшаго ихъ Духомъ Божиимъ.

* Слово въ день св. ап. Іоанна Богослова; сказано 26 сент. въ Іоанно-Богословск. церкви г. Тифлиса.

Въ храмѣ, посвященномъ его имени, они особенно знаменательны.

Когда были сказаны эти слова? Они были сказаны въ то время, когда христіане переживали дни гоненій и преслѣдованій, когда одно названіе христіанина уже грозило пытками и смертью, когда новорожденная Церковь Христова крестилась огненнымъ крещеніемъ, а міръ, въ которомъ жили и дѣйствовали апостолы, переживалъ глубокой переломъ, весь охваченный борьбою старыхъ началъ издыхавшаго язычества съ новыми началами небеснаго благовѣстія Христова. Тяжелые то были дни и тяжело вспоминать о нихъ! Кровь христіанъ лилась рѣкою, ихъ жизнь и смерть были омрачены всеобщимъ презрѣніемъ, отравлены клеветою и преслѣдованіями. Міръ, о которомъ говоритъ апостоль въ приведенномъ изреченіи,—подразумѣвая подь этимъ словомъ все враждебное, во злѣ лежащее (1 Іоан. V, 19), противоположное святымъ и чистымъ завѣтамъ Царства Божія на землѣ,—этотъ міръ всѣми своими силами обрушился на христіанство: императоры и правители истязали христіанъ судебными преслѣдованіями, мечомъ воиновъ, ограничительными законами и кровавыми карами; поэты и ученые и устно и въ письменныхъ произведеніяхъ высмѣивали христіанское ученіе, а все это вмѣстѣ взятое разжигало народъ, руководимый жрецами отживающей религіи, разжигало дикую толпу, всегда склонную къ легковѣрію и жестокости; эта толпа измышляла, принимала на вѣру и распространяла самыя нелѣпыя клеветы на христіанъ, влекла ихъ на судилища, бросала въ цирки и театры на позоръ, на съденіе звѣрямъ, на издѣвательства палачей и тюремщиковъ, на всѣ виды казни. Несчастные въ жизни и несчастные въ смерти,—такъ говорили о христіанахъ язычники.

Но не здѣсь было главное препятствіе для христіанства, для дѣла благовѣстія апостольскаго. Главное препятствіе лежало въ глубинѣ самого духа человѣческаго, въ его грѣховности, въ его склонности ко злу, въ его безсиліи подняться къ свѣту и правдѣ. Какъ поднять общество, погрязшее въ грѣхѣхъ и порокахъ? Какъ пересоздать его? Какъ среди привычнаго себялюбія, жестокости, грубой чувственности, среди царя-

шаго рабства, насилія и безправія заговорить объ узкомъ пути царства Божія, о чистотѣ, великодушїи, любви, самоотреченїи? Какъ въ обществѣ, гдѣ великодушїе считалось слабодушіемъ, а милосердіе—глупостью, проповѣдывать о христіанскомъ смиренїи, о любви и жалости къ меньшимъ братьямъ? Какъ проповѣдывать, напрімѣръ, что блаженнѣе давать, чѣмъ принимать, когда это означало упраздненїе всего строя жизни, ниспроверженїе всѣхъ ея вѣками освященныхъ основъ, за которыми слѣдовало разрушенїе тысячи видовъ благосостоянїя, установившихся положенїй жизни и проч. Вотъ гдѣ была трудность благовѣстїя Христова, и естественно, что „міръ“ встрѣтилъ его враждебно и ополчился противъ него ожесточенно.

И все-таки міръ этотъ былъ побѣжденъ. Силу, которая совершила побѣду, и указываетъ св. апостоль: *Ся есть побѣда, побѣдившая міръ,—вѣра наша*. И до Христа человѣчество знало эту силу, потому что она прирождена существу человѣка, но несомнѣнно, только Спаситель показалъ, какъ велика эта сила и что она можетъ сдѣлать; въ этомъ смыслѣ Онъ какъ бы воссоздалъ и открылъ ее въ человѣкѣ. Кто хочетъ убѣдиться въ этомъ, тотъ пусть прочитаетъ или прослушаетъ только одну страницу евангелїя.

И воистину, святая вѣра явилась христіанскимъ всеоружїемъ. Въ личной жизни христіанъ она дала имъ необычайную ясность духа, твердость исповѣданїя и жизненнаго оправданїя и исполненїя Христова евангелїя, породила сонмы мучениковъ, украсила для нихъ радостью мучительные часы пытокъ, облегчила, даже облаженствовала самый часъ смертный. Чтобы идти на пытки, на костры, на мученїя и смерть не только твердо и спокойно, но съ радостью, для этого нужно было имѣть силу нездѣшняго міра; ее давала вѣра. Въ жизни же Церкви, въ ея безкровной борьбѣ съ налегавшею тьмою язычества, съ языческими тлетворными и грѣховными началами, вѣра наша, дѣйствительно, явила чудеса побѣды! Она дала силы безсильнымъ, она украсила человѣчество великимъ сонмомъ святыхъ, она пересоздала людскїя отношенїя; не прошло полныхъ трехъ вѣковъ со дня ея проповѣданїя въ міръ, какъ гордый міръ склонился предъ нею; отъ хижинъ рабовъ.

отъ подонковъ общества, отъ всего худороднаго и немощнаго, гдѣ на первыхъ порахъ и нашло себѣ послѣдователей евангеліе, она проникла во дворъ кесарей, возсѣла на ихъ престолахъ и въ знамени креста Господня осѣнила, возвеличила и осмыслила вѣнцы и скипетры державныхъ царей. И много-много въ теченіе послѣдующихъ вѣковъ св. вѣра наша явила знаменій побѣды. Не разъ людскія сердца, охваченныя отчаяніемъ, томились пустотою и были близки къ погибели; не разъ общества человѣческія переживали времена разложенія и паденія,—и всякій разъ, если они не забывали вѣры, то и отдѣльныя лица и цѣлыя общества въ ней одной находили спасающее начало, возрождались, очищались, становились способными къ новой жизни.

Что сказать о переживаемомъ нами времени? Жизнь личная каждаго изъ насъ никогда не свободна отъ горестей, слабостей, паденій, не свободна отъ гнетущаго чувства унынія, туманомъ застилающаго душевный міръ, когда руки опускаются предъ жизнью и дѣятельностью и сердце охватываетъ гнетущее отчаяніе.

Что сказать о жизни общественной? Она усложнилась до чрезвычайности, она вызываетъ на печальныя размышленія. Кажется, что и мы переживаемъ глубокой переломъ. Произошли коренныя перемѣны въ отношеніяхъ сословныхъ, рѣзко до неузнаваемости измѣняются матеріальныя условія жизни; беспокойно стало кругомъ, многое замутилось; новыя ученія, противныя евангелію, проповѣдуются громко и открыто, новыя понятія вторгаются въ умы людей и широко распространяются въ міръ. Всмотрись, вдумайся въ нихъ, и видишь: вѣдь это старые знакомцы! Это „належащая мгла языковъ“, о которой упоминается въ сегодняшней церковной пѣсни въ честь апостола; это языческія начала жизни, не издохшія окончательно даже чрезъ двадцать вѣковъ христіанства. Они приняли только иной обликъ, приспособились къ времени, получили только иное названіе, а по существу остались неизмѣнными. Эта анархія, революція, социаль-демократія, о которыхъ не хочется даже упоминать въ этомъ священномъ мѣстѣ; эти бунты и попытки насильно сдѣлать общими имущества имущихъ; эти тайныя и

явныя убійства, возводимыя въ геройство; это господство капитала и золотого тельца; это ученіе о необходимости стать внѣ, по ту сторону добра и зла и сдѣлаться сверхчеловѣкомъ, какъ нынѣ принято выражаться; эти насмѣшки надъ жалостью и милосердіемъ и преклоненіе предъ наглою силою и дерзостью зла, преступленія и чувственности, что мы видимъ и читаемъ у современныхъ модныхъ писателей, нерѣдко и открыто проповѣдующихъ о „воскресшихъ богахъ древности“,—все это не иное что, какъ отродившееся язычество, однажды уже показавшее, что оно не въ силахъ благоустроить жизнь людей; все это законы жизни животной, а не людской. По плодамъ ихъ узнаете ихъ (Матѣ. V, 16). Посмотрите на эти плоды въ современной жизни: васъ поразить разливъ преступленій, дикихъ, ужасающихъ, непонятныхъ по жестокости; васъ испугаетъ пониженіе нравственнаго чувства, при общемъ возвышеніи разсудочныхъ знаній, при умноженіи школъ всякаго рода; васъ изумитъ наблюдаемое духовное одичаніе современнаго человѣчества, при всѣхъ видимыхъ успѣхахъ его внѣшней жизни.

Падать ли духомъ и предаваться ли отчаянію при видѣ всего этого? Въ день памяти апостола перенесемъ ко времени апостоловъ. Вѣдь они и наши учителя. Выслушаемъ же ихъ бодрящій призывъ и завѣтный урокъ: *сія есть побѣда, побѣдившая міръ,—вѣра наша*. Что бы ни случилось въ нашей личной жизни, какъ бы ни было тяжело кругомъ насъ въ жизни общественной и государственной: будемъ хранить вѣру въ Бога, вѣру въ Его Промыслъ, ведущій людей къ совершенству и счастью, вѣру въ созидательную и животворную силу Христова благовѣстія. Какъ бы ни была темна налегающая мгла язычества,—о, свѣта, даже и самаго незначительнаго, она не задавить, и свѣтъ этотъ изъ искорки всегда можетъ разгорѣться въ яркое пламя при благоприятныхъ условіяхъ! А условія благоприятныя—наша твердость въ вѣрѣ и ея жизненномъ осуществленіи. Въ день памяти апостола, при видѣ этого сонмачтущихъ его христіанъ, его учениковъ и послѣдователей, въ этомъ молитвенномъ собраніи да будетъ на устахъ и въ сердцахъ нашихъ и молитва апостольская: *Господи, умножь въ*

насъ вътру! (Лук. XVII, 5). Ибо знаемъ мы и исповѣдуемъ: побѣда, побѣждающая міръ, во злѣ лежацій, есть вѣра наша! АМИНЬ.

Журналистъ, служитель добра.*

Умеръ труженикъ печатнаго слова, четверть вѣка прослужившій русской журналистикѣ. Не дологъ вѣкъ русскаго литератора: это общеизвѣстный фактъ. Поэтому двадцать пять лѣтъ работы въ области печатнаго слова для нашей русской жизни есть срокъ не малый и во всякомъ случаѣ совершенно достаточный для того, чтобы вполне выяснились направленіе и обликъ литературной дѣятельности писателя, чтобы опредѣлились тѣ залоговыя высшихъ и свѣтлыхъ чаяній, съ какими естественно приступить къ заупокойной молитвѣ объ умершемъ.

Каковы эти залоговыя и что они говорятъ намъ въ настоящія молитвенныя минуты?

Какъ рѣчь умирающаго должна быть правдива и чужда постороннихъ для истины соображеній, такъ и рѣчь о покойникѣ предъ молитвой о немъ, предъ лицомъ Бога живыхъ и мертвыхъ, пусть будетъ правдива и искренна, пусть будетъ чужда лести и условныхъ похвалъ.

Въ старое, хотя и не очень далекое время, русскіе литераторы были большей частью людьми, особо отмѣченными перстомъ Божиимъ: это часто были гиганты мысли, властители думъ, духовные вожди современныхъ имъ поколѣній, люди, одаренные крупными талантами, съ печатью генія, люди, имена которыхъ нерѣдко означали эпоху въ исторіи общественной мысли, въ родной литературѣ. Не таково переживаемое нами время. Въ наши дни крупные писатели слишкомъ рѣдки, въ

* Рѣчь при поминаніи бывшаго редактора газеты „Кавказъ“ К. Н. Вѣгичева, 22-го октября 1903 года. Покойный состоялъ сотрудникомъ „Духъ Вѣсти“, помѣщая статьи за подписью К. В. въ 1901 и 1902 гг.

наши дни, напротивъ, главнымъ образомъ преобладаетъ работа рядовыхъ газетныхъ и журнальныхъ дѣятелей, большею частью незамѣтныхъ и не пользующихся широкою извѣстностью, работающихъ изо дня въ день, пишущихъ о предметахъ обыденныхъ, на темы злободневныя. Можно назвать тысячи тружениковъ, десятками лѣтъ работающихъ перомъ честно и неустанно—и не создавшихъ ни одного крупнаго и яркаго произведенія, которое было бы связано съ именемъ автора навѣки.

Покойный не былъ крупнымъ и выдающимся писателемъ; онъ принадлежалъ къ послѣднему изъ указанныхъ разряду литературныхъ работниковъ. Что же, умаляетъ ли это его работу? Даетъ ли кому право отказать ему въ признаніи заслугъ, въ положительной литературной и общественной оцѣнкѣ?

Но помимо высочайшаго и трогательнаго ученія нашего Божественнаго Спасителя о томъ, что каждый изъ насъ отвѣственъ предъ судомъ высшей правды въ мѣру данныхъ ему талантовъ и въ мѣру работы сообразно этимъ талантамъ, помимо этого,—самое занятіе текущею литературою газетною и журнальною, самый трудъ рядовыхъ и простыхъ работниковъ печати, несмотря на кажущуюся и видимую его простоту и незначительность, достойны вниманія и имѣютъ огромное значеніе въ жизни. Литература такого рода—мечъ обоюдоострый. Отмѣчать и заносить на страницы прессы, въ лѣтопись общественной жизни, факты и явленія современности, группировать ихъ, освѣщать, истолковывать—это значитъ каждый день занимать вниманіе читателей и ихъ постепенно *воспитывать* въ томъ или другомъ міровоззрѣніи. Каждый болѣе или менѣе опытный читатель, каждый потрудившійся газетный работникъ хорошо знаетъ, что значить „читать между строкъ“, каждый знаетъ, что иногда умолчаніе о томъ или другомъ фактѣ или явленіи несравненно краснорѣчивѣе, чѣмъ подробное его обсужденіе... И каждый же знаетъ, какую страшную силу общественнаго созиданія или общественнаго разложенія имѣетъ такая неуловимая тенденція газеты... Да, здѣсь, не высказываясь прямо и открыто, можно съ равнымъ успѣхомъ служить и началамъ жизни положительнымъ, и началамъ отрицательнымъ, разрушительнымъ.

Поминаемъ усопшаго труженика печатнаго слова, нашего соработника, собрата по органу печати; сегодня и сейчасъ вдали отъ насъ опускають въ могилу его бездыханное тѣло, а мы, его близкіе, здѣсь, въ духовномъ общеніи съ нимъ, собрались помолиться о немъ Богу живыхъ и мертвыхъ. Что же мы чувствуемъ предъ этою молитвою въ виду только-что сказаннаго нами о значеніи и направленіи печатнаго слова? Какимъ началамъ: положительнымъ или отрицательнымъ служилъ покойный въ своей литературной работѣ? Чему онъ посвящалъ свое перо: созиданію или разрушенію? Подчеркивалъ ли онъ одно зло, замалчивалъ ли добро? Группировалъ ли и освѣщалъ ли факты и явленія жизни въ цѣляхъ озлобленія, смуты умовъ и сердець, или сѣялъ вокругъ себя сѣмена вѣры, добра, любви, согласія и мира? Отъ того или другого отвѣта на эти вопросы зависятъ наши о немъ чаянія и надежды: изыдетъ ли онъ, по слову евангелія, въ воскресеніе живота, или въ воскресеніе суда (Іоанн. V, 29).

Мы знали покойнаго, мы читали написанныя имъ строки, мы слѣдили за органами печати, которыми онъ руководилъ. И мы можемъ засвидѣтельствовать предъ лицомъ Бога и людей: онъ служилъ посредствомъ пера добрымъ, положительнымъ началамъ жизни, онъ служилъ русскому церковному и государственному дѣлу въ мѣру силъ и разумѣнія, онъ способствовалъ укрѣпленію въ умахъ и сердцахъ завѣтовъ вѣры, повиновенія власти, любви и мира. Въ этомъ залогъ дерзновенія нашей о немъ молитвы и залогъ свѣтлыхъ о немъ надеждъ въ жизни загробной.

Да проститъ его Господь въ вольныхъ и невольныхъ его прегрѣшеніяхъ, да покроетъ его Своею милостью, любовнымъ ходатайствомъ Церкви Христовой, молитвами и любовью добрыхъ людей, его присныхъ и знаемыхъ! Миръ его праху и вѣчный покой его доброй душѣ! Аминь.

Вѣра и невѣріе.*

Свѣтъ намъ ярче и дороже послѣ мрака, тепло—послѣ холода, радость жизни и здоровья—послѣ тяжелой болѣзни. Вотъ почему св. Церковь, чтобы ввести насъ въ духъ и смыслъ и въ высокую радость нынѣшняго торжества, какъ въ послѣдніе дни предъ праздникомъ, такъ отчасти и сегодня обращаетъ наше вниманіе на время до рождества Христова, на праотцевъ и отцевъ Ветхаго Завѣта. Она слѣдуетъ въ этомъ наставленію св. апостола Павла, который писалъ современнымъ ему христіанамъ: припоминайте себѣ то время, когда вы были безъ Христа (Еф. II, 11—12). Теперь, послѣ того какъ христіанство воспитывало человѣчество въ теченіе вѣковъ, когда ясны плоды его въ исторіи міра, еще поучительнѣе будетъ исполнить завѣтъ апостола. Послѣдуемъ же мудрому водительство Церкви, и въ образахъ священныхъ лицъ—праведниковъ Ветхаго Завѣта, найдемъ для себя источникъ благоговѣйныхъ чувствъ и поучительныхъ размышленій въ нынѣшній праздникъ.

Какой величественный многочисленный сонмъ представляется духовному взору нашему при этихъ воспоминаніяхъ! Сколько разнообразія представляется въ этихъ священныхъ лицахъ, начиная отъ Адама и кончая послѣдними праведниками, жившими непосредственно предъ временемъ рожденія Богочеловѣка! Вникнемъ, однако, въ ихъ духовные образы, присмотримся къ нимъ глубже и внимательнѣе: не найдемъ ли въ этомъ многочисленномъ сонмѣ, во всѣхъ этихъ отцахъ и праотцахъ, чего-то одинаго и общаго? Это единое и общее указываетъ намъ св. апостоль Павелъ въ томъ мѣстѣ своего посланія къ евреямъ, которое, по церковному уставу, предлагается намъ въ литургійномъ апостольскомъ чтеніи послѣдняго предъ праздникомъ воскреснаго дня (Евр. гл. XI-я). Высокимъ воодушевленіемъ, вдохновенно звучитъ слово его, когда онъ

* Слово въ праздникъ Рождества Христова.

говорить здѣсь о духѣ и основѣ всего Вѣтнаго Завѣта; образъ за образомъ проходятъ предъ нами въ его изображеніи эти праотцы и отцы народа богоизбраннаго, и у всѣхъ у нихъ видится одна печать на челѣ, и огненными буквами начертано на ней одно священное слово: *тѣра*.

Съ тѣхъ поръ, какъ падшему праотцу людей въ часъ скорби и покаянія, въ часъ, когда прошлое отходило отъ него въ свѣтлыхъ, невозвратныхъ воспоминаніяхъ, какъ свѣтлая надежда для неизвѣстнаго и темнаго будущаго, какъ отрада жизни, дано первоевангеліе о Христѣ-Мессіи: съ тѣхъ поръ, все усиливаясь и развиваясь, просвѣтляемая и восполняемая Божественнымъ Откровеніемъ, пламенная вѣра въ этого Мессію сопровождала древняго человѣка на всѣхъ путяхъ его. Авель, Сиеъ и Ной; Авраамъ, Исаакъ и Іаковъ; Моисей и судьи; благочестивые цари и пророки,—всѣ они жили вѣрою въ грядущее, и среди превратностей жизни, среди всѣхъ ударовъ судьбы, среди всѣхъ несчастій, этого печальнаго наслѣдія грѣха и преступленія, неизмѣнно обращали свои взоры къ тому свѣтлому и великому будущему, въ которомъ имъ видѣлось написаннымъ имя обѣтованнаго Мессіи. Прекрасно и образно представлено это у пророка Исаи: кругомъ нависла надъ человѣчествомъ темная, непроглядная ночь; пророкъ стоитъ на-стражѣ и слышитъ нетерпѣли вывопросъ,—вопросъ томительнаго, напряженнаго ожиданія: *Сторожь! сколько ночи? Сторожь! сколько ночи? Сторожь отвѣчаетъ: еще ночь, но приближается утро...* (Ис. XXI, 11—12). Такъ было съ народомъ, но въ его представителяхъ, въ носителяхъ его вѣры, къ избранникамъ Божиимъ это ожиданіе Мессіи въ полномъ смыслѣ слова и съ особою силою заполняло всю душу, всѣ помыслы, всѣ интересы жизни.

Мессія! Мессія!.. Нужно представить, какимъ огнемъ воодушевленія загорался взоръ Израиля при этомъ благословенномъ имени! Какая жизнь и радость, какой свѣтъ и утѣшеніе наполняли душу при благовѣсти о Немъ! И въ какихъ только умилительныхъ образахъ не предносилось Божественное Лицо Его взору и чувству Израиля! Языкъ истощался, не находя достаточно словъ и выраженій: Примиритель, Пророкъ, Эмма-

нуиль, Звѣзда отъ Іакова, Ангель завѣта, Свѣтъ, Желанный, Обѣтованный, Царь мира, Богъ крѣпкій, Отець будущаго вѣка... Какъ непрерываемый свѣтлый потокъ, какъ источникъ самыхъ свѣтлыхъ надеждъ, укрѣпляя, созидаая, воспитывая народъ, вѣра въ Мессію сохранила въ подзаконномъ еврейскомъ мірѣ все доброе и ко днямъ Новаго Завѣта дала цвѣтъ и плодъ въ лицѣ Захарія и Елисаветы, Іоакима и Анны, Преподобнословенной Дѣвы, Іоанна Предтечи, смиренныхъ пастырей Вишелеема, Симеона и Анны, первыхъ апостоловъ и другихъ благочестивыхъ лицъ, послѣднихъ праведниковъ отходящаго Завѣта Ветхаго, которые въ числѣ первыхъ окружили и встрѣтили вѣрою родившагося Богочеловѣка. Но до этого счастья дожили немногіе; всѣ прочіе отцы и праотцы древности представляются, какъ скорбные образы: *„всѣ они,—говоритъ апостоль,—умерли въ вѣрѣ, не получивъ обѣтованій (въ исполненіи), а только издали видѣли ихъ и радовались, и говорили о себѣ, что они странники и пришельцы на землѣ“* (Евр. XI, 13). Но изъ глубины временъ, изъ-подъ тягости горя возводили они слезащіяся очи къ Мессіи,—и въ этомъ находили силы жизни и подвига, радость надежды, залогомъ свѣтлаго будущаго.

Братіе христіане! При мысли объ этихъ праведникахъ Ветхаго Завѣта, жившихъ вѣрою въ Мессію грядущаго, не припоминаются ли вамъ слова Мессіи пришедшаго и воплощеннаго, сказанныя ко всѣмъ Его послѣдователямъ: *„Ваши блаженны очи, что видятъ, и уши ваши, что слышатъ. Ибо истинно говорю вамъ, что многіе пророки и цари и праведники желали видѣть, что вы видите, и не видѣли, и слышать, что вы слышите, и не слышали“* (Мѡ. XIII, 16—17; ср. Лук. X, 24).

Да, мы явились наслѣдниками пламенныхъ ожиданій древняго Израиля и всего древняго міра! И если вѣра въ Грядущаго преисполняла силами и бодростью и дѣлала радостными странниковъ и пришельцевъ на землѣ, то какою свѣтлою радостью должна исполнить вѣра насъ, сыновъ Новаго Завѣта! О, тысячекратно блаженны мы, христіане, сыны Божіи *вѣрою* о Христѣ Іисусѣ (Гал. III, 26), мы чрезъ вѣру—наслѣдники неба (IV, 7), мы чрезъ вѣру—члены того малаго стада, кото-

рому, нечего страшиться! (Лук. XII, 32.) Въ вѣкъ, когда мысль человѣческая какъ бы покусилась на самоубійство, потерявъ надежду когда-либо узнать истину, въ вѣкъ, когда философія послѣ господства цѣлаго ряда ученій, взаимно другъ друга уничтожавшихъ, пришла къ сознанию своего полного безсилія, — Иисусъ Христосъ заявилъ, что Онъ на то родился и на то пришелъ въ міръ, чтобы свидѣтельствовать *объ истинѣ* (Іоанн. XVIII, 37). Онъ не только объявилъ, что возрожденіе человѣка возможно, но и указалъ, какъ осуществить его; Онъ создалъ нравственную силу, которую мало зналъ одряхлѣвшій языческій міръ, — силу, которая въ состояніи волновать сердца людей до самой глубины и дѣлать ихъ способными на самые возвышенные подвиги; и эта сила есть *вѣра*. Ею Христосъ, дѣйствительно, облагодѣтельствовалъ человѣчество; ею Онъ, дѣйствительно, возвратилъ на путь благочестія столько падшихъ людей, что числа ихъ невозможно перечестъ. Гдѣ философія, въ самыхъ высшихъ проявленіяхъ своихъ, никогда не могла создать прочныхъ убѣжденій и, заставляя человѣка мучительно вращаться въ области предположеній, догадокъ и вѣроятностей, осуждала духъ его на вѣчное томленіе, — тамъ вѣра явилась, какъ возрождающая сила, и миллионамъ людей дала прочную и вѣковѣчную основу мысли и жизни: освѣтила прошлое, осмыслила настоящее, открыла будущее, дала покой и твердость душевнаго настроенія среди тревогъ, страданій и превратностей жизни, объяснила смыслъ самага страданія, тайну жизни и тайну смерти... Посмотрите и теперь вокругъ себя, бросьте взглядъ на пройденный человѣчествомъ путь: скажите, создалъ ли кто хоть что-либо великое безъ вѣры? Одинъ путешественникъ, которому удалось пройти почти всѣ страны, объѣхать почти всѣ моря, говорить намъ о силѣ вѣры, свойственной даже самымъ дикимъ народамъ: „Съ этою вѣрою негръ находитъ себѣ защиту отъ враговъ; съ нею онъ безстрашно пускается на гнилой доскѣ въ открытое море, уходитъ въ глубину лѣсовъ, вступаетъ въ неравный бой съ тигромъ и, возвращаясь, ложится подъ открытымъ небомъ. А когда онъ испускаетъ духъ въ когтяхъ звѣря, онъ поднимаетъ взоръ къ небу, ища тамъ примиренія“ (слова Ливингстона). Такъ среди дикихъ. Еще въ

большей степени сила вѣры проявилась и проявляется въ исторіи образованнаго человѣчества. Безъ вѣры религіозной невозможно никакая другая вѣра во что-либо доброе. Но никто безъ вѣры въ себя, безъ вѣры въ будущее, въ добро, въ человѣчество, въ истину не только не могъ создать какого-либо великаго дѣла, но даже приступить къ нему. Всякій дѣятель науки и школы, общества и государства, всякій, принимающійся за самое малое дѣло безъ вѣры, заранѣе осужденъ въ своей дѣятельности на смерть, на безплодіе, на полную неудачу и отчаяніе. Но тѣмъ и великъ человѣкъ въ ряду тварей земныхъ, тѣмъ и одаренъ онъ превыше всѣхъ, что онъ можетъ путемъ вѣры восполнять свои знанія и вѣрою постигать образы иного, высшаго, бытія, вещи высшаго, незримаго и непостижимаго міра; путемъ вѣры онъ можетъ чужой опытъ дѣлать собственнымъ достояніемъ и, развиваясь въ этомъ направленіи, никогда не найдетъ предѣла своему духовному росту и совершенствованію. Лишите его вѣры—и онъ никогда не поднялся бы изъ состоянія животнаго. Но, повторяемъ, надъ всѣми видами вѣры стоитъ вѣра религіозная, какъ ихъ основа, первоисточникъ и оправданіе.

Къ вѣрѣ, къ бодрой, свѣтлой и радостной вѣрѣ призываемъ мы васъ, братіе, въ виду родившагося Спасителя, обновившаго міръ вѣрою, въ виду праотцевъ и отцевъ Ветхаго Завета, спасшихся вѣрою. *Стойте въ вѣрѣ, мужайтесь, укрѣпляйтесь!* (Кор. XVI, 13.) Пусть утрюмое и подозрительное невѣріе и развѣдающее сомнѣніе не омрачаетъ жизни и дѣятельности призванныхъ къ вѣчной жизни! Гдѣ явилось оно, это роковое невѣріе, тамъ вѣетъ холодомъ могилы: тамъ жизнь даже при видимомъ блескѣ идетъ назадъ и, выдыхаясь, постепенно замираетъ, налагая печать мертвенности и на все окружающее; тамъ, лишенное вѣры, вырастаетъ дряблѣе, безсильное поколѣніе, съ гниющею сердцевиною, заживо осудившее себя на смерть духовную, а часто и на насильственнотѣлесную; тамъ даже тѣ, которые искренно, безкорыстно и увлеченно хотятъ сѣять вокругъ себя жизнь, добро и радость, сѣютъ смерть и отчаяніе... Пусть въ своихъ немногихъ мрачныхъ представителяхъ невѣріе вооружается на вѣру: тщетный трудъ,

безумныя надежды, напрасныя старанія! Слепой кротъ, копающійся въ землѣ, конечно, будетъ увѣрять орла, что нельзя подняться и на вершокъ надъ землею: это не помѣшаетъ орлу залетѣть высоко-высоко и распушить тамъ могучія крылья...

„Сколько бы ни уклонялись люди отъ благого ига вѣры, сколько бы ни возставалъ противъ него міръ со своими мнѣніями, страстями, соблазнами, враждою: вѣра Христова царствуетъ и будетъ царствовать въ цѣломъ мірѣ, будетъ учить міръ, будетъ управлять міромъ. Она имѣетъ сама въ себѣ жизнь Божественную, неистощимую, которая ни въ какое продолженіе времени, ни въ какомъ пространствѣ мѣсть, ни въ какой борьбѣ съ міромъ изсякнуть не можетъ; она имѣетъ въ себѣ Божественное предопредѣленіе о судьбахъ міра, котораго никакія усилія человѣческія измѣнить не могутъ... Не послужилъ ли міръ вселенскому распространенію вѣры, когда гналъ ее по всей землѣ? Не въ самыя ли бурныя времена, когда міръ въ своихъ лжеученіяхъ, козняхъ, открытыхъ преслѣдованіяхъ истощалъ всѣ усилія, чтобы поколебать вѣру, она достигла наибольшей силы и торжества въ мірѣ?“ ¹⁾

Да сохранить же насъ Господь отъ оскуднѣнія вѣры! Къ ней призваны всѣ: не одни знатные, мудрые и сильные міра составляютъ опору ея могущества, но и всѣ сердца простые, кроткія и смиренныя служатъ ей и, окружая вѣрою Богочеловѣка Христа, составляя изъ себя Церковь Его, устрояютъ на землѣ царство неба, среди людей—царство Бога.

И царствію Его не будетъ конца! Аминь.

¹⁾ См. еп. Іоанна Смоленскаго „Богосл. академич. чтенія“, изд. 1898 года, стр. 138.

1904 г.

Тяжкія предчувствія.*

Услышати имате брани, и слышаніе брадемъ; зрите, не ужасайтеся: подобаеть бо всѣмъ симъ быти... Будеть бо тогда скорбь велия, якова же не была отъ начала міра доселѣ.. И аще не быша прекратилеса дніе оны, не бы убо спаслася всяка плоть. И избранныхъ же ради прекратятя дніе оны (Мате. XXIV, 6, 21—22).

Глубокое раздумье и самыя разнообразныя чувства и предчувствія вызываетъ день новаго года у каждаго человѣка. Стоять на грани временъ—прошлаго и неизвѣстнаго будущаго, приблизиться еще на одинъ годъ къ неизбѣжному умаленію силъ, а затѣмъ и къ смертному исходу, видѣть въ прошломъ паденія и ошибки, а въ будущемъ ожидать ихъ послѣдствій и возмездія,—все это не можетъ не навести насъ на рядъ размышленій самыхъ глубокихъ и поучительныхъ. И несомнѣнно, было бы очень назидательнымъ въ нынѣшній день церковное проповѣдное слово, изъясняющее личныя чувства христіанина въ виду новаго года.

Но при *общественномъ* богослуженіи, но въ этомъ многочисленномъ собраніи представителей государственной власти и общественныхъ учрежденій, но въ виду переживаемаго нашимъ отечествомъ тяжкаго и тревожнаго времени, намъ кажется, что съ высоты церковной кафедры умѣстнѣе нынѣ иное слово, слово о думахъ и чувствахъ, касающихся не лично каждаго

---

* Слово въ день новаго 1904 года. Сказано 1 января 1904 года въ Тифлисскомъ военномъ соборѣ, при священнослуженіи епископа Грузіи. Предчувствія, къ сожалѣнію, оправдались. Война чрезъ мѣсяць была объявлена и оказалась для Россіи неудачною вслѣдствіе духовнаго паденія и разлада въ русскомъ обществѣ.

изъ насъ,—да будетъ это предметомъ уединенныхъ и тайныхъ молитвъ нашихъ передъ Богомъ,—а касающихся нашей великой, горячо любимой русской отчизны.

Что готовить и что принесть тебѣ новый годъ, дорогая родина? Какими думами омрачено твое чело, какими чувствами исполнено твое много испытавшее и много перестрадавшее сердце? Въ тревожныхъ и смутныхъ обстоятельствахъ встрѣчаешь ты день новолѣтія, и кажется, при видѣ ихъ, будто бы прямо къ тебѣ обращено изреченіе евангельское, которое мы поставили нынѣ во главѣ нашего слова: „Услышите о войнахъ и военныхъ слухахъ. Смотрите, не ужасайтесь, ибо надлежитъ всему тому быть... И если бы не сократилися тѣ дни, то не спаслась бы никакая плоть; избранныхъ же ради прекратятся дни оны“.

Еще разъ великое міровое историческое призваніе Россіи и ея географическое положеніе на рубежѣ востока и запада требуютъ отъ нея страшнаго напряженія силъ и, можетъ-быть, великихъ жертвъ...

Давно, за много вѣковъ до христіанской эры, въ томъ, что называло себя міромъ, вселенною, произошло раздѣленіе; постепенно выростали, созрѣвали и формировались два начала, два уклада жизни и мысли, и какъ бы два особыхъ и различныхъ міра: Востокъ и Западъ. И давно между ними возгорѣлась и тянется борьба.

Много въ этой борьбѣ было, конечно, мірскаго, корыстнаго, животнаго, много было изменныхъ желаній обладать и землями, и богатствами; но съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе открывался въ борьбѣ иной, высшій смыслъ, и она все болѣе и болѣе становилась великимъ ратоборствомъ духовнымъ, ратоборствомъ невѣжества и знанія, дикости и культуры, плоти и духа, животности и человѣчности, язычества и христіанства, мусульманства и христіанства и, въ конечныхъ выводахъ, зла и добра... Впервые съ особенною яркостью передъ нами выступаетъ великое и міровое ратоборство—это въ лицѣ древней Греціи и Персіи, и затѣмъ оно передается желѣзному Риму, наложившему на Востокъ властную руку. Но въ вѣковомъ напряженіи изжилъ гордый Римъ свои силы, а главное, изгнулъ нравственно, не позналъ—въ христіанствѣ—времени

посѣщенія своего, раскололся внутреннею борьбою и палъ, успѣвъ, однако, передать великое призваніе свое Риму второму, христіанскому, царственному граду равноапостольнаго Константина.

И снова потянулась борьба Цареграда съ языческой Персіей, потомъ съ мусульманствомъ арабовъ, турокъ и монголовъ. И снова же въ самой Византіи нравственная гниль подточила ея устой... Когда же стала она явно клониться къ упадку и, можно сказать, была уже охвачена предсмертнымъ томленіемъ, Господь воздвигъ и вызвалъ къ міровой исторіи новый народъ—русскій народъ, который и географически, и исторически, преемствуя Византіи въ православіи и ея міровомъ призваніи, сталъ на рубежѣ Запада и Востока. Единственное по величію, необычайное, захватывающее духъ, истинно-міровое предназначеніе дано было Россіи: предъ нею разстились необозримыя равнины восточной Европы и всей Азіи, куда она должна была нести свѣтъ евангелія и блага христіанской культуры; предъ нею чернымъ-чернымъ моремъ зловѣще лежалъ насыщенный злобнымъ и крестоненавистнымъ фанатизмомъ міръ мусульманскій, съ которымъ Россія должна была стать лицомъ къ лицу. Предстояла ей борьба не изъ-за мірскихъ благъ: нужно было отстоять блага духовныя—христіанство и культуру отъ напора дикаго язычества и мусульманства. А въ вѣкахъ отдаленныхъ впереди надлежало Россіи могучею внутреннею духовно-творческою работою создать, такъ-сказать, духовный синтезъ Востока и Запада, какъ примиреніе и сляніе двухъ началъ, столь много взаимно-враждовавшихъ; для этого даны ей были средства въ чистомъ христіанствѣ, неповрежденномъ и православномъ, которое она пріяла изъ рукъ Божіихъ, какъ неоцѣненное сокровище, какъ зиждательную и спасительную силу для себя и для всего міра, въ особенностяхъ и въ дарованіяхъ славянскаго духа, духа мира, любви и кротости.

Великая предлежала задача, но какъ мало дано было средствъ для ея осуществленія! Новые народы западной Европы сѣли на мѣстахъ вѣковой римской культуры, въ удобныхъ географическихъ и климатическихъ условіяхъ; Россія же при-

няла въ наслѣдіе край дикій, съ суровымъ климатомъ, съ рѣдкимъ населеніемъ, покрытый лѣсами и непроходимыми болотами... Къ глубокому сожалѣнію, культурные центры отстояли отъ нея далеко, а народы Европы, для которыхъ Россія служила передовою крѣпостью и которыхъ она первая защищала отъ нашествія дикихъ полчищъ, никогда не понимали, что имъ и нравственно-обязательно и просто выгодно поддерживать Россію, и вмѣсто помощи воздвигали на нее не разъ грозныя нашествія, не уступавшія нашествіямъ дикарей Азіи. Одинока стояла святая Русь предъ своимъ великимъ призваніемъ, и не было ей помогающаго.

Но воистину, сила Божія въ немощахъ нашихъ совершалась! На зарѣ государственнаго бытія Россія уже вышла на предлежащій ей подвигъ, когда изъ глубины Азіи поднялись къ западу безчисленныя полчища монголовъ. Вѣками несказанныхъ усилій и страданій отстояла она и спасла Западъ отъ нашествія Востока, свергла иго дикой татарщины. Но оставили вѣка рабства тяжкія послѣдствія въ духовной жизни нашего народа, сдѣлали его нищимъ, выбили его изъ культурной жизни, оставили, какъ изгарь и грязь, послѣ себя дикіе нравы, жестокость, нравственное растрѣпаніе бездомныхъ бродягъ, безпокойные элементы въ общественной жизни. Все это, какъ гнилая сыпь, высыпало на народномъ тѣлѣ и долго-долго, уже послѣ прекращенія татарскаго ига, пришлось Россіи бороться со своими внутренними недугами, которыми непреминули воспользоваться сосѣди, народы Запада, поляки и шведы, чтобы погубить и поработить Россію.

Однако, благополучно вышла она изъ „смутнаго времени“, поборола и переработала дурные соки въ своемъ народномъ тѣлѣ и, имѣя въ челѣ царственный домъ Романовыхъ, возникла къ новой жизни. Не прекращалась, однако, борьба съ Востокомъ. Съ Петра Великаго предъ нами выросъ мусульманскій міръ Турціи и Персіи, а съ Запада—опять обезсиливала насъ вражда тѣхъ, кого мы же отстаивали грудью. Начались турецкія войны XVIII вѣка, въ которыхъ Россія опять была одинока. А между тѣмъ, отродившееся еще разъ въ западной Европѣ язычество, прикрываясь возрожденіемъ наукъ

и искусствѣ, переходя въ реформацію, чрезъ раціонализмъ и деизмъ Англїи и Франціи, породило, наконецъ, въ Европѣ кровавую революцію; она породила отпрыскъ въ лицѣ Наполеона, захватившаго все народы Европы и съ ними двинувшагося на Россію, которая стояла тогда одна оплотомъ вѣры и нравственнаго порядка. И опять сила Божія въ нашихъ немощахъ совершилась, и ею, силою вѣры и упованія, спаслась наша родина... Три раза потомъ, еще вела Россія восточныя войны, опять одинокая, опять при явномъ и тайномъ противодѣйствіи Европы.

Минуло четверть вѣка со времени послѣдней войны нашей на Ближнемъ Востокѣ, и вотъ съ Востока Дальняго, какъ въ вѣка былые, грозитъ намъ призракъ новаго нашествія, поднимается зловѣщее желтое облако, какъ кровавое зарево далекаго пожараща, слышно бряцаніе оружія, несутся злобныя угрозы... Народъ-язычникъ, народъ, вчера еще ничтожный, воспринявшій верхушки внѣшней культуры Европы, но въ сущности ей глубоко враждебный,—потому что культура Европы въ своихъ внутреннихъ основахъ есть культура христіанская,—народъ этотъ, охваченный самомнѣніемъ и гордынею, дерзко мечтаетъ нынѣ поднять и объединить всю Азію и двинуть на западъ цѣлый міръ... На пути его рокового движенія лежитъ Россія, оплотъ всемірнаго мира и спасенія,—Россія, а не иная какая-либо держава, какъ это изображено на одной картинѣ царственнаго художника въ Европѣ... И снова Россія одинока, и снова въ Европѣ раздѣленіе, и снова тайными и явными путями христіанскіе народы самоубійственно, изъ-за минутныхъ интересовъ текущаго дня, не представляя по близорукости страшнаго назрѣвающаго будущаго, готовы помогать желтому язычнику!

Да, не изъ-за присоединенія той или иной области, не изъ-за расширенія сферы вліянія на ту или иную страну назрѣваетъ и готовится великая борьба. Въ глубочайшихъ основаніяхъ вопросъ долженъ быть поставленъ иначе: вопросъ въ томъ, склонится ли христіанскому міру предъ языческимъ Востокомъ, поступится ли завѣтами вѣковъ, святыней христіанства, пріобрѣтеніями глубокой внутренней культуры, хри-

стианскимъ нравственнымъ укладомъ, отступить ли отъ мірового призванія. Уступки могутъ принести лишь временное успокоеніе: онѣ потребуютъ новыхъ уступокъ, а къ роковому вопросу въ концѣ-концовъ подойти все-таки нужно...

Впрочемъ, да будетъ здѣсь остановлено наше слово. Проповѣдникъ церковный—не политикъ. Будетъ ли или не будетъ война,—судить и предрѣшать не наше дѣло. Но есть здѣсь область, которой не можетъ не коснуться пастырь Церкви. Мы внимательно читаемъ и слѣдимъ, какъ высчитываются на Дальнемъ Востокѣ силы наши и силы враговъ: число кораблей, количество войскъ, преимущества одной и другой стороны. Долгъ проповѣдника слова Божія въ томъ состоитъ, чтобы вспомнить и напомнить въ нынѣшній день о другой силѣ, которая единственно дѣлаетъ народы могучими и жизненными. Съ нею народъ и не богатый деньгами и не обладающій огромнымъ войскомъ можетъ остаться твердымъ, и устойчивымъ, и побѣдоноснымъ; безъ нея не спасаютъ ни деньги, ни войска, ни умѣлые правители. Силу эту указываетъ намъ слово Божіе; оно говоритъ: *праведность возвышаетъ народъ, а упадаютъ племена чрезъ грѣхи* (Притч. XVI, 34). Если народъ потерялъ вѣру и духовно опустился, если онъ загнилъ нравственно,—откуда тогда взять воодушевленныхъ вождей, храбрыхъ воиновъ, самоотверженныхъ сыновъ отечества, откуда почерпнуть рѣшимость и радостную готовность терпѣть всѣ невзгоды за родину, приносить всѣ жертвы, не страшиться мукъ и смерти?

Изумительно могучъ этотъ законъ правды, указанный въ приведенныхъ словахъ священнаго Писанія. Да, правда дѣлаетъ слабые народы сильными, а грѣхъ и нечестіе могущественныхъ обращаетъ въ ничтожество. Въ Св. Писаніи, въ поученіе вѣкамъ и тысячелѣтіямъ, открытъ намъ день паденія одного изъ величайшихъ царствъ древности. Съ дѣтства знакома намъ эта поразительная картина. Пиръ идетъ въ царскомъ дворцѣ: въ упоеніи могущества, славы и богатства, окруженный вельможами, среди всѣхъ видовъ ликующаго порока и безстыдства, безпечно веселится царь Вавилона, того Вавилона, который за жестокое могущество и беспощадную

силу прозванъ былъ *молотомъ всея земли*, а за нечестіе и пороки сталъ нарицательнымъ именемъ разврата, гордыни и всякаго нравственнаго непотребства. Вино льется рѣкою изъ драгоценныхъ сосудовъ; пьяныя уста глаголютъ мерзости... и вотъ, дошло до кощунства надъ Господомъ-Иеговою. И вдругъ, показались персты незримой десницы и писали на известъ стѣны таинственные слова: „мене, текель, пересь“, которыя, по изъясненію пророка, означали: исчислилъ, взвѣсилъ, раздѣлилъ... Въ ту же ночь царь вавилонскій былъ убитъ, и царство его безповоротно рухнуло.

Не потому ли раздѣленъ былъ потомъ и погибъ Римъ первый, погибъ и Римъ второй, не потому ли, что число его, по виду великое, имѣло нравственный вѣсъ слишкомъ легкій?..

Что же сказать теперь намъ о нашей русской дѣйствительности? Въ какомъ нравственномъ всеоружіи мы можемъ встрѣтить испытанія, если Господь пошлетъ ихъ Россіи? Прочны ли наши нравственные силы? Крѣпокъ ли духъ нашего народа? Царство наше стремится ли стать царствомъ Божиимъ? Государственность наша является ли орудіемъ нравственнаго восхожденія народа къ вершинамъ христіанства и вѣчнаго спасенія?

Мрачнымъ пессимизмомъ вѣетъ со страницъ нашей періодической печати, этого зеркала общественной жизни. Прежде только верхніе слои нашего общества были заражены невѣріемъ и быстро неслись въ какомъ-то безумномъ вихрѣ увлеченій отъ одной крайности къ другой. Чего только, въ самомъ дѣлѣ, пермы не ежили въ области духовно-нравственной за послѣднія десятилѣтія! Какимъ только кумирамъ не поклонялись! Матеріализмъ, дарвинизмъ, борьба за существованіе, социализмъ, призывы къ революціи, потомъ—съ легкимъ сердцемъ—непротивленіе злу, возрожденіе идеализма, интеллигентное сектантство, агностицизмъ, потомъ опять марксизмъ, экономическій матеріализмъ, сверхчеловѣчность Ницше, декадентство и, какъ послѣднее страшное знаменіе дней нашихъ, такъ-называемый аморализмъ, полное нравственное идиотство, — цѣлое наводненіе идей и фактовъ, а въ результатъ: усталость духа и уныніе, беспочвенность и духовная безпомощность! Но въ

прежнее время по крайней мѣрѣ простой народъ нашъ жилъ въ этой тревожной жизни: онъ былъ младенцемъ вѣры, послушнымъ сыномъ Церкви; въ вѣковомъ преданіи и въ освященномъ вѣрою строѣ жизни онъ находилъ для себя устои быта и существованія. Нынѣ не то. Худые нравственные соки какъ бы просочились сверху въ народъ, до самаго дна русской жизни, и если въ образованныхъ слояхъ унаслѣдованная воспитанность и умственное развитіе давали хоть какой-нибудь противовѣсъ нравственному упадку жизни и предохраняли ее отъ роковыхъ крайностей, то въ народѣ, если онъ развратится, не будетъ и этого сдерживающаго начала. И видимъ мы, въ изображеніи печати: броженіе религіозной мысли въ народѣ, мужицкій нигилизмъ, грубый и беспощадный; босячество и отвратительное хулиганство, развратъ, дурныя болѣзни, паденіе семьи, паденіе авторитетовъ и уваженія къ власти; растущую эпидемію дерзостей, грабежей, уличныхъ оскорбленій, необъяснимыхъ убійствъ. Среда даетъ своихъ прорицателей, новыхъ пророковъ Ваала и безстыдной Астарты. И вотъ, предъ нами въ книгахъ современныхъ писателей возглашается проповѣдь, что не нужно бояться грѣха, что разнузданный босякъ—господинъ положенія и даже обновитель общественности; предъ нами идеализація разврата и преступленія и возведеніе порока въ признакъ силы и сверхчеловѣчности. Ко всему этому—широко разлитое всюду недовольство, праздность мужика, мотовство; тунеядство, попрошайничанье и обнищаніе; волненія рабочихъ, политическое броженіе въ инородцахъ, революціонная и сепаратистическая пропаганда, убійства и кровавыя покушенія на представителей власти. Молодое поколѣніе—носитель надеждъ будущаго... Но оно измельчало даже въ своихъ волненіяхъ и беспорядкахъ, обратившихся въ какую-то дикую моду и пагубное повѣтріе; оно оторвано отъ національнаго самосознанія, оторвано отъ преданій вѣры. Изъ молодыхъ людей, получившихъ высшее образованіе, нынѣ уже выходятъ босяки и хулиганы. Самъ министръ просвѣщенія еще такъ недавно подтвердилъ фактъ паденія дисциплины и воспитанія даже въ средѣ дѣтей на гимназической скамьѣ.

Такъ изображаетъ нашу дѣйствительность ежедневная

пресса. Мы назвали ее зеркаломъ жизни. Конечно, зеркало часто даетъ неправильно или ложно освѣщенные отображенія.

Все сказанное, взятое нами со страницъ прессы, безъ сомнѣнія, слишкомъ мрачно, слишкомъ преувеличенно, часто, можетъ-быть, даже и намѣренно преувеличено, въ дурныхъ цѣляхъ сѣянія смуты и унынія, изъ ненависти къ русской жизни, ради клеветы на нее.

Но, несомнѣнно, много во всемъ сказанномъ, много и горькой правды. Какъ вопль негодованія, какъ призывъ усугубить вниманіе, воодушевиться въ работѣ, оглянуться, покаяться, исполниться энергіи—вотъ какъ должно звучать теперь слово бытописателя нашей жизни!

Слово же церковнаго проповѣдника опирается на слово Христово. Вы нынѣ его слышали; оно говоритъ намъ: *Зрите, не ужасайтесь*; подобаеъ бо воъмъ симъ быти... и еще: *избранныя же ради прекратятся дне оны...*

Побольше вѣры и бодрости, побольше избранныхъ! Страшно, если жизнь обращается въ Вавилонъ, но еще страшнѣй потеря вѣры въ себя, но еще страшнѣе уныніе, но пока есть живые люди, пока Богъ даетъ свѣтъ и день, нашъ долгъ—молиться и работать, и опять работать и молиться, поднимать жизнь, исполнять честно долгъ свой, объединяться и неразрывнымъ союзомъ укрѣпляться въ созидательной работѣ, просвѣщать и поднимать духовно массы, хранить вѣрность Церкви и государству. Горе унывающимъ! Горе малодушнымъ! Много язвъ въ нашемъ народномъ организмѣ, но здоровый организмъ, пока онъ здоровъ, выталкиваетъ изъ себя все инородное и вредоносное, заживляетъ и затягиваетъ раны, и часто самыя раны эти и наружныя сыпи служатъ признакомъ того, что наружу выходятъ дурные соки, испѣляя и оздоравливая внутреннюю жизнь тѣла.

И не одни притомъ отрицательныя явленія мы видимъ въ жизни: вѣдь часто переполнены наши храмы, вѣдь нерѣдки примѣры честности и героизма, вѣдь не замолкло твердое и разумное слово, вѣдь не иссякла вода въ источникахъ народнаго духа, вѣдь не исчезли люди, любящіе родину! Примкнуть нужно къ этимъ положительнымъ теченіямъ вѣры, чести и

права; они живы, они цѣлы въ русской жизни! И тогда живою стѣною богатырей духа, какъ въ оны древніе дни около Кіева, окружимъ мы землю русскую неизмѣримо крѣпче стѣны Китая; и если придуть на насъ дни испытаній, то дастъ намъ Господь хребетъ нечестивыхъ и невѣрныхъ супостатовъ; побѣдимъ мы этотъ языкъ, безстуденъ лицомъ, по выраженію Свящ. Писанія, однимъ путемъ они придуть на православную Россію и семью путями побѣгутъ изъ нея...

Слуги царицы! Народъ Божій! Сыны Россіи! Къ бодрой вѣрѣ, къ одушевленному труду, исполненному надежды, къ подвигамъ горячей любви къ родинѣ, къ подвигамъ долга и чести и безкорыстной службы Россіи, службы до самозабвенія и самоотверженія, призываетъ васъ день новаго грядущаго года, загорающійся нынѣ въ мутныхъ и зловѣщихъ облакахъ. Облако часто про шумитъ, погрозитъ и пройдетъ мимо; но и вылившееся въ грозѣ военной и бранной бурѣ пусть оно не заставитъ насъ опустить руки...

Да будетъ же нынѣ, въ день новолѣтія, горяча и одушевлена молитва наша къ Тому, Кто времена и лѣта положилъ во Своей власти и по волѣ Своей вся творитъ въ силѣ небесной и въ селеніи земнѣмъ: да благословенъ будетъ вѣнецъ новаго лѣта, какъ вѣнецъ благодати Господа; да утвердится благословеніе свыше на Державѣ Россійской и ея Вѣнценосномъ Вождѣ; да въ благочестивой Державѣ Его подастъ Господь пастырямъ святыню, правителямъ—судъ и правду, народу—миръ и тишину, законамъ—силу и вѣрѣ—преуспѣваніе! Ибо избранныхъ ради прекращаются дни печали... Да оградитъ Господь нашу родину отъ этихъ дней печали, а насъ да научитъ и да подастъ намъ силы оградить ее живою вѣрою и Божьей правдою, бодрой силою и благословенною, благочестною жизнью! Ибо праведность возвышаетъ народъ, а упадаютъ племена чрезъ грѣхи. Аминь.

Значеніе религіи.*

Всякаго, кто слушаетъ слова мои и исполняетъ ихъ, уподоблю его мужу благо-разумному, который построилъ домъ свой на камнѣ. И пошелъ дождь, и разлились рѣки, и подули вѣтры и устремились на домъ тотъ, и онъ не упалъ, потому что основанъ былъ на камнѣ (Мѣ. VII, 24—25).

Какъ замутилась жизнь въ наше время! Какъ рѣдки стали нынѣ люди, особенно въ средѣ нашего образованнаго общества, представителей котораго мы сейчасъ и видимъ предъ собою,—какъ рѣдки люди цѣльные, положительные, съ ясною душевною жизнью, съ твердыми убѣжденіями, не потерявшіе подъ собою духовной почвы, не выбитые изъ душевнаго равновѣсія сомнѣніями, колебаніями!

Блаженъ, кто домъ души своей построить на камнѣ: онъ устоитъ противъ напора враждебныхъ стихій міра! Его душа не пойдетъ на убыль, не сведется къ страшной роковой пустотѣ, какъ это мы видимъ у многихъ духовно-дряблыхъ сыновъ нашего вѣка, сдѣлавшихся „лишними“ людьми, такъ мѣтко и скорбно изображаемыми въ нашей литературѣ.

Чувствовали ли вы когда-нибудь жгучую тоску по этому блаженству? Испытывали ли вы, послѣ безконечныхъ колебаній духа, когда умъ нашъ бросался отъ одного міровоззрѣнія къ другому, послѣ цѣлаго ряда горькихъ опытовъ и увѣреній въ нашей слабости, въ нашемъ полномъ безсиліи избавиться отъ ошибокъ и заблужденій, послѣ самыхъ осязательныхъ доказательствъ того, что истина, открываемая только умомъ человѣка, относительна, что отъ ошибокъ не застрахованы самыя выдающіеся мудрецы, что вы подавлены и совершенно не можете разобраться въ массѣ противорѣчивыхъ и другъ друга уничтожающихъ фактовъ и мнѣній? Испытывали ли вы захватывающую все существо наше, жгучую, какъ мучительная

* Сказано въ 1904 году 27 января при освященіи Николаевского собора въ г. Эривани.

жажда, потребность узнать, наконецъ, истину твердую, ясную, опредѣленную, всегда себѣ равную, вѣчную и неизмѣнную? О, я убѣжденъ, что слова мои въ эти минуты находятъ живой откликъ въ вашихъ душахъ, братіе, что все мы въ духовномъ возрастаніи переживали это смятеніе души, и готовы были не разъ съ воплемъ крѣпкимъ взывать евангельскимъ словомъ: вѣрую, Господи, помози моему невѣрію!

Если же такъ, то вамъ, конечно, близки, и дороги, и понятны приведенныя мною сейчасъ слова Спасителя о мужѣ благоразумномъ, построившемъ домъ свой на камнѣ, на камнѣ вѣры и послушанія,—любобнаго, дѣтскаго, безраздѣльнаго и всецѣлаго послушанія словамъ Христовымъ, т.-е. святой нашей религіи.

Умѣстно остановиться намъ размышленіемъ надъ этимъ предметомъ въ нынѣшній день открытаго торжества нашей религіи, въ день нашего исповѣданія христіанскаго, которое такъ ярко и видимо проявляется въ построеніи и освященіи этого храма ¹⁾.

Да, воистину, религія—это самое дорогое сокровище чело-вѣка, его царственный вѣнецъ въ мірѣ, его самая крѣпкая и надежная опора въ жизни. Можетъ-быть, мы, каждый въ отдѣльности, не всегда достаточно ясно сознаемъ эту истину, зато сознается она и громко исповѣдуются цѣлыми народами, всѣмъ челоуѣчествомъ, которое съ тѣхъ поръ, какъ помнитъ себя, постоянно и неизмѣнно, съ удивительною напряженностью неудержимо стремилось къ Богу, служило Ему, строило храмы, воздвигало алтари, приносило жертвы, посвящало Ему все лучшее, искало общенія и единенія съ Нимъ.

Пока мы живемъ малосознательной жизнью, не всматриваясь хорошенько во все окружающее, не подмѣчая связи и не постигая смысла происходящихъ въ мірѣ и челоуѣчествѣ событий и явленій; пока нашъ ограниченный умъ не остановился въ ясно сознаваемой немоци предъ какимъ-либо неразрѣшимымъ вопросомъ мысли или жизни, предъ дѣломъ, превос-

¹⁾ Дальнѣйшее изложеніе—по ст. протоіер. Иванцова-Платонова о значеніи религіи.

ходящимъ наши силы; пока удовлетворяютъ насъ мелкіе интересы и привязанности: до тѣхъ поръ значеніе религіи не можетъ представляться человѣку въ надлежащей ясности и полнотѣ. Но кончится, мелькнетъ, какъ сонъ, наша молодость, пройдутъ дни безпечности, и жизнь обступитъ насъ со всѣхъ сторонъ и понесетъ бурными и мутными волнами. Здѣсь мы переиспытываемъ самыя разнообразныя положенія въ семьѣ и въ обществѣ,—въ богатствѣ и бѣдности, въ славѣ или неизвѣстности; здѣсь переиспытываемъ горе и радости, увлеченія и разочарованія, обаяніе успѣха, тяжесть неудачи, горечь несправедливости, возвышенія и паденія,—всю безконечную смѣну душевныхъ чувствъ, настроеній и движеній. Здѣсь, говоря образнымъ языкомъ святаго евангелія, пойдетъ надъ нами дождь, и разольются рѣки, и подуютъ вѣтры и устремятся на домъ души нашей. Придется вскрыть смыслъ окружающаго, не довольствуясь внѣшнею, поверхностною и малосознательной жизнью.

И бываютъ случаи,—болѣе или менѣе у каждаго человѣка,—когда рушится обычный ровный порядокъ жизни, когда внѣшнія и самыя дорогія привязанности разрываются и гибнутъ, когда смерть заглянетъ въ душу и повѣетъ въ ней холодомъ могилы, когда утрачиваются и теряютъ цѣну привычныя радости... Жизнь посылаетъ человѣку тяжелыя испытанія, вводитъ его въ такія трудныя столкновенія, представляетъ ему такія сложныя задачи, предъ которыми человѣкъ явно чувствуетъ всю недостаточность своего ума и полную слабость своихъ силъ.

Но чѣмъ умнѣе, чѣмъ талантливѣе человѣкъ, чѣмъ сильнѣе и возвышеннѣе по душѣ, тѣмъ больше онъ сознаетъ эту слабость свою, тѣмъ ближе къ смиренію.

Только безнадежная ограниченность можетъ питаться всю жизнь горделивымъ самодовольствомъ.

И вотъ тогда-то чувствуется потребность и необходимость глубже войти въ душу и въ ея сокровенныхъ глубинахъ поискать крѣпкой опоры для мысли и жизни, для сердца и воли,—той опоры, въ которой доселѣ какъ-будто не представлялось особой нужды. И счастье человѣку, если онъ найдетъ

тогда въ душѣ эту опору, свѣтъ и руководство во святой религіи: она указываетъ ему путь къ Божеству, даетъ ему правильное отношеніе къ разнообразнымъ явленіямъ жизни, вознося его выше всего земного, и не оставляя человѣка одинокимъ въ мірѣ; она въ своихъ отрадныхъ обѣтованіяхъ и твердыхъ нравственныхъ началахъ даетъ смыслъ и горю и радости, и жизни и смерти. У такого счастливица,—а имъ можетъ быть всякій вѣрующій,—бури не разметають по частямъ и волны жизни не снесуть дома его, основаннаго на камнѣ. Естествоиспытатели говорятъ, что какъ бы ни волновалось, какъ бы ни бушевало море на поверхности, если оно глубоко, то въ своихъ внутреннихъ, сокровенныхъ нѣдрахъ, внизу, на глубинѣ, въ своихъ основахъ оно всегда мирно и спокойно. Это образъ души, имѣющей опору во святой религіи. Нѣтъ этой опоры и глубины—и душу мелкую вѣтры жизни, какъ жалкую лужу, сразу взволнуютъ и всколеблютъ до самаго дна, до послѣдней капли, а холодъ всю ее обратитъ въ сплошную мертвую и неподвижную льдину. Въ такой душѣ, въ концѣ-концовъ, окажется все пусто, шатко и смутно, холодно и безпросвѣтно, безъ вѣры; тогда самая жизнь теряетъ смыслъ и цѣну и становится страшною, неразрѣшимой загадкой, тяжелымъ бременемъ, невыносимой карою и бессмысленнымъ проклятіемъ судьбы.

Впрочемъ, да не подумаетъ кто, что религія нужна человѣку только для случаевъ скорби и испытанія... Здѣсь она только замѣтнѣе для наблюдающаго взора и ощутительнѣе для человѣка средняго духовнаго уровня, мало вдумчиваго и не глубоко чувствующаго. Людямъ болѣе глубокимъ и вдумчивымъ ясно видно, что религіей, закономъ вѣры его просвѣтляется и устрояется вся жизнь человѣка, возвышаясь на степень жизни существа разумнаго, богоподобнаго, созданнаго для высшихъ и вѣчныхъ цѣлей. И всякое дѣло человѣка получаетъ больше значенія, когда оно совершается не изъ-за личныхъ только побужденій и временныхъ цѣлей, а ради Бога, ближнихъ и вѣчности. И всякая радость жизни чувствуется и переживается полнѣе и живѣе и осмысленнѣе, когда человѣкъ принимаетъ ее, не какъ случайную ласку слѣпой судьбы, а какъ знакъ

милости и любви Небеснаго Отца. И всякое горе жизни, всякое испытаніе и страданіе не только успѣшнѣе преодолевается, но, перенесенное съ религіознымъ терпѣніемъ и въ немъ осмысленное, становится дорогимъ и богатымъ вкладомъ въ душевный капиталъ, и принимается не съ тупымъ, безсильнымъ и ожесточеннымъ озабоченіемъ, а какъ урокъ, поучающій и воспитывающій. И всякое недоумѣніе, всякое сомнѣніе и колебаніе, всякій душевный разладъ легче разрѣшается, когда человѣкъ въ законѣ Бога имѣетъ для себя свѣтлое и твердое руководство жизни. „Религію,—говоритъ одинъ ученый пастырь,—разрѣшаются всѣ глубочайшіе вопросы, всѣ важнѣйшія задачи, всѣ труднѣйшія противорѣчія жизни. Въ ней для человѣка— неисчерпаемый источникъ самыхъ лучшихъ помысловъ, самыхъ высокихъ стремленій, самыхъ отрадныхъ надеждъ, чистыхъ восторговъ, сладкихъ утѣшеній“¹⁾. Отъ дней самыхъ древнихъ и до нашего времени, отъ самыхъ низкихъ ступеней человѣческой жизни до самыхъ вершинъ культуры религія вдохновляла человѣка на все высокое и благородное, и сколько проистекло изъ этого источника самыхъ возвышенныхъ дѣлъ и великихъ подвиговъ,—что этого никому пересчитать и представить невозможно: это необъятное море добра, невмѣстимое въ нашъ разумъ! Не даромъ же столько великихъ умовъ и сердецъ и столько талантовъ въ обширной области зодчества, живописи, ваянія, музыки, поэзіи, литературы и науки, во всѣхъ высшихъ и прекраснѣйшихъ сферахъ чисто-человѣческой жизни посвятили себя служенію религіи!

Не о томъ ли проповѣдуетъ и этотъ прекрасный храмъ?

Но самое главное, въ религіи—для человѣка не только свѣтъ, освѣщающій темные пути жизни, но вмѣстѣ и сила,—живая, и крѣпкая, надежная сила, незамѣнимая помощь, восполненіе немощи нашей для дѣланія добра, для побѣды надъ слабостью и раздвоеніемъ внутри насъ и надъ искушающимъ зломъ внѣ насъ, для правильного выполненія жизненныхъ задачъ, для достиженія высшихъ цѣлей существованія. „Потому-то съ нею не только сильные духомъ, ве-

¹⁾ Протоіерей Іванцовъ-Платоновъ.

ликіе умомъ и особенно избранныя личности, но и слабые, самыя простыя и обыкновенныя люди становятся способными къ подвигамъ мужества, терпѣнія, воздержанія, самообладанія, любви и самоотверженія". Скажемъ больше: подобно тому, какъ ребенокъ при яркомъ дневномъ свѣтѣ гораздо лучше видитъ и различаетъ дорогу, чѣмъ взрослый темной ночью, такъ при свѣтѣ вѣры христіанской простой человекъ лучше и безошибочнѣе постигаетъ смыслъ и путь жизни, чѣмъ великоученый, но невѣрующій мудрецъ. Поэтому-то все лучшее въ жизни даетъ религія,—и сама наука, и сама культура, о которыхъ мы такъ много читаемъ и говоримъ, постольку цѣнны и истинно-человѣчны, поскольку онѣ религіозны. Нѣтъ самаго незначительнаго уголка жизни, гдѣ бы ни свѣтиль свѣтъ религіи; ея освящаются и устрояются все важнѣйшія наши отношенія: личныя, семейныя, общественныя и всякія другія. И если хотите, есть только одна проблема во всей міровой исторіи, и одинъ только узелъ всей человѣческой жизни: вѣра и невѣріе и борьба между ними... И если хотите, весь захватывающій вопросъ о счастья человѣческой жизни и ея лучшимъ устроеніи, весь покоится на одномъ пунктѣ: служеніе религіи, или удаленіе отъ нея... Религія, истинная, живая религія, въ которой съ сердечнымъ стремленіемъ къ Богу соединяется исполненіе воли Его, съ разумнымъ пониманіемъ жизненныхъ обязанностей соединяется живое и искреннее выполненіе ихъ,—такая религія даетъ человекъ и человечеству лучшихъ отцовъ и матерей, лучшихъ дѣтей, братьевъ и сестеръ, лучшихъ мужей и женъ, начальниковъ и подчиненныхъ, гражданъ и правителей, лучшихъ благороднѣйшихъ и безкорыстныхъ начинателей и совершателей всякаго дѣла. Такіе люди крѣпки, такіе люди надежны и они, только они и могутъ быть названы въ истинномъ смыслѣ положительными дѣятелями и созидателями въ великой семьѣ человечества.

Нужно ли говорить, что только религія и дѣлаетъ человечество этою семьей?

Нужно ли говорить, что она неизмѣримо и несравненно крѣпче всякихъ другихъ связей объединяетъ людей между собою?

Нужно ли напоминать, что она нужна для духовной жизни народа такъ же, какъ извѣстная территория для его жизни физической?

Нужно ли говорить, что необходимость этого единенія нигдѣ такъ не чувствуется нами, какъ вдали, на окраинѣ, посреди враждебныхъ къ намъ замысловъ и настроеній?

Нужно ли говорить, что вамъ, возлюбленные, здѣсь особенно нужно это объединеніе въ вѣрѣ, любви и надеждѣ подь священною сѣнію этого храма?

И нужно ли, наконецъ, дѣлать выводы и указывать вамъ уроки изъ всего сейчасъ нами сказаннаго?

Но они и безъ нашего слова сами собою всѣмъ слышимы и всѣмъ понятны... Аминь.

Условія побѣды.*

Аще возможно, еже отъ васъ, со всѣми
человѣки миръ имѣйте (Римл. XII, 18).

Святая Русь всѣми силами и всѣми зависящими отъ нея мѣрами и средствами старалась исполнить заповѣдь о мирѣ. Объ этомъ вслухъ Россіи и вслухъ всего міра съ такимъ достоинствомъ и сознаниемъ нравственной правоты Россіи возвѣщаетъ нынѣ манифестъ Государя Императора.

Долго и терпѣливо русское правительство вело переговоры съ языческой Японіей; не разъ оскорблено было при этомъ достоинство Россіи, какъ великой державы, и тономъ и притязаніями Японіи, вторгавшейся въ чуждую ей область и въ державныя права нашего отечества. Христіанская Россія явила міру языческому высокій образъ поведенія истинно-достойнаго, истинно-христіанскаго, образъ терпѣнія, благородной сдержанности и

---

* Слово по случаю объявленія Высочайшаго манифеста о войнѣ съ Японіей: сказано въ Тифлисскомъ военномъ соборѣ 29 января 1904 года, при священнослуженіи еказарха Грузіи.

миролюбія. Еще такъ недавно, когда уже видно было, что враги наши теряютъ терпѣніе и съ трудомъ сдерживаютъ охватившее ихъ кровавое безуміе, Государь Императоръ въ новогоднемъ поздравленіи войскамъ Дальняго Востока выразилъ имъ привѣтъ Свой пожеланіемъ и благословеніемъ мира.

Исторія, безъ сомнѣнія, въ будущемъ оцѣнитъ и прославитъ это миролюбіе Россіи, и Господь Правосудный, вѣруемъ, воздастъ ей благословеніемъ.

Но и въ настоящее время отечество наше въ народной душѣ и совѣсти имѣетъ полное право чувствовать поднимающее духъ нашъ нравственное удовлетвореніе, а въ грядущемъ кровавомъ столкновеніи двухъ народовъ, двухъ религій, культуръ и расъ—имѣетъ за собою всѣ права на нравственное преимущество и предъ судомъ Высшей Правды, и предъ лицомъ всего человѣчества.

Аще возможно, еже отъ насъ, мы хранили миръ. Не мы жаждали крови, не мы начали брань. Врагъ первый внесъ огонь и мечъ въ наши предѣлы, врагъ ищетъ нашего достоинства. Врагъ нашъ въ способѣ веденія переговоровъ и войны презрѣлъ не только всѣ высшіе нравственные и Божескіе законы, но посмѣялся и надъ всѣми человѣческими договорами и условіями, надъ всѣмъ, что называется и чтится у людей образованныхъ и во всемъ мірѣ, какъ общепризнанное международное право. Съ неслыханною дерзостью Японія прервала дипломатическія сношенія съ великой державой безъ всякаго повода, не дождавшись даже отвѣта на ея предложенія, какъ бы опасаясь, что ея лишатъ повода къ войнѣ. Съ неслыханнымъ, чисто-языческимъ коварствомъ, которое знали только кровожадные варвары, да и то давнихъ временъ, не въ честномъ бою, а изъ-за угла и предательски она напала на мирныя еще суда и крѣпость нашу, не объявивши войны, не сказавши даже язычески честно: „иду на васъ“,—чтобы этимъ недостойнымъ путемъ коварства предвосхитить успѣхъ брани.

Итакъ, на начинающаго Богъ! Господь мира и Господь браней да благословитъ успѣхомъ правое оружіе наше!

Но война есть великое испытаніе и великая школа не для одного воинства. За войскомъ стоитъ Царь и правительство, а

за правительствомъ—весь народъ. Только въ полномъ ихъ согласіи и полномъ единеніи—залогъ успѣха; только въ общемъ высокомъ и всезахватывающемъ патріотическомъ подъемѣ всей страны побужденіе воинству на подвиги и жертвы. И смерть, и страданія приметъ воинъ безтрепетно, и умретъ съ героической рѣшимостью и даже съ радостью, когда онъ знаетъ, что позади благословить его подвигъ и смерть и молитвою проводить родимая святая Церковь, что оцѣнить его и прославить и поблагодарить мать—дорогая, святая отчизна!

Пусть же всколыхнется вся Россія, какъ одинъ человѣкъ, высокимъ и святымъ воодушевленіемъ, какъ въ оны дни, когда бывало раздавался на Руси кличъ Мининыхъ: „Заложимъ, если нужно, женъ и дѣтей!“ Пусть понесутся къ престолу Государя выраженія горячей преданности и вѣрноподданства и беззавѣтной готовности всѣхъ стать на защиту родины и за славу ея! Пусть польются обильно, рѣкой широкою пусть польются жертвы на народное дѣло. Пусть пастыри углубяютъ молитвы и обратятъ къ пасомымъ громкій гласъ призыва къ подвигамъ и жертвамъ; пусть труженики слова—писатели, мыслители, поэты,—всѣ духовные вожди народа, пусть всѣ, всѣ объединятся въ сознаніи опасности, угрожающей Россіи, и постараются создать на всемъ протяженіи великой земли русской могучее, единодушное и крѣпкое непоколебимымъ патріотизмомъ общественное мнѣніе!

Господь и зло обращаетъ въ орудіе добра; пусть же ниспосланное намъ испытаніе сплотитъ и соединитъ насъ, всѣхъ сыновъ Россіи, всѣхъ безъ различія центра и окраинъ, званій и состояній, мѣстъ и положеній въ государствѣ! Вотъ случай засвидѣтельствовать о вѣрности Царю и царству, вотъ случай показать, что горе и раны великой нашей родины отзываются въ сердцахъ нашемъ, какъ наши собственные, вотъ случай и побужденіе слиться всѣмъ воедино въ святомъ братствѣ и святомъ воодушевленіи!

За крестъ! За Русь! За родину! И за Царя! Аминь.

Воинамъ напутствіе на бранный подвигъ.*

Господь разрушаетъ совѣты язычниковъ, уничтожаетъ помыслы народовъ. Блаженъ народъ, у котораго Господь есть Богъ,—племя, которое Онъ избралъ въ наслѣдіе Себѣ. Съ небесъ призираетъ Господь, видя въ всѣхъ сыновъ человѣческихъ (Псал. 32; 10—13).

О, призири съ небесъ, призири съ небесъ, Господи, на народъ нашъ Святорусскій, который Ты избралъ въ наслѣдіе Себѣ! Разруши, Господи, совѣты язычниковъ, уничтожь враждебныя на насъ помыслы народовъ!

Да, братіе, безъ малаго полная тысяча лѣтъ прошла съ тѣхъ поръ, какъ наша Русская земля стала христіанскою, православною и сдѣлалась наслѣдіемъ Божиимъ. Тысячу лѣтъ народъ нашъ почитаетъ Крестъ святой и грудью защищаетъ его отъ невѣрныхъ. Сколько крови пролилъ онъ въ защиту Креста, сколько войнъ онъ велъ за вѣру Христову, сколько выказалъ безграничнаго мужества, сколько жертвъ самыхъ тяжкихъ принесъ онъ на это великое и святое дѣло!

И Господь благословилъ наше царство: разрослось оно больше всѣхъ другихъ царствъ на свѣтѣ. Долго и тяжело строилось оно слезами, трудомъ, великими подвигами и многою молитвой, и стало теперь сильнѣе всѣхъ государствъ въ мірѣ. Позавидовали Россіи далекіе язычники, кланяющіеся идоламъ; позавидовали и другіе народы и стали втайнѣ помогать невѣрнымъ; захотѣли они ослабить наше царство, отнять у насъ наше достояніе, отнять то, что нами пріобрѣтено трудами и кровью. Боятся они святой Руси: знаютъ, что она вездѣ и всегда стоитъ за правду! Ненавидятъ они Россію за ея силу и величіе. А пуще всего ненавидятъ они Христа, нашего Спа-

* Рѣчь при отправленіи войскъ съ Кавказа на Дальній Востокъ на поле брани. Сказана 2 февраля 1904 г. при священнослуженіи эскарха Грувіи.

сителя, и честной Крестъ Его, и вотъ почему ополчились теперь язычники со всею злобою на крещеное царство наше. Похваляются они теперь на весь свѣтъ извести нашу родину, побить наше воинство, а сами, между тѣмъ, коварно, обманомъ, не объявивши войны, въ глухую полночь, какъ воры, напали на насъ на Дальнемъ Востокѣ. Видно, честнаго-то бою испугались...

Туда теперь отправляетесь вы, братья, грудью постоять за Крестъ и вѣру православную, защитить честь и славу Царя и родины.

Итакъ, славная кавказская армія не осталась въ сторонѣ отъ завязавшейся борьбы христіанства и язычества, и вы, братья, въ числѣ первыхъ ея представителей, идете на правую брань. Завидная ваша доля! Всѣ кавказскія войска готовы были бы принять эту долю, всѣ они рвутся на Дальній Востокъ; слышно, нѣтъ добровольцевъ и охотниковъ: всѣ до одного горятъ готовностью идти на бой съ врагами.

Идите же, славные кавказцы, на брань; идите и помните, что отъ Чернаго моря до Каспія, отъ всѣхъ Кавказскихъ горъ, отъ ущелій и пропастей, отъ неприступныхъ скалъ и твердынь, отъ заоблачныхъ высей, отъ прежнихъ грозныхъ крѣпостей, покоренныхъ здѣсь нѣкогда силою русскаго оружія,—изъ всѣхъ уголковъ Кавказа, отовсюду несутся къ вамъ и провожаютъ васъ въ дальній путь преданья безсмертной, немеркнувшей славы русскаго воинства! Здѣсь, на Кавказѣ, въ оны дни, еще недавніе русскіе воины на каждомъ клочкѣ земли явили чудеса неустрашимости и побѣдоносно сражались за Крестъ Иисуса Христа, за святуя Русь, рядомъ со многими доблестными сынами Кавказа, здѣшними уроженцами; могучими орлами взлетали они на высокія горы и недоступныя твердыни, не зная устали, не вѣдая страха, не считаясь съ препятствіями. И пока стоятъ и высятся горы Кавказа, не замолкнетъ и не померкнетъ ихъ громкая слава! Здѣсь они совершили такіе богатырскіе подвиги, которымъ открыто и искренно удивлялись сами враги наши и которые теперь могутъ казаться сказочными и невѣроятными. Здѣсь герои кавказскіе, одушевленные любовью къ Церкви и родинѣ, шли всегда не на сраженіе, а на вѣрную побѣду; здѣсь именно не любопытство-

вали знать „сколько враговъ?“ а только объ одномъ спрашивали: „гдѣ враги?“

Вотъ каковы ваши воинскіе здѣсь предки, дорогіе братья! Постарайтесь же вы быть ихъ достойными! Тамъ, на дальнихъ моряхъ и горахъ, не посрамите сѣдой славы кавказской арміи; покажите ее вашимъ братьямъ, боевымъ товарищамъ, которыхъ вы тамъ встрѣтите, и покажите и врагамъ-язычникамъ. Пусть помнятъ и долго не забудутъ.

Идите смѣло, друзья и братья! Идите, твердые и безстрашные, на грядущее испытаніе, и знайте одно, что вамъ предстоитъ и назначено или побѣдить, или умереть: другого выхода не знали славные русскіе воины.

Идите и помните, что вы защищаете Христа Спасителя и Его Церковь святую, она—мать ваша; она крестила васъ, она духовно васъ питала; она дала вамъ святую вѣру, учила жить праведно, прощала грѣхи; Тѣломъ и Кровію Христовой васъ питала въ жизнь вѣчную; она молилась о васъ и будетъ вѣчно молиться за живыхъ и умершихъ. За нее отъ руки язычниковъ умирали съ радостью и славятся вѣчною славою безчисленные святые мученики. Не страшны за нее смерть и мученія и для русскаго человѣка!

Вспомните же, родимые, въ минуту боя, въ страшный часъ испытанія, вспомните Христа и Крестъ Его и Его Церковь! Вспомните Царя-Батюшку, утѣшите Его скорбное теперь сердце; вспомните, дорогіе, ваши села и деревни, мирныя поля, родимыя семьи, престарѣлыхъ дѣдовъ, отцовъ и матерей, женъ, дѣтей, родныхъ и знакомыхъ: не отдайте ихъ, братцы, въ обиду и разореніе врагамъ-язычникамъ! Предъ вами слово Евангелія: *„больше сея любви никто же имать, да кто душу свою положитъ за други своя“*... (Іоаннъ XV, 13). Вспомните, братцы, наши дорогія святыни, наши обители, чудотворныя иконы, мощи святыхъ, гробы преподобныхъ угодниковъ,—небесныхъ заступниковъ земли русской; вспомните ваши родимыя храмы, дорогія могилы вашихъ покойниковъ: они ждутъ, чтобы вы защитили ихъ отъ оскверненія и поруганія невѣрныхъ враговъ.

Вспомните, милые, всю Россію, всю великую Россію! Рус-

скіе люди будутъ слѣдить за каждымъ вашимъ шагомъ, будутъ чувствовать всю радость вашихъ побѣдъ и геройскихъ подвиговъ; будутъ вездѣ—въ городахъ, въ деревняхъ, въ шумныхъ собраніяхъ, въ тихихъ бесѣдахъ, будутъ вездѣ съ гордостью рассказывать о вашей храбрости, будутъ радоваться вашему героизму... И хотя бы о вашемъ подвигѣ мы услышали или прочитали только два-три слова: „умерли-моль смертью храбрыхъ столько-то человекъ въ бою“, и тогда слава ваша велика предъ Богомъ и родиной. Что честнѣй предъ Господомъ, что для сердца радостнѣй, какъ сложить головушку за родимый край и знать, что наградой за смерть и за подвиги, за кончину храбрую ждетъ насъ свѣтлый рай!

Идите, идите свѣтло и мужественно на подвигъ и возвращайтесь назадъ, дорогіе наши друзья и братья; возвращайтесь назадъ увѣнчанные славой, благословеніемъ Церкви, любовью Царя и благодарностью Россіи! Возвращайтесь и возвѣстите родинѣ и всему міру, что *сказа Господь спасеніе Свое, предъ языки откры правду Свою.*

Идите, осѣнивъ себя съ вѣрой и упованіемъ крестнымъ знаменіемъ: Съ нами Богъ, разумѣйте языцы и покоряйтесь, яко съ нами Богъ! Аминь.

Борець за русское дѣло на Кавказѣ.*

Не въ первый разъ совершается въ Тифлисѣ общественная заупокойная молитва о безвременно почившемъ Василии Львовичѣ Величко: добрый и отрадный знакъ. Если бы это было только обыкновеннымъ проявленіемъ любви человека къ чело-

* Рѣчь при поминованіи В. Л. Величко на панихидѣ, отслуженной членами Закавказскаго Общества испомоществованія русскимъ переселенцамъ совмѣстно съ членами Тифлискаго отдѣла Императорскаго Общества въ память Императора Александра III-го, 8 февраля 1904 г.

вѣку, разрѣшившейся въ молитву, то и въ такомъ случаѣ наше собраніе утѣшало бы сердце, какъ наглядное доказательство живущихъ въ насъ добрыхъ человѣческихъ и христіанскихъ чувствъ.

Но мы видимъ сейчасъ гораздо большее. Вѣдь многіе изъ присутствующихъ здѣсь совсѣмъ не знали покойнаго, или знали очень мало, какъ человѣка и знакомаго. Очевидно, предъ нами побужденія къ молитвѣ и выраженію сочувствія къ почившему Василию Львовичу инныя... Мы видимъ здѣсь любовь и сочувствіе къ тому дѣлу, которое онъ поставилъ себѣ задачей жизни и которому служилъ всѣми силами своей богато одаренной души. Миѣ не нужно называть это дѣло и подробно говорить о немъ; вы все его знаете: это—русское дѣло, народное, государственное русское дѣло въ широкомъ смыслѣ этого слова,—не война только, не внѣшняя защита Россіи отъ враговъ, а тяжкая, продолжительная внутренняя работа лучшихъ сыновъ Россіи, имѣющая цѣлью слить и спаять духовно съ Россією то, что приобрѣтено ею путемъ внѣшнихъ войнъ. Не легко въ наши дни выражать этому дѣлу даже простое сочувствіе; такъ много у него враговъ, враговъ злобныхъ и рѣшительныхъ, дѣйствующихъ тайно и явно. Да, такъ много у него враговъ, что даже открытыя молитвенныя собранія для поминовенія покойнаго служителя русскаго дѣла не безопасны въ смыслѣ возможности безкровнаго, конечно, преслѣдованія за нихъ, давленія и осужденія со стороны сознательныхъ или бессознательныхъ враговъ русскаго дѣла. Можно судить по-этому, какъ тяжка и часто до трагизма тяжка была самая работа покойнаго Василія Львовича. Къ этому прибавить нужно и то, что Богъ привелъ ему служить своей задачѣ въ нашемъ краѣ, гдѣ нѣтъ старыхъ культурныхъ преданій; гдѣ относительно неразборчивости въ средствахъ борьбы дальше идти некуда; гдѣ минувшіе вѣка рабства, крови, мусульманскихъ насилій, безправія, подкуповъ, измѣнъ, убійствъ и предательства ввели въ обиходъ жизни и какъ бы узаконили въ сознаніи все орудія и способы сведенія счетовъ съ неугодными и неудобными людьми...

Сколько обвиненій печатныхъ и устныхъ сыпалось на не-

го, и какихъ только прослѣдованій не пришлось ему переиспытать! Воистину, съ точки зрѣнія враговъ русскаго дѣла, у Василія Львовича не мало было грѣховъ смертныхъ и незамолимыхъ. Къ счастью, друзья его и друзья русскаго дѣла могутъ назвать эти грѣхи съ чувствомъ любви къ покойному и законной гордости, какъ лучшую похвалу поминаемому писателю и дѣятелю въ минуты зауспокойнаго о немъ моленія. Въ чемъ же его вины?

Онъ былъ виноватъ за то, что былъ отмѣченъ печатью высокаго ума и богатыхъ, выдающихся дарованій, и ко всему этому горячо любилъ Россію и вѣрилъ въ ея мощь и свѣтлое будущее. Да, въ этомъ отношеніи въ немъ какъ бы воплотились чувства и доблести его предковъ, изъ которыхъ одинъ, дѣятель временъ гетманской Украйны, Самуилъ Величко, состоя въ высокомъ званіи, при извѣстномъ Мазепѣ, не согласился быть единомысленнымъ измѣннику и остался твердымъ въ вѣрности Россіи, обнаруживъ и какъ бы завѣщавъ своимъ потомкамъ высокій государственный смыслъ.

Василій Львовичъ виноватъ былъ, далѣе, за то, что считалъ Кавказъ, залитый русской кровью и русскими денѣгами, неотъемлемою частью великаго нашего царства. Да, онъ громко и смѣло говорилъ, что политическое и государственное сліяніе Кавказа съ Россіей должно быть поставлено и проведено твердо и неуклонно.

Онъ былъ виноватъ за то, что громко исповѣдывалъ и дѣломъ доказывалъ и проводилъ въ жизнь тѣ задачи, которымъ служить прекрасный кружокъ русскихъ людей, нынѣ совершающій это зауспокойное моленіе о своемъ членѣ-учредителѣ и самомъ горячемъ работникѣ. Да, онъ утверждалъ, что на Кавказѣ и для русскаго человѣка должно быть мѣсто. Онъ былъ виноватъ, больше всего виноватъ за то, что такъ былъ непохожъ на многихъ рядовыхъ сыновъ нашего народа, лѣнивыхъ, беспечныхъ и недалъновидныхъ, которые начинаютъ сознавать опасность и убѣждаться въ дѣйствительномъ ея существованіи лишь тогда, когда она принимаетъ огромные размѣры и притомъ внѣшняго характера, въ родѣ войны; которые, по мудрому присловью народному, лишь тогда перекре-

стятся, когда грянетъ громъ: Василій Львовичъ силою творческаго ума, скажемъ болѣе—силою поэтическаго прозрѣнія умѣлъ провидѣть опасность въ то время, когда она еще назрѣвала въ еле замѣтныхъ теченіяхъ мысли и смутныхъ настроеніяхъ; онъ предчувствовалъ ее, когда она проходила въ области фактовъ и явленій обыденной жизни, повидимому, спокойной и тихой или чуть-чуть колеблющейся, какъ почва на вулканѣ...

Передергивать и преувеличивать можно все,—и вотъ, русскій государственный смыслъ у Василія Львовича объявлялся преслѣдованіемъ и травлею народностей, русское самосознаніе—узкимъ и корыстолюбивымъ націонализмомъ и т. д.

Но онъ былъ страстнымъ, рѣзкимъ; онъ ошибался..., кричали его обвинители. Да, умоляя о милосердіи къ нему Высшую Правду, мы не можемъ быть неправдивыми. Признаемъ и сознаемъ: онъ былъ страстнымъ и горячимъ человѣкомъ. Но онъ самъ мѣтко отвѣтилъ на это обвиненіе ровно четыре года тому назадъ въ эти самые дни: дѣло его было таково, что его нельзя было вести съ безоблачнымъ челомъ. И почему же, скажите, не осуждается громко, а молчаливо обходится дикая и животная страстность не слова, а самаго дѣла у враговъ Россіи,—страстность, доходящая до кинжала и крови, до наглой клеветы, низкихъ подкуповъ и тайныхъ убійствъ, а защитникамъ русскаго дѣла не прощается даже страстность слова? Развѣ только потому, что оно слишкомъ правдиво и что правда глаза колеть?

Онъ часто ошибался... Да, онъ былъ человѣкъ и ошибался. Говорятъ, что онъ видѣлъ не всю опасность, а только часть ея; говорятъ, что онъ былъ одностороннимъ, что иногда въ борьбѣ онъ не различалъ своихъ отъ чужихъ, друзей считалъ врагами и враговъ его дѣла—друзьями... Что же? Можетъ-быть, онъ не всегда могъ прозрѣть въ козни сатаны, который, по слову Писанія, иногда преобразуется въ образъ ангела свѣтла и въ видѣ близкаго и друга можетъ явиться, чтобы удобнѣе и коварнѣе раздѣлить ряды единомышленниковъ около знаменосца...

Но вѣдь все это временно, все это такъ мелко и ничтожно сравнительно съ тѣмъ, что сдѣлать покойный. Но вѣдь не

ошибается только тотъ, кто ничего не дѣлаетъ. Но вѣдь ошибка, какъ свойство несовершенной природы человѣка, ошибка искренняя, добросовѣстная не заграждаетъ человѣку дверей въ царство Божіе.

А Василій Львовичъ былъ человѣкомъ и работникомъ убѣжденнымъ и искреннимъ. Это доказалъ онъ и принятыми добровольно страданіями, и принесенными жертвами.

Онъ не продалъ своего первородства, хотя въ наше время, не какъ въ древніе дни, конечно, заплатили бы ему за это не чечевичною похлебкою, а гораздо дороже,—многими благами, вещественными и невещественными... О, если бы онъ служилъ иному знамени: не зналъ бы онъ тогда ни клеветы, ни ожесточенной травли, не подвергался бы онъ столь частымъ оскорбленіямъ, не сдѣлалъ бы онъ своего имени столь пререкаемымъ, не горѣлъ бы онъ въ нервномъ возбужденіи ежеминутно, не надорвалъ бы прежде времени своего могучаго организма... Но и помимо этого, вѣдь онъ могъ прельститься и другими, въ сущности невинными перспективами счастья: онъ имѣлъ полную возможность, пользуясь матеріальною обеспеченностью состоятельнаго помѣщика, посвятить свой досугъ и свои, безспорно, недюжинныя дарованія спокойной работѣ въ области художественнаго творчества; могъ бы составить себѣ имя и могъ быть въ числѣ не послѣднихъ писателей времени. Но онъ пожертвовалъ всѣмъ этимъ родинѣ; онъ видѣлъ и зналъ, что тревожно переживаемое время, что нравственно невозможно теперь удалиться въ область чистаго искусства; что нужно смѣлое и горячее слово любви къ отечеству; что отъ писателя требуется теперь больше вниманія къ потребностямъ и реальнымъ интересамъ русской жизни. И вотъ, онъ сошелъ въ могилу, не оставивъ вѣкамъ своего имени, какъ крупнаго писателя, не оставивъ по себѣ замѣтнаго и выдающагося произведенія... Величіе этой жертвы, скажемъ больше,—трагизмъ этой жертвы дано понять и оцѣнить далеко не всякому...

Но своему времени онъ послужилъ въ полноту силъ! Онъ служилъ проясненію русскаго самосознанія; онъ служилъ укрѣпленію въ жизни здоровыхъ и положительныхъ началъ вѣры,

патріотизма, церковности и здоровой государственности; онъ быть зоркимъ стражемъ интересовъ своего народа. Онъ служилъ Богу и родинѣ, главнымъ образомъ словомъ, своимъ вдохновеннымъ русскимъ словомъ. Но *у писателя слова—это его дѣла*. А дѣла человѣка, по увѣренію слова Божія, идутъ вслѣдъ за нимъ по ту сторону гроба. И въ этомъ—наша отрада въ переживаемыя нами теперь молитвенныя минуты, въ этомъ увѣренность и твердый залогъ загробныхъ о немъ чаяній.

Простать ему и люди его ошибки и заблужденія; время сгладить ихъ и смягчить, будущее предасть ихъ забвенію, какъ нѣчто несущественное и случайное въ его личности и дѣятельности, и вмѣстѣ съ признаніемъ правды его идей сохранить за нимъ его заслуги, оцѣнить его благородную любовь къ Россіи и вѣру въ нее, его ревность, горячность, его труды, страданія и жертвы за русское дѣло. А Господь милосерднѣе людей... О, если люди простятъ, то Господь будетъ ему болѣе милостивымъ Судіею!

Помолимся же Ему, да подастъ Онъ благодатный миръ и покой настрадавшейся душѣ почившаго, да укроетъ его милостью и прощеніемъ грѣховъ. Мы же, возглашая Василію Львовичу вѣчную память, будемъ помнить, что лучший знакъ любви къ нему—служеніе его дѣлу. Слава Богу, покойный не былъ одинокъ: это молитвенное собраніе наше, и притомъ не первое, служить яснымъ тому доказательствомъ. Пусть же сознаніе понесенной утраты вызоветъ только любовь къ почившему, благодарность къ нему и молитву о немъ, но никакъ уныніе. Елисей нѣкогда просилъ Ілію: *да будетъ духъ, иже въ тебѣ, сугубъ во мнѣ*. И хотя просьба эта показала сама пророку преувеличенною, но Господь исполнилъ ее ради необходимости воздѣйствія на современниковъ Елисея, которые слишкомъ удалились отъ пути истины и требовали чрезвычайныхъ проявленій пророческаго дара и слова для своего разумленія.

Живъ Господь; вчера и днесъ Онъ Той же и во вѣки! Будемъ призывать и просить всею горячностью молитвы и всею любовью сердецъ нашихъ, да не оскудѣютъ въ нашемъ наро-

дѣ „мужи желаній“, подобные поминаемому нынѣ рабу Божию Василию,—смѣлые духовные борцы за правду русскую: они нужны намъ не менѣе, чѣмъ герои-храбрецы на полѣ брани; будемъ просить, да не замолкнетъ среди насъ твердое и разумное русское слово; да ширится и растетъ русское дѣло и „придетъ все въ достоинство“; да будетъ духъ покойнаго,—духъ самоотверженной любви къ родинѣ и служенія ей, сугубъ во многихъ и множайшихъ сынахъ нашей родины! Чу, мы слышимъ ихъ клики геройскіе на Дальнемъ Востока!.. Въ этой доброй и свѣтлой надеждѣ вмѣстѣ съ нами да возрадуется и утѣшится нынѣ почившая въ Богѣ душа покойнаго! Аминь.

Вѣрный слуга Россіи на Кавказѣ.*

Гласъ радости и спасенія въ жилищахъ праведниковъ, десница Господня сотворила силу! (Псал. 117, 15).

Не наше только время раздѣлило и въ горѣ и радости жилища праведниковъ и жилища нечестивцевъ, и не на одну только какую-либо область жизни простирается это раздѣленіе. Съ тѣхъ поръ какъ только помнить себя человѣчество, оно въ своихъ горячихъ желаніяхъ устроить жизнь свою по началамъ высшей правды, неистребимымъ въ духовной его природѣ, стремилось, по врожденному инстинкту общности, къ созданію организацій, сообществъ,—будетъ ли это семья, родъ, племя, будетъ ли это, наконецъ, въ высшихъ проявленіяхъ истинно-человѣческой жизни, государство и церковь. Тяжкимъ, неустаннымъ тысячелѣтнимъ трудомъ и напряженіемъ всѣхъ силъ, усиліями и самопожертвованіемъ благород-

* Голосъ православнаго пастыря и гражданина по случаю покушенія на убійство Главноначальствующаго на Кавказѣ князя Г. С. Голицына и избавленія его отъ смертельной опасности весною 1904 года.

нѣйшихъ представителей человѣчества созидались и возрастали эти общества и организаціи, для церковнаго же устроенія оказались недостаточными силы человѣческія, и явлены силы высшія, Божественныя.

Въ тяжкомъ трудѣ своемъ самые благородные, самые одухотворенные дѣятели и государственнаго и церковнаго строенія всегда встрѣчали препятствія, идущія изъ жилищъ нечестивцевъ: сынамъ тьмы нестерпимъ былъ яркій свѣтъ, ночнымъ хищникамъ ненавистенъ былъ свѣтлый день, служителямъ зла, смуты и безпорядка чуялась гибель въ торжествѣ добра: Отсюда борьба ихъ противъ представителей государства и Церкви,—борьба неразборчивая въ средствахъ, кровавая, безпощадная и преступная, тѣмъ болѣе озлобленная, чѣмъ болѣе на глазахъ нечестивцевъ укрѣплялись положительныя начала общественнаго строенія, чѣмъ болѣе стѣсненною становилась злая воля служителей тьмы. И вотъ, всегда такъ случалось, что герои и труженики изъ жилищъ праведниковъ почитались врагами въ жилищахъ нечестивцевъ и обрекались на смерть, злодѣи же, убійцы и разбойники въ преступныхъ сообществахъ возвеличивались, прославлялись и объявлялись героями. Естественно поэтому, что когда раздавался „гласъ радости и спасенія въ жилищахъ праведныхъ“, въ темныхъ подпольяхъ нечестивцевъ воцарялись сатанинская злоба и уныніе.

Кто побѣждалъ въ этой борьбѣ: сыны свѣта или сыны тьмы?

Побѣда, какъ всегда и во всемъ, зависѣла отъ того, на чьей сторонѣ было больше воодушевленія и единства, больше сплоченности, идейной любви къ дѣлу, готовой жертвовать личнымъ благомъ во имя блага общественнаго, готовой трудиться, лишаться, бороться изо всѣхъ силъ. А на сторонѣ добра, ко всему этому вѣримъ мы глубоко, была всегда готова и помощь Божественная: она не подается людямъ насильно, но, пріемлемая въ доброй волѣ вѣрою и любовью, призываемая молитвой и смиреніемъ, она являла въ мірѣ чудеса побѣды и всегда посылала гласъ радости и спасенія въ жилища праведныхъ. Если же наслѣдники и потомки оказывались недостойными своихъ предковъ, передавшихъ имъ тысячелѣтними трудами блага общественныхъ.

установленій, хотя бы и Богомъ освященныхъ; если они предавались нравственной спячкѣ и апатіи, теряли единеніе, ревность, воодушевленіе и готовность съ самоотверженною любовью трудиться для блага общественнаго: тогда и Господь, послѣ вразумленій и напоминаній свыше, то грозныхъ и устрашающихъ, то милующихъ и спасительныхъ, попускалъ торжествовать злу, ибо не въ свойствахъ Всеправеднаго и Премудраго спасать насильно. Тогда, къ позору народа, кучка злодѣевъ иногда овладѣвала государственнымъ строеніемъ, навела кровавыми преступленіями ужасъ на его сыновъ, погруженныхъ въ спячку и привыкшихъ къ бездѣятельности, подавляла въ нихъ силу,—и государство гibly, въ назиданіе и устрашеніе вѣкамъ и поколѣніямъ. Не станемъ ссылаться на примѣры исторіи человѣчества; они людямъ образованнымъ и безъ нашихъ словъ понятны и памяты.

Служителю Церкви естественно обратиться къ исторіи библейской, къ исторіи народа богоизбраннаго, который хоть на короткое время явилъ міру образъ совершеннѣйшаго правленія и устройства общественнаго, такъ-называемой теократіи, въ истинномъ, широкомъ и высшемъ значеніи этого понятія. Когда человѣческое начало жизни всецѣло проникаетъ начало Божественное въ ихъ взаимодѣйствіи, когда человѣческое общество добровольно является средою для Божественнаго откровенія и всецѣлаго Божественнаго водительства,—тогда самое государство получаетъ нравственное оправданіе своего бытія и высшій смыслъ существованія: оно представляетъ собой не военный станъ, живущій и дышащій насиліемъ, не собраніе лицъ, связанныхъ взаимными выгодами, и не внѣшне-полицейское установленіе, а союзъ людей, какъ нравственно-разумныхъ существъ, руководимыхъ Богомъ въ земныхъ условіяхъ къ высшимъ и духовнымъ задачамъ своего существованія. Это—идеаль жизни человѣческой, идеаль богоправленія, въ земныхъ условіяхъ только предназначаемый и намѣчаемый и имѣющій обратить царство Божіе на землѣ въ вѣчное царство Божіе на небѣ.

Предъ нами царь Давидъ, царь—избранникъ Божій и избранникъ сердца народнаго. Въ тяжкую годину народной

жизни пришлось ему насаждать въ ней начала богоправленія, и много-много жертвъ и страданій пришлось ему переиспытать на этомъ пути: были взмущенія неразумной части подданныхъ, были измѣны и предательства—печальное наслѣдіе стараго рабства; были оскорбленія со стороны такихъ лицъ, которыя были обязаны ему одною благодарностью. Не разъ смерть стояла надъ его головою, не разъ только бѣгство спасало ему жизнь. И вотъ, въ одну изъ минутъ счастливейшихъ, когда мимо него пронеслась чаша смертная, когда все существо его было охвачено радостью только-что спасенной жизни, изъ устъ его излился дивный, вдохновенный псаломъ благодаренія Господу.

„Славьте Господа, ибо Онъ благъ, ибо въ вѣкъ милость Его. Да скажетъ нынѣ домъ Израилевъ: Онъ благъ, ибо въ вѣкъ милость Его. Да скажетъ нынѣ домъ Аароновъ (священство Израилево): Онъ благъ, ибо въ вѣкъ милость Его. Да скажутъ нынѣ всѣ боящіеся Господа: Онъ благъ, ибо въ вѣкъ милость Его. Изъ тѣсноты воззвалъ я къ Господу, и услышалъ меня, и на пространное мѣсто вывелъ меня Господь. Враги окружили меня... обступили меня, какъ пчелы (сотъ), и угасли, какъ огонь въ тернѣ. Сильно толкнули меня, чтобъ я упалъ, но Господь поддержалъ меня. Господь—сила моя и пѣснь; Онъ содѣлался моимъ спасеніемъ. Глазь радости и спасенія въ жилищахъ праведниковъ: десница Господня сотворила силу!“ (Псал. 117, 1—15).

Такъ ликовалъ Давидъ, такъ славилъ чудо своего спасенія. Но арѣлище чудесное видимъ мы и вокругъ Давида; весь домъ Израилевъ, и домъ Аароновъ, и всѣ боящіеся Господа вмѣстѣ съ нимъ славили Бога и окружили любовью и сочувствіемъ Давида, какъ представителя общаго святого и высокаго, всѣмъ дорогаго дѣла государственнаго и общественнаго строенія. Слѣдствіемъ было то, что царство крѣпло и возрастало, и не только Давидъ видѣлъ дни славы его и процвѣтанія, но и преемнику завѣщалъ его въ полномъ благоустройствѣ.

Въ наши дни, на нашихъ глазахъ десница Господня нынѣ сотворила силу. Видимъ и мы, что и нашъ домъ Израилевъ,

и домъ Аароновъ и всѣ боящіеся Господа славятъ Его милость; слышимъ и мы общій гласъ радости и спасенія въ жилищахъ праведниковъ. Только въ жилищахъ нечестивцевъ, въ средѣ сыновъ тьмы и слугителей зла и смуты могутъ нынѣ царствовать молчаніе и злобное уныніе... Именно въ этомъ гласѣ радованія или въ уныломъ молчаніи—теперь пробный камень и вѣрный показатель, гдѣ сыны свѣта и гдѣ исчадія тьмы.

Слава Богу! Это общее сочувствіе къ главному начальнику края, это участіе въ его страданіи, эта радость за его спасеніе, эти поздравленія отовсюду по священному зову Самого Монарха, эти молитвы по всему краю о чудесно спасенномъ отъ смерти князѣ Григоріи Сергѣевичѣ,—все это—добрый знакъ. И самъ князь съ полнымъ правомъ можетъ повторить и примѣнить къ себѣ приведенныя нами слова благодарнаго псалма Давидова. Да, окружили его враги съ злобнымъ желаніемъ его смерти, обступили его, какъ пчелы съ смертоносными жадами, и угасли, какъ огонь въ кустахъ терновника. Сильно толкнули его, чтобъ онъ палъ: но Господня десница сотворила силу! Дѣйствительно, кровь холодѣетъ, негодованіе и ужасъ охватываютъ всякаго, у кого не погасла послѣдняя искра порядочности, при мысли о совершившемся злодѣйскомъ покушеніи на жизнь представителя Верховной Власти на Кавказѣ. Какова дерзость и какова низость! Каково предательство и коварство Іудино—вонзить кинжалъ вслѣдъ за привѣтливымъ поклономъ! Сколько здѣсь характернаго для злодѣевъ и для ихъ тайныхъ вдохновителей! И на кого же поднялась адская злоба? И за что на него обрушилась? Что сдѣлалъ лично князь такого, что достойно кроваваго возмездія, чѣмъ озлобилъ злодѣевъ? Что сдѣлала, чѣмъ заслужила это горе, это страшное потрясеніе княгиня? Семь лѣтъ передъ нашими глазами князь Григорій Сергѣевичъ стоитъ во главѣ управленія краемъ, семь лѣтъ мы видимъ его жизнь, его дѣятельность и можемъ сказать съ полнымъ правомъ и полною увѣренностью: у него не можетъ быть личныхъ враговъ. Вставая каждый день до восхода солнца, вступая въ свой рабочій день раньше послѣдняго простолюдина, трудясь не покладая рукъ, невзирая на седьмой десятокъ лѣтъ, отказывая себѣ часто въ необходимомъ

отдыхъ и покоѣ, князь Григорій Сергѣевичъ жилъ и живетъ только для Россіи. Съ истинно-княжескою щедростью онъ съ княгинею Маріей Теодоровной широко благотворитъ и материально, отпуская безъ счета жертвы и пособія и частнымъ лицамъ на ихъ нужды, и церквамъ, и общественнымъ и благотворительнымъ учрежденіямъ. Благодарность и признательность должны возрасти вокругъ княжеской четы, а не личная злоба. Злодѣи, покушавшіеся на князя, и не только тѣ, которые явились, быть-можетъ, слѣпымъ орудіемъ сатанинской злобы и уже пожали достойное наказаніе на мѣстѣ преступленія, но и тѣ, что стояли за ихъ спинами, быть-можетъ, съ монетами, похожими на сребренники народныхъ „первосвященниковъ“ Анны и Каіафы,—это не личные враги князя, а враги Россіи!

Князь Григорій Сергѣевичъ явился на Кавказъ въ предшествіи громкой славы человѣка государственнаго, человѣка испытанной твердости и преданности престолу, безстрашнаго, прямого и рѣшительнаго. Право и предъ Богомъ и людьми русское дѣло на Кавказѣ,—въ странѣ, омытой трудовымъ потомъ и кровью русскихъ людей, утучненной ихъ жертвами и костями, усыпанной русскимъ золотомъ. И князь прямо и открыто и безстрашно вступилъ на служеніе этому правому дѣлу. Русское дѣло не ищетъ здѣсь захватовъ, не ищетъ чьего-либо порабощенія, не ищетъ подавленія того, что дорого всякому народу,—его вѣры, его языка и духовнаго строя; обвиненія въ этомъ, всегда завѣдомо ложныя, создаются и распространяются только служителями лжи и смуты изъ своекорыстныхъ видовъ. Но и по Божескимъ, и по человѣческимъ законамъ, государственное и политическое сліяніе съ Россіей этого края, купленного столь дорогою цѣною, должно быть возвѣщено и поставлено твердо и неуклонно, какъ того требуютъ величіе и мощь, нравственная правота Россіи и польза самого многоплеменнаго Кавказа. Здѣсь все должно быть исполнено справедливости, которой тысячелѣтіями не вѣдалъ этотъ край, терзаемый хищниками; здѣсь всѣмъ народностямъ должна быть оказана равноправность предъ лицомъ Вѣнценоснаго Вождя Россіи и предъ лицомъ закона. Но вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ должны служить Россіи: нѣтъ племени, нѣтъ и не можетъ быть

сословія, каково бы оно ни было, которое могло бы требовать однихъ правъ и отказывалось бы отъ обязанностей. Это основной законъ справедливости и въ личныхъ отношеніяхъ людей, и въ государственномъ строеніи. И такъ именно строилась Русь, и если кто принесъ больше всего жертвъ на это строеніе, то именно русскій народъ: Церковь русская ради такого строенія поступилась патріаршествомъ, и многими древними особенностями своего строя, и огромными имуществами, которыя въ свое время охватывали чуть не половину всей великой русской земли и которыхъ во всякомъ случаѣ нельзя отстаивать ни съ евангеліемъ и канонами св. отецъ въ рукахъ, ни тѣмъ болѣе съ мечомъ, ибо мечъ Господь повелѣлъ апостолу вложить въ ножны; дворянство русское ради того же государственнаго строенія оставляло покойныя мѣста жизни и обращалось въ служилый классъ, посылаемый во все концы Россіи; крестьянство наше, это геройское сословіе, великое въ своемъ трудѣ и смиреніи, ради государственной крѣпости себя безропотно закрѣпостило и пожертвовало свободою; купечество русское несло тяготы и подати нерѣдко въ то время, какъ иностранные и инородческіе, въ томъ числѣ и кавказскіе купцы, были отъ нихъ свободны. И когда этими общими жертвами всѣхъ сословіи возвеличилось русское царство, возросло и стало могучимъ, тогда потянулись къ нему подъ покровъ и защиту отъ сѣвера и запада, юга и востока другія племена, потянулся и Кавказъ съ его многочисленными народностями, надъ которыми по отношенію къ Россіи совершилось евангельское слово: инии трудишася, вы же въ трудъ ихъ внидосте... т.-е. воспользовались плодами ихъ трудовъ. Исторія міровая на всемъ протяженіи вѣковъ не знаетъ государства или народа, который относился бы къ другимъ племенамъ съ такимъ великодушіемъ, самоотверженіемъ, самоотреченіемъ, какъ это мы видимъ въ отношеніяхъ Россіи къ Кавказу ¹⁾. Черезъ сто

¹⁾ Упомянемъ, напримѣръ, хотя бы за послѣднія 100 лѣтъ такіе факты, какъ отпускъ извѣстному А. С. Грибоѣдову полумилліона червонцевъ на переселеніе армянъ въ Россію изъ персидскаго Азербейджана, отпускъ казенныхъ денегъ на тотъ же предметъ при Паскевичѣ-Эриванскомъ генералу Лазареву, или уллата денегъ родителямъ изъ туземцевъ Кавказа за то, что они обучали своихъ дѣтей въ открытыхъ на русскія казенныя деньги училищахъ.

лѣтъ безпримѣрныхъ жертвъ на пользу Кавказской окраины Россія была въ правѣ предъ Богомъ и людьми заговорить здѣсь и о своихъ законныхъ государственныхъ интересахъ, которые доселѣ нерѣдко великодушно приносились въ жертву интересамъ мѣстнымъ.

Время для этого назрѣло, дѣло говорило само за себя. Появленіе во главѣ управленія краемъ князя Григорія Сергѣевича было встрѣчено общими надеждами на то, что русскіе государственные интересы не останутся забыты и будутъ поставлены на началахъ полной справедливости.

Дѣйствительность вполнѣ оправдала эти надежды. Не время теперь дѣлать всестороннюю оцѣнку дѣятельности князя, но можно сказать съ полною вѣренностью, что будущій историкъ нашего края отмѣтитъ за время управленія Кавказомъ кн. Г. С. Голицына не одинъ актъ высокой государственной важности.

Но Кавказъ еще недавно, сравнительно, находится подъ благотворнымъ правленіемъ Россіи. Раньше Россіи здѣсь вѣками господствовали произволь Турціи и Персіи, истощали край взаимныя распри мелкихъ правителей, освященъ былъ въ народныхъ представленіяхъ разбой, царило безправіе и рабство. Но рабство и господство права сильнаго одинаково развращаютъ и раба и господина. На этой почвѣ безправія и отсутствія законной власти, постоянныхъ смѣнъ правленія и правителей и питалась вѣками склонность къ измѣнамъ, интригамъ и предательству, необходимымъ спутникамъ рабства. И вотъ, когда во всей странѣ воцарились теперь миръ и покой подъ сѣнью крыль русскаго орла, когда племена Кавказа въ огромной массѣ остаются и возрастаютъ въ чувствахъ глубокой преданности Россіи, благодѣяній которой нельзя не цѣнить, какъ нельзя не замѣчать свѣта и солнца,—кое-гдѣ и иногда, какъ отзвукъ старыхъ болѣзней, проявляется разбойничья склонность воспользоваться одними правами и выгодами русскаго управленія и уклониться отъ обязанностей, необходимо лежащихъ на всякомъ вѣрноподданномъ, проявляется желаніе помѣшать русскому государственному дѣлу и дикая месть его представителямъ за то или другое законное требованіе правительства.

Отсюда—и покушеніе на убійство князя Григорія Сергѣевича, отведенное рукою Господа. Повторяемъ, враги князя—враги Россіи; онъ пострадалъ, какъ русскій государственный человѣкъ, за русское дѣло на Кавказѣ.

Что же слѣдуетъ изъ этого?

Отрадно, что столь трогательно и единодушно несутся отовсюду свидѣтельства о сочувствіи князю, вездѣ возносятся благодарныя молитвы за его спасеніе. Но этого мало. Мало отнестись къ князю, какъ къ личности, какъ къ пострадавшему человѣку. Необходимо и не словомъ, а самымъ дѣломъ выразить и проявить сочувствіе ему, какъ государственному человѣку, какъ носителю государственныхъ началъ и интересовъ на нашей окраинѣ. Это нашъ стыдъ, нашъ позоръ, что среди насъ совершилось такое ужасное дѣло, какъ покушеніе на жизнь начальника края, представителя Русскаго Царя! Нужно намъ подняться въ воодушевленіи, нужно противопоставить кучкѣ озлобленныхъ злодѣевъ, враговъ Россіи, спокойное, но могучее общее настроеніе,—такое, при которомъ враги Россіи почувствовали бы себя безсильными, беспочвенными, одинокими и презираемыми и изгибли бы, какъ туманъ, какъ легкой иней предъ теплыми лучами солнца. Нужно смѣлое слово на устахъ, нужно крѣпкое содружество, крѣпкое и идейное единеніе всѣхъ положительныхъ элементовъ жизни. Нужно окружить государственную власть и уваженіемъ, и сочувствіемъ, и общою готовностью содѣйствовать ей въ исполненіи ея тяжелой работы на окраинѣ. Злодѣи хотятъ наполнить страну кровью, ужасомъ и терроромъ. Позоръ и стыдъ тѣмъ, кто на совершающіяся событія и на попытку замутить жизнь государственную будетъ смотрѣть съ малодушіемъ, боязливымъ молчаніемъ или легкомысліемъ и безпечностью, или только съ преступнымъ любопытствомъ, какъ на какую-то потѣху!

Пусть, по выраженію псалма, весь домъ нашего новаго Израиля, и домъ Аарона, и всѣ боящіеся Господа соединятся теперь вмѣстѣ въ одномъ гласѣ радости и спасенія и осужденія злодѣямъ: тогда жилища праведниковъ будутъ исполнены дѣятельной работы, а жилища нечестивцевъ да будутъ пусты!

Мы должны ясно сознать и твердо исповѣдать правоту русскаго государственнаго дѣла на Кавказѣ, мы должны крѣпко вѣрить, что въ Россіи всегда найдутся на всѣхъ поприщахъ жизни дѣятели, подобные князю Григорію Сергѣевичу, которыхъ *ни побавить, ни закупить, ни запугать невозможно* въ исполненіи ими государственнаго долга и патріотическихъ задачъ.

Дай Богъ каждому изъ насъ въ своей области быть такимъ дѣятелемъ! Дай Богъ скорого выздоровленія князю Григорію Сергѣевичу, давшему намъ въ трудѣ и крѣпкомъ стояніи за дѣло государево доблестный примѣръ, и явившемуся исповѣдникомъ русскаго дѣла на Кавказѣ! Да пошлетъ ему Господь скорое избавленіе отъ недуга и много лѣтъ крѣпости духа и тѣла на служеніе дорогой и богохранимой Россіи! Аминь.

Блудные сыны нашего времени.*

Грустную исторію рассказываетъ намъ слышанная сегодня за литургіей въ евангеліи притча о блудномъ сынѣ. Сынъ любимый, сынъ младшій сталъ тяготиться жизнью у любящаго отца и зависимостью отъ него, возсталъ противъ его власти, не пожалѣлъ его сѣдинъ, не пощадилъ его сердце, не оцѣнилъ его любовь; дерзко и съ безстыдствомъ онъ потребовалъ у отца *свою часть* имѣнія, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ онъ ею владѣлъ по праву, возмечталъ о свободѣ—и ушелъ на страну далече за призракомъ счастья и свободы, оставивъ

---

* Слово въ недѣлю о блудномъ сынѣ; сказано въ февралѣ 1904 г. въ Тифл. Сіонск. соборѣ.

отца въ горѣ, въ слезахъ и уныніи. И что же? Въмѣсто счастья и довольства—у него голодъ и лишеніе; вмѣсто радости—горе; вмѣсто свободы—грѣхъ, а въ заключеніе рабство; вмѣсто желаннаго возвышенія и мнимой самостоятельности—рядъ униженій и, наконецъ, уподобленіе свиньямъ. Грустная исторія эта, впрочемъ, кончается утѣшеніемъ: въ себя пришелъ несчастный, раскаялся, возвратился къ отцу, искренно смирился—и принять былъ снова въ отеческій домъ.

Братіе! Не слышите ли вы и въ наши дни воплей нынѣшнихъ отцовъ и горькихъ слезъ и стонров матерей чуть ли не по всему лицу земли нашей? Это нынѣшніе блудные сыны внесли слезы и горе въ нѣдра семьи! Посмотрите на нихъ, на этихъ современныхъ блудныхъ сыновъ, особенно въ нашемъ образованномъ обществѣ; ихъ дерзость и безстыдство, воистину, превысили всякую мѣру. Живутъ ли они дома въ семьѣ: ихъ тяготитъ, не говоримъ уже—надзоръ или руководство, нѣтъ, тяготитъ ихъ самое существованіе старшихъ и сожителство съ ними; учатся ли они: имъ не нравятся правила и порядки школы; на службѣ ли они или на какой-либо работѣ: для нихъ тяжело и обидно всякое подчиненіе, невыносимо всякое стороннее руководство.

Чего же они хотятъ? Какъ евангельскій младшій блудный сынъ, и они хотятъ свободы, смѣшивая ее съ необузданнымъ произволомъ; о свободѣ они печатаютъ, о ней всюду проповѣдуютъ. И вотъ, во имя этой свободы мысли и жизни для себя, они требуютъ, чтобы старшіе, родные и близкіе отказались отъ своей свободы; чтобы эти послѣдніе жили и дѣйствовали не по своей волѣ, а по волѣ и указкѣ младшихъ и дѣтей; чтобы зрѣлые и опытные люди уступили имъ, юнымъ, мѣсто въ обществѣ и государствѣ; чтобы юноши правили царствомъ; чтобы учителя и воспитатели учились у учениковъ и ихъ слушали; чтобы школою управляли не наставники, а наставляемые; чтобы вообще въ жизни, въ службѣ, въ семьѣ и въ школѣ всѣ отказались отъ своей свободы и возрѣній ради свободы подростковъ и юныхъ преобразователей семейнаго, школьнаго, общественнаго и государственнаго строя.

Но вѣдь, скажете, есть же мѣры воздѣйствія, вразумленія,

наконѣцъ, и наказаній! Такъ подсказываетъ здравый смыслъ. Но здравый смыслъ оставляетъ нашихъ блудныхъ сыновъ, какъ оставилъ и евангельскаго блуднаго сына. Воздѣйствій, вразумленій и наказаній они не признаютъ, потому что они—враги всякаго „насилія“. И вотъ, чтобы не было надъ ними этого насилія, они сами употребляютъ насиліе рѣшительно по отношенію ко всѣмъ, кто съ ними не согласенъ: къ родителямъ, бросая ихъ, оскорбляя и признавая съ ними одну связь, по которой родители должны присылать дѣтямъ на жизнь и содержаніе деньги; къ начальникамъ, надѣваясь надъ ихъ распоряженіями и доходя въ безуміи до кровавыхъ покушеній и убійствъ министровъ; къ учителямъ, запугивая ихъ шумными волненіями на урокахъ и всякими угрозами и оскорбленіями; наконецъ, къ собственнымъ товарищамъ, подавляя ихъ волю и разумъ стачками, угрозой позорнаго изгнанія изъ своей среды и безславія, а то и физическимъ воздѣйствіемъ. И слышимъ каждый годъ, и читаемъ съ грустью: тамъ волненія молодежи, тамъ прекращеніе занятій, закрытіе учебныхъ заведеній. Кругомъ столько работы, жизнь не останавливается, а требуетъ умныхъ, образованныхъ тружениковъ, вызываетъ къ молодому поколѣнію,—но что до этого блуднымъ сынамъ? Имъ нужна только пресловутая свобода. Для нея можно осквернить и храмъ Божій; для нея можно кричать и волноваться изъ-за того или другого устава школы въ то время, когда кругомъ милліоны родного народа голодаютъ; для нея можно поднять въ историческомъ храмѣ красные флаги съ требованіемъ уничтоженія такихъ-то правилъ и чуть не потоптать ногами священные трофеи 1812 года... Что для нихъ этотъ годъ, Отечественная война, великая эпопея благородной борьбы нашего народа съ насильникомъ и поработителемъ міра, и что для нихъ слава родины! Имъ нужно, чтобы не было въ школѣ правилъ, стѣсняющихъ ихъ свободу. Что дня нихъ тяготы родины, когда государство наше изнемогаетъ теперь подъ тяжестью явныхъ и тайныхъ враговъ: когда, пользуясь нашими затрудненіями, насъ хотятъ подавить экономически торговыми договорами, когда насъ лишаютъ вѣковаго вліянія на единовѣрное и единокровное славянство, когда подрываютъ наше

вліяніе тамъ, гдѣ мы его купили рѣками крови, связывая насъ задоромъ желтой расы, рвущейся къ тому, чтобы внести огонь и мечъ въ наши предѣлы? Блудные сыны устраиваютъ въ это время только собственное благо...

Но вѣдь для того, чтобы жить въ столицахъ и большихъ городахъ и заниматься, какъ важнымъ дѣломъ, волненіями и разговорами о разныхъ преобразованіяхъ школы и жизни, нужно же ѣсть и пить, имѣть жилье и одѣваться... Откуда же взять на это средства? О, и на это готовъ отвѣтъ евангельскаго блуднаго сына и повтореніе его дерзкаго, безстыднаго требованія: *отче, дайждь ми достойную часть имѣнія..* (т.-е. слѣдующую мнѣ по праву), какъ-будто и въ самомъ дѣлѣ дѣти владѣютъ, какъ собственностью, частью имѣнія родителей и могутъ по праву требовать то, что имъ не принадлежитъ и ими не заработано.

Таково часто наблюдаемое нынѣ положеніе дѣлѣ. Неудивительно поэтому, что стонъ нынѣ часто стоитъ въ семьяхъ, что сердца отцовъ замираютъ отъ страха при видѣ подростящихъ дѣтей и представленіи близкаго времени ихъ воспитанія, что матери часто не осушаютъ очей отъ слезъ и горя, что дѣти, наконецъ, нерѣдко становятся не благословеніемъ, а тяготою и горемъ семьи.

Что же дѣлать при видѣ этого ужаса? И гдѣ его причина?

Предъ нами, братья, жизнь открыта для наблюденій. Позвольте нѣкоторыми изъ нихъ подѣлиться съ вами въ отвѣтъ на постановленные вопросы.

Мы видѣли отцовъ, убѣжденныхъ сѣдинами,—отцовъ, которые сами нѣкогда были блудными сынами въ молодости, много блудили и безумствовали, и которые, не имѣя сами въ душѣ проложительнаго содержанія, не имѣя ничего, что могли бы противопоставить задорнымъ разговорамъ и заблужденіямъ молодыхъ людей, жалко заискиваютъ предъ молодежью, не смѣютъ ничего сказать ей и больше всего на свѣтѣ боятся въ ея глазахъ прослыть отсталыми, и потому молчатъ, дѣлая видъ, что соглашаются съ ея заблужденіями.

Мы видѣли отцовъ и матерей, которые по ложной ли любви, по слабодушію ли и непростительну легкомыслію, молча

и спокойно выслушивают дерзкія выходки и безумныя сужденія дѣтей о Богѣ, о Церкви, о Государѣ, о всемъ святомъ и высокомъ, и не находятъ у себя смѣлаго и властнаго слова, а иногда и вызваннаго святымъ негодованіемъ и заслуженнаго дѣтьми окрика, чтобъ остановить безуміе юныхъ, а то и любуются ими: „вотъ, молъ, какія дѣти наши! они умнѣе другихъ, они такъ сильны и свободны!“ Вотъ ужъ любовь неблагословенная!

Мы видѣли семьи, гдѣ у родителей, въ присутствіи учащихся дѣтей, брань и порицаніе ихъ учителей служатъ, такъ сказать, ежедневною приправою къ семейному обѣду; гдѣ дѣти, приходя изъ училища, при веселомъ смѣхѣ старшихъ, на потѣху и на раннее развращеніе младшихъ братьевъ и сестеръ, изображаютъ въ уродливомъ видѣ своихъ наставниковъ; гдѣ всякая строгость или взысканіе школы къ своимъ питомцамъ объединяетъ и дѣтей и родителей въ ненависти къ школѣ и въ желаніи обмануть ее всѣми видами общей семейной стачки и общей лжи по взаимному уговору.

Мы видѣли семьи, гдѣ старшіе у родители безъ стѣсненія, но съ злорадствомъ и наслажденіемъ повторяютъ при дѣтяхъ всѣ грязныя и возмутительныя сплетни, подхваченныя съ улицы или со страницъ нечистой печати, о государственныхъ властяхъ, объ архипастыряхъ и пастыряхъ, о начальникахъ и о всѣхъ власть имущихъ, втоптываютъ въ грязь свою Церковь, свою родину и ниспровергаютъ въ глазахъ дѣтей всѣ авторитеты.

Мы видѣли отцовъ и матерей, которые въ присутствіи юношей, чтобы понравиться имъ, восхваляли другихъ юношей-бунтовщиковъ, юношей, высланныхъ за безпорядки, выражали имъ сочувствіе, возводили въ герои, посылали и собирали имъ пособія и жертвы...

Если завелась нравственная гниль въ семьѣ, то можетъ ли уберечься отъ нея и школа? Вѣдь дѣятели школы не съ другой какой-либо планеты являются, а выходятъ изъ того же общества. И удивительно ли, что иногда и учителя юношей внушаютъ имъ дикія бредни, льстятъ ихъ самолюбію, ищутъ ихъ похвалъ? Удивительно ли, что даже въ начальныхъ шко-

лахъ стали раздаваться книги возмутительнаго содержанія и стали предлагаться чтенія, призывающія къ бунтамъ, какъ это засвидѣтельствовано недавнимъ правительственнымъ сообщеніемъ вслухъ всей Россіи?

Да, неудивительно, если *оправдася премудрость въ чадѣхъ ея*; неудивительно, а естественно и понятно, что, воспитывая дѣтей въ своеволіи, въ распущенности слова и мысли, подрывая при нихъ всѣ авторитеты, мы прежде всего сами падаемъ въ ихъ глазахъ, теряемъ уваженіе и обаяніе родительской и всякой иной власти, и вмѣсто сыновъ послушанія получаемъ въ дѣтяхъ чадъ противленія, нынѣшнихъ блудныхъ сыновъ.

Нужно, чтобы въ нѣдрахъ и во внутренней жизни семьи ооздалось, дѣйствительно, святилище; чтобы здѣсь царило уваженіе ко всему высокому и святому; чтобы здѣсь господствовала чистота и сдержанность слова и мысли; чтобы здѣсь образовались добрые навыки и священные семейныя преданія; чтобы дѣтямъ явлена была въ родителяхъ твердость религиозныхъ и патриотическихъ убѣжденій, уваженіе къ освященному Церковью семейному строю, благоговѣніе къ Церкви, къ Государю, къ отечеству. Нужно, чтобы среди насъ, взрослыхъ, не господствовала по всѣмъ этимъ вопросамъ гибельная путаница понятій и нынѣшнее раздѣленіе и разногласіе мнѣній. Нужно, чтобы въ средѣ нашей образовалось доброе, крѣпкое и согласное, воистину, *общественное* мнѣніе, осуждающее буеть и блудъ юности и поклоненіе ей, какъ какому-то кумиру; чтобы блуднымъ сынамъ приходилось встрѣчать одно осужденіе своимъ мыслямъ и поступкамъ; чтобы имъ стыдно было быть блудными сынами; чтобы ихъ состояніе мятежности клеймено было въ общественномъ мнѣніи, какъ позоръ и грѣхъ, а не возводилось бы въ какое-то дикое геройство...

Другія средства искорененія зла всѣ будутъ слабы. Но искоренять его нужно, необходимо нужно, иначе вся жизнь обратится въ блудную. Не всѣ вѣдь блудные сыны кончаютъ такъ, какъ это изображено въ евангельской притчѣ: часто они гибнутъ и губятъ окружающую жизнь, какъ гангрена заражаетъ все тѣло.

Нужно намъ, взрослымъ, одуматься, нужно семьямъ и родителямъ подняться, исправиться, раскаяться. Къ этому зоветь насъ все: и законъ Бога, и голосъ Церкви, и долгъ предъ родиной и обществомъ, и любовь къ собственнымъ дѣтямъ и, наконецъ, любовь,—врожденная намъ любовь къ себѣ самимъ! Аминь.

Вѣчность.*

Въ началѣ Ты, Господи, землю основалъ еси, и дѣла руку Твою суть небеса. Та погибнуть, Ты же пребываеши, и вся яко риза обветшаютъ, и яко одежду свѣши я, и помѣнятся. Ты же Той же еси, и лѣта Твоя не оскудѣютъ.

Этими словами псалма Давидова начинается апостольское чтеніе нынѣшняго дня: рѣдкое и необычное начало апостольскаго слова! Недоумѣніе вызываетъ и то, что именно въ нынѣшній день предлагается чтеніе это нашему чувству и вниманію. А какія величественныя слова! Какая глубина мысли и красота образа!

Въ началѣ Ты, Господи, основалъ землю, и небеса—дѣло рукъ Твоихъ. Да, какъ ни прекрасны и чудны небо и земля, но они появились во времени. Не вѣчны они по началу, не вѣчны и по концу: они погибнуть, но Ты во вѣкъ пребываеши, и все, какъ риза, обветшаетъ, и какъ одежду Ты свернешь ихъ и измѣнятся. А Ты все Тотъ же Вѣчный и Неизмѣнный, и лѣта и годы Твои не измѣнятся и не оскудѣютъ. Вотъ вкратцѣ содержаніе псалма. Онъ знаменателенъ былъ въ устахъ Давида и древняго Израиля, жившаго посреди язычниковъ, которые боготворили природу, почитали небо и землю вѣчными и божественными. Израиль въ этомъ псалмѣ громко исповѣдывалъ предъ цѣлымъ міромъ, что одинъ Богъ только вѣченъ и неизмѣненъ, а земля и небо—твореніе Его.

* Поученіе въ нед. 2-ю Великаго поста въ Бодбійскомъ женскомъ монастырѣ.

Но и въ наши дни, и до конца время́нь полезно людямъ держать въ памяти приведенныя слова, и Церковь особенно совѣтуетъ намъ дѣлать это въ дни Великаго поста. Слишкомъ уже мы увлекаемся временнымъ и измѣнчивымъ, слишкомъ забываемъ вѣчное и высшее: въ постъ, во дни говѣнія и покаянія, когда это вѣчное становится къ намъ ближе и оцутительнѣе, когда душа жаждетъ отрѣшиться и очиститься отъ земного и воспрянуть къ небесному, умѣстно остановиться надъ этимъ нашею мыслью и чувствомъ.

Вѣчное, неизмѣнное... О, какъ стремится душа наша въ эту возвышенную область! Какъ неистребимы и неподавимы ничѣмъ, ничѣмъ порыванія наши къ этому горнему и заповѣдному міру!

Вѣчное и неизмѣнное... Нѣтъ изъ насъ ни одного чело-вѣка, кто бы не испытывалъ усталости отъ земной суеты, кто не сознавалъ бы всей мелочности и ничтожности нашихъ ежедневныхъ интересовъ, желаній, вспышекъ чувства, заботъ и помысловъ. И тогда-то въ усталой душѣ поднимается и растетъ желаніе войти въ область вѣчнаго и слиться съ нимъ...

И вотъ вамъ, возлюбленные, здѣсь и сказывается значеніе вѣры и Церкви. Здѣсь именно *небо* на землѣ, здѣсь, и только здѣсь, вѣчны и неизмѣнны онѣ посреди временнаго и измѣняющагося міра. Мѣняются люди, ихъ страсти, ихъ мысли, ихъ горделивые успѣхи въ наукахъ, искусствахъ, въ жизни. Сегодня—одно, завтра—другое.

А въ вѣрѣ и Церкви одинъ и тотъ же Богъ, одна вѣра, одно ученіе, одна молитва, одни таинства... все едино и вѣчно. Зайдите въ храмъ на службу, вдумайтесь, вслушайтесь: вѣдь все говорить о вѣчности. Начальный возгласъ: *Благословенъ Богъ нашъ всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ*.

Діаконъ, ораремъ поводя предъ народомъ, въ образѣ круга знаменуетъ вѣчность Церкви; тутъ же и словомъ онъ заключаетъ: и во вѣки вѣковъ; и каждый возгласъ кончается словами: *и во вѣки вѣковъ*, и въ концѣ литургіи, заключая молитву, показуя чашу народу, ничего вышаго и лучшаго ни придумать, ни сказать не можетъ священникъ, кромѣ словъ: *всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ*. Да, вѣра и Церковь

есть область вѣчнаго, и духъ, ищущій вѣчнаго, только здѣсь найдетъ источникъ жизни.

Но если гдѣ особенно напряженно сказывается стремленіе къ вѣчному, то именно въ средѣ монашества. Что такое иноки и инокини? Это люди, которые отказались по возможности отъ всего земного и временнаго и избрали вѣчное и небесное: отошли отъ семьи, отъ отцовъ, матерей, братьевъ и сестеръ, отъ земныхъ радостей и заботъ, и больше всего, и выше всего поставили служеніе Богу. Оставивъ хлопотливую Марю съ ея земными заботами, они, подобно Маріи, сидятъ въ созерцаніи у ногъ Христовыхъ, по слову Спасителя,—благую часть избрали, которая не отнимется отъ нихъ, ибо она вѣчна и нескончаема.

Итакъ, въ нынѣшнемъ нашемъ молитвенномъ собраніи вполне умѣстно слово апостольскаго чтенія о вѣчномъ и неизмѣнномъ Богѣ. И самъ собою слышится урокъ: будемъ искать больше всего и прежде всего вѣчнаго и неизмѣннаго. Горняя мудрствуйте, а не земная,—учить апостоль. Вышнихъ ищите, идѣже Христосъ, одесную сѣдя Первосвященникъ нашъ во вѣки. Но скажете и спросите: а какъ же земное? Какъ безъ него обойтись? Господь отвѣтствуетъ намъ поученіемъ словъ молитвы: хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ *днесь*, только днесь, только сегодня, а далѣе я и не хочу думать о временномъ, а ищу вѣчнаго. Такъ должно думать христіанину. Самый хлѣбъ, одежда и жилище, безъ чего нельзя обойтись, это—не цѣль, а только средство къ иной, высшей цѣли, т.-е. къ удобнѣйшему и безпрепятственному служенію вѣчности. Посредствомъ земного ищи небснаго, посредствомъ временнаго приобрѣтай вѣчное,—вотъ истинная евангельская купля. Съ этой точки зрѣнія и оцѣнивать должно все, что мы видимъ въ жизни и вокругъ себя. Все для вѣчности и все цѣни съ точки зрѣнія вѣчнаго.

Вотъ теперь всѣ помыслы наши прикованы къ войнѣ. Если мы будемъ желать побѣдъ русскому народу только для обогащенія и славы,—это будетъ и недостойно и не по-христіански; это будетъ исканіе грубаго и временнаго. Но въ этой войнѣ иной смыслъ: борется христіанство съ язычествомъ, борется Крестъ съ дракономъ, борется евангеліе съ баснями язы-

ческими. Россія чрезъ побѣду благовѣствуетъ далекому міру вѣчное евангеліе о вѣчномъ Богѣ и Его Сынѣ Искупителѣ. О, тогда оружіе наше, какъ нѣкогда оружіе царя Константина вѣнчается Крестомъ и служитъ ему, тогда и Богъ говоритъ русскому народу: „Симъ побѣдиши“. Значитъ, и здѣсь чрезъ земное мы ищемъ вѣчнаго, и потому горяча должна быть наша молитва о Царѣ и Россіи, ибо съ царствомъ русскимъ расширяется и крѣпнѣе царство Христово, вѣчное царство Божіе.

Вотъ и школа предъ вами, въ ней учатся дѣти; изъ нея выходятъ учительницы,—повидимому, тоже забота о временномъ. Но если такъ, пусть лучше и школы не будетъ. Нѣтъ, школа добрая, школа церковная должна именно вести народъ къ вѣчному, напоминать ему о Богѣ, указывать ему небо, напоминать о немъ постоянно, поднимать въ немъ унывающій и падающій духъ. Горе народу, который забылъ о небѣ: онъ недостойнъ жить и на землѣ; его существованіе будетъ животнымъ и звѣриннымъ.

Но пусть онъ подниметъ глаза къ небу, пусть въ душѣ служить Богу: и жизнь его будетъ и полна, и человѣчна, и осмысленна. Будемъ же, возлюбленные, искать вѣчнаго и служить ему! Гдѣ же оно это вѣчное и гдѣ его сыскать? Вотъ и отвѣтъ апостола: „Въ началѣхъ Ты, Господи, землю основалъ еси и дѣла руку Твоею суть небеса. Та погибнуть, Ты же пребываеши, и вся яко риза обветшаютъ, и яко одежду сѣиши, и измѣнятся, Ты же Той же еси, и лѣта Твоя не оскудѣютъ“... Аминь.

Права и обязанности.*

Трудно представить себѣ другое евангельское чтеніе, болѣе соотвѣтствующее времени поста и покаянія и переживаемымъ нами настроеніямъ среди нашего общества, чѣмъ то,

* Сказано въ 5 нед. въ церкви мѣстечка Боржомъ, Тифл. губ.

которое мы сегодня слышали за литургіей. Остановимся на немъ вниманіемъ.

Господь Иисусъ Христосъ—при концѣ Своего земного служенія. Злоба враговъ Его достигла высшей степени; близко время, когда злоба эта достигнетъ своей цѣли и предасть Божественнаго Учителя на смерть. Временными удаленіями Иисуса Христа въ пустынные мѣста, какъ это было доселѣ, уже нельзя успокоить враговъ; всякая попытка придти въ Іерусалимъ уже видимо грозила Спасителю смертью, и объ этомъ засвидѣтельствовали сами ученики Господа въ отвѣтъ на высказанное Имъ желаніе идти въ Іудею. (Іоанн. XI, 8). При такихъ-то обстоятельствахъ Иисусъ Христосъ отправляется въ Іерусалимъ. Онъ идетъ молча впереди, весь преисполненный ожиданіемъ мукъ и смерти, а сзади за Нимъ слѣдуютъ ученики Его, слѣдуютъ со страхомъ, какъ замѣчаетъ евангеліе. При такихъ-то обстоятельствахъ и происходитъ замѣчательный разговоръ Спасителя съ учениками Своими. Онъ подзываетъ ихъ и говоритъ: „Вотъ мы восходимъ въ Іерусалимъ и Сынъ Человѣческій преданъ будетъ въ руки грѣшниковъ, и поругаются надъ Нимъ, и оплюютъ Его, и убьютъ Его, и убиенъ бывъ, въ третій день воскреснетъ“. Въ словахъ Спасителя слышится желаніе предохранить учениковъ отъ грядущаго соблазна: пусть знаютъ они, что совершенно ясно Учитель ихъ предвидитъ страданія, что совершенно добровольно Онъ идетъ на эти страданія, что сила Божества Его все-таки восторжествуетъ надъ спасеннымъ міромъ.

Христосъ говорилъ о Своихъ страданіяхъ и униженіи,—а ученики помышляли о славѣ Его земного царства, котораго они упорно ожидали, вопреки всѣмъ указаніямъ Господа. Мать сыновъ Зеведеевыхъ, т. е. апостоловъ Іоанна и Іакова, а потомъ и сами они обращаются здѣсь къ Спасителю съ необычною просьбою: дай, чтобъ одинъ изъ насъ сѣлъ по правую, а другой по лѣвую сторону въ царствѣ Твоемъ (Мрк. X). Такъ просятъ они, а другіе апостолы негодуютъ на нихъ, но не за то, что просьба ихъ неумѣстна, а за то, что Іаковъ и Іоаннъ себѣ однимъ просятъ благъ, на которыя рассчитываютъ и прочіе апостолы.

Все они глубоко заблуждались, думая, что царство Христа есть царство земное, и можно себя представить, как горько было на души и сердца Спасителя, когда Онъ видѣлъ, что ближайшіе Его ученики не понимали Его. И вотъ здѣсь-то Онъ и сказалъ имъ вѣчныя слова: „Вы знаете, что князья владѣютъ людьми и сильные господствуютъ надъ ними и благодѣтелями называются; у васъ же пусть будетъ не такъ, но кто хочетъ быть изъ васъ первый, да будетъ всѣмъ слуга, а кто хочетъ быть старшимъ между вами, пусть будетъ всѣмъ рабъ“.

Вотъ содержаніе нынѣшняго евангельскаго чтенія. Какъ оно примѣнимо къ переживаемому времени! Да, скажутъ: тутъ наставленія царямъ и правителямъ. Нѣтъ, другъ, это тебѣ наставленіе! Сказано: *кто хочетъ*, а мы-то больше всего этого и хотимъ... Не станемъ говорить о людяхъ властныхъ и сильныхъ, такъ ли они понимаютъ и исполняютъ свои высокія обязанности. Среди насъ нѣтъ таковыхъ властныхъ; пусть же они сами и дадутъ отвѣтъ предъ Богомъ, и не намъ судить ихъ, хотя, правду сказать, въ наше время очень любятъ заниматься этими пересудами.

Посмотримъ лучше на себя самихъ. Какъ часто въ себя и въ подобныхъ намъ людяхъ мы видимъ именно то, что было въ просьбѣ Іакова и Іоанна! Да, въ наши дни уже не старшіе, а младшіе, подчиненные, часто совсѣмъ дѣти стремятся къ властительству, забывая о подчиненіи. Высоко было призваніе апостоловъ, но Спаситель указалъ имъ на ихъ *обязанности* въ то время, какъ они помышляли только о *правахъ*. Но апостолы впоследствии уразумѣли свою ошибку и вѣнцомъ мучениковъ доказали, что они усвоили и исполнили ученіе Христа. У насъ не то. Спросите, чего мы больше хотимъ: правъ или обязанностей? Но вѣдь на правахъ всѣ нынѣ помѣшаны, и сознать свои права, добиваться ихъ во что бы то ни стало—и силою, и злобою, и преступленіемъ и кровью—считается нынѣ признакомъ особаго развитія и умственной высоты. Естественно, при этомъ у другихъ видятъ только обязанности, и однѣхъ обязанностей отъ нихъ требуютъ, а себя приписываютъ одни права, чаще всего преувеличенныя до безумія. И видимъ:

рабочіе хотять управлять хозяевами, ученики—учителями, младшіе—старшими, а юнцы, которымъ нѣтъ и двухъ десятковъ лѣтъ, желаютъ управлять всѣмъ царствомъ и поучать Царя и правительство. Что значать эти бунты рабочихъ, грубости дѣтей, волненіе молодежи, беспорядки и возмущеніе противъ власти, грубость прислуги, высокомерное обсуживаніе дѣйствій начальниковъ и старшихъ? Вотъ главное зло нашей жизни и отступленіе отъ завѣтовъ Спасителя! Съ малыхъ лѣтъ мы въ нашихъ дѣтяхъ развиваемъ неуваженіе къ Церкви, къ ея служителямъ, при нихъ смѣемся надъ всѣмъ высокимъ и начальственнымъ. Что же мудренаго, что они начинаютъ свои грубости съ родителей, переводятъ ихъ потомъ на учителей, а потомъ гибнуть навѣки.

Посмотрите, сколько этихъ учащихся и подрастающихъ дѣтей здѣсь передъ вами; можно подумать, что это мѣстечко обращено въ большую школу. Дѣти—надежда будущаго. И хочется сказать этимъ дѣтямъ, припоминая сегодняшнее евангеліе: Милыя дѣти! Слышите ли, чему учитъ насъ Спаситель? Нужно прежде всего помнить объ обязанностяхъ, а не о правахъ,—права придутъ сами собою. Помните, что жизнь не есть веселый и безпечальный праздникъ. Жизнь есть подвигъ труда, терпѣнія, страданія и смиренія, и нужно миллионъ разъ выслушать и исполнить чужую волю и чужое приказаніе, прежде чѣмъ исполнить волю свою. Горе тому, кто не умѣетъ повиноваться: онъ недостоинъ права повелѣвать. Учитесь же въ усердіи, воспитывайтесь въ смиреніи, запасайтесь умѣньемъ повиноваться. Начиная отъ Спасителя, у всѣхъ великихъ работниковъ царства Божія слава являлась послѣ униженія, воскресеніе—послѣ страданія.

А намъ взрослому урокъ: не уподобляться матери сыновъ Зеведеевыхъ, не развивать въ себѣ и въ другихъ чувствъ гордости и исканія только власти и богатства: вѣдь если всѣ будутъ искать этого, если всѣ будутъ желать власти, то кто же будетъ повиноваться? Что было бы, если бы теперь войско не повиновалось въ войнѣ начальникамъ? Вѣдь тогда погибло бы государство. Точно такъ же погибнетъ вся жизнь, если въ ней не хватаетъ духа повиновенія.

Но будемъ въ повиновеніи искать и видѣть не только силу и спасеніе жизни, не только исполненіе заповѣди Спасителя, но и высокое наслажденіе. Не такъ давно одинъ старецъ митрополить, чрезъ 50 лѣтъ высокой архіерейской власти, прибылъ въ тотъ монастырь, гдѣ онъ давно-давно былъ простымъ монахомъ и послушникомъ, исполняя самыя черныя работы. Возведенный въ самый высшій санъ митрополита, онъ принималъ теперь этотъ монастырь въ управленіе. Собрались монахи, ждали поученія. Старецъ-митрополить сказалъ: „Пятьдесятъ лѣтъ назадъ въ этой обители несъ я первые труды послушанія. Какъ хорошо тогда мнѣ было: все ясно, опредѣленно все указано, ни за что не отвѣчаешь. Потомъ 50 лѣтъ я былъ архіереемъ и все приказывалъ, да наказывалъ. И вотъ, передъ гробомъ говорю вамъ: лучше повиноваться, чѣмъ повелѣвать“...

Да, лучше повиноваться, чѣмъ повелѣвать!

И если теперь у насъ нестроенія въ жизни, то причина одна: всѣ желаютъ повелѣвать, и никто не хочетъ повиноваться.

И если бы Богъ восхотѣлъ наказать насъ въ теперешней войнѣ, или въ послѣдующемъ мирѣ: то это выразится именно въ томъ, что мы забудемъ объ обязанностяхъ, и помнить будемъ только о правахъ...

Но вѣдь на такомъ основаніи никогда и нигдѣ не строилась жизнь!

Предъ нами образъ Спасителя въ нынѣшнемъ евангеліи, и слово Его: Онъ пришелъ не для того, чтобъ Ему другіе послужили, но чтобы послужить и отдать жизнь Свою для избавленія многихъ..... Аминь.

Вѣчное торжество правды.*

Христось Воскресе!

Да, Онъ воскресъ на радость ученикамъ и міру, Онъ воскресъ, несмотря на злобу враговъ, уже торжествовавшихъ надъ Нимъ побѣду, несмотря на охрану римской стражи, несмотря на тьму охватившей Его гробъ ночи! Смерть не удержала въ своихъ объятіяхъ Начальника жизни, адъ встрѣтилъ въ Немъ своего Разрушителя.

Онъ воскресъ,—и какъ гибнетъ тьма предъ лучами восходящаго свѣтила, все одушевляющаго и оживляющаго, какъ бѣжитъ ночной холодъ предъ тепломъ солнца, такъ гибнетъ предъ вѣстью воскресенія всякое уныніе и всякіе страхи; Онъ воскресъ—и вселилъ этимъ въ міръ такую радость, бодрость, вѣру и жизнь, что предъ ними померкла область самой смерти, и сущи во гробахъ оказались живыми! Яко исчезаетъ дымъ, яко таетъ воскъ отъ лица огня, такъ исчезаютъ изъ души, вѣрующей въ воскресеніе, послѣднія сомнѣнія, бѣгутъ колебанія и всякія попытки врага истины поселить въ ней смертныя тѣни недовѣрія къ добру и правдѣ, не вѣрія въ ихъ окончательную побѣду надъ міромъ злобы и лукавства.

Онъ воскресъ... О, чудная, всеоживляющая вѣсть! О, святая, дивная, всерадостная ночь воскресенія! Въ волнахъ житейской суеты, когда смотришь на тебя издали, ты кажешься обыкновенною въ средѣ другихъ ночей года. Но пришла ты, свѣтозарная, но заговорила своимъ властнымъ языкомъ, заглянула въ душу,—и все освѣтила, всѣмъ завладѣла въ глубинахъ сердца, и не уйдетъ отъ твоего возвышающаго и обаятельнаго воздѣйствія самая зачерствѣвшая въ не вѣрїи душа! Недаромъ поэты всѣхъ временъ и народовъ сложили въ честь Воскресенія Христова дивныя пѣсни; недаромъ одинъ изъ титановъ

* Пасха Христова, 28 марта 1904 года.

нашей русской мысли, Ф. Достоевскій, признается, что въ эту ночь воскресенія онъ впервые послѣ горячаго спора съ атеистомъ, при первомъ ударѣ колокола къ пасхальной заутренѣ, „реально опозналъ Бога“...

Конечно, прійти къ этому дано не всякому. Только дѣтство, съ его непосредственною вѣрою и свѣжестью чувствъ, видитъ, какъ въ этотъ день солнце на небѣ играетъ и переливается, да народъ, этотъ великій ребенокъ вѣры, знаетъ въ непоколебимомъ убѣжденіи, что врата рая въ эти дни не затворяются и души умершихъ въ чудный праздникъ Пасхи въ небесномъ полетѣ въ горнія блаженныя обители не встрѣчаютъ себѣ никакой препоны.

Но чѣмъ дальше живешь, чѣмъ болѣе вдумчиво относишься къ окружающему, чѣмъ шире опытъ, тоньше совѣсть и ближе послѣдняя неизбѣжная грань бытія,—тѣмъ болѣе чувствуешь всю неизмѣримую глубину истины воскресенія, именно въ немъ также какъ бы „реально опознаешь Бога“... Жизнь полна противорѣчій, зло торжествуетъ такъ часто и такъ нагло, чувство собственнаго безсилія такъ тяжело, смерть такъ неизбѣжна и ужасна: куда укрыться отъ всего этого, гдѣ найти бодрость и радость? Въ воскресеніи нашего Божественнаго Учителя! Воистину, Онъ воскресъ и по страданіи Своемъ живымъ явилъ Себя ученикамъ Своимъ. Что было бы, если бы Онъ не воскресъ? Тогда Пилатъ, и Іуда, и Анна съ Каиафою, и лжесвидѣтели, и озвѣрѣлая толпа, и завистливые книжники,—всѣ бы они были хозяевами міра и были бы оправданы суровою правдою жизни. Но Онъ все-таки воскресъ, доказалъ Свое Божество, оправдалъ Свое искупительное дѣло, восторжествовалъ надъ зломъ во всей его совокупности, умертвивъ самую смерть,—это зло коренное и самое страшное. Кто вѣруетъ въ Него,—а какъ въ Него не вѣровать?—тотъ изъ устъ Его въ евангеліи особенно часто слышитъ настойчивое, безъ конца повторяемое слово: во Мнѣ ты имѣешь жизнь вѣчную. Итакъ, пусть торжествуетъ иногда зло, льется кровь невинная, поднимаетъ голову Іудино окаянство; пусть міръ полонъ несовершенства и противорѣчій, пусть человѣкъ нарушаетъ нравственную гармонію міра грѣхомъ и паденіями: Онъ все-таки воскресъ, нашъ

Учитель и Господь, Онъ смерть попралъ, Онъ далъ залогъ и надежду на окончательное торжество Правды вѣчной. Онъ и живымъ и мертвымъ возвѣстилъ о спасеніи отъ зла. Да, и мертвымъ: ибо съ Его воскресеніемъ мертваго нѣтъ ни единого въ гробѣ и „жизнь жительствоуетъ“ во всемъ необъятномъ Божьемъ твореніи!

Какъ же не радоваться Его возстанію? Небу и землѣ несется нынѣ отрадный благовѣсть, такъ хорошо въ эти дни символизируемый цѣлодневнымъ звономъ въ храмахъ. Христось воскресе!—такъ говоритъ міру, какъ живой, этотъ мѣдный голосъ.

Донесется ли онъ до васъ, наши дорогіе братья-воины, хранящіе миръ нашъ? Или вы встрѣтите и въ этотъ святой день праздника коварнаго врага, великіе трудъ, опасность, муки и смерть? О, съ вами, съ вами, дорогіе, въ этотъ день вся наша Россія во главѣ съ Царемъ, и вся Церковь, сіяющая и радостная вѣрою въ Воскресшаго и смерть Поправшаго! Гдѣ бы вы ни были, что бы съ вами ни случилось—и въ страдной жизни, и въ геройской смерти, и по ту сторону могилы плетъ вамъ привѣтъ святая родина: Христось воскресе! Побѣдитель ада и смерти грядетъ къ языческому Востоку, сѣдющему во тьмѣ и сѣни смертной. Вы являетесь Его дружиною, отстаивающею жертвами и кровью Его достояніе. Скоро ли забрезжитъ тамъ вѣра въ Воскресшаго? Но слово Его не пройдетъ мимо: будетъ проповѣдано евангеліе Его Царствія во свидѣтельство всѣмъ народамъ, и вся земля поклонится Ему, поклонится имени Его всякое колѣно земнородныхъ! И тогда всѣ другъ друга обьемемъ, рцемъ: братіе, и ненавидящимъ простимъ вся воскресеніемъ... Свершится ли это чудо нравственнаго перерожденія міра? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, надо дать вопросъ другой: думалось ли бѣгушимъ къ Мертвецу въ цвѣтуцій садъ Іосифа мѣроносицамъ и робкимъ апостоламъ, думалось ли унылымъ путникамъ эммаусскимъ, заплаканными глазами не узнавшимъ Воскресшаго Учителя,—думалось ли имъ, что вѣрующихъ въ Воскресшаго на землѣ будетъ столько, сколько мы ихъ видимъ теперь?

Не думалось умомъ, но ясно гласилось въ сердцѣ Духомъ Божіимъ.

Сокрыты отъ вѣковъ и родовъ тайны Божіи. Но одна тайна открыта: добро побѣдитъ зло и Господь положитъ враговъ Христа въ подножіе Его...

Ибо Христосъ воскресе, воистину воскресе! Аминь.

Свидѣтельство о Христѣ.*

И будете Мнѣ свидѣтели во Іерусалимѣ же и Самаріи, и Іудеи и даже до послѣднихъ (предѣловъ) земли.

Свидѣтелями Господа Іисуса Христа повелѣно быть ученикамъ Его. До послѣднихъ предѣловъ земли завѣщано имъ возвѣстить принесенное на землю съ неба евангеліе царствія Божія, которому надлежитъ быть проповѣданнымъ всему міру и въ слухъ и во свидѣтельство язычникамъ...

Великое посольство апостоловъ въ мірѣ! Велико имъ и обѣтованіе Господа: „Я съ вами во всѣ дни до скончанія вѣка“. Не потому ли они, какъ сказано въ евангеліи, и возвратились съ радостью съ горы Елеонъ въ Іерусалимъ, хотя разстались съ Господомъ, хотя, повидимому, должны были печалиться, ибо видѣли собственными очами Его восшествіе отъ земли на небо, ибо получили въ завѣщаніе подвигъ проповѣди, за который; какъ и Самъ ихъ Божественный Учитель предрекъ имъ, имъ готовились бѣды и напасти, гоненія, раны, темницы, мученія и смерть?

Возлюбленные! Радость обѣтованія Господня при Его вознесеніи дана не однимъ апостоламъ; она со всѣми вѣрующими, а слѣдовательно, и съ нами со всѣми во вѣки. Когда говорилъ Онъ Маріи Магдалинѣ: „Восхожду ко Отцу Моему и Отцу вашему и Богу Моему и Богу вашему“,—Онъ говорилъ тогда всѣмъ вѣрующимъ въ мірѣ. Когда Онъ обѣщаль предъ вознесеніемъ: „Я съ вами во вся дни до скончанія вѣка“,—Онъ

* Сказано въ день Вознесенія Господня и Рожденія Государя Императора 6-го мая 1904 г. въ Бодб. жекск. монастырѣ Тифл. губерніи.

объщалъ это всей Церкви, Имъ основанной, всѣмъ ученикамъ Своимъ, кто бы они ни были, гдѣ бы и когда бы они ни жили. Оттого-то и взываемъ мы радостно въ сорокадневный праздникъ Воскресенія: „О, божественнаго, о, любезнаго, о, сладчайшаго, твоего гласа! Съ нами бы неложно объщался еси быти до скончанія вѣка, Христе, его же вѣрнии, утверженіе надежды имуще, радуемся“.

Но съ радостью вѣчнаго пребыванія со Христомъ имѣемъ мы предъ глазами и Его завѣщаніе: будете Мнѣ свидѣтелями—до послѣднихъ земли. Не къ однимъ только апостоламъ относилась и эта заповѣдь. Ибо было собраніе до 500 вѣрующихъ, когда Онъ явился имъ на горѣ Галилейской и всѣмъ, и на всѣ вѣка сказалъ: шедше научите вся языки... И всѣмъ заповѣдано въ молитвѣ Господней просить Отца Небеснаго о томъ, чтобы свяtilось и славилось имя Его, и чтобы пришло Его царствіе...

Какъ же, спросите, какъ мы можемъ быть Ему свидѣтелями? Какъ можемъ проповѣдывать евангеліе Его царствія? Развѣ это лежитъ на обязанности не однихъ пастырей и учителей? Какъ простые люди, не призванные къ учительству, неученые, бѣдные, безвѣстные, уединенные отъ міра, мы можемъ поучать міръ?

О, воистину, безмѣрно широка и многообразна проповѣдь о Господѣ! И кто знаетъ, кто больше содѣйствовалъ и содѣйствуетъ ей: люди ли словеснаго и даже златословеснаго учительства, или простыя сердца, простые вѣрующіе, которые въ вѣка былие широкою рѣкою благовѣстія, выраженного самою своею жизнью, пронесли по всему міру славу и силу имени Христова! Неисповѣдимы судьбы Божіи, и въ міроуправляющемъ Промыслѣ все устроено такъ, что и такъ-называемое великое и малое направлено къ единой и вѣчной цѣли. Такъ въ сложной машинѣ и маленькій винтикъ, и большое колесо—все рассчитано, пригнано и примѣрено, и все важно для дѣла. То же самое—всѣ члены Церкви.

И мы, какъ бы ни были просты, какъ бы ни были безсильны: всѣ мы, каждый въ своемъ кругу, каждый по своимъ силамъ и по обстоятельствамъ, служимъ Христову благовѣстію

И каждый самый простой іерей, возглашая: Благословенно царство Отца и Сына и Св. Духа, совершаетъ апостольское дѣло. И самый препростой діако́нъ однимъ краткимъ призывомъ: „миромъ Господу помолимся“ уже свидѣтельствуе́тъ о Господѣ. И послѣдній клирикъ, взывая „Господи помилуй“, и молчаливый стражъ въ церкви, возжигая свѣчу, убирая храмъ, подавая кадило и ударяя въ колоколь; и послѣдній мірянинъ, устроивъ дома икону и лампаду, научивъ дѣтей вѣрѣ, исполнивъ долгъ исповѣди и причащенія, и каждый самый скромный труженикъ школы, заронившій въ душу ребенка сѣмя вѣры, и каждый самый скромный ученикъ, съ усердіемъ слушающій въ школѣ слово благочестія, и самая безвѣстная изъ васъ монахиня, совершающая свое молитвенное правило, и послѣдній прохожій, только перекрестившись около храма: всѣ, всѣ мы и каждый въ отдѣльности, чрезъ это приобретаемъ къ апостольскому дѣлу проповѣди и свидѣтельства о Христѣ предъ всѣмъ міромъ. А вотъ еще всѣмъ и всегда доступное высшее и лучшее свидѣтельство: свидѣтельство жизни благочестивой и богоугодной, наглядное приложение и исполненіе заповѣдей евангелія!

Апостоль въ посланіи къ коринтянамъ пишетъ современнѣму ему христіанамъ: немногіе изъ васъ мудры, немногіе знатны. Но эти немудрые и незнатные силою примѣра высокой христіанской жизни безъ словъ такъ краснорѣчиво проповѣдали евангеліе, что черезъ три столѣтія, несмотря на гоненія и преслѣдованія, весь міръ, и все мудрое, и все знатное склонилось къ подножію Креста Господня, и онъ засіялъ на коронѣ державныхъ царей, недавнихъ гонителей христіанства. Позвольте въ поясненіе привести лишь одинъ примѣръ изъ жизни древнихъ христіанъ.

Было однажды страшное моровое повѣтріе въ языческомъ городѣ, люди умирали тысячами, всѣ были объаты страхомъ. Забывъ милосердіе и братолюбіе, язычники заботились каждый о себѣ. Больные лежали безъ призора; свои близкіе, боясь заразы, оставляли ихъ на произволъ судьбы, лишая кружки воды и куска хлѣба; мужья оставляли женъ, дѣти бросали родителей и наоборотъ; мертвые безъ погребенія валялись по ули-

дамъ города. И вотъ тогда-то явились на помощь несчастнымъ прежде гонимые въ этомъ городѣ христіане. Они безкорыстно стали служить больнымъ, хоронили мертвыхъ, безстрашные въ своей любви къ гонителямъ. И что же? Когда окончилось моровое повѣтріе, не нужно было уже проповѣдывать Христа,—безъ проповѣди, безъ убѣжденій городъ весь сталъ христіанскимъ.

Это было истинное и самое сильное и рѣшительное свидѣтельство о Христѣ предъ язычниками, во исполненіе слова Господа нашего и Спасителя: „Такъ да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ челоуѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла и прославятъ Отца вашего, иже есть на небесѣхъ“.

Итакъ, да не смущается никто заповѣдью относительно свидѣтельства о Христѣ: оно всемъ и всякому доступно въ Церкви.

Но есть, возлюбленные, есть цѣлые народы, несущіе во главѣ съ царями своими дѣло апостольское, есть народы, какъ бы особенно избранные для того, чтобы свидѣтельствовать міру о Богѣ Истинномъ, а язычникамъ—о Христѣ, объ Его Церкви, объ Его спасеніи. Таковъ въ Вѣтхомъ Завѣтѣ былъ народъ Израильскій. Въ Новомъ Завѣтѣ—вы сами узнаете этотъ народъ: это—святая Русь. Исполонъ вѣковъ несла она Крестъ и проповѣдывала евангеліе и на далекомъ Сѣверѣ, и въ равнинахъ Европы, и въ глубинѣ Азіи; исполонъ вѣковъ отстаивала она Крестъ Господень отъ нападенія враговъ, и только Господь Единный вѣдаетъ, сколько крови пролила Русь святая въ защиту вѣры!

И теперь такая точно война ведется Россіей на Дальнемъ Востокѣ. Полчища язычниковъ, за которыми дремлютъ, но готовы пробудиться новые необозримые ихъ милліоны, устремились на православную Россію. Мы не хотѣли и не ждали войны, и потому она особенно тяжела для нашей родины.

Но Россія ведетъ войну въ защиту Креста, во свидѣтельство языкомъ—до послѣднихъ земли. И молимъ мы: да благословитъ Господь оружіе Крестоноснаго Императора нашего, день рожденія Котораго мы нынѣ празднуемъ. Въ нынѣшній день и въ настоящія минуты Государь находится далеко отъ

Своей столицы—среди войскъ, отправляющихся на войну. Онъ благословляетъ Свое воинство на брань. Да станетъ съ нимъ и надъ нимъ вся благословляющая Россія, а надъ ними—Самъ благословляющій Христосъ. Призовемъ всеми молениями сердець это Божіе благословеніе Царю и Россіи. Много крови нашихъ братьевъ прольется, много и долго будутъ литься въ Россіи въ городахъ и деревняхъ горючія слезы объ убитыхъ сыновьяхъ, мужахъ и братьяхъ...

Господи! Призри на скорбь народную, призри на слезы вдовъ и сиротъ и оставленныхъ престарѣлыхъ родителей! Вниди, Господи, въ восклицовеніи и въ гласѣ трубномъ, пройди предъ лицомъ воинства нашего! И какъ въ дни былые Ты далъ намъ хребетъ нечестивыхъ супостатовъ и даровалъ намъ водрузить Крестъ надъ мусульманскимъ полумѣсяцемъ, такъ и нынѣ сподоби Русь святую вознести сіяющій Крестъ Твой и надъ гордымъ языческимъ знаменемъ Восходящаго Солнца! Аминь.

Царь, Россія и война.*

Аще не Господь созиждетъ домъ, всеу трудитася внидоуши; аще не Господь сохранитъ градъ, всеу бдѣ стрегити (Пс. 126, 1).

Это, братіе, исповѣданіе древняго царя, избранника народа, „царя по сердцу Божію“. Полное религіозной вѣры, полное глубочайшаго смиренія и всецѣлой преданности высшему, Божьему міроуправленію, оно раздѣлялось всемъ его народомъ и передано, волею Духа Божія, въ завѣтъ и руководство народамъ грядущихъ временъ на вѣки вѣчные.

Глубоко напечатлѣлъ въ своемъ сердцѣ этотъ завѣтъ нашъ русскій народъ и съ трогательною вѣрою, съ полнымъ послу-

* Слово въ день священнаго коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ 14 мая 1904 г. Сказано въ Тифлисскомъ военномъ соборѣ при священнослуженіи екаарха Грузин.

шаніемъ урокамъ небесной мудрости осуществилъ его и въ частной жизни, и въ своемъ тысячелѣтнемъ государственномъ строеніи. Наглядный тому показатель—это благочестивый обычай на Руси всякое дѣло начинать молитвою; нагляднымъ тому показателемъ служить и наше нынѣшнее молитвенное собраніе; но въ особенности, но главнѣе и величественнѣе всего такимъ показателемъ является событіе священнаго помазанія Царя нашего на царство, которое сегодня воспоминаетъ, торжествуя, вся великая и святая Русь.

Ибо что такое священное торжество Царскаго коронованія, какъ не яркое проявленіе религіозной идеи, всецѣло проникающей русскую государственность? Что такое священное коронованіе Царей, только въ одной Россіи сохранившееся во всемъ внѣшнемъ величіи своемъ и во всей глубинѣ сокрытаго въ немъ смысла, какъ не всемірное исповѣданіе русскаго возрѣнія на Царя, выраженнаго мѣткимъ народнымъ словомъ: „Царь—отъ Бога приставъ“? Что это, какъ не торжественное выраженіе глубоко-христіанскаго вѣрованія, что царство земное должно быть воплощеніемъ и осуществленіемъ вѣчныхъ плановъ, задачъ и законовъ царства Божія, небеснаго? Когда Царь пріемлетъ избраніе и помазаніе отъ Святого, когда власть, силу и державу пріемлетъ Онъ не отъ людей, не по жалкимъ и шаткимъ договорамъ съ ними, а отъ Бога, тогда самая власть получаетъ характеръ религіозно-отеческій, т.-е. изначальный и существенный вообще для власти; тогда и отвѣтствуетъ Царь и царство предъ Богомъ; тогда между закономъ Божиимъ и закономъ царства не можетъ быть противорѣчій; тогда самое государство принимаетъ характеръ религіозно-нравственный, сливаясь съ Церковью, ибо законы Бога суть правда и святость.

Велико значеніе этой религіозной идеи, ясно сознанной и послѣдовательно осуществляемой въ жизни и исторической дѣятельности народа. Она освѣщаетъ ему жизнь яркою путеводною звѣздою; она осмысливаетъ его прошлое, его настоящее; она даетъ ему мѣрило и руководство для опредѣленія будущаго. Но какъ въ жизни отдѣльныхъ личностей бываютъ моменты, когда сознаніе высшаго религіознаго долга и высшаго призванія проясняется и вспыхиваетъ особенно ярко въ чело-

вѣкъ и становится повелительною силою, руководящею его въ жизни и дѣятельности, властно опредѣляющею его поведение въ данный моментъ, такъ и для цѣлаго народа, для цѣлаго государства бываютъ особо величественные моменты жизни, когда предъ народомъ открывается величайшее дѣло, величайшій подвигъ, правильное разрѣшеніе и исполненіе котораго возможно только при ясномъ сознаніи имъ своего высшаго мірового Божьяго призванія и религіозно-опредѣленнаго долга. Тогда историческій долгъ народа повелительно опредѣляетъ ему поведение, и онъ не можетъ отступить отъ высшихъ велѣній, какого бы труда, напряженій и жертвъ ни потребовалъ отъ него подлежащій ему подвигъ: предъ нимъ меркнуть и отходить на второй планъ всѣ прочіе интересы жизни.

Но спросятъ: всѣ ли ясно понимаютъ эту религіозную идею народа, всѣ ли сыны его ясно представляютъ свое міровое высшее призваніе? Конечно, не всѣ. Но какъ въ тѣлѣ принято относить разумно-сознательную работу къ головѣ, которой какъ бы повинуются прочіе члены, такъ и въ народѣ: представители его мысли и жизни, его вожди должны сознавать и особенно въ выдающіеся моменты исторіи должны исповѣдывать дѣломъ и словомъ призваніе народа и имъ руководиться. И какъ въ тѣлѣ многое и притомъ самое важное для его жизни и благополучія совершается безсознательно или малосознательно, какъ въ жизни тѣла часто и притомъ безошибочно дѣйствуетъ врожденный и Творцомъ вложенный въ челоуѣка могучій жизнеохранительный инстинктъ, такъ и въ народѣ: многое онъ понимаетъ, не умѣя только выразить этого ясно и точно, а ко многому онъ стремится въ своей исторической жизни, руководясь не ясно сознанными цѣлями, а смутнымъ чувствомъ, безошибочнымъ инстинктомъ, воплощеннымъ въ народныя преданія. Опредѣлить и уяснить себѣ такое движеніе народа можно только въ исторической перспективѣ; съ этой именно точки зрѣнія, при взглядѣ назадъ, на пройденный Россіей тысячелѣтній путь, становится яснымъ и разумнымъ, планомѣрнымъ и цѣлесообразнымъ величественный ходъ и движущія начала ея жизни: Кіевъ, Новгородъ, борьба за сѣверныя рѣки и южныя степи, путь къ Черному и Бѣлому морямъ, по-

ходы въ Цареградъ чрезъ „Русское“ море, Волга, Ока, Вятка, Казань и Астрахань, Уралъ и Сибирь, Кавказъ и Крымъ,—и эта загадочная, таинственная тысячелѣтняя тоска пѣсни преданій и мечтаній народа, живущаго на сушѣ, о синемъ морѣ, эти порыванія къ дальнему морю-океану... Здѣсь намѣченъ нами только внѣшній ростъ Россіи, указано только средство, данное ей свыше для достиженія призванія неизмѣримо важнѣйшаго; оно—въ утвержденіи царства Божія по пути всего этого великаго движенія отъ береговъ Днѣпра и Ильменя до береговъ всѣхъ морей и океановъ; оно—въ водруженіи креста и проповѣди евангелія, по завѣту Спасителя, до послѣднихъ предѣловъ земли (Дѣян. I, 8). Призваніе это, міровое и великое,—наша честь и слава, и наше нравственное право на бытіе, но оно—вмѣстѣ съ тѣмъ тяжкій долгъ нашъ предъ Богомъ и человѣчествомъ; оно выстрадано русскимъ народомъ, полито его кровью, потребовало много тяжкихъ жертвъ и, конечно, потребуеъ много этихъ жертвъ и въ будущемъ. Оно обвѣяно его поэзіей, его ясновидящими преданіями, мистическими предчувствіями. Отъ него мы не можемъ, не смѣемъ, не въ силахъ отказаться: это было бы не только позоромъ, не только измѣною высшему предназначенію и царству Божію, но и отказомъ отъ самаго нашего бытія.

Повторяемъ: бываютъ моменты въ жизни народа, когда его призваніе выступаетъ предъ нимъ особенно ярко и властно, когда религіозно опредѣленный долгъ народа поставляетъ его предъ великимъ и тяжкимъ подвигомъ. Такой именно моментъ переживаемъ мы теперь, въ настоящее время войны на Дальнемъ Востокѣ, къ которой приковано все наше вниманіе, и думы дня и видѣнія ночи.. Религіозная идея царства нашего, столь величественно выраженная въ священномъ помазаніи нашихъ Царей, высшее предназначеніе Россіи и ея исторической долгъ,—вотъ чѣмъ должны теперь опредѣляться все наше поведеніе, наши помыслы, взгляды и настроенія. Предъ этимъ мѣриломъ мысли и жизни пусть умолкнутъ голоса трусости и малодушія, презрѣнные вопли и шопотъ злорѣчія и шипящей сплетни, что иногда омрачаютъ, къ сожалѣнію, благородный подъемъ народнаго духа въ наши дни.

Міровое призваніе Россіи опредѣляетъ цѣну нынѣшней брани. Не будемъ много говорить о томъ, что мы не начинали войны, и что въ своихъ непосредственныхъ отношеніяхъ къ Японіи Россія никогда и ничѣмъ ее не обижала, ничего у нея не отнимала.

Но спросимъ: кто и съ кѣмъ воюетъ? Россія прожила тысячу лѣтъ и за это время много поработала для всемірнаго блага и общечеловѣческаго счастья: сломила восточное варварство; спасла отъ разгрома европейскую цивилизацію, заслонивъ собою нашествіе дикихъ ордъ; освободила православный Востокъ, подавила истребительный разливъ мусульманскаго фанатизма; дала политическое существованіе не одной народности, образовала Имперію, въ которой нашли себѣ жизнь и покой множество племенъ, прежде занимавшихся взаимнымъ истребленіемъ; наконецъ, на огромномъ протяженіи территоріи, равной $\frac{1}{5}$ всего свѣта, она насадила порядокъ блага, культуры и мирной жизни, основанной на христіанствѣ, воспринятомъ въ самое существо народнаго русскаго духа. Что же сдѣлала Японія для міра? Существуетъ она, если вѣрить ея кичливымъ историкамъ, цѣлыхъ три тысячи лѣтъ, и что же, кромѣ горя, слезъ и страданій, принесла она всѣмъ, кто имѣлъ несчастье съ нею соприкастаться?

И мы воевали, но наши войны всѣ были идейными, а японскія войны для Кореи и Китая были только разбойничьими набѣгами. Теперь Японія тянется къ міровой роли и нескрываяемо ищетъ пріобрѣсти для себя міровое значеніе. Но вѣдь такое значеніе основывается и вырастаетъ не на властительствѣ, а на жертвѣ; его надобно *выстрадать*, чтобы пріобрѣсти на него право нравственное, а не насильническое. За кого же въ этой брани можетъ стать мыслящій и честный человѣкъ, кто будетъ правъ предъ лицомъ Бога и исторіи? Неужели права будетъ Японія, и только за то, что въ теченіе послѣднихъ 30 лѣтъ она, въ дополненіе къ азіатскому коварству, овладѣла верхушками европейской цивилизаціи, перенявъ изъ нея тайну стрѣлять хорошо изъ пушекъ и подводить разрушительныя мины?

Религіозная же идея даетъ смыслъ и нашему патріотизму,

нашему воодушевленію, даетъ смыслъ и жизни, и смерти нашихъ воиновъ. Удивительно, какъ въ великіе моменты исторіи ярко вдругъ сказывается основной тонъ жизни народа. Царь напутствуетъ молитвою и св. иконами отправляющіяся на брань войска. Народъ во всѣхъ своихъ сословіяхъ не нашелъ иныхъ способовъ выразить свои благожеланія главнымъ вождямъ арміи и флота, какъ поднесеніемъ имъ такихъ же религіозныхъ символовъ. Въ геройскомъ морскомъ бою на палубѣ судна видимъ мы священника, не отходящаго отъ мѣста, гдѣ рвутся снаряды, гдѣ льется кровь и носятся грозныя тѣни смерти, и съ иконою въ рукахъ благословляющаго умирающихъ. На суднѣ, гдѣ погибъ съ дружиною вѣрныхъ сподвижниковъ главный вождь нашихъ морскихъ силъ, гибнетъ вмѣстѣ съ другими и служитель Церкви. Въ страшномъ неравномъ бою на сушѣ во главѣ геройскаго полка также идетъ священникъ, безтрепетный, рѣшительный, сознательно приготовившійся къ смерти молитвою, и несетъ предъ лицомъ воинства Животворящій Крестъ Господень. Нашъ солдатъ умираетъ спокойно и величественно, и сами враги свидѣтельствуютъ о немъ, что онъ терпѣливо переноситъ всѣ муки, и въ послѣднія минуты жизни его коснѣющія уста шепчутъ молитву, а глаза устремлены къ горнему небу. Что можетъ противопоставить Японія этому святому воодушевленію? Храбро сражаются ея сыны и безстрашно умираютъ: но что, какая высшая сила осмысливаетъ этотъ патріотизмъ? Вѣдь патріотизмъ имѣетъ смыслъ и нравственное значеніе лишь въ освѣщеніи и освященіи религіозной идеи и въ сознаніи высшаго Божьяго призванія отечества; внѣ этого онъ не выше простаго звѣрства и самаго обыкновеннаго грабительства и себялюбія. И неужели смерть того японца, который, видя неминуемую гибель своего судна, закурилъ сигару на виду у враговъ и такъ погрузился въ волны морскія,— неужели эта бравада и рисовка предъ вратами вѣчности выше христіанской смерти русскаго солдата, который освящаетъ себя великими таинствами покаянія и причащенія, надѣваетъ чистую рубаху, крестъ—благословеніе матери, и съ крестнымъ знаменіемъ, съ вѣрою въ правоту своего дѣла и въ жизнь небесную оставляетъ жизнь земную?

Религіозная идея и сознание мірового призванія Россіи должны опредѣлять теперь и наше настроеніе, и наше отношеніе къ войнѣ и военнымъ извѣстіямъ. Только въ свѣтѣ этихъ руководящихъ началъ мы найдемъ силы для терпѣнія, мужества и спокойствія. Всего бываетъ на войнѣ, и она не обходится безъ жертвъ и неудачъ. Но великій народъ способенъ выслушать и горькую правду; его сила—въ спокойствіи и терпѣливомъ ожиданіи, вытекающихъ изъ вѣры въ правоту и торжество своего дѣла и въ Божье благословеніе. Не за военными лаврами, не за добычею посылаетъ теперь Царь Свои войска на дальнюю окраину Россіи, а для того, чтобы защитить отечество отъ коварнаго нашествія врага и, если нужно, умереть за него. И не своей славы ищетъ Россія, а славы Бога и Христа Его: „Не намъ, не намъ, а имени Твоему даждь славу“, взываетъ она словами древняго царя-молитвенника (Пс. 113, 9).

Поэтому намъ не нужны, какъ дѣтямъ или больнымъ, ложныя подбадривающія извѣстія; намъ не страшны должны быть никакія неудачи войны; въ нашихъ сердцахъ не мѣсто малодушнымъ опасеніямъ за судьбы отечества, если только мы вѣруемъ въ Бога, въ Россію, въ религіозный и освященный въ святомъ помазаніи союзъ Царя и народа и въ міровое призваніе нашей великой родины. И смотрите, какъ сказалось все это на нашихъ глазахъ. Минувшій третій мѣсяць войны былъ полонъ для насъ тяжкихъ потерь. И что же? Въ эти пережитые нами безрадостные дни люди, попреимуществу холодные къ вѣрѣ и Церкви, не имѣющіе связи съ народомъ, они-то и потеряли голову, нервничали, преувеличивали опасности, сочиняли нелѣпыя вѣсти и сами имъ со страху вѣрили... Но тяжкій млатъ, дробя стекло, куетъ булатъ. Величаво спокоенъ нашъ вѣрующій народъ. Онъ готовъ принять безропотно ниспосланное намъ Провидѣніемъ испытаніе, онъ готовъ до конца исполнить долгъ свой въ тѣхъ именно условіяхъ, въ какихъ застала насъ война, никого не осуждая, не ища злобно виновныхъ, не теряя присутствія духа,—а засимъ все предать волѣ Божіей; онъ вѣритъ, вѣритъ глубоко, что „Господь крѣпость людямъ Своимъ дастъ, Господь благословитъ люди Своя миромъ“ (Пс. 28, 2).

Возлюбленные братья, сыны Россіи! Утвердимся въ этихъ мысляхъ и чувствахъ и станемъ нынѣ всѣ съ нашими молитвами и съ горячею любовью около Царя нашего, на плечи Котораго выпало теперь тягчайшее бремя войны! Возложимъ упованіе на Господа, тысячу лѣтъ хранившаго нашу вѣрующую Россію. „Аще не Господь созиждетъ домъ, всеу трудишася зиждущи, аще не Господь сохранитъ градъ, всеу бдѣ стрегій“... Будемъ же вѣрить, что не даромъ Господь создалъ домъ нашего царства и охранялъ его грады! Будемъ тверды и спокойны, будемъ исполнены вѣры въ правоту нашего мірового призванія, нашей государственности, нашей нынѣшней брани, и въ союзъ съ боговѣнчаннымъ Царемъ нашимъ, при Божьемъ благословеніи, намъ дано будетъ и видѣть, и принять участіе въ совершеніи великаго народнаго дѣла: станетъ наша родина на высотѣ своего великаго, Богомъ указаннаго призванія, водрузитъ Русь святая Крестъ Господень надъ языческимъ знаменемъ восходящаго солнца, какъ нѣкогда водрузилъ его народъ нашъ надъ мусульманскимъ полумѣсяцемъ.

„И будетъ въ день оный“ народъ святорусскій „возстай владѣти языки, на того языцы уповати будутъ, и будетъ покой его—честь“... (Ис. XI, 10). Аминь.

Радость храмозданія.*

Сей день, его же сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся въ оны (Пс. 117, 24).

Только на святую Пасху поютъ эти слова въ церкви. Но не удивляйтесь, возлюбленные, что и сегодня ради торжества

* Поученіе при освященіи церкви въ селеніи Ольгинскомъ, Тифлисской губерніи.

21 мая высокопреосвященный Алексій, ексархъ Грузіи, въ сослуженіи городского и мѣстнаго духовенства, освятилъ въ русскомъ селеніи Ольгинскомъ, отстоящемъ отъ города Тифлиса въ 12 верстахъ по Марткобской дорогѣ, вновь

освященія вашего храма мы въ словѣ церковнаго поздравленія и поученія вамъ приводимъ и повторяемъ тѣ же слова торжества и радости духовной: „*Сей день, его же сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся въ оныя.*“

Есть чему радоваться, есть отъ чего веселиться: нынѣ въ этомъ храмѣ съ нами *Богъ!* Только каменное сердце, только ледяная душа не пойметъ и не восчувствуетъ, какое великое благо приноситъ людямъ домъ молитвы, домъ Божій, ясно глаголющій въ сердца наши, что съ нами *Богъ.* Только совсѣмъ потерянный человѣкъ не встрепенется душою, зная и видя, что около него и для него явлена богодарованная святыня.

Вспоминаются намъ древнія времена.

Вотъ евреи, послѣ 70 лѣтъ тяжкаго плѣна въ чужой Вавилонской землѣ, возвратились на родину, въ святой Иерусалимъ, отъ котораго остались для нихъ однѣ развалины. Что же они дѣлаютъ прежде всего? Нѣтъ домовъ, нѣтъ улицъ и площадей, нѣтъ у нихъ полей, садовъ и огородовъ; народъ питается кое-какъ, живетъ подъ открытымъ небомъ, ютится около развалинъ, его печетъ солнце, его мочитъ дождь, мучитъ стужа... Однако, что же дѣлаетъ народъ прежде всего? Раньше всякихъ другихъ зданій онъ на свои скудныя средства, на послѣднія средства, вынесенныя изъ плѣна, строить храмъ Божій въ Иерусалимѣ. И какая радость была для всѣхъ, когда предъ ихъ глазами вознесся къ небу величественный храмъ, мѣсто Божьяго обитанія!

Вотъ древніе христіане ищутъ величайшую святыню свою— Крестъ Господень, на которомъ нѣкогда распятъ былъ нашъ Спаситель. Долго ихъ гнали, мучили, предавали смерти; долго лилась ихъ кровь въ свидѣтельство вѣры и любви ихъ къ своему Господу; долго не смѣли они и помыслить приблизиться къ Голгоѣ и предпринять поиски въ глубинѣ земли, чтобъ

отстроенную церковь во имя святыхъ царей и равноапостольныхъ Константина и Елены. Основаніе этой церкви было заложено еще въ бытность ексарха Грузіи покойнаго митрополита Палладія, но ольгиныцы долго не могли выстроить ее по своей бѣдности и малочисленности. Въ послѣднее время, благодаря щедрымъ пожертвованіямъ Государя Императора, Князя-Главнначальствующаго и заботливой пощечительности ексарха Грузіи, выстроена красивая, свѣтлая, каменная церковь, могущая вмѣстить до 500—600 богомольцевъ.

обрѣсти сокрытый въ ней Крестъ, чтобъ облобызать безцѣнную святыню и ей поклониться. И только вступилъ на престолъ равноапостольный царь Константинъ,—его мать Елена, ревностная христіанка, и съ нею тысячи вѣрующихъ стали искать прежде всего святой Крестъ и постарались даровать міру эту святыню. И когда она обрѣтена была въ нѣдрахъ земли послѣ чудодѣйственныхъ знаменій, и когда вознесенъ былъ Крестъ Господень предъ очами великаго множества народа: какая радость объяла всѣ сердца, какія глубокія чувства вѣры, любви, покаянія всколыхнули всѣ души и вырвались и воплотились въ краткой, но вѣчной, и глубокой, и единственно приличной для грѣшника молитвѣ: *Господи, помилуй!*

Сія радость и для васъ, братіе, нынѣ исполнилась. Долго вы воздыхали о святынѣ, о своемъ храмѣ; давно заложили его основаніе; давно томились душами увидѣть этотъ день, и вотъ въ праздникъ равноапостольныхъ Константина и Елены, коихъ зацѣлѣ и покрову вы ввѣрили себя съ первыхъ дней пришествія сюда и теперь посвятили самый храмъ, посылаетъ вамъ Господь давно желанную радость. Отнынѣ священнодѣйствіемъ архипастыря и его сослужителей утверждень здѣсь престолъ Господень, явлена вамъ величайшая *святыня!* Отнынѣ освященъ для васъ этотъ храмъ и въ немъ будутъ совершаться святѣйшія таинства, спасающія грѣшную душу любовью и искупленіемъ Спасителя, прощеніемъ грѣховъ и соединеніемъ съ Богомъ; отнынѣ будетъ совершаться здѣсь богослуженіе, возносящее духъ нашъ къ небу на крыльяхъ молитвы; отнынѣ будетъ здѣсь возглашаться слово Божіе,—сама истина, просвѣщающая нашъ слабый разумъ знаніемъ Бога и Его закона... Отнынѣ открывается здѣсь святое училище для мальхъ и старыхъ: приходите, почерпайте здѣсь обильно пищу и питіе духовное!

Воистину можетъ прійти къ вамъ и радость она, юже имяше блаженная Елена, егда обрѣте святой Крестъ,—при видѣ этой святыни; воистину, въ сей день освященія храма не чужда вамъ радость древняго Израиля, воздвигшаго храмъ Господу въ Іерусалимѣ послѣ томительныхъ 70 лѣтъ плѣненія.

Благодареніе Господу за Его великія благодѣянія!

Благодареніе возлюбленному нашему Государю Императору, отъ щедротъ Своихъ даровавшему пособіе вамъ, малому стаду, на сооружеііе храма!

Благодареніе нашему доброму и заботливому архипастырю, ексзарху Грузіи архіепископу Алексію: столько заботился, столько трудился онъ для того, чтобы увидѣть сей храмъ начатымъ въ постройкѣ послѣ давней закладки фундамента; столько расточалъ онъ къ вамъ словъ поученія и просьбы и похвалы и укоризны, и снова просьбы и поощренія, пока не увидѣлъ сей храмъ оконченнымъ! Благодареніе главному начальнику всего нашего края и представителю власти Царской князю Г. С. Голицыну, который далъ вамъ щедрое пособіе на послѣднюю достройку храма!

Благодареніе благочестивымъ ревнителямъ и жертвователямъ на нужды и благолѣпіе вашего храма!

Благодареніе тѣмъ изъ васъ, братіе, которые здѣсь трудились, возили матеріаль, помогали въ работахъ; тѣмъ, которые вѣрили въ окончаніе святого дѣла, несмотря на нужды и недостатокъ средствъ, слушались совѣтовъ и просьбъ нашего архипастыря, и вотъ теперь дожили до того дня, когда ваша вѣра и надежда не посрамились, но восторжествовали надъ опасеніями и уныніемъ!

Но однихъ словъ благодарности мало: благодарность въ дѣлахъ, а не на словахъ. Надо послужить, надо самымъ дѣломъ отблагодарить тѣхъ, кто оказалъ вамъ благодѣянія.

Чѣмъ послужите Господу, даровавшему вамъ эту святыню? Будьте ея достойны доброю вѣрою и правою жизнью. Въ храмѣ съ нами Богъ: нужно, чтобы и мы были съ Богомъ. Храните же православную вѣру, держите твердо церковные обычаи, неопустительно посѣщайте храмъ, учитесь Закону Господню! Когда на дворѣ темно, въ домѣ зажигаютъ свѣтъ. Смотрите же: кругомъ васъ растетъ духовная тьма, народъ нашъ часто впадаетъ въ пороки, въ пьянство, въ пагубное сектанство. Зажигайте же свѣтъ въ своемъ домѣ духовномъ,—въ душахъ вашихъ зажигайте свѣтъ вѣры, возгрѣвайте и пламенную ревность по вѣрѣ. А охраною для васъ будетъ служить этотъ св. храмъ и совершаемая въ немъ таинства и богослуженіе. Испол-

няйте же долгъ христіанскаго говѣнія, освящайтесь покаяніемъ и тайнами Христовыми; освящайте дома молитвою церковною, поминайте умершихъ, молитесь о живыхъ; во всемъ и всегда поступайте, какъ истинные христіане, по-Божьи, по-православному. Мало васъ: но тѣмъ болѣе нужно вамъ подѣ сънью этого храма, подѣ руководствомъ пастыря собраться и сплотиться въ единый дружный и крѣпкій приходъ и беречь и любить все приходское: церкви, богослуженіе, школу. Школу вамъ дали и щедро при ея устройствѣ помогли: пусть же она будетъ полною. Слышите, вотъ вамъ приказаніе, и просьба и завѣтъ нашего архипастыря: чтобъ у васъ ни одинъ мальчикъ, ни одна дѣвочка не остались безъ ученья, всѣхъ непремѣнно посылайте въ школу! Стыдно вамъ будетъ, если вы измѣните Богу, измѣните храму: это будетъ незамолимый грѣхъ Іудинъ. Стыдно вамъ будетъ, если вы не оправдаете заботъ и тревогъ о васъ духовной власти.

Чѣмъ воздадите и чѣмъ послужите Всемиловѣйшему нашему Государю, столь щедро вамъ благодѣявшему?

Молитесь о Немъ, возлюбленные, особо усердною молитвою! Молитесь прилежниѣ теперь, въ эти тяжкіе дни войны, когда сердце Царя нашего полно тревогъ печали! Будьте добрыми вѣрноподданными и исполнителями Царскаго закона, и любовь, преданность Царю завѣщайте дѣтямъ и внукамъ въ роды родовъ. Трудитесь здѣсь честно въ вашемъ званіи; храните и воздѣлывайте землю вашу; покажите примѣръ домовитости, порядка, доброхозяиственности. Живите правильнымъ сельскимъ обществомъ, выполняйте добросовѣстно всѣ общественныя обязанности, будьте дружны, согласны, берегитесь пьянства и всякаго вида раздора. Пусть все общественное, какъ и все церковно-приходское, будетъ у васъ въ порядкѣ: и вы будете вѣрными слугами своему Государю. Пусть всѣ окружающіе васъ жители здѣшняго края видятъ, что вы не напрасно сюда переселились, что вы вполне заслуживаете заботливости Царя и начальства. Пусть они видятъ въ васъ образецъ труда, порядка, согласія, трезвости, чистоты семейной и исполненія законовъ. И пусть никто и никогда не пожалѣетъ о томъ, что васъ сюда переселили.

Вотъ вамъ благожеланія наши въ нынѣшній день.

Господь даровалъ вамъ святыню: будьте ея достойны.

Государь оказалъ вамъ милость: заслужите ее и оправдайте вашу жизнью.

А въ заключеніе—поздравляемъ васъ, братіе, отъ всей души съ торжествомъ вашимъ!

Сей день, его же сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся въ оны! Аминь.

Единеніе въ Церкви.*

Евангельское чтеніе предложило нашему вниманію священный рассказъ о исцѣленіи Спасителемъ слуги сотника Капернаумскаго. Великую, рѣдкую похвалу воздалъ Спаситель этому сотнику и, очевидно, въ этой похвалѣ и заключается главное нравственное поученіе предложеннаго намъ чтенія. Вдумаемся же и всмотримся въ евангельскій образъ, извлечемъ для себя отсюда нравственный урокъ и выводъ. Этотъ образъ поражаютъ своею опредѣленностью и цѣльностью. Мало о немъ сказано въ евангеліи, но изъ этого малаго совершенно ясно вырисовывается образъ человѣка, въ духовномъ отношеніи совершенно созрѣвшаго. Вѣра, любовь и смиреніе—вотъ истинныя черты его духа.

Велика его вѣра, велика и мужественна. Онъ, сотникъ римскій, начальникъ стражи, живетъ среди народа еврейскаго, къ которому иные въ его положеніи относились только съ презрѣніемъ. Но онъ духовно сжился съ этимъ народомъ, прозрѣлъ въ истину исповѣдуемаго имъ богочтенія и богоугожденія, сдѣлался прозелитомъ не на словахъ, не въ душѣ только, но и

* Нед. 4. Сказано въ Кук. Иоанно-Крестит. церкви гор. Тифлиса.

самымъ дѣломъ, ибо выстроилъ для города синагогу. Видимо, онъ уразумѣлъ лучше даже многихъ израильтянъ и самую сущность богооткровеннаго ветхозавѣтнаго закона: ожидая Спасителя, стремился къ Нему всёмъ существомъ и узнавъ Его, пришедшаго. Онъ, невзирая на невѣріе книжниковъ и фариисеевъ и авторитетныхъ руководителей религіозной жизни народа, съ которымъ онъ слился воедино по своимъ вѣрованіямъ, узнаетъ Спасителя, вѣруетъ въ Него, обращается къ Нему всенародно съ просьбою, въ которой звучитъ такая глубина вѣры: „Господи, отрокъ мой лежитъ въ дому лютѣ страждетъ: но рцы токмо слово, и исцѣлѣетъ отрокъ мой!“ Слышите ли просьбу сотника? Въ ней сказалось истинное воспитаніе въ законѣ Божіемъ, въ заповѣдяхъ Моисеевыхъ, въ ней сказалось сердце, глубоко любящее. Не о себѣ, не о своихъ родныхъ,—нѣтъ, за своего слугу проситъ сотникъ Господа Иисуса. Чтобы понять величіе души сотника, нужно знать и ясно представить себѣ время, въ которое онъ жилъ. Это было время господства рабства, это было время, когда личность человѣка цѣнилась ни во что, когда раба продавали наравнѣ съ домашними животными, когда рабовъ убивали и мясомъ ихъ кормили животныхъ въ звѣринцѣ или рыбъ въ садкахъ, чтобы сдѣлать мясо ихъ вкуснѣе. Это было время, когда близость къ рабу считалась униженіемъ, а жестокость считалась признакомъ благородства, силы воли и надлежащаго поведенія, достойнаго званія настоящаго господина и человѣка. При такихъ-то условіяхъ сотникъ Капернаума показываетъ намъ примѣръ истинно-человѣческаго отношенія къ своему слугѣ и обращается о немъ съ мольбою къ Спасителю.

И какъ смиренно онъ проситъ! Онъ считаетъ себя недостойнымъ принять І. Христа въ домъ. Онъ вѣритъ, глубоко вѣритъ, что стоитъ только Спасителю изречь слово—и исцѣлѣетъ его отрокъ.

Вѣра, любовь и смиреніе наполняютъ все существо сотника, которая на всѣ вѣка является образцомъ этихъ чисто-христіанскихъ добродѣтелей. Когда всмотрись въ его образъ, видишь и чувствуешь, что не напрасно онъ удостоился великой похвалы Спасителя.

Но есть въ сотникѣ еще одна черта, на которую слѣдуетъ обратить вниманіе вамъ, наши слушатели.

Наше время есть время крайняго развитія, такъ - называемаго, націонализма и всякихъ племенныхъ счетовъ. Сколько на этой почвѣ вырастаетъ несправедливости, злобы, подозрительности, сколько вырастаетъ препятствій для христіанскаго общенія людей между собою! Сколько несправедливаго преувеличенія своихъ племенныхъ достоинствъ и чужихъ племенныхъ недостатковъ.

Братіе! Во всякомъ языкѣ дѣлаяй правду предъ Богомъ пріятель Ему есть. Есть родство между людьми высшее, чѣмъ родство по крови и племени: союзъ духовный, религіозный, родство и единомысліе душъ и сердець въ Богѣ. Сотникъ такимъ именно союзомъ сродства съ чуждымъ ему народомъ еврейскимъ перешелъ чрезъ всѣ препятствія и возможные насмѣшки, презрѣнія соотечественниковъ, и шелъ только къ правдѣ и свѣту, къ которымъ стремилась душа его.

Пусть это послужитъ примѣромъ для насъ, братіе, въ такомъ многоплеменномъ краѣ, какъ нашъ Кавказъ. Вѣра Христова у насъ одна, одна Православная Церковь, одна духовная сущность,—и ваша задача, народные учителя, подчеркивать эту духовную сущность единую и недѣлимую. Только тогда наша духовная жизнь пойдетъ прямымъ и увѣреннымъ путемъ и приведетъ насъ къ тому, что Христосъ Спаситель назвалъ царствомъ Божиимъ, тѣмъ царствомъ, въ которое призвалъ Онъ весь міръ, всѣ народы, дальнихъ и ближнихъ, дабы содѣлать изъ всѣхъ одно и устроить царствіе Свое.

И царствію Его не будетъ конца. Аминь.

Помощь больнымъ и раненымъ воинамъ.*

И принесоша къ нему разслабленна
жилами, носима четырьми...

Немногіе, быть-можетъ, знаютъ, какое воспоминаніе совпадаетъ съ нынѣшнимъ воскреснымъ днемъ. А воспоминаніе это полно глубокихъ знаменований и какъ нельзя болѣе соответствуетъ переживаемымъ нами событіямъ.

Около 200 лѣтъ тому назадъ Россія вела тяжкую войну. Стоялъ предъ нею вопросъ: быть или не быть ей государствомъ въ Европѣ; стоялъ вопросъ еще болѣе важный: остаться ли на свѣтѣ хоть одному православному царству, потому что Византія къ тому времени пала, Грузія была порабощена исламомъ, а славянскія древне-православныя царства лежали въ развалинахъ. Долго неудачи преслѣдовали Россію; противъ нея направили оружіе самый искусный полководецъ того времени и самое сильное въ то время государство въ Европѣ. И вотъ подъ Полтавой въ тяжкомъ и кровавомъ бою Господь благословилъ оружіе наше. Россія была возрождена этой побѣдой къ новой жизни, она заняла свое мѣсто предъ западнымъ міромъ и его народами, она могла сохранять и отстаивать свое міровое призваніе—удержать святое православіе, подать руку единовѣрнымъ братьямъ, отстоять Крестъ Господень предъ полчищами невѣрныхъ.

Неудивительно, что и Церковь и государство чтили и чтутъ день 27 іюня, день Полтавской побѣды, вспоминая великое знаменіе милости Господней къ Россіи.

Прошло два вѣка, и сказались плоды богоданной побѣды: Россія выросла въ великое государство, и гордые народы гордаго Запада должны были признать и ея силу и ея величіе.

И вотъ, въ наши дни снова Богъ судить нашему отечеству пережить такую же опасность, но уже съ Востока. Опять

* Слово 27 іюня 1804 г., въ нед. 6-ю; сказано въ Ахалдхѣ, Тифл. губ., при священнослуженіи екаарха Грузіи.

подымаются на насъ полчища враговъ; опять самый воинственный народъ Востока вторгается въ наши предѣлы, пользуясь миролюбіемъ русскаго народа, не готовившагося къ войнѣ, вѣрившаго въ чужую добродѣтель и въ честность словъ и намѣреній Японіи. И опять льется кровь, и опять рѣшается вопросъ: быть или не быть Россіи великимъ государствомъ предъ лицомъ Востока, и еще важнѣе: что побѣдитъ, Крестъ, или языческое восходящее Солнце, кто восторжествуетъ, Христосъ, или древній Драконъ, и дано ли будетъ Россіи исполнить свое мировое призваніе—нести имя Христова до послѣднихъ предѣловъ земли? Неудивительно, что и теперь Церковь и государство всѣмъ вниманіемъ прикованы къ этой великой борьбѣ.

Можемъ ли мы оставаться равнодушными къ переживаемымъ событіямъ? Но для этого нужно имѣть каменную душу и ледяное сердце. Въ этомъ случаѣ нѣтъ и не можетъ быть никакой разницы между различными племенами, населяющими Россію: кто бы они ни были—грузины, армяне, татары, евреи и т. д.,—всѣ они укрылись подъ могучими крыльями русскаго орла, всѣ они связаны самыми кровными своими интересами съ Россіей; ея счастье—ихъ счастье, ея сила—ихъ сила, ея ослабленіе, бѣдность, паденіе отразятся и на нихъ несчастіями и слабостью.

Но мы—не военные люди; мы—мирные граждане и труженики. Какъ же мы выразимъ участіе наше въ войнѣ?

Въ прочитанномъ сегодня евангельскомъ и апостольскомъ чтеніяхъ мы найдемъ отвѣтъ; намъ указана возможность послужить ближнимъ и въ словѣ и въ дѣлѣ. Мы слышали въ евангеліи, какъ исцѣлилъ Спаситель разслабленнаго больного, простивъ ему грѣхъ за вѣру его и за вѣру тѣхъ, которые принесли его. И эти четверо,—друзья больного, безвѣстные люди, что взяли и, за невозможностью пробиться сквозь народъ къ Спасителю, подняли больного на кровлю, прокопали потолокъ и спустили его къ ногамъ Іисуса,—какіе это добрые люди, какъ достойны они подражанія!

О, сколько и теперь такихъ разслабленныхъ, больныхъ, раненыхъ, страдающихъ на дальнихъ поляхъ Маньчжуріи! И

какъ они нуждаются въ нашей помощи! И какъ велико предъ Богомъ и людьми это служеніе болящимъ и страждущимъ!

Вспоминается величайшій постникъ и пустынный подвижникъ Макарій. Однажды посѣтилъ онъ больного пустыннокамонаха и въ бесѣдѣ участливо спросилъ его: „Чего тебѣ хочется, братъ?“ „Пастилы“,—отвѣчалъ больной. И что же? Оставившій давно міръ, отвыкшій отъ городовъ и людныхъ селеній, идетъ Макарій десятки верстъ по знойной песчаной пустынѣ, подвергаясь всевозможнымъ опасностямъ,—идетъ въ огромный городъ Александрію, покупаетъ пастилу и приноситъ больному брату.

Позвольте занять ваше вниманіе разсказомъ и о другомъ случаѣ въ древней монашеской обители. Умиралъ молодой инокъ; около него собрались въ смущеніи и тревогѣ братья обители и смутны были ихъ души, боялись они за загробную участь умирающаго: умиравшій поздно являлся въ храмъ, не выстаивалъ всеобщихъ молитвъ, не отличался подвигами поста и воздержанія. Во главѣ собравшихся у одра умирающаго стоялъ игуменъ обители, знаменитый святостью, уважаемый старецъ. И вотъ что вдругъ говоритъ старецъ умирающему иноку: „Иди, братъ, въ міръ; духъ твой будетъ зрѣть славу Бога Трисіяннаго; тебѣ уготовано блаженство Христомъ Господомъ“. Удивились и смутились иноки похвалѣ брату, который казался имъ нерадивымъ и даже недостойнымъ. Старецъ разъяснилъ имъ: „Досиеей,—это было имя умирающаго,—Досиеей не несъ подвиговъ воздержанія, сохраняя силы тѣлесныя, чтобы служить больнымъ; ради нихъ онъ опаздывалъ къ общей молитвѣ, ради нихъ онъ оставлялъ наши всеобщія бдѣнія. Скажите, какому больному онъ отказалъ въ помощи, скажите, какому больнымъ или какою болѣзнью онъ погнушался? А вѣдь Господь сказалъ: Я былъ боленъ, и вы посѣтили Меня, а что сдѣлали вы одному изъ братій, то сдѣлали Мнѣ. Почему и уготованъ Досиею вѣнецъ славы“.

Вотъ какъ смотрѣли древніе отцы и учителя на подвигъ служенія больнымъ.

Стоны нашихъ больныхъ и раненыхъ братьевъ несутся теперь по Россіи: слышите ли ихъ вы, возлюбленные, не слу-

хомъ, а сердцемъ? Къ намъ протянуты руки тѣхъ, которые за насъ проливали свою кровь, которые жизнью отстаивали покой и процвѣтаніе нашего отечества въ настоящемъ и будущемъ. Отзовемся же на ихъ стоны и мольбы, какъ отозвался милосердный самарянинъ въ притчѣ Господней: когда онъ не могъ самъ ухаживать за несчастнымъ, онъ вынулъ два серебрянника и, передавая гостиннику, сказалъ: „поухаживай за нимъ, и если ты что истратишь лишнее, я по возвращеніи отдамъ тебѣ“.

Пусть на полѣ брани сестры и братья милосердія, наша олагородная молодежь, наши многія-многія добрыя женщины, а въ послѣднее время, какъ слышимъ, и монахи и монахини самымъ дѣломъ подражаютъ тѣмъ четверемъ евангельскимъ друзьямъ разслабленнаго, которые принесли его къ ногамъ Іисуса. Мы поможемъ имъ изъ нашего далека и сочувствіемъ, и молитвами, и посылкою денежной помощи. Ознаменуемъ этимъ добрымъ дѣломъ нынѣшнее торжество взаимной молитвы съ архипастыремъ, ознаменуемъ этимъ и день воспоминанія Полтавскаго боя. Слово же поученія нашего закончимъ словами святого апостола, глаголющаго:

„Братолюбіемъ другъ ко другу любезни“.

Сейчасъ я пройду за сборомъ пожертвованій по храму. Узнавъ объ этомъ сборѣ, одинъ добрый человѣкъ, пожелавшій остаться неизвѣстнымъ, передалъ мнѣ 50 рублей, которые я и полагаю на это блюдо. Господь да воздастъ милостью Своею доброму жертвователю. Аминь.

Уроки прошлаго.*

Что сказать съ церковной кафедры въ поученіе незнакомымъ слушателямъ? Какой предметъ избрать и гдѣ найти поводъ для церковно-учительнаго слова?

* Сказано въ Ахалцыхъ 2 іюля 1904 года по случаю посѣщенія города экзархомъ Грузіи, при священнослуженіи Его Высокопреосвященства.

Вотъ вопросы, которые естественно могутъ занимать и смущать душу того, кто призванъ въ настоящія минуты говорить съ высоты этого священнаго мѣста. Но неисчерпаема область христіанскаго поученія, и оно, это поученіе, само просится въ умъ и сердце и само ищетъ вылиться въ слово при первой же попыткѣ вдуматься въ переживаемыя нами обстоятельства.

Предъ нами, братіе, архипастырь, нынѣ вступившій въ общеніе молитвы, въ это великое таинство единенія съ пасомыми, живущими въ отдаленной окраинѣ вѣрнной его духовному водительство обширной епархіи. И прежде всего, самый этотъ край, его минувшія судьбы, его кровавая исторія,—все это уже служить предметомъ глубоко-вразумительнаго поученія.

Это—край свѣтлыхъ воспоминаній древней Месхетіи, гдѣ счастливо жили лучшіе представители Грузіи, гдѣ процвѣтало просвѣщеніе, гдѣ красовались многочисленные храмы и обители, гдѣ пышнымъ цвѣтомъ росло и благоухало и плодъ приносило древо православнаго христіанства. Это—край, куда нѣкогда блаженная царица Тамара безспорно и безраздѣльно простирала свою власть, объединяя въ вѣрѣ и уновеніи сыновъ въ послѣдствіи раздѣленной и растерзанной Грузіи. Это—край, откуда она, опираясь на церковное и государственное единство Грузіи, выражаясь мѣткою народною рѣчью грузинъ, „межевые знаки поставила въ морѣ, Эрзерумъ сдала въ аренду“... Да, было здѣсь нѣкогда державнымъ святое православіе, былъ могучъ и счастливъ и христіанскій народъ, объединенный въ христіанскомъ царствѣ, подчиненный не за гнѣвъ, не по страху, а за совѣсть единой царственной власти вмѣстѣ со своими мѣстными правителями, которыхъ называли прекраснымъ, выразительнымъ и знаменательнымъ именемъ атабековъ, т.-е. правителями-отцами. И все это сдѣлала одна только благодѣтельная сила: святое единеніе. И, однако, какая горькая судьба постигла этотъ цвѣтушій христіанскій край! Чье сердце не содрогнется и чья не содрогнется и не ужаснется душа, при одномъ представленіи этой злой судьбины! Изъ глубины минувшихъ вѣковъ возстаетъ она предъ нами пол-

ная грозныхъ предостереженій, полная суровыхъ и укоровъ, и уроковъ. Не одной силой Турціи объясняются бѣдствія этого края. Были на то, и мѣстные причины, и мѣстные виновники. Раздѣлилась единая Грузія при царѣ Александрѣ; захотѣли и здѣшніе правители-отцы въ своемъ маленькомъ уголкѣ небольшой Грузіи полной самостоятельности; разобщили себя отъ единства христіанскаго царства, и вотъ, разразились надъ краемъ этимъ бѣдствіе за бѣдствіемъ. Мѣстные правители, ослабивъ Грузинское царство, уже не могли найти у него помощи, когда предъ ними возстала опасность. И вотъ, разрушительнымъ потокомъ пронеслись по этому краю враги Креста; пришли невѣрные въ наслѣдіе Божіе, осквернили храмы, разорили обители, проліяли кровь сыновъ этой страны, какъ воду, положили трупы ихъ въ пищу птицамъ небеснымъ и звѣрямъ земнымъ, и не бѣ погребаяй. Поникла главою къ землѣ, какъ скошенная трава, цвѣтущая христіанская Церковь, замолкли голоса славословія Богу, замолкло ученое слово, погибло просвѣщеніе, померкъ Крестъ предъ полумѣсяцемъ, истребленъ духовный вождь народа; наконецъ, исчезли святыни, народъ подъ тяжкимъ игомъ измѣнилъ вѣрѣ отцовъ, и только развалины многочисленныхъ храмовъ да небольшая горсть оставшихся героевъ вѣры, обреченныхъ на мученичество, напоминали о томъ, что здѣсь нѣкогда было. И вмѣсто правителей-отцовъ здѣсь воцарились правители-звѣри, турки-мусульмане, обратившіе быстро страну въ пустыню. Все это сдѣлала одна только злая сила: губительное раздѣленіе.

Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока волею Божіей не возсталъ другой Александръ; Александръ I-й, Царь Русскій, соединилъ разрозненное во единство гораздо болѣе великое, могучее и прекрасное, чѣмъ прежде: истерзанная Грузія отдала себя Россіи и ей же ввѣрила права на все то, что нѣкогда ей принадлежало. Тогда-то началось движеніе соединенныхъ силъ двухъ православныхъ народовъ и по этому отторгнутому краю и, наконецъ, 75 лѣтъ тому назадъ снова засіялъ въ немъ Крестъ Господень и онъ возродился къ новой жизни. И опять спасеніе принесла одна только сила: святое единеніе. Нужно ли теперь долго доказывать и изъяснять, какой урокъ нынѣ

напрашивается намъ въ душу самъ собою? Нужно ли говорить о томъ, что единеніе наше есть залогъ и нашего душевнаго спасенія и земнаго благополучія?

Да хранится же это святое единеніе и прежде всего и главнѣе всего въ духѣ, въ области святой вѣры. Показатель его—нынѣшнее торжество наше, это умирительное и величавое богослуженіе, эта общая молитва православной паствы во главѣ съ архипастыремъ. Не всё въ этомъ краѣ принадлежатъ къ единому стаду: то, что сдѣлано для раздѣленія въ теченіе трехъ вѣковъ, того не передѣлать въ 75 лѣтъ. Но, по крайней мѣрѣ, сыны единаго православія да будутъ въ общеніи любви, да будутъ горячими въ вѣрѣ, единомысленными и сплоченными въ Церкви, преданы всею душою ея уставамъ, ея интересамъ. Смотрите, что сдѣлала Турція, объединивъ край въ мусульманствѣ: она наложила печать на душу и на тѣло народа—на вѣру, на языкъ, и на бытъ, и на одежду и на всю жизнь здѣшнихъ насельниковъ, чуждыхъ по племени Турціи, но доселѣ къ ней тяготѣющихъ. То, что сдѣлалъ исламъ, неужели не въ силахъ произвести вѣра Христова? О, братіе, стойте въ этой вѣрѣ, мужайтесь, укрѣпляйтесь, возьмитесь за знамя церковное, объединитесь подъ его водительствомъ,—и чудо свершится: чудо новаго просвѣщенія и объединенія всей страны этой въ вѣрѣ Христовой. Говорятъ, при взятіи Ахалцыха русскими войсками 15 августа 1828 года, первое русское ядро сбило луну съ мечети, водруженную на мѣстѣ бывшаго креста: это великій символъ и показатель будущаго направленія жизни въ этомъ краѣ.

Но если мы еще не видимъ воссоединенія религіознаго въ этомъ краѣ, то политическое, государственное единеніе его съ Россіей должно быть предметомъ нашей всецѣлой и убѣжденной заботливости. Оно неисчислимо по своимъ послѣдствіямъ, въ немъ—все для этого края. Особенное же чувство единенія съ Россіей должно проявляться и утверждаться теперь, въ дни тяжелой брани нашей на Дальнемъ Востокѣ. Неизмѣримо религіозное и государственное значеніе переживаемой войны. Укажемъ, однако, только самое близкое ея значеніе для насъ. Съ Россіей и ея судьбою связаны самые жизненные интересы

всѣхъ населяющихъ ее племень, безъ всякаго различія вѣрваній. Слава и могущество государства—это наша слава и наше могущество, кто бы мы ни были.

Пусть же растетъ и ширится и крѣпнетъ, все объединяя и скрѣпляя, это государственное единеніе, которое, воистину, принесетъ счастье и этой странѣ, взамѣнъ тѣхъ бѣдъ и несчастій, которыя она претерпѣла нѣкогда въ вѣкъ безначалія, безправія и раздѣленія. Воспитывать, возгрѣвать вокругъ себя эти патриотическія чувства, проявлять ихъ во всѣхъ доступныхъ формахъ—вотъ наша обязанность.

Ихъ можно и должно проявить и сегодня. На войнѣ умираютъ и страдаютъ наши братья; тысячи больныхъ и раненыхъ воиновъ терпятъ нужду духовную и тѣлесную: имъ нужны знаки нашего вниманія, нашей любви, нашей благодарности за трудъ, страданія и подвиги; имъ нужны и всѣ пособія медицины, нужно удовлетвореніе всѣхъ потребностей больного и измученнаго организма.

Принесемъ имъ нашу посильную лепту. Ознаменуемъ этимъ нынѣшнее торжество общей молитвы съ архипастыремъ, съ благословенія котораго и будетъ сейчасъ произведенъ сборъ въ пользу больныхъ и раненыхъ воиновъ. Это будетъ лучшимъ разрѣшеніемъ нашей взаимной любви и единенія и умилостивленіемъ Господа предъ молитвою о дарованіи побѣдъ нашему воинству въ тяжелой брани. Аминь.

Царственный отшельникъ.*

Вкусная вкусихъ мало меду, и се азъ умираю... (1 Цар. XIV, 43).

Ровно пять лѣтъ тому назадъ въ эти самые дни іюля мѣсяца и въ этомъ самомъ храмѣ предстоялъ алтарю Госпо-

* Памяти въ Бозѣ почивающаго Государя Цесаревича и Великаго Князя Георгія Александровича. Слово, сказанное въ Аббасъ-Туманской церкви предъ панихидой о въ Бозѣ почившемъ Цесаревичѣ, совершенной Его Высокопреосвященствомъ екаархомъ Грузіи 4 іюля 1904 года.

дню гробъ безвременно почившаго, дорогого всей Россіи покойника, о которомъ молитвенное воспоминаніе нынѣ мы творимъ, о которомъ—въ его скорбной судьбѣ, въ его ранней кончинѣ—можно сказать приведенными сейчасъ словами Божественнаго Писанія: *„Вкушая вкусихъ мало меду, и се азъ умираю“*...

Жизнь его, со дня рожденія, ярко отмѣчена была въ ряду многихъ и многихъ человѣческихъ жизней. Рожденный въ Царственномъ Семействѣ, одаренный отъ природы богатыми способностями и силами ума и сердца, изощрившій природныя дарованія основательнымъ образованіемъ, воспитанный Царственными Родителями, нравственная высота которыхъ и чистота семейной жизни безспорно признана всѣмъ міромъ, возвеличенный, наконецъ, именемъ Цесаревича и Наслѣдника престола обширнѣйшаго въ мірѣ самодержавнаго царства,—онъ, по всѣмъ человѣческимъ соображеніямъ и надеждамъ, готовился пройти въ исторіи міра надолго замѣтнымъ путемъ, испытать и пережить всю безконечную смѣну трудовъ, усилій, подвиговъ, борьбы, успѣховъ, вліянія на судьбы своей родины и всего человѣчества.

И, однако, трудно найти въ томъ кругу, къ которому онъ принадлежалъ по рожденію, трудно найти другую жизнь, столь бѣдную внѣшними событіями, какъ жизнь покойнаго Цесаревича. Въ ранней молодости несчастная случайность причинила ему болѣзнь, которая тяжкимъ гнетомъ давила молодое существованіе, нерѣдко приковывала къ одру болѣзненному, заставляла оставлять и родину, и горячо любящую и имъ любимую семью, принудила, наконецъ, въ поискахъ исцѣленія, удалиться на эту окраину Россіи и цѣлыхъ семь томительныхъ лѣтъ провести здѣсь почти безвыѣздно, вдали отъ власти и вліянія и отъ той работы, къ которой онъ призванъ былъ царственнымъ рожденіемъ и положеніемъ. Мимо его гдѣ-то вдали шумно протекала жизнь, которой онъ не могъ быть чуждымъ; совершались событія, которыя не могли не касаться его и его судьбы: страдалъ предсмертною болѣзью Царственный Родитель, угасая въ недалекомъ отъ него южномъ полуостровѣ Россіи; восходилъ на престолъ нѣжно-любимый Царственный Братъ и съ

Нимъ восходили и поднимались новые царственные замыслы и державные труды; измѣнялось многое въ близкомъ ему кругѣ людей, интересовъ и всей привычной ему жизни... А онъ не могъ оторваться отъ мѣста, къ которому его привязала болѣзнь, и проводилъ здѣсь жизнь въ вынужденномъ бездѣйствіи, одинъ со своею болѣзнью и съ неотступною о ней мыслью.

И какой глубоко-скорбный и потрясающій конецъ! Ни горячая, рѣдкая любовь Царственной Матери, ни заботы царственныхъ родныхъ, ни благодатный климатъ этого чуднаго мѣстечка, ни медицинскія пособія, которыя всѣ были къ его услугамъ, ни принесенныя имъ жертвы удаленія отъ родной среды ради сохраненія здоровья,—ничто не могло отратить отъ него развитія роковой болѣзни, принесшей ему столь раннюю смерть. Воистину, онъ могъ сказать о себѣ: *„Вкушая вкусихъ мало меду, и се азъ умираю.“*

Когда поминають усопшаго, когда говорятъ о немъ по-смертное слово, обыкновенно останавливаются на его внѣшней, всѣмъ видимой жизни. Что же, поминая нашего дорогого усопшаго, Августѣйшаго Цесаревича, неужели мы должны умолкнуть въ виду того, что жизнь его, какъ мы сказали, прошла въ удаленіи отъ показной дѣятельности и такъ бѣдна была внѣшними событіями? Неужели мы не имѣемъ иныхъ залоговъ свѣтлыхъ о немъ чаяній?

О, нѣтъ! Не напрасно, не напрасно протекла эта короткая жизнь. Не напрасно она была вызвана къ бытію, хотя и рано приведена къ земному концу. Не напрасно вездѣ такъ любили почившаго Цесаревича, такъ грустили и плакали и молились о немъ при скорбной вѣсти объ его смерти; не напрасно въ этой мѣстности, гдѣ онъ провелъ долгое время, его образъ обвѣянь такою любовью, такими свѣтлыми воспоминаніями; не напрасно и весь край нашъ зналъ о немъ и доселѣ съ любовью хранить о немъ благодарную и святую память. Когда нашъ архипастырь, нынѣ предстоящій сему молитвенному собранію, вступилъ въ Боржомское ущелье,—это былъ день смерти покойнаго Великаго Князя. Въ первой же церкви и первую службу архипастырь посвятилъ заупокойному о немъ моленію, и нужно было видѣть это великое молитвенное собраніе, это усердіе

молитвы о покойномъ, въ которой слились воедино всё присутствовавшіе, безъ различія званій, положеній, племенъ и возрастовъ.

Бываютъ личности, у которыхъ чѣмъ бѣднѣе внѣшняя жизнь, тѣмъ богаче и полнѣе зрѣть, совершенствуется и повышается жизнь внутренняя. Таковъ именно и былъ покойный Цесаревичъ. О немъ, измѣняя нѣсколько слова Писанія, можно сказать: *вся красота сына царева внутри*. Только этой полнотою и цѣльностью внутренней жизни и духовною его красотой и можно объяснить то высокое обаяніе, которое онъ на всѣхъ и всегда производилъ.

Какъ о благовѣрномъ Царственномъ Отцѣ его, и о немъ можно сказать, что жизнь его была „исполнена вѣры, любви и смиренія“, а эти качества души въ совокупности даютъ удивительно цѣлостный и чудно-привлекательный нравственный образъ.

Трогательна была его вѣра—тихая, скромная, обратившаяся въ коренной устой его жизни. Это ежедневное чтеніе имъ нѣсколькихъ главъ изъ Евангелія; эта любовь и благоговѣніе къ богослуженію, къ которому онъ всегда спѣшилъ, чтобы не опустить его начала; эти заботы о древнемъ Зарамскомъ храмѣ, о которомъ онъ говорилъ и помышлялъ за нѣсколько часовъ до смерти; наконецъ, устройство этого храма, въ которомъ мы сейчасъ стоимъ и въ которомъ онъ наканунѣ смерти слушалъ послѣднюю въ жизни литургію,—все это говоритъ объ умиленно-набожной душѣ почившаго. А сколько было его тайныхъ молитвъ и изъ глубины воздыханій, сколько было въ немъ незримаго въ тайникахъ души благоговѣнія къ Богу: объ этомъ вѣдаетъ Тотъ Единый, Которому предстоитъ нынѣ почившій.

Трогательна была и его любовь ко всѣмъ окружающимъ. Какъ бы можно озлобиться, находясь въ его положеніи, и какъ часто болѣзнь, и особенно его болѣзнь, дѣлаетъ людей нестерпимо раздражительными! И какъ легко, при его высокомъ и властномъ положеніи, озлобленность и раздражительность могли бы безпрепятственно проявляться въ окружающей его средѣ... И вотъ, не слышалъ никто гнѣвнаго возгласа отъ покойнаго,

но всё испытывали обаяніе его задушевности, ласки, предупредительности, простоты и доступности, заботливости о всѣхъ близкихъ и о самыхъ меньшихъ братьяхъ во Христѣ. Объ его добротѣ и деликатности говорилъ весь Кавказъ, не исключая простого народа. Говорили и говорятъ, что его любовь и заботливость простирались даже на животныхъ... Никому онъ не хотѣлъ причинять страданія, но во всемъ живомъ Божьемъ твореніи онъ желалъ видѣть только счастье и довольство.

А сколько и сколько помогъ онъ явно и тайно, объ этомъ надо разспросить душу народную, которая все повѣдаетъ въ день оный Господу!

Трогательно и изумительно было и его необыкновенное смиреніе. Онъ не любилъ выдаваться своимъ высокимъ положеніемъ; онъ стѣснялся всякими проявленіями почета, какой ему естественно воздавался, какъ сыну и брату Государя. Онъ настолько избѣгалъ всякой показности, что тяготился простымъ вниманіемъ народа, и обыкновенно, какъ рассказываютъ, даже изъ церкви старался уйти незамѣченнымъ. Чудно блеснуло это свойство его души въ послѣдній день жизни, когда, отправляясь въ прогулку, онъ ни за что не хотѣлъ беспокоить другихъ и отказался наотрѣвъ отъ услугъ провожающихъ. И даже въ моментъ смерти простую женщину, случайную и невольную зрительницу его смертельнаго изнеможенія, онъ съ обычною своею застѣнчивою кротостью и всегдашнею скромностью просить не беспокоиться... Въ предѣлахъ возможнаго, онъ „трудолюбно воздѣлалъ данный ему свыше талантъ“, обративъ трудъ не на внѣшнее дѣланіе, а на внутренній свой міръ. И онъ достигъ того, что внутренній міръ его былъ цѣльнымъ и прочнымъ; это и проявлялось во всѣхъ его дѣйствіяхъ. Оттого можно сказать о немъ словами Божественнаго Писанія: *вмалѣ поживъ, онъ исполнилъ лѣта долга, и удобна была Господеву душа его, и онъ восхищенъ былъ отъ земли живыхъ* (Прем. IV, 10—14). Какъ зрѣлый плодъ, онъ сорванъ былъ Господиномъ вертограда и положенъ въ небесное хранилище. Вкушая вкусилъ онъ мало меда,—но онъ самъ обратился духовно въ сладость для Господа.

Тихимъ ангеломъ кротости прошелъ онъ въ своей Цар-

ственной Семьѣ: ангеломъ мира, любви, милосердія пролетѣлъ онъ среди людей и надолго оставилъ по себѣ свѣтлый слѣдъ и свѣтлую память.

Теперь, когда острая печаль его ранней смерти притупилась, отрадно въ минуты заупокойнаго о немъ моленія вспомнить и засвидѣтельствовать, что въ нравственныхъ свойствахъ покойнаго Цесаревича мы имѣемъ залогомъ свѣтлыхъ о немъ надеждъ и упованій, что воистину *уготовано мѣсто упокоенія* его страдальческой душѣ, что *дѣла его пошли вслѣдъ за нимъ*, и что въ молитвахъ Церкви и въ очахъ Божіихъ ему уготована вѣчная память...

Блаженни мертви, умирающіи о Господѣ; ей, глаголетъ Духъ, да почіютъ отъ трудовъ своихъ. (Апок. XIV, 13). Аминь.

Лицемеріе и безцѣльность политическихъ злодѣяній.*

О, мечь! О, мечь! Доколе същи будещи?
Доколе не упокоишися? Види въ ножны
твоя, почій и успокойся! (Іерем. XLVII, 6).

Вотъ тяжелый стонъ, вотъ горькій вопль, что готовъ вырваться нынѣ у каждаго истиннаго сына Россіи въ эти переживаемые нами, воистину, горестные дни. И не только въ Россіи, но и далеко за ея предѣлами, у ея друзей, у друзей мира и порядка, нарастаетъ впечатлѣніе какого-то ужаса и негодованія при видѣ гнусныхъ дѣйствій обезумѣвшихъ преступниковъ, которые теперь, во дни войны, настолько подавили въ себѣ всякій голосъ совѣсти, настолько извратили всякія понятія о нравственно-добромъ и зломъ, настолько подавили въ себѣ всякое патріотическое чувство, что проливаютъ на улицахъ столицы и другихъ городовъ Россіи кровь вѣрныхъ слугъ Царя и родины.

* Слово на ланникидѣ по убійномъ министръ внутреннихъ дѣлъ В. К. Плеве. Произнесено при священнослуженіи ексарха Грузіи въ Тифлисскомъ Сіонскомъ соборѣ 18 іюля 1904 года.

Да, не съ дальнихъ только предѣловъ Маньчжуріи несутся къ намъ оглушительные громы выстрѣловъ и взрывовъ, и не на поляхъ только вынужденной брани льется неповинная русская кровь; въ столицѣ государства, среди бѣлаго дня, посреди мирной обстановки, раздается взрывъ предательской бомбы, отъ котораго гибнетъ довѣренный министръ Государя, вѣрный слуга Россіи. Въ короткое время въ столицѣ убивается уже третій министръ; взрыву бомбы предшествуютъ и вторятъ выстрѣлы въ Финляндіи, и у насъ въ городахъ Закавказья. Кровавое безуміе, видимо, охватило враговъ государственнаго порядка.

Стыдно и больно за это нравственное одичаніе хотя бы и незначительнѣйшей части нашего общества. А между тѣмъ, послушайте ихъ, когда они говорятъ и пишутъ, когда они вербуютъ себѣ сторонниковъ и пособниковъ обыкновенно въ той средѣ, гдѣ ни семейнымъ, ни школьнымъ, ни общественнымъ воспитаніемъ не привиты молодымъ людямъ ясныя правила и принципы строго-нравственной и истинно-государственной жизни. Вѣдь у нихъ не сходятъ съ устъ громкія фразы о нравственности, о свободѣ, о правѣ, о культурѣ...

Нравственность! Но какая же это нравственность, которая не только не испытываетъ ужаса и омерзенія, но еще цинично радуется предъ пролившеюся кровью? Во всемъ цивилизованномъ мірѣ общественное чувство давно добивается отъ законодательства такого строя жизни, при которомъ всѣ даже международные вопросы, не говоря уже о вопросахъ внутренняго распорядка государствъ, управленія, суда и проч., разрѣшались бы спокойно и мирно, во всякомъ случаѣ съ полнымъ упраздненіемъ отвѣтственности кровью. И вотъ, предъ нами новые дѣятели, люди попреимуществу молодые, для которыхъ ничто заповѣдь: *не убій*, для которыхъ нѣтъ этого непреложнаго и непререкаемаго запрета на кровь. И во имя какой нравственности, религіозной ли или такъ-называемой автономной человѣческой, дѣйствуютъ эти гордецы, возвращающіе насъ къ духовному варварству, въ которомъ ниспровергаются и перепутываются самыя достовѣрныя и общепризнанныя положенія ума и самыя основныя и незыблемыя требованія сердца? Свобода... Какою горькою и злою насмѣшкою звучитъ это

слово въ устахъ людей, которые съ легкимъ сердцемъ пускаютъ бомбы и пули противъ всякаго, кто не согласенъ съ ихъ государственными и социальными воззрѣнiями! Вѣдь это все равно, если бы Іуда сталъ вопить и кричать во имя вѣрности и безкорыстія!.. Сколько самаго низкаго и презрѣннаго фарисейства въ этомъ постоянномъ и намѣренномъ развращеніи народа, въ разжиганіи самыхъ грубыхъ и изменныхъ инстинктовъ рабочихъ массъ, которымъ во имя свободы и права рекомендуютъ отнять чужое достояніе, *принудить* къ исполненію тѣхъ или другихъ своихъ требованій, избить, уничтожить и тѣмъ заставить замолчать всѣхъ несогласныхъ подчиниться кружковщинѣ и дѣйствовать съ нею заодно! Хороша свобода: внушить свои убѣжденія и заставить принять ихъ подѣ страхомъ пули или кинжала! Но на такихъ основахъ сближаются не люди обиженные и обойденные, не „пролетаріи всѣхъ странъ“, которыхъ злодѣи въ своихъ листкахъ зовутъ „соединиться“, а завѣдомые разбойники, грабители и обидчики...

И при этомъ осмѣливаются говорить о *правѣ*... Какое право выше и священнѣе жизни, какъ общаго дара Провидѣнія! Кто смѣетъ отнять ее ради какихъ-то человѣческихъ и притомъ узко-партийныхъ соображеній, мотивовъ и оцѣнокъ? Какое право разрѣшаетъ счеты и людскія отношенія гнуемымъ убійствомъ изъ-за угла? И о какомъ правѣ можетъ говорить убѣжденная теоретическая и практическая анархія? И кого хотятъ ввести въ заблужденіе громкими фразами?

Говорятъ объ „обществѣ“, объ „общественномъ движеніи“, о культурно-общественныхъ запросахъ...

Но какое истинно-культурное общество оправдываетъ подобныя злодѣянiя? Обществу они внушаютъ ужасъ и отвращеніе, и оно не можетъ и не должно ихъ терпѣть ни минуты. Оно тогда только останется на высотѣ своей, если настрожайше раздѣлитъ дѣятельность человѣка и жизнь его и послѣднюю навсегда и на всѣ случаи возьметъ подѣ свою охрану, давая отпоръ всякимъ попыткамъ покуситься на нее. Иначе оно всегда подпадетъ подѣ власть злыхъ силъ и быстро спустится до уровня животнаго варварства. Правда, общество можетъ

быть судьей, но *нравственнымъ судьей* и только, да и въ этой области, какъ говорить и убѣждаетъ горькій опытъ всей прошлой человѣческой исторіи, оно тысячу разъ ошибалось и нерѣдко осуждало самое лучшее и свѣтлое и самыхъ лучшихъ и свѣтлыхъ людей...

И какъ можно говорить объ обществѣ, безъ связи его съ государствомъ?

Что же требуютъ отъ государства эти злодѣи, проливающие кровь его служителей? Они требуютъ гораздо большаго, чѣмъ тотъ виѣшній врагъ, который теперь ведетъ съ нами войну на Дальнемъ Востокѣ; въ существѣ дѣла они требуютъ, чтобы государство отказалось ни болѣе, ни менѣе, какъ отъ своей самостоятельности. Ибо если власть, служащая Россіи, будетъ вынуждаема подъ страхомъ смерти повиноваться требованіямъ всякихъ кружковъ и партій, въ данное время существующихъ, — а ихъ можетъ существовать безчисленное множество и видоизмѣняются они безъ конца, — то можетъ ли быть рѣчь о независимости власти, а за нею и о независимости государства! Но какое жалкое безуміе думать, что убійствами можно достигнуть этой цѣли! Развѣ на войнѣ не убиваютъ? Развѣ не убиваютъ лучшихъ людей? Развѣ, наконецъ, убиваютъ ихъ единицами? И, однако, можно ли хоть на мгновеніе допустить мысль, что изъ страха предъ убійствомъ даже сотенъ тысячъ воиновъ и ихъ начальниковъ Россія откажется отъ самостоятельности? Сколькими бы жертвами и преступленіями ни запятнали себя и внутренніе враги Россіи, будь это свои или инородцы, домогательства партія гнусныхъ убійцъ останутся тщетными. Терроръ, на который они рассчитываютъ, можетъ существовать лишь самое короткое время, пока онъ имѣетъ за собою иллюзію силы и дѣйствія. Когда общество и государство видятъ, что плоды самыхъ добросовѣстныхъ трудовъ и размышленій государственныхъ людей гибнутъ подъ фанатическимъ ударомъ перваго, кто вообразить себя иначе и лучше понимающимъ интересы Россіи, или вздумаетъ присвоить себѣ дикое право, во имя мщенія, убивать слугъ Царя и отечества; когда жизнь государственныхъ людей не ограждена отъ покушеній на нее, совершаемыхъ во имя частныхъ кружковыхъ, племенныхъ или партій-

ныхъ страстей и цѣлей, и въ странѣ становится невозможною никакая правильная государственная работа: тогда въ обществѣ и государствѣ неизбежно усиливается инстинктъ самообороны, объединяя вчера еще разрозненныхъ и безпечныхъ сыновъ родины; тогда здоровый государственный организмъ вытолкнетъ и самъ собою удалитъ вошедшее въ него инородное, грозящее опасностью явленіе. Партія порядка всегда будетъ и сильнѣе и больше партіи поклонниковъ безпорядка и озвѣрѣвшіе служители анархіи всегда будутъ каплею въ морѣ среди духовно-здоровыхъ членовъ здороваго общества.

Служители тьмы не достигнутъ убійствами своихъ темныхъ цѣлей, не запугаютъ всѣхъ честныхъ людей, и въ Россіи на мѣсто каждаго безбожно убитаго вѣрнаго слуги Царя и родины найдутся тысячи другихъ такихъ же слугъ. Но на совѣсти убійцъ, кромѣ преступленія и крови, лежитъ и другая тяжкая отвѣтственность: они хотятъ задержать поступательный ходъ общественной и государственной жизни; они хотятъ помѣшать доброй и плодотворной дѣятельности власти, отнимая у нея и время, и силы на борьбу съ врагами порядка. Этого, однако, они никогда не достигнутъ.

Будемъ же покойны въ виду тяжкихъ событій переживаемаго времени и, каждый въ своей области, приложимъ всѣ старанія, чтобъ уврачевать и пресѣчь общественное зло.

А теперь почтимъ заупокойною молитвою, почтимъ и словомъ благодарной хвалы честнаго и мудраго слугу Царя и Россіи, погибшаго и умершаго мученикомъ.

О немъ поистинѣ можно сказать словами поэта: „Немного было бы у него враговъ, когда бы не твои, Россія“. Для нихъ-то, для враговъ Россіи, и были страшны выдающіяся способности покойнаго, глубокой умъ, обширныя познанія, разносторонній и долгій опытъ въ государственномъ управленіи, знаніе слабыхъ сторонъ враговъ Россіи и умѣлая борьба съ ними. Да будетъ тихъ и безмятеженъ его горній полетъ къ Богу и небу, да будетъ ему уготовано мѣсто упокоенія, да будетъ ему вѣчная память! Дѣла его пойдутъ волѣдъ за нимъ свидѣтельствовать предъ Высшею Правдою объ его трудахъ, объ его самоотверженной любви и преданности православному Царю

и православной Россіи, объ его заслугахъ въ дѣлѣ утвержде-
 нія въ народѣ началъ вѣры, правды и добра, объ его муче-
 нической кончинѣ, которой онъ, несомнѣнно, сознательно ожи-
 далъ. Но эти дѣла его останутся и здѣсь на землѣ; они не
 умрутъ; политыя его кровью, они пышно возрастутъ и оста-
 нутся въ завѣтъ и руководство грядущимъ дѣятелямъ нашей
 родины въ ихъ служеніи Россіи и въ ихъ борьбѣ съ темными
 насильниками, врагами нашего отечества.

Воздохнемъ въ эти минуты предъ Богомъ и о Царѣ на-
 шемъ, о нашей Россіи, о насъ самихъ...

Господи! да мимо идетъ насъ горькая, горчайшая чаша
 этихъ страданій родины! Да мимо идутъ эти громы и выстрѣлы
 убійствъ, да мимо идетъ эта грустная и темная полоса нашей
 общественной жизни! Да престанетъ литься кровь неповинная;
 да придутъ къ намъ времена мира и отрады и спокойной
 работы слугъ Царя и отечества для блага и преуспѣянія
 родины!

*О, мечъ! О, мечъ! Доколы спицы будешь? Доколы не упокои-
 шися? Вниди въ ножны твоя, почій,—почій и успокойся! Аминь.*

Борьба христіанскаго общества съ политическими пре- ступленіями.*

Тяжелое испытаніе ниспослано нашему отечеству. Тяжелыя
 минуты дано пережить каждому искренно любящему сыну его.
 Трудно оторваться мыслью отъ гнуснаго преступленія, совер-
 шеннаго недѣлю назадъ въ нашей сѣверной столицѣ; трудно
 не говорить о немъ въ настоящемъ молитвенномъ собраніи,
 въ средѣ представителей государственной власти въ нашемъ
 краѣ.

* Слово въ день тезоименитства Государыни Императрицы Маріи Феодоровны,
 22 іюля 1904 года. Произнесено въ Тифлисскомъ Сіонскомъ соборѣ при священно-
 служеніи викарха Грузіи.

При первомъ извѣстїи о смерти довѣреннаго министра Государева, вѣрнаго и преданнаго слуги Престола и родины, при первомъ заупокойномъ моленїи о немъ мы говорили о всей гнусности совершеннаго преступленїя, о безумїи партїи убійць, о полной несбыточности лелѣемыхъ ими надеждъ.

Нынѣ, послѣ того какъ получены газетныя извѣстїя о подробностяхъ злодѣянїя, объ его юномъ виновникѣ, о силѣ взрыва, о количествѣ жертвъ,—еще болѣе охватываетъ насъ чувство ужаса и негодованїя. Но вмѣстѣ съ тѣмъ возстаетъ самъ собою грознымъ укоромъ предъ совѣстью неотразимый вопросъ: какъ могло совершиться, какъ могло быть допущено это злодѣянїе, и кто виновать въ немъ?.. За короткое время третїй министръ падаетъ жертвою злобы обезумѣвшихъ крамольниковъ; кровавыя покушенїя и политическїя убїйства совершены на нашихъ глазахъ и въ другихъ городахъ Россїи; послѣднее преступленїе, видимо, было задумано давно и осуществлено съ сатанинскою энергїею и выдержкою, такъ-сказать, выношено въ развращенномъ умѣ и лукавомъ сердцѣ цѣлой партїи преступниковъ. Очевидно, есть у нихъ организація; очевидно, есть у нихъ пособники, друзья... Какъ могло все это случиться, какъ могла преступная партїя съ такою сравнительною легкостью и возникнуть, и организоваться, и приводить въ исполненїе свои безумныя замыслы.

Слышимъ и читаемъ иногда жалобы на то, что у насъ не умѣютъ хорошо выслѣдить преступниковъ, во-время схватить ихъ, предупредить злодѣянїе и представить его суду и заслуженной карѣ...

Но не это мы разумѣемъ. Если человекъ болѣетъ головой, находясь въ комнатѣ, наполненной угаромъ, то внѣшнїя медицинскїя пособїя безсильны дать ему облегченїе, если больной не выходитъ изъ угарной комнаты. Такъ внѣшнїя мѣры предупрежденїя и каранїя преступленїй никогда и нигдѣ не являлись и не являются главными и всеисцѣляющими. Важнѣе всего то внутреннее нравственное состоянїе и настроенїе общества, которое способствуетъ или препятствуетъ развитїю въ его средѣ преступныхъ склонностей и преступныхъ дѣяній. Внутреннїе враги Россїи, враги всякаго порядка, люди безъ

правиль и нравственных убѣжденій, привѣтствующіе самое гнусное насиліе въ своихъ дѣйствіяхъ, но возмущающіеся всякимъ законнымъ проявленіемъ суда и власти въ государствѣ, объявляющіе его насиліемъ,—эти люди вышли отъ насъ; условія, благопріятствующія ихъ дѣятельности, создаются нами же и въ нашей средѣ; пособники и пособничество они находятъ въ томъ же обществѣ.

Къ глубокому сожалѣнію, русское общество въ своей жизни обнаруживаетъ два прискорбнѣйшія свойства: во-первыхъ, оно вызывается изъ своего равнодушія къ дѣятельности и размышленію только грозными и ошеломляющими ударами судьбы, какъ, напримѣръ, громомъ войны или выдающимся изъ ряда вонъ преступленіемъ; во-вторыхъ, оно рѣдко предвидитъ окончательное развитіе и плоды той или другой мысли, того или другого факта. А эти-то мысли и факты, раздѣляемые и одобряемые обществомъ, литературой, школою, сплошь и рядомъ приносятъ самыя тяжкія послѣдствія и плоды, неожиданные для людей духовно близорукихъ, живущихъ минутою, но вполне естественно ожидаемые людьми, умѣющими смотрѣть впередъ, соображать и провидѣть результаты жизненныхъ явленій.

Громъ теперь грянулъ. Кровь льется не на полѣ брани только, но пролилась она и внутри Россіи, въ самой ея столицѣ. Въ короткое время выхвачены изъ рядовъ государственныхъ дѣятелей нашихъ въ Финляндіи и Петербургѣ два чловѣка, о которыхъ воистину плачетъ сердце Царя и родины, сокрушаются даже заграничные друзья наши и вообще друзья порядка.

Время теперь и обществу одуматься, отрезвиться и оглянуться на себя.

Что нужно для образованія и существованія государства? Прежде всего, конечно, нужна извѣстная территория земли для поселенія: цѣлость этой территоріи, обыкновенно, ея насельники защищаютъ и отстаиваютъ отъ враговъ жертвами крови и цѣною смерти. Но ничуть не менѣе нужна для государства единая и цѣльная, такъ-сказать, *духовная территорія*: общность религіозныхъ, нравственныхъ, патріотическихъ, бытовыхъ и культурныхъ, исторически сложившихся устоевъ, воззрній, стрем-

лений. Цѣлость этой духовной территоріи и крѣпость ея достигаются не сразу: надъ ними работаютъ ряды поколѣній и тысячи самыхъ лучшихъ и выдающихся представителей Церкви, государства и общества; и ее также отстаиваютъ отъ покушений враговъ цѣною жертвъ, крови и смерти. За нее умираютъ такіе люди, какъ недавно убитый министръ; на нее ополчаются внутренніе враги, а изъ внѣшнихъ—тѣ, которые понимаютъ, гдѣ и какъ можно принести самый чувствительный и гибельный вредъ врагу. Отсюда, на примѣръ, поддержка на заграничныя деньги русскаго сектантства и образованіе за границей особыхъ фондовъ и обществъ для его развитія и распространенія; отсюда горячая агитація заграничныхъ газетъ въ пользу толстовства въ Россіи, какъ явленія глубоко анархическаго и разлагающаго весь государственный нашъ строй, и въ то же время замѣтное полное отсутствіе всякихъ практическихъ попытокъ осуществить его дома, въ Англіи или Германіи; отсюда матеріальная и нравственная поддержка,—и опять изъ-за границы,—нашихъ студенческихъ волненій, рабочихъ стачекъ, бунтовъ всякаго вида и проч. Все это—факты; матеріальная помощь, на примѣръ, нашимъ закавказскимъ сектантамъ отъ заграничныхъ обществъ и регулярная раздача денегъ законамъ сектантства—это факты, которые мы можемъ подтвердить съ неопровержимыми документами въ рукахъ...

Что же дѣлала и дѣлаетъ наша общественная жизнь для борьбы съ этими грозными явленіями и съ этими покушеніями на духовную цѣлость нашу? Фактами же нужно отвѣчать на этотъ вопросъ.

Когда Церковь русская, послѣ долгихъ-долгихъ лѣтъ терпѣнія, въ самой снисходительной формѣ осудила толстовство,—это ужаснѣйшее ученіе, отрицающее Живого Бога и Божественное достоинство Спасителя, т.-е. ниспровергающее все христіанство, отрицающее также и всякій государственный строй, какъ отнеслось тогда къ этому наше общество? Какъ тайно и явно осуждали тогда власть церковную за мнимую жестокость! Какъ ловили всякія глупыя письма и стихотворенія, направленные противъ постановленія Святѣйшаго Синода!..

А между тѣмъ, бомбы и взрывы,—смѣло объ этомъ говоримъ,—это еще нѣчто невинное, сравнительно съ тѣмъ, что таитъ въ себѣ толстовщина, эта умѣло и соблазнительно проведенная въ теоріи до конца анархія: въ ней, въ случаѣ ея послѣдовательнаго развитія, несмотря на подкупающее многихъ ученіе о непротивленіи злу, столько будетъ крови, насилія и кровавыхъ преступленій, сколько не сдѣлалъ бы ихъ самый отвратительный тиранъ-насилъникъ. Недаромъ же около толстовщины, повидимому, непонятно, а въ самомъ дѣлѣ совершенно естественно и съ логическою послѣдовательностью и необходимостью сгруппировалось въ единомъ общемъ сочувствіи къ ней все враждебное Церкви и Россіи: ее хвалятъ въ одинъ голосъ религіозные сектанты, безбожники, революціонеры и социаль-демократы, вся наша печать радикальнаго и просто либеральнаго оттѣнка и наши мечтатели пресловутаго праваго порядка. Общество наше какъ-будто бы не замѣтило этого и своимъ сочувствіемъ толстовству повинно въ томъ духовномъ разъединеніи и разбродѣ, которые послужили почвою для кровавыхъ преступленій внутри Россіи.

Когда въ университетскихъ городахъ происходили безпорядки, и наши молодые люди, наши блудные сыны, производили, во имя свободы, обструкціи, буйство, насилія надъ товарищами, имѣвшими мужество имъ не сочувствовать, осквернили историческій храмъ и его святыни, оскорбляли начальниковъ и стрѣляли въ министра, какъ къ этому относились ежедневная пресса и общество? Много ли нашлось газетъ, которыя не обошли этихъ грустныхъ явленій низкимъ и малодушнымъ молчаніемъ? Многіе ли даже родители твердо и властно произнесли слово осужденія своимъ безпутнымъ дѣтямъ? Самое осужденіе не выливалось ли въ такую отвратительную форму, въ которой слышался страхъ предъ молодежью прослыть „отсталыми“: „хотя-моль вы и благородны и правы..., но, знаете ли, еще рано, еще вы не доразвились и проч.“ И такимъ рабскимъ отношеніемъ къ дикому и повальному увлеченію молодежи, не желавшей трудиться и учиться, а желавшей поскорѣе управлять государствомъ и руководить обществомъ путемъ насилій и буйства, развѣ не была нравственно

подготовлена почва для послѣдняго злодѣянiя, совершеннаго молодымъ человѣкомъ, почти юношей?

Нужно ли говорить о томъ, съ какою жаждою ловятся и съ какимъ довѣрiемъ принимаются у насъ всякіе рассказы улицы, рисующіе въ непривлекательномъ видѣ представителей церковной и государственной власти? Развѣ это воспитываетъ молодежь въ уваженіи къ законности и порядку? Развѣ воспитательно дѣйствуютъ на нее эти вызванные завистью и мелочными счетами сплетни, клеветы и грязныя обвиненія, которыя слуги одного и того же церковнаго и государственнаго тѣла часто распускаютъ одинъ про другого?

Нужно ли, далѣе, говорить о томъ, что учащаяся въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведенiяхъ молодежь наша дома отъ родителей только и слышитъ осужденіе школьныхъ программъ и, къ явному удовольствію родныхъ, сама занимается дома только выпучиваніемъ и издѣвательствомъ надъ своими учителями и начальниками? Развѣ это prepares изъ нея будущихъ надежныхъ слугъ государства? Развѣ это подавить въ ней развитіе гордыни и той противной самовлюбленности и требовательности, которыя дѣлаютъ нынѣшнихъ молодыхъ людей невыносимыми ни въ семьѣ, ни въ жизни, ни въ службѣ и толкаютъ ихъ на путь насильственнаго отстаиванія и добыванія себѣ тѣхъ или другихъ мнимо-попранныхъ ихъ правъ? Впрочемъ, сама школа, высшая и средняя и низшая, всегда ли, не говоримъ уже даетъ, нѣтъ, — всегда ли даже хочетъ дать учащимся воспитаніе на основѣ религіозно-патріотической? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ можно было бы раскрыть такія страницы изъ жизни нашихъ учебныхъ заведеній, которыя заставить могутъ содрогнуться наши сердца, и которыя покажутъ, что враги государства нерѣдко прямо готовятъ у насъ въ школѣ и школьными дѣятелями. Довольно упомянуть о фактѣ общеизвѣстномъ: что даже въ начальныхъ школахъ въ послѣднее время открыто ревизіями существованіе складовъ революціонныхъ книгъ и брошюръ...

Пресса ежедневно и постепенно настраиваетъ общество. И общество, обратно, поддерживая нравственно и матеріально

прессу того или другого направленія, тѣмъ ясно показываетъ, что можно и чего нельзя писать и печатать.

Но довольно. Что слѣдуетъ изъ сказаннаго?

А слѣдуетъ то, что мы своею безпечною, безпринципною и разъединеніемъ, своимъ молчаніемъ и трусостью помогаемъ врагамъ государственнаго порядка; что мы—виновники разброда нашей религіозной и общественной мысли; что мы, по выраженію пророка, хромаемъ на оба колѣна; что мы, наконецъ, нашимъ молчаніемъ и бездѣятельностью развращаемъ молодое поколѣніе и вводимъ его въ заблужденіе, давая ему понять, будто враги государства правы, а мы, бессильные, уповаемъ на молодежь, которая якобы по благородству и честности должна идти передовыми бойцами за какіе-то мнимо-высокіе государственные идеалы.

А между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, какъ много истинныхъ силъ въ нашемъ народѣ и обществѣ! Какъ много вполне преданныхъ сыновъ Церкви и государства! Такъ много, такъ много, что ничтожная партія убійцъ и крамольниковъ есть въ истинномъ смыслѣ и буквально капля въ морѣ.

И если бы мы были объединены, энергичны; если бы мы, сторонники вѣры, Церкви, Государя и государства, согласно заговорили, то, какъ иней предъ лучами горячаго солнца, расточились бы враги наши.

Къ этому единенію и зоветь нынѣшняя и всякая церковно-общественная молитва. Она будитъ въ насъ нашу совѣсть, она говоритъ намъ о нашемъ гражданскомъ долгѣ, она повелѣваетъ вамъ стать, во всеоружіи вѣры, бодрости и любви къ отечеству, на стражу общественнаго спокойствія, въ бодрый трудъ и въ бодрую борьбу со всѣмъ, что такъ или иначе способствуетъ, хотя бы въ самой отдаленнѣйшей степени, всякой попыткѣ внутреннихъ враговъ Россіи растлить общественную мысль, смутить и затемнить общественную совѣсть, или дерзнуть на злодѣяніе убійства слугъ государевыхъ.

Пора заговорить противъ партіи безпорядка иной партіи, — партіи порядка, если только можно ничтожную кучку злодѣевъ—съ одной стороны и необъятную Россію—съ другой назвать этимъ избитымъ именемъ партіи. Пора обнаружить намъ свою

духовную мощь и показать дерзкимъ злодѣямъ единодушное и общественное осужденіе и презрѣніе къ ихъ преступной дѣятельности.

И пусть только услышится твердый тонъ въ семьѣ, въ школѣ, въ литературѣ и обществѣ; пусть только громко раздается смѣлое слово и обнаружится смѣлая дѣятельность каждаго изъ насъ: сгинуть тучи, которыя теперь темною полою протянулись надъ нашимъ небосклономъ, сгинетъ этотъ туманъ, *имѣющій видъ силы и значенія, а на самомъ дѣлѣ ничтожный и жалкій*. Если же этого не будетъ сдѣлано, то, конечно, враги нашей родины убійствами не достигнутъ своихъ цѣлей, не запугаютъ вѣрныхъ слугъ Царя и отечества и ихъ усилія разобьются предъ непоколебимою нравственною мощью и вѣрностью нашего народа Царю, но мы-то предъ лицомъ Высшей Правды, предъ родиною и предъ совѣстью нашею,—мы, каждый изъ насъ, будемъ виноваты въ злодѣянїяхъ и будемъ имъ причастны. А въ особенности и попреимуществу въ этомъ будутъ повинны тѣ, кому Церковь, государство и общество ввѣрили управленіе народомъ и облекли довѣремъ, санами, чинами, силою и правами. Ибо непреложенъ навѣки нравственный законъ: *„Кому много дано, съ того много и взыщется“* (Лук. XII, 48). Аминь.

Подвигъ и призваніе христіанскаго народа.*

Какія знаменательныя и историческія сближенія и какіе уроки сами собою просятся въ душу при этихъ священныхъ воспоминанїяхъ 1-го августа, въ связи съ переживаемыми нашимъ отечествомъ событіями.

Въ 1164 году Андрей Боголюбскій, великій князь Влади-

* По поводу русско-японской войны; сказано въ м. Боржомѣ, Тифл. губерніи, 1 авг. 1904 г., въ праздникъ происхожденія честныхъ дровъ Креста Господня и мучениковъ Маккавейскихъ, матери ихъ Соломоніи и учителя ихъ Елеазара...

мірскій, пошелъ войною противъ невѣрныхъ болгаръ, жившихъ по Волгѣ и постоянно тѣснившихъ и разорявшихъ русскія области—Ростовскую и Суздальскую. Во время похода князю сопутствовали святыни и среди нихъ—Животворящій Крестъ Господень, какъ знамя христіанскаго воинства, надежда его, сила, покровъ и одолѣніе. Силенъ былъ врагъ, многочисленно было его ополченіе, но помощь свыше воочію всѣхъ явлена была русскому народу: огненные лучи исходили отъ Креста Господня и отъ образа Спасителя и видны были сражающимся; кровопролитная была сѣча; много христіанъ пали смертью храбрыхъ, но слава полной и окончательной побѣды вѣнчала воинство благовѣрнаго русскаго князя въ день 1-го августа.

Это было на Руси. А далеко за ея предѣлами, въ едино-вѣрной Византіи въ тотъ же день 1 августа 1164 года императоръ Мануиль со своимъ войскомъ сражался съ христіаноненавистными сарацинами. И у него знаменемъ былъ Крестъ Господень, предводившій воинствомъ; и его войско видѣло тѣ же чудные лучи отъ образа Спасителя и отъ Креста Господня; и онъ, подобно Андрею Боголюбскому, укрѣпляемый силою свыше, нанесъ врагу рѣшительное пораженіе.

Одновременно, повелѣніемъ церковной власти, и въ Россіи и въ Византіи на нынѣшній день 1 августа учрежденъ праздникъ въ честь Креста Господня.

Такъ ярко сказалась общность мірового призванія Византіи и Россіи: вести борьбу съ невѣрнымъ Востокомъ, отстаивать Крестъ отъ безчисленныхъ враговъ его; кровью и жертвами засвидѣтельствовать предъ Богомъ и людьми свою вѣрность Христу и имя Его пронести до послѣднихъ предѣловъ земли. Религіозный элементъ проникалъ всецѣло всю историческую жизнь Россіи, особенно съ тѣхъ поръ, какъ послѣ паденія Византіи она осталась единою на землѣ защитницею православною истины христіанской и хранительницею ея—въ вѣрѣ, въ мысли, въ совѣсти и жизни христіанской. Пусть сыны міра сего, обуявшіе въ своей гордынѣ и обьюродѣвшіе въ своемъ лжеименномъ разумѣ, пусть они думаютъ, что эта черта въ исторической жизни Россіи является чуть ли не преступленіемъ ея предъ человѣчествомъ. Мы, христіане, твердо вѣруемъ и

проповѣдуемъ, что только тотъ народъ достоинъ земли, который думаетъ о небѣ; мы твердо вѣруемъ и проповѣдуемъ, что съ того момента, какъ въ народѣ начинается изсякать святое одушевленіе вѣры и служенія Богу, онъ подписалъ себѣ смертный приговоръ и его погибель—только вопросъ времени; мы твердо вѣруемъ, что времена, когда народъ идетъ на защиту вѣры и религіознаго знамени,—это времена повышенной жизни народа, чреватая богатыми дарами Духа, и несутъ ему залогомъ грядущаго духовнаго обновленія и расцвѣта; что въ такія времена принесенныя народомъ жертвы своимъ достояніемъ, кровью и жизнью своихъ сыновъ, потоками слезъ, огненными страданіями и горестями,—всѣ эти жертвы не напрасны; онѣ достойны своего назначенія, онѣ свидѣлствуютъ о высотѣ народной души, онѣ и должны быть приносимы съ мужествомъ и терпѣніемъ, самоотверженно и великодушно, какъ бы онѣ ни были тяжки, ради великаго будущаго.

Яркій примѣръ, высокій образецъ такого самоотверженія и преданности своей вѣрѣ завѣщаны вѣкамъ святыми мучениками Маккавейскими, ихъ матерью Соломоніей и учителемъ—старцемъ Елеазаромъ. Ихъ память сегодня празднуетъ святая Церковь. Въ 166 году до Рождества Христова царь Сирійскій Антіохъ Епифанъ, покоривъ Іудею своей власти, приказалъ ввести въ ней греческую языческую религію. Въ Іерусалимѣ престарѣлаго Елеазара, священника и учителя народнаго, убѣждали хоть для вида вкусить мяса отъ языческой жертвы, но напрасно: Елеазаръ скончался въ страшныхъ мученіяхъ, но не измѣнилъ истинѣ своей вѣры. Нашлись у него ученики и подражатели. При открывшемся страшномъ и кровавомъ гоненіи царь обратилъ вниманіе на семь сыновей женщины Соломоніи; они были молоды; младшій былъ еще отрокомъ. И вотъ употреблены были всѣ усилія поколебать твердость юныхъ исповѣдниковъ и материнское сердце Соломоніи; на ея глазахъ истязали ея дѣтей, рубили имъ руки и ноги, вырѣзали языки, сдирали кожу, жгли на раскаленныхъ сковородахъ. Что же мать? Она боялась только того, что какой-либо изъ ея сыновей, или внимая льстивымъ рѣчамъ и обѣщаніямъ мучителя въ промежутки между пытками, или изъ страха мукъ и смерти

ослабѣетъ духомъ и измѣнитъ Богу. Она подкрѣпляла дѣтей въ подвигѣ; указывала на Бога, на небо, на жизнь загробную; говорила объ истинѣ вѣры богопреданной и о лжи язычества; она заклинала дѣтей своею старостью, своими сѣдинами, болѣзнями чадорожденія, материнскимъ лономъ и молокомъ, которымъ ихъ питала, и убѣждала презрѣть льстивыя обѣщанія, угрозы, муки и смерть, но не отказаться отъ сокровища вѣры и вѣрности Богу. Терпя въ материнскомъ сердцѣ мученія, трудно вообразимыя, она съ любовью подбирала истерзанные члены своихъ дѣтей, ихъ отрубленные руки и ноги, но не учила ихъ малодушію. Достоянная мать имѣла достойныхъ сыновей; никто изъ нихъ не поколебался, всѣ до конца остались мужественными, всѣ скончались за вѣру, а послѣ нихъ умерла въ мученіяхъ и сама Соломонія.

Проходятъ вѣка и тысячелѣтія, жизнь человѣчества, по видимому, безъ конца разнообразится, видоизмѣняется и, уходя впередъ, теряетъ связь съ прошлымъ. Но это только по видимому. Подъ иными формами сущность остается та же. И донинѣ сокровище вѣры есть главная святыня народа. На нашихъ глазахъ совершаются событія, смыслъ которыхъ—тотъ же, что во времена Андрея Боголюбскаго и императора Мануила. Россія ведетъ брань на Востокѣ, и эта брань опять возглавляется Крестомъ Господнимъ. Отъ него идутъ лучи; они освѣщаютъ Русь свѣтомъ небеснымъ и осмысливаютъ переживаемыя событія. Тяжела брань и тяжки жертвы. Какъ Соломонія, терпя несказанныя муки материнскаго сердца, склонилась теперь Россія надъ своими милыми сынами и видитъ: тысячи ихъ убитыхъ, раненыхъ, истерзанныхъ врагами; видитъ, что торжествующій язычникъ издѣвается и ругается надъ умирающими и надъ самыми ихъ тѣлами, рѣжетъ руки и ноги, уродуетъ тѣла, вырѣзываетъ языки, совершенно такъ, какъ нѣкогда дѣлалъ это свирѣпый Антиохъ. Что же? Отступить отъ мірового призванія Божія? Отдать Крестъ, измѣнить христіанству, покорить его въ поруганіе язычеству ради сохраненія жизни и земныхъ интересовъ?

Какъ жалко и ничтожно письмо русской матери, опубликованное въ одной газетѣ, гдѣ мать призываетъ прекратить

брань, отдать все врагу только потому, что сынъ ея, ея сынъ дорогой—въ Портъ-Артурѣ и можетъ погибнуть... Къ счастью, эта мать, такъ непохожая на Соломонію, вѣроятно, одинока на Руси.

Нѣтъ, борьба требуетъ напряженія всѣхъ нашихъ силъ, требуетъ всѣхъ и всякихъ жертвъ. Не погибнетъ Россія, не погибнутъ ея сыны. Близится день, когда Господь воздастъ намъ радостями за дни тревогъ и печали. Порокою въ томъ—этотъ Крестъ, который вынесенъ нынѣ на средину храмовъ, который мы чтимъ и лобызаемъ, который отстаиваемъ тысячу лѣтъ. Въ немъ—наша сила и крѣпость. И пока мы будемъ ему вѣрны, пока онъ будетъ водруженъ на нашихъ воинскихъ знаменахъ и на всемъ зданіи нашей государственной и общественной жизни, дотолѣ мы будемъ подъ его Божественною защитою. Ибо Христу, на немъ распятому, по непремѣнному слову Бога, подобаетъ царствовать, доколѣ Онъ не положить всѣхъ враговъ своихъ въ подножіе ногамъ Своимъ.

Да будетъ же и сильна и дѣйствительна молитва нынѣшняго праздника въ нашихъ устахъ и сердцахъ:

Вознесыйся на Крестъ волею тезоименитому твоему новому жительство (т.-е. христіанскому православному народу) щедроты твои даруй, Христе Боже! Возвесели силою Твоею благовѣрнаго Императора нашего, побѣды дая ему на супостаты, пособіе имущу твое оружіе мира, непобѣдимую побѣду! Аминь.

М о л и т в а.*

Во время оно, поять Иисусъ Петра, Іоанна и Іакова, взыде на гору помолитися. И бысть, егда моляшеся, видѣніе лица Его яно, и одѣяніе Его бѣло блистаяся (Лук. IX, 28—29).

О молитвѣ, о чудномъ преображающемъ дѣйствіи молитвы говоритъ намъ нынѣшній праздникъ и примѣръ Господа Иисуса. Къ молитвѣ же призываетъ нынѣ нашъ Государь всѣхъ Своихъ вѣрноподданныхъ словами прочитаннаго сейчасъ торжественнаго манифеста по случаю рожденія Наслѣдника Всероссійскаго Престола Цесаревича и Великаго Князя Алексія Николаевича.

Что такое молитва? Каковы ея виды, правила, цѣли? Нерѣдко задаютъ подобные вопросы и нерѣдко ими занимаются. Можетъ-быть, въ цѣляхъ образовательныхъ или научныхъ и нужно это, но для вѣрующаго въ простотѣ сердца христіанина, но для непосредственнаго религіознаго чувства такіе вопросы—вопросы лишніе. Кто вѣруетъ, кто религіозенъ, для того молитва такъ же близка и естественна, какъ свѣтъ для глаза, какъ мысль для ума или добродѣтель для совѣсти: она сама собою возникаетъ и поднимается въ душѣ, она сама собою и выливается предъ Богомъ, какъ выливается слово, чувство—общеніе любви у ребенка по отношенію къ горячо любимой матери. А кто не вѣруетъ и не религіозенъ, для того и молитва и самое слово о ней—непонятны, какъ непонятно объясненіе бѣлаго и краснаго цвѣта для слѣплого отъ рожденія; для такого человѣка излишни и ненужны, бесполезны и безрезультатны самыя краснорѣчивыя и высокоученныя разсужденія о молитвѣ...

Впрочемъ, это уродство духа, это печальное извращеніе

* Слово въ праздникъ Преображенія Господня и предъ молебствіемъ по случаю рожденія Наслѣдника Всероссійскаго Престола Цесаревича и Великаго Князя Алексія Николаевича. Сказано предъ торжественнымъ молебствіемъ 6 августа 1904 года, по прочтеніи Высочайшаго манифеста о рожденіи Наслѣдника Цесаревича, въ м. Боржомѣ, Тифл. губерніи.

человѣческой природы, къ счастью, бываетъ чрезвычайно рѣдко; случаи такого нравственнаго идиотства еще рѣже идиотства умственнаго.

Вообще же, въ человѣческомъ сердцѣ глубоко и неистребимо заложена Творцомъ потребность молитвы, и это служить и утѣшеніемъ, и бодростью, и радостью для насъ, людей вѣрующихъ, это побуждаетъ насъ восходить въ подвигѣ молитвы отъ силы въ силу: мы не можемъ отказаться отъ молитвы, какъ не можемъ отказаться отъ нашей природы, отъ духа, отъ ума или совѣсти. Побесѣдуемъ объ этомъ подробнѣе.

Говорятъ иногда о древнихъ язычникахъ, какъ о людяхъ будто бы безрелигіозныхъ, жившихъ безъ общенія съ высшимъ, духовнымъ міромъ. Но говорятъ такъ или по невѣжеству, или по лукавству души, ищущей оправданія для своего нечестія. Кто знакомъ съ исторіей и жизнью древнихъ народовъ, тотъ не можетъ не остановиться предъ ними въ изумленіи: близкіе къ природѣ, чуткіе къ голосу ея, свѣжіе по своимъ душевнымъ силамъ и запросамъ, они оставили намъ самыя вѣрныя свидѣтельства и наглядныя доказательства усердія къ своей естественной религіи; они украсили горы, дубравы, пустыни, города и селенія храмами и жертвенниками въ честь божества, которому они приносили все дорогое; тысячами тысячъ ихъ жертвы курились по лицу всей земли и предъ ними въ молитвѣ поднимались руки грѣшныхъ и смертныхъ сыновъ земли... Можно сказать, нѣтъ страницы въ книгахъ, оставленныхъ намъ въ наслѣдіе древними,—нѣтъ страницы, на которой нѣсколько разъ не встрѣчалось бы имя божества. Они, эти древніе язычники, были далеки отъ истины богопознанія, которая дана только въ Божественномъ Откровеніи; подавленные бременемъ первороднаго грѣха, они были бессильны сами, безъ помощи свыше, прозрѣть въ эту истину: но они къ ней стремились, жаждали ея, о ней воздыхали, и въ молитвѣ искали просвѣтленія и примиренія, покоя духа и того общенія съ Богомъ, безъ котораго душа человѣка вянетъ, сохнетъ и гибнетъ, какъ тѣло безъ воды, въ мучительной жадѣ. „Обойдите всю землю,—такъ приблизительно говоритъ одинъ древній языческій мудрецъ,—вы найдете города безъ стѣнъ, встрѣтите людей,

совсѣмъ не имѣющихъ домовъ и живущихъ въ пещерахъ, не знающихъ можетъ-быть и употребленія огня, но вы не найдете народа, не имѣющаго жертвенниковъ и не знающаго о богахъ“ (Плутархъ). Съ этимъ свидѣтельствомъ древняго наблюдателя сходится заявленіе одного новѣйшаго и знаменитаго путешественника: „Я изслѣдовалъ всѣ земли,—говоритъ онъ,—я побывалъ на всѣхъ моряхъ, и могу сказать, что вѣра въ Бога, надежда на Него и молитва къ Нему не оставляютъ человѣка на самой низшей ступени развитія; съ нею дикій негръ уходитъ въ дремучіе лѣса; на гнилой доскѣ безстрашно отправляется въ бурное море, и, умирая въ когтяхъ льва или тигра, на берегахъ Нила, онъ устремляетъ взоръ свой къ небу, ища тамъ примиренія“ (Ливингстонъ).

Но оставимъ эти свѣдѣнія, доступныя и извѣстныя лишь людямъ науки. Обратите вниманіе еще на одно замѣчательное явленіе, которое можетъ наблюдать рѣшительно всякій изъ насъ, безъ всякаго различія въ степени образованія. Обратите вниманіе: изъ всѣхъ земныхъ тварей только одинъ человѣкъ молится, умѣетъ молиться и можетъ быть наученъ молитвѣ. Есть животныя умныя; есть животныя, о которыхъ неумѣренные ихъ хвалители рассказываютъ, будто у нихъ можно найти даже проблески совѣсти; есть животныя, отличающіяся, и вправду, вѣрностью, преданностью. Но нѣтъ изъ нихъ ни одного, которое могло бы молиться. Только человѣкъ имѣетъ тѣло, обращенное вверхъ; только его разумное чело поднято къ небу; только его богоподобный духъ одаренъ высокою и святою способностью въ молитвѣ обращаться къ Богу и въ молитвѣ жить съ Нимъ непрестанно.

Итакъ, молитва есть постоянная, всеобщая потребность человѣческаго духа и въ то же время она есть признакъ жизни истинно-человѣческой. Безъ молитвы, поэтому, жизнь человѣка идетъ на ущербъ, умалывается, вянетъ, замираетъ и приближается къ жизни животнаго; безъ молитвы человѣкъ—это звѣрь, быть-можетъ и умный, очень умный, но все же человѣкомъ онъ называется только по недоразумѣнію, по одному внѣшнему виду, а не по внутренней сущности.

Господь Иисусъ былъ Богъ и человѣкъ совершенный. Но

посмотрите, потому именно, что Онъ—человѣкъ совершенный, въ Немъ и горѣлъ такъ ярко святой огонь молитвы. Младенцемъ Онъ приносится въ храмъ; отрокомъ Онъ три дня подрядъ не можетъ разстаться съ домомъ молитвы; въ годы божественнаго учительства Онъ, всегда и со всѣми кроткій, только разъ воспламеняется священнымъ гнѣвомъ, и это было при видѣ оскорбленія храма; въ сорокадневномъ подвигѣ поста, предъ выступленіемъ на дѣло Своего служенія, Онъ молится въ пустынѣ; молится Онъ часто на горахъ и въ уединенныхъ мѣстахъ; молится цѣлыми ночами; молится и предъ совершеніемъ чудесъ милосердія Своего; въ молитвѣ просвѣтлѣло и преобразилось на Фаворѣ Его тѣло; въ молитвѣ же просвѣтлѣлъ и духъ Его въ Геесиманіи; съ молитвою Онъ восходитъ на крестъ; съ молитвою передаетъ и духъ Свой Богу...

Молитву же Онъ завѣщалъ всѣмъ Своимъ послѣдователямъ; молитву завѣщали намъ и апостолы, продолжатели Его дѣла спасенія людей и воспитанія ихъ для царства Божія; наставленіями подобнаго рода полны ихъ жизнь и писанія, а одинъ изъ нихъ оставилъ въ заповѣдь намъ едва вмѣстимое слово: *непрестанно молитесь* (I Сол. V, 17).

Чему всегда учила Церковь въ теченіе вѣковъ? Прежде всего молитвѣ. Что дѣлала она сама? Прежде всего молилась, а затѣмъ уже учила, благодетривала, управляла духовно жизнью и проч. И только люди грубые, духовно ограниченные и духовно-слѣпые, все разсматривающіе съ точки зрѣнія самой грубой и животной пользы, неспособные подняться выше желаній и представленій о пищѣ, питьѣ и внѣшнихъ удобствахъ жизни, могутъ думать и говорить, что бесполезенъ и не нуженъ подвигъ молитвы. Такимъ довольно отвѣтить словами Евангелія: *„не о хлѣбѣ единомъ живѣть будетъ человекъ“* (Мѡ. IV, 4); такимъ довольно отвѣтить, что мѣсто ихъ изменной философіи—скорѣе среди четвероногихъ, а не въ средѣ людей.

Конечно, высокія степени молитвы не всѣмъ доступны, или, правильнѣе сказать, доступны рѣдкимъ изъ людей; онѣ—удѣлъ особо избраннаго духа и даются не даромъ: онѣ требуютъ великихъ усилій, долговременнаго духовнаго труда и

особаго, вышшаго самовоспитанія; онѣ роднятъ человѣка съ міромъ ангеловъ, у которыхъ вся жизнь есть непрестанная молитва, непрестанная хвала и благодареніе Творцу.

Но все же бываютъ моменты, когда, можно сказать, весь народъ охватываетъ одно чувство и одна потребность молитвы. Такой именно моментъ мы теперь переживаемъ. Трудное время нынѣ для Россіи; внѣшній врагъ, злобный и хитрый, давно изготовившійся къ брани, вторгся въ дальніе предѣлы нашего отечества „въ силѣ тяжкой“; онъ пришелъ туда, гдѣ великая Россія является воистину *малою* за невозможностью сосредоточить тамъ все свои силы. Среди тревожныхъ и смутныхъ, порою безрадостныхъ вѣстей, идущихъ съ войны, насъ поражаютъ событія, ясно говорящія, что и внутренніе наши враги не дремлютъ. Льетса русская кровь; падаютъ Царскіе слуги; гибнуть миллионы народнаго достоинства, вся жизнь огромнаго государства ушла на борьбу со врагомъ. Гдѣ спасеніе отъ унынія и малодушія? Гдѣ надежда, непоколебимая надежда на свѣтлое будущее и благополучное окончаніе тяжкой брани? Напряженіе воѣхъ силъ души народной можетъ и должно прежде всего разрѣшиться въ молитву. Только она одна сохранитъ намъ ясность духа, бодрость, мужество и то непоколебимое спокойствіе, которое всегда проявляла Россія въ виду самыхъ тяжелыхъ испытаній и которымъ былъ силенъ и непобѣдимъ нашъ народъ, воспитываемый въ теченіе вѣковъ въ духѣ молитвы православною Церковью. Настоящее тяжело; будущее неизвѣстно, оно можетъ быть исполнено всевозможныхъ случайностей: „*молитесь*,—говоритъ намъ Спаситель,—*молитесь, да не увидете въ напасть*“ (Лук. XXII, 46); „*молитесь*,—учитъ апостоль,—*молитесь, да исцѣлѣете*“... (Іак. V, 16).

Но вотъ среди грозн: военной непогоды и бранныхъ тревогъ свѣтлымъ лучомъ всенародной радости пришла вѣсть о рожденіи давно жданнаго Наслѣдника Царскаго Престола. Радость Царя—наша радость; и опять здѣсь для насъ побужденіе къ молитвѣ,—къ молитвѣ хвалы и благодаренія Господу за сохраненіе Царскаго рода, за преемственность Царскаго престола, за охрану спокойствія нашей родины въ будущемъ. Но не эта одна молитва просится въ душу. Благоговѣть должно

предъ каждымъ рожденіемъ въ міръ человѣка, какъ предъ великимъ и непостижимымъ таинствомъ жизни; и предъ каждымъ новорожденнымъ стоитъ тревожный вопросъ близкихъ и родныхъ: *что убо отроча сіе будетъ?* (Лук. I, 66). Но здѣсь близкіе и родные—вся многомилліонная Россія; здѣсь съ жизнью Первороднаго Царскаго Сына столько можетъ быть связано для насъ въ будущемъ интересовъ, столько событій, самыхъ важныхъ, самыхъ глубокихъ и жизненныхъ!..

О, молись, Россія! Молись, чтобъ эта радость, пришедшая къ тебѣ во дни печали, разгоралась все ярче и ярче. Молись, чтобъ этотъ новый отпрыскъ жизни въ Царственной Семьѣ, родившійся посреди ужасовъ и вѣстей о смерти, знаменовалъ бы собою жизнь для Россіи и, воистину, принесъ бы ей въ будущемъ жизнь полную, бодрую, достойную, блестящую всѣми красами бытія и всѣми силами и дарами духа!

Вѣдь онъ, этотъ Царственный Младенецъ, и самъ какъ бы повить молитвою отъ дней зачатія и рожденія. Два года назадъ, ровно два года, въ памятные дни мѣсяца іюля Государю Императору угодно было вспомнить молитвы и труды великаго и чтимаго всероссійскаго молитвенника старца Серафима Саровскаго; по Царскому благочестивому желанію, было доведено до конца начатое въ Святѣйшемъ Синодѣ дѣло о прославленіи преподобнаго. Прошелъ послѣ того годъ, и въ іюлѣ же мѣсяцѣ прошлаго года въ Саровѣ сотни тысячъ православныхъ торжествовали прославленіе праведника, а съ ними и во главѣ ихъ Царь съ Царицею.

Мы знаемъ, какъ принято было это событіе въ народѣ и какъ истолковано: народъ вѣрилъ и говорилъ единогласно, и не сомнѣвался въ томъ, что Царь съ Царицею прибѣгли къ молитвамъ преподобнаго и просили себѣ сына... И могло ли быть иначе при видѣ великаго подъема народной вѣры, при видѣ многочисленныхъ чудесъ у мощей угодника? Прошелъ и еще годъ, только-что минуло торжество годовщины открытія мощей преподобнаго Серафима, на которое опять Царь нашъ отозвался чуткимъ сердцемъ и одушевленнымъ словомъ,—и вотъ, въ исходѣ іюля, какъ новый Самуиль, „выпрошенный и вымоленный у Бога“, въ осѣненіи молитвъ преподобнаго угод-

ника, какъ даръ вѣры и молитвы Царственной Четы, рождается ей первородный Сынъ, надежда и опора Царя и царства. Во истину, отъ всѣхъ этихъ совпаденій вѣетъ духомъ и образами Библии, и сердце загорается высокимъ религіознымъ настроеніемъ, и чудится персть Божьяго Промысла, и на уста просится молитва...

Самъ Царь нашъ нынѣ призываетъ насъ вмѣстѣ съ Нимъ вознести молитвы къ Богу объ Его первородномъ Сынѣ-Наслѣдникѣ. Возлюбленные братіе и соотечественники! Въ торжественный сей часъ *Господу помолимся!* Помолимся, да возрастаетъ и крѣпнетъ Царственный Младенецъ, *исполняяся премудрости, въ любви у Бога и человековъ!* (Лук. II, 40). Да будетъ Онъ, новый Самуиль, истиннымъ Самуиломъ нашей родины, обтекающая грады и веси ея судією мира, благоволенія и молитвы! Рожденный во дни испытанія Россіи, да возрастетъ Онъ въ царственной красѣ и крѣпости, мужая съ лѣтами, и да воспрянетъ оживить надежды великаго нашего народа! Аминь.

О безсмертіи.*

ПАМЯТИ УБИЕННЫХЪ НА БРАНИ.

Святая вѣра христіанская учитъ чадъ своихъ истинамъ небесной мудрости, главнымъ образомъ, не словами и разсужденіями, а дѣлами и событіями,—*фактами* самаго глубокаго внутренняго значенія. Жизнь Спасителя, Богоматери и святыхъ Божіихъ полна такими именно уроками, и оттого-то, несомнѣнно, таинственныя истины вѣры, высочайшія велѣнія христіанской нравственности, несмотря на полную отрѣшенность ихъ отъ естественнаго и врожденнаго человѣку грѣха и себялюбія, становятся какъ бы понятными и близкими не отдѣль-

* Слово въ день Успенія Пресвятыя Богородицы 15 августа 1904 года; сказано въ м. Воржомѣ. Тифл. губерніи.

нымъ только и избраннымъ лицамъ, а цѣлымъ народнымъ массамъ, и притомъ глубоко проникають въ ихъ жизнь и міропониманіе.

Что возвышеннѣе ученія о безсмертіи, о которомъ такъ много вразумительно проповѣдуетъ событіе *Успенія* Богоматери, „и по смерти живой“, какъ говоритъ пѣснь церковная?!

Какіе великіе умы древности осмѣливались едва только подойти къ этому ученію! Сколько написано о немъ и оставлено міру ученыхъ и глубокихъ разсужденій! Сколько заблужденій и бесплодныхъ исканій переиспыталъ человѣческой разумъ, остававшійся внѣ Откровенія и Божественнаго руководства, сколько тревогъ и мукъ переиспытало человѣческое сердце въ разрѣшеніи рокового вопроса: что тамъ, за этою землею нашею жизнью, и есть ли жизнь по ту сторону могилы и гроба? Древній Востокъ отвѣчалъ на это увѣреніями, что жизнь нашего сознанія погасаетъ со смертію тѣла и будущее человѣка есть лишь вѣчный покой и безпробудный сонъ. И вотъ, подъ вліяніемъ этого ученія, весь Востокъ, съ его нѣкогда живыми и способнѣйшими народами, погрузился и здѣсь, на землѣ, въ безпробудный сонъ и погибъ для міровой жизни и дѣятельности, какъ это мы и видимъ на примѣрѣ далекой Индіи. Язычество грековъ и римлянъ отвѣтило на роковой вопросъ увѣреніями, что, при всей несомнѣнности загробной жизни, она будетъ жалкою и ничтожною, такъ что лучше въ земной жизни быть свинопасомъ, чѣмъ въ загробной царемъ надъ умершими: это представленіе выродилось въ обожаніе земной жизни и произвело такой разливъ чувственности, пороковъ и порочныхъ удовольствій, что погубило исповѣдниковъ такого ученія. Отвѣчало на тотъ же вопросъ о безсмертіи и мусульманство и перенесло на небо всѣ пороки земли: оно привело народы мусульманскіе къ современному ихъ жалкому состоянію, которое можно назвать постепеннымъ издыханіемъ.

Вы видите, братіе, что отъ рѣшенія вопроса о жизни будущей зависитъ обликъ и жизни настоящей, и въ зависимости отъ того, какъ мы представляемъ небо, разрѣшается вопросъ, какъ мы устраиваемъ и землю.

Какъ же отвѣтило и отвѣчаетъ на роковой вопросъ о безсмертіи христіанство?

Оно не разсуждало, какъ древніе философы; его проповѣдники не писали объ этомъ пространныхъ „разговоровъ“ и ученыхъ разсужденій. Оно отвѣтило на великій и важнѣйшій для всякаго человѣка вопросъ фактами, самыми вѣрными и дѣйствительными, неопровержимыми фактами, засвидѣтельствованными и подтвержденными словами многочисленныхъ ихъ очевидцевъ: воскресеніемъ Господа Иисуса и успеніемъ Богоматери, которое нынѣ Церковь наша торжественно прославляетъ.

Какъ бы такъ говорить намъ наша святая вѣра: „Что разсуждать о безсмертіи? Вотъ оно предъ вами въ живыхъ и глубокоубѣдительныхъ образахъ и событіяхъ“. И, конечно, такъ же непосредственно должно воспринять эту истину и христіанское чувство и поставить ее руководствомъ и опорой всей жизни. Пусть ученое благочестіе доказываетъ ее всѣми соображеніями разума: это дѣло почтенное и должно вызывать благодарность вѣрующаго сердца; но оно не замѣнитъ того, что служить основой для самой учености въ данномъ вопросѣ, и безъ чего рухнули бы всѣ самыя краснорѣчивыя убѣжденія: разумѣемъ прирожденную человѣку увѣренность въ безсмертіи, непоколебимую и ничѣмъ неистребимую. Мы знаемъ, что если въ мірѣ не погибнетъ ничтожная пылинка и гдѣ-нибудь осидеть на землѣ; если не исчезнетъ миллионная часть капли воды или росинки и гдѣ-либо во вселенной будетъ существовать въ видѣ пара или опять жидкости: то тѣмъ болѣе не можетъ погибнуть и исчезнуть однажды возникшая мысль, однажды возникшее чувство, однажды возникшая духовная жизнь. Не будемъ здѣсь приводить текстъ Священнаго Писанія. Возьмите сами евангеліе и весь Новый Заветъ; читайте внимательно и скажите: есть ли тамъ хоть одна страница, — нѣтъ, найдется ли хоть одна строка, написанная безъ предположенія о загробной жизни христіанина? И довольно здѣсь сказать только слово Христова, освѣщающее весь вопросъ: „*Богъ не есть Богъ мертвыхъ, но живыхъ*“ (Лук. XX, 38). И довольно припомнить, что Самъ Спаситель называлъ Себя все-

гда *жизнью* и жизнь, вѣчную жизнь Онъ обѣтовалъ Своимъ послѣдователямъ. Да, слово жизнь почти всегда въ евангеліи разумѣется, какъ *вѣчная жизнь*, и всегда въ одномъ и томъ же смыслѣ: это—блаженство, назначенное намъ отъ Бога, состояніе, ради котораго мы и вызваны изъ ничтожества. Такъ Богъ сотворилъ насъ для бытія, и притомъ для бытія вѣчнаго и блаженнаго.

Богу угодно, чтобы мы существовали; Онъ далъ намъ жизнь не для того, чтобы прекратить ее. Но въ какомъ состояніи должны мы существовать и какова должна быть данная намъ жизнь?

Благодареніе Богу: Онъ открылъ намъ и Свои планы и Свою волю. Этотъ планъ указанъ намъ въ томъ, что Богъ сотворилъ насъ по *Своему образу*, который есть образъ чистоты, святости и совершенства; эта воля ясно выражена въ словахъ апостола: „*Воля Божія о васъ есть святость ваша*“ (1 Сол. IV, 3).

Итакъ, вѣчная жизнь есть *святая жизнь*. Надъ дверьми царства небснаго и вѣчнаго положено надписаніе, какое мы и читаемъ въ Откровеніи Іоанна Богослова: *Ничто нечистое и скверное не войдетъ сюда* (XXI, 27).

Въ этомъ, именно, братіе, и состоитъ главное поученіе въ нынѣшній праздникъ, такъ ясно и внятно въ успеніи Богоматери говорящей и проповѣдующей намъ о вѣчной жизни.

Вѣчно только святое и то, что можетъ быть въ насъ освящено,—все наше существо, созданное Творцомъ, или, выражаясь словами апостола, *и духъ, и душа, и тѣло* (1 Сол. V, 23); это—разумъ, воля, чистыя привязанности, чистыя радости,—все, чѣмъ живетъ и волнуется наша душа; это—вытекающія изъ душевныхъ движеній наши дѣла въ ихъ безконечномъ разнообразіи; это, наконецъ,—и самое тѣло наше, которое также войдетъ въ жизнь вѣчную, но очищенное, преображенное и нетлѣнное. Только грѣхъ не войдетъ въ царство вѣчности, ибо грѣхъ есть уклоненіе отъ истинной жизни духа и тѣла, а не самая жизнь; поэтому все, что въ жизни духа и тѣла заражено грѣхомъ и зломъ, недостойно этого царства; и если человекъ всего себя отдалъ грѣху и весь имъ проникся, то само собою

не по вѣшнему велѣнію или наказанію, но по внутреннему закону нравственному, еще болѣе непреложному, чѣмъ законы физическіе, онъ самъ удаляетъ себя отъ вѣчной жизни; онъ не можетъ быть соединенъ съ царствомъ Божиимъ, какъ не соединяются свѣтъ и тѣма, огонь и снѣгъ, востокъ и западъ.

Но если все, способное быть освященнымъ, принадлежитъ вѣчности, то и вѣчность нѣкоторымъ образомъ начинается еще здѣсь, на землѣ. Все высокое, чистое и благое, все, что угодно Богу, угодно Ему всегда и вездѣ, и во вѣки.

Будемъ же, братіе, ходить въ постоянной мысли о вѣчности и жить въ постоянномъ ея предощупленіи и даже въ общеніи иного, ожидающаго насъ горняго міра. Будемъ вѣчностью измѣрять и оцѣнивать и избирать все временное, и небеснымъ освящать и осмысливать все земное. *Горѣ имѣемъ сердца*—и тогда, какъ измѣнится весь обликъ жизни! Станутъ ли привлекать нечистыя радости, когда мы знаемъ, что онѣ гибнущія и отверженныя?

Станутъ ли убѣдительно и дѣйственны другія побужденія, кромѣ требованій долга и христіанскаго закона, когда мы знаемъ, что все, нарушающее долгъ и законъ, недостойно вѣчности и насъ отъ нея удаляетъ?

Вѣчная жизнь предстанетъ тогда предъ нами во всей обаятельной красѣ и сдѣлаетъ прекрасною и жизнь временную, земную. Ею подвинется слабый сынъ земли на всякое добро, и ею онъ утѣшится предъ всякою скорбью; большому она укажетъ покой вѣчности; умирающему откроетъ жизнь вмѣсто смерти; духу, возмущенному при видѣ зла, грѣха, порока, несправедливости, царствующихъ въ мірѣ, она обѣщаетъ *новое небо и новую землю, гдѣ будетъ жить вѣчная правда* (2 Петр. III, 13); и всякому страданію она укажетъ страну радостей нескончаемыхъ; и всякому сомнѣнію она обѣщаетъ вѣчную и непоколебимую истину; и всякой жаждѣ, и всякой тоскѣ души она укажетъ источникъ услады, успокоенія и полного удовлетворенія въ Богѣ, Который въ царствѣ вѣчности будетъ нашимъ Солнцемъ, Покровомъ, Источникомъ разумѣнія, блаженства и полноты духовной жизни. *То, что око не видѣло и ухо*

не слышало и на сердце человеку не восходило,—все это уготовалъ Богъ любящимъ Его (1 Кор. II, 9).

О васъ теперь неотвязная дума и о васъ тревога любви, наши дорогіе воины, кровью и жизнью защищающіе теперь нашъ покой, нашу безопасность, нашу честь и достоиніе! Быть-можетъ, въ настоящія минуты, когда мы въ этомъ множествѣ, одѣтые празднично, ¹⁾ спокойные предстоимъ алтарю, когда тамъ, за стѣнами храма, шумно течетъ жизнь беззаботности и веселья, порою кощунственнаго въ эти дни, вы, наши защитники, сотнями и тысячами переходите въ страну вѣчности и безстрашные смотрите въ глаза смерти. Знаемъ, что уже многіе-многіе отдали жизнь за родину, за ея великое будущее... О! пусть пріосѣнитъ васъ небо вѣчности,—всѣхъ васъ, безвѣстные мученики, исполняющіе заповѣдь любви: ибо *больши сея любве никтоже имать, да кто душу свою положитъ за други своя* (Іоан. XV, 13); ибо послѣ вѣры и ея законовъ, послѣ Церкви и ея заповѣдей — отечество, возлюбленное наше отечество, святая родина наша,—вотъ что должно внушать намъ самыя чистыя привязанности, самую горячую и самоотверженную любовь, а честь родины, ея слава, безопасность и процвѣтаніе стоятъ всѣхъ усилій нашихъ и всѣхъ и всякихъ жертвъ! Страна вѣчности да приметъ въ свои кровы тѣхъ, кому судилъ Господь въ брани отдать жизнь за отечество; святые предстатели за землю русскую, безчисленное множество отшедшихъ ранѣе въ жизнь вѣчную сыновъ нашей родины, ея святые, мученики, подвижники, преподобные, ея герои, защитники, страдальцы, труженики—пусть встрѣтятъ ихъ молитвою, и радостью небесною да вознаградятъ ихъ за труды, жертвы и мученическую смерть! Теперь всѣ они намъ дороги, особенно близки; пусть будетъ для насъ особо близкою и жизнь вѣчная, которою они живутъ. Можетъ-быть, потому Господь и поставилъ теперь эту жизнь такъ близко у нашего сознанія и потому такъ страшно и вразумительно въ грозныхъ знаменіяхъ брани напомнилъ о ней, что въ годы покоя и безопасности мы слишкомъ о ней забыли и отъ нея

¹⁾ Имѣется въ виду многочисленная курортная публика...

отдалялись. Подъемомъ вѣры, горячностью покаянія, напряженіемъ благочестія, вѣрностью евангелію, преданностью Церкви, любовью къ отечеству и вѣрностью ему въ мысли, словѣ и дѣлѣ,—вотъ чѣмъ станемъ мы достойны тѣхъ мучениковъ-воиновъ, что умираютъ нынѣ за насъ, и приблизимся къ той вѣчной жизни и вѣчной нашей небесной родинѣ, которая для нихъ и для насъ должна быть такъ же единою общею и святою, какъ едина и обща для насъ наша родина земная! Аминь.

Правительство и общество.*

Всякое царство, раздѣлившееся само въ себя, опустѣетъ; и всякій городъ или домъ, раздѣлившійся самъ въ себя, не устоитъ (Мт. XII, 25).

Законъ нравственный вѣковѣченъ и всеобъемлющъ. Приведенныя слова Спасителя нашего, столь рѣшительныя и устрашающія, имѣютъ полное примѣненіе не только къ той религіозно-нравственной области, о которой говоритъ евангеліе, но и ко всей безграничной человѣческой и даже міровой жизни, во всѣхъ ея сторонахъ и отправленияхъ. Единство силъ стремится изыскать наука даже въ сферѣ явленій чисто-физическихъ. Тѣмъ болѣе оно должно быть признано самымъ главнымъ, единственнымъ и насущнымъ условіемъ порядка и жизнеспособности тамъ, гдѣ по преимуществу требуется разумъ, доброе чувство и добрая воля въ дѣятельности человѣка, въ его жизни общественной и государственной. И если есть самое достойное поприще для приложенія порывовъ благороднѣйшаго патріотизма и пламеннаго желанія служить благу общественному, то его можно указать именно въ объ-

* Рѣчь въ собраніи Закавказскаго Общества вспоможенія русскимъ переселенцамъ на благодарственномъ молебствіи по случаю воспоминанія объ избавленіи отъ смертельной опасности Главноначальствующаго на Кавказѣ князя Г. С. Голицына и при освященіи иконы въ память этого событія.

единеніи, сляніи и взаимоскрѣпленіи всѣхъ силъ и началъ, которыми живетъ наша родина. Высшее и совершеннѣйшее единеніе—есть идеаль даже премірный: соединеніе неба и земли, царства человѣческаго и Божьяго, наконецъ, соединеніе чловѣка и Бога. „Да будутъ все едино: какъ Ты, Отче, во Мнѣ и Я въ Тебѣ, такъ и они да будутъ въ насъ едино“ (Іоан. XVII, 21),—вотъ завершеніе молитвы Искупителя, которую Онъ вознесъ къ Небесному Отцу въ виду Геосиманіи и Голговы, въ тягчайшій часъ Своей жизни; вотъ нравственное завершеніе всего міробытія. Начало же этого единенія полагается въ нашей жизни земной, въ идеалахъ и задачахъ нашей семейной, общественной, государственной дѣятельности. Въ этомъ смыслѣ сегодняшнее торжество, на которомъ мы сейчасъ присутствуемъ, является глубоко-знаменательнымъ и имѣетъ важное поучительно-общественное значеніе. Частное Общество наше, собственно благотворительное, въ формахъ исконно-русскихъ, молитвою и поставленіемъ святой иконы, благодарно воспоминаетъ избавленіе и спасеніе представителя правительственной власти отъ смертельной опасности, отъ руки враговъ Россіи. Это явленіе нашей общественной жизни наводитъ на глубокія думы и какъ нельзя болѣе отвѣчаетъ самымъ назрѣвшимъ и жизненнымъ потребностямъ нашего времени и нашего отечества. Горе государству и обществу, которое живетъ раздоромъ составляющихъ его силъ: этотъ домъ, раздѣлившійся въ себѣ, не устоитъ. Для вдумчивыхъ наблюдателей нашей русской дѣйствительности не тайна, что такое именно горе до нѣкоторой степени грозитъ и дому нашей государственности и общественности. Скрывать это или замалчивать и неразумно, и непатріотично. Расколъ народа и образованныхъ классовъ; разъединеніе ихъ въ идеалахъ и началахъ церковной и государственной жизни; давній раздоръ „отцовъ и дѣтей“, ярко отмѣченный въ русской семьѣ нашей литературой,—все это явленія тревожныя. Но есть нѣчто еще прискорбнѣе. Будемъ и здѣсь говорить до конца откровенно. Часть русскаго общества, или такъ-называемая интеллигенція, выросшая на чужихъ идеалахъ, оторванная отъ народной русской почвы, не понимающая и не раздѣляющая бытовыхъ, ре-

лигіозныхъ и государственныхъ основъ народа, какъ онѣ проявились въ тысячелѣтней нашей исторіи, давно уже стала противопоставлять себя правительству, незаконно присвоивъ себѣ названіе „общественныхъ силъ“. Безъ сомнѣнія, совершенно несправедливо отождествлять ее съ истинными и дѣйствительными общественными силами. Но нерѣдко самозванцамъ удается пристроиться къ силамъ общества дѣйствительнымъ и внести въ нихъ смуту. И не разъ наблюдалось у насъ явленіе, достойное глубокой жалости: мнимые представители общества говорили приблизительно такъ: „мы—общество, а тамъ-то государство, мы—земство, а тамъ-то правительство; мы хотимъ одного, государство жалаетъ другого; наша задача—легально или нелегально бороться съ правительствомъ“... Эта „игра въ нашихъ и вашихъ“, недостойнѣйшая, позорнѣйшая и опасная игра, имѣетъ за собою цѣлую исторію: она опирается на ту нами упомянутую часть интеллигенціи, которая привыкла жить такъ-называемою оппозиціей правительству, и притомъ только ради самой оппозиціи. Одному царствованію она оппозировала ради другого, минувшаго, что вчера она преслѣдовала и съ кѣмъ или съ чѣмъ боролась, то сегодня она уже выставляла своимъ знаменемъ для борьбы. Сегодня, напримѣръ, недовольство реформами 60-хъ годовъ и требованіе увѣнчать ихъ зданіе, завтра—тѣ же реформы—уже знамя для борьбы съ національно-государственной работою 80-хъ годовъ; сегодня привѣтствіе активной борьбы съ правительствомъ, чуть ли не одобреніе дѣятельности социаль-революціонеровъ и анархистовъ, сношенія съ ними, поддержка и братаніе вплоть до царубійства 1-го марта, а вслѣдъ за этимъ—непротівленіе злу; еще немного — возрожденіе идеализма; въ слѣдующій моментъ — экономическій матеріализмъ; потомъ — обновленное христіанство; потомъ—нищестанство и такъ далѣе, переходъ отъ одной крайности въ другую въ области мысли и общественнаго уклада. Единымъ и связующимъ началомъ во всемъ этомъ броженіи служила и служить лишь оппозиція существующему въ данное время строю государственной жизни, какой-то больной зудъ оппозиціи, которая является и сущностью, и программю, и содержаніемъ всей работы упо-

мянутыхъ лицъ, занятіемъ всей ихъ жизни. И довольно малѣйшаго повода, чтобъ отовсюду появились эти карьеристы смуты съ жалкими словами объ ихъ мнимомъ угнетеніи... Всѣ мы знаемъ, не такъ давно прознесено вслухъ Россіи нисколько не новое, а обычное слово о довѣріи къ общественнымъ силамъ, котораго никто и прежде не отнималъ, если, конечно, здѣсь разумѣть истинныя общественныя силы, задававшіяся положительными задачами и служившія созиданію, а не разрушенію. И что же видимъ и слышимъ? Вдругъ поднялась газетная шумиха фразъ и ни вѣсть откуда всплыли якобы обойденныя и задавленныя общественныя силы. Мы знаемъ и твердо увѣрены, что силамъ разрушенія все равно впредь и никогда не будетъ мѣста въ государственной работѣ, но поднятая ими хотя и временная тревога и суета все же внесетъ смуту въ слабыя души и какъ нельзя болѣе неумѣстна именно теперь, въ тяжкіе дни нашей борьбы съ внѣшнимъ врагомъ. Иной голосъ, иной призывъ мы слышимъ въ нынѣшнемъ нашемъ скромномъ торжествѣ, и этотъ призывъ назрѣлъ, онъ необходимъ и спасителенъ. Довѣріе къ государственной власти, преданность и послушаніе правительству; желаніе соединиться подъ его знаменемъ, дружная творческая работа вмѣстѣ съ нимъ и подъ его руководствомъ, вмѣсто безплоднаго пошлаго критиканства, слишкомъ развѣдающаго нашъ образованный классъ; способность и готовность на всякія жертвы, способность стать выше мелочного самолюбія и мелочныхъ интересовъ,—вотъ что, вотъ что теперь для насъ всего нужнѣе! И не одна война настойчиво зоветъ къ единенію всѣхъ силъ страны; о томъ говорятъ намъ краснорѣчиво и наши внутреннія неурядицы; о томъ же говорить намъ убѣдительно то прискорбное событіе, которое случилось не такъ давно въ нашемъ городѣ,—разумѣемъ злодѣйское покушеніе на жизнь представителя Государя и правительства на Кавказской окраинѣ. Если враги въ злобѣ своей будутъ сильны и сплочены, а сыны отечества равнодушны или раздѣлены между собою, считая себя одни—въ лагерь общества, другіе—въ станъ правительства, тогда кто же станетъ работать для государства, тогда какъ устоятъ царству.

нашему? Раздѣлившееся само въ себѣ, оно опустѣетъ. А этого и нужно врагамъ Россіи, видамъ которыхъ и служить дѣятелю нашей пресловутой „общественной оппозиціи“. Нѣтъ, пусть именно общественныя свободныя силы окружаютъ власть государственную почетомъ, довѣріемъ, уваженіемъ, общимъ сочувствіемъ и общею готовностію содѣйствовать ей въ тяжелой работѣ ея и на окраинѣ, и вездѣ въ Россіи. Въ этомъ смыслѣ и поучительно значеніе благородной рѣшимости нашего частнаго Общества вспомошествованія русскимъ переселенцамъ собраться нынѣ на молитву, соорудить эту святую икону и выразить наше сочувствіе и преданность государственной власти и ея представителю въ нашемъ краѣ! Аминь.

По поводу войны съ язычниками.*

Апостоле, Христу Богу возлюбленне
Ускори избавити люди безотвѣтны! При-
емлетъ бо припадающа, иже падша на
перси пріемный, Его же моли Богослове, и
належащую мглу языковъ разгнати, прося!
намъ мира и велія милости (Троп. праздни-
ка).

Какая чудная молитва апостолу и какъ она просится на сердце и уста при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, переживаемыхъ нашимъ православнымъ отечествомъ! Належащую мглу языковъ разгнати свыше указано Россіи съ того вѣчно славнаго и памятнаго дня, когда при святомъ Владимірѣ въ волнахъ Днѣпра крестился народъ нашъ и въ своей исторической жизни призванъ былъ осуществить великій завѣтъ Христовъ: проповѣдать имя Господа Иисуса до поулѣднихъ земли, пронести Его Крестъ къ сѣверу, востоку и югу до граней, омывающихъ нашъ могучій материкъ морей и океановъ. Жребій, воистину, равноапостольный!

* Слово въ день памяти св. Иоанна Богослова. Сказано въ Тифлисской Иоанно-Богословской церкви при священнослуженіи ехзарха Грузіи 26 сентября 1904 г.

Налегла на насъ и нынѣ мгла языковъ; кровь льется,—драгоценная кровь нашихъ братьевъ на Дальнемъ Востокѣ; мира и велія милости просить наша родина у Господа предстательствомъ великаго апостола. Но этотъ миръ долженъ служить къ славѣ и чести имени Христова, а не въ позоръ и уничтоженіе; этотъ миръ долженъ быть осуществленіемъ нашего великаго призванія и равноапостольнаго удѣла, вѣрностью ему, а не малодушнымъ отказомъ, не измѣною.

Гдѣ же найти нашему воинству и всему народу нашему, гдѣ найти силы стать теперь на высотѣ выше даннаго подвига,—силы мужества, крѣпости и того безграничнаго величаваго и спасительнаго терпѣнія, которое, при неизмѣримыхъ тяжестяхъ внезапно открывшейся брани, оказывается, намъ теперь всего нужнѣе?

Въ вѣрѣ и любви почерпнетъ наша родина эти силы,—въ вѣрѣ и любви, т.-е. въ тѣхъ именно святыхъ добродѣтеляхъ, которыя и словомъ, и житіемъ, и письменами завѣщаль намъ нынѣ прославляемый апостоль любви Іоаннь Богословъ.

И благодареніе Господу! Съ чувствомъ отрады несказанной и благоговѣйной признательности мы можемъ теперь вспомнить о своемъ воинствѣ. Оно ли не исполнено вѣры? Оно ли не взираетъ на Крестъ? Безсмертны приказы славнаго защитника нашей Портъ-Артурской твердыни: они громкую славу вѣщаютъ Господу браней; отъ нихъ вѣетъ духомъ древнихъ псалмовъ, одушевленіемъ древнихъ судей библейскихъ. Безсмертны подвиги нашихъ пастырей, никогда еще въ години браней не явившихъ въ средѣ своей въ такомъ множествѣ самоотверженныхъ героевъ: съ крестомъ въ рукахъ они стоятъ впереди сражающихся, ободряютъ воиновъ, напутствуютъ умирающихъ. Вѣра въ Бога, въ правоту своего дѣла, вѣра въ Россію, въ ея могучія силы,—вотъ чѣмъ живетъ и движется наше воинство въ настоящія минуты.

Оно ли, далѣе, оскудѣло въ любви? Но это геройство, эти захватывающіе духъ подвиги, эта рѣшительность на смерть,—чѣмъ все это вызвано, какъ не горячею любовью къ отечеству? Сколько приходится нести трудовъ и лишеній воинамъ, сколько трудовъ и лишеній выносятъ врачи, санитары, слабыя

женщины въ лазаретахъ и въ госпиталяхъ, ухаживающія за больными и ранеными! Все это цвѣтъ и плодъ горячей любви къ отечеству и ближнимъ, готовой на все по слову Христову: „Вольше сея любви никто же имать, да кто душу свою положить за други своя“ (Іоан. XV, 13).

Братіе! Вѣрою и любовію, по завѣтамъ св. апостола, должны жить и мы; вѣрою и любовію должны мы отвѣтить на подвиги нашего воинства; пусть сольются эти чувства наши и нашихъ братьевъ, ведущихъ за насъ тяжкую брань, воедино, и ничто, ничто не одолѣетъ тогда этого священнаго единенія. Къ вѣрѣ призываетъ насъ и Церковь Божія, и каждый праздникъ теперь влагаетъ намъ въ уста трогательныя и горячія молитвы къ Богу о дарованіи побѣдъ нашему христоименному воинству. Будемъ стекаться въ храмы съ особымъ усердіемъ; будемъ возносить эти предлагаемыя моленія съ особою вѣрою и горячностью, и пусть въ душахъ нашихъ, исполняя насъ упованіемъ, твердостью, мужествомъ и терпѣніемъ, раздастся немолчно священная пѣснь древняго пророка, видѣвшаго свою родину на краю гибели, однако, съ вѣрою взывавшаго: „Съ нами Богъ, разумѣйте, языцы, и покоряйтесь, яко съ нами Богъ; услышите до послѣднихъ земли, яко съ нами Богъ; могущіе покоряйтесь, яко съ нами Богъ; аще бо паки возможите, и паки побѣждени будете, яко съ нами Богъ, и иже аще совѣтъ совѣщеваете, разорить Господь, яко съ нами Богъ; и слово, еже аще возглаголите, не пребудетъ въ васъ, яко съ нами Богъ; страха же вашего не убоимся, ниже смутимся, яко съ нами Богъ; Господа же Бога нашего Того освѣтимъ и Той же будетъ намъ въ страхъ, яко съ нами Богъ; и уповая буду на Него и спасуся Имъ, яко съ нами Богъ!“

Не убоимся страха, не смутимся: вотъ что въ жизни нашей будетъ плодомъ вѣры. Будемъ вѣрить въ правоту нашего дѣла, въ святое одушевленіе и великую мощь нашего воинства, будемъ вѣрить въ силу и правду Святой Руси православной, въ святость и величіе ея мірового призванія! Пусть далеко бѣжить отъ насъ всякій видъ унынія и сомнѣнія, этихъ спутниковъ малодушія и мелкодущія, которыми въ годину тяжкихъ испытаній люди, лишеныя вѣры и истиннаго

патріотизма, причиняють обществу и народу болѣе вреда, смуты и разстройства, чѣмъ самыя испытанія! Не будемъ скрывать,—есть таковыя люди и въ нашей средѣ. Пусть ихъ навѣвающіе смуту вопли и страхи разобьются о нашу вѣру, твердость и терпѣніе! Здѣсь хочется повторить слова нынѣ прославляемаго апостола: „Возлюбленные! не всякому духу вѣрйте, но искушайте духи, отъ Бога ли они“... (1 Іоан. IV, 1).

Нужно ли говорить и о любви нашей къ отечеству? Но когда же и възгрѣвать ее, и питать, и проявлять, какъ не во дни бранныхъ тревогъ? Когда же и близка намъ родина, какъ не въ годину испытаній? Когда же и почувствовать, что мы воѣ—братья, единая семья у единой матери-родины, какъ не во дни общей опасности? Когда же и разгорѣться сердцу чувствомъ самоотверженія, готовности на всякія жертвы, какъ не теперь? И когда же, когда же и проникнуться благодарною любовью къ нашимъ героямъ-воинамъ, умирающимъ за насъ на поляхъ брани, къ раненымъ, больнымъ, и придти къ нимъ съ посильною помощью?

Братья и соотечественники! Въ этотъ день торжественнаго праздника, въ эти священные минуты молитвы за Царя и Отечество, у ногъ учителя любви—св. Іоанна Богослова дадимъ мѣсто въ своемъ сердцѣ чувствамъ горячей и все покоряющей любви къ родинѣ и ея избраннымъ и излюбленнымъ сынамъ, каковыми по праву теперь являются наши воины. Вспомнимъ, что въ эти минуты, когда кругомъ насъ такъ тихо и спокойно, когда праздничныя пѣснопѣнія оглашаютъ нашъ слухъ, тамъ, далеко отъ насъ, наши братья на войнѣ: у нихъ вся жизнь теперь—одинъ сплошной подвигъ, трудъ, тревога, лишенія, безпокойства, а для многихъ—грядущая смерть или тяжкая и мучительная болѣзнь отъ ранъ и увѣчій. И у нихъ у каждого есть въ году свой праздникъ родного храма; но увидитъ ли онъ этотъ праздникъ въ кругу односельчанъ, на милой родинѣ, гдѣ дорогъ каждый шагъ земли?.. И у нихъ у каждого—свой отецъ, мать, близкіе родные, а у иного—жена и дѣти, ждущіе его съ поля брани, какъ опору жизни... но увидитъ ли онъ родной очагъ, родныя лица? И упреждая время и пространство, въ часы рѣдкаго отдыха отъ бранныхъ трудовъ, въ тяж-

кія минуты предъ страшнымъ боемъ, въ грозный мигъ смертельной опасности, наконецъ, прямо предъ лицомъ смерти несется мысль война къ родимому дому, и тревожно сжимается его сердце за будущее жены и дѣтей. А что, если жена будетъ вдовою, а дѣти сиротами?.. Пусть же святая родина замѣнитъ сиротамъ убитаго отца и кормильца; пусть тѣ, которые, будучи защищены грудью героевъ, проводятъ жизнь мира и покоя, придутъ на помощь къ раненымъ и больнымъ воинамъ и къ семьямъ и сиротамъ убитыхъ на полѣ брани и чести.

Ознаменуемъ, братья, нашъ праздникъ молитвою за воинство, а также посильною помощью раненымъ героямъ и семьямъ героевъ убитыхъ; ознаменуемъ этотъ праздникъ въ честь апостола любви подвигомъ любви. И да будетъ горяча наша молитвенная пѣснь небесному покровителю этого храма, пѣснь Церкви, въ которой слышится намъ теперь какъ бы моленіе всего дорогого нашего отечества.

„Апостоле, Христу Богу возлюбленне! Ускори избавити люди безотвѣтны!.. Его же моли, Богослове, и належащую мглу языковъ разгнати, прося намъ мира и велія милости!“ Аминь.

Смерть души и воскресеніе.*

Среди церковныхъ молитвъ есть одна, которая служить живымъ и назидательнѣйшимъ поученіемъ въ настоящій воскресный день.

Она знакома всѣмъ усерднымъ богомольцамъ и читается въ умиленномъ акаеистѣ Господу Иисусу: *„Видя вдовицу, зплътъ плачущу, Господи, якоже тогда, умилосердився, сына ея, на погребеніе несомъ воскресилъ еси; сице и о мнѣ умилосердився, Человѣколюбче, и грѣхами умерщвленную мою душу воскреси“*... (Конд. 2-й).

---

* Поученіе въ недѣлю 20-ю по Пятидесятницѣ.

Объ этомъ именно чудѣ воскресенія сына вдовы сегодня мы слышали въ евангеліи. Такимъ образомъ, указанная сейчасъ молитва церковная, какъ видите, братіе, переноситъ наше вниманіе отъ смерти и воскресенія тѣла къ смерти и воскресенію души. Но могутъ спросить: развѣ можетъ душа умереть такъ точно, какъ тѣло? И что значитъ воскресеніе души? Разумѣется, душа не можетъ разложиться и истлѣть, какъ тѣло; душа, по существу своему, бессмертна. Но вѣдь и тѣло по смерти своей не уничтожается совершенно, и части, его составлявшія, послѣ смерти тѣла попрежнему продолжаютъ существовать въ мірѣ въ видѣ земли, воды, пара и проч. Однако, части эти перестали быть тѣломъ, которое потеряло по смерти свой видъ, свои силы и свое назначеніе. Умерло тѣло; повидимому,—по крайней мѣрѣ это должно сказать о первыхъ дняхъ послѣ смерти,—остается все прежнее: та же голова, тѣ же глаза, уши, руки, ноги... Но глаза не видятъ, уши не слышать, руки не двигаются, и мы говоримъ: это трупъ, мертвое тѣло, потому что оно не выполняетъ своего назначенія. Представьте себѣ человѣка въ столь глубокомъ обморокѣ, что всѣ сочли его за мертвеца; стоитъ, однако, ему открыть только глаза или поднять руку, и всѣ признаютъ его живымъ, ибо тѣло его исполняетъ свое назначеніе, слѣдовательно, живо, а не мертво.

Примѣнимъ сказанное къ душѣ. Душа создана по образу Бога и всегда къ Нему стремится. Какъ тѣло ищетъ пищи и питья, такъ душа ищетъ свойственнаго ей духовнаго питанія: она ищетъ Бога, стремится къ правдѣ, къ добру, къ святости. Какъ тѣло мучится отъ голода и жажды, такъ душа страдаетъ и мучится безъ сродной ей пищи, безъ вѣры и добродѣтели. Какъ въ тѣлѣ мученія голода и жажды можно *на время*, только на время успокоить и обмануть, что нерѣдко и дѣлаютъ сильно голодные люди, проглатывая вмѣсто хлѣба что-либо непитательное, вредное—бумагу, тряпки, даже землю, или выпивая во время жажды на морѣ соленую морскую воду: такъ и душу можно занять вмѣсто истинной ея пищи—вѣры, молитвы и добрыхъ дѣлъ—удовольствіями и забавами пустыми или грѣховными. И, наконецъ, какъ тѣло безъ правильной и

здоровой пищи, хотя бы и замѣняемой указанными вредными веществами, все-таки непременно умереть, такъ и душа безъ Бога, безъ вѣры, безъ молитвы, безъ слова Божія и добрыхъ дѣлъ вянеть, дѣлается безжизненною и какъ бы умираетъ; она не исполняетъ своего назначенія и въ этомъ смыслѣ умираетъ.

Вотъ почему людей грѣшныхъ и забывшихъ о Богѣ и Спасителѣ называетъ мертвецами: „Предоставь,—говорилъ Онъ одному Своему послѣдователю,—предоставь мертвымъ погребать своихъ мертвецовъ, а ты иди и возвѣщай царствіе Божіе“ (Мѣ. VIII, 22; ср. Лук. IX, 60). Но это состояніе души человѣка не безнадежно; она можетъ ожить и воскреснуть. Поэтому и апостолъ, обращаясь къ грѣшнику, призываетъ его: „*встани спяй, и воскресни отъ мертвыхъ, и осветитъ тя Христосъ*“ (Еф. V, 14). Лишь только душа сознаетъ тщету и неправду грѣха и пагубность удаленія отъ Бога; лишь только она обратится къ молитвѣ, къ Слову Божію и доброй жизни; лишь только она вступитъ въ общеніе съ Икупителемъ въ таинствахъ и коснется благодати Божіей: она вдругъ исполняется чудныхъ невѣдомыхъ и невидимыхъ могучихъ силъ, и изъ мертвой дѣлается живою, ибо исполняетъ свое призваніе и свое истинное назначеніе.

Итакъ, хотя воскрешеніемъ сына вдовы Господь Іисусъ Христосъ увѣряетъ насъ прежде всего въ истинѣ всеобщаго воскресенія и поучаетъ насъ готовиться къ нему, но и ранѣ этого воскресенія, еще живя въ тѣлѣ и на землѣ, мы должны, братіе, стараться оживлять наши души и, если онѣ умираютъ или умерли, воскрешать ихъ отъ мертвыхъ. Чѣмъ оживлять и воскрешать? Общеніемъ съ Богомъ, первообразомъ души и источникомъ ея жизни, истиною и добромъ, этою пищею нашего духа. Общеніе же съ Богомъ—въ молитвѣ; истина же—въ вѣрѣ и словѣ Божіемъ; добро же—въ святой жизни и послѣдованіи слову Божію при помощи благодати Господней. Воскрешеніе же души послѣ грѣховной смерти даетъ намъ покаяніе тайное ежедневное передъ Богомъ и явное въ опредѣленное время предъ Церковью и ея служителемъ. А безъ всего этого, грѣшникъ, ты услышишь грозное слово Господа,

записанное въ Откровеніи: „Знаю твои грѣха; ты носишь имя, будто живъ, но ты мертвъ... Вспомни, что ты принялъ... и покайся“... (Апок. III, 1, 3).

Но какъ воскресшій тѣломъ не захочетъ умирать, такъ и душою воскресшій отъ грѣховной смерти иди къ жизни, къ Богу, къ истинѣ, къ добру и святости, а не къ смерти и диаволу. Велика и неизмѣрима милость Божія, и нѣтъ грѣха, ее побѣждающаго: но милость Божію обращать въ поводъ и поощреніе ко грѣху, въ безпечность, распущенность и легкомысліе, это—кошунство, безуміе и оскорбленіе Божества. *А Богъ поругаемъ не бываетъ...* (Гал. VI, 7).

Видя вдовицу злѣнь плачущую якоже тогда умилился сына ея, на погребеніе несомъ воскресиль еси; сице и о мнѣ умилился, и грѣхами умерщвленную мою душу воскреси, Человѣколюбче! Аминь.

Храмъ—училище любви и единенія.*

Вотъ вышель сѣятель сѣять...

Святая Церковь, братіе, сегодня поучаетъ насъ чтеніемъ притчи Спасителя о сѣятелѣ. Глубоко поучительна для насъ эта притча, столь простая и ясная. Вышель сѣятель сѣять. И когда онъ сѣялъ, одно зерно упало при дорогѣ и было потоптано птицами; другое упало на камень, чуть-чуть покрытый землею; оно быстро взошло, но, не имѣя корня, скоро увяло, засохло отъ солнца и не принесло плода; иное же упало въ терновникъ, и взошелъ терновникъ и подавилъ сѣмя; а иное упало на доброй землѣ и принесло плодъ сторичный (Мѣ. XII; Лук. VIII).

* Поученіе въ недѣлю 21-ю по Пятидесятницѣ по случаю закладки храма въ предмѣстьи г. Тифлиса—Нахаловкѣ. Сказано 10 октября 1904 года при священнослуженіи екаарха Грузіи; въ Нахаловкѣ свила себѣ глѣздо пропаганда соц.-демократ. и сектантская.

Въ евангеліи мы слышали, какъ Спаситель объяснилъ ученикамъ Своимъ эту притчу. Сѣятель—это Самъ Господь Иисусъ, нашъ Божественный Учитель; сѣмя—это слово Божіе; дорога, камень, терновникъ, добрая земля—это души людскія, которыя различно принимаютъ слово Божіе: однѣ сейчасъ же все забываютъ, и слово Божіе въ этихъ душахъ и сердцахъ совсѣмъ не принимается и не растетъ, какъ сѣмя на дорогѣ; другіе принимаютъ слово Божіе, но скоро при первомъ искушеніи забываютъ его и оставляютъ, потому что не имѣютъ въ себѣ глубины и корня,—настойчивости, постоянства и усердія; у иныхъ же рядомъ съ словомъ Божіимъ живутъ и дѣйствуютъ пороки, страсти, которыя, какъ терновникъ сѣмя, заглушаютъ ростъ слова Божія и не даютъ ему принести плодъ; а у иныхъ на доброй душѣ при усердіи и терпѣніи и постоянствѣ слово Божіе приноситъ богатый урожай и плодъ вѣры, молитвы, добрыхъ дѣлъ.

Вотъ притча. Ее закончилъ Господь нашъ возглашеніемъ: *„имѣющій уши слышать, пусть слышитъ!“*

Желаемъ ли мы, братіе, слышать и знать слово Божіе, это святое сѣмя жизни вѣчной и счастья вѣчнаго? Безъ сомнѣнія, желаемъ; мы научены Спасителемъ: *„Блаженни слышащій слово Божіе и творяще е“* (Лук. XI, 28). Мы знаемъ, что если не посѣешь на пашнѣ, то она или останется пустынною, дикою, или покроется вмѣсто хлѣба дурными и сорными травами; душа наша—пашня; если не посѣешь на ней сѣмени слова Божія, то она или будетъ пустою, дикою, ничего не знающею, или чаще всего она зарастетъ дурными мыслями и неправильными понятіями, дурными чувствами, дурными пожеланіями.

Вотъ почему съ чувствомъ глубокой и живѣйшей радости нашъ архипастырь поспѣшилъ привѣтствовать и благословить молитвою ваше намѣреніе, братіе, поскорѣе имѣть въ этой мѣстности обширный и для всѣхъ доступный храмъ, это святое мѣсто сѣянія слова Божія. Выше всякихъ самыхъ высшихъ школъ, выше и нужнѣе всякаго какого угодно ученаго и благотворительнаго учрежденія—храмъ Божій. Кто устроилъ храмъ, тотъ сотворилъ дѣло, самое угодное для Бога и самое

нужное для людей. Это вѣдь лучшая школа для людей, гдѣ они изучаются молитвѣ, единомыслию, союзу вѣры и любви, гдѣ они получаютъ неисчерпаемыя посѣвы небесныхъ истинъ въ души и сердца; это—врачебница душъ отъ грѣховъ; это—самое высокое благотвореніе для людей, ибо что выше и дороже вѣчнаго спасенія? А оно-то и подается чрезъ таинства святыхъ въ храмахъ Божіихъ. Мы знаемъ, далѣе, что въ нравственной жизни выше всего Господь завѣщаль Своимъ послѣдователямъ любовь между собою. Онъ сказалъ: *потому и узнаютъ, что вы Мои ученики, если вы будете имѣть любовь между собою* (Іоан. XIII, 35). Но для укрѣпленія любви нужно собираться вмѣстѣ, нужно имѣть что-либо высокое и святое для всеобщаго объединенія; все это и даетъ храмъ; здѣсь *едина у всѣхъ вѣра, едино крещеніе, едина истина, единыя таинства, единъ Богъ и Отецъ всѣхъ* (Еф. IV, 4).

Не напрасно поэтому, если враги задумываютъ погубить насъ, то они прежде всего захотятъ раздѣлить насъ и лишитъ общаго дома Божія, т.-е. храма Божія. Когда на дворѣ темно и холодно, тогда-то мы и постигаемъ всю цѣну своего дома, своего теплаго и свѣтлаго уголка, гдѣ мы съ родными и милыми сердцу проводимъ жизнь безопасную и спокойную, хотя бы за стѣнами дома ревѣла и бушевала буря. Теперь именно и переживаемъ мы такое время, когда насъ, православныхъ, хотятъ раздѣлить и лишитъ насъ согрѣвающего и спасающаго насъ дома Божія. Воистину, кругомъ насъ будетъ страшная буря.

Среди здѣшняго населенія, вы сами знаете, есть, по выраженію апостола, *братья, безчинно ходящіе* (2 Сол. III, 6). Давно о нихъ говорилъ св. апостоль: они оскверняютъ плоть, они встаютъ на высокія власти, отвергаютъ начальства, они общають всяческую свободу; они зовутъ къ бунтамъ и измѣнамъ; это облака, которыя шумятъ, но не дадутъ живительнаго дождя; это деревья дважды умершія, бесплодныя; уста ихъ произносятъ надутыя слова—и только. Такъ ихъ изображаетъ св. апостоль (Іуд. I гл.), и вы сразу узнаете ихъ по этому изображенію. Они-то прежде всего идутъ противъ всего святого, религіознаго, для нихъ и храмъ Божій ненуженъ и

ненавистенъ; они поэтому и вѣрующихъ чадъ Церкви хотять отторгнуть отъ Церкви и храма.

Есть и другіе враги наши духовные въ этой мѣстности. И о нихъ давно сказалъ св. апостолъ свое осуждающее слово. Это отдѣлившіеся отъ Церкви *непокоривые* и *своимъ умомъ прельщенные*, помѣшавшіеся на своей гордости сектанты, которыми, по слову того же апостола, *надлежитъ уста заграждати* (Тит. I, 10). И отъ нихъ вы услышите укоризненные слова о храмѣ, и они не хотять видѣть здѣсь дома Божія...

Берегите же, братіе, ваше духовное сокровище, святой храмъ, мѣсто сѣянія слова Божія! Старайтесь сплотиться, соединиться вмѣстѣ крѣпко-накрѣпко, не жалѣйте ни средствъ, ни усердія, чтобы создать себѣ и своимъ дѣтямъ согрѣвающій и освѣщающій домъ, домъ Божій, гдѣ вы можете укрѣпиться отъ житейскихъ бурь, отъ духовнаго холода, отъ духовной тьмы.

Все, все сдѣлаетъ единоклюбіе, и съ благословіемъ архипастыря на закладку вашего храма Божіе благословіе низойдетъ и на это дѣло и на все дѣла рукъ вашихъ. Какъ крѣпость спѣшно и усердно укрѣпляютъ въ виду враговъ, какъ домъ спѣшно возводятъ въ виду холоднаго времени: такъ и храмъ, эту духовную крѣпость нашу и спасительный домъ, возводите вы скоро, усердно и успѣшно въ виду духовныхъ враговъ нашей вѣры, въ виду холодности къ церкви, которую хотять вездѣ распространить враги нашего святого отцепеданнаго православія.

Когда же воздвигнется здѣсь храмъ Господень, тогда мы можемъ съ особымъ смысломъ и съ особымъ чувствомъ сказать словами нынѣ слышаннаго евангелія: „*Се изыде стѣи да съестъ.*“ И дай вамъ, Господи, воспринимать сѣмя слова Божія на добрыя души, съ упованіемъ на плодъ духовный, плодъ вѣры, молитвы, святости и вѣчнаго спасенія!

Имѣяя уши слышати, да слышитъ! Аминь.

Уроки чудесъ Христовыхъ.*

Если Моисея и пророковъ не послушаютъ, то если кто и изъ мертвыхъ воскреснетъ, не повѣрятъ (Лук. XVI, 31).

Эти слова Господа Иисуса Христа взяты изъ притчи Его о богатѣ и Лазарѣ, которую мы сегодня слышали за литургіей въ евангеліи. Не станемъ теперь вновь повторять ее подробно, какъ всѣмъ достаточно извѣстную. Остановимся вниманіемъ на самомъ окончаніи притчи.

Богачъ, мучимый въ адѣ, проситъ Авраама, чтобъ онъ послалъ Лазаря на землю: „ибо у меня пять братьевъ, пусть онъ засвидѣтельствуетъ имъ, чтобъ они не пришли на это мѣсто мученія“. Но Авраамъ отвѣчаетъ, что о загробной жизни, о загробномъ воздаяніи, о жизни земной, какъ приготовленіи къ небу, для братьевъ погибшаго богача достаточно ученія и проповѣди Моисея и пророковъ: „пусть слушаютъ ихъ“. Богачъ же сказалъ: „Нѣтъ, отче Аврааме, но если кто изъ мертвыхъ придетъ къ нимъ, покаются“. Тогда Авраамъ сказалъ ему: „Если Моисея и пророковъ не слушаютъ, то если кто и изъ мертвыхъ воскреснетъ, не повѣрятъ“ (Лук. XVI, 27—31).

Вотъ, воистину, устрашающее слово, истина котораго несомнѣнна, ибо его изрекла Сама Воплощенная Истина, ибо его подтвердилъ опытъ вѣковъ и тысячелѣтій. Какъ ясно говоритъ оно, что не въ отсутствіи доказательствъ вѣры причина невѣрія, а въ развращенности сердца, въ дурномъ направленіи воли: такъ, лѣннivecъ не оттого предается праздности, что у него предъ глазами мало примѣровъ гибельныхъ послѣдствій ея; такъ, и пьяница не оттого отдается вину, что не знаетъ и не слышалъ, къ чему приводитъ оно,—но оттого, что ни тотъ, ни другой не хочетъ вступить въ борьбу со своими порочными склонностями... *Сердцемъ отъруется въ правду*, говорить

* Слово въ день 17-го октября и въ 22-ю недѣлю по Пятидесятницѣ.

св. апостоль (Римл. X, 10); въ сердцѣ же и источникъ невѣрія. Напрасно поэтому говорятъ, что нынѣ оскудѣла вѣра потому, что оскудѣли чудеса; евангеліе увѣряетъ насъ въ обратномъ: оскудѣваютъ чудеса отъ оскудѣнія вѣры... Напрасно поэтому надѣются чудомъ привлечь къ вѣрѣ того, кто потерялъ ее; и Самъ Господь не творилъ чудесъ тамъ, гдѣ видѣлъ одно упорное и озлобленное невѣріе или вмѣсто вѣры праздное любопытство, или, наконецъ, даже искушеніе Господа... Онъ не претворилъ камней въ хлѣбы, Онъ не сошелъ со креста, Онъ и по воскресеніи являлся ученикамъ Своимъ, а не фарисеямъ и саддукеямъ... Жители Его родного города, услышавши, что Онъ много сотворилъ чудесъ въ Канѣ и Капернаумѣ, ждали отъ Него гораздо больше чудесъ на родинѣ. Евангелистъ по этому случаю кратко, но выразительно замѣчаетъ: „И не совершилъ тамъ чудесъ *по нестырю ихъ*“... (Мк. XIII, 58).

Наоборотъ, мы не разъ видимъ въ евангеліи, что чудеса, совершенныя предъ людьми упорно-невѣрующими, еще болѣе озлобляютъ ихъ. Ибо нѣтъ чуда, самаго великаго, нѣтъ знаменія, самаго поразительнаго, котораго не объясняло бы какими-либо естественными причинами упорное въ злобѣ и невѣріи сердце. Припоминается евангельская исторія исцѣленія слѣпотаго отъ рожденія: допрашиваютъ исцѣленнаго фарисеи, допрашиваютъ сосѣдей и родителей его, нѣсколько разъ слышатъ, Кто исцѣлилъ, какъ исцѣлилъ, убѣждаются самымъ осязательнымъ образомъ, что исцѣленный есть тотъ именно, котораго всѣ много лѣтъ знали и видѣли слѣпымъ, просящимъ милостыню; наконецъ, опять допрашиваютъ исцѣленнаго. Разслѣдованіе произведено полное, всестороннее; сдѣлано все для убѣжденія въ истинѣ чуда: оказалось, нѣтъ ни малѣйшей причины въ немъ сомнѣваться. Читая евангеліе, ожидаешь, что, наконецъ-то, восторжествуетъ добро, наконецъ-то, всѣ признаютъ въ Иисусѣ Христѣ Божественнаго Посланника. Что же? Вмѣсто этого слышимъ приговоръ: „не отъ Бога сей чловѣкъ“... (Іоанн. гл. IX).

Вотъ воскрешенъ Спасителемъ Лазарь: чудо, разительнѣе котораго трудно и представить! Умершій четыре дня во гробѣ

и уже разложился; Иисусъ Христосъ не присутствовалъ ни при смерти его, ни при погребеніи. Онъ подходитъ къ пещерѣ, не зная даже мѣста могилы; Его окружаетъ народъ; враги Его слѣдятъ за каждымъ Его движеніемъ... Слово Иисуса оказалось словомъ Владыки жизни и смерти и возвратило изъ члостей ада мертвеца четверодневнога къ жизни. Нѣтъ и не можетъ быть мѣста сомнѣніямъ; остается одно: идти за Христомъ. Что же видимъ? Съ этого дня Синедрионъ еврейскій положилъ убить Его... (Іоанн. XI, 53). Самъ евангелистъ съ удивленіемъ замѣчаетъ: „Столько чудесъ сотворилъ Онъ предъ ними, и они не вѣровали въ Него... Народъ сей ослѣпилъ глаза свои и окаменилъ сердце свое“ (Іоанн. XII, 37, 40; ср. Ис. VI, 10). Нѣтъ ничего упорнѣе, пристрастнѣе и несправедливѣе невѣрія!

Возьмемъ еще примѣръ изъ исторіи. Первые вѣка христіанства; вѣрующихъ мучать и предають смерти; часто не беретъ ихъ огонь, не сѣчетъ мечъ, не умерщвляютъ дикіе звѣри. Но еще чудеснѣе высота духа мучениковъ, ихъ преданность Богу, вѣрность убѣжденіямъ, готовность на страданія и смерть. Видимъ: воины, палачи нерѣдко здѣсь же, на мѣстѣ и во время казни принимаютъ христіанство, свидѣтельствуя кровью искренность своего обращенія. Что же правители и судьи? А они только озлобляются болѣе и болѣе, обвиняють христіанъ въ колдовствѣ и безбожїи и, видя неэффективность одного способа казни, измышляютъ другой, болѣе мучительный.

Чудеса для невѣрія—только судъ правый и правое осужденіе; они ясно говорятъ, что Господь далъ для невѣрныхъ и злобныхъ все, чтобы привлечь ихъ къ Себѣ, что Онъ не хотѣлъ ихъ погибели; безотвѣтно невѣріе предъ судомъ Божиимъ и его слуги сами себя губятъ, *зане любви истинны не прїяша во еже спастися имъ* (2 Сол. II, 10).

Но для тѣхъ, кто вѣровали, для апостоловъ и учениковъ Христовыхъ, для христіанъ всѣхъ послѣдующихъ временъ эти чудеса, видѣнныя ими или открытыя въ словѣ Божіемъ, служили и служатъ подкрѣпленіемъ вѣры, утѣшеніемъ въ страданіяхъ, радостью о Господѣ. Они сообщали и сообщаютъ вѣрующимъ такую силу убѣжденія, такую преданность Спаси-

телю, что дѣлали союзъ съ Нимъ крѣпче смерти и исторгали изъ устъ и сердце вдохновенныя и восторженныя слова,— слова исповѣданія для всякаго горячо вѣрующаго сердца: „Что насъ разлучить отъ любви Божіей? Скорбь, или тѣснота, или гоненіе, или голодъ, или нагота, или бѣда, или мечъ? За Тебя умерщвляютъ насъ всякій день, какъ овецъ, обреченныхъ на закланіе. Но все сіе преодолеваемъ силою Возлюбившаго насъ. Ибо я увѣренъ, что ни смерть, ни жизнь, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, никакая тварь не можетъ разлучить насъ отъ любви Божіей во Христѣ Исусѣ Господѣ нашемъ“ (Римл. VIII, 35—39).

Братіе! Сегодня и мы съ вами стоимъ лицомъ къ лицу предъ чудомъ, которое совершилось на землѣ русской 17 октября 1888 года, когда явилъ Господь любовь Свою и милость къ Помазаннику Своему—нашему Царю съ Его Семействомъ, когда, говоря словами нынѣ чествуемаго Церковью пророка Божія Осіи, *отъ руки адовы избавилъ Его и отъ смерти искупилъ Его* (Ос. XIII, 14).

Пусть глумится и глаголетъ нечестивую хулу злобствующее невѣріе: подобаешь и сему быти...; пусть надменное лекоуміе придумываетъ естественныя причины событія, когда среди всеобщаго разгрома и бушующихъ стихій, среди смерти и разрушенія, Ангелъ Господа, по волѣ Его, явился хранителемъ Царя и Его Семьи и даровалъ ихъ Россіи невредимыми. Но для насъ, для вѣрныхъ сыновъ Церкви, для вѣрныхъ сыновъ отечества и Государя, здѣсь чудо; здѣсь великое чудо милости Божіей къ Россіи, ибо страшно даже и подумать, что было бы съ нашимъ отечествомъ, если бы 17 октября 1888 года Царскій Домъ нашъ погибъ въ крушеніи поѣзда. Пусть же чудо это не пройдетъ для насъ безслѣдно, пусть не будетъ среди насъ людей, подобныхъ евангельскимъ фарисеямъ, что въ невѣріи своемъ приготовили себѣ гнѣвъ на день гнѣва и откровенія страшнаго суда Божія. *Днесь аще гласъ Его услышите, не ожесточите сердцецъ вашихъ!* (Пс. 94, 8; ср. Евр. III, 8; IV, 7). Пусть исполнятся сердца наши радостью о спасеніи царя, вѣры, преданности, благодаренія и славословія къ Богу-Промыслителю!

Утвердимся же прежде всего въ той мысли, что не отвратилъ Господь очей Своихъ отъ нашего дорогого отечества, отъ Руси святой, православной; что не изсякъ въ ней родъ праведныхъ, сѣмя святое, которымъ стоитъ всякое царство (Ис. VI, 13); что при всемъ разливѣ невѣрія довольно на Руси такихъ ревнителей вѣры и Церкви, которые не преклонили колъѣнъ и не кадили предъ современными ваалами, какими бы именами они не прикрывались; сильна Русь покровомъ Божиимъ и благочестіемъ многихъ сыновъ своихъ.

Утвердимся въ той отрадной мысли, что въ Церкви, къ которой мы имѣемъ счастье принадлежать, въ церкви православно-русской пребываетъ благодать Божія, Спасителемъ обѣтованная, и проявляется въ спасительныхъ и чудесныхъ знаменіяхъ; слѣдовательно, это и есть та самая Церковь, о которой изречены Спасителемъ великія обѣтованія, что врата ада не одолѣютъ ей: въ ней полнота истины, путь спасенія, источникъ святости, сокровище благодатныхъ даровъ Духа Святаго.

Возрадуемся и о первородномъ и почтительномъ Сынѣ нашей родимой Церкви, о нашемъ воистину благочестивѣйшемъ Государѣ, укрѣпимся въ убѣжденіи, что власть Его—власть отъ Бога и сохранена намъ Богомъ въ Его чудесномъ спасеніи; проникнемся чувствами горячей вѣрноподданнической любви къ Нему, готовой на всякую службу, на всякій подвигъ и жертву. Спасенный чудесно, избавленный отъ члустей смерти, отмѣченный перстомъ Божьяго Промысла, Онъ безконечно дорогъ русскому сердцу. Господи! дни на дни приложи царю и лѣта на лѣта, сохрани надъ нимъ Твой вышній покровъ, даруй Ему благоуспѣшное во всемъ и долгоденственное царствованіе!

Утвердимся, братіе, въ вѣрѣ и преданности Промыслу Божію, бодрствующему надъ Россіей, въ эти тяжкіе дни войны, когда среди насъ не мало унылыхъ, слабыхъ, маловѣрныхъ и малодушныхъ.

Какъ бы ни было тяжело на брани, какія бы тревожныя и тягостныя вѣсти ни неслись оттуда: *се не воздремлетъ ниже уснетъ храняй Израиля!* (Пс. 120, 3—4). Тамъ, гдѣ не останется надежды на силу и помощь человѣческую, явится по-

мощь Божія, тѣмъ болѣе вразумительная и несомнѣнная, чтобы мы въ гордынѣ своей не приписывали себѣ ничего, но все воздали бы Богу. *Не намъ, Господи, не намъ, но Имени Твоему даждь славу* (Пс. 113, 9).

Такъ, открытые вѣрою и упованіемъ, въ виду чуда Божія, призовемъ и нынѣ благословеніе Господа и вышній покровъ Его на Царя и Россію въ наши тяжкіе и скорбные дни!

Господи, силою Твоею возвеселится царь, и о спасеніи Твоемъ возрадуемся зѣло. Господи, спаси Царя и услыши ны, въ онъ-же еще день призовемъ Тя! (Пс. 20, 2; 19, 10). Аминь.

Царь-Праведникъ.*

Память его въ родъ и родъ.

Десять лѣтъ сегодня минуло съ того скорбнаго дня, когда вся Россія потрясена была отъ края и до края вѣстью о смерти незабвеннаго Государя Императора Александра III-го. Время ослабило эту скорбь; въ истекшія десять лѣтъ произошло столько событій, занявшихъ вниманіе Россіи, столько радостей и печалей, что, по ограниченности человѣческой природы, русское общество, конечно, жило и живетъ главнымъ образомъ интересами настоящаго дня. И тѣмъ не менѣе, память о покойномъ Государѣ не умирала въ Россіи и, вѣримъ, не умретъ никогда. Время отдалитъ отъ насъ его образъ: но въ отдаленіи онъ будетъ еще прекраснѣе, еще привлекательнѣе и цѣлостнѣе; исторія выдвинетъ новыя событія и новые интересы: но связь настоящаго съ прошлымъ никогда не прекратится; она будетъ выступать предъ взоромъ живущихъ все ярче и опредѣленнѣе, наглядною, осмысленною, и въ этомъ прошломъ имя и образъ Императора Александра III-го неизмѣнно будутъ вызывать только чувства благодарности и преклоненія. Это

* Слово на панихидѣ о въ Божѣ почитаемомъ Государѣ Императорѣ Александрѣ III-мъ 20 октября 1901 года, въ день десятилѣтія со дня его кончины.

не былъ рядовой безцвѣтный человѣкъ, сливающійся съ милліонами своихъ современниковъ и скоро исчезающій изъ памяти потомковъ; это не былъ и рядовой историческій дѣятель, чрезъ нѣсколько десятилѣтій только числящійся въ спискахъ правителей и не оставившій яркаго слѣда въ *народной жизни* и въ народной памяти. Императоръ Александръ III-й занялъ въ исторіи *свое* мѣсто, сказалъ *свое* слово; онъ отвѣтилъ завѣтнымъ желаніямъ истинно-народнаго идеала Царя, завѣтнымъ думамъ и порывамъ истинно-народной души.

„Царь по сердцу Божію“ и по сердцу народному, онъ исполнилъ осуществилъ слова царя-псалмопѣвца: *Онъ сошелъ, какъ дождь на скошенный лугъ, какъ капли, орошающія жаждущую землю. И будетъ жить..., и будутъ молиться о немъ непрестанно, всякій день благословлять его. Доколь пребудетъ солнце, будетъ передаваться имя Его* (Пс. 71, 6—15—17).

Память его въ родъ и родъ... Во дни печали народной будутъ вопрошать: какъ бы поступилъ въ этомъ случаѣ незабвенный Царь-Праведникъ и какой исходъ указалъ бы народной жизни? Во дни радости будутъ видѣть, какъ онъ подготовилъ ее мудрымъ проникновеніемъ въ глубину народныхъ нуждъ и предусмотрѣніемъ грядущихъ судебъ царства. А всегда и во всемъ будутъ учиться у него, какъ надо любить свою родину, какъ надо вѣрить и вѣрить въ нее и какъ надо жертвовать для нея всѣмъ и всѣмъ, не исключая и жизни своей. Тѣмъ именно онъ и дорогъ и близокъ намъ, тѣмъ именно и привлекаетъ онъ къ себѣ благодарныя сердца, что это не былъ только мудрый и трудящійся правитель; это былъ сынъ, истинный сынъ Россіи, это былъ Царь-отецъ своего народа и, наконецъ, онъ былъ *жертвой* за Россію.

Да, жертвой. Стоитъ только вспомнить, при какихъ обстоятельствахъ онъ вступилъ на царство. По окровавленнымъ ступенямъ, залитымъ кровью его отца, злодѣйски убитаго, пришлось ему взойти на свой царскій тронъ. Кругомъ неистовствовала общественная смута и помраченіе, воочию показавшее всю силу и весь ужасъ зла, если ему нѣтъ преградъ и твердаго противодѣйствія. Внѣшніе и внутренніе враги Россіи пророчили ей скорый конецъ, ждали ея гибели, злорад-

ствомъ, клеветою, отчаяніемъ устрашали вѣрныхъ сыновъ Царя и царства. Предъ этимъ ужасомъ смущались самые мужественные умы и сердца, да и чье сердце не поколебалось бы при видѣ торжествующаго зла, въ сознаніи недостаточности средствъ борьбы съ нимъ... Но не смутился покойный Государь. Исполненный глубокой религіозной вѣры, горячо любящій Россію, онъ одинъ изъ немногихъ прозрѣлъ, что сила зла—кажущаяся сила, что смута умовъ и сердець есть только грязная гѣна на поверхности глубокаго и цѣльнаго океана истинно-народной жизни. Твердою рукою взявъ онъ кормило государственнаго корабля, твердымъ словомъ воззвалъ онъ къ своему народу, и вдругъ услышался отвѣтный могучій откликъ изъ всѣхъ нетронутыхъ глубинъ народнаго духа, изъ всѣхъ адофовыхъ слоевъ народной жизни, и всѣ почувствовали сразу и силу, и спокойствіе, и увѣренность... Разлетѣлся миражъ близкой гибели Россіи, поднялся народный духъ, укрѣпилось русское самосознаніе, присмирѣли враги. Въ короткое время царствованія своего покойный Государь любовнымъ и заботливымъ окомъ заглянулъ во всѣ уголки государственной жизни и всюду внесъ порядокъ и спокойствіе. Ни голодъ, ни холера внутри Россіи, ни оскорбленія и вызовы враговъ совнѣ не вызвали его изъ величаваго и неустаннаго труда царскаго, непоколебимо покоившагося на вѣрѣ его и на любви. И чудо воочию свершилось: онъ передалъ царство своему Сыну въ такомъ порядкѣ, въ какомъ не передавали его преемнику ни одинъ изъ русскихъ государей.

Но только Богъ единый знаетъ, сколько трудовъ, усилій невѣроятныхъ, полнаго самоотреченія и скрытыхъ страданій пришлось вынести покойному Царю для блага Россіи. Только въ послѣдствіи, и то случайно, узнали русскіе люди, что не разъ жизнь покойнаго находилась въ опасности, что не разъ внѣшніе враги готовились нанести смертельный ударъ Россіи и что Царь ихъ, надѣленный богатырскимъ здоровьемъ и сложеніемъ, краса и гордость ихъ, не доѣдалъ, не досыпалъ, не имѣлъ достаточнаго отдыха,—и сошелъ въ могилу буквально подавленный бременемъ труда, непосильнаго ни для какой чело-вѣческой природы.

Воистину, вся его жизнь и его преждевременная кончина были жертвою за русскій народъ, за наше благо и счастье.

Но и смертью не кончается его служеніе Россіи. *Умеръ праведникъ, и яко не умре:* вотъ что, повторяя слово Писанія, можно сказать о немъ. Онъ вдохнулъ вѣру въ Россію, въ ея силы и въ ея предназначеніе; онъ завѣщаль намъ твердость и мужество въ испытаніяхъ; Онъ показалъ, какъ неизмѣримы и неисчерпаемы силы святой Руси, которой страшно и губительно только одно, только одно несчастье: оскудѣніе вѣры и христіанскаго благочестія.

Въ нынѣшнюю годину тяжелой брани отрадно помянуть молитвою почившаго Царя, помянуть его завѣты и исполниться его духа,—духа вѣры, упованія и мужества. Отрадно вспомнить, что все благодѣтельное для насъ въ нынѣшней войнѣ сдѣлано и предусмотрѣнно почившимъ: если бы не начатый имъ желѣзнодорожный путь чрезъ Сибирь, дающій возможность собраться нашимъ войскамъ въ теченіе мѣсяцевъ въ такомъ количествѣ, для котораго потребовались бы, при отсутствіи дороги, буквально годы; если бы не воссозданный имъ русскій флотъ; если бы не упорядоченные имъ государственные финансы: то, можетъ-быть, Россія уже навѣки потеряла бы огромную часть своего достоянія въ Азіи... Но теперь она можетъ смотрѣть смѣло въ будущее и рано или поздно, и послѣ побѣды и даже послѣ пораженія,—выйти съ честью и сохранною изъ той брани, которую предательски началъ противъ нея языческій врагъ.

Помянемъ же, братіе, горячею молитвою въ Бозѣ почивающаго незабвеннаго Государя Императора Александра III-го! Будемъ вѣрны его священнымъ завѣтамъ вѣры, труда, молитвы и горячей любви къ отечеству, будемъ вѣрны его дорогой памяти, да возрадуется и выну радуется душа его о Господѣ въ горнихъ селеніяхъ, въ невечернѣмъ дни царствія небеснаго, къ которому восшелъ онъ отъ трудовъ царства земного! Аминь.

Бодрая вѣтра въ Россію.*

Обступили насъ ужасы брани. На поляхъ Маньчжуріи двѣ огромныя арміи стоятъ одна предъ другою, въ зимнюю стужу, въ тяжкихъ условіяхъ жизни, готовыя ежеминутно ринуться въ кровопролитное сраженіе, которое обѣщаетъ затмить собою все, что знаетъ исторія браней. А у берега незамерзающаго моря, на самой крайней точкѣ полуденныхъ предѣловъ Россіи, отрѣзанный отъ всего міра гарнизонъ крѣпости ведетъ непримѣрную геройскую борьбу съ сильнѣйшимъ врагомъ, удивляя міръ подвигами мужества и чести, и, истекая кровью, проситъ себѣ благословенія своего Государя на все, что судить Господь: на брань, на подвиги, на муки и смерть... Дальнимъ, кружнымъ путемъ, на пространствѣ десятковъ тысячъ верстъ, прорѣзая волны чуждыхъ морей, посреди ежеминутныхъ опасностей и предательства, посреди шипящей злобы, готовой на всякое коварство, медленно движется русскій флотъ, направляясь все туда же, на Дальній Востокъ, къ Великому морю-океану, до котораго, наконецъ, въ шири и размахѣ народнаго генія докатились волны могучей русской государственности, на зависть и страхъ языческой Японіи и ея низкодушныхъ, жадныхъ и завистливыхъ союзниковъ въ Европѣ и Америкѣ. Безпрерывною живою рѣкою переливаются изъ внутренней Россіи къ дальней Сибири, направляясь на поле брани, полки за полками: то идутъ въ величавомъ спокойствіи и въ геройской рѣшимости на подвиги и смерть наши братья, на которыхъ выпалъ жребій стать въ ряды защитниковъ родины. Тысячи ихъ уже положили жизнь свою за отечество и отошли къ вѣчному покою; десятки тысячъ томятся больные и раненые. А между тѣмъ назрѣваютъ новые планы войны, во всю ширь развертывается организація русскаго

* Слово въ день рожденія Государыни Императрицы Маріи Федоровны, 14 ноября 1904 года. Произнесено въ Тифлисскомъ военномъ соборѣ при священнослуженіи еказарха Грузіи.

воинства, нарождаются новыя арміи, собирается и растетъ невиданная по численности, грозная русская рать вокругъ испытаннаго трудами бури боевой архистратига нашего воинства...

Мысли и сердца наши прикованы къ дальней окраинѣ отечества. И въ нынѣшній день церковно-государственнаго праздника о комъ же думать намъ и молиться, о комъ, какъ не о васъ, наши доблестные воины, наши мученики и герои, что храните и отстаиваете честь и цѣлость и великое міровое будущее Россіи цѣною жертвъ и страданій?

Но что это мы слышимъ порою отъ этихъ героевъ, когда они, больные или раненые, возвращаются съ поля брани въ мирную обстановку жизни внутри Россіи, когда они прислушаются и присмотрятся къ тому, что здѣсь говорятъ и пишутъ, чѣмъ здѣсь заняты и интересуются? Къ стыду нашему, не разъ по этому поводу раздавались ихъ горькія сѣтованія вслухъ всей Россіи, а одинъ изъ нихъ мѣтко выразился въ печати, что онъ снова тяжко „раненъ на родинѣ“... Въ самомъ дѣлѣ, тамъ, въ арміи, бодрый трудъ, жертвы, лишения и, несмотря на нихъ, крѣпкая и твердая вѣра въ окончательное торжество Россіи; а здѣсь, въ Россіи,—нерѣдко малодушіе, уныніе, шипящая злобная сплетня, ложные слухи, мелкое и жалкое критиканство дѣйствій нашихъ войскъ со стороны непризнанныхъ главнокомандующихъ, осужденіе арміи, ея героевъ и руководителей. Тамъ, на полѣ брани, всѣ помыслы, всѣ силы и старанія направлены къ тому, чтобъ увѣнчать славою начавшуюся вынужденною нашу брань и приготовить отечеству великое будущее; а здѣсь,—здѣсь господствуютъ такіе интересы, поднимаются такіе счеты, что кажется, будто воюетъ собственно армія, а не русскій народъ, не русское государство... Нашли же теперь время спорить о довѣрїи или невѣрїи къ силамъ общественнымъ; удосужились высчитывать обиды прошлаго, разсматривать счеты служилаго класса и общества; подъ громъ войны вздумали мечтать о внутреннихъ преобразованіяхъ, поднимать съ особою невидимою силою вопросы о фондахъ и жертвахъ на народное образованіе... Но самое главное, самое нелѣпое, позорное и даже преступное во всемъ этомъ шумѣ и смятеніи—это какое-то дикое непонятное самоуничуженіе, какая-то фана-

тическая брань всего своего, родного, милаго русскаго прошлаго и настоящаго. Въ годину войны нашли время всеяльть въ народъ презрѣніе къ себѣ, угашать его духъ и самосознаніе, развѣнчивать его отчизну, за которую онъ долженъ сражаться. Воистину, это могъ сдѣлать и придумать только врагъ Россіи... И въ чемъ только ни обвинили русскій народъ?! Во всемъ онъ оказался виновнымъ: виновенъ въ томъ, что въ его странѣ не свѣтитъ яркое солнце юга; что берега его земли не омываетъ лазурное море; что на почвѣ его сѣверныхъ полей и лѣсовъ не произрастаютъ роскошные плоды тропическихъ странъ; что въ своей обширѣйшей странѣ не успѣлъ онъ народить густое населеніе; что его исторія исполнена великихъ испытаній; что онъ выступилъ въ исторіи на 500 лѣтъ позже народовъ Европы, да и занялъ пустыни, лѣса и болота, а не насиженные мѣста древней римской культуры, которыя достались галламъ и германцамъ; что по этой причинѣ онъ не успѣлъ, не могъ развить ни просвѣщенія, ни промышленности, ни богатой торговли,—всего, чѣмъ богаты счастливые обитатели счастливыхъ южныхъ приморскихъ и густо населенныхъ странъ Европы... Вѣдь это похоже на то, какъ если бы Петра Великаго обвинять, что онъ не провелъ желѣзной дороги отъ Москвы къ Петербургу... Обличенія русскому народу льются неудержимымъ потокомъ, и дошло до того, что журналисты, поучающіе тысячелѣтній народъ, создавшій великое государство, вдохновляемые нерѣдко то инородческими вождедѣніями, то неисцѣлимимъ преклоненіемъ предъ всѣмъ иноземнымъ, то увлеченіемъ модными послѣдними словами, то жаждой популярности, то просто построчною платою, объявляются ни болѣе, ни менѣе, какъ равными древнимъ пророкамъ, вдохновляемымъ на слово истины Духомъ Божіимъ... Безспорно, что въ средѣ этихъ писателей немало людей почтенныхъ, честныхъ и разумныхъ, но и они—все же люди, способные заблуждаться, увлекаться, впадать въ односторонность, и сравнивать ихъ съ библейскими пророками—не только неправильно, но и прямо кощунственно. Крайность за крайностью,—и въ нѣкоторыхъ газетахъ отечество наше объявлено уже не заслуживающимъ любви ни со стороны купечества, ни со стороны

крестьянства; народъ признанъ несчастнѣйшимъ изъ народовъ, уже теряющимъ и чувство патриотизма, идущимъ въ-разбродъ съ „постылой“ родины, а русскіе вообще признаны издавна, „со временъ Тацита“, стоящими ниже всѣхъ народовъ и въ умственномъ, и въ нравственномъ отношеніяхъ... Что касается образованнаго класса, то о немъ заявлено, что онъ возвращается съ Запада Европы, „какъ съ богомолія“, съ чувствомъ благоговѣнія; что дома, въ Россіи, ему тѣсно, душно, безотраднo, что онъ вмѣстѣ съ народомъ задавленъ, задыхается ¹⁾...

Дальше идти въ самоуничженіи уже некуда. Но вмѣстѣ съ тѣмъ и большихъ и убѣдительнѣйшихъ свидѣтельствъ и доказательствъ полной неправды такихъ рѣчей тоже искать нечего: онѣ сами произносятъ себѣ приговоръ и ясно показываютъ, что перешли грань, за которою начинается уже не разумное слово, правдивое и сдержанное, а сплошная брань и крайность увлеченія. Да, въ нашей жизни много недостатковъ, и вѣрно, что война особенно рѣзко и замѣтно открыла и подчеркнула эти недостатки, но искоренять ихъ нужно не съ злорадствомъ и чувствомъ какой-то злобной мести за прошлое, а съ любовью и смиреніемъ, которое, однако, не исключаетъ въ христіанинѣ ни сознанія собственнаго достоинства, ни сознанія достоинства отечества. Но главное,—вѣдь всему свое время. Необходимо намъ, на примѣръ,—необходимо, какъ воздухъ, просвѣщеніе. Но время ли для воззваній о жертвахъ на это дѣло, когда предъ глазами—ужасы войны, прежде всего требующіе напряженія всѣхъ силъ, всѣхъ и всякихъ жертвъ? Что бы вы сказали о матросахъ, которые, видя опасность, грозящую кораблю, стояли бы около подзорныхъ трубъ, предаваясь изученію астрономіи? Астрономія—великая наука, но матросы тѣ—все-таки безумцы. Что бы вы сказали о жильцахъ дома, которые, видя, что дому грозитъ опасность пожара, что дымъ и пламя прорываются въ окна и на крышу, продолжали бы читать ученые книги, пополняя свое образованіе? Образованіе—великое дѣло, но жильцы тѣ едва ли могутъ быть признаны людьми здравомыслящими.

¹⁾ Разумѣемъ нѣкоторые изъ послѣднихъ воскресныхъ фельетоновъ „Нов. Вр.“ и газ. „Право“ (№ 41).

Придетъ желанный часъ, дастъ Господь намъ миръ,— о, если бы это былъ прочный и долгій и *достойный*, главное, *достойный* миръ,— и тогда само собою наступитъ время для новыхъ вопросовъ внутренней нашей жизни, на которую обратится вся энергія и всѣ силы, что уходятъ теперь, естественно и необходимо, на внѣшнюю брань съ врагомъ.

Но и тогда, и теперь злобные хулители Россіи, забросавшіе ее печатною грязью,—это клеветники родины, это неблагодарные и неблагородные ея сыны!.. Они хотятъ оправдать пустоту своихъ душъ и сердецъ, холодныхъ къ родинѣ, тѣмъ, что отечество будто бы недостойно ихъ... Нѣтъ, наоборотъ, они недостойны отечества, они, эти жалкіе рабы ложно направленаго просвѣщенія, взявшіе напрокатъ чужія слова и мысли, эти несчастные духовные безродные, „непомнящіе“ родства... скитальцы,—иного имени имъ нѣтъ. И слава Господу, что ихъ—ничтожная кучка.. Великъ коренной русскій народъ,—не одно крестьянство, нѣтъ,—всѣ классы русскаго народа, которые своими дѣйствіями въ эту войну показали воочию всю низость той печатной клеветы на Россію, которая нашла себѣ мѣсто въ послѣднее время на страницахъ нѣкоторыхъ газетъ.

Это для крестьянства-то стала „постылюю“ родина,—для крестьянства, давшаго изъ среды своей безтрепетныхъ матросовъ „Стерегущаго“ и безсмертной памяти Василя Рябова?! Это крестьянство-то перестало любить „безпріютную“ отчизну,—то крестьянство, которое дало десятки тысячъ героевъ во всѣхъ сраженіяхъ?! Это оно теряетъ патріотизмъ,—оно, которое въ своихъ представителяхъ въ Портъ-Артурѣ удивляетъ міръ чудесами героизма?! А подвигъ пастырей на войнѣ? А сестры милосердія, о которыхъ нельзя ни вспомнить, ни говорить безъ сердечнаго умиленія? А врачи и санитары? А доблестные офицеры арміи и флота? А представители общедворянской и общеземской организаціи помощи больнымъ и раненымъ? А развѣ купечество не посылаетъ на войну своихъ сыновъ? А развѣ оно не принесло миллионныхъ жертвъ на нее?

Стыдитесь, клеветники Россіи! Остановите грязный потокъ изрыгаемой вами на нее хулы, остановите вашъ похоронный лицемѣрный плачь о ней! Она жива, Россія, и живъ народъ.

ее создавший; она не брошена своими дѣтьми, она ими любима и будетъ любима вѣвѣки; она имѣетъ такихъ защитниковъ, такихъ дѣтей, которые съ радостью отдадутъ ей все дорогое, до послѣдней капли крови, до послѣдняго бѣненія сердца, до послѣдняго вздоха жизни.

И страдающая, подавленная нуждою, горемъ, даже униженная, окруженная злобою враговъ и низкою клеветою,—даже побѣжденная врагомъ въ этой трудной, въ сущности колониальной войнѣ, она еще болѣе мила и близка сердцу народному!

Послушаемъ, какъ даже иностранцы удивляются несокрушимому патриотизму и твердости духа русскихъ солдатъ, которые всякую неудачу объясняютъ однимъ: „не пришла еще Россія“¹⁾. Послушаемъ, что пишетъ посѣтившій на-дняхъ нашу страну представитель далекой епископальной церкви изъ враждебной намъ Америки²⁾. Онъ печатно, во всеуслышаніе заявилъ, что духъ христіанства всецѣло проникаетъ русскую жизнь, и что онъ навѣки сохранитъ самыя лучшія воспоминанія о русскомъ народѣ, который поразилъ его своимъ высокимъ христіанскимъ настроеніемъ.

Послушаемъ и русскихъ наблюдателей нашего воинства; изъ нихъ одинъ, котораго, судя по прежнимъ его литературнымъ трудамъ, трудно заподозрѣть въ преувеличеніи достоинствъ русскаго народа, пишетъ, какъ бы извиняясь за громкую хвалу ему: „Что я видѣлъ, то видѣлъ. А насмотрѣлся я на русскую душу въ чистомъ ея видѣ. Оторванная войною, подвигомъ, страданіями, близостью къ смерти, сознаниемъ сво-

¹⁾ Г. Хендзъ, англійскій корреспондентъ на войнѣ, пишетъ: „Русскіе—не простое собраніе русскихъ, это какое-то особое существо, могучее, непобѣдимое. Русскій полкъ можетъ потерѣть пораженіе, русскій корабль утонуть, но все это (въ глазахъ солдатъ) не касается Россіи, которая неодолима и неистребима. Россія въ глазахъ русскаго солдата надѣлена какимъ-то особымъ могуществомъ, тѣмъ-то въ родѣ особой силы природы, неизмѣримо превосходящей совокупныя усилія отдѣльныхъ русскихъ людей. Эта вѣра настолько велика, что ее не могли сокрушить никакія неудачи. Всѣ невзгоды въ Манчжуріи объясняются очень естественно, что „не пришла еще Россія“. Поэтому всѣ говорятъ: „война еще не началась, она начнется, когда придетъ Россія“.

²⁾ См. письмо Роб. Моргана, діакона англиканской церкви въ Америкѣ: „Во всеобщее свѣдѣніе“. („Нов. Вр.“, 26 октября 1904 года.)

его подвига, своего достоинства... эта душа является себя такою милою, такою дѣтски-чистою, такою раскрытою для всего добраго, что не повѣрить въ нее, не полюбить ея—нельзя“¹⁾.

А въ назиданіе и поученіе въ нынѣшній день, намъ хочется предложить одинъ самый простой и естественный вопросъ: кто же воспиталъ эту душу, кто воспиталъ этихъ героевъ, которые во всѣ вѣка русской исторіи являлись у насъ нескучно, которые въ войны Отечественную, севастопольскую русско-турецкую и въ настоящую русско-японскую снова воскресили въ глазахъ міра былую славу русской отваги, самоотверженія и высокаго патріотизма?

Кто воспиталъ? Школы? Научное знаніе и просвѣщеніе? Народные дома? Театры? Общественныя организаціи? Ничего этого не было въ Россіи въ теченіе вѣковъ; эти учрежденія, на которыя возлагаются теперь столь великія надежды, или явились недавно, или только предполагаются въ будущемъ. Между тѣмъ, уже сто лѣтъ лучшіе русскіе писатели въ своихъ произведеніяхъ рисуютъ намъ идеальныхъ людей изъ простаго народа и зовутъ образованное общество идти и учиться у этого народа смиренію, терпѣнію, мужеству, глубокому пониманію христіанскаго духа, безстрашію предъ смертію, способности къ подвигу, великодушію, милосердію, любви къ отечеству и житейской трезвой мудрости.

Кто же воспитывалъ нашъ народъ въ теченіе вѣковъ?

Одна религія. Вѣра была его единственною движущею силою; пастыри Церкви были его единственными учителями; храмы—единственными училищами, а богослуженіе, книги церковныя—всею совокупностью его просвѣщенія. Не говоримъ, что съ этимъ и должны навсегда остаться, а все другое—школы, науку, промышленность и проч.—выбросить вонъ. Но утверждаемъ, что святая вѣра должна остаться главною воспитывающею силою въ нашемъ народѣ: „Всѣ остальные воспитательныя средства, какими располагаетъ общество, лишь распредѣляютъ нравственную силу, порождаемую религіей, мо-

¹⁾ Корресп. „Нов. Врем.“ Дѣдлова, Томскъ 14 октября; тамъ же „Мысли и жизнь“ Л. Л. Толстого.

гутъ ее разумно сберечь и направлять, могутъ угашать и искажать“, но новаго источника этой силы создать не могутъ. „Внѣ религіи у человѣка нѣтъ притока нравственной силы, нѣтъ и источника сознательной и добровольной дисциплины. Безъ религіи общество имѣетъ въ своемъ распоряженіи только слѣпую привычку, да чисто-принудительную дрессировку. Но оба эти средства способны только нѣкоторое время поддерживать, а не порождать нравственную дисциплину“ ¹⁾. Во всякомъ случаѣ, они не дадутъ народу героевъ на протяженіи тысячелѣтій.

Вѣрою и теперь живетъ нашъ народъ. Вѣрою и теперь онъ бодръ, силенъ и смѣло смотритъ въ будущее Россіи. Вѣрою онъ осмыслилъ настоящую войну, которая для него—продолженіе міроваго призванія, свыше указаннаго, борьба христіанства и язычества, правды и неправды, Креста и древняго дракона, что символически изображено и на его государственномъ гербѣ. Вѣрою онъ, повторяемъ, осмыслилъ великія совершающіяся событія, которыхъ никакъ не уразумѣютъ образованные классы: послѣдніе не понимаютъ, зачѣмъ эта война, эти жертвы, они унываютъ и малодушествуютъ, говорятъ „о побѣдимости“ Россіи, готовы на унижительный миръ и вмѣстѣ съ тѣмъ требуютъ побѣды,—въ то время, какъ народъ, сильный вѣрою, которая дастъ ему равновѣсіе духа и жизни, идетъ путемъ, указаннымъ ему Провидѣніемъ, и близокъ-близокъ теперь къ тому часу, когда—во гласѣ ли побѣды, съ громкимъ славословіемъ Господу мира и Богу браней, или, если такъ судить Богъ, и въ смиреніи послѣ неудачъ войны, послѣ безрадостнаго мира,—онъ воспрянетъ къ могучей работѣ мира, въ чаяніи великаго будущаго, которое уготовано ему Провидѣніемъ.

Сольемся, братіе, съ этою могучею народною вѣрою и вознесемъ нынѣ горячія молитвы о Царѣ нашемъ и Его Царствующемъ Домѣ, о дорогой нашей родинѣ, о нашемъ безконечно дорогомъ всероссійскомъ христіолюбивомъ и побѣдоносномъ воинствѣ! Аминь.

¹⁾ „Религіозно-философская бібліотека“ Новоселова, вып. IV, стр. 106.

Благодарность.*

Не десять ли очистились, а девять гдѣ?
Какъ они не возвратились воздать славу
Богу, а только иноплеменикъ сей? (Лук.
XVII, 17).

Въ прочитанномъ сегодня за литургіей евангельскомъ сказаніи предъ нами—иноплеменикъ - самарянинъ, удостоенный высокой похвалы нашего Спасителя. Извѣстна всѣмъ его исторія. Каждый разъ, когда мы собираемся на молитву возблагодарить Господа за какое-либо благодѣяніе Его, явленное намъ въ жизни ли общественной или личной, Церковь предлагаетъ тогда въ назиданіе молящимся трогательную повѣсть объ этомъ благодарномъ иноплеменикѣ.

Разъ, когда входилъ Иисусъ въ одно селеніе, за предѣлами его встрѣтили Господа десять прокаженныхъ мужей. Они не смѣли войти въ селеніе, потому что ихъ оттуда гнали изъ страха заразы; они не могли идти за Христомъ и внѣ поселеній вмѣстѣ съ народомъ, потому что, по закону, не имѣли права имѣть какое-либо общеніе со здоровыми людьми, которыхъ могли заразить. И вотъ, стоя издали, они взмолились къ Чудотворцу, о Которомъ, конечно, много слышали, въ Котораго и увѣровали по слухамъ только и рассказамъ,—увѣровали своими скорбными сердцами, жаждущими чуда и милости.

Оставленные, изгнанные изъ общества людей, несчастные, обреченные на медленную смерть, неужели они будутъ отвергнуты новымъ явившимся Пророкомъ, въ Которомъ вѣра составляла ихъ видѣть обѣтованнаго Мессію? „Иисусе, Наставниче, помилуй насъ“, взывали они издали въ надеждѣ исцѣленія. И желанное исцѣленіе имъ было дано. „Идите, покажитесь священникамъ“, отвѣтилъ Господь на ихъ вопль; это значило, что проказа съ нихъ снята и, по закону, они должны были получить отъ священниковъ удостовѣреніе въ томъ, что

*) Слово въ нед. 29-ю по Пятидесятницѣ въ Гудаутской церкви, Сухумской епархіи, въ присутствіи учениковъ второклассной учительской школы.

выздоровѣли и что имъ разрѣшено возвратиться въ города и селенія. Счастливые пошли они туда, куда послалъ ихъ Иисусъ, но одинъ изъ нихъ, увидѣвъ себя исцѣленнымъ, забылъ радость личнаго спасенія и безмѣрнаго счастья жизни, забывъ все на свѣтѣ и отдался только порыву благодарности, охватившему все его существо. И онъ возвратился назадъ. Невзирая на то, что не получилъ онъ свидѣтельства священниковъ, забывъ, что ему нельзя еще быть среди здоровыхъ людей и въ населенныхъ мѣстахъ, что нельзя ему, по закону Моисееву, даже прикасаться къ здоровымъ людямъ, онъ палъ къ ногамъ Иисуса съ гласомъ велимъ, воздавая Ему хвалу предъ всѣмъ народомъ. Глубоко онъ тронулъ милосердное сердце Спасителя. Но этотъ благородный и благодарной былъ не іудей, а самарянинъ.

Это былъ иноплеменникъ, это былъ сынъ племени, враждебнаго іудеямъ.

И тѣмъ не менѣе, въ его сердцѣ нашла себѣ мѣсто вѣра истинная, и она привела его къ познанію Спасителя. Да, иноплеменникъ, даже врагъ іудеевъ, онъ, однако, увѣровалъ въ Бога Израилева, призналъ данное этому народу Божественное Откровеніе, проникся вѣрою въ ожидаемаго Спасителя и узналъ Его пришедшаго лучше и скорѣе многихъ настоящихъ іудеевъ. Вѣра и смиреніе сдѣлали его доступнымъ высшимъ добродѣтелямъ души, что и видимъ мы въ исторіи его исцѣленія. И благодарный и вѣрующій, онъ пріялъ отъ Спасителя свидѣтельство хвалы и обѣтованіе Спасителя: „иди, вѣра твоя спасла тебя“, сказалъ ему Господь.

Одинъ ли онъ явилъ свидѣтельство благородной благодарности иноплеменниковъ къ Израилю? Вдова изъ Сарепты Сидонской во дни Иліи; сиріецъ Нееманъ во дни Елисея; жена-хананеянка во дни Спасителя,—все это примѣры того же чувства, которое явилъ благодарный самарянинъ.

Братья и дѣти! Проходятъ вѣка и тысячелѣтія, измѣняются обстоятельства и условія жизни людей, но законъ нравственный, но потребности сердца, но запросы души постоянны и вѣковѣчны.

Знаменательныя сближенія возстаютъ въ душѣ по поводу

сказаннаго при наблюденіи надъ тѣмъ краемъ, въ которомъ вы живете. Новый благодатный Израиль, милостью Божіею, это—народъ святорусскій. Онъ—хранитель и носитель истинной вѣры христіанской и православной, и царство его—единственное православное царство въ мірѣ. Подобно древнему Израилю, и русское царство призвано къ великому, міровому, вселенскому служенію. Подобно древнему Израилю, но въ неизмѣримо большей степени, оно привлекло къ себѣ взоры и надежды многихъ милліоновъ иноплемениковъ, изъ которыхъ многіе вкусили отъ него не только блага тѣлесныя, земли, угодыя, мирную жизнь, но пріяли и духовныя неоцѣненныя сокровища: вѣру православную. Таковъ именно и здѣшній край. Онъ упорядоченъ трудомъ русскаго народа; онъ умиротворенъ его потоми и кровью и жертвами его сыновъ, пріявшихъ здѣсь смерть въ борьбѣ съ врагами этого края; онъ обогащенъ и отъ его щедротъ, а больше—отъ его скудости и самоотреченія. Батумъ и Поти залиты кровью русскаго воина; Сухумъ защищенъ его грудью; въ Гаграхъ обрѣкъ себя на смерть геройскій гарнизонъ заброшенной и отрѣзанной отъ міра крѣпости; рядомъ съ великимъ городомъ въ Бомборахъ долго стояло русское воинство, отстаивая безопасность этой страны; Архипъ Осиповъ—это только одинъ изъ сотенъ и тысячъ самоотверженныхъ русскихъ героевъ. За кого и за что они умирали? Они умирали за чужой край, за чужой народъ, они несли сюда своею кровью и страданіями—евангеліе, крестъ, ученіе Спасителя, миръ, порядокъ и довольство. Они обезпечили эти дороги, эти поселенія, монастыри, города, торговлю; они пріобщили этотъ край къ жизни мирной и счастливой. О, спите въ сырой землѣ по всему Черноморскому побережью, спите, наши безвѣстные родимые герои, безстрашные, безропотные, смиренные и покорные жребію жизни и смерти! Спите въ мирѣ и отрадѣ въ этой землѣ, отнынѣ навѣки русской; мы же вашъ подвигъ почтимъ благодарною молитвою и благодарнымъ словомъ. Или мы не уподобимся благодарному самарянину? Или иноплеменики, живущіе здѣсь, не имѣютъ причинъ и основаній благодарить Россію, и не спасены ею и не спасаются отъ своего рода особой заразы?

О, есть проказа худшая проказы тѣлесной: это духовная проказа невѣрія, лжевѣрія, иновѣрія, чѣмъ богатъ былъ здѣшній край; это—тьма невѣжества, дикости, животной и злобной жизни, которая охватывала эту страну и заставляла ее въ этомъ земномъ раѣ жить, какъ въ аду. И вотъ, великая Россія принесла сюда миръ, порядокъ, проповѣдь евангелія, школьное просвѣщеніе, дала войско, устроила управленіе, провела дороги, учредила торговлю, привлекла своихъ русскихъ капиталистовъ, предпринимателей. Неустанно льются милости ея на край этотъ.

Будемъ же, братіе, подобны благодарному самарянину въ нашихъ чувствахъ къ великому русскому отечеству. Въ этихъ чувствахъ воспитывайтесь и вы, юноши и дѣти, питомцы школы, украшающей этотъ городокъ. Будемъ покорны власти, будемъ способствовать ея видамъ и начинаніямъ, отвѣтимъ горячекъ любовью на щедроты, изливаемые Россіей на этотъ край. И какъ благодарность самарянина привлекла къ нему новую милость Господа послѣ исцѣленій, такъ будетъ и съ вами, братіе и дѣти, если вы будете возрастать и жить въ этомъ благородномъ чувствѣ къ великому русскому царству. Оно въ долгу никогда не оставалось и явитъ этому краю въ будущемъ великія блага тѣлесныя и духовныя. Неблагодарность же есть свойство души Хама, по изображенію Библии, а на языкѣ людей неблагодарныхъ есть свойство самаго грязнаго, самаго нечистаго и смраднаго животнаго... Не уподобимся ему!

Но слово Божіе велитъ намъ любить не словомъ и языкомъ, а дѣломъ и истиною. Есть сегодня къ тому и поводъ, и случай. Тамъ, вдали отъ насъ, спасая и защищая честь и цѣлость Россіи, сражаются и умираютъ наши братья-воины, потомки, продолжатели дѣла и раздражители тѣхъ, которые во дни былые на этихъ берегахъ Черноморья также умирали за Россію и за ея міровое призваніе. Тысячи среди нихъ больныхъ и раненыхъ. Придемъ же къ нимъ съ посильною помощью! Вспомнимъ, что въ то время, когда мы здѣсь сыты, довольны и безопасны, они тамъ на стужѣ, часто въ голодѣ, подъ пулями, въ постоянной опасности страданій и смерти.

Къ раненымъ и больнымъ пойдемъ мы съ помощью, слѣдуя

примѣру милосердаго Спасителя. Съ благодарностью всё безъ различія, русскіе и не русскіе, отнесемъ къ нашему доблестному воинству, къ нашимъ братьямъ больнымъ и раненымъ.

Сейчасъ супруга начальника округа пойдетъ среди насъ за сборомъ даяній. Ея рука протянута за дальнихъ нашихъ братій. Рука просящаго протянута. Да не оскудѣетъ и рука дающаго! Аминь.

Миръ на землѣ.*

Нынѣ силы небесныя, къ землѣ сошедшія, взывали: Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ....

На земли миръ... Но, Господи, гдѣ же этотъ миръ, о которомъ въ часъ рожденія Искупителя возвѣстили измученной грѣхомъ и злобою „погибельной“, т.-е. обреченной на гибель, землѣ святые небесные вѣстники? Гдѣ же, гдѣ же этотъ миръ, если на нашихъ глазахъ еще такъ недавно лилась кровь въ тяжелой войнѣ, дымились развалины истерзанныхъ городовъ и крѣпостей, если и нынѣ готовятся и зрѣютъ новые бранные замыслы, грозящіе смертью тысячамъ жизней?

Гдѣ этотъ миръ, когда вокругъ насъ, мы видимъ, мятутся въ озлобленіи люди, изрекая хулы на все, что выше ихъ и сильнѣе, требуя насильемъ измѣненія всего государственнаго и общественнаго строя и грозя смертью всѣмъ и всякому, кто не угодилъ ихъ видамъ, несогласенъ съ ихъ желаніями и воззрѣніями?

И все-таки, братіе, какъ ни насыщенъ кругомъ насъ какъ бы самый воздухъ злобою и враждою, стоитъ вовѣки непреложно и дѣйственно слово святыхъ небожителей. *Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ!...*

Да, есть миръ на землѣ,—и этотъ миръ отъ Бога. Жизнь

* Слово на Рождество Христово 25 декабря 1904 года. Поученіе составлено отчасти по руководству св. архіеп. Іеронима о Рожд. Христовомъ въ Сборн. Барсова.

людей нерѣдко сравниваютъ съ бурнымъ моремъ. Люди науки, изучающіе тайны природы, рассказываютъ намъ, какія бываютъ на морѣ бури и волненія. Въ открытомъ океанѣ, говорятъ, волны достигаютъ страшной высоты—7 или 8 саженой. Смотри на эту неудержимо движущуюся, ревущую и грозную стихію, кажется, что все море до самаго дна всколеблено бурю, и нѣтъ въ немъ ни единой спокойной капли воды. И однако, все это только *кажется*. Какъ ни сильна буря, какъ ни велико волненіе, оно только бороздитъ, только рябитъ чуть-чуть поверхность океана, а самыя глубины его всегда устойчивы, недвижимы, неизмѣнны: миръ и покой вѣчно царятъ въ нихъ.

То же самое, братіе, и миръ, который принесенъ на землю съ неба нашимъ Примирителемъ и Искупителемъ и о которомъ радостно воспѣли ангелы въ часъ Его рожденія: Онъ неизмѣримо глубже и могучѣе океана, и его сокровенныя глубины не поколебать ни злобѣ людской, ни самому отцу и начальнику злобы—дѣволу; его козни, волны злобы и грѣха—не болѣе, какъ волны поверхъ океана.

„Христосъ есть миръ нашъ“ (Еф. II, 14),—говоритъ апостоль,—говоритъ въ то время, когда кругомъ его и противъ него кипѣла страшная злоба враговъ. И Самъ Спаситель, прощаясь съ учениками, когда кругомъ царил безудержная злоба, когда Синедрионъ искалъ лжесвидѣтелей, когда одинъ изъ приближенныхъ учениковъ Христовыхъ, дошелъ до ужаса богопредательства, когда міръ готовился увидѣть и пережить величайшее зло, величайшую неправду и преступленіе, безпримѣрное, единственное и ужаснѣйшее, именно—богоубійство, а за нимъ въ теченіе столѣтій кровавыя костры, казни, гоненія, сотни тысячъ замученныхъ за Христа жизней,—посреди и въ виду всего этого видимаго разлива торжествующей злобы Спаситель ясно и рѣшительно съ царственнымъ спокойствіемъ поучаетъ и завѣщаетъ: „Миръ Мой даю вамъ, миръ оставляю вамъ“ (Іоанн. XIV, 27).

Итакъ, значить, можетъ быть миръ на землѣ, принесенный и оставленный намъ Спасителемъ,—невзирая на все зло жизни.

И прежде всего это есть примиреніе людей съ Богомъ и земли съ небомъ, дарованное намъ въ непостижимой тайнѣ искупленія грѣшнаго человѣчества рожденіемъ, жизнью, ученіемъ, страданіями, смертью, погребеніемъ, воскресеніемъ, сошествіемъ во адъ, вознесеніемъ нашего Господа, ниспосланіемъ намъ Духа Святаго и вѣчнымъ пребываніемъ Спасителя посреди вѣрующихъ въ Церкви, руководящей насъ къ вѣчной жизни, къ той жизни, гдѣ будетъ *новое небо и новая земля* (2 Петр. III, 13), куда не войдетъ ничто нечистое (Апок. XXI, 27), гдѣ не будетъ ни браней, ни злобы, ни неправды. На сіе и родился и пришелъ въ міръ Сынъ Божій.

Естественному уму это непонятно, но вѣрующему сердцу христіанскому здѣсь все исполнено и свѣта, и вѣдѣнія, и мира, и отрады. Кто хочетъ углубиться въ тайну сію, слушай апостола, который нынѣ громогласно вѣщаетъ, что изъ враговъ Бога люди сдѣлались Его любимыми сынами, наследниками всѣхъ Его обѣтованій, и все это только за вѣру, ради того, что *егда пріиде кончина лѣта, посла Богъ Сына Своего Единороднаго, рождаемаго отъ Жены, бываема подъ закономъ*, да усыновленіе примемъ (Гал. IV, 4—5). Такъ что теперь мы—не рабы Богу, а дѣти. Прощенъ грѣхъ и прощены грѣхи многіе; открыто сердце Божіе для человѣка; грѣшникъ можетъ идти къ Отцу Небесному съ вѣрою, покаяніемъ, со смиреніемъ, въ готовности исполнять волю Его,—и онъ не будетъ отвергнутъ, но пріемлется съ любовію. Открыта и самая воля Божія, и тайна Божества, и даны заповѣди, и дана помощь свыше для ихъ испытанія; открыто и обѣщано прощеніе согрѣшающему и падающему,—развѣ это не миръ, не радость, не спасеніе? Развѣ не повторить съ ангелами всякое сердце и не воскликнуть всякія уста: *Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ, съ человѣцѣхъ благоволеніе!*

О, пріидите, по гласу Церкви, пріидите, возрадуемся Господеви, настоящую тайну сказующе: средостѣніе ограды разрушится. Пламенное оружіе плещи даетъ, и херувимы отступаютъ отъ древа жизни, и мы райской нищи причащаемся... (Стих. вечерн.).

О, пріидите, возрадуемся Господеви и поклонимся, какъ

смиранные пастухи, и дары принесемъ, какъ мудрые волхвы, за этотъ чудный свѣтъ великаго познанія,—познанія Бога, познанія этого мира, принесеннаго искупленіемъ, познанія жизни, смерти и того, что послѣ смерти. Ибо, воистину, рождество Твое, Христе Боже нашъ, возсія мірови свѣтъ разума!

Гдѣ же намъ найти сей свѣтъ разума, гдѣ найти и получить и усвоить тайну примиренія и искупленія, благодать Духа Святаго, доступъ къ Божеству, прощеніе грѣховъ безошибочное и вѣрное руководство жизни, гдѣ мы можемъ сказать съ упованіемъ: *Съ нами Богъ*, Великаго Совѣта Ангель, Чуденъ, Совѣтникъ, *Князь мира*, Властитель, Отецъ будущаго вѣка? (Ис. IX гл.).

Гдѣ и когда, исполнившись этого вѣдѣнія, соединяясь съ Богомъ и Искупителемъ, мы можемъ имѣть въ душѣ тотъ *превосходящій всякъ умъ миръ* (Фил. IV, 7), который, невзирая на видимую суету, злобу и коварство въ средѣ людей, подобно глубинамъ морскимъ, всегда и неизмѣнно вѣренъ себѣ и не колеблется?

Не въ царствахъ человѣческихъ! О нихъ сказано иное слово, которое услышимъ чрезъ нѣсколько минутъ: *Услышати имате брани и слышаніе бранемъ*. И еще: *Подобаетъ бо всякъ симъ быти* (Мѡ. XXIV, 6). *Царство Христово*, какъ Онъ Самъ сказалъ, *не отъ міра сего* (Іоанн. XVIII, 36). *Оно внутри насъ* (Лук. XVII, 21), въ правой вѣрѣ, въ искреннемъ благочестіи, въ чистой совѣсти, въ приобщеніи къ Богу, *въ правдѣ и мирѣ и радости о Духъ Святомъ* (Римл. XIV, 17). Оно отчасти и внѣ насъ, и хранилище его есть *Церковь Христова*. Здѣсь, въ Церкви,—надежное убѣжище отъ всего, нарушающаго душевный миръ, здѣсь люди хвалились даже скорбями и радовались даже въ страданіяхъ, здѣсь они были мирны и покойны духомъ во всѣхъ лишеніяхъ, здѣсь вѣчно будетъ возсылаться слава Богу на небѣ, отсюда вѣчно будетъ изливаться миръ на землю, здѣсь всегда можно сдѣлаться людямъ чадами благоволенія Божія.

А внѣ Церкви и евангелія—вѣчная буря, волненіе и мятежъ. Эту истину подтвердила исторія людей ясніе дня.

Да не смущается же сердце наше видомъ неустройства

въ жизни человѣческой: и среди нихъ и невзирая на нихъ будетъ возрастать непрестанно царство Божіе, слава, миръ и благоволеніе. Его нельзя ввести и насадить насиліемъ, нельзя насильно заставить яблоню сразу дать плодъ; оно, по слову Христову, подобно закваскѣ, которую женщина положила въ тѣсто (Мѣ. XIII, 33), пока оно все не поднимется медленно и постепенно. Его ростъ—ростъ нравственный и духовный и захватываетъ каждыя отдѣльнаго человѣка, а чрезъ это постепенно преобразуетъ и поднимаетъ, какъ закваска тѣсто, и все человѣчество. Прильнемъ съ дѣтскимъ довѣріемъ и любовью къ Богу и Его закону, къ Спасителю нашему, Его Святой Церкви, къ Духу Святому и Его таинствамъ: и миръ, глубокий, неотъемлемый миръ будетъ удѣломъ нашимъ посреди видимыхъ неустройствъ земной жизни.

Въ свѣтлый день рожденія Богочеловѣка исполнилось древнее библейское слово: *„Тихому бо молчанію содержащу вся, и ноши во своемъ теченіи преполовляющейся, всемогущее Слово Твое, Господи, съ небесъ отъ престоловъ царскихъ... въ средину погибельныя земли сниде“* (Прем. Солом. XVIII, 14—15).

Да, нынѣ, съ рожденіемъ Бога-Слова земля наша уже не погибельная, а спасенная, не царство злобы и проклятія, а царство Божіей любви, славы, мира и благоволенія.

Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе! Аминь.

1905 г.

Годы великих скорбей.*

Услыши ны, Боже, Спасителю нашъ;
упованіе всѣхъ концовъ земли и сушикъ
въ мори далече. И милостивъ, милостивъ
буди, Владыко, о грѣсѣхъ нашихъ и по-
милуй насъ! (Молитва изъ молебна).

Наболѣла въ душѣ и просится на сердце и уста эта уми-
лительная молитва Церкви. Въ этотъ полуночный часъ, когда
мысленно пробѣгаешь все пережитое въ минувшемъ году, ко-
гда стоишь передъ неизвѣстностью событій новаго года, подъ
ударъ сердца, какъ тяжкій стонъ, какъ вопль крѣпкій, выры-
вается она сама собою у каждого изъ насъ...

О, какой тяжелый годъ минувшій послалъ Ты, Господи,
пережить Россіи! Неожиданная война, рядъ тяжкихъ неудачъ
на брани; гибель многихъ лучшихъ сыновъ Россіи; потеря
флота; паденіе нашей твердыни на берегу незамерзающаго
моря на грани Дальняго Востока; илѣнъ десятковъ тысячъ
нашихъ героевъ; открывшіеся недочеты во внутренней жизни
Россіи; броженіе и недовольство въ образованныхъ классахъ,
какъ бы задавшихся цѣлью удивить міръ недостаткомъ или
даже отсутствіемъ патріотизма; озлобленное требованіе пере-
устройства государственной жизни подъ громъ пушекъ и пред-
смертные вопли раненыхъ и умирающихъ, а въ нашемъ краѣ,
въ довершеніе всего, начало холерной эпидеміи, грознымъ
признакомъ устрашающаго будущаго стоящей и теперь передъ
нами, и еще хуже холеры—революціонное броженіе въ Закав-
казьи: вотъ какое печальное наслѣдіе передаетъ старый годъ
новому. Что несетъ и обѣщаетъ хорошаго годъ грядущій?

---

* Слово на полуночномъ молебствіи въ канунъ новаго (1905) года.

По человѣческимъ соображеніямъ, очень мало... На концѣ земли русской собрана огромная наша армія, готовая ринуться въ бой со врагомъ, но армія враговъ не меньше, если не больше ея, и притомъ поставлена во многихъ отношеніяхъ въ гораздо лучшія условія, чѣмъ наша. Въ мори далече плыветь наша морская рать, нашъ русскій флотъ; но ему грозятъ невѣроятныя опасности въ сраженіи съ сильнѣйшимъ врагомъ, и притомъ безъ возможности имѣть какое-либо пристанище....

Услыши ны, Боже, Спасителю нашъ, упованіе всѣхъ концевъ земли и сушихъ въ мори далече братій нашихъ... Пошли намъ новое лѣто Твоей благодати; воздаждь намъ радость спасенія Твоего; подними наши усталыя и скорбныя сердца, исполни мужества и упованія наши трепетныя души! Но прежде всего пошли намъ, Господи, духъ смиренія и покаянія, незлобія и кротости; утверди въ насъ сознаніе того, что праведенъ Господь и праведенъ гнѣвъ прещенія Его на грѣшниковъ... Нынѣ обуяла всѣхъ злобная страсть искать виновниковъ нашихъ неудачъ; съ злорадною поспѣшностью указываютъ имена этихъ дѣйствительныхъ или мнимыхъ виновниковъ и топчутъ въ грязь. Полно, остановимся! Гнѣвъ мужа правды Божіей не содѣлываетъ (Іак. I, 20). Подъ диктовку злобы и мстительности, подъ вліяніемъ криковъ и шума толпы нельзя создавать реформъ и преобразованій жизни, хотя бы и крайне нужныхъ: они, естественно, при этихъ условіяхъ выйдутъ непродуманными, неосновательными, односторонними и недоконченными. Полно искать виновныхъ; виновные налицо; это—всѣ мы,—мы, блудные сыны нашей святой Церкви и нашей дорогой родины. И въ самомъ дѣлѣ, мало ли русскіе люди возставали на Бога и Христа Его? Мало ли оскорбляли и попирали Его святой законъ? Мало ли сквернили и бременили землю своими грѣхами, вопіющими къ небу? Вотъ въ лицѣ первенствующаго русскаго писателя и мыслителя произнесена вслухъ всего свѣта хула на Бога, передѣлано евангеліе, отвергнута Святая Троица, искажено Его ученіе, осмѣяна Его святая Церковь, осмѣяна низко и гнусно святѣйшая тайна Его тѣла и крови... И что же, развѣ не нашлось у этого моднаго кумира, застывшаго въ гордынѣ своей, развѣ не нашлось у него подражате-

лей, читателей и послѣдователей? Тысячами они наполнили землю русскую, осквернили ее хулою на Бога и Христа, въ то время, когда русское общество или малодушно безмолствовало, или, слѣдуя модѣ, сознательно сочувствовало антихристову кощунству.

Вотъ украли и уничтожили чтимую вѣковую святыню всенародную ¹⁾. Что же, нашли святыню? Заговорилъ ли народъ? Потрясло ли его это преступленіе гнѣвомъ и горестью и предчувствіемъ кары небесной? Нѣтъ, казалось порою, что дѣло идетъ какъ бы о простой пропажѣ, и самую Церковь обвинили въ плохомъ береженіи святыни на страницахъ той самой печати, которая особенно злобно возмущается въ другихъ случаяхъ „хранительною стражею“ въ дѣлахъ церковныхъ.

А секты и расколы, возстающіе на Церковь? А пьянство, развратъ въ самой Сибири, и особенно въ дальней Маньчжуріи, и, наконецъ, въ средѣ самой арміи, какъ о томъ засвидѣтельствовалъ въ укорительномъ посланіи тамошній Сибирскій архіерей? А глумленіе печати по поводу сего посланія?... А невиданный разливъ пороковъ и преступленій внутри Россіи? А открывшіеся случаи возмутительно безчестнаго отношенія къ общественному и государственному достоинію? А открывшіеся позорные случаи злоупотребленій и возмутительнаго небреженія къ долгу службы, приведшіе насъ къ цѣлому ряду несчастій на войнѣ и создавшіе поражающую неподготовленность всѣхъ и всего въ нынѣшнихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ? А погоня за наживой и житейскими благами, за удовольствіями и развлеченіями, которыя и теперь навязываются народу, какъ признакъ высшей образованности, какъ „спасеніе отъ невѣжества“? А это ослабленіе патриотизма, неуваженіе къ власти, паденіе всѣхъ авторитетовъ, расслабленіе всюду дисциплины, попустительство всему худому въ молодомъ поколѣніи?.. Долго пришлось бы намъ развертывать въ эти минуты безконечный свитокъ нашихъ винъ и прегрѣшеній передъ Богомъ и Россіей; выводъ—одинъ и онъ яснѣе дня: есть за что тяжело покарать насъ Господу. Но самое главное все же не въ этихъ

¹⁾ Икону Казанской Божіей Матери.

грѣхахъ. Грѣшили русскіе люди и прежде, но грѣшили и калялись, въ грѣхѣ не считали себя праведниками, зла не называли добромъ, тьму не величали свѣтомъ, въ порокѣ не видѣли похвалы и добродѣтели... Теперь—не то, и это вотъ всего страшнѣе. Нынѣ считается отсталостью и признакомъ невѣжества осуждать нарушеніе цѣломудрія и невѣрность въ брачной жизни; нынѣ считается позоромъ и рабствомъ духа слѣдовать повелѣніямъ и ученію Церкви въ дѣлѣ вѣры; нынѣ считается отжившимъ чувство любви къ родинѣ; нынѣ являются люди, объявляющіе для себя необязательнымъ всякій нравственный законъ и еще похваляющіеся этою дьявольскою свободою... Воистину, похвала ихъ въ студѣ ихъ, по слову апостола; они хвалятся тѣмъ, чего нужно стыдиться, грѣшатъ и еще гордятся и превозносятся гнусностью и скверною... Вотъ гдѣ хула на Духа, вотъ гдѣ противленіе Богу Живому и упорное отверженіе истины и Божественнаго призыва ко спасенію.

Вѣрнымъ сынамъ Церкви и Россіи теперь надлежитъ не преклонять колѣнъ ни передъ какими модными и современными кумирами мысли и жизни, какъ бы они ни были заманчивы; не преклонять колѣнъ предъ новыми Ваалами, подобно семи тысячамъ древнихъ израильтянъ во дни Иліи, во дни повального увлеченія идолопоклонствомъ. Нужно сознать грѣхи свои; нужно очистить землю русскую отъ накопившагося зла не злобною хулою всего высокаго и святого, а чистыми и святыми слезами покаянія; вмѣсто криковъ о свободѣ нужно прежде всего искать свободы отъ грѣха и дьявола, свободы чадъ Божіихъ и помнить слово Христово: „познайте истину и *истина* *сдѣлаетъ васъ свободными*“ (Іоан. VIII, 32); вмѣсто фанатической вѣры въ одну только силу человѣческихъ учреждений, будто бы способныхъ исправить зло жизни, нужно вѣрить въ силу Божію, въ религіозно-нравственную силу людей и помнить, что прежде всего религіозно-нравственный подъемъ каждого отдѣльнаго человѣка обуславливаетъ возрастаніе общества и человѣчества во всѣхъ отношеніяхъ. А путь къ нему отъ грѣха, отъ многихъ пороковъ и преступленій одинъ и единственный: личное и всенародное покаяніе.

И милостивъ, милостивъ буди, Владыко, о грѣсѣхъ нашихъ и помилуй насъ!

Прислушайтесь далѣе къ умилительнымъ молитвамъ Церкви въ день новолѣтія: онѣ сейчасъ возгласятся предъ вами, братія, въ молебномъ гѣніи. Господу помолимся! И молитва вѣры, смиренія и покаянія пройдетъ небеса и услышитъ Господь моленіе людей Своихъ, и грѣховъ нашихъ не помянетъ къ тому, и милостивъ будетъ къ неправдамъ нашимъ. И если найдутся среди насъ, какъ во дни Авраама, хоть десять праведниковъ, то и тогда ради ихъ праведности устоятъ наши грады и веси, ибо *стѣня свято стояніе царствъ человеческихъ* (Ис. VI, 13).

Возложимъ же на Господа печали наши, проліемъ предъ Нимъ молитвы и скорби наши предъ Нимъ возвѣстимъ! Пусть эти горести и печали послужатъ въ пользу и намъ лично, и всему нашему отечеству, какъ горькій, но спасительный и вразумительный урокъ, свыше данный, какъ поприще возрастанія и воспитанія духовнаго! Будемъ тверды и мужественны! Станемъ на стражѣ нашей нравственной чистоты и нравственного обновленія: только при этомъ условіи можетъ обновиться вся наша общественная и государственная жизнь и будетъ плодотворна и благословенна грядущая работа преобразованій въ нашей государственной жизни, объявленная въ самомъ исходѣ минувшаго года съ высоты Царскаго престола. И можетъ-быть, скоро имѣющая заблестать на небѣ первая заря новаго года не предвѣщаетъ намъ ничего устрашающаго, но загорится надъ нами вѣстницею побѣды надъ врагомъ внѣшнимъ, или, по крайней мѣрѣ, не унижительнаго мира съ врагомъ, умиротворенія внутреннихъ враговъ, общественнаго и государственнаго обновленія нашей родины,—мира и Божьяго благоволенія. О семъ молимъ и просимъ Господа въ этотъ знаменательный часъ, молимъ и просимъ всею горячностью вѣры, со всею силою покаянія и всею любовью сердець: Услыши ны, Боже, Спасителю нашъ, упованіе всѣхъ концевъ земли и сущихъ въ мори далече! И милостивъ, милостивъ буди, Владыко, о грѣсѣхъ нашихъ и помилуй насъ! Аминь.

Облеченіе во Христа.*

Елицы во Христа креститесь, во Христа облекостесь.

Въ праздникъ Крещенія Господня, въ праздникъ Іоанна Предтечи и Крестителя Господня естественно вспомнить, братіе, и о нашемъ крещеніи. Святая Церковь сегодня особенно настойчиво напоминала намъ объ этомъ. Ибо и надъ нами нѣкогда были разводящаяся небеса, и надъ нами нисходилъ Духъ Святыи въ водахъ крещенія и насъ нѣкогда Отецъ Небесныи именовалъ возлюбленными сынами. Мы не видѣли и не слышали этого, не видѣли и тѣ, которые окружали нашу купель крещенія: но въ томъ увѣряетъ вѣра и святая Церковь, совершающая тайну крещенія надъ вѣрующими, по вѣковѣчной заповѣди Самого Спасителя. Мы не помнимъ, когда и какъ совершено надъ нами самое крещеніе, оно совершено во дни нашего самага начальнаго дѣтства: но что оно было, въ томъ порукою наши родители, восприемники, наши родные и близкіе, въ томъ порукою всеобщій обычай и святая Церковь, которая не оставила бы насъ безъ этого великаго таинства.

И вотъ, сегодня Церковь напоминаетъ намъ объ этомъ, какъ бы требуя отчета и поставляя предъ нами тѣ обязанности, которыя налагаетъ на насъ крещеніе. Замѣчательно, что это она дѣлаетъ въ самые торжественные праздники, при самыхъ многочисленныхъ молитвенныхъ собраніяхъ вѣрующихъ, именно—въ Рождество, Пасху, Крещеніе, на Троицу она и возглашаетъ многократно эти священныя слова: *Елицы во Христа креститесь, во Христа облекостесь.*

Вникнемъ же поближе въ эту священную пѣснь, что она значить и чему насъ учить?

* Поученіе въ праздникъ св. Іоанна Предтечи, 7 января 1905 года. Произнесено за всеобщимъ бдѣніемъ и за литургіей; раздѣлено въ произнесеніи на двѣ части; сказано простому народу.

Пѣснь эта взята изъ слова Божія, изъ посланія св. апостола Павла (Гал. III, 27) и по-русски, просто ее нужно передать и сказать такъ: *Тѣ, которые во Христа крестились, во Христа одѣлись.*

Первая половина ея всѣмъ понятна; ясно, что здѣсь говорится о тѣхъ, кто крещень, о всѣхъ христіанахъ, о насъ съ вами, возлюбленные братіе. Но что значить вторая половина пѣсни этой? Что это значить *во Христа одѣться*? Развѣ Христосъ—одежда? Развѣ можно Имъ или въ Него одѣться?

Всякій благомыслящій пойметъ, что здѣсь дано намъ *сравненіе*. Такъ и Спаситель нашъ училъ притчами, уподобленіями и сравненіями, такъ дѣлаетъ Церковь Божія, такъ дѣлаемъ и мы въ обыкновенныхъ разговорахъ, чтобы проще, ближе и яснѣе понять какую-либо истину. Нужно понять сравненіе Христа съ одеждою, нужно вникнуть въ смыслъ его, нужно разъяснить себѣ ту истину, которую желаетъ Церковь внушить и истолковать намъ, когда приказываетъ намъ *во Христа одѣться*.

Откуда одежда и для чего она назначена? Слово Божіе рассказываетъ намъ, что одежда впервые явилась у людей послѣ того, какъ они согрѣшили въ раю. Имъ сдѣлалось стыдно наготы своей, и имъ дана была одежда изъ листьевъ смоковыхъ, чтобы сокрыть ихъ отъ этого стыда.

Посмотрите же, сколько постыднаго и позорнаго, сколько низменнаго въ нашей душевной жизни: постыдныя мысли, скверныя желанія, нечистыя похоти, позорныя дѣла. Что защититъ насъ отъ всего этого? Какою одеждою покроемся? Защититъ насъ Христосъ Спаситель; одежда наша—Христосъ Спаситель. Онъ научилъ насъ отличать доброе отъ худого; Онъ повелѣлъ намъ бѣгать всего постыднаго, возлюбить правду и возненавидѣть беззаконіе; Онъ и падшимъ и грѣшнымъ даровалъ убѣжище: благодать, покаяніе и прощеніе грѣховъ, омываемыхъ въ водахъ крещенія, въ чистыхъ слезахъ исповѣди. Итакъ, если хочешь, христіанинъ, одѣться во Христа, подавляй въ себѣ все постыдное, нечистое, срамное: пусть не будетъ у тебя ни одной скрытой и тайной мысли, ни одного скрытаго и тайнаго чувства, желанія, или поступка, ничего такого,

чего бы ты не могъ сказать открыто предъ Богомъ и предъ людьми.

Для чего еще дана и назначена одежда? Она защищаетъ насъ отъ многихъ враждебныхъ намъ такъ-называемыхъ стихій природы, вредныхъ для нашего тѣла и здоровья: отъ зноя отъ стужи, отъ вреднаго вѣтра, отъ губительной сырости. И Христосъ Господь защищаетъ насъ, какъ одежда тѣло, защищаетъ душу нашу отъ *стихій міра*, вредныхъ и гибельныхъ для нашей душевной жизни и нашего вѣчнаго спасенія. Сколько кругомъ насъ и въ насъ этихъ стихій міра, этихъ душевныхъ опасностей! Бурею налетаетъ на насъ гнѣвъ, ярость, ненависть; огнемъ насъ жжетъ обжорство, пьянство и блудъ; стужею и морозомъ сковываетъ насъ зависть, отчаяніе, скупость и жадность; какъ промозглая сырость, губятъ навѣки душу лѣность, тунеядство, невѣріе, равнодушіе ко всему высокому и святому. Христіанинъ, ищи спасенія у Христа отъ этихъ стихій міра: Онъ укроетъ тебя въ Церкви святой, Онъ подастъ тебѣ благодатныя, высшія небесныя силы, восполняющія нашу естественную немощь, на борьбу со страстями. И если мы, христіане, укроемся отъ страстей при помощи нашего Спасителя, значить, мы воистину облеклись и одѣлись во Христа, по слову пѣсни церковной.

Елицы во Христа крестистесь, во Христа облекостесь.

Одежда въ жизни обычной служить *украшеніемъ* для человѣка: въ торжественные праздники, въ великіе и памятные дни нашей жизни, или бывая въ многолюдныхъ собраніяхъ, мы стараемся надѣть лучшую одежду и ею украсить себя. И Христосъ спаситель—наша одежда, наше свѣтлое и лучшее украшеніе, конечно, не для тѣла, а для души. Какая похвала человѣку самая высокая, почетная и святая? Часто хвалятъ человѣка: онъ уменъ, дѣльный, умѣлый, энергичный; онъ способенъ, талантливъ, гениаленъ. Но такая похвала—ничто предъ другою, вышею; высшая похвала о человѣкѣ, это сказать: *онъ истинный христіанинъ*. Такому человѣку всѣ довѣряютъ, на него всѣ положатся; около такого человѣка, истиннаго христіанина, всѣмъ хорошо, тепло, свѣтло, уютно, и онъ оставитъ по себѣ въ жизни людей самый свѣтлый слѣдъ, самую доб

рую и долгую память. Христіанинъ, старайся украситья Христомъ и христіанствомъ, старайся снискать похвалу и званіе истиннаго христіанина и тогда ты, по слову пѣсни церковной, облечешься во Христа. Къ этому званію стремился и святой апостолъ: „забывая заднее,—говорить онъ,—и простираясь впередъ, стремлюсь къ цѣли, къ почести вышняго званія во Христѣ Иисусѣ“ (Филип. III, 13—14).

Одежда, наконецъ, отличаетъ человѣка въ обществѣ; по одеждѣ мы судимъ о полѣ, возрастѣ, званіи, должности и положеніи человѣка въ средѣ людей. О, если бы Христосъ былъ въ этомъ отношеніи нашей одеждой! О, если бы въ средѣ мусульманъ, евреевъ, невѣрующихъ насъ сразу замѣчали, какъ христіанъ, по нашему поведенію, по словамъ, отношеніямъ къ ближнимъ, по духу любви христіанской, по силѣ и ревности вѣры. „По тому узнаютъ, что вы Мои ученики, если будете имѣть любовь между собою“,—вотъ что говоритъ намъ Спаситель (Іоан. XIII, 35). Этимъ сильны были древніе христіане; о нихъ именно сказано слово апостола, что они сіяли, какъ свѣтила въ темномъ мѣстѣ (Фил. II, 15); они сразу и наглядно отличались отъ язычниковъ и невѣрныхъ. Въ средѣ язычниковъ, бывало,—пьянство и развратъ: христіане воздержны, чисты и цѣломудренны; у язычниковъ—паденіе семьи, нечистота въ супружескихъ отношеніяхъ, жены мѣняють мужей и мужья женъ: у христіанъ—цѣломудріе, семейственность и строгость нравовъ; язычники идутъ въ театры, цирки, въ шумныя и пьяныя празднества: христіане—въ церкви; язычники шумно распѣвають дикія и непристойныя пѣсни: христіане воспѣвають псалмы; у язычниковъ—ссоры, зависть, ненависть, казни и козни, кровь и убійство: у христіанъ—миръ, взаимная любовь и взаимная помощь; преступники въ тюрьмахъ—всѣ изъ язычниковъ: изъ христіанъ тамъ нѣтъ ни одного. Сами языческіе цари, наконецъ, замѣтили и сознали, что христіане—самые лучшіе отцы и матери, самые дружные братья и сестры, самые честные судьи, самые трудолюбивые работники, самые вѣрные подданные и самые честные граждане и преданные долгу воины. Такимъ образомъ, видно было сразу для всякаго, кто христіа-

нинъ: это и значило, что древніе христіане какъ бы *одѣвались* во Христа.

О, если бы и у насъ, въ нашемъ разновѣрномъ и многоплеменномъ краѣ мы такъ же отличались своимъ христіанствомъ отъ всякихъ другихъ религій, если бы своимъ поведеніемъ мы ясно показывали, что принадлежимъ къ числу учениковъ Христовыхъ! Но если наши мужья и жены такъ ведутъ себя, что мусульмане сторонятся и боятся насъ; если православные русскіе люди такъ пьянствуютъ, что съ ними всѣ боятся имѣть какое-либо дѣло; если въ средѣ православныхъ царятъ ссоры, сплетни, осужденіе, взаимная подозрительность и раздѣленіе, въ то время, какъ прочія племена дружны и сплочены; если мы, православные, холодны и равнодушны къ своей вѣрѣ, а иновѣрцы за свою вѣру стоятъ горой; если наши храмы пусты, а синагоги и мечети полны; если мы не уважаемъ своего духовенства, сочиняемъ про него разные грязные и глупые рассказы, вѣчно ссоримся съ нимъ и осуждаемъ его, а у католиковъ и лютеранъ священникъ—самое почетное и вліятельное лицо,—если все это такъ, то скажите: одѣлись ли мы во Христа? Христіане ли мы по существу, не по имени ли только мы—христіане? Если мусульмане и евреи часто говорятъ намъ: „вѣра ваша хорошая, святая и высокая, да сами вы никуда негодны“,—то это значить, что мы совсѣмъ наги отъ христіанства и какъ бы раздѣты отъ Христа...

Отчего такъ? Оттого, что мы не живемъ съ Христомъ единою и всецѣлою жизнью. Вѣдь Онъ Самъ сказалъ: какъ вѣтвь виноградная не приноситъ плода, если не будетъ на лозѣ, такъ и вы ничего не можете творить безъ Меня... (Іоан. XV, 5). И въ этомъ отношеніи Христосъ—наша одежда. Одежда плотно и тѣсно облегаетъ тѣло, и самага тѣла не видно, а видна только на человѣкѣ одежда: такъ тѣсно мы должны соединиться со Христомъ; мы должны имѣть *умъ Христовъ* (1 Кор. II, 16), какъ говоритъ апостоль; Его ученіе и жизнь должны повториться въ насъ, Онъ Самъ долженъ въ насъ *вообразиться* (Гал. IV, 19). И тогда не будетъ въ насъ ничего нашего, а все Христово; тогда не будетъ въ насъ внѣшняго,

естественнаго, ветхаго, грѣховнаго человѣка, а будетъ постоянно расти въ насъ человѣкъ внутренній, благодатный, новый и святой, обновляемый на всякій день, созданный по Богу въ правдѣ и преподобіи истины (Еф. IV, 24).

Вотъ что значить облечься во Христа! Торжественно и радостно, безъ укора и обличенія звучить пѣснь церковная: *Елицы во Христа крестистесь, во Христа облекостесь...*

Но не звучитъ ли она укоромъ и страхомъ въ нашихъ сердцахъ? Не зоветъ ли она насъ къ отчету?

Есть въ старинныхъ добрыхъ и благочестивыхъ семьяхъ обычай беречь и хранить крестильныя ризки членовъ семьи до самой смерти. Конечно, ризки не спасутъ человѣка, но образъ здѣсь исполненъ глубокаго смысла: мы должны беречь и хранить чистыми и незапятнанными одежды крещенія до послѣдняго вздоха жизни. Загрязнимъ ихъ, запятнаемъ: услышимъ тогда въ небесной вечери грозный голосъ—*какъ ты вошелъ сюда, не имѣя брачнаго одѣянія?* (Мѣ. XXII, 12).

Но, братіе, вѣдь мы всё повинны, всё мы измѣнили обътамъ крещенія, всё пали, всё загрязнили чистыя одежды крещенія. Что же намъ дѣлать? Есть ли намъ спасеніе? Не все ли погибло? Не впадемъ ли въ отчаяніе?

Есть, братіе, *второе рожденіе*. Проповѣдью о немъ и предначалъ свое служеніе нынѣ прославляемый Іоаннъ Предтеча, ишедши на людный путь къ Іордану и взывавшій: *„покайтесь, ибо приблизилось царствіе Божіе“* (Мѣ. III, 2). О немъ же прежде всего проповѣдывалъ и Самъ Господь нашъ и Спаситель по всѣмъ градамъ и весямъ родной земли: *Покайтесь, приблизилось царство небесное* (Мѣ. IV, 17).

И блаженны тѣ, которые, сохранивъ объты крещенія, возродившись вторично въ покаяніи и всею жизнью слѣдуя Христу, могутъ безъ укора и страха, но съ радостью и упованіемъ слушать и воспѣвать вѣчную и святую пѣснь Церкви: *Елицы во Христа крестистесь, во Христа облекостесь!* Аминь.

Безпредѣльная преданность Богу.*

Ты же отыдеши ко отцемъ твоимъ въ мирѣ, препитанъ въ старости добрѣй (Быт. XV, 15).

Какъ будто сегодня и какъ будто именно о почившей матери Нинѣ сказано это библейское слово. Въ глубокомъ мирѣ, въ старости честной и доброй отошла она къ отцамъ своимъ и къ отцамъ своего народа. И если смерть каждаго человѣка-христіанина полна назиданія, если назидательна и смерть младенца, то тѣмъ болѣе исполнена глубочайшихъ поученій и самыхъ памятныхъ уроковъ смерть почившей старицы-монахини. Станемъ же, братіе, у ея гроба, выслушаемъ ея послѣдніе, безмолвные уроки.

Отошедши къ Господу въ глубокой старости, приложившись къ отцамъ своего родного народа, и видимо еще пребывая среди насъ сегодня въ послѣдній разъ своимъ тѣломъ, она является теперь какъ бы вѣстницею иного, горняго міра, голосомъ предковъ, обращеннымъ къ живущимъ и имѣющимъ жить поколѣніямъ. Неразрывна эта таинственная связь прошлаго съ настоящимъ и будущимъ; разорвать, прекратить ее невозможно,—все равно, что признать несуществующими у пожилого человѣка его дѣтство и юность, все равно, что пересѣчь одно живое тѣло пополамъ и ожидать продолженія его жизни. Непреложной этой истинѣ, живой духовной связи настоящаго съ прошлымъ въ его самыхъ лучшихъ и святыхъ завѣтахъ и служила въ долгіе годы своего житія покойная въ этой древней обители древняго Мцхета, хранящаго въ себѣ столько великихъ и святыхъ преданій. И вотъ нынѣ духъ ея предсталъ предъ многими и многими святыми душами на небѣ, нѣкогда украшавшими древній Мцхетъ, сіявшими на этомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ мы съ вами, братіе, сейчасъ пред-

* Слово при погребеніи престарѣлой игуменіи Нины, настоятельницы Самтаврскаго въ Мцхетѣ (въ Грузіи) женскаго монастыря, 3 янв. 1905 г.

стоимъ святому алтарю. Предстала духомъ почившая предъ святою и равноапостольною Ниною, имя коей она носила, на мѣстѣ житія и подвиговъ которой и она подвизалась; узрѣла она святыхъ и блаженныхъ Миріана и Нонну, первыхъ благовѣрныхъ царей Грузіи; узрѣла святыхъ и благочестивыхъ ихъ царственныхъ преемниковъ; узрѣла сонмы первопрестольниковъ въ Иверской Церкви, блаженныхъ архипастырей и пастырей, подвижниковъ, мучениковъ, героевъ народныхъ, кровью своею запечатлѣвшихъ здѣсь во дни нашествія враговъ свою вѣрность родной Церкви и родной странѣ.

Что она скажетъ имъ? Съ полнымъ правомъ скажетъ она имъ: „Вы завѣщали народу Грузинскому Крестъ Господень, вы оставили ему вѣру святую, православную, нерушимую, вы заповѣдали ему законъ Господень, вы дали ему слово Божіе, вы устроили храмы и честныя обители, вы повелѣли сынамъ вашего народа всѣмъ сердцемъ, всею душою, всѣмъ существомъ любить Бога и Его Единого, въ вѣрѣ искать своего спасенія, счастья и смысла всей жизни. Я исполнила ваши завѣты, сколько было силъ; во всѣ дни моей долгой жизни я помнила ихъ и имъ служила. Вотъ моя сѣдая голова, столько пережившая, столько переиспытывавшая: она съ молодыхъ лѣтъ кланялась только Богу Единому, о Немъ Единомъ помышляла. Вотъ мое сердце, теперь переставшее биться; вотъ мои уста, теперь на землѣ безмолвныя; вотъ мое тѣло, нынѣ мертвенное и недвижимое: всѣмъ, всѣмъ существомъ моимъ я уневѣстила Христу моему, служила вѣрѣ, святому православію, какъ престарѣлая евангельская Анна-пророчица, дщи Фануилева, яже не отходила отъ церкви, постомъ и молитвами служащи день и ночь; я презрѣла мое княжеское имя; я оставила міръ, который нѣкогда и мнѣ улыбался, и меня манилъ къ себѣ; я послужила Богу и исполнила святые завѣты предковъ моихъ въ томъ монашескомъ чинѣ, который во дни моего земного житія подвергался такому глумленію, такимъ насмѣшкамъ и гоненіямъ, какихъ не видѣла Церковь святая отъ первыхъ дней своего бытія. Никто не зналъ, никто не видѣлъ, какъ мнѣ въ моемъ монастырѣ, славномъ знатностью и святыми воспоминаніями, пришлось вести жизнь подвига и молитвы и

богомыслия часто въ скудости и нуждѣ, часто въ недостаткѣ хлѣба насущнаго на завтрашній день для меня и моихъ сестеръ, какъ мнѣ приходилось заботиться о томъ, чтобы не разошлись отъ голода овцы моего стада... И только по смерти моей узнали, что у меня ничего не было изъ благъ мірскихъ, что меня и похоронить почти не на что.

Нынѣ я окончила мое земное поприще и преселилась къ граду Бога Живаго, Іерусалиму небесному, къ торжеству и Церкви первородныхъ, на небесѣхъ написанныхъ, и къ духомъ праведныхъ, совершенныхъ, и къ тѣмамъ ангеловъ, и къ Судіи всѣхъ Богу и Ходатаю Завѣта Новаго Іисусу (Евр. XII, 22), моему Жениху Небесному“.

Что же отвѣтитъ новой пришлицѣ на небо святой сонмъ небожителей? Узнаютъ ли ее предки святыя, признаютъ ли ее своею близкою, родною? Они узнаютъ ее по той святой вѣрѣ, которой служили они и служила она; они узнаютъ ее по преданности тому православію, той Церкви Божіей, ея уставамъ и зановѣдямъ, которыми водились въ жизни земной они и которыми и она жила и существовала.

И вѣримъ мы, святыя небожители, молитвенники за землю Иверскую, примутъ почившую въ свой свѣтлый кругъ, и Небесный Женихъ скажетъ ей великое слово: приди, наслѣдуй уготованное тебѣ блаженство; въ маломъ была ты вѣрною, надъ многими тебя поставлю; сѣявшая слезами, пожни теперь радостью; въ дому Отца Моего есть тебѣ обитель...

Здѣсь и намъ поученіе у этого гроба. Монашество не всѣмъ доступно и не всѣ къ нему призываются: только могій вмѣстити да вмѣстить.

Но то, что составляетъ душу монашества, есть душа и христіанства. Стремленіе къ постоянному духовному совершенству; всецѣлое подчиненіе Богу и Его закону; распинаніе плоти со страстями и похотями; подчиненіе чувственности духу; обновленіе въ себѣ образа Божія; отреченіе отъ себялюбія и всѣхъ его страстей плотскихъ и духовныхъ; стремленіе къ бо-гообщенію; соединеніе со Христомъ; постоянное богомысліе, память и приготовленіе къ вѣчной жизни: развѣ это не обязательно для каждаго изъ насъ? „Основа монашества—смирненіе,

душа его—любовь, и конецъ—непрестанное возрастаніе въ духъ и въ любви къ Богу и ближнимъ, въ любви чистой, святой, свободной отъ всего низменнаго и страстнаго“¹⁾: развѣ это не указаніе пути въ царство Божіе для каждаго христіанина?

Услышимъ же голосъ любви и посмертнаго назиданія отъ этого гроба. *Уста мои молчатъ, но сердце въщаетъ*: такъ учить насъ почившая. Оно въщаетъ: подобни мнѣ бывайте; отдайте жизнь вашу всю безраздѣльно, всю безъ остатка Богу и Его закону, Церкви и ея святому водительство. Въ этомъ найдете вы миръ, котораго ищете и не имѣете; въ этомъ богатство, котораго ни червь, ни тля глѣть, котораго воры не подкапываютъ и не крадутъ; въ этомъ ваше счастье на землѣ, къ которому вы идете безъ вѣры, безъ Бога, безъ молитвы и поэтому никогда не найдете; въ этомъ существо жизни и исторіи вашего родного народа; въ этомъ ваша связь съ отжившими поколѣніями славныхъ предковъ, связь живая земли съ небомъ, и въ этомъ ваше вѣчное спасеніе на небѣ!

Не слышится ли вамъ, братіе, и еще мольба почившей? Она гласитъ: я любила эту святую и древнюю обитель, для нея жила, о ней заботилась, и что вы видите здѣсь благоустроеннаго, все это я создавала трудами и заботами, испрашивая средства у добрыхъ людей. Поберегите же, сохраните мое сокровище, не дайте ему погибнуть, поддержите вашу любовью и ревностью къ вѣрѣ и къ дому Божію! Оно вѣдь и ваше сокровище, ваша честь, слава, ваша родная святыня!

Поклонъ тебѣ до земли, мать всечестная, за твои уроки и назиданія, поклонъ благодарный и наши отъ души молитвенныя желанія.

Иди, благодатная душа, иди въ миръ туда, куда позвалъ тебя Господь Богъ, иди къ Жениху твоему Небесному, и да будетъ покой твой—честь.

„Блаженни мертвіи, умирающіи о Господь; ей, глаголетъ Духъ, да почиють отъ трудовъ своихъ“... (Апок. XIV, 13). Аминь.

¹⁾ Еп. Петра „О монашествѣ“.

Вѣчной памяти русскихъ воиновъ-мучениковъ, въ Портъ-Артурѣ убиенныхъ *.

Ихъ было одиннадцать тысячъ убитыхъ! Одиннадцать тысячъ полегли они костью за честь родины, вѣрные долгу, послушные призыву и законамъ отечества, полегли они на окраинѣ Россіи, столь отдаленной, столь недавно вошедшей въ составъ ея земель, что она казалась чужбиною, съ непонятнымъ именемъ Портъ-Артурса, еще вчера ничего не говорившимъ русскому слуху.

И вотъ, теперь этотъ далекій городъ, политый русскою кровью, уже занятый торжествующимъ врагомъ, сталъ до боли близкимъ каждому русскому человѣку. Отнынѣ съ именемъ Портъ-Артурса возстаетъ предъ нами отрѣзанная отъ всего міра крѣпость, съ запертымъ въ ней русскимъ воинствомъ, геройски сопротивлявшимся сильнѣйшему врагу до послѣдней возможности; встаетъ предъ нами крѣпость, гдѣ погублено столько жизней, похоронено столько надеждъ, гдѣ пролито столько слезъ и крови, гдѣ вынесено столько неимоверныхъ страданій, гдѣ на днѣ океана упокоился погибшій русский флотъ. Отнынѣ это великое кладбище русскихъ мучениковъ стало близко десяткамъ и сотнямъ тысячъ русскихъ отцовъ и матерей, дѣтей-сиротъ, братьевъ и сестеръ, родныхъ и близкихъ, потерявшихъ дорогихъ сердцу подъ стѣнами Портъ-Артурса; оно близко и дорого стало и каждому русскому сердцу; никто и ничто теперь не вычеркнетъ его изъ памяти и сознанія русскихъ людей и со страницъ русской исторіи: оно куплено слишкомъ великою кровавою жертвою одиннадцати тысячъ убитыхъ, страданіями пятнадцати тысячъ раненыхъ и больныхъ воиновъ, невѣроятными лишеніями и трудами оставшихся въ строю защитниковъ крѣпости, вынесшихъ такіе тя-

* Рѣчь на панихидѣ 9-го января 1905 года въ Сіонскомъ Тифлискомъ соборѣ, при священнослуженіи экзарха Грузіи.

желые дни и ночи въ долгіе мѣсяцы осады, что участь убитыхъ и умершихъ казалась имъ завидною.

Изъ дальняго плѣна, изъ вражеской страны оставшіеся въ живыхъ вернутся когда-нибудь на родину и повѣдаютъ намъ во всѣхъ потрясающихъ подробностяхъ, какъ жили порть-артурскіе узники и что они вынесли. Но и теперь, и безъ ихъ рассказовъ мы можемъ ясно представить себѣ ихъ положеніе при непрерывныхъ бояхъ, когда приходилось сражаться буквально дни и ночи безъ перемѣны даже для короткаго отдыха; когда не достало ни боевыхъ снарядовъ, ни жизненныхъ припасовъ, ни лѣкарствъ для больныхъ и раненыхъ, въ то время, какъ цынга, тифъ и другія болѣзни косили косою смерти порѣдѣвшіе ряды защитниковъ крѣпости, какъ бы вступивъ въ союзъ съ внѣшнимъ врагомъ; когда не успѣвали и не могли хоронить тысячи убитыхъ, и они гнили на открытомъ воздухѣ, заражая его ужасающимъ зловоніемъ; когда больныхъ бросали безъ призора, и они, едва держась на ногахъ, продолжали сражаться; когда раненые по нѣскольку разъ возвращались въ строй до новыхъ тяжкихъ ранъ или смерти; когда „люди стали тѣнями“, и одни падали мертвыми у орудій отъ полнаго изнеможенія, а другіе отъ сграшной усталости переставали понимать человѣческую рѣчь и слова команды; когда, наконецъ, страдальцамъ, отрѣзаннымъ отъ міра и оставленнымъ, ужъ не видѣлось впереди никакой помощи и спасенія...

И все-таки больные выздоравлиютъ, живые возвратятся домой; они услышатъ привѣтъ родины, почтительное удивленіе всей Россіи, благодарное слово и награду отъ Царя; имя ихъ будетъ славно, и до конца дней для cadaго изъ нихъ одно слово: „я былъ и сражался въ Порть-Артурѣ“ будетъ честью и безспорною похвалою. Они увидятъ родное небо, родное солнце, родную природу, родныхъ людей, родные храмы...

Но что сказать вамъ, одиннадцать тысячъ убитыхъ?! Кто теперь прольетъ слезу надъ вашими дальними безвѣстными могилами? Кто утѣшитъ васъ и восхвалитъ за пролитыя слезы, за голодъ и жажду, за страданія и кровавыя горящія раны? Гдѣ теперь, милые, ваша родина, ваше небо, ваше солн-

це, гдѣ вашъ храмъ и гдѣ вы служите Богу, Котораго возлюбили?

Видѣлъ нѣкогда новозавѣтный Тайнозритель Іоаннъ: „Взглянулъ я,—говоритъ онъ,—и вотъ, великое множество людей, котораго никто не могъ перечестъ, стояло передъ престоломъ и Агнцемъ въ бѣлыхъ одеждахъ и съ пальмовыми вѣтвями въ рукахъ своихъ... И начавъ рѣчь, одинъ изъ старцевъ спросилъ меня: сіи, облеченные въ одежды бѣлыя, кто они и откуда они пришли? И... сказалъ мнѣ: *это тѣ, которые пришли отъ великой скорби...* За это они пребываютъ нынѣ предъ престоломъ Бога и служатъ Ему день и ночь въ храмѣ Его, и Сидящій на престолѣ будетъ обитать въ нихъ. Они не будутъ уже ни алкать, ни жаждать,—и не будетъ палять ихъ солнце и никакой зной (Апок. VII, 9—16). И отречъ Господь всякую слезу отъ очей ихъ, и смерти уже не будетъ, ни плача, ни вопля, ни болѣзни уже не будетъ, ибо прежнее все прошло (XXI, 4). Для нихъ уготованъ на небѣ новый и великій городъ, святой Іерусалимъ... Господь Богъ Вседержитель—Храмъ его и Агнецъ; и городъ не имѣетъ нужды ни въ солнцѣ, ни въ лунѣ для освѣщенія своего, ибо слава Божія освѣтила его и свѣтитильникъ его—Агнецъ. Ворота его не будутъ запираются днемъ, а ночи тамъ не будетъ. И принесутъ въ него славу и честь народовъ“ (X, 22—26).

Вотъ гдѣ покой вашъ, родные наши герои, павшіе смертью храбрыхъ, вотъ вашъ новый городъ и ваша вѣчная новая родина!

Но и въ царство вѣчнаго вашего покоя проникнетъ къ вамъ молитва любви съ вашей родины земной. И слезы, горючія слезы вашихъ вдовъ и сиротъ-дѣтей, отцовъ и безутѣшныхъ матерей, родныхъ и близкихъ сольются со слезами вашего родного народа: океаномъ горя народнаго поднимутся онѣ до самаго неба, достигнуть вѣчнаго града вашего, вашей новой отчины и предстанутъ, безмолвныя, предъ Сидящимъ на престолѣ и будутъ умолять о васъ Вѣчную Правду... Долго-долго будутъ онѣ литься по скорбному лицу вашей земной страдающей родины: развѣ не просочатся онѣ и до вашихъ земныхъ могилъ, развѣ не омоютъ онѣ вашихъ страдальческихъ костей?

Господи, Ты пріялъ къ Себѣ одиннадцать тысячъ убиенныхъ братій нашихъ... Больно намъ, горько намъ, Господи! Услыши стонъ самой земли нашей и вопль народа, на которомъ отъ лѣтъ древнихъ наречено имя Твое: прими души убиенныхъ съ міромъ и окомъ благоволенія призри на ихъ кровавую великую жертву! Вѣчная благодарная память имъ на землѣ родной, и вѣчная, вѣчная имъ память въ молитвахъ Церкви и въ очахъ милующаго ихъ Бога! Аминь.

Грозныя знаменія.*

Горе тебѣ, Хоразине, горе тебѣ Виесаидо! Яко еще бы въ Тирѣ и Сидонѣ явлены быша силы, бывшія въ васъ, древле убо во вретнищи и пепелѣ покаялися быша! (Ме. XI, 21).

Не тѣ кровавыя силы и знаменія, которыми Господь нынѣ поражаетъ Россію, разумѣль Спаситель, когда предрекалъ горе упорнымъ и окаменѣлымъ жителямъ Хоразина и Виесаиды. Но силы и знаменія Божіи, какъ ни различны по виду и существу, будутъ ли онѣ грозными и устрашающими, будутъ ли они полными милости и благоволенія, имѣютъ цѣль одну: воспитать людей для царства Божія, приблизить ихъ къ Богу, попалить въ нихъ всѣ тернія грѣха, заставить одуматься, остановиться въ грѣховномъ паденіи. И, видно, слишкомъ окаменѣло наше сердце, видно много грѣховъ отяготѣло надъ русскими людьми, если „гласъ хлада тонка“,—гласъ милости и благодати Господь перемѣнилъ на громы гнѣва и прещенія. Видно, насъ могутъ разбудить и отрезвить только грозные удары несчастій...

Выстрѣлъ за выстрѣломъ, взрывъ за взрывомъ, кровь за

* Рѣчь на панихидѣ по убиенномъ Великомъ Князѣ Сергіи Александровичѣ 5 февраля 1905 г.

кровью и убійство за убійствомъ на русской землѣ. И вотъ еще пролилась кровь, благородная кровь ближайшаго Сродника Государева... Не въ честномъ бою, не предъ лицомъ открытаго ополчившагося врага, а отъ злодѣя, изъ-за угла поджидавшего жертву, отъ фанатика, исповѣдующаго убійство во имя жизни и насиліе во имя свободы, палъ Царскій Сродникъ и Слуга. Послѣдняя ли это кровь вѣрныхъ сыновъ Россіи?

Люди русскіе, одумаемся! Знаменія Господни зовутъ насъ къ этому. Зовутъ покаяться, очиститься, *объединиться* въ вѣрѣ въ Бога, въ преданности Церкви, въ любви къ родинѣ, *объединиться* противъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ. Государство въ опасности, люди гибнутъ на войнѣ и внутри страны, презрѣнное и гнусное убійство вышло изъ темныхъ угловъ и нагло показывается на улицахъ, а сыны народа, почитаемые его мыслящею частью, какъ-будто ничего не случилось, твердятъ и твердятъ о своихъ мечтательныхъ и заморскихъ идеалахъ, своими писаніями плодятъ и плодятъ недовольство въ странѣ вмѣсто успокоенія, несутъ раздѣленіе, раздоры вмѣсто мира и согласія. Идетъ горячее обсужденіе внутреннихъ вопросовъ жизни въ кругахъ правительственныхъ, и въ особенности на страницахъ печати; одно поражаетъ въ этой работѣ—это желаніе вездѣ поступиться и пожертвовать прежде всего одними интересами вѣчными, высшими, святыми, религіозными, небесными ради земныхъ, это намѣренное замалчиваніе о Богѣ, о Церкви и о душѣ народной жизни—его святой православной вѣрѣ.

Люди русскіе, одумаемся! Судь при дверяхъ. Господь близъ. Жертвы кровавыя передъ нами.

Поминая молитвою эту новую и страшную жертву—убіеннаго Великаго Князя Сергія Александровича, восплачемъ о немъ, восплачемъ о растерзанномъ сердцѣ Царя, о несчастной, терзаемой Россіи, восплачемъ и о себѣ самихъ!

„Думаете ли вы,—говоритъ Спаситель,—о жертвахъ убійства своего времени,—думаете ли, что эти убитые галилеяне были грѣшнѣе всѣхъ галилеянъ, что такъ пострадали: нѣтъ, говорю вамъ, но если не покаетесь, всѣ такъ же погибнете!“ (Лук. XIII, 2—3). Аминь.

Благо въ смерти.*

Обратися, душе, въ покой твой, яко
Господь благо сотвори тебѣ... (Псал. 114, 7).

Благослови, преосвященнѣйшій владыко, благовѣстителя слова любви и почитанія къ тебѣ, отъ лица твоихъ близкихъ, сослужителей и подчиненныхъ, въ послѣдній разъ благослови, преосвященнѣйшій владыко!

И прежде всего прими благовѣстіе отъ слова Божія, ко-
ему измлада ты научился, умудряясь во спасеніе (2 Тим. III, 15), ко-
ему повѣрялъ ты свою жизнь земную и всю свою дѣя-
тельность. Благовѣстіе тебѣ изъ устъ святаго пророка, изъ
глубокой древности вѣщающаго, въ чаяніи богоявленія Хри-
стова, къ намъ милостивно бывшаго: *„Исаіа, свѣтъ видѣвъ не-
вечерній, изъ нощи утренневавъ, зываше: воскреснутъ мертвіи
и возстанутъ сущіи во гробѣхъ и вси земнородніи возрадуются“*
(Кан. Велик. Субб. при погреб. іереевъ, пѣснь 5-я). Да будетъ
же тебѣ посохомъ въ путь всея земли это слово пророка, по-
среди тьмы и сѣни смертной, въ предвѣдѣніи и ожиданіи
свѣта невечерняго.

Благовѣстіе тебѣ отъ святаго апостола: *„Никтоже бо насъ
себѣ живеть, и никтоже себѣ умираеть. Аще убо живемъ,
Господеву живемъ; аще же умираемъ, Господеву умираемъ: аще
убо живемъ, аще умираемъ, Господни есмь. На сіе бо Хри-
стось и умре, и воскресе, и оживе, да и мертвыми и живыми
обладаетъ“* (Римл. XIV, 7—9).

Да будутъ тебѣ и намъ свѣтильникомъ эти слова, уясня-

* Слово на литургіи предъ погребеніемъ преосвященнаго Вениамина, епи-
скопа Горійскаго, 19 февраля 1905 г.; сказано въ Тифл. Сіонск. соборѣ.

Слово это написано и сказано при особыхъ обстоятельствахъ: г. Тифлисъ
былъ охваченъ революц. движеніемъ, на улицахъ были войска; соборъ былъ пустъ
во время богослуженія и отпѣванія; самъ авторъ этого слова былъ приговоренъ
къ смерти мѣстнымъ революц. комитетомъ и шелъ на службу въ соборъ и обратно
подъ военною охраною... Посему въ словѣ много личнаго переживанія въ виду
смерти, которая представлялась почти неизбѣжною..

ющимъ недоумѣнную тайну твоего раннего отъ земли отшествия.

Но превыше всего благовѣсте прими отъ Того, Кто есть *Свидѣтель вѣрный* (Апок. I, 5), свидѣтельство Котораго есть *ей и аминь* (2 Кор. I, 20), Кто Самъ былъ мертвъ и *се живъ есть во вѣки вѣковъ* (2 Кор. I, 8), Кто есть *путь и истина* (Иоанн. XIV, 5), и *воскресеніе и жизнь* (XI, 25); Свидѣтель сей говоритъ тебѣ: *сущи во гробѣхъ услышатъ гласъ Сына Божія и, услышавше, оживутъ* (V, 25).

Да будетъ тебѣ слово это вѣнцомъ славы и радости, вѣчнымъ благовѣстіемъ вѣчнаго Бога во странѣ и царствѣ вѣчности.

Благослови, пресвященнѣйшій владыко, благовѣстителя и земнаго человѣческаго слова любви и утѣшенія, при видѣ твоего гроба. И это слово беретъ начало отъ слова Божія:

Обратися, душе, въ покой твой, яко Господь благо сотвори тебѣ.

Благо сотворилъ тебѣ Господь, пославши къ тебѣ ангела смерти въ эти тяжкіе дни, нами переживаемые. И если всегда нужно памятовать, что *міръ*, тобою покинутый, *весь во зль лежитъ* (Иоанн. V, 19); если всегда нужно помнить, что *земля и яже на ней дѣла сгорятъ* (2 Петр. III, 10), что *плоть и кровь царствія Божія не наследятъ* (1 Кор. XV, 50): то особенно все это само собою напоминаетъ намъ нынѣ, при видѣ повсюдной смуты, при этомъ широкомъ разливѣ нечестія, при этомъ возстаніи противъ Бога и Христа Его,—что очи наши наблюдаютъ въ окружающей жизни. Зналъ ли ты объ этомъ горѣ Церкви и родины, ты, удаленный отъ міра своею долгою и тяжелою болѣзнью? О, не только зналъ и страдалъ, когда въ священный часъ нареченія въ епископа, какъ бы прощаясь съ прошлою жизнью и службою, поминалъ горячимъ словомъ любви твоихъ бывшихъ прихожанъ—крестьянъ далекой русской деревни, твоихъ наставниковъ въ высшей школѣ, подарившихъ тебя свѣтлыми радостями, и твоихъ питомцевъ, утѣшавшихъ тебя успѣшнымъ духовнымъ возрастаніемъ. Ты пророчески рисовалъ себѣ трудности предстоящаго времени и предстоящаго служенія архипастырскаго. Ты говорилъ тогда:

„Несравненно труднѣйшій путь жизни предстоитъ мнѣ въ будущемъ, ибо придется уже имѣть дѣло не столько съ до-вѣрчивымъ простымъ народомъ, сколько съ людьми разныхъ состояній и направленій, часто съ врагами Церкви Христовой, которые въ настоящее время, особенно, подобно хищнымъ волкамъ (Мѡ. VII, 15), со всѣхъ распутиѣ лжеименнаго разума устремляются на нее, постоянно волнуютъ ее и производятъ въ ней смуты и нестроенія. *Дни наши лукавы* (Еф. V, 16). Страшная гордость, самомнѣнiе и себялюбiе, прикрываясь отчасти цѣлями облагодѣтельствованiя челоуѣчества материальными благами, а во многихъ случаяхъ прямо, неприкровенно, *во имя свое* (Юанн. V, 43) собрались на Господа и Христа Его, чтобы расторгнуть узы Ихъ и свергнуть съ себя иго Ихъ (Пс. 2, 3). И не только противъ вѣры Христовой и Церкви православной гордость и себялюбiе такъ настойчиво ратуютъ, но для нихъ ненавистенъ и всякiй порядокъ гражданскiй, способствующiй „тихой и безмятежной жизни во всякомъ благочестiи и чистотѣ“ (1 Тим. II, 2).

Ты угадалъ тогда, владыко, грядущiя скорби. Развѣ не болѣло твое вѣрующее сердце, развѣ не страдала твоя архипастырская ревность при видѣ нынѣшняго возстанiя на Церковь? Развѣ не терзалась душа твоя при видѣ скорбей родины? И удивительно ли, что когда ты умеръ, когда вѣсть о твоей кончинѣ достигла слуха твоихъ близкихъ и любящихъ,—удивительно ли, если, послѣ молитвы о тебѣ, они единодушно высказали мысль, что нынѣ воистину *блажени мертви* (Апок. XIV, 13), а не живые, очи которыхъ лучше бы не видѣли того, что творится вокругъ? *Отмюдуже гласъ Юва услыши глаголюща: смерть мужу покой есть...* (Погреб. свящ. блаженны).

Благо сотворилъ тебѣ Господь, воззавъ отъ земной юдоли во страну вѣчности, туда, куда такъ стремилась душа твоя. Ты былъ мужемъ пытливаго ума, ты былъ *мужъ желанiй*. Наука, чтенiе, размышленiя, умственные занятiя наполняли весь досугъ твой. Твое богатство и твои друзья—книги; онѣ только и бросаются въ глаза въ твоемъ скромномъ жилищѣ. Ты искалъ въ нихъ истины, правды, вѣдѣнiя, ты вдаль душу твою взыскати премудрости. Но развѣ земля и

все земное могли бы дать тебѣ удовлетвореніе? Развѣ приложивый разумъ не умножаетъ здѣсь болѣзни (Екл. I, 18)? Увы!—мы видимъ здѣсь истину только, яко зеркаломъ въ гаданіи, мы нынѣ разумѣемъ только отчасти... (1 Кор. XIII, 12). Обратися же, душа благодатная и жаждущая Истины, Добра и Красоты, обратися въ покой твой богоданный: нынѣ разрѣшится твоя жажда вѣдѣнія въ полноту обладанія истиною не прикровенно, а лицомъ къ лицу; нынѣ познаешь ее, якоже познать былъ (1 Кор. XIII, 12); нынѣ падутъ мучительныя колебанія и сомнѣнія, мучительное сознаніе немощи и слабости духа въ познаніи сущаго; нынѣ узнаешь то, *изъ же око не видѣть, и ухо не слыша и на сердце челоуѣку не възидоша...* (1 Кор. II, 9). Имъ же образомъ желаетъ елень на источники водные, сице желала душа твоя къ Богу крѣпкому, живому, когда явишься лицу Божію (Пс. 41, 1—2); возлюбленны были для тебя селенія Господа силъ, желала и скончалась душа твоя во двory Господни (Пс. 83, 2—3): вниди же нынѣ, рабъ благій и вѣрный, въ радость Господа твоего (Мф. XXV, 23), и осіяетъ тебя свѣтъ истины небесной, и вѣчныхъ благихъ, и безконечныя, блаженныя жизни наслажденіе! Ты вступилъ нынѣ въ міръ высшій, духовный, въ которомъ съ большею свободою раскроется все, что есть въ душѣ нашей высокаго, вѣчнаго и божественнаго, „гдѣ истина безъ покрова, добродѣтель безъ борьбы и вѣнцы безъ терніевъ“...

Благо сотворилъ тебѣ Господь, положивъ смертью конецъ твоимъ земнымъ страданіямъ. Бѣдность дѣтства и юности; слабость здоровья отъ самой молодости; недолгая семейная жизнь, а потомъ непрерывная тяжкая болѣзнь, постоянная, упорная, изнуряющая, лишаящая покоя, препятствующая работѣ, къ которой ты стремился; сознаніе слабости силъ и недостаточности труда, который ты могъ вносить въ дѣло служенія; тяжкіе и мучительныя послѣдніе мѣсяцы жизни, мѣсяцы непрерывной борьбы со смертью: вотъ равномученическій подвигъ долговременныхъ скорбей и страданій твоихъ. Кончились нынѣ смертью твои страданія; крестъ, тебѣ данный, съ вѣрою, терпѣніемъ и упованіемъ ты донесъ до общаго всѣмъ предѣла. И воистину, ты получилъ нынѣ

удѣль лучшей и совершеннѣйшей, по слову Василия Великаго: „Нѣсть убо, Господи, рабомъ Твоимъ смерть, исходящимъ намъ отъ тѣла и къ Тебѣ, Богу нашему приходящимъ, но преставленіе отъ печальнѣйшихъ на полезнѣйшая и сладостнѣйшая, и на упокоеніе и радость“. (Изъ мол. Пятидес.)

Разорилась земная твоя храмина (2 Кор. V, 1), умерло твое настрадавшееся тѣло, но отъ сна смертнаго возстанетъ оно нѣкогда и въ новой силѣ, и въ новой красѣ: *„Съется въ тлѣни, возстаетъ въ нетлѣни; съется не въ честь, возстаетъ въ славу; съется въ немощи, возстаетъ въ силу; съется тѣло душевное, возстаетъ тѣло духовное“* (1 Кор. XV, 42—44).

Но и чрезъ это немощное и слабое тѣло, которое причинило тебѣ столько страданій и нынѣ отказалось служить орудіемъ твоего свѣтлаго духа, Господь благо сотворилъ тебѣ. Оно страданіями приуготовило тебя къ вѣчности; вмалѣ поживъ, ты исполнилъ лѣта долга (Прем. IV, 13), и наслѣдуешь жилище на небесахъ, домъ нерукотворенный и вѣчный (2 Кор. V, 1). Отпала нынѣ солома, чтобы отдѣлилось зерно чистое и дорогое, которое готово стало для небесной житницы; созрѣлъ гроздь твоей жизни для Небеснаго Виноградаря. Какую печать красоты душевной наложили на тебя страданія! Они приучили тебя къ уединенію, къ необыкновенному воздержанію, къ сознательному терпѣнію, къ покорности волѣ Божіей, въ которыхъ воспитывался и созрѣвалъ для Бога и неба духъ твой; они содѣлали сердце твое столь широкимъ въ любви и благожелательности, что въ немъ никому не было тѣсно (2 Кор. VI, 12); они дали тебѣ ту превознесенность надъ всею мірскимъ, надъ всякою мелочностью и суетою, которая въ связи съ твоимъ прямодушіемъ, искренностью и правдивостью являла тебя предъ нами въ такой высокой красотѣ истиннаго и обаятельнаго благородства духа. Если бы нужно было написать на этомъ гробѣ твоемъ изреченіе, всецѣло и лучше всего рисующее твой образъ, то оно готово и изречено въ святыхъ словахъ евангелія: *„Блаженн чистіи сердцемъ, яко тии Бога узрятъ“* (Мѣ. V, 8).

И когда твое сердце страданіями усовершилось и очисти-

лось до способности боговидѣнія, ты взять былъ отъ земли живыхъ. Въ твой далекій путь *пойдутъ вслѣдъ за тобою дѣла твои* (Апок. XIV, 13): твоя глубокая вѣра, твоя горячая ревность по дому Божию, твоя преданность долгу, твоя любовь, благородство, правда слова и дѣла и чистота сердца. Прости насъ, преосвященнѣйшій, въ чемъ мы повинны предъ тобою, и, въ лицезрѣніи вѣчнаго Бога, помяни въ любви твоей насъ скорбныхъ и нынѣ во многихъ обстояніяхъ сущихъ.

Обратися, душе, въ покой твой, яко Господь благо сотвори тебѣ. Но въ твоёмъ могильномъ покоѣ, почивая въ благоуханіи святыхъ этого вѣковаго храма, ты будешь здѣсь всегда слышать молитвенное слово, отрадное для твоего духа, и вѣримъ, оно услышано будетъ и Богомъ; слово это сонмъ священства будетъ тебѣ гласить: *Архіерейство твое да помянетъ Господь Богъ во царствіи Своемъ всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ.* Аминь.

Вѣрность Распятому.*

Желаніемъ и призваніемъ достопочтеннаго начальника этого учебнаго заведенія и его ближайшаго помощника я призванъ сказать вамъ сегодня, учащіеся юшники, проповѣдное церковное слово. Но, странникъ и пришелецъ, случайный гость и проѣзжій, что бы могъ я сказать вамъ истинно-учительнаго и полезнаго, кромѣ общихъ мѣстъ и общихъ пожеланій? Поэтому не безъ смущенія принялъ я слово предложенія. Но то было только въ первый моментъ неожиданности. Я вспомнилъ, что мы съ вами—родные и близкіе по общности воспитанія и обученія, по общимъ задачамъ и призванію жизни. Я вспомнилъ, что самъ я—питомецъ духовнаго учебнаго заведенія, и цѣлою вереницею вслѣдъ за-

* Сказано въ церкви Ардонской духовной семинаріи, Терской области, въ нед. 3-ю поста. Составл. отчасти по руководству поучен. протоіер. Гиларовскаго.

тѣмъ обступили меня воспоминанія молодости и времени учения. И я увидѣлъ, что намъ, хотя и незнакомымъ людямъ, есть о чемъ побесѣдовать съ вами съ церковной кафедры. И самое слово и даять и укажетъ намъ Тотъ, Кто изображенъ на этомъ св. Крестѣ, что Церковь изнесла нынѣ на поклоненіе вѣрующимъ въ преполовеніе Четырехдесятницы.

Поминай Господа Іисуса Христа (2 Тим. II, 8),—говорить св. апостолъ всякому вѣрующему. И не только въ подкрѣпленіе и утѣшеніе въ дни поста, но и во всякой печали, во всякой радости, во всякомъ подвигѣ, во всѣхъ и всякихъ обстоятельствахъ христіанинъ у Креста Господня найдетъ и подкрѣпленіе, и вразумленіе. Мнѣ думается, что по обстоятельствамъ переживаемаго времени и по настроенію современныхъ духовно-учебныхъ заведеній умѣстно и благовременно намъ сегодня у Креста Господня вспомнить изреченіе этого Божественнаго Страдальца незадолго предъ крестными муками: „Вотъ, наступаетъ время и настало уже, что вы разсѣетесь каждый въ свою сторону и Мене единого оставите“ (Іоан. XVI 32). Стоя предъ этимъ Крестомъ Господа Іисуса, не слышите ли вы, юноши, какъ укоромъ звучитъ для васъ слово Его, и не говорить ли вамъ Спаситель: и нынѣ есть время, да разыдетесь кійждо во своя и Мене единого оставите?...

Исполнилось буквально это предреченіе Господа. Когда Синедрионъ объявилъ Его внѣ закона, и каждому послѣдователю грозилъ отлученіемъ, Господь остался почти одинъ: оставилъ его и 38-лѣтній разслабленный, и воскрешенный сынъ вдовы Наинской, и исцѣленные слѣпые, хромые и прокаженные. Онъ восходилъ въ Іерусалимъ одинокій, ученики ближайшіе только сопровождали Его, но слѣдовали за Нимъ далеко позади и въ страхѣ. Вотъ Онъ въ Іерусалимѣ; здѣсь готовится уже предательство; Его Пасха, торжественная Пасха, дѣлается вечерей *тайною*, послѣ нея тайно же и скрытно идетъ Онъ на молитву въ Геесиманію. Но все же еще съ Нимъ хоть вдали ученики; все же враги боятся схватить Его при народѣ; робко и скрытно идутъ войны на безоружнаго, тревожатся преступные первосвященники. Но вотъ Онъ схваченъ, и тогда все болѣе и болѣе исполнялось слово Его: и Мене единого

оставите. Ученики бѣжали; двое восхотѣли видѣть кончину: но одинъ теряется и блѣднѣетъ отъ вопроса служанки и оставляетъ Учителя, другой слѣдуетъ издали, какъ безмолвный свидѣтель происходящаго. И на Голгоѣ нѣтъ учениковъ Его; пока было зрѣлище крови, пока раздавались стоны казненныхъ, лилась кровь, слышались вопли одного и проклятiя другого разбойника, извивались въ страшныхъ мукахъ распятыя тѣла,—кровожадная толпа стояла и смотрѣла. Но вотъ стали стихать стоны, приближался конецъ, надвигалась ночь смерти надъ несчастными,—и толпа оставила Голгоѣ. Дольше всего оставались у Креста Господня любовь и дружба: ибо муриносицы, какъ сказано въ евангелии, стояли издавеча зряще, гдѣ Его полагаху, но послѣ погребенiя ужъ всѣ быстро оставили Его во гробъ, на покой великой субботы, и всѣ близкіе Его были въ горѣ, страхѣ и трепетѣ, разрозненные, разсѣянные; они не знали, что же дѣлать дальше и не видѣли никакой возможности продолжать дѣло Христово, которое для нихъ вмѣстѣ съ Тѣломъ Иисусовымъ казалось навѣки заключеннымъ во гробъ. Такъ буквально исполнились слова Христа: всѣ вы разсѣетесь каждый въ свою сторону и Мене единаго оставите.

Что же, будемъ ли осуждать робость учениковъ? Но вѣдь они дѣйствительно были растерзаны сердцами; у нихъ отнято было ихъ сокровище, и думалось, что оно зашло во гробъ навѣки, и все кончено, и все потеряно. И все же, когда осіялъ ихъ свѣтъ воскресенiя, они всѣ собрались и объединились, они жизнь отдали Христу, они благовѣствовали Его до послѣднихъ земли.

Не будемъ осуждать ихъ. Лучше обратимъ вниманiе на себя самихъ. И мы видѣли свѣтъ Его воскресенiя, мы знаемъ уже и силу и славу Распятаго; мы видѣли исполненiе слова Его: если Я буду вознесенъ отъ земли, всѣхъ привлеку къ Себѣ. Мы взываемъ, какъ и вчера зывали: Твоимъ Крестомъ, Христе Спасе, смерти держава упразднися и діавола крѣпость упразднися... Мы видѣли исполненiе словъ Господа: если зерно пшеничное, падши въ землю, не умретъ, то останется одно, а если умретъ, то многъ плодъ принесетъ.... Мы видѣли, какой воистину великій и многъ плодъ принесъ Хри-

стось на землю, поднявъ жизнь людей до высоты духовной недосыгаемой.

Что же мы? Не оставляемъ ли и мы нынѣ Христа единымъ? Духовные юноши, юноши, готовящiеся для служенiя Церкви, о Христѣ ли помышляютъ, Ему ли единому желаютъ посвятить свою жизнь? Скажите вы, юноши, предъ Крестомъ Иисуса: о чемъ вы мечтаете, о томъ ли, чтобы продолжать на землѣ дѣло Христово, быть пастырями и учителями Его овецъ, или о жизни мiрской, удаленной отъ Иисуса Господа?

Вотъ толпа кричала и вопила: распни Его; вотъ ученики бѣжали отъ Него страха ради иудейска; вотъ Пилатъ, не найдя въ Немъ вины, услыша крики, тоже отказался отъ Праведника и отдалъ Его на пропятiе. Всѣ они испугались толпы и ея криковъ,—того, что теперь принято называть общественнымъ мнѣнiемъ. И Пилату казалось, что онъ уступилъ этому общественному мнѣнiю. Не видѣлъ онъ и не зналъ, какъ между народомъ ходили подстрекатели отъ Синедриона, какъ они грозили, что жизнь Иисуса есть смерть еврейскаго племени, какъ они внушали крики „распи“ той самой толпѣ, которая всего нѣсколько дней назадъ еще кричала Христу: „Осанна“. Не таково ли и нынѣ общественное мнѣнiе? Не плодъ ли это часто работы немногихъ крикуновъ, прикрывшихся громкими фразами и благомъ народовъ и племенъ? И не такова ли нынѣ сила общественнаго мнѣнiя? Не опустошаетъ ли оно ряды служителей Бога, не дѣйствуетъ ли оно, именно оно въ средѣ духовныхъ воспитанниковъ, которыхъ тянутъ къ бунтамъ, волненiямъ и забастовкамъ, чтобы они не отстали отъ другихъ, которымъ внушаютъ отвращенiе къ будущему духовному служенiю, которые поголовно тянутся къ мiру, въ свѣтское служенiе, въ свѣтскiя школы, лишь бы подальше отъ ограды Христовой? Вспоминается мнѣ,—простите за это отступленiе къ личной жизни,—вспоминается время молодыхъ лѣтъ по окончанiи ученiя въ духовной школѣ. Жизнь мiра не только тянула къ себѣ, но открывала широкую дорогу службы... И вотъ, въ душѣ возникла тяжкая борьба: куда идти?.. Въ минуту душевной тревоги, стоя въ церкви въ этотъ самый воскресный день Великаго поста, я услышалъ слово нынѣшняго апостоль-

скаго чтенія, которое слышали и вы сегодня: И никтоже самъ себѣ пріемлетъ честь, но только званый отъ Бога, якоже Ааронъ... Это слово рѣшило сомнѣнія, и въ тотъ же день указало мнѣ путь къ священству. Съ тѣхъ поръ мнѣ не пришлось ни разу покаяться въ принятомъ рѣшеніи!

Возлюбленные юноши! Да подастъ вамъ Господь преслѣянiе премудрости, житія и вѣры и разума духовнаго! Помните, что вы званы отъ Бога, якоже Ааронъ: званы своимъ воспитаніемъ духовнымъ и предназначеніемъ отъ лѣтъ дѣтства. Позорна всякая измѣна, но измѣна Богу и служенію Его и Церкви Его, измѣна только по соображеніямъ себялюбія и корысти, стократъ позорнѣе! Не увлекайтесь общественнымъ мнѣніемъ и стадностью, не поддавайтесь громкимъ фразамъ оправданія: я, молъ, не имѣю призванія идти на служеніе Церкви... Большинство повторяющихъ эти фразы о призваніи ничего о немъ на дѣлѣ не думаютъ и находятъ его въ томъ, что изъ врачей душъ людей обращаются въ врачей скотовъ, или мечтаютъ о службѣ по измѣренію водки и спиртныхъ напитковъ: и это называютъ призваніемъ!.. Забываютъ, что если рассуждать о недостойнствѣ быть служителемъ Церкви, какъ о причинѣ отказа отъ этого служенія, то вѣдь надо такъ же рассуждать о недостойнствѣ быть христіаниномъ и, слѣдовательно, отказаться и отъ христіанства... Тогда въ полномъ смыслѣ исполнится слово Христа Иисуса: Мене единаго оставите.

Твердость и вѣрность, благородство и мужество познаются въ испытаніяхъ. Въ нынѣшнее тяжкое время, когда молодежь изъ учащейся обратилась въ неучащуюся, когда ее осаждаютъ соблазнители и совратители, когда ее толкаютъ изъ духовной школы на широкія мірскія распутія мысли и жизни, на путь безпорядковъ и всякаго рода „требованій“: сохраните, возлюбленные, вѣрность Христу Распятому, покажите твердость духовныхъ силъ вашихъ, покажите твердость вашихъ вѣрованій и убѣжденій и умѣніе стать выше стадности, покажите твердость святого рѣшенія служить Ему въ Церкви Его—духовнымъ просвѣщеніемъ во тьмѣ сѣдящихъ! Поминайте Господа Иисуса Христа! Въ этомъ усматривайте ваше призваніе!

Не оставьте Его единаго!

Никто же самъ себѣ приѣмлетъ честь, но званый отъ Бога, якоже и Ааронъ! Аминь.

Предостереженіе отъ народной смуты.*

Мы выслушали сейчасъ, братіе, въ двѣнадцати евангеліяхъ святую повѣсть о страданіяхъ, смерти и погребеніи нашего Спасителя. Но прежде чѣмъ разойтись отсюда по домамъ, съ этими возженными свѣчами, зажжемъ мы и закрѣпимъ въ умахъ и сердцахъ своихъ хоть одинъ урокъ святого повѣствованія, сообразно обстоятельствамъ переживаемаго нами времени. Въ прошлый разъ, въ Вербное Воскресенье, съ этого самаго священнаго мѣста мы говорили о слезахъ нашего Спасителя, о злосчастной судьбѣ невѣрующаго Иерусалима и всякаго нечестиваго земного царства и народа, говорили о превратности народа еврейскаго, который послѣ торжественныхъ восклицаній: „осанна“ всего чрезъ нѣсколько дней опозорилъ и погубилъ Себя навѣки дикими воплями: „возьми, возьми, распни Его!“ Сегодня въ евангеліяхъ мы слышали эти вопли и крики. Слышали и о томъ, какъ испугался ихъ судія—Пилать, и какъ онъ предалъ на мученія и смерть Іисуса Христа, хотя и самъ считалъ Его Праведникомъ и не нашелъ въ Немъ никакой вины. Пилать и вправду подумалъ, что слышитъ истинный голосъ всего народа...

Не зналъ онъ и не видѣлъ, какъ среди толпы бѣгали подсланные слуги первосвященниковъ и старѣйшинъ, враговъ Іисуса, какъ они подучали народъ требовать смерти Спасителя, то запугивали, то уговаривали и убѣждали благомъ народнымъ, а по мѣстамъ и сами, прикидываясь представителями народа, вопили и кричали: „возьми, распни Его“. И Пилать поддался обману, и народъ поддался обману—и изрекъ

* Поученіе въ сельской церкви въ Великій четвергъ послѣ прочтенія 12-ти евангелій.

роковое, страшное слово: „кровь Его на насъ и на дѣтяхъ нашихъ“.

Не такъ ли, братіе, бываетъ иногда и теперь, и среди насъ? Особенно въ наши тревожные и смутные дни появилось множество людей, которые желаютъ вовлечь народъ въ обманъ различными слухами, дурными рѣчами, возмутительными призывами къ бунтамъ, подметными листками, а то и дурными газетами, дурными книгами! Чаще всего эти рѣчи направляются противъ Бога, противъ Церкви и ея служителей, противъ Царя и Его слугъ, противъ Россіи, нашей дорогой и любимой матери. Слушаетъ эти рѣчи простой народъ, да и не одинъ простой народъ!—слушаетъ эти рѣчи, и часто смущается, сбивается съ толку, вѣрить злымъ людямъ, а того не знаетъ, что все это дѣлаютъ враги Бога и Церкви, враги нашего отечества, желающіе погубить его нашими же собственными руками. Въ послѣднее время сталъ народъ нашъ грамотнымъ; онъ ищетъ истины, онъ жаждетъ прочитать хорошую книгу; онъ привыкъ уважать все напечатанное; онъ вѣритъ каждой печатной строчкѣ. Но составители листовъ, газетъ и книгъ часто даютъ народу вмѣсто хлѣба—камень и вмѣсто рыбы—змѣю, они печатаютъ нерѣдко злыя рѣчи, они нерѣдко вводятъ читателей въ обманъ. Читаетъ простой народъ такія дурныя книжки и газеты, и смущается душою, а того не знаетъ, что есть хорошіе сочинители, хорошія книги и газеты, а есть дурныя и вредныя; того не знаетъ, что какъ нельзя вѣрить всякому слуху и всякому слову, такъ нельзя вѣрить и всякому печатному листу. Въ прежнее время власти строго слѣдили за книгами и газетами и не допускали печатать ничего вреднаго, но это, оказалось, мало помогло дѣлу, ибо злые люди ухитрялись обходить законъ, они и безъ разрѣшенія пускали въ народъ много книгъ и листовъ злонамѣренныхъ и запрещенныхъ, а народъ, думая, что все напечатанное дозволено и одобрено, могъ еще легче поддаваться обману. Поэтому правительство желаетъ теперь дать полную свободу печати, чтобы всѣ могли печатать что угодно. Пусть же добрые и разумные люди разбираются теперь сами въ томъ, что хорошо и что худо, что полезно и что вредно, гдѣ истина, а гдѣ ложь и

обманъ. Нужно помнить, что газеты, листки и книги—все равно, что и неписанныя слова, все равно, что улица. На улицѣ можно услышать и слово правды, а можно услышать и слово лжи, смотря по тому, кто говоритъ, какъ и святое евангеліе учить: благій человѣкъ отъ благого сокровища сердца своего износитъ благая, а лукавый отъ лукаваго сердца своего износитъ лукавое. Ибо отъ избытка сердца глаголютъ уста; отъ добраго сердца говорится умное, доброе, мирное, полезное слово, а отъ злаго сердца говорится слово гнилое, лживое, слово клеветы и раздора, бунта и измѣны. Такъ случилось во время суда надъ Іисусомъ Христомъ: злые люди подучили еврейскій народъ, народъ послушалъ ихъ—и самъ на себя призвалъ проклятіе. Такъ бываетъ и теперь. Злые люди, враги нашей родины, ненавидящіе Христа, ненавидящіе и Россію за то, что она почитаетъ Христа, издають и печатають такіе газеты, листки и книги, распускають такіе слухи, которые явно подучають народъ кричать то противъ Царя Небеснаго, то противъ Царя земнаго: „распи, распи Его“. И правду нужно сказать,—чаще всего такіе самозванные и зловердые учителя принадлежать къ тому самому еврейскому племени, которое нѣкогда распяло и Христа, а ему вторять сбитые съ толку, то подученные, то запуганные, и сами христіане.

Какъ же беречься отъ такого обмана? Какъ разбирать учителей истинныхъ отъ ложныхъ и опасныхъ? Какъ различать ученіе правое отъ пагубнаго и лживаго? Какъ разобратъся, гдѣ хорошо и правильно написано и напечатано, а гдѣ ложно? А вѣдь осторожность очень и очень нужна!

Мы обыкновенно стараемся уберечься отъ всякаго обмана и въ быту житейскомъ. Мы испытываемъ лошадь, когда ее покупаемъ; мы испробуемъ товаръ, когда его беремъ; мы даже деньги стараемся распознать, не фальшивыя ли онѣ. Тѣмъ болѣе мы должны разбираться въ томъ, что касается нашего ума и сердца, должны знать пробу и мѣрку для всякаго ученія, для всякаго учителя. Такая проба дана намъ. Вотъ мѣра и проба: слово Божіе въ святомъ евангеліи и писаніяхъ святыхъ апостоловъ; ученіе святой нашей Церкви; голосъ ея пастырей, а затѣмъ любовь наша къ родинѣ, слово закона и

голосъ нашего Царя. Что согласно съ этою мѣркою, то истинно; что несогласно, то надобно отвергнуть. Что говорить о вѣрѣ въ Бога, о послушаніи Церкви, о любви къ царю и отечеству, то достойно вѣры, а что противъ всего этого, того не слѣдуетъ и слушать.

Во многихъ мѣстахъ нашей родины народъ, слышавши не разъ злыхъ учителей и распознавши ихъ злонамѣренность, сталъ въ озлобленіи бить ихъ и насильничать надъ ними. Но это и не по-христіански, и грѣшно, и неразумно. Здѣсь чаще всего вмѣсто виновныхъ можно обидѣть правыхъ, какъ нерѣдко и бывало; здѣсь—одно самоуправство, вредное и пагубное, и противное закону. Лучшій способъ бороться съ злыми учителями и злыми ученіями—это *не слушать ихъ*: тогда поговорятъ они, поговорятъ, да и перестанутъ.

А если будемъ слушать ихъ, то и случится съ нами то, что было съ народомъ еврейскимъ, который о Сынѣ Божиѣмъ, о своемъ Господѣ и Спасителѣ кричалъ: „распи Его“; случится съ нами то, что было съ Пилатомъ, который Праведника отдалъ на распятіе. Избави насъ, Господи, отъ этого ужаса и несчастья!

Избави насъ, Господи, отъ человѣкъ нѣкоторыхъ, и отъ бѣсовъ, и отъ всякія иныя неподобныя вещи! (Изъ молитвъ вечернихъ). Аминь.

Объединеніе во дни опасности государственной.*

Христось воскресе!
Воистину воскресе!

Да, воистину воскресе, братіе, воистину воскресе Христось! Но кто васъ научилъ отвѣчать этимъ торжественнымъ увѣреніемъ на священный возгласъ св. Пасхи? Кто васъ убѣдилъ,

* Сказано въ недѣлю Божію казакамъ въ ст. Ново-Александровской, Кубанской обл., 24 апрѣля.

кто увѣрилъ васъ въ томъ, что воистину воскресе Христосъ? Откуда, отъ кого вы узнали эту радостную и святую вѣсть?

Говорили мученики, возвѣстили апостолы, проповѣдало евангеліе, изъяснили отцы и учителя, закрѣпили вѣру нашу миллионы миллионъ вѣрующихъ христіанъ. Мало того, подтвердили и враги Христовы: рассказали воины, стерегущіе Его гробъ; молчаніемъ многое показали первосвященники, пристыженные и испуганные рассказомъ воиновъ. А вотъ сегодня евангеліе повѣдало намъ, что вѣру учениковъ Христовыхъ и всѣхъ вѣрующихъ подтвердило само невѣріе,—невѣріе ученика Христова Томы.

Оно, святое евангеліе, переноситъ насъ къ первымъ днямъ послѣ воскресенія нашего Господа. Что видимъ? Сущу поздѣ, въ день той, и дверемъ затвореннымъ прииде Иисусъ и ста посредѣ учениковъ Своихъ и глагола имъ: миръ вамъ (Іоан. XX, 19). Возрадовались ученики, увидѣвши Господа. Онъ же преподасть имъ Духа Святого: примите,—сказалъ Онъ имъ,—Духа Святого. Какъ послалъ Меня Отецъ, такъ Я посылаю васъ... Такимъ образомъ, Господь въ первое же явленіе Свое по воскресеніи подтвердилъ апостоламъ тѣ великія обѣтованія, которыя они слышали отъ Него во дни Его земной жизни.

Но что это мы видимъ въ малой тогда Церкви, въ маломъ обществѣ учениковъ Христовыхъ? Всѣ ли объаты радостью? Всѣ ли въ одномъ настроеніи, въ однихъ чувствахъ?

Томъ же, говоритъ евангеліе, одинъ изъ двѣнадцати, не былъ тутъ съ ними, когда приходилъ Иисусъ... Промыслительно, смотрительно было это отсутствіе! Томъ страдалъ, мучился, томился въ то время, когда всѣ радовались; Томъ объаты былъ мучительными и томительными сомнѣніями, когда всѣ вѣровали. И въ такомъ положеніи былъ онъ дотолѣ, пока чрезъ недѣлю снова не явился Иисусъ Воскресшій, когда всѣ ученики были собраны, и Томъ съ ними. Тогда-то и онъ приобщился ко всеобщей вѣрѣ и радости. Тогда и онъ воскликнулъ: Господь мой и Богъ мой! Тогда и онъ своимъ бывшимъ невѣріемъ, которое превратилось въ горячую вѣру, проповѣдалъ всему міру и на всѣ вѣка о воскресеніи Господа. Такъ показано намъ, что значить единеніе духа, и что значить раздѣленіе.

Урокъ здѣсь вѣчный и всѣмъ людямъ, и не только въ области вѣры, но и въ области всей нашей жизни. Урокъ этотъ звучитъ особенно явственно въ такіе дни, когда мы видимъ вокругъ разьединеніе, раздѣленіе, несогласія, вражду, споры, когда слышимъ о господствѣ злобы въ жизни, о различныхъ счетахъ однихъ сословій противъ другихъ, объ угрозахъ, бунтахъ, возстаніяхъ, когда слышимъ вокругъ рѣчи, призывающія не къ единству жизни, а къ раздѣленію. А таковы именно переживаемые нами теперь дни. Единство теперь нужно намъ, православнымъ русскимъ людямъ,—нужно больше, чѣмъ когда-либо.

Злоба враговъ-іудеевъ, судъ язычника Пилата, распятіе Господа и Его погребеніе,—все это какъ-будто показывало торжество враговъ Христовыхъ. Но торжество враговъ только на краткое время навело страхъ и уныніе на апостоловъ, разсѣяло ихъ, но не разъединило учениковъ Христовыхъ, а напротивъ, потомъ, по воскресеніи Господа, еще болѣе сплотило ихъ. Злоба враговъ-язычниковъ на Дальнемъ Востокѣ, ополчившихся противъ русскаго народа, ихъ видимая побѣда надъ нами, ихъ торжество,—пусть это не разъединитъ русскаго народа, а напротивъ, сплотитъ его воедино. Между тѣмъ, то, что мы видимъ и слышимъ теперь вокругъ себя, то, что дѣлается теперь вездѣ въ Россіи, къ сожалѣнію, мало приносить въ этомъ отношеніи утѣшительнаго.

Государь и подданные, пастыри и пасомые, начальники и подчиненные, отцы и дѣти, добрые семьяне, честные труженники, земледѣльцы, ремесленники, рабочіе,—всѣ, всѣ добрые и честные люди должны теперь соединиться, быть вмѣстѣ, быть во взаимной любви, дружбѣ, довѣріи, чтобы дать отпоръ врагамъ и внѣшнимъ и еще болѣе опаснымъ врагамъ внутреннимъ. Отчего пришла къ намъ эта напасть внутреннихъ замѣшательствъ и волненій? Отчего мы въ страхѣ и смятеніи? Оттого же, отчего и ученики Христовы были въ страхѣ: временно они были разсѣяны, не собраны вмѣстѣ. Воскресеніе Господа сразу ихъ всѣхъ объединило, и тотъ, кто долѣе всѣхъ былъ одинъ, больше всѣхъ и страдалъ, именно Ѳома, пока не соединился со всѣми.

Не будемъ же и мы повторять на себѣ и въ своей жизни такіе печальные дни сомнѣній и недоумѣній, ибо и намъ есть около чего сплотиться, объединиться.

Есть у насъ *Церковь Христова*, это вѣчное пребываніе съ нами Христа и апостоловъ. Что находимъ въ Церкви? Въ Церкви—*правая вѣра*; небесный Домовладыка засѣялъ плодovitую ниву нашей родной земли пшеницею чистаго православія, чистаго благочестія. Гоните же отъ себя всякіе соблазны раскола и сектантства, всякія разсужденія, которыя клонятся къ подрыву и ослабленію вѣры, всякія сомнѣнія, всякое невѣріе. Въ Церкви—храмы и богослуженіе,—*общественное*, всѣхъ соединяющее вмѣстѣ богослуженіе. Худой тотъ ученикъ, который не ходитъ въ школу, худой воинъ, если онъ не является въ войско, худой служащій, если его никогда нѣтъ на службѣ, худой торговецъ, если онъ никогда не бываетъ на мѣстѣ своей торговли: худой и тотъ христіанинъ, который не посѣщаетъ храма, худой сынъ Церкви, богоучрежденнаго *общества* вѣрныхъ послѣдователей Христовыхъ, если онъ не бываетъ на *общественномъ* богослуженіи, гдѣ Богъ и вѣрующіе входятъ въ общеніе, гдѣ глаголется: „*миромъ* Господу помолимся“ и: „возлюбимъ другъ друга“, гдѣ единственно во всемъ мірѣ есть равенство, о которомъ теперь такъ много говорятъ, гдѣ царь и подданный, богачъ и бѣднякъ, мужескій полъ и женскій, эллинъ и іудей, при условіи единой вѣры и молитвы, равны предъ Богомъ, гдѣ всяческая и во всѣхъ Господь. Въ Церкви—пастыри и пасомые. Пусть пасомые будутъ преданы пастырямъ! Пусть сгорятъ тѣ листки, которые, я знаю, распространяются и среди васъ и которые слятся очернить, оклеветать, уронить пастырей въ глазахъ пасомыхъ. Пусть умолкнуть клеветы незатыкаемыя уста тѣхъ послѣдователей и подражателей Хама, которые желаютъ съ злорадствомъ открывать наготу отчую, разсказывать веселыя небылицы о пастыряхъ, смѣяться надъ ними грѣховнымъ смѣхомъ. Пусть устыдятся тѣ, кто постоянно высчитываетъ, сколько онъ далъ на содержаніе пастырей, которымъ и Христосъ повелѣлъ питаться отъ алтаря. Есть недостатки у пастырей, ибо и они—люди. А у пасомыхъ развѣ одни достоинства? Итакъ,

въ Церкви возлюбимъ другъ друга, объединимся, будемъ хранить единеніе духа въ союзѣ мира. Такъ заповѣдуетъ святой апостоль.

Есть у насъ *государство*. Въ государствѣ—Царь и подданные, начальники, отъ Царя поставленные, и подчиненные. Если бы не было этого, не было бы и государства. А если бы не было государства, то невозможна была бы и общественная жизнь людей, какъ невозможно изъ песку выстроить дома, пока песокъ, глину, землю мы не обратимъ въ кирпичи... Но что это видимъ? Что слышимъ? И о Царѣ начинаютъ судить, и Царя начинаютъ осуждать, и кто же? Иной отъ земли не виденъ, мальчикъ безусый учить Царя, какъ надо управлять царствомъ; иной, у себя въ домѣ и хозяйствѣ ничего добраго и полезнаго не устроившій, пространно разсуждаетъ, какъ устраивать государство, и другихъ смущаетъ своими сужденіями! Какой позоръ! Какое паденіе! Какой стыдъ, и особенно для казаковъ, для военныхъ людей, знающихъ, какъ важно имѣть повиновеніе, понимающихъ что значитъ дисциплина,— для казаковъ, предки которыхъ завоевали въ беззавѣтной преданности царю и государству эти пространныя земли у враговъ Креста Господня! Но о Царѣ все-таки осмѣливается судить рѣдкій наглець. Зато о начальникахъ кто теперь не судить вкривь и вкосъ? Кто не слышалъ различныхъ обманныхъ, клеветническихъ о нихъ рѣчей? А если и есть имъ повиновеніе, то христіанское ли это повиновеніе? А христіанское повиновеніе есть повиновеніе не по насилію, не изъ-подъ палки и угрозы, а Господа ради, не за страхъ, а за совѣсть, „не предъ очами только работая, но яко раби Христовы отъ души.“ Тогда будетъ у насъ въ государствѣ настоящее единеніе. Въ государствѣ—родная земля, родной народъ, родная жизнь, родные нравы и обычаи, родной, и изстари сложившійся и привычный, Церковью освященный и предкамъ заповѣданный государственный строй. Пусть же не будетъ раздвоенія, пусть не слышатся призывы подражать въ этомъ отношеніи чужеземцамъ, пусть не будетъ постоянныхъ указаній на иноземные образцы. Иначе жизнь расколется, мы разъединимся.

Есть у насъ *общество*, общественная жизнь. Пусть обще-

ственная жизнь, этот плод единения людей, идетъ къ тому, чтобы укрѣплять это единеніе, а не губить его: выборные ваши пусть нелѣбно и честно несутъ свои обязанности, пусть не уклоняется никто отъ общественныхъ должностей, пусть никто не употребляетъ ихъ въ свою пользу и для своего личнаго обогащенія и благополучія, пусть каждый стремится къ общественному благу, а тѣ, которые не призваны къ общественной дѣятельности, пусть не завидуютъ тѣмъ, кто призваны, пусть прекратятъ распространять о нихъ тревожные слухи, безъ которыхъ теперь въ буквальномъ смыслѣ не проходитъ дня. Иначе общественная жизнь не устоитъ и разсыплется.

Есть у насъ *семья*. Крѣпка она была у насъ нѣкогда,— крѣпка взаимною любовью, согласіемъ, общимъ трудомъ. А нынѣ,—о, Господи!—что слышимъ: мужья бьютъ пьяные своихъ женъ, сыновья избиваютъ престарѣлыхъ родителей, жены уходятъ отъ мужей и открыто живутъ съ другими, только-что поженившіеся сыновья прежде всего стремятся отдѣлиться отъ стариковъ и жить отдѣльно, и это отдѣленіе происходитъ послѣ цѣлаго ряда ссоръ, споровъ, взаимнаго препирательства, и послѣ отдѣленія опять вызываетъ надолго вражду родныхъ и единокровныхъ. Всѣ бѣднѣютъ, всѣ ослабляются, а надъ жизнью такою развѣ будетъ исполненіе Божьяго обѣтованія, что благословеніе родителей утверждаетъ дома чадъ? Не слышится ли иное слово: клятва матери разоряетъ ихъ до основанія? Такъ мы дошли и до самаго источника нашихъ раздѣленій. Оттого и бѣды на насъ, и напасти, оттого и такъ-называемыя государственныя реформы и преобразованія намъ не помогутъ и не помогаютъ. Слышимъ Царскіе манифесты 12 декабря прошлаго года и недавній, 18 февраля, объ укрѣпленіи законности, суда, о созывѣ лучшихъ русскихъ людей для сужденій объ общественномъ благѣ. Теперь-то и надобно намъ быть достойными Царскихъ призывовъ, теперь всѣмъ добрымъ, честнымъ, вѣрующимъ, благоразумнымъ людямъ надо соединиться на службѣ Богу, Церкви, Царю, государству; каждому сословію, званію, каждому отдѣльному человѣку надо честно дѣлать свое дѣло, не завидуя другому, не мѣшая никому. Теперь пусть пронесется надъ нашею землею слово Христово, сказанное апо-

столамъ: миръ вамъ! Тогда только мы обновимъ наше государство послѣ тяжкихъ неудачъ и несчастій войны, послѣ всѣхъ этихъ еще болѣе тяжкихъ внутреннихъ замѣшательствъ и волненій,—обновимъ миромъ, любовью и согласіемъ, а наипаче усиленіемъ вѣры, молитвы, покаянія и преданности волю Божіей.

Но слышу, что мнѣ говорятъ казаки-старики: что же мы подѣлаемъ съ дурными людьми и развратителями? Мы-де безсильны. На наши слова отвѣчаютъ бранью, угрозами. „Лучше быть въ сторонѣ, пусть ихъ, Богъ съ ними!“

Но это—голосъ или лѣни, или трусости. Что если бы апостолы такъ разсуждали о врагахъ Христовыхъ, и умолкли? Но предъ ними стоялъ во враждѣ и злобѣ буквально весь міръ и іудейскій, и языческій, а они пошли и словомъ своимъ, при помощи Божіей, побѣдили его. Что если бы такъ же разсуждала святая Церковь? Она была гонима, ее обуревали ереси, расколы, секты, разномыслія. Но она не стала въ сторонѣ, а боролась духовнымъ воинствованіемъ, и побѣдила: ереси сгибли, а Церковь Божія стоитъ и достоинъ до скончанія міра. Что если бы такъ разсуждали наши предки во время нашествія татаръ, поляковъ, шведовъ, турокъ, двадцати народовъ при Наполеонѣ, и въ другія времена? Но Россія боролась, и при великихъ трудахъ и страданіяхъ строилась вѣрою, молитвою, слезами, подвигами, напряженіемъ всѣхъ силъ народныхъ, и все росла и росла.

Не убоимся и мы никого и ничего. Но всѣ соединимся вмѣстѣ, дружно, любовно, въ вѣрѣ святой, въ той вѣрѣ, которую мы нынѣ исповѣдуемъ, глаголя: „Воистину Христосъ воскрес!“ Объединимся въ Церкви, въ любви къ родинѣ и Царю. Да воскреснетъ Богъ—и Онъ воскресъ, Побѣдитель всякаго зла! И расточатся врази Его, и да бѣжатъ отъ лица Его ненавидящіи Его. Яко исчезаетъ дымъ, да исчезнутъ! И да будетъ намъ отрадою, и да пронесется надъ нами возжелѣнное вѣчное слово Христа Воскресшаго: миръ вамъ...

Миръ вамъ. миръ всѣмъ! Аминь.

Пастырскій голосъ во дни революціи.*

I. Бога войтеса.

(I Петр. II, 17).

Всякому изъ насъ свойственно желать и искать мирной, довольной и счастливой жизни. Такъ ужъ Богъ создалъ человѣка; Онъ вложилъ въ его умъ и сердце желаніе счастья жизни, гдѣ бы эта жизнь ни протекала: въ семьѣ, въ обществѣ, или въ государствѣ. И Богъ Милосердный не осуждаетъ этихъ стремленій человѣка. Онъ Самъ желаетъ счастья людямъ, Онъ даетъ имъ все нужное для этого здѣсь, на землѣ, и тамъ, на небѣ, послѣ смерти каждаго изъ насъ.

Но если Богъ создалъ человѣка, то ясно, что, получивъ жизнь по Его волѣ, а не самъ собою, человѣкъ и жить долженъ по волѣ Бога, а не самъ собою. Безъ воли Бога, безъ исполненія закона Его, человѣкъ—то же самое, что рыба безъ воды, или дерево безъ тепла и свѣта; онъ погибнетъ неминуемо и счастливымъ быть не можетъ.

Вотъ почему Господь въ Своемъ святомъ словѣ, которое Онъ открылъ человѣку въ Писаніи, говоритъ намъ: *благочестіе на все полезно, имѣя обѣтованіе жизни настоящей и будущей* (1 Тим. IV, 8).

И мы сами замѣчаемъ, какимъ душевнымъ миромъ и спокойствіемъ обладаютъ люди вѣрующіе и благочестивые. А кто знаетъ, какъ люди жили много лѣтъ назадъ, тотъ можетъ сказать намъ, что на землѣ никогда не было ни народовъ, ни царствъ, которые достигали бы прочнаго, цвѣтущаго состоянія безъ вѣры въ Бога. Пока они читли Господа, они были сильны и счастливы; но какъ только они забыли Бога и нарушали Его законъ, они подвергались порчѣ и разложенію и многіе поги-

* Подъ такимъ общимъ заглавіемъ печатаемъ десять листовъ, которые написаны были и заданы во множествѣ для распространенія въ народѣ въ 1905 г., въ дни смуты. Листокъ по счету V-й отнесенъ къ V тому (1-я часть), какъ имѣющій къ нему по содержанію ближайшее отношеніе (противъ социализма: „Берегись обманныхъ рѣчей“).

бали ужаснымъ образомъ. Это ясно и понятно безъ долгихъ объясненій: вѣдь безъ вѣры въ Бога люди становятся хуже звѣрей, перестаютъ любить другъ друга, не исполняютъ никакихъ законовъ, встаютъ противъ властей, перестаютъ трудиться, расхищаютъ чужое имущество, убиваютъ своихъ ближнихъ; сильные и злые сначала обижаютъ слабыхъ, а потомъ начинаютъ истреблять и другъ друга. Развѣ при такихъ порядкахъ можно жить? Развѣ при такой жизни можетъ быть счастье?

Посмотрите на все живущее въ мірѣ. Одно изъ важнѣйшихъ преимуществъ человѣка надъ всеми другими живыми земными существами заключается въ томъ, что только одни люди умѣютъ вѣровать въ Бога, молиться Ему, служить Ему; только одни люди постоянно стремятся къ Богу и хотятъ знать и исполнять Его законъ. Посмотрите: много на свѣтѣ народовъ, но все народы имѣютъ хоть какую-либо вѣру въ Бога; если они не знаютъ вѣры истинной, они сами себѣ выдумываютъ другую, не истинную, но обойтись совсѣмъ безъ вѣры не могутъ. И все самое лучшее люди отдаютъ вѣрѣ; самыя лучшія зданія—это храмы, а у другихъ народовъ—мечети, синагоги, капища. Самыя дорогія украшенія, самые драгоценные металлы, ткани, самыя высокія искусства: строительное, художественное, музыку, пѣніе,—все это люди посвящаютъ и жертвуютъ Богу на храмы для богослуженія. Это значитъ, что вѣра въ Бога и почитаніе Его глубоко заложены въ самой душѣ человѣка; это значитъ что безъ вѣры въ Бога человѣкъ только называется человѣкомъ, а на самомъ дѣлѣ онъ приравнялъ себя къ звѣрямъ, которые не умѣютъ вѣровать и молиться. Оттого-то и жизнь у невѣрующихъ людей становится скотскою, а не истинно-человѣческою.

Господь отвращаетъ лицо Свое отъ такихъ людей, народовъ и царствъ, и они сами собою погибаютъ. Ибо народъ, не думающій о небѣ, недостоинъ жить на землѣ.

Вотъ почему предки наши, наши дѣды и прадѣды отстаивали святую вѣру; въ защиту ея они жертвовали всею своимъ достояніемъ и самою жизнью, любили молитву, строили храмы и монастыри, почитали служителей Божіихъ. И какъ

ни тяжело имъ бывало, но Господь благословлялъ нашъ народъ, и онъ возрасталъ въ мѣру силы и славы, объемля собою окрестные племена и народы.

Но вотъ, нынѣ явились новые учителя, которые смущаютъ вѣрующій народъ нашъ словами и подметными листками. Они общаютъ людямъ счастье безъ Бога; людей неопытныхъ, чаще всего молодыхъ, не твердыхъ въ мысляхъ и убѣжденіяхъ, они хотятъ направить противъ Бога, противъ Церкви и ея служителей, противъ всякой законной власти.

Учатъ они о какомъ-то новомъ будущемъ („социалистическомъ“) государствѣ; каждый изъ нихъ по-своему его изображаетъ, но всѣ сходятся въ томъ, что въ этомъ новомъ государствѣ не будетъ мѣста святой вѣрѣ и святой Церкви. Общаются они народу сытость и довольство, равную долю пищи, питья и житейскихъ удобствъ. Не скрываясь, они говорятъ и пишутъ, что „царство небесное они устроятъ себѣ здѣсь, на землѣ“. Забыто великое слово Христово: *„Не о хлѣбѣ единомъ живѣтъ человекъ, но о всякомъ глаголю, исходящемъ изъ устъ Божіихъ“* (Матѣ. IV, 4). Забыто слово Христово, что и *врата адовы не одолѣютъ Церкви Божіей*, которая пребудетъ во вѣкъ вѣка (Матѣ. XVI, 18). Забыто слово Божіе, что *Царство Божіе не естъ пища и питіе* (Римл. XIV, 17), что *ради пища не должно разрушать дѣла Божія* (ст. 20). Забыта въ общанномъ новомъ государствѣ душа человѣка: ей, этой душѣ человѣка, безсмертной и разумной, будетъ и голодно, и холодно, и безпріютно среди тѣлесной сытости и житейскихъ удобствъ. Забыто и послѣднее, что ждетъ всякаго человѣка: смерть, гробъ, судъ Божій, адъ и рай на всю вѣчность.

Нѣтъ, подальше отъ такого государства безъ Бога и Церкви! Оно пригодно только для животныхъ, которыя лишены духовныхъ потребностей, но не для разумнаго человѣка. Подальше отъ такихъ учителей! У нихъ, по слову Писанія, „Богъ—чрево“ (Филип. III, 19).

Въ другихъ мѣстахъ нашего отечества мы видимъ иное: тамъ учатъ православныхъ и убѣждаютъ ихъ оставить вѣру отцовъ. И вотъ, случились событія въ народѣ нашемъ, издревле православномъ,—событія, о которыхъ лучше бы ухо

наше не слышало. На западѣ Россіи нашлись люди, которые приняли чуждое русскому человѣку католичество. Въ другихъ мѣстахъ произошли отпаденія въ расколъ и сектантство. Въ свое оправданіе соблазнитель и соблазненные ссылаются на манифестъ Государя Императора 17-го октября 1905 года о свободѣ совѣсти. Эта ссылка—неосновательна. Правда, свобода совѣсти въ государствѣ состоитъ въ томъ, что каждому безвозбранно разрѣшается исповѣдывать избранную имъ вѣру; правительственная власть никого не будетъ впредь наказывать за измѣну вѣрѣ. Но совѣсть вѣдь остается внутри человѣка; судъ Божій и судъ совѣсти не могутъ быть отмѣнены какою земною властью. Самъ Государь нашъ—попрежнему Сынъ Православной Церкви и ея Защитникъ, и вовсе не того Онъ желалъ, издавая Свой манифестъ, чтобы православные отпали отъ вѣры; Онъ вѣрилъ и вѣрить, что теперь и безъ пособія правительственной охраны сыны православія вмѣстѣ съ Нимъ пребудутъ сами, по свободѣ своей совѣсти, въ оградѣ Церкви Православной. Святое православіе стало у колыбели нашего царства почти тысячу лѣтъ назадъ и съ тѣхъ поръ оно было и будетъ ангеломъ-хранителемъ Россіи; святое православіе объединило русскій народъ и приобщило къ нему по единству вѣры и другія, не русскія племена; святое православіе служило связью между разрозненными частями нашего народа, когда онъ, по несчастнымъ обстоятельствамъ, раздѣлялся и терялъ государственное единство подъ напоромъ враговъ нашихъ; святое православіе научило русскій народъ любить свою родину и своихъ царей, ввело въ нашъ народъ великія добродѣтели духа, сдѣлало его народомъ христіанскимъ и богоносцемъ, сдѣлало нашу Русь „Святою Русью“; святое православіе обогатило нашъ языкъ, сообщило намъ первые зачатки образованія, сохранило ихъ въ церквахъ и монастыряхъ и, въ виду новаго европейскаго образованія, не отвергая его, поставило предъ нашимъ народомъ великую заповѣдь: *вся искушающе, добрая держите*, т.е. все испытывайте, но держитесь добраго (1 Сол. V, 21).

Немудрено, что враги русскаго народа, желая ему погибели, хотѣли бы лишить его святаго православія. Но русскіе

люди, по свободѣ совѣсти своей, по искреннему убѣжденію, по сердечной любви и по завѣту предковъ, останутся, несомнѣнно, вѣрными святой Православной Церкви.

Наконецъ, мы узнаемъ, что во многихъ мѣстахъ нашей родины въ средѣ народа православнаго появляются мнимые радѣтели его блага, желающіе будто бы оградить его отъ излишнихъ тратъ и расходовъ. Не касаясь вѣры, не отвергая будто бы самаго православія, они учатъ народъ, что не надо ставить свѣчи въ церкви, что не надо посѣщать богослуженіе, что не слѣдуетъ поддерживать священниковъ платою за ихъ трудъ. Здѣсь—хитрый умыселъ, имѣющій цѣлью лишить народъ пастырей; здѣсь, воистину, рѣчи, внушенныя исконнымъ врагомъ рода человѣческаго. Священное Писаніе называетъ часто діавола хищнымъ и злымъ волкомъ. Послушайте: волкъ всегда ищетъ растерзать овцу, но у овцы есть пастухъ, который охраняетъ ее; конечно, волку выгодно, чтобы кто-нибудь отогналъ овцу отъ пастуха и изъ овчарни; тогда волкъ, не боясь никого, удобно убьетъ и съѣстъ овцу. Овцы—это мы, христіане, въ духовномъ смыслѣ. Овчарня для людей—это Церковь Христова и храмъ Божій; пастухи—это священники; поэтому ихъ называютъ духовными пастырями, а христіанъ, прихожанъ, называютъ паствою, пасомыми. Конечно, діаволу, какъ волку, выгодно отогнать словесныхъ овецъ и отъ храмовъ и отъ пастырей; тогда онъ легко и удобно ихъ погубить. Но осторожная овца, сохраняя свою жизнь, не убѣгаетъ изъ овчарни и всюду слѣдуетъ за своимъ пастухомъ. Такъ точно и мы, если желаемъ быть благоразумными, не должны оставлять храмовъ и своихъ духовныхъ пастырей. Самъ Христосъ Спаситель учредилъ пастырей въ Своей Церкви и Онъ сказалъ о нихъ, что дѣлатель достоинъ своей награды, что служащіе алтарю должны отъ алтаря питаться, что служители Христовы должны ѣсть и пить и одѣваться на средства тѣхъ, кому они служатъ. Читайте объ этомъ въ евангеліи отъ Луки главу X; читайте IX-ю главу 1-го посланія св. апостола Павла къ Коринѣянамъ—и увидите, что и апостолы святые жили отъ благовѣстія.

Скажемъ въ заключеніе: Никакое истинное ученіе не мо-

жетъ идти противъ Бога и святыхъ Его, противъ Церкви и ея служителей. Только гибель и несчастіе принесутъ намъ новые учителя, если они являются противниками Бога и Христа.

Бога бойтесь,—учить насъ слово Божіе. Принимайте же только ученіе, которое не противно Богу, и словомъ Божіимъ провѣряйте слово человѣческое: всякое ученіе, которое противно слову Божію и ученію Церкви, должно отвергать со всею силою. Молитвою, взаимною любовью, союзомъ съ пастырями Церкви ограждайтесь отъ злыхъ ученій и злыхъ учителей. И когда они увидятъ, что ихъ не слушаетъ никто, замолкнутъ ихъ безумныя рѣчи сами собою.

„Безумными“ называемъ ихъ рѣчи, ибо нѣтъ въ нихъ вѣры въ Бога: *начало же премудрости есть страхъ Божій*.

Будемъ же хранить эту премудрость вѣры и страха Божія такъ, какъ хранили ее наши дѣды и прадѣды и какъ заповѣдали намъ! Да исчезнутъ, какъ тьма предъ свѣтомъ, всѣ враги Божіи, забывшіе великую и святую заповѣдь — *Бога бойтесь!*

II. ЦАРЯ ЧТИТЕ.

(1 Петр. II, 17).

Вотъ наставленіе слова Божія, которое нужно особенно помнить въ наши тревожные дни. Ложные учителя возстали теперь въ средѣ народа; они, большею частью, ослѣпленные злобою и ложью, или обманутые своими наставниками—врагами Россіи, иногда же выгнанные за негодность, лѣнь и бунты, а нерѣдко прямо подкупленные врагами нашего отечества (ибо чѣмъ же и жить имъ, и на какія деньги ѣсть, пить, имѣть кровъ и одежду?),—эти ложные учителя, желая сами надъ всѣми властвовать, кричатъ теперь и пишутъ въ подметныхъ листкахъ и на красныхъ флагахъ, распѣваютъ и особо составленныя пѣсни, призывая ниспровергнуть царскую власть. Они обѣщаютъ при этомъ, что если не будетъ царя

и царской власти, то всё скорби и недостатки жизни сами собою прекратятся и излѣчатся.

Какое безуміе! Это похоже на то, какъ если бы кто, желая вылѣчить больного человѣка, отрѣзалъ ему голову. Ибо царь—глава народа; безъ царя, какъ говорить исторія и нашего отечества и другихъ народовъ, всегда государствомъ грозила гибель.

Впрочемъ, вѣрные сыны Церкви привыкли ученіе человеческое провѣрять словомъ Божиимъ, а слово Божіе ясно говоритъ намъ, что Самъ Всевышній *поставляетъ царей* на престолъ (Дан. II, 21). Самъ Господь въ Ветхомъ Завѣтѣ повелѣлъ пророкамъ помазать на царство Саула, Давида, Соломона и другихъ царей и называть ихъ Своими избранниками и помазанниками.

Въ Новомъ же Завѣтѣ Господь Иисусъ Христосъ повелѣлъ, наравнѣ съ обязанностями къ Богу, исполнять и обязанности къ царю, когда сказалъ: *воздадите кесареву кесареви, и Божію Богови* (Матѣ. XXII, 21); то же проповѣдывали вѣрующимъ и святые апостолы: *Бога бойтесь, царя чтите* (1 Петр. II, 17).

Но обратите вниманіе на то, какіе въ то время были цари? То были цари-язычники, которые мучили и избивали христіанъ, такіе цари, которыхъ сами язычники называли извергами и изобрѣтателями преступленій. И, однако, даже этимъ царямъ Господь повелѣваетъ покоряться. Видно, дѣйствительно, царская власть освящена Богомъ; видно, нужна она для блага народовъ. Не скрываетъ никто, что могутъ быть, и дѣйствительно бывали, цари дурные, какъ наказаніе Божіе народу, какъ испытаніе свыше; но возставать противъ царя и царской власти для избавленія отечества отъ тѣхъ или другихъ не порядковъ и несовершенствъ—это то же самое, что для избавленія отъ болѣзни предлагать лѣкарство, которое гораздо гибельнѣе самой болѣзни и приноситъ смерть.

Если же о царяхъ-язычникахъ и о царяхъ злыхъ сказано въ словѣ Божіемъ, что нужно молиться о нихъ и почитать ихъ, то что же нужно сказать о нашихъ русскихъ царяхъ, православныхъ?

Воистину, великій грѣхъ забывать то, что они сдѣлали для нашего отечества!

Самое страшное зло и несчастье испыталъ народъ нашъ именно во время безгосударное, когда не было царя на Руси, или когда злодѣи возставали на царскую власть; народъ русскій спасся отъ гибели только избраніемъ Царя изъ того рода Романовыхъ, который и донинѣ царствуетъ въ Россіи.

И сколько добра сдѣлали народу Цари русскіе! Они избавили его отъ внѣшнихъ враговъ; расширили его царство, устроили войско; ввели просвѣщеніе; заботились о святой вѣрѣ, защищали ее во всемъ мірѣ, освободили и другія славянскія племена отъ полной гибели, освободили крестьянъ въ Россіи отъ крѣпостного рабства. И понятно, почему русскій народъ создалъ мудрое присловіе: „Безъ Царя земля—вдова, безъ Царя народъ—сирота; Царь—отъ Бога приставъ.“

Искони нашъ народъ былъ царелюбивымъ. Въ глубокой древности иностранцы, посѣщавшіе землю нашу, удивлялись этой великой русской добродѣтели и только ею объясняли, почему Русское царство, которое было самымъ малымъ и незначительнымъ посреди другихъ, при множествѣ враговъ, при самыхъ тяжелыхъ условіяхъ жизни, какъ евангельское зерно горчичное, разрослось въ великую державу, въ великое, многолѣтнее дерево, что укрыло и дало покой и счастье многимъ племенамъ и народамъ на огромнѣйшемъ пространствѣ земли. Богъ на небѣ и Царь на землѣ,—вотъ, чѣмъ жилъ русскій человѣкъ.

Къ горю и стыду нашему, явились теперь въ средѣ нашей лживые учителя и сбили многихъ съ пути истины. Въ тѣ дни, когда Россія вела послѣднюю тяжелую и несчастную войну, когда сердце Царя нашего болѣло за Россію, за ея войска, за невинныхъ и тяжкія жертвы войны,—злые люди обманно возбудили десятки тысячъ рабочихъ на бунтъ въ столицѣ; какъ заразительная болѣзнь, эти бунты распространились въ большихъ городахъ, подъ вліяніемъ ложныхъ слуховъ, всякой клеветы и обвиненій противъ Царя и правительства, распускаемыхъ врагами Россіи въ средѣ легковѣрныхъ. Много повредили въ войнѣ эти бунты и забастовки рабочихъ,

эти злые слухи; враги нашей родины въ несчастьяхъ Россіи и въ нашихъ безпорядкахъ черпали для себя силу и смѣлость.

Но вотъ кончилась несчастная война, заключенъ былъ миръ. Царь нашъ рѣшилъ всё свои силы отдать внутренней работѣ и заботамъ объ утвержденіи мира и порядка въ землѣ нашей. Для этого Онъ издалъ законъ о Государственной Думѣ; Онъ восхотѣлъ вмѣстѣ съ выборными людьми отъ всего царства обсуждать всё дѣла. Одновременно объявлены были повелѣнія Царскія правительству о томъ, чтобы крестьянамъ облегчены были платежи; чтобы для нихъ были облегчены способы приобрѣтенія земли, безъ обиды другихъ землевладѣльцевъ; чтобы рабочіе, на случай старости и увѣчья, имѣли помощь и обезпеченіе; чтобы войска получали больше средствъ на свое содержаніе; объявлены были законы, которые и крестьянамъ, и рабочимъ дали право принимать участіе въ Государственной Думѣ и громко заявлять о своихъ нуждахъ, обо всемъ доводить до свѣдѣнія Царя—общаго отца своихъ подданныхъ, предъ которымъ всё равны, которому всё подданные равно дороги.

Тутъ бы успокоиться смутѣ; тутъ бы возблагодарить Бога и великодушнаго Государя; тутъ бы позаботиться, чтобы въ Государственную Думу попали люди истинно-достойные, истинно-честные, истинно-русскіе и православные и хорошо знакомые съ жизнію, нуждами и желаніями нашего народа.

Но этого-то и испугались враги наши. Они увидѣли, что близокъ часъ, когда они откроются предъ всѣми въ своей лжи и клеветѣ; что близокъ часъ, когда Царь вмѣстѣ съ народомъ, въ неразрывномъ союзѣ съ нимъ, какъ встарь, возстанетъ въ силѣ общенародной, воспрянетъ, оживить надежды Россіи. И рѣшили враги Россіи помѣшать этому дѣлу, рѣшили не допустить созыва Государственной Думы. Еще разъ они усилились обмануть простодушныхъ своихъ слушателей изъ народа и рабочаго класса и, къ стыду и горю Царя и родины, произвели вооруженное возстаніе въ Москвѣ, въ сердцѣ Россіи, и въ другихъ мѣстахъ. Безумныя возстанія подавлены были вѣрными Царскими войсками. Господь тяжкимъ урокомъ вразумилъ легковѣрныхъ, и всё увидѣли, чего хотятъ и куда ве-

дуть народъ непрізванные учителя и противники Царя и Царской власти.

Братья-христіане! Послѣ манифеста Государя 17 октября 1905 года Царская власть въ Россіи засіяла новымъ блескомъ и новою зиждительною силою. Какъ въ самоограниченіи каждаго человѣка заключена его нравственная сила и высота, такъ и въ добровольномъ рѣшеніи Государя издавать отнынѣ законы и управлять царствомъ совмѣстно съ представителями и думными людьми отъ народа—заключена и выражена Его Царская сила и Царственная высота.

Въ отвѣтъ на Его призывъ пусть отзовется каждое русское благородное сердце. Сплотимся дружно общерусскою семьей вокругъ нашего богоданнаго Царя!

Послушные слову Божию, призыву сердца, завѣтамъ исторіи и голосу благоразумія, будемъ любить и чтить Царя, молиться за Него, исполнять Его законы, защищать Его отъ враговъ! И не слушайте, братья, тѣхъ лжеучителей, которые желаютъ всеми мѣрами и способами возстановить народъ противъ Царской власти—выдуманными слухами, клеветою и злобою. Повѣрьте, каждый изъ этихъ безумцевъ, если только онъ не ослѣпленъ ложью, самъ тянется къ власти надъ народомъ.

Не вѣрьте ихъ многообѣщающимъ рѣчамъ и преступнымъ подпольнымъ листкамъ, направленнымъ противъ Царской власти; ибо, по слову Божию, и *сатана преобразуется во образъ ангела свѣтла* (2 Кор. XI, 14), чтобы удобнѣе и скорѣе обмануть и погубить довѣрчивыхъ людей.

Царь грозенъ и долженъ быть грозенъ для злыхъ людей; на то Онъ и поставленъ Богомъ. *Кто же любитъ чистоту сердца, тому царь—другъ* (Притч. XXII, 11). Такъ говоритъ вѣкамъ и народамъ сѣдая и священная библейская мудрость.

III. Власти повинуйся.

(Римл. XIII, 1—8).

Какъ и откуда появилась первая власть среди людей? Отвѣтить на этотъ вопросъ весьма важно и весьма поучительно.

Въ то же время на этотъ вопросъ всякій можетъ отвѣтить и ясно и совершенно безошибочно.

Первая власть есть власть родителей надъ ребенкомъ съ той минуты, какъ только онъ родился. Что было бы съ этимъ ребенкомъ, если бы надъ нимъ не было власти родителей? Что было бы съ нимъ, если бы кто-либо, думая принести ему пользу и дать полную свободу, отнял бы его отъ отца и матери и оставилъ бы его одного, не давши ему никакой другой власти? Всякій ясно видитъ, что такой ребенокъ погибнетъ. Но мы знаемъ, какъ родители любятъ дѣтей, питаютъ ихъ, нерѣдко себѣ во всемъ отказывая; мы знаемъ, какъ мать бросается защищать своего ребенка; какъ чутко слышитъ она каждое его движеніе; какъ она понимаетъ, что ему нужно, хотя ребенокъ не говоритъ ни слова. Кто же учредилъ такую власть родителей и подчиненіе дѣтей? Кто? Конечно, Тотъ, Кто создалъ и родителей и дѣтей, т.-е. Богъ. Итакъ, самая первая власть—отъ Бога. Это ясно, какъ день.

Но въ жизни во всѣхъ областяхъ, вездѣ и всегда, нужна власть: нужны пастыри въ Церкви, ибо безъ нихъ въ дѣлѣ святой вѣры будетъ беспорядокъ и вѣчные раздоры; нужны судьи въ жизни, ибо безъ нихъ одинъ безпрепятственно будетъ обижать другого; нужны правители, ибо безъ нихъ будутъ бессильны и пастыри и судьи, которыхъ не послушаютъ злые люди; нужны учителя въ училищахъ, ибо иначе зачѣмъ же собираться и ученикамъ, которые другъ друга вѣдь ничему не научатъ; нужны военные начальники, ибо безъ нихъ не будутъ знать, куда идти и что дѣлать, и вмѣсто стройнаго войска будетъ стадо; а всѣ власти, чтобы быть согласными, чтобы не мѣшать, а помогать одна другой, должны имѣть надъ собою одну высочайшую: это—власть царя.

Если бы вдругъ уничтожить сразу всѣ эти власти, то получилось бы то же, что съ ребенкомъ, если у него отнять родителей и оставить одного: произошла бы гибель всего народа отъ беспорядковъ и замѣшательства; тогда люди жили бы хуже и несчастнѣе звѣрей, потому что и среди животныхъ и даже насѣкомыхъ мы видимъ старшихъ и распорядителей: пчелы и муравьи убѣждаютъ насъ въ этомъ.

Кто же установилъ власти въ народахъ? Народъ—это большая семья. И Тотъ, Кто установилъ и освятилъ власть родительскую въ семьѣ, т.-е. Богъ, Онъ же установилъ и всякую другую власть въ большой семьѣ—въ народѣ. Слово Божіе такъ ясно, и подробно, и убѣдительно учить объ этомъ, что ни прибавить къ нему, ни убавить отъ него ничего нельзя. Вотъ что говоритъ оно въ поученіе всѣмъ вѣрующимъ: „*Всякая душа да будетъ покорна высшимъ властямъ; ибо нѣтъ власти не отъ Бога, существующія же власти отъ Бога установлены. Посему противящійся власти противится Божію установленію; а противящіеся сами навлекутъ на себя осужденіе. Ибо начальствующіе страшны не для добрыхъ дѣлъ, но для злыхъ. Хочешь ли не бояться власти? Дѣлай добро, и получиши похвалу отъ нея; ибо начальникъ есть Божій слуга, тебѣ на добро. Если же дѣлаешь зло, бойся, ибо онъ не напрасно носитъ мечъ: онъ—Божій слуга, отмститель въ наказаніе дѣлающему злое. И потому надобно повиноваться не только изъ страха наказанія, но и по совѣсти. Для сего вы и подати платите, ибо они—Божіи служители, сими самымъ постоянно заняты. Итакъ, отдавайте всякому должное: кому подать—подать; кому оброкъ—оброкъ; кому страхъ—страхъ; кому честь—честь. Не оставайтесь должными никому ничѣмъ, кромѣ взаимной любви; ибо любящій другого исполнилъ законъ*“ (Римл. XIII, 1—8).

Видите, какъ строго осуждаетъ слово Господне всякое противленіе власти. Больше того: оно запрещаетъ не только дѣло, противное власти, но даже слово, направленное противъ нея, и самую мысль о томъ: *начальника въ народѣ твоемъ не поноси* (Исх. XXII, 28), и даже въ мысляхъ твоихъ не злослови царя (Еккл. X, 20).

Послѣ сказаннаго ясно, кто суть новые учителя, появившіеся теперь въ нашемъ отечествѣ и учащіе народъ противиться власти. Это—враги Божіи и враги народа, ибо они своею пагубною проповѣдью принесутъ ему только гибель. Не со вчерашняго дня они явились. Они пришли къ намъ изъ чужихъ земель и давно ужъ сами раздѣлились на различныя дольки и партіи. Одни изъ нихъ отвергаютъ всякую власть:

это—такъ-называемые анархисты (по-русски анархизмъ—безначаліе); они учатъ, что люди будутъ счастливы безъ всякой власти, безъ всякаго управленія, забывая, что тогда на свободѣ разгуляются насиліе, неправда, жестокость, жадность и хитрость, и эта общая война всѣхъ противъ всѣхъ одѣляетъ жизнь людей звѣриною; тогда, воистину, несчастьемъ будетъ родиться на свѣтъ; тогда человѣкъ для человѣка станетъ волкомъ. И все-таки нельзя будетъ обойтись безъ власти: власть тогда останется за сильными и злобными, только власть эта будетъ уже гибельною для людей.

Другіе ложные учителя признаютъ важность и необходимость власти, но желали бы, чтобы не было царя и нынѣшнихъ правителей. Они обѣщаютъ республику, въ которой не будетъ царя, а будутъ выбраны особые правители, причемъ въ этой республикѣ уже не будетъ никакой религіи и никакого различія народностей. Въ сущности, они сами желали бы властвовать надъ нами, а чтобы привлечь къ себѣ народъ, они обѣщаютъ, что подъ ихъ управленіемъ будетъ на землѣ рай, что все имущество раздѣлится между людьми поровну,—какъ-будто въ самомъ дѣлѣ можно передѣлаться изъ русскаго во что-то безнародное, какъ-будто можно и въ самомъ дѣлѣ у всѣхъ уравнивать лѣта, ростъ, полъ, здоровье, силу, способности, умѣнье, старанье и трудъ. Этими дѣтскими сказками и обѣщаніями они привлекаютъ людей легковѣрныхъ. Такіе новые учителя похожи на сына царя Давида—Авессалома. О немъ рассказано въ святой Библии: онъ возмущилъ народъ противъ царя-отца, прельстивъ народъ разными несбыточными обѣщаніями; долго и непримѣтно онъ дѣйствовалъ, какъ измѣнникъ и предатель; собравъ около себя злыхъ и непокорныхъ, онъ пошелъ бунтомъ противъ царя въ такое время, когда тотъ былъ беззащитенъ,—и все-таки мятежный сынъ погибъ ужаснымъ образомъ въ битвѣ съ вѣрными царскими войсками.

Но посмотрите на самихъ лжеучителей въ ихъ преступной дѣятельности, которая теперь открыта предъ всѣми послѣ кровавыхъ бунтовъ ослѣпленныхъ ими и сбитыхъ съ толку несчастныхъ рабочихъ. Посмотрите: они отвергаютъ власти, учатъ

не платить податей, не повиноваться начальству. Но стоит имъ хотя на минуту собраться вмѣстѣ для своей преступной и разрушительной работы, какъ у нихъ тотчасъ же появляются свои власти: у нихъ самихъ есть комитеты, бюро, распорядители; они собираютъ насильно деньги и взносы, наказываютъ своихъ слушниковъ, убиваютъ противниковъ. Не ясно ли, что они не могутъ и сами обойтись безъ власти? И повѣрьте, они хотятъ этой своей власти подчинить народъ. Только одна разница: вмѣсто теперешней власти, законной, они хотятъ дать свою, незаконную; вмѣсто власти Царской, Богомъ установленной, хотятъ дать власть свою, самозванную. Этимъ самымъ они, вмѣсто мира, принесутъ нестроения; вмѣсто покойной жизни, принесутъ стачки, бунты, забастовки, убійства; вмѣсто человѣческой жизни, устроятъ звѣриную; вмѣсто общанной свободы, дадутъ рабство и запугиваніе всѣхъ, кто съ ними не согласенъ, какъ они и дѣлали во время стачекъ; вмѣсто счастья, они дадутъ гибель и слабость, которою воспользуются наши враги. Самыя страшныя времена были въ исторіи именно тѣ, когда не было законной власти. Кто любитъ ближнихъ, кто любитъ свой народъ, кто слушается слова Божія, кто хочетъ самому себѣ счастья, кто не потерялъ совѣмъ разума,—тотъ всѣми силами, всею любовью, не по страху, а по совѣсти, свободно и съ усердіемъ поддерживай власть, по заповѣди Божіей, и знай, что безвластіе—худшее изъ всѣхъ общественныхъ и государственныхъ несчастій.

Правда, бываютъ нерѣдко правители неумѣлые, иногда несправедливые, иногда и прямо худые и вредные. Помнить, однако, нужно, что и правители—люди, а гдѣ люди, тамъ всегда и ошибки, и слабости, и пороки. Правители вѣдь выходятъ изъ нашей же среды; каковы мы, таковы и выпедшіе отъ насъ, назначенные или выбранные представители власти. И затѣмъ: не бунтомъ, не злобою и не насиліемъ исправляется власть.

Какіе правители были при Иисусѣ Христѣ? Тогда правили народомъ злой Пилатъ, лукавый Иродъ; а высшими служителями Бога и святаго храма были маловѣрные тестъ и зять—Анна и Каиафа; какъ бы въ насмѣшку, они звались первосвя-

щенниками. И что же? И Спаситель нашъ и Его апостолы не шли противъ нихъ съ бунтомъ и возмущеніями и не учили тому другихъ. Напротивъ, Они подчинялись ихъ распоряженіямъ и принимали отъ нихъ судъ. Правда, когда Спасителя ударили по лицу на судѣ у Анны, Онъ на это возразилъ словомъ: „если Я сказалъ правду, за что бьешь Меня?“ (Іоан. XVIII, 23). То же дѣлали и апостолы на судѣ у царей и первосвященниковъ: они ссылались на свои права, они искали правосудія и справедливости (см. Дѣян. XVI, 37; XXIII, 1—3).

Но этотъ путь слова открыть и намъ, надъ одними правителями поставлены у насъ другіе, высшіе: земля наша не безсудна; можно указать предъ судомъ и высшею властью на всякую неправду. *А взявше мечъ, по слову Христову, мечемъ и погибнуть* (Матѳ. XXVI, 52). Теперь о свободѣ слова, ищущаго правды, объявилъ и Государь въ манифестѣ отъ 17 октября; теперь въ новоучреждаемой Государственной Думѣ свободно можетъ раздаваться слово каждаго гражданина, кто бы онъ ни былъ, и власть должна и обязана выслушать его.

Христіанинъ! По примѣру и завѣту Господа и Его апостоловъ, власти повинуйся... Изъ любви къ родинѣ, къ порядку, къ общему благу всѣхъ людей-ближнихъ,—власти повинуйся!

IV. Не соблазняй я не соблазняйся.

Бываютъ прилипчивыя, заразительныя болѣзни: чума, холера, тифъ. Со страшною силою онѣ распространяются среди людей, переходятъ изъ одной мѣстности въ другую, и всюду послѣ нихъ стоятъ новыя могилы, плачутъ семьи, страдаютъ невинныя сироты. Было время, когда люди не умѣли бороться противъ такихъ болѣзней, и цѣлыя страны нерѣдко обращались буквально въ пустыни. Но затѣмъ, послѣ многихъ несчастій, люди научились бороться съ заразными болѣзнями, и теперь онѣ не такъ страшны для того, кто сознаетъ ихъ опасность и бережется отъ нихъ.

Но есть другая зараза—духовная: дурные примѣры, дурныя ученія, дурныя листки и книги. И какъ душа выше и важнѣе тѣла, такъ духовная зараза опаснѣе и гибельнѣе заразы тѣлесной; она губить человѣка окончательно и навѣки.

Кто не знаетъ, что теперь охватила многихъ людей страшная духовная зараза ложныхъ, губительныхъ ученій? Люди, потерявшіе вѣру въ Бога, не признающіе Его святого закона, иногда искренніе, но ослѣпленные ложью, а иногда испорченные, лѣнивые, злые возмутители,—желаютъ, чтобы всѣ были похожи на нихъ: они и примѣромъ, и словомъ, и подметными листками (прокламаціями) всѣхъ призываютъ идти противъ Церкви, противъ Царя и властей; подговариваютъ рабочихъ людей прекращать работы; подучаютъ принуждать къ этому не только согласныхъ на ихъ безуміе, но и несогласныхъ; производятъ волненія и бунты; убиваютъ и бьютъ тѣхъ, кто не раздѣляетъ ихъ ученія,—и при этомъ они вѣрятъ сами и обѣщаютъ другимъ, что изъ производимыхъ ими беспорядковъ выйдетъ порядокъ. Послѣ такихъ безчинствъ и волненій, какъ послѣ чумы или холеры, умножаются могилы, стоитъ плачь въ семьяхъ, бѣдность, скорбь и страданія. Къ великому горю, многіе соблазняются такими ученіями.

Воистину, великое горе—соблазнять и соблазняться!

Кто первый соблазнитель? Извѣстный лукавый змѣй, въ образѣ котораго явился нашимъ прародителямъ діаволь; онъ соблазнилъ первыхъ людей въ рай и погубилъ ихъ, лишивши блаженства. Поэтому всѣ соблазнительны суть сыны, и слуги, и пособники діавола. Кто первые соблазненные? Адамъ и Ева; они, вмѣсто того, чтобы отвратить свой слухъ отъ ядовитыхъ рѣчей сатаны, повѣрили его обѣщаніямъ, вздумали быть какъ боги, возгордились въ сердцѣ, нарушили Божію волю и заповѣдь; за это они и сами были изгнаны изърая, на-вѣкъ потерявши счастье, и подвергли гнѣву Божію дѣтей своихъ, всѣхъ своихъ потомковъ—всѣхъ людей. Вотъ, какъ гибельно поддаться соблазну!

А нынѣшніе соблазнительны, которые учатъ народъ злу и обѣщаютъ ему разныя блага,—развѣ они не похожи на этого змѣя-діавола? И они научаютъ людей стать выше Бога; и они

учать нарушать заповѣдь и волю Божию о почитаніи Царя и властей, о повиновеніи пастырямъ Церкви, о жизни мирной и трудовой, заповѣдь объ удаленіи отъ всякихъ безчинствъ и бунтовъ; они повторяютъ то же, что говорилъ нѣкогда сатана первымъ людямъ, внушая имъ гордость противъ Бога, неповиновеніе Его заповѣди, обѣщая имъ счастье безъ вѣры, безъ исполненія долга и закона.

Великъ грѣхъ—произвести соблазнъ! Грѣхъ этотъ хуже убійства, потому что убійца губитъ только тѣло человѣка, а соблазнитель губитъ и тѣло и душу. Всякій грѣхъ можно загладить покаяніемъ, а соблазнъ какъ исправить? Самъ соблазнитель можетъ прекратить свой грѣхъ, свои злыя слова и дѣла; но какъ прекратить грѣхъ въ тѣхъ людяхъ, которыхъ онъ соблазнилъ? Это уже не въ его власти. Соблазнъ его—какъ брошенное сѣмя: онъ все растетъ и растетъ, отъ одного переходитъ къ другому, а виновникъ этого—соблазнитель. Одинъ святой учитель говоритъ: „Соблазнъ—то же, что моровая язва. Язва моровая зачинается въ одномъ человѣкѣ, а потомъ весь домъ, все село, весь городъ заражается; такъ и соблазнъ: начинается въ одномъ человѣкѣ и отъ него переходитъ ко многимъ“. Поэтому понятно, почему Господь такъ грозно судитъ соблазнительей: „Горе міру отъ соблазновъ“, говоритъ Спаситель нашъ въ евангеліи: „горе тому человеку, чрезъ котораго соблазнъ приходитъ“ (Мѣ. XVIII, 7). „Лучше было бы ему, если бы мельничный жерновъ повѣсили ему на шею и бросили его въ море, нежели чтобъ онъ соблазнилъ одного изъ малыхъ сихъ“ (Лук. XVII, 2).

О, какъ много, какъ много теперь несчастныхъ соблазненныхъ, въ сущности невинныхъ, сбитыхъ съ пути истины по легковѣрью и невѣжеству! Подстрекатели толкнули ихъ на забастовки, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ—на вооруженное возстаніе противъ власти. Когда же наступила опасность и пришлось нести справедливое наказаніе отъ законной власти и отъ вѣрныхъ своему долгу войскъ, то зачинщики и подстрекатели безстыдно бѣжали, ускользнули за границу, избѣгли правосудія, а несчастныхъ обманутыхъ своихъ слушателей подставили подъ пули, обрекли, какъ жертвы, горю, позору и

несчастію. Сколько разоренныхъ семействъ! Сколько вдовъ и сиротъ! Сколько загубленныхъ жизней! Сколько теперь несчастныхъ раскаиваются въ своемъ увлеченіи и въ ошибкахъ! Страшно и горько подумать объ этомъ. Страшно представить себѣ, что было въ Москвѣ и въ другихъ мѣстахъ нашей родины, гдѣ несчастные простецы-рабочіе, обольщенные, обманутые соблазнителями, забывъ вѣрноподданство, пошли съ оружіемъ въ рукахъ, по приказу самозванныхъ стачечныхъ комитетовъ и всякихъ союзовъ, противъ законной власти Царя и правительства

Вотъ наглядные, горькіе плоды соблазна!

Но какъ отъ холеры и чумы научились теперь люди беречься, такъ еще больше въ нашей власти и волѣ—укрыться отъ соблазновъ. Для добрыхъ людей здѣсь даже случай укрѣпить свою вѣру, показать свою твердость, доказать преданность закону Господа и закону Царя земного. Такъ и апостолы писали первымъ христіанамъ, въ огражденіе ихъ отъ соблазновъ: *„стойте въ вѣрѣ, мужайтесь, утверждайтесь“* (1 Кор. XVI, 13). Когда ты услышишь соблазнителя, то, слѣдуя евангельскому наставленію, обличи и вразуми его наединѣ; если не послушаетъ, возьми съ собою еще одного или двухъ; если и ихъ не послушаетъ, скажи Церкви (Матѣ. XVIII, 15—17), а потомъ уже исполни наставленіе апостола: *„измите злого отъ васъ самтъхъ“* (1 Кор. V, 13). Пусть тогда соблазнитель будетъ тебѣ, какъ язычникъ и чужой: отдай его на судъ, отдай его власти, чтобъ онъ не губилъ невинныхъ людей. Во имя Бога и Церкви, во имя Царя, ради народнаго счастья, ради нашихъ родныхъ и близкихъ, ради нашего собственнаго спасенія, нужно ограждаться отъ злыхъ: не соблазняться ихъ лживыми обѣщаніями; вѣрю, молитвою, добрымъ словомъ, послушаніемъ пастырямъ поддерживать и охранять другъ друга въ добрѣ, въ вѣрности Богу, въ послушаніи Церкви, Царю, власти и закону. Избѣгать нужно только самосуда и насилія, помня святое наставленіе апостола: *„Завѣщаваемъ вамъ, братія, именемъ Господа нашего Іисуса Христа, удаляться отъ всякаго брата, поступающаго безчестно..., но не считайте его за врага, а вразумляйте, какъ брата“* (2 Сол. III, 6, 15).

Въ чемъ сила соблазнительей? Въ томъ, прежде всего, что они будятъ и поднимаютъ въ человѣкѣ самыя нечистыя и низменныя страсти, все худое и грѣховное, на что грѣшный человѣкъ способенъ: злобу, ненависть, зависть къ чужому добру, жадность, лѣнь. Живущій въ каждомъ изъ насъ грѣхъ, грѣховная склонность представляютъ привлекательнымъ соблазнъ діавола, а съ грѣхомъ и діаволомъ согласны и ложные учителя, соблазнительи народа. И думается грѣшнику: „пріятно ничего не дѣлать, отомстить врагу, отобрать у богатаго его имѣніе, сдѣлать зло хозяину“. Но каждый вѣдь хорошо понимаетъ, что пріятность грѣха—только на одну минуту, что грѣхъ обращаетъ жизнь людей въ адъ, что грѣхъ никогда не остается безнаказаннымъ и, прежде всего, онъ поражаетъ самого грѣшника. Грѣхъ—это подслащенный ядъ: начинается какъ-будто сладостью, а кончается муками и неминуемою смертью.

Въ чемъ еще сила соблазнительей? Въ томъ, что у нихъ находятся хоть немного слушателей. Перестаньте слушать соблазнительей—и ихъ сила пропадетъ, и сами они исчезнутъ. Что было бы, если бы вдругъ явились люди, которые стали бы учить, что намъ не надо ѣсть и пить, не надо дышать? Такихъ безумцевъ, конечно, никто не сталъ бы слушать, и они сами должны были бы замолчать. Но лжеучители нынѣшніе вѣдь учатъ въ сущности тому же: они отнимаютъ у насъ духовную пищу, духовное питье и самое дыханіе жизни—вѣру святую, Божій законъ, миръ душевный, правильное устройство, правильный порядокъ жизни церковной и государственной. Безъ этихъ благъ мы на вѣки умремъ духовною смертью. Чтобы избѣжать такой участи, мы должны уклоняться отъ лжеучителей и не слушать ихъ рѣчей.

Помнить надо, что не всякій соблазненный невиненъ. Невиненъ и достоинъ помилованія и сожалѣнія только тотъ, кто поддался злему слову и дѣлу по невѣдѣнію, кто обманомъ вовлеченъ былъ въ соблазнъ. Если же ты уже знаешь грѣховность того или другого слова или дѣла; если ты хорошо понимаешь, какъ противна Богу и совѣсти рѣчь соблазнителя, толкающая тебя на насиліе, злобу и измѣну закону, а самъ

идешь слушать такую рѣчь, услаждаешься ею и готовъ ее исполнить по душевному согласію со зломъ,—то ты тяжко виновать предъ Богомъ, предъ своею совѣстью, предъ родиною, предъ твоими ближними; ты отвѣтишь за это предъ судомъ Божиимъ.

Рабъ, не знавшій воли господина своего и не исполнившій ея, бить будетъ мало; но рабъ, знавшій волю господина своего и не исполнившій ея, бить будетъ много (Лук. XII, 48, 47). Такъ учить святое евангеліе.

VI.* Доброе слово рабочимъ людямъ и земледѣльцамъ.

Люди рабочіе! Свято предъ Богомъ и предъ людьми почетно ваше званіе. Было время въ древности, до Иисуса Христа, когда трудъ презирали, когда рабочихъ людей не отличали отъ животныхъ, когда ихъ покупали и продавали, какъ вещи. Но Спаситель нашъ Господь Иисусъ Христосъ принесъ на землю миръ и Божіе благоволеніе; Онъ научилъ людей правдѣ и милости, Онъ избавилъ ихъ отъ власти зла и грѣха. И прежде всего Онъ научилъ любить бѣдность, почитать трудъ. Онъ Самъ жилъ среди людей простыхъ и бѣдныхъ; Его мнимый отецъ Іосифъ былъ плотникъ; Его Мать занималась трудами домашняго хозяйства; Онъ Самъ помогалъ Іосифу въ трудахъ его до 30 лѣтъ жизни. Его апостолы были рыбаками; святой апостолъ Павелъ, позже всѣхъ призванный, занимался ремесломъ дѣланія палатокъ.

Такъ, люди рабочіе, стало свято предъ Богомъ и предъ людьми почетно ваше званіе. Но,—спросите,—какъ же все это сдѣлалось? Звалъ ли Христосъ Спаситель рабовъ на бунты противъ господъ? Учили ли апостолы людей рабочихъ злобѣ, возмущеніямъ, стачкамъ и забастовкамъ? Призывали ли они рабочихъ людей къ оружію противъ законной власти? Учили

* Подъ № V издана брошюра: „Берегись обманныхъ рѣчей“ (противъ социализма). Она отнесена къ 1-й части V тома настоящаго собранія сочиненій.

ли апостолы рабочихъ людей всего требовать силою и буйствомъ?

Нѣтъ и нѣтъ! Въ государствахъ древнихъ, до явленія христіанства, рабы часто дѣлали все это, производили бунты и волненія; но чѣмъ больше они обращались къ силѣ и оружію, тѣмъ хуже становилось ихъ положеніе; ибо зло родить только зло. Христіанскіе учителя дѣйствовали иначе. Они учили правдѣ и милости, учили этому одинаково господь и рабовъ, они смягчали сердце и тѣхъ и другихъ; они говорили, что господа и рабы равны предъ Богомъ, потому что иного равенства предъ Богомъ въ мірѣ нѣтъ и быть не можетъ; они говорили, что свобода настоящая—есть свобода отъ грѣха и діавола, и поэтому рабъ можетъ быть свободнымъ предъ Богомъ, а господинъ можетъ быть рабомъ у діавола. Христіанскіе учителя прославляли и почитали тѣхъ рабовъ, которые были святы по жизни и страдали за Христа; поэтому христіане-господа почитали молитвами и поклоненіемъ своихъ рабовъ, достигшихъ святости. Христіанскіе учителя не приказывали насильно господамъ отпускать рабовъ, но учили ихъ: *оказывайте рабамъ должное и справедливое, зная, что и вы имѣете Господа на небесахъ* (Колос. IV, 1). Христіанскіе учителя не позволяли рабамъ убѣгать отъ господъ, хотя они работали на нихъ даромъ; напротивъ, они учили ихъ: *рабы, повинуйтесь господамъ своимъ; Господа рабы, повинуйтесь господамъ не только добрымъ и кроткимъ, но и строптивымъ* (Ефес. VI, 5; 1 Петр. II, 13, 18).

И, однако, что же случилось? Какъ только цари и правители сдѣлались христіанами и стали слушать слово евангелія, начались заботы о рабахъ: ихъ стали освобождать и отпускать на волю сами господа, безъ всякаго принужденія, по убѣжденію пастырей Церкви; имъ дали воскресный день; имъ облегчали работы, защищали отъ насилій, а затѣмъ со-временемъ уничтожилось и самое рабство, потому что оно, видимо, несовмѣстимо стало съ христіанствомъ. Людей рабочихъ стали нанимать, а не покупать; между ними и хозяевами стали вершиться свободные договоры. Конечно, все это сдѣлалось не сразу, а постепенно. Вѣдь и на деревѣ плодъ нельзя выра-

стить въ одинъ день; а если начнешь что-либо дѣлать съ деревомъ, чтобы заставить его въ одинъ день дать и листья, и цвѣты, и плодъ, то дерево погибнетъ и плода не будетъ.

И въ нашемъ отечествѣ христіанскіе цари и правители всегда заботились о людяхъ рабочихъ: освободили крестьянъ отъ крѣпостной зависимости; дали имъ землю; дали самоуправленіе; назначили на фабрикахъ и заводахъ особыхъ лицъ, призванныхъ заботиться о рабочихъ; приступлено къ страхованію рабочихъ и обезпеченію ихъ старости. Теперь повелѣніемъ Государя рабочіе и крестьяне наравнѣ съ другими русскими гражданами призваны участвовать въ выборахъ въ Государственную Думу, въ законодательствѣ, въ управленіи государствомъ; они могутъ сами громко заявлять предъ Царемъ и цѣлымъ государствомъ о своихъ нуждахъ и желаніяхъ. Приложены заботы о крестьянахъ: облегчены платежи; рѣшено помочь имъ, безъ нарушенія чужихъ правъ и безъ обиды другихъ, пріобрѣсти необходимую землю; упорядочены условія переселенія.

Итакъ, дѣло заботы о рабочихъ и земледѣльцахъ движется впередъ и обѣщаетъ имъ лучшее будущее. Но этому благому дѣлу могутъ только помѣшать тѣ, которые учатъ крестьянъ и рабочихъ собираться въ стачки, забастовки, на бунты и волненія. Слова нѣтъ, среди такихъ учителей встрѣчаются люди хорошіе по душѣ, люди, готовые на добро, убѣжденные въ правотѣ своей, готовые на лишенія и страданія за свои убѣжденія; часто ихъ знаютъ рабочіе съ хорошей стороны и потому вѣрятъ ихъ словамъ. Но вѣдь часто и хорошій человѣкъ можетъ быть обманутъ, ослѣпленъ и идти ложнымъ путемъ. Вѣдь и Спаситель, обращаясь къ апостоламъ въ прощальной съ ними бесѣдѣ, такъ говорилъ о врагахъ христіанства: *„Наступаетъ время, когда всякій, убивающій васъ, будетъ думать, что онъ тѣмъ служитъ Богу“* (Іоан. XVI, 2). Такъ и проповѣдники бунтовъ и забастовокъ не замѣчаютъ, какъ они изъ людей, повидимому, ищущихъ добра рабочимъ и крестьянамъ, дѣлаются врагами рабочихъ и крестьянъ, врагами общества и государства. Развѣ зло и насиліе принесутъ добро? Развѣ грязное бѣлье можно вымыть и одѣлать чистымъ въ

грязной лужѣ? Кому полезны стачки, забастовки? Онѣ лишаютъ бѣдныхъ людей работы и заработка; несчастныя семьи сидятъ безъ куска хлѣба; припасы становятся дороже; многого купить нельзя; мяса и хлѣба не продаютъ, или продаютъ за большую цѣну: и денегъ не зарабатываешь, да и то, что скопилъ и припасъ, скоро истратишь. Все это ложится тяжкимъ бременемъ на тѣхъ же рабочихъ, на тѣхъ же бѣдняковъ, которымъ имъ руководители въ стачкахъ обѣщаютъ всякія блага, и которыхъ увѣряютъ въ своей любви и заботливости. Не говоримъ уже о томъ, что наряду съ людьми хорошими, но обманутыми, въ средѣ подстрекателей на бунты и забастовки не мало прямо злыхъ людей, сознательныхъ враговъ Россіи. Такимъ нужна только смута; они хотятъ помѣшать правительству въ его работѣ. Какъ вору и хищнику нужна ночь, такъ имъ нужно общее недовольство.

Люди рабочіе! Васъ такъ любилъ Христосъ Спаситель нашъ и святые апостолы; о васъ такъ всегда заботилась и молилась Церковь Божія; изъ рабочихъ людей въ древности вышло столько святыхъ и праведныхъ, которыхъ мы почитаемъ! Не оскорбляйте же Христа Господа измѣною Его ученію; не ухудшайте своего положенія волненіями и забастовками; не препятствуйте Царю и правительству заботиться о васъ и устроить во благо вашу жизнь! Свято предъ Богомъ и предъ людьми почетно ваше званіе: не дѣлайте его позорнымъ! *„Не ревнуй злодѣямъ, не завидуй дѣлающимъ беззаконіе, ибо они, какъ трава, скоро будутъ подкошены и, какъ зеленѣющій злакъ, увянутъ. Уповай на Господа и дѣлай добро; живи на землѣ и храни истину. Утѣшайся Господомъ, и Онъ исполнитъ желанія сердца твоего. Предай Господу путь твой и уповай на Него... Не ревнуй успѣвающему въ пути своемъ, человеку лукавующему“* (Псал. 36, 1—5, 7).

Мира и спокойствія ищетъ теперь наша страдальца-родина, наша земля русская. Въ мирѣ и покоѣ, съ добрымъ сердцемъ и добрымъ разумомъ нужно приступить къ избранію представителей въ Государственную Думу, чтобъ они, въ союзѣ и согласіи съ Царемъ, дали обновленную жизнь Россіи. Не безпорядками создать можно порядокъ; не насиліями вводится

покойная и счастливая жизнь; не грабежомъ и разгромами чужого добра обогащается народъ; не злобные и не завистники принесутъ намъ счастье, а люди набожные, добрые, любящіе, трезвые, благоразумные и трудящіеся. Пусть они будутъ избраны въ Государственную Думу и обсудятъ, что нужно сдѣлать во благо народа нашего. Торопливостью и насиліемъ нельзя достигнуть сразу устройства жизни народа, какъ,—повторяемъ еще разъ,—нельзя насильно заставить дерево въ одинъ день дать и листья, и цвѣты, и плодъ. Не вѣрьте тѣмъ, кто обѣщаетъ вамъ путемъ насилій сразу жизньъ счастливую; такіе люди *не знаютъ пути мира* (Ис. LIX, 8).

VII. ОПОМНИТЕСЬ, ГРАВИТЕЛИ!

(По поводу погромовъ помѣщичьихъ имѣній.)

Не пожелай дому ближняго твоего... ни поля его... и ничего, что есть у ближняго твоего. (10-я заповѣдь Закона Божіа.)

Неужели до погромовъ чужого добра дошелъ православный русскій человѣкъ? Неужели совѣсть и разумъ его не остановили? Неужели думаютъ несчастные погромщики, что они съ чужого добра, отъ грабежа чужой собственности разбогатѣютъ?

Нѣтъ, не хочется вѣрить, чтобъ это было такъ! Не хочется вѣрить, что потемнѣла душа народная, заснула совѣсть, забыта любовь къ родинѣ, забыто слово Божіе, забытъ страхъ суда Господня!

Пришли незванные учителя, злые и безумные; заговорили дерзкими рѣчами съ народомъ, обѣщали всякихъ благъ отъ погромовъ и грабежей. Сначала, конечно, стали слушать ихъ немногіе, давно сбившіеся съ пути, такіе, которые давно совѣсть потеряли. А тутъ кругомъ нужда и бѣдность, а тутъ всякіе слухи и разговоры о внутреннихъ безпорядкахъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи. И все-таки вѣра въ Бога, Христовы заповѣди, ученіе Церкви Божіей, преданія благочестивыхъ и на-

божныхъ предковъ, да и собственная совѣсть и благоразуміе,— все это непремѣнно остановило бы народъ нашъ отъ грѣха. Но чего не сдѣлали злыя рѣчи, то сдѣлала водка. Сначала потерянные въ совѣсти люди пошли на погромъ чужого добра, потомъ пьяные, потомъ выпившіе, а затѣмъ безуміе охватило и трезвыхъ, овладѣло и рассудительными, и вотъ, въ концѣ-концовъ во многихъ мѣстахъ мы увидѣли страшныя зрѣлища погромовъ и грабежей. Пылаютъ дома и усадьбы помѣщиковъ и владѣльцевъ; пылаютъ сады, воздѣланные столькими трудами и стараніями; въ ужасѣ мечутся невинные люди, ожидая смерти; малыя дѣти, матери, женщины, старики и старухи бѣгутъ, ища спасенія отъ смерти; озвѣрѣлые грабители зимою выбрасываютъ изъ оконъ разоряемыхъ домовъ грудныхъ дѣтей прямо на снѣгъ и морозъ; подвѣшиваютъ лошадей и коровъ и обрѣзываютъ у нихъ копыта и ноги по колѣна; сжигаютъ живыми лошадей и прочій домашній скотъ, убиваютъ помѣщиковъ, управляющихъ и проч. Что это такое? Къ чему эти безцѣльныя жестокости? Къ чему эти звѣрства? Кому полезно разореніе страны,—вѣдь *родной страны*? Въ христіанскомъ ли народѣ все это творится? Отчего не нашлось никого, кто бы остановилъ безумцевъ? Здоровые ли это люди, или всѣ сплошь обезумѣвшіе?

Не вездѣ дѣлались такія звѣрства, но вездѣ крестьяне забирали хлѣбъ въ амбарахъ и уносили или увозили къ себѣ, а что не могли взять, то уничтожали. Былъ въ одномъ мѣстѣ такой случай. Приѣхали крестьяне на повозкахъ въ помѣщичью усадьбу и стали грабить. Помощи было неоткуда ждать. Помѣщикъ отдалъ ключи отъ амбаровъ, а самъ сталъ на крыльцѣ и смотрѣлъ на все это безобразіе. Видитъ онъ, мимо него крестьянинъ тащить два мѣшка хлѣба, тащить, падаетъ, никакъ поднять тяжелой ноши не можетъ. Помѣщикъ и говоритъ крестьянину: „Что же ты надрываешься? Положилъ бы на повозку и довезъ бы домой“. Но оказалось, что у крестьянина нѣтъ лошади и повозки, онъ пришелъ пѣшимъ. Помѣщикъ и говоритъ ему: „А вотъ стоятъ же повозки и лошади, отчего же ты не берешь хоть одну?“ „Да вѣдь онѣ чужія!“—отвѣчаетъ крестьянинъ. „Ну, а хлѣбъ-то развѣ свой несешь?“—спросилъ

помѣщикъ. Крестьянину вдругъ стало такъ больно и стыдно, что онъ бросилъ мѣшки и поскорѣе убѣжалъ отъ усадьбы.

Да, братіе, вотъ о чемъ надо подумать прежде всего: сила—силою, бѣдность—бѣдностью, а правда остается правдою, совѣсть—совѣстью: дозволено ли, справедливо ли и полезно ли брать чужое?

Мы знаемъ, что монахи, принимая постриженіе, совсѣмъ отрекаются отъ міра, отъ собственности, и ничего своего не должны имѣть. Послушайте, однако, наставленія одного изъ великихъ учителей монашества—преподобнаго Исаи. Онъ наставлялъ монаховъ: „Если братъ возьметъ у тебя какую-либо твою вещь, не напоминай ему объ этомъ и не требуй, чтобъ онъ ее тебѣ возвратилъ. Но если братъ у тебя въ комнатѣ положить *свою* вещь, оставить ее на храненіе, то ты не только не смѣй пользоваться ею, но даже не смѣй взять ее въ руки и посмотрѣть, если на это ты не получилъ разрѣшенія отъ хозяина“. Такъ высоко чтили древніе отцы и учителя право собственности. Свое отдай,—это твое право и твоя воля; а чужого не касайся, и не твое дѣло судить, по праву ли ближній твой владѣетъ своею собственностью. Этому учили древніе отцы, послѣдуя наставленію Самого Господа и Спасителя нашего, Который, живя на землѣ, былъ бѣденъ, принималъ помощь отъ другихъ, но силою не отнималъ ни у кого ни хлѣба, ни денегъ, и кромѣ того, изъ тѣхъ даяній, которыя Онъ получалъ отъ вѣрующихъ и преданныхъ Ему людей, Онъ Самъ помогалъ нищимъ и раздавалъ бѣднякамъ. Объ этомъ можно читать въ евангеліи. Онъ же оставилъ намъ наставленіе: „*блаженнѣе давать, нежели принимать*“ (Дѣян. XX, 35). Судите же сами, какъ преступно *отнимать* силою, да еще съ жестокостью и истязаніями! Судите же, какъ преступно уничтожать, и жечь, и громить чужое добро только потому, что оно чужое!

Вотъ еще рассказъ изъ благочестивой древности.

Однажды преподобный Зенонъ въ жаркое время проходилъ мимо огуречнаго огорода. Онъ очень утомился и сѣлъ отдохнуть и принять пищи. Около росли огурцы; ихъ видъ и пріятный запахъ соблазнили Зенона, а голодъ подсказывалъ

ему желаніе воспользоваться чужою собственностью. И мысль въ немъ была: „отчего бы не съѣсть только одинъ огурецъ? Что въ этомъ важнаго и кому убытокъ?“ Но преподобный Зенонъ отвергъ лукавый и грѣшный помысль; мало того, онъ захотѣлъ наказать самый помысль и напередъ отнять силу у соблазна. Онъ сказалъ себѣ: „Зенонъ, ты захотѣлъ взять чужое, но вѣдь воры подвергаются наказанію; такъ испытай же себя, можешь ли ты перенести наказаніе?“

Всталъ Зенонъ и пять дней простоялъ на зноѣ, и когда пришелъ онъ въ полное изнеможеніе, то сказалъ самъ себѣ: „Ты не можешь перенести земного жара и наказанія, какъ же перенесешь наказаніе небесное? Если не можешь, то не воруй, не бери и не ѣшь чужого“.

Слышите ли это вы, безумные любители чужого добра? Или забыли вы заповѣдь Господню: „не укради“? Или забыли заповѣдь закона: *не пожелай дому и поля ближняго твоего?* Слышите ли: даже *не пожелай!* А какъ же смотрѣть на погромъ и грабительство? Или забыли вы, какъ грозно Господь наказывалъ тѣхъ, которые утаивали чужую собственность? Забыли, какъ Господь наказалъ проказою Пезія, слугу пророка Елисея, за то, что онъ польстился на чужое добро?

Или вы думаете, что силою и неправедно взятое у ближняго въ самомъ дѣлѣ обогатитъ васъ и кого-либо?

Нѣтъ и нѣтъ! Человѣкъ питается не грабежомъ, а собственнымъ трудомъ. И не земля, не инструменты, не машины, не отнятый хлѣбъ кормятъ человѣка, а его собственный трудъ, трудъ честный, заповѣданный Богомъ, освященный примѣромъ Христа Спасителя, Его апостоловъ и всѣхъ святыхъ. *Кто не хочетъ трудиться, тотъ и не ѣшь*,—вотъ какъ строго завѣщаетъ слово Божіе (2 Сол. III, 10). Говорятъ: есть богачи, которые сами ничего не дѣлаютъ и напрасно живутъ на свѣтѣ, напрасно пользуются богатствомъ. Такъ что же? Ты самъ хочешь быть такимъ? Чему же ты поревновалъ? На что позарился? На грѣхъ? Ибо кто богатъ, но самъ не трудится и не работаетъ, тотъ тяжко грѣшитъ, тотъ Богу отдастъ страшный отчетъ за праздную жизнь. А кто завидуетъ такому богатому и идетъ на погромъ его имѣнія и на грабежъ его добра, тотъ

вдвойнѣ грѣшить: во-первыхъ, онъ самъ, значить, желаетъ быть такимъ же празднымъ, и тѣмъ навлекаетъ на себя гнѣвъ Божій; во-вторыхъ, онъ воруетъ, грабитъ, нарушаетъ Божій законъ и, такимъ образомъ, этимъ еще усиливаетъ свою вину, усиливаетъ гнѣвъ Божій. И кто можетъ быть праведнымъ судьей, кто разберетъ безъ ошибки, гдѣ правильное пользование богатствомъ, а гдѣ неправедное? Тебѣ же когда, гдѣ и кто далъ право быть такимъ судьей? И во что обратится жизнь людей, если каждый будетъ считать себя въ правѣ грабить чужое имущество? Это будетъ жизнь звѣриная, и конецъ ея—нищета, полная нищета народа.

Да, погромы и грабежи только разоряютъ народъ. Допустивъ ихъ въ одномъ мѣстѣ, мы допустимъ грабежъ и насилия во всемъ царствѣ, и станемъ всѣ врагами другъ другу. Сегодня ограбятъ богатаго помѣщика, завтра—купца, а тамъ—богатаго крестьянина, и кончится все это непременно и неизбежно тѣмъ, что всякій кого только будетъ считать хоть чуть побогаче себя, того и станетъ онъ бить, громить и грабить. Это уже будетъ, повторяемъ, не жизнь людей, а жизнь звѣрей. Да и у звѣрей имѣется хоть какой-либо порядокъ.

И исполнится надъ нами слово Христова: *„Всякое царство, раздѣлившееся само въ себя, опустѣетъ; и всякій городъ или домъ, раздѣлившійся самъ въ себя, не устоитъ“* (Матѣ. XII, 25).

Этого именно и хотятъ враги Россіи, тѣ злые учителя, которые мутятъ нашъ вѣрующій народъ сатанинскими рѣчами своими о бунтахъ, измѣнахъ, о погромахъ чужихъ имѣній и отобраніи чужой земли и собственности.

Но не можетъ же хотѣть этой гибели Россіи самъ русскій народъ! Вѣдь погромы и грабежи губятъ не отдѣльныхъ только лицъ: они губятъ Россію, губятъ нашу дорогую родину, ослабляютъ ее, дѣлаютъ нищею и ставятъ въ полную зависимость отъ иностранцевъ. Вѣдь погромы эти, не обогащая погромщиковъ, разоряя помѣщиковъ и всю страну нашу, полезны и желательны только для враговъ Россіи. Кому же служатъ погромщики: добру или злу? Свѣту или тьмѣ? Богу или діаволу?

Братіе, смотрите, поступайте осторожно, не какъ не-

разумные, но какъ мудрые..., потому что дни лукавы (Еф. V, 15—16).

Вотъ, поистинѣ, самое благовременное наставленіе апостола въ наши лукавыя дни. И еще его же наставленіе: *„Кто красть, впередъ не кради, а лучше трудись, дѣлая своими руками полезное, чтобы было изъ чего удѣлять нуждающемуся“* (Еф. IV, 28).

VIII. ЛИЦЕМЪРІЕ.

Спаситель въ субботу исцѣлилъ страдающую женщину, имѣвшую сухую руку; Онъ возвратилъ несчастной здоровье и возможность честною работою добывать себѣ и близкимъ пропитаніе, быть полезнымъ и дѣятельнымъ членомъ общества. Но зависть и злоба фари́сеевъ нашли и здѣсь поводъ къ обвиненію противъ Чудотворца. Фарисеи, не смѣя отрицать или осудить самое дѣло благодѣянія, нашли, что оно совершено не тогда, когда это можно и нужно, а въ субботу, въ день, въ который, по ученію фари́сеевъ, слѣдовало воздерживаться отъ всякаго дѣла, даже и отъ дѣла благодѣянія ближнему.

Спаситель здѣсь же, въ синагогѣ, гдѣ совершено было чудо исцѣленія, обличилъ начальника синагоги за такія разсужденія и назвалъ его *лицемѣромъ*. Лицемѣръ этотъ говорилъ не по любви къ празднику, не по ревности къ славѣ Божіей; онъ мнимою и показною заботою о благочестіи и храненіи субботы прикрывалъ свою ненависть къ Иисусу Христу; онъ искалъ только повода къ тому, чтобы предъ народомъ унижить Иисуса Христа и обвинить Его въ нарушеніи закона. Ибо, если бы онъ дѣйствительно ревновалъ о славѣ Божіей и о благѣ ближнихъ,—а объ этомъ и говоритъ Законъ Божій,—то онъ порадовался бы тому, что въ праздникъ Господень, въ домѣ молитвы, силою свыше, Иисусъ Христосъ, во имя Отца Небеснаго, исцѣлилъ несчастную женщину и сдѣлалъ ее счастливою и довольною.

Страшенъ грѣхъ лицемѣрія! Онъ укореняется въ человѣкѣ постепенно и прочно, онъ крѣпко захватываетъ власть надъ душою человѣка и, самое главное, быстро становится непримѣтнымъ постояннымъ спутникомъ всѣхъ мыслей и чувствъ, всѣхъ отношеній къ людямъ и событіямъ жизни, такъ что даже самъ грѣшникъ уже не замѣчаетъ своей неискренности и своей лицемѣрной оцѣнки всего окружающаго. Спаситель сравниваетъ этотъ грѣхъ съ закваскою въ тѣстѣ: когда поднялся и испеченъ хлѣбъ, трудно найти въ немъ эту закваску, а между тѣмъ она, несомнѣнно, въ немъ есть... Берегитесь, говоритъ Спаситель Своимъ ученикамъ, берегитесь закваски фарисейской, которая есть лицемѣріе... (Мѡ. VI, 16, 11; Марк. VIII, 15; Лук. XII, 1).

Лицемѣріе можетъ охватывать всю жизнь человѣка, но всего позорнѣе, всего опаснѣе и ужаснѣе, когда оно вторгается въ область религіозную. И нужно сказать, переживаемое нами время особенно богато такимъ именно лицемѣріемъ. Укажемъ примѣры.

Нужно врагамъ родины ослабить или совсѣмъ уничтожить значеніе присяги; не нравится имъ, что сыны родины, побуждаемые присягою, остаются вѣрными долгу службы и готовы на смерть за Царя и отечество; хочется врагамъ отечества, чтобы сыны его обратились въ измѣнниковъ и предателей. И вотъ, раздаются рѣчи о томъ, будто присяга запрещена Иисусомъ Христомъ въ евангеліи, тогда какъ мы хорошо знаемъ изъ того же евангелія, что Іисусъ Христосъ на судѣ въ Синедрионѣ, когда первосвященникъ заклиналъ Его Богомъ живымъ и этимъ приводилъ къ присягѣ, Самъ принесъ клятву. Но кто же и почему говоритъ противъ присяги? Вѣрующіе люди? По чувству любви и благоговѣнія къ евангелію? Нѣтъ, это говорятъ тѣ, кому и вѣры не нужно, тѣ, которые и евангеліе по своему усмотрѣнію передѣлываютъ. Это говорятъ *лицемѣтры*.

Нужно врагамъ родины, преступникамъ противъ закона, избавиться отъ тяжкихъ наказаній, которыя они по достоинству заслужили, избавиться отъ смертной казни за свои страшныя злодѣянія. И вотъ они кричатъ и вопятъ, что смертная

казнь запрещена закономъ Божиимъ, что она противна заповѣди: *не убій*. Они не хотятъ знать, что въ той же книгѣ Закона Божія, въ которой читаемъ заповѣдь: *не убій*,—для враговъ общества, для враговъ отечества положена смертная казнь; значить, въ личныхъ отношеніяхъ одного человѣка къ другому безусловно воспрещено убійство, но власти законной, о которой апостоломъ сказано, что она не напрасно *носитъ мечъ*, это право предоставлено. Но кто же говоритъ противъ смертной казни? Люди, дѣйствительно почитающіе евангеліе и заповѣди Божіи? Люди, которые сами гнушаются убійствомъ? Нѣтъ, это говорятъ тѣ, которые сами убиваютъ безъ конца, убиваютъ изъ-за угла начальниковъ, солдатъ, полицейскихъ, которые при грабежахъ денегъ у артельщиковъ, казначеевъ, въ лавкахъ бросаютъ бомбы и убиваютъ десятками людей неповинныхъ; люди, которые не разбираютъ при этомъ ни прохожихъ, ни стариковъ, ни дѣтей Тысячи людей они убили, другимъ грозятъ смертью; объ ихъ кровавыхъ преступленіяхъ знаетъ весь свѣтъ. Себѣ разрѣшая все, они у законной власти отвергаютъ право наказывать и казнить злодѣевъ за ихъ непрерывныя злодѣянія и за непрерывныя убійства невинныхъ людей. Это самое гнусное и самое отвратительное *лицемѣріе*.

И эти же люди, чтобы уничтожить страшное для нихъ войско, вѣрное долгу, вѣрное Царю и родинѣ, стараются доказать, что не нужно ни войска, ни войны, потому что Спаситель повелѣлъ любить враговъ и не противиться злу. Они умалчиваютъ о томъ, что Спаситель сотника Капернаумскаго восхвалилъ за вѣру его, но не велѣлъ ему бросить службу и идти за Нимъ. Но кто же это говоритъ о любви ко врагамъ? Люди, которые сами любятъ враговъ своихъ и не противятся злу? Нѣтъ, они съ тѣми, кого считаютъ врагами, раздѣляются кинжалами, револьверами и взрывами такой страшной силы, что отъ нихъ разрушаются цѣлыя зданія и гибнутъ десятки людей; они подстерегаютъ и выслѣживаютъ цѣлыми мѣсяцами ненавистныхъ имъ людей и убиваютъ ихъ изъ-за угла безъ всякой жалости; они врываются въ дома тѣхъ, кого считаютъ врагами, и нерѣдко на глазахъ жены, дѣтей, родныхъ и близкихъ разстрѣливаютъ ихъ. Они-то и говорятъ о

любви ко врагамъ. Это—лицемѣры, въ тысячу разъ худшіе гѣхъ лицемѣровъ, которыхъ осуждалъ Спаситель.

Итакъ, берегись, христіанинъ, слушать лицемѣрныя рѣчи лжесловесниковъ и ихъ указанія на евангеліе. Имъ нужна не сила и слава евангелія,—имъ нужна только своя преступная выгода.

Древній мудрецъ говоритъ, что лицемѣръ устами своими губить ближняго своего (Прем. XI, 9); слѣдовательно, лицемѣріе есть духовное убійство. Страшенъ этотъ грѣхъ предъ Богомъ, и пусть онъ бѣжитъ отъ насъ!

Прямота, искренность и болѣе всего послушаніе Церкви Божіей,—вотъ что дастъ намъ силу и возможность избавить себя отъ искушеній и обмана лицемѣровъ и самимъ не впасть въ опасный грѣхъ лицемѣрія, которое Спаситель обличаетъ такъ грозно въ св. евангеліи.

IX. Слово воинамъ по поводу мобилизаци.

Одинъ учитель Церкви говоритъ: „Богъ любитъ добродушный миръ, но Богъ же благословляетъ праведную войну. На землѣ всегда есть немирные люди, посему нельзя наслаждаться миромъ безъ помощи военной. Для охраненія мира необходимо, чтобы побѣдитель не позволялъ заржавѣть своему оружію“. Оттого и говорится въ словѣ Божіемъ: *„Благословенъ Господь, твердыня моя, научающій руки мои бити и персты мои—брани“* (Пс. 143, 1). Оттого Богъ мира и любви называетъ себя и *Господомъ воинствъ*. Слово Божіе свидѣтельствуетъ, что Господь благословилъ оружіе кроткаго Авраама, который пошелъ на войну, чтобы освободить своего племянника Лота; Господь повелѣлъ Иисусу Навину идти съ народомъ израильскимъ на войну противъ враговъ и чудесно даровалъ ему побѣду; Господь же повелѣлъ народу израильскому завоевать нечестивые языческіе народы. Богъ благословилъ оружіе перваго христіанскаго царя св. Константина и утѣшилъ его ви-

дѣніемъ Креста, какъ оружія побѣднаго. И наши предки, наши славные воины съ вѣрою и мужествомъ, съ готовностью на смерть, на всякія лишенія и страданія шли на войну, побѣждали царства, защищали вѣру, полагали свою жизнь за Церковь Божию, за братьевъ, за отечество. И такъ, воинъ—Божій слуга, исполнитель самой великой Христовой заповѣди: *нѣтъ больше той любви, какъ если кто положитъ душу свою за друзей своихъ* (Іоан. XV, 13).

Господь въ своемъ евангеліи предсказалъ, что въ послѣднія времена будутъ войны и военные слухи, что тогда будетъ проповѣдано евангеліе во всей вселенной, что войны будутъ очень тяжелы и много причинять скорби, но претерпѣвшій до конца спасется (Мате. XXIV, 9—14).

Исполняется теперь Божественное пророчество: на Дальнемъ Востокѣ ведется война Россіи противъ языческой Японіи, война тяжелая и скорбная. Нужно покориться волѣ Божіей и принять тяжесть войны; нужно не жалѣть ни силъ, ни средствъ, ни жизни, чтобы не посрамить Креста Господня; такъ разсуждали предки наши, когда шли умирать за вѣру и родину, и такъ заповѣдали поступать намъ: *Претерпѣвшій до конца спасется*.

Но въ Божественномъ пророчествѣ о грядущихъ войнахъ Господь прибавилъ: *„тогда многіе лжепророки возстанутъ и прельстятъ многіихъ“* (Мате. XXIV, 11). Исполняется и это пророчество на нашихъ глазахъ. Явились и у насъ лжепророки, стали смущать солдатъ и запасныхъ разными злыми и ложными рѣчами. Появились они и въ нашемъ краѣ, и подметными листками, въ ожиданіи мобилизаціи и призыва воиновъ на войну, уже впередъ смущаютъ добрыхъ людей. Они пишутъ такую „правду о войнѣ“, подъ которою подпишется развѣ только отецъ лжи—дѣволъ.

Увѣряютъ лжецы, что войну затѣяли Царь и правительство: но весь міръ знаетъ, какъ миролюбивъ былъ нашъ Царь, какъ Россія не хотѣла войны и не готовилась къ ней, а Японія первая и обманомъ начала войну.

Увѣряютъ лжецы, что въ русскомъ войскѣ перебиты всѣ опытные офицеры, а назначены молодые и незнающіе дѣла,

что нѣтъ докторовъ, что въ войскѣ голодъ: но все это низкая ложь; ни въ одной войнѣ не было столько заботливости о солдатахъ, какъ въ настоящую войну.

Пугаютъ лжецы солдатъ, что въ Маньчжуріи и жарко, и очень холодно, что война тяжелая, что тамъ горы и пропасти, что у солдатъ нѣтъ казармъ. Но развѣ этимъ можно запугать честнаго солдата? Развѣ бываетъ на войнѣ безопасно? Развѣ на войну идутъ для веселья? Развѣ на войнѣ строятъ казармы?

Пугаютъ еще тѣмъ, что у солдатъ останутся дома на родинѣ семьи и дѣти. Но развѣ не на всякой войнѣ такъ бываетъ? И притомъ: теперь можно за семьи и дѣтей не беспокоиться, потому что Царь и правительство, какъ объ этомъ много разъ объявлено, твердо рѣшили обезпечить ихъ въ случаѣ несчастья.

Учатъ ложные учителя солдатъ не повиноваться офицерамъ... А Богъ и совѣсть? А присяга Богу и Царю? Только трусь и низкій человѣкъ можетъ учить честныхъ воиновъ такими рѣчами, и только трусь и низкій человѣкъ послушаетъ такихъ рѣчей. Какъ пастырю молитва, какъ ученому ученье, какъ земледѣльцу работа, такъ *солдату свойственно повиновение*. Безъ повиновенія солдатъ—измѣнникъ и врагъ отечества. Если каждый будетъ разсуждать о войнѣ по-своему, и одинъ будетъ повиноваться, а другой не будетъ, то это будетъ не войско, а собраніе бродягъ.

Учатъ лживые учителя: нужно требовать скорѣе мира. Но миръ будетъ послѣ нашей побѣды или вообще, во время благопотребное, а иначе это будетъ позоръ отечества и страшный вредъ для него: враги возьмутъ наши земли, отберутъ торговлю; тогда сократятся у насъ работы; наступитъ бѣдность и безработица; отечество ослабѣетъ, и тогда со всѣхъ сторонъ на него станутъ нападать враги. Требовать скорѣе мира безъ побѣды могутъ только враги наши, которымъ это выгодно, и наши измѣнники и предатели—Иуды, которыхъ подкупили враги; таковы всѣ эти злые учителя.

Воины! Крестьяне! Люди рабочіе! Ко всѣмъ, кому Богъ и Царь повелитъ идти на войну, обращаемъ слово наше: будьте

честными слугами Царя и отечества; исполните свято вашъ долгъ, а смутителей и лживыхъ учителей предавайте власти; эти домашніе враги хуже враговъ внѣшнихъ, хуже японцевъ; это—измѣнники и предатели, которые достойны только презрѣнія и смерти.

На великое дѣло зоветъ васъ Господь: одолѣть врага-язычника, прославить Крестъ Господень и заслужить вѣчную славу и благодарность на родинѣ и вѣчную память и милость въ очахъ Божіихъ.

Х. П О К А Й Т Е С Я .

(Матѣ. IV, 17).

Мы переживаемъ смутныя и скорбныя времена. Господь посѣтилъ наше царство тяжелою войною на Дальнемъ Востоцѣ, куда такъ трудно доставлять войска и все необходимое. А внутри Россіи, какъ ночные хищники, вышли домашніе враги и развращаютъ народъ нашъ; они учатъ его не повиноваться Царю и властямъ, не почитать Церкви и ея пастырей, отказывать имъ въ содержаніи за служеніе алтарю; оскорбляютъ святыни и богослуженіе; научаютъ крестьянъ и рабочихъ людей всему худому: бунтамъ, волненіямъ, безпорядкамъ, стачкамъ и забастовкамъ; злыя рѣчи говорятъ солдатамъ; не щадятъ даже малолѣтнихъ дѣтей. Развѣ удивительно послѣ этого, что Господь за грѣхи наши не даетъ побѣды воинству нашему, наказываетъ насъ болѣзнями, напримеръ холерою, посылаетъ намъ несчастья?

Но все это дѣлаетъ Милосердый Господь, чтобы заставить насъ одуматься и покаяться.

„Покайтесь!“ (Матѣ. III, 2),—такъ началъ свою проповѣдь великій Іоаннъ Предтеча.

„Покайтесь!“ (Матѣ. IV, 17),—такъ началъ проповѣдь Свою людямъ и Господь Іисусъ Христосъ.

И теперь въ нынѣшнихъ скорбныхъ обстоятельствахъ слышится намъ тотъ же голосъ Господень: *Покайтесь!*

И прежде всего: *молитесь, да не увидите въ напасть, по*

слову нашего Спасителя (Лук. XXII, 40); *непрестанно молитесь*, какъ учить святой апостоль (I Сол. V, 17). Молитва подниметь насъ, ободрить, укрѣпить; молитва очиститъ души наши отъ всего нечистаго и грѣховаго, приучитъ насъ къ небу, приблизитъ насъ къ Богу. Наступаетъ скоро постъ; народъ православный въ Россіи привыкъ свято почитать его: вотъ время благоприятное, вотъ день спасенія!

Зачѣмъ оставили однихъ служителей Церкви молиться о побѣдѣ и прощеніи грѣховъ? Зачѣмъ такое равнодушіе къ бѣдствіямъ отечества? Зачѣмъ такъ мало помощи больнымъ и раненымъ воинамъ? Зачѣмъ такъ мало жертвъ на нужды войны? Зачѣмъ эти увеселенія, и время ли для нихъ?

Всѣмъ, всѣмъ надо возстать на молитву и покаяніе въ грядущіе дни святого поста. Грономъ теперь пусть раздастся слово пророка: „Вострубите трубой на Сіонѣ и бейте тревогу на святой горѣ моей, и да трепещутъ всѣ жители земли, ибо наступаетъ день Господень, ибо онъ близокъ... Обратитесь ко мнѣ всѣмъ сердцемъ своимъ въ постѣ, плачѣ и рыданіи. Радируйте сердца ваши, и обратитесь къ Господу Богу вашему, ибо Онъ благъ и милосердъ, долготерпѣливъ и многомилостивъ и сожалѣетъ о бѣдствіи. Вострубите трубою на Сіонѣ, назначьте постъ, и объявите торжественное собраніе. Соберите народъ, созовите собраніе (церковь), пригласите старцевъ, соберите отроковъ и грудныхъ младенцевъ; пусть выйдетъ женихъ изъ чертога своего и невѣста изъ своей горницы. Да плачутъ священники, служители Господни, и говорятъ: Пощади, Господи, народъ Твой, не предай наслѣдія Твоего на поруганіе, чтобы не издѣвались надъ нимъ народы. Для чего будутъ говорить между народами: гдѣ Богъ ихъ? И тогда возревнуетъ Господь о землѣ Своей и пощадитъ народъ Свой“ (Иоил II, 1, 12—18).

Принесите покаяніе предъ пастырями Церкви въ слезахъ и смиреніи; исправьте жизнь; оставьте увеселенія: они теперь—преступленіе предъ Богомъ и родиною.

Милостыня отъ смерти избавляетъ, она приходитъ на память предъ Богомъ (Дѣян. X, 2). Пусть же направится милостыня наша къ бѣднымъ и сирымъ, особенно же къ больнымъ и раненымъ воинамъ и къ ихъ семействамъ, которыя

остались безъ кормильцевъ. *Тебѣ оставленъ бѣдный, сироты ты буди помощникъ* (Пс. 9, 34),—такъ говоритъ теперь Господь каждому изъ насъ, кто не взятъ на войну.

Будемъ, наконецъ, *хранить единеніе вѣры въ союзъ мира* (Еф. V, 2): способствовать миру и спокойствію жизни, помогать другъ другу, утѣшать малодушныхъ, вразумлять заблуждающихся, охранять ихъ отъ соблазновъ злыхъ учителей, всѣми силами помогать вѣрѣ и благочестію.

Погибали язычники-ниневитяне, но, по слову пророка, покаялись; и Господь помиловалъ ихъ; погибали не разъ въ прошломъ и предки наши, но молились, каялись, очищали жизнь, и Господь не оставлялъ ихъ Своею милостію.

Тяжелыя времена, неудачи на войнѣ, потери убитыми и ранеными, потери кораблей, гибель миллионовъ изъ государственнаго достоянія,—пусть все это послужитъ намъ урокомъ: нужно долго бить колосъ, пока отдѣлится пшеница отъ соломы. *Примите наказаніе, да не прогнѣвается Господь* (Пс. 2, 12).

Блаженъ человекъ, котораго обличилъ Господь, и наказанія Вседержителя не отверщайся (Иов. V, 17).

„Сынъ мой, не пренебрегай наказанія Господня и не унывай, когда Онъ обличаетъ тебя. Ибо Господь, кого любить, того наказываетъ; бьетъ же всякаго сына, котораго принимаетъ. Если вы терпите наказаніе, то Богъ поступаетъ съ вами, какъ съ сынами. Ибо есть ли какой сынъ, котораго бы не наказывалъ отецъ? Если же остаетесь безъ наказанія, которое всѣмъ обще, то вы незаконныя дѣти, а не сыны. Притомъ, если мы, будучи наказываемы плотскими родителями нашими, боялись ихъ,—то не гораздо ли болѣе должны покориться Отцу духовъ, чтобы жить? Тѣ наказывали насъ по своему произволу для немногихъ дней; а сей—для пользы, чтобы намъ имѣть участіе въ святости Его. Всякое наказаніе въ настоящее время кажется не радостью, а печалью, но послѣ наученнымъ чрезъ него доставляетъ мирный плодъ праведности. Итакъ, укрѣпите опустившіяся руки и ослабѣвшія колѣна“ (Евр. XII, 5—12).

„*Старайтесь имѣть миръ со всеми и святость, безъ которой никто не увидитъ Господа*“ (Евр. XII, 14).

ПОСЛѢСЛОВІЕ КО II-МУ ТОМУ.

Во II-й томъ вошли *напечатанные* въ различныхъ органахъ мои проповѣдническіе труды за послѣдніе (съ 1901 по 1905-й вкл.) годы моего служенія въ г. Тифлисъ въ должности Окружнаго Наблюдателя церковныхъ школъ въ епархіяхъ Грузинскаго экзархата. Время съ марта 1905 года и до начала 1906-го, въ самый тревожный періодъ внутреннихъ беспорядковъ въ Россіи, я провелъ въ непрерывныхъ разъѣздахъ, въ командировкахъ по школамъ; мною посѣщены слѣдующія мѣстности: Владикавказская епархія съ Осетіей, Ставропольская губернія, Кубанская область и специально—горскіе мусульманскіе аулы Майкопскаго отдѣла, затѣмъ епархіи Благовѣщенская, Владивостокская, Сѣверная Маньчжурія, Забайкальская область, Иркутская, Енисейская, Томская, Омская епархіи. Тревожныя обстоятельства того времени и вообще крайне тяжелыя условія этого обширнаго путешествія, во время котораго пришлось много разъ совершать богослуженія и говорить поученія въ различныхъ городахъ и мѣстахъ Россіи, препятствовали печатанію проповѣдей, и поэтому онѣ остаются въ рукописяхъ; вотъ причина, по которой 1905-й годъ во II-мъ томѣ занимаетъ сравнительно мало мѣста. Придется ненапечатанныя проповѣди впоследствии, если Богъ благословитъ, издать особымъ дополнительнымъ томомъ.

Съ III-го тома начнется печатаніе проповѣдей Московскаго періода моей службы; этотъ томъ будетъ въ двухъ выпускахъ.

Къ настоящему тому прилагается подробное оглавленіе I-го тома; оно издано отдѣльно; просимъ вложить его въ концѣ I-го тома и замѣнить имъ слишкомъ краткое, данное тамъ оглавленіе.

Протоіерей *И. Восторговъ*.

ОГЛАВЛЕНІЕ

II-го тома.

1901 г.

	<i>Стр.</i>
1. Новый годъ и новый вѣкъ. (Новогодняя статья)	1
2. Священство—первородство духовное. (Въ день Срѣтенія, въ церкви Тифл. дух. сем.)	8
3. Союзъ пасомыхъ съ Архипастыремъ. (Въ недѣлю Православія и день тезоимен. екаарха Грузіи Флавіана.)	13
4. Нравственный обликъ Царя-Миротворца. (На собраніи Тифл. отд. О-ва ревнит. истор. просвѣщ. въ память Императора Александра III 26 февраля)	20
5. Геесиманскій подвигъ Господа Иисуса Христа. (Въ недѣлю Крестопоклонную, во 2-й Тифл. миссіонерской церкви)	26
6. Россія и Востокъ. (При открытіи Тифл. отд. О-ва Востоконвѣдѣнія 5 апрѣля)	45
7. Духъ народный. (При закладкѣ храма въ с. Голицыно, Влссаветт. губ., 22 апрѣля)	51
8. Единеніе Россіи и Грузіи. (При открытіи Кавказской сел.-хоз. выставки 2 сентября)	58
9. Грузія и Россія. (По поводу 100-лѣтняго юбилея присоединенія Грузіи къ Россіи, 25 сентября)	62

1902 г.

10. Служеніе родному народу. (Въ недѣлю о Закхѣѣ воспитани. Тифл. дух. сем.)	68
11. Святые завѣты дѣтямъ. (Въ день памяти св. Алексія, митр. Моск., по случаю тезоимен. екаарха Грузіи, учащимся гор. Тифлиса, 12 февр.)	72
12. Усердіе ученья и твердость вѣры. (Въ канунъ недѣли мясопустной, ученикамъ Кувійскихъ цер.-прих. школъ, 16 февр.)	78
13. Любовь къ ближнему—одинъ изъ путей богообщенія. (Въ недѣлю мясопустную, предъ сборомъ пожертвов., 17 февр.)	81
14. Дѣтямъ—о Н. В. Гоголѣ. (Передъ ланнихойдой о писателѣ въ церк.-прих. школѣ 21 февр.)	86
15. Палестина для Россіи и Грузіи. (Въ праздникъ Входа Господня въ Іерусалимъ, предъ сборомъ пожертвов., 7 апр.)	88
16. Праздникъ свѣта и радости. (Пасхальная статья)	96
17. Церковь. (При хиротоніи викаріевъ Грузіиск. епарх.—епископовъ Веніаміна и Дмитрія въ Сіонскомъ соборѣ 21 апр.)	101

18. Поэтъ-христiанинъ. Памяти В. А. Жуковскаго. (На актѣ церк.-прих. школѣ въ Тифлисѣ 11 мая)	110
19. Царская милость духовенству. (По поводу дарованiя пенсiи духовенству, въ гор. Душетѣ 7 iюля)	114
20. Свѣтъ духовный. (Въ недѣлю 3-ю, слушателямъ учит. курсовъ въ Тифлисѣ).	117
21. Грѣхъ. (Въ недѣлю 6-ю)	121
22. Духовная слѣпота и духовное просвѣщенiе. (Въ нед. 7-ю, въ стан. Ново-Александровской, Кубанской обл.)	125
23. Поклоненiе святынѣ. (При освящ. храма въ обители Автолiа Марткопскаго).	130
24. Женщина и женское образованiе. (При открытiи Карсской женск.progимн. 8 сент.)	134
25. Трудъ. (Въ нед. 22-ю, ученикамъ Грузинской епархiи)	142
26. Воинское дѣло и званiе. (На братской могилѣ защитниковъ Карса 26 сент., въ день ап. Иоанна Богослова)	145
27. „Домашняя церковь“. (При браковѣчанiи)	154
28. Единенiе всѣхъ положительныхъ силъ. (Въ день рожд. Государ. Импер. Марiи Θεодоровны, 14 ноября.)	155
29. Пустите дѣтей ко Христу. (Въ день Введенiя во храмъ Пр. Богородицы, въ Тифл. енарх. женск. уч.)	162
30. Православные народы во всемирной исторiи. (По случаю 25-лѣтiя взятiя Плевны, 28 ноября, въ Тифл. военн. соборѣ)	168
31. Сѣмя святое. (По освящ. храма въ Ахталъскомъ мон., Грузинской епархiи, 15 декабря)	176
32. На стражѣ народнаго блага. (По случаю 100-лѣтiя Министерства Вн. Дѣлъ и др. мн-ствъ, 30 декабря)	183
33. Значенiе святой вѣры. (Въ нед. 31-ю, сестрамъ и учащимся въ Водбiйской обители св. Намы)	187

1903 г.

34. Предъ лицомъ прошлаго и будущаго. (На молебствiи подѣ Новый годъ въ экзарш. церкви Тифлиса)	195
35. Старое и новое. (Новогодняя статья)	197
36. „Путь для Господа“. (Дѣтямъ въ храмовой праздн. 7 января)	204
37. Твердый характеръ стараго времени. Памяти протоiерея Иоанна Назарова. (Надгробная рѣчь въ Карсѣ)	206
38. Уроки инокинямъ. I. Царство Божiе. (Въ нед. по Просвѣщ., при освящ. храма въ Водбiйск. женск. мон.)	211
39. Уроки инокинямъ. II. Значенiе подвига монашества для мира. (Въ Водб. мон. въ нед. по Просвѣщ. за литург.)	215
40. Правда вѣры и жизни. (По поводу прославл. Серафима Саровск., въ нед. Правосл., 23 февр., въ Сiонскомъ соборѣ)	220
41. Честный служитель слова. (На панихх. по Гоголю при откр. ему памятника въ Тифлисѣ)	223
42. Переселенческое русское дѣло. (При откр. перес. села Николаевскаго въ Закавказьѣ)	228

43. Ожесточеніе сердца. (Въ Лазареву субб., при освящ. мастерскихъ на ст. Тифлисъ 29 марта)	232
44. Память о предкахъ. (Предъ ланкахъ во вторн. Фоминной нед. въ гор. Гору)	240
45. Любовь ко Христу. (Въ нед. жень-мврои, въ Ново-Аеозскомъ монаст. 20 апрѣля)	244
46. Единеніе. (Въ нед. тезоим. Госуд. Импер. Александры Ѳеодоровны, въ Сухумскомъ кафедр. соб. 23 апр.)	250
47. Истинное благополучіе и счастье. (Въ нед. о Самарянѣхъ, въ мастерск. ст. Тифлисъ 4 мая)	256
48. Уроки школьнаго Кирилло-Мееодіевскаго праздника. (Учащимся Кукій-скаихъ дерк. школъ въ Тифлисъ 11 мая)	261
49. Смысль Царскаго коронаванія. (Въ день коронаванія Ихъ Импер. Величествъ, 14 мая)	263
50. Уроки прославленія святыхъ. (Въ день прославл. Серафима Саровскаго, 19 іюня)	270
51. Врачуйся прежде недуга. (По случаю холерной эпидеміи)	276
52. Радость міру. (Въ праздн. Рождества Богородицы въ ст. Ново-Александр., Куб. обл.)	283
53. Христось и дѣти. (Въ станицн. школѣ предъ началомъ ученія 8 сент.) ..	287
54. Вѣчная побѣда вѣры. (Въ Іоанно-Вогосл. церкви Тифлиса 26 сент.)	288
55. Журналистъ, служитель добра. (При поминов. редактора „Кавказа“ К. Н. Вѣгичева 22 окт.)	293
56. Вѣра и невѣріе. (Въ праада. Рождества Христова)	296

1904 г.

57. Тяжкія предчувствія. (Въ день Нового года, въ Тифл. воен. соборѣ)	302
58. Значеніе религіи. (При освящ. Николаевскаго собора въ Эривани 27 января)	312
59. Условія побѣды. (По случаю манифеста о войнѣ съ Японіей, въ Тифл. военн. соборѣ 29 янв.)	318
60. Войнамъ напутствіе на бранный подвигъ. (При отправленія войскъ съ Кавказа на Дальній Востокъ 2 февр.)	321
61. Борецъ за русское дѣло на Кавказѣ. (При поминованіи В. Л. Величко 8 февр.)	324
62. Вѣрный слуга Россіи на Кавказѣ. (По случаю покушенія на кн. Г. С. Голицына, главнонач. на Кавказѣ)	330
63. Блудные сыны нашего времени. (Въ нед. о блудн. сынѣ, въ Тифл. Сіонск. соборѣ)	339
64. Вѣчность. (Въ нед. 2-я Вел. поста, въ Водбійскомъ мон.)	345
65. Права и обязанности. (Въ нед. 5-я въ м. Боржомѣ, Тифл. губ.)	348
66. Вѣчное торжество правды. (На Пасху 28 марта)	353
67. Свидѣтельство о Христѣ. (Въ день Вознесенія и Рожд. Государя Императора, 6 мая, въ Водб. мон.)	356
68. Царь, Россія и война. (Въ день коронаванія Ихъ Импер. Величествъ 14 мая, въ Тифл. военн. соборѣ)	360

69. Радость храмозданія. (При освящ. церкви въ с. Ольгинскомъ, Тифл. губ., 21 мая)	367
70. Единеніе въ церкви. (Въ нед. 4-ю въ Кук. Иоанно-Крестительской церкви Тифлиса)	372
71. Помощь больнымъ и раненымъ воинамъ. (Въ нед. 6-ю въ Ахалцыхъ, Тифл. губ., 27 іюня)	375
72. Уроки прошлаго. (По случаю посѣщенія экаархомъ Грузіи Ахалцыха, 2 іюля)	378
73. Царственный отшельникъ. (Предъ панихидой о Вел. Кн. Георгіи Александровичѣ въ Аббасъ-Тумавѣ 4 іюля)	382
74. Лицемеріе и бездѣльность политическихъ алодѣяній. (На паних. по мив. вл. дѣлѣ В. К. Плева въ Сіонск. соборѣ 18 іюля)	387
75. Борьба христіанскаго общества съ политическими преступленіями. (Въ день тезоим. Госуд. Имп. Маріи Θεодоровны, въ Сіонскомъ соборѣ 22 іюля)	392
76. Подвигъ и призваніе христіанскаго народа. (По поводу русско-японск. войны, въ день происход. чести. дровъ Креста Господня и муч. Макавейскихъ—1 авг. въ м. Боржомѣ)	399
77. Молитва. (Въ праздн. Преображенія, предъ молебств. по случаю рожд. Насл. Цесаревича, въ м. Боржомѣ)	404
78. О безсмертіи. Памяти убіенныхъ на браня. (Въ день Успенія, въ м. Боржомѣ)	410
79. Правительство и общество. (По случаю воспом. объ избавленіи отъ опасности кн. Г. С. Голицына, въ Закавказ. О-вѣ воспом. русск. пересел.)	416
80. По поводу войны съ язычниками. (Въ день св. Іоанна Богослова, 26 сент., въ Тифл. Иоанно-Богосл. церкви)	420
81. Смерть души и воскресеніе. (Въ нед. 20-ю по Пятидесятницѣ)	424
82. Храмъ—училище любви и единенія. (Въ нед. 21-ю по Пятидес., 10 окт., при закладкѣ храма въ предмѣстьи г. Тифлиса—Нахаловкѣ)	427
83. Уроки чудесъ Христовыхъ. (Въ нед. 22-ю по Пятид., въ день 17 октября)	431
84. Царь-Праведникъ. (На панихидѣ по Императорѣ Александрѣ III 20 окт.)	436
85. Бодрая вѣра въ Россію. (Въ день рожд. Госуд. Императрицы Маріи Θεодоровны, 14 ноября, въ Тифл. военн. соборѣ)	440
86. Благодарность. (Въ нед. 29-ю по Пятидес., въ Гудаутской церкви, Сухумской епархіи, въ присут. учениковъ второкл. школы)	448
87. Миръ на землѣ. (На Рождество Христово)	452

1905 г.

88. Годы великихъ скорбей. (На полуночномъ молебствіи въ капутъ новаго (1906) года)	457
89. Облеченіе во Христа. (Въ праздн. св. Іоанна Предтечи 7 января, простому народу за всенощи. и литургіей)	462
90. Безпредѣльная преданность Богу. (При погребеніи игум. Нины, настоят. Самтаврскаго въ Мхетѣ мон., 3 января)	466
91. Вѣчной памяти воиновъ-мучениковъ, въ Портъ-Артурѣ убіенныхъ. (На панихидѣ 9 янв. въ Тифл. Сіонскомъ соб.)	472
92. Грозныя знаменія. (На панихидѣ по убіенномъ Великомъ Князѣ Сергіи Александровичѣ 5 февраля)	475

93. Благо въ смерти. (Предъ погребеніемъ епископа Горіаскаго Веніаміна 19 февр., въ Тифл. Сіонскомъ соб.)	477
94. Вѣрность Распятому. (Въ над. 3-ю поста въ ц. Ардонской дух. сем., Тер-ской обл.)	482
95. Предостереженіе отъ народной смуты. (Въ Великія четв. послѣ 12-ти евангелій, въ сельск. церквяхъ)	487
96. Объединеніе во дни опасности государственной. (Въ нед. Фомину 24 апрѣля казакамъ въ стая. Ново-Александр., Кубанск. обл.)	490
Пастырскій голосъ во дни революціи. (Листки для народа):	
97. I. Бога бойтеса.	497
98. II. Царя чтить.	502
99. III. Власти повинуйся.	506
100. IV. Не соблазняй и не соблазнься.	511
101. VI. Доброе слово рабочимъ людемъ и земледѣльцамъ.	516
102. VII. Опомнитесь, грабители! (По поводу погромовъ помѣщичьихъ имѣній).	520
103. VIII. Лицежѣріе.	525
104. IX. Слово воннамъ по поводу мобилизаціи.	528
105. X. Покайтеса.	531
106. Послѣсловіе ко II-му тому.	534

Полное собраніе сочиненій протоіерея Иоанна Восторгова

Том II

Репринтное издание

Художник Никитин Ю. Я.

Подписано к печати 02.03.95. Формат 60 x 90^{1/16}.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 34. Тираж 10000 экз.
Заказ 18.

Издательство "Царское Дѣло".

193144, Санкт-Петербург, ул. Моисеенко, 10.

Изд. лицензія ЛР № 063816 от 05.01.95 г.

АО "Санкт-Петербургская типографія № 6".
193144, Санкт-Петербург, ул. Моисеенко, 10.